
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА POLITICAL LINGUISTICS

2(116)'2026

Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГАОУ ВО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2026. – Вып. 2 (116). – 322 с. –
(Цена свободная).
ISSN 1999-2629

Знак информационной продукции 16+.

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Зарубежный опыт». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 81'27
ББК Ш100.621

Political Linguistics / editor-in-chief A.P. Chudinov ; Fed. St. Aut. HEI
П50 “Ural State Pedagogical University”. – Ekaterinburg, 2026. – Issue 2 (116). –
322 p. – (Free price).
ISSN 1999-2629

Information material certification category – 16+.

The journal is called upon to facilitate exchange of new information in the field of political linguistics, as well as in the sphere of interaction between language, culture and society. It has five main sections – “Theory of Political Linguistics”, “Political Communication”, “Language – Policy – Culture”, “Forensic Linguistic Expertise: Language and the Law”, and “Foreign Experience”. The journal is addressed to philologists, politologists, sociologists and all those interested in the problems of political communication.

Министерство просвещения Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

2(116)'2026

Научный журнал

Учредитель: ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76161 от 8.07.2019
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайтах: journals.uspu.ru (сайт научных журналов Уральского государственного педагогического университета); <https://politlinguistika.ru/>
- Включен в Объединенный каталог «Пресса России». Подписку можно оформить в любом почтовом отделении России. Индекс 81955
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки, id = 28049
- Включен в международный каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования РФ

Екатеринбург 2026

Ministry of Education of the Russian Federation
Federal State Autonomous Higher Education Institution
“Ural State Pedagogical University”

POLITICAL LINGUISTICS

2(116)'2026

Scientific journal

Founder: FSA HEI “Ural State Pedagogical University”

- Registered by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration certificate ПИ № ФС 77-76161 of 8.07.2019.
- The materials published in the journal are regularly uploaded at the platform of the Russian Science Citation Index (РИНЦ), http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049
- Registered by the ISSN Center and provided the International Standard Serial Number ISSN 1999-2629 of 14.05.2008
- Included in the catalog of periodicals Ulrich's Periodicals Directory
- The materials of the journal are published on the sites: journals.uspu.ru (the site of scientific journals of the Ural State Pedagogical University); <https://politlingvistika.ru/>
- Since 2010 by the decision of the Presidium of VAK of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation the journal has been included in the list of the leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main results of research in candidate and doctoral dissertations should be published
- Included in the United Catalog «Russian Press», Index 81955

Ekaterinburg 2026

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *А. П. Чудинов*, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Заместители главного редактора

Э. В. Будаев Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
Н. Б. Руженцева Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Члены редакционной коллегии:

Ю. В. Богоявленская Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
Р. Гусман Тирадо Университет Гранады, Гранада, Испания
Е. В. Дзюба Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
С. В. Иванова Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
И. Иньиго-Мора Севильский университет, Испания
В. И. Карасик Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Москва, Россия
Н. Н. Кошкарлова Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия
С. Л. Кушнерук Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
Лю Хун Даляньский университет иностранных языков, Далянь, Китай
В. А. Маслова Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь
Е. А. Нахимова Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
П. Серио Лозаннский университет, Швейцария
О. А. Солопова Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия
З. К. Темиргазина Павлодарский государственный педагогический университет, Павлодар, Казахстан
Л. Цонева Велико-Тырновский государственный университет Св. Кирилла и Мефодия, Болгария
Ян Кэ Гуандунский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай

Технический редактор: *Д. О. Морозов*

Заведующий отделом перевода: *С. М. Поляков*

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: A. P. Chudinov, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Deputy Editors-in-Chief

E. V. Budaev Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

N. B. Ruzhentseva Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Editorial Board:

Y. V. Bogoyavlenskaya Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

R. Guzman Tirado University of Granada, Spain

E. V. Dzyuba Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia

S. V. Ivanova Saint Petersburg University, St. Petersburg, Russia

I. Ñigo-Mora University of Seville, Spain

V. I. Karasik Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

N. N. Koshkarova South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia

S. L. Kushneruk Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

Liu Hong Dalian University of Foreign Studies, Dalian, China

V. A. Maslova Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus

E. A. Nakhimova Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

P. Seriot University of Lausanne, Switzerland

O. A. Solopova South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Z. K. Temirgazina Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar, Kazakhstan

L. Tsoneva St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo, Bulgaria

Yang Ke Guangdong University of Foreign Studies, China

Technical editor: D. O. Morozov

Head of Translations Department: S. M. Polyakov

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика»	12

РАЗДЕЛ 1. СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Материалы XVI Международной научной конференции

Отчет о проведении XVI Международной научной конференции «Современная политическая коммуникация»	14

Дзюба Е. В. Кузякин А. Г.	Концептуализация БОЛЬШОЙ СТРАТЕГИИ в современном русскоязычном политическом дискурсе	18
Земцов В. Н.	Страсти по «французской» Березине: к истории одной дуэли	26
Калантарян Г. А. Курбанов И. А. Нахимов Е. А.	Метафорическое моделирование образа премьер-министра Республики Армении Никола Пашиняна в русскоязычных, армяноязычных и англоязычных СМИ: диахронический аспект	35
Коростелева Л. В.	Хронотоп «осажденной крепости» в современном российском политическом дискурсе	45
Люй Б.	Метафоры болезни как средство формирования образа США в китайских СМИ	52
Михайлова Ю. Н.	Деривационный потенциал антропонимов в современном политическом дискурсе	60
Радаева В. А.	Метонимическая номинация субъекта в репрезентации концепта «российская угроза» в западном медиадискурсе	66
Сибиряков И. В.	Проблемы межкультурного диалога в новом информационном пространстве: опыт БРИКС	73
Солопова О. А. Кошкарлова Н. Н.	БРИКС как механизм сотрудничества: метафорический образ объединения в медиадискурсе	80
Сунь Т.	Метафора как способ воплощения стереотипных представлений о терпении в русской и китайской лингвокультурах	86

РАЗДЕЛ 2. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Бубнова И. А.	Архитектура аффекта: лингвистические механизмы моделирования настроения в политическом дискурсе	93
Зюбина И. А.	Парламентский дискурс Великобритании с позиции кооперационного доминирования	99
Куликова Э. Г. Доброхвалов Э. О.	Языковые проекции современной политической ситуации: практика использования англицизмов	108

РАЗДЕЛ 3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Алёшина Е. Ю. Афанасьев И. С.	Англосаксонский эксепционализм как ключевая идея американского военно-политического дискурса	115
Ван С. Кошелева Е. Ю.	Исследование языковых выражений с китайской спецификой в сборниках «Си Цзиньпин о государственном управлении»	124
Гейн Е. А.	Прецедентные ойконимы как метафоры в военном нарративе англоязычных и русскоязычных СМИ	132

Горжая А. А.	Семантические приращения колоративов в текстах англоязычных политических памфлетов XVIII–XX вв.	140
Гусаров Д. А. Захарова М. Ю. Савченко Е. П.	Аксиологическая модель смысловой структуры текста: выборы мэра Нью-Йорка 2025 года на страницах немецких газет.....	152
Жуков Д. И.	Лексические маркеры позитивной легитимации партии «Новые люди» в региональном политическом медиадискурсе	162
Знак Ю. Э. Игнатъева И. Г.	Концепты ОБОРОНА и DEFENCE/DEFENSE через призму вторичной вербальной номинации.....	169
И В.	За пределами западных нарративов: репрезентация конфликтов Глобального Юга в китайских и западных СМИ (2019–2024 гг.)	185
Игнатъева В. И.	Стратегии передачи эмоционально окрашенной лексики при переводе публичных выступлений российских политиков	192
Илюшкина М. Ю. Полевая Е. В.	Концептуальные метафоры российско-китайских отношений в политическом дискурсе Си Цзиньпина	201
Кузнецова В. Ю. Воробьев А. Е.	Метафорическое фреймирование реальности в медиатекстах	206
Мартыненко И. А.	Новая мемориальная топонимия Украины..... (на англ. яз.)	213
Насырова Г. Н. Погодина Т. Ю.	К вопросу о роли медицинских терминов в создании метафорического образа «бизнес/государство — это больной организм».....	222
Петунина А. Р. Билялова А. А.	Культурно маркированная лексика в политическом медиадискурсе КНР: к определению понятия и типологии	231
Русакова Ю. Е.	Лексико-семантические особенности репрезентации медиаобраза советского регионального руководителя в современном медиадискурсе (на материале омских СМИ 2020–2025 гг.).....	238
Рябова М. Ю. Каруковец Н. С.	Прагмасемантический функционал неологизмов англоязычной политической коммуникации	248
Ступина Е. С.	Категория диалогичности в риторических кодах политического дискурса.....	257
Шаймарданова А. Л.	Идиостилевая специфика поздравительной новогодней речи политиков. Аспектный анализ концепта «мудрость»	263

РАЗДЕЛ 4. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Брусницына Н. Д.	Ценностные установки российских молодежных блогов: интерпретация взаимосвязи концептов «работа» и «жизнь» в цифровую эпоху.....	273
Мамаев И. Д. Лаптева А. В.	Лингвистическая онтология аксиологем Российской Федерации.....	282
Ян Ч.	Специфика вербальной коммуникации носителей русского и китайского языков (академическая сфера)	292

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Лю Л. Чэн Х.	Анализ ошибок перевода общественных знаков в рамках туристического дискурса с позиций формирования имиджа Китая.....	298
Чэнь С.	Фрейм-анализ концепции Китая в дискурсе российских аналитических центров на тему «Поворота на Восток»	308
Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика»		319

CONTENTS

Editorial Principles of the Journal "Political Linguistics"	12

PART 1. MODERN POLITICAL COMMUNICATION

Report on the XVI International Scientific Conference "Modern Political Communication"	14
Dziuba E. V. Kuzyakin A. G.	Conceptualization of GRAND STRATEGY in Contemporary Russian-Language Political Discourse 18
Zemtsov V. N.	Passions over the "French" Berezina: The Story of a Duel 26
Kalantaryan G. A. Kurbanov I. A. Nakhimova E. A.	Metaphorical Modeling of the Image of the Armenian Prime Minister Nikol Pashinyan in Russian-, Armenian- and English-Language Media: A Diachronic Aspect 35
Korosteleva L. V.	The Chronotope of BESIEGED FORTRESS in Contemporary Russian Political Discourse..... 45
Lyu Bingxu	Metaphors of Disease as a Tool for Shaping the Image of the USA in Chinese Media 52
Mikhaylova J. N.	Derivational Potential of Anthroponyms in Modern Political Discourse 60
Radaeva V. A.	Metonymic Nomination of the Subject in the Representation of the Concept of the "Russian Threat" in Western Media Discourse 66
Sibiryakov I. V.	Intercultural Dialogue Problems in the New Information Space: The BRICS Experience..... 73
Solopova O. A. Koshkarova N. N.	BRICS as a Mechanism of Cooperation: The Metaphorical Image of the Grouping in Media Discourse..... 80
Sun Tianci	Metaphor as a Means of Manifestation of Stereotypical Ideas about Patience in Russian and Chinese Linguocultures 86

PART 2. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Bubnova I. A.	Architecture of Affect: Linguistic Mechanisms of Mood Modeling in Political Discourse 93
Zyubina I. A.	Parliamentary Discourse in Great Britain from the Perspective of Cooperative Dominance..... 99
Kulikova E. G. Dobrokhvalov E. O.	Linguistic Projections of the Modern Political Situation: The Practice of Using Anglicisms 108

PART 3. POLITICAL COMMUNICATION

Alyoshina E. Yu. Afanas'ev I. S.	Anglo-Saxon Exceptionalism as a Key Idea of the American Military-Political Discourse 115
Wang Xiaohuan Kosheleva E. Yu	A Study of the Linguistic Expressions with Chinese Characteristics in the Collections "Xi Jinping: The Governance of China" 124
Gein E. A.	Precedent Oikonyms as Metaphors in the Military Narrative of English- and Russian-Language Mass Media 132

Gorzhaya A. A.	Semantic Increment of Color Terms in the Texts of English-Language Political Pamphlets of the 18 th – 20 th Centuries	140
Gusarov D. A. Zakharova M. Yu. Savchenko E. P.	An Axiological Model of the Semantic Structure of a Text: New York Mayoral Election 2025 in German Newspapers	152
Zhukov D. I.	Lexical Markers of Positive Legitimacy of the “New People” Party in Regional Political Media Discourse.....	162
Znak Yu. E. Ignat’eva I. G.	The Concepts OBORONA and DEFENCE/DEFENSE through the Lens of Secondary Verbal Nomination	169
Yi Wenqing	Beyond Western Narratives: Representation of the Global South Conflicts in Chinese and Western Media of 2019-2024	185
Ignat’eva V. I.	The Strategies of Translation of Emotionally Charged Vocabulary in Public Speeches of Russian Politicians.....	192
Ilyushkina M. Yu. Polevaya E. B.	Conceptual Metaphors of Russian-Chinese Relations in Xi Jinping’s Political Discourse	201
Kuznetsova V. Yu. Vorob’ev A. E.	Metaphorical Framing of Reality in Media Texts.....	206
Martynenko I. A.	New Memorial Toponymy of Ukraine..... (<i>In English</i>)	213
Nasyrova G. N. Pogodina T. Yu.	On the Role of Medical Terms in Creating the Metaphorical Image of “BUSINESS/STATE is a SICK ORGANISM”	222
Petunina A. R. Bilyalova A. A.	Culturally Marked Vocabulary in the Political Media Discourse of China: Towards a Definition and Typology	231
Rusakova Yu. E.	Lexico-Semantic Features of Representation of the Media Image of a Soviet Regional Leader in Modern Media Discourse (Based on Omsk Media of 2020 – 2025)	238
Ryabova M. Yu. Karukovet N. S.	Pragmasemantic Potential of English Political Neologisms.....	248
Stupina E. S.	The Category of Dialogicality in the Rhetorical Codes of Political Discourse	257
Shaymardanova A. L.	Individual Stylistic Specificity of New Year Speeches of Different Politicians: Aspect Analysis of the Concept of “WISDOM”	263

PART 4. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Brusnitsyna N. D.	Value Orientations of Russian Youth Blogs: Interpretation of Interrelationship between the Concepts of “Work” and “Life” in the Digital Age.....	273
Mamaev I. D. Lapteva A. V.	Linguistic Ontology of Axiologemes of the Russian Federation.....	282
Yang Chunpeng	Specificity of Verbal Communication of Native Speakers of Russian and Chinese in Academic Contexts.....	292

PART 5. FOREIGN EXPERIENCE

Liu Lifan Cheng Haidong	Analysis of Translation Errors of Public Signs within the Framework of Tourism Discourse from the Perspective of Shaping China's Image.....	298
Chen Siqi	Frame Analysis of the Chinese Concept in the Discourse of Russian Think Tanks on the topic of "Pivot to the East"	308
Manuscripts Requirements		319

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, мы решили сформулировать основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, поможет наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: *Кодекс этики научных публикаций* (<http://publicet.org/code/>), *Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors* (<http://publicationethics.org/resources/code-conduct>) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на официальном сайте научного журнала <https://politlinguistika.ru>, в Научной электронной библиотеке *E-library*, а также на сайте *cognitiv.narod.ru*, где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Зарубежный опыт», предназначенный для публикации как современных исследований зарубежных коллег в области политической лингвистики, так и впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Зарубежный опыт»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, подобранного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны. Осуществляется двойное «слепое» рецензирование присланных материалов, при котором рецензенты не знают автора статьи.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

Принципы автора журнала «Политическая лингвистика»

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований. Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале. Подобные «исследования» мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а потому ответственность за подбор и точность цитат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Контакты.

Почтовый адрес: 620091, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного (каб. 285).

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.

Интернет-сайт: <https://politlinguistika.ru/>

***С уважением
и надеждой на сотрудничество:***

д-р филол. наук, проф.
Анатолий Прокопьевич Чудинов,
д-р филол. наук, доцент
Эдуард Владимирович Будаев,
канд. филол. наук
Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Материалы XVI Международной научной конференции

Отчет о проведении XVI Международной научной конференции «СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ»

3–4 апреля 2026 года в Уральском государственном педагогическом университете состоялась Шестнадцатая Международная научная конференция «Современная политическая коммуникация». Конференция прошла в смешанном формате: очно и дистанционно (на платформе «Яндекс.телемост»).

Цель XVI Международной научной конференции «Современная политическая коммуникация» заключалась в обсуждении актуальных вопросов, связанных с политической коммуникацией, межкультурным диалогом, языковой политикой и кросс-культурными исследованиями. Конференция направлена на создание платформы для научного обмена мнениями, исследования глобальных вызовов и формирования новых подходов к изучению современной политической коммуникации. Основное внимание уделялось следующим аспектам: 1) Европа — Россия — Азия — языковой и межкультурный диалог; 2) социально-политические проекты в России и за рубежом; 3) Язык. Политика. Культура (кросс-культурные исследования); 4) межкультурная коммуникация и информационно-коммуникативные образовательные технологии в изучении языков и культур; 5) языковая политика и язык в политике (лингвополитические исследования); 6) русский язык и его социально-политический статус в эпоху мультикультурализма.

В конференции приняли участие более 76 исследователей — преподаватели, докторанты, аспиранты, студенты и учащиеся школ Екатеринбурга, Санкт-Петербурга, Москвы, Челябинска, Сургута, Нижневартовска, Симферополя, Ростова-на-Дону. Докладчиками и гостями конференции стали также специалисты из Кыргызстана (Киргизии), Пакистана, Китая и Узбекистана.

С приветственным словом к участникам конференции обратились *Ирина Александровна Семухина*, канд. филол. наук, доц., директор ИФМК (Института филологии и межкультурной коммуникации) УрГПУ, *Елена Михайловна Колесова*, директор Центра международного сотрудничества УрГПУ, *Ахмад Фархан Саид*, доцент, представитель Центра региональных исследований (Россия, Китай и Центральная Азия) Пешаварского университета Исламской Республики Пакистан, и *Азиза Мирзаабдуллаевна Мирзаназарова*, старший преподаватель кафедры узбек-

ской и русской филологии Наманганского государственного института иностранных языков им. Исхокхона Ибрата Республики Узбекистан.

Пленарное заседание открыл д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного (МКРиРКИ) УрГПУ *Анатолий Прокопьевич Чудинов*.

На **пленарном заседании** прозвучали доклады д-ра филол. наук, профессора кафедры МКРиРКИ ИФМК *Эдуарда Владимировича Будаева* на тему «Метафоры из сферы-источника „Властелин колец“ как средство концептуализации России в украинских телеграм-каналах» и д-ров филол. наук, профессоров кафедры общего языкознания и русского языка ИФМК *Татьяны Александровны Гридиной* и *Надежды Ильиничны Коноваловой* на тему «Стереотипы восприятия „своего“ и „чужого“ в жанре политприкола». *Ольга Александровна Солопова* и *Наталья Николаевна Кошкарлова*, д-ра филол. наук, профессора Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск), представили доклад «БРИКС как механизм сотрудничества: метафорический образ объединения в медиадискурсе». Д-р филол. наук, профессор кафедры МКРиРКИ УрГПУ *Наталья Борисовна Руженцева* рассказала о динамике жанра политического портрета в современных российских СМИ. Профессором кафедры иностранных языков Гуманитарно-прикладного института, д-ром филол. наук Национального исследовательского университета «МЭИ» *Ириной Александровной Бубновой* был представлен доклад на тему «Архитектура аффекта: лингвистические механизмы моделирования настроения в дискурсах Трампа и Третьего рейха». Д-р филол. наук, проф. *Елена Вячеславовна Дзюба* и канд. полит. наук, доц. *Александр Григорьевич Кузякин*, сотрудники Высшей школы международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, осветили тему концептуализации «большой стратегии» в современном политическом дискурсе России.

Работа конференции продолжилась 3 апреля 2026 г. в трех секциях.

В центре внимания участников заседания **секции I** оказались проблемы метафо-

ризации общественно-политической ситуации в СМИ США, Китая, России и Армении. Этой теме посвящали доклады *Екатерина Андреевна Гейн*, ст. преподаватель кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка Института иностранных языков УрГПУ, *Люд Бинской*, аспирант УрГПУ, *Сунь Тяньцы*, канд. филол. наук, (г. Чжучэн, провинция Шаньдун, КНР), *Валерия Анатольевна Радаева*, ассистент УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, и *Григор Арамович Калантарян*, преподаватель кафедры лингвистики и переводоведения Института гуманитарного образования и спорта Сургутского государственного университета. Моделям языковой политики и специфике вербальной коммуникации в академической сфере посвящали доклады *Мария Вячеславовна Плотникова*, доцент, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, и *Ян Чуньлэн*, аспирант УрГПУ. На секции был представлен также стендовый доклад *А. И. Савенко*, аспиранта Сургутского государственного университета, и *Елены Анатольевны Нахимовой*, профессора, д-ра филол. наук, профессора кафедры МКРиРКИ УрГПУ.

Тематика докладов **секции II** объединялась межкультурными вопросами и экскурсом в историческое прошлое. Проблема восприятия событий Отечественной войны 1812 г. в переписке Ф. П. Сегюра с генералом Г. Лорансе была рассмотрена профессором кафедры всеобщей истории и методики преподавания исторических дисциплин УрГПУ Владимиром Николаевичем Земцовым. Профессор ЮУрГУ *Игорь Вячеславович Сибиряков* посвятил свой доклад проблемам межкультурного диалога в новом информационном пространстве, описав опыт БРИКС. Д-р филол. наук, проф. СПбПУ *Елена Вячеславовна Дзюба* представила доклад на тему «Метафорическое представление идеи евразийства в неинституциональном дискурсе». Канд. филол. наук, доцент Нижневартковского государственного университета *Лариса Владимировна Коростелева* прочитала доклад на тему «Хронотоп „осажденной крепости“ в современном российском политическом дискурсе». Старший преподаватель Ошского государственного педагогического университета *Мусабек Маматович Сатыбалдиев* отметил в докладе роль и значение Ярослава Мудрого в развитии просвещения на Руси. *Дун Цзе*, аспирант УрГПУ, представила сообщение на тему «Ассоциативные доминанты в русском и китайском эргонимиконе сферы „Образование“», а *Светлана Александровна Ерёми-*

на, канд. филол. наук, доцент кафедры МКРиРКИ УрГПУ, рассказала о проекте учебника РКИ для студентов пакистанских вузов, изучающих русский язык. Были представлены также стендовые доклады *Наталии Анатольевны Юшковой*, доцента кафедры русского, иностранных языков и культуры речи УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева, и *Даниила Игоревича Жукова*, ассистента УрФУ. Выступления участников секции продемонстрировали несомненную актуальность, теоретическую и методическую значимость поднимаемых вопросов, творческое пересечение исследовательских подходов, общность научных интересов и позиций при широкой межрегиональной и международной палитре докладов, что отразилось в активной заинтересованной научной дискуссии.

На **секции III** обсуждались проблемы методики преподавания межкультурной коммуникации и русского языка как иностранного в средней школе. Диапазон вопросов, обсуждаемых во время научной дискуссии, отличался многообразием. Все участники дискуссии сошлись во мнении, что решение вопросов методики преподавания русского языка как иностранного в классах с полиэтническим составом является проблемой, требующей разработки новых подходов в контексте непрерывного сотрудничества школы и вуза. Опыт преподавания студентам театрального института из МНР был рассмотрен в докладе канд. филол. наук, доц. УрГПУ *Марины Львовны Гусельниковой*. Студенты ИФМК УрГПУ *Варвара Алексеевна Усова*, *Александра Евгеньевна Позднякова* и *Анастасия Сергеевна Ежова* представили материалы исследований с применением аудиовизуальных технологий. Проблемам включения материалов по персоналиям, разработки лингвострановедческих игр и работе с тематически ориентированной лексикой были посвящены доклады студентов ИФМК УрГПУ *Марии Сергеевны Коробицыной*, *Яны Ильдаровны Янбаевой*, *Виктории Алексеевны Лебедкиной* и *Аксиньи Павловны Кудринской*.

4 апреля 2026 г. конференция продолжила работу на дискуссионной площадке.

Круглый стол № 1. «Продвижение русского языка в поликультурном образовательном пространстве». В ходе дискуссии обсуждались проблемы методики преподавания межкультурной коммуникации и русского языка как иностранного в средней школе и вузе. Доклад канд. пед. наук, доцента кафедры филологического образования ГАОУ ДПО Свердловской области «Институт развития образования» *Наталии Леонидовны Смирновой* был посвящен мегатексто-

вому принципу в обучении русскому языку как иностранному. Различным аспектам в преподавании русского языка в поликультурной среде были посвящены доклады студентов ИФиМК УрГПУ *Валерии Денисовны Маликовой* и *Элины Венеровны Галихановой*. *Диана Максимовна Бородин* и *Дарина Евгеньевна Свиридова* представили доклады, манифестирующие важность формирования коммуникативной компетенции в ходе преподавания английского языка в школе. Студенты ИФиМК УрГПУ *Елизавета Сергеевна Мошкова*, *Ирина Сергеевна Ковалева*, *Алиса Константиновна Новикова* и *Марина Денисовна Остапенко* рассказали о различных проблемах работы с текстом на уроках РКИ. Участники круглого стола говорили о внедрении в преподавание языка новых, экспериментальных форм и подчеркнули важность вариативности сотрудничества школы и вуза на разных уровнях.

Круглый стол № 2. «Европа — Россия — Азия — языковой и межкультурный диалог». Главным проблемно-тематическим вектором выступлений в рамках круглого стола были актуальные вопросы политической лингвистики, межкультурной коммуникации и языкового образования. Сообщения касались и сопоставительных исследований. Секцию открыл доклад *Юлии Николаевны Михайловой*, канд. филол. наук, доцента, зав. кафедрой русского языка для иностранных учащихся УрГИ департамента «Филологический факультет» УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, посвященный описанию деривационного потенциала антропонимов в современном политическом дискурсе. Дискуссию продолжили сообщения *Хуэй Ланьсинь*, аспиранта Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону), на тему «Кросс-культурные особенности новой лексики в русском и китайском медиадискурсе и ее репрезентация в электронных словарях» и *Анны Лаврентьевны Шаймардановой*, преподавателя УрГУПС, на тему «Аспектный анализ концепта „мудрость“ в новогоднем обращении В. В. Путина и рождественской речи Д. Трампа». *Азиза Мирзаабдуллаевна Мирзаназарова*, старший преподаватель Наманганского государственного института иностранных языков им. Исоххона Ибрата, магистранты и студенты *Кодирова Назокат Рустамжон кизи*, *Исакова Шахноза Мирзамахмуд кизи*, *Хамидова Мунаввар Хайрулло кизи*, *Хабибуллаева Камила Ойбек*, *Исроилова Зульфия Исмоилжон кизи* и *Косимова Рухшона Гайратжон кизи* рассказали об особенностях узбекско-русского билингвизма, формировании связной речи и развития языко-

вой личности при обучении русскому языку в узбекской школе. Дискуссия была продолжена сообщениями российских и китайских исследователей. *Чжан Чанвэй*, аспирант УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, рассказала о влиянии опыта изучения английского языка на понимание китайцами русской грамматики. *Надежда Васильевна Багичева*, доцент, канд. филол. наук, заместитель директора ИПиПД, и *Василина Вадимовна Савиновских*, ст. преподаватель кафедры МКРиРКИ УрГПУ, в своем выступлении поделились практическими разработками, направленными на формирование читательской грамотности при изучении русского и иностранного языков. Итогом беседы стали выводы о благотворном влиянии многоязычия на формирование концептуальной картины мира у языковой личности, владеющей несколькими языками.

Круглый стол № 3. «Формирование языковой личности в мультикультурной образовательной среде в России и за рубежом». Дискуссия была посвящена выявлению особенностей национального восприятия и языковой картины мира. Работа секции началась с динамичного доклада доктора культурологии, профессора кафедры МКРиРКИ УрГПУ *Натальи Алексеевны Завьяловой*, которая в ходе своего микроисследования описала образовательные нарративы как мягкую силу Китая в пространстве геополитики. Тему «мягкой силы Китая» продолжили китайские аспиранты. *Ли Чжаохуэй*, аспирантом УрГПУ, был представлен доклад на тему «Китайские волшебные сказки как инструмент мягкой силы и международной политики в современном мире». В сообщении *Лю Сянь*, аспиранта УрГПУ, прозвучала тема патриотизма и любви к Родине как стратегии устойчивого развития КНР в современном геополитическом пространстве. Исследование *Му Тяньсуй*, аспиранта УрГПУ, было посвящено музыкальному оформлению китайских народных сказок, народным нарративам как эффективной платформе для межкультурной коммуникации больших и малых народностей КНР. В докладе *Сан Мэнъяо*, аспиранта УрГПУ, внимание было уделено развитию чувства звуковой гармонии через музыкальные, устные и письменные нарративы как системе формирования личности в современном глобальном мире. Особую роль народных нарративов в китайской народной и патриотической музыке, а также опере как стратегии продвижения КНР в международном пространстве отметили аспиранты УрГПУ *Тянь Юнь*, *Чжань Синъюй* и *Шань Чжунвей*. Актуальные проблемы педагогики и

перспективы преподавания риторики в изучении русского языка в Кыргызстане (Киргизии) стали предметом сообщений *Мусабека Маматовича Сатыбалдиева*, ст. преподавателя кафедры «История мировых языков» Ошского государственного педагогического университета, и *Эльвиры Турдубековны Турдубековой*, преподавателя Ошского государственного университета. Доцент кафедры МК, риторики и РКИ УрГПУ *Светлана Александровна Еремина* посвятила свой доклад характеристике вторичной языковой личности преподавателя-иностранца Ричарда Андерсена. Под руководством Н. А. Завьяловой *Дарья Владимировна Архипова* и *Ярослав Андреевич Сурис*, ученики 10 класса МАОУ «Гимназии № 144», представили стендовые доклады, посвященные различным аспектам китайской лингвокультуры. *Виолетта Олеговна Аксенова*, журналист телерадиокомпании «Крым», и *Анна Николаевна Трошина*, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, представили стендовый доклад «Прецедентные кинематографические образы в рекламном дискурсе».

Участники конференции продемонстрировали высокую заинтересованность и нестандартный взгляд на решение проблем

РКИ. В ходе дискуссий были выявлены проблемы языкового барьера и индикаторы профессионализма работы педагогов в поликультурной среде России и в современном глобальном геополитическом пространстве.

Плодотворный академический диалог с коллегами из Китайской Народной республики, Кыргызской Республики, Республики Узбекистан и Исламской Республики Пакистан дает уверенность в дальнейшем перспективном сотрудничестве.

УрГПУ выражает благодарность:

– **Турсуну Тажибаевичу Субанову**, канд. эконом. наук, доценту, директору Департамента международных связей и инвестиций Ошского государственного педагогического университета (г. Ош, Кыргызстан);

– **Азизе Мирзаабдуллаевне Мирзаназаровой**, старшему преподавателю кафедры узбекской и русской филологии Наманганского государственного института иностранных языков им. Исхокхона Ибрата (г. Наманган, Республика Узбекистан);

– **Ахмаду Фархану Саиду**, доценту, представителю **Центра региональных исследований** (Россия, Китай и Центральная Азия) **Пешаварского университета** Исламской Республики Пакистан (Пешавар, Исламская Республика Пакистан) — **за организацию значимого события.**

Политическая лингвистика. 2026. № 2 (116).
Political Linguistics. 2026. No 2 (116).

УДК 81'27+811.161.1'42+81'373.613
ББК ШП41.12-51+ШП00.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.55

Код ВАК 5.9.8; 5.9.9

Елена Вячеславовна Дзюба^{1✉}, Александр Григорьевич Кузякин^{2✉}

^{1,2} Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

¹ dzyuba_ev@spbstu.ru[✉], SPIN-код: 6106-5500, <https://orcid.org/0000-0002-3833-516X>

² kuzyakin_ag@spbstu.ru[✉], SPIN-код: 5737-7744, <https://orcid.org/0009-0006-2161-7028>

Концептуализация **БОЛЬШОЙ СТРАТЕГИИ** в современном русскоязычном политическом дискурсе

АННОТАЦИЯ. В статье методом корпусного, лексикографического, лексико-семантического и дискурсивного анализа прослеживается процесс заимствования выражения «большая стратегия» из английского в русскоязычный политический и дипломатический дискурс. Отмечается существенное расширение сфер употребления единицы «стратегия» и изменение ее семантики до обобщающей, консолидирующей военную, политическую, экономическую, социокультурную, гуманитарную составляющие существования государства и общества. Выявляются различия между единицей советского дискурса «военно-политическая стратегия» и современной — «большая стратегия», формулируются причины и этапы заимствования англицизма в его переводной форме (*Grand Strategy* — Большая стратегия — большая стратегия). Подчеркивается, что в политическом и дипломатическом дискурсе прилагательное «большой» приобретает дискурсивно обусловленное и не зафиксированное в словарях значение: «стратегически и геополитически значимый в глобальном контексте» (ср.: Большая игра, Большая стратегия, Большая тройка, Большая семерка, Большая двадцатка, Большое евразийское партнерство, Большая Евразия, Большая Центральная Азия и т. п.). Формулируется вывод: актуализация стратегий разных сфер связывается с появлением особой концептуально значимой для современного политического и дипломатического дискурса единицы — метаконцепта **БОЛЬШАЯ СТРАТЕГИЯ** (*Grand Strategy*), сущность которой заключается в отчетливо спланированной консолидации и мобилизации всех ресурсов для достижения политическим актором главной цели — позиционирования в мировом сообществе, формирования центров политической и экономической силы в реализации концепции многополярности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая лингвистика, политический дискурс, политические тексты, русский язык, английский язык, англицизмы, лексические заимствования, этапы заимствований, заимствованная лексика, заимствование слов, заимствованные слова, семантические изменения, семантические процессы, «большая стратегия».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Дзюба Елена Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор Высшей школы международных отношений, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия, email: dzyuba_ev@spbstu.ru.

Кузякин Александр Григорьевич, кандидат политических наук, доцент Высшей школы международных отношений, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия, email: kuzyakin_ag@spbstu.ru.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-28-01062 «Стратегии продвижения национальных интересов России через трансформирующиеся институты многосторонней дипломатии: лингвополитологический аспект», <https://rscf.ru/project/25-28-01062/>.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Дзюба, Е. В. Концептуализация **БОЛЬШОЙ СТРАТЕГИИ** в современном русскоязычном политическом дискурсе / Е. В. Дзюба, А. Г. Кузякин. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 18–25.

Elena V. Dziuba^{1✉}, Aleksandr G. Kuzyakin^{2✉}

^{1,2} Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia

¹ dzyuba_ev@spbstu.ru[✉], SPIN code: 6106-5500, <https://orcid.org/0000-0002-3833-516X>

² kuzyakin_ag@spbstu.ru[✉], SPIN code: 5737-7744, <https://orcid.org/0009-0006-2161-7028>

Conceptualization of **GRAND STRATEGY** in Contemporary Russian-Language Political Discourse

ABSTRACT. The article traces the process of borrowing the expression “grand strategy” from English into Russian political and diplomatic discourse by applying corpus-based, lexicographic, lexico-semantic, and discourse analysis methods. It reports a significant expansion of the spheres of usage of the unit “strategy” and a transformation of its semantics towards a generalized, integrative notion encompassing military, political, economic, socio-cultural, and humanitarian constituents of the existence of the state and society. The article highlights differences between the Soviet discourse unit “military-political strategy” and the contemporary unit “grand strategy” and formulates the purposes and stages of borrowing this Anglicism in its calqued form (*Grand Strategy* → *Bol'shaya strategiya* → *bol'shaya strategiya*). It is emphasized that in

political and diplomatic discourse, the adjective “*bol'shoy*” (big) acquires a discourse-conditioned meaning not recorded in dictionaries, namely ‘strategically and geopolitically significant in a global context’ (cf.: *Bol'shaya igra* (Great Game), *Bol'shaya strategiya* (Grand Strategy), *Bol'shaya troika* (Big Three), *Bol'shaya semerka* (G7), *Bol'shaya dvadtsatka* (G20), *Bol'shoe evraziyskoe partnerstvo* (Greater Eurasian Partnership), *Bol'shaya Evraziya* (Greater Eurasia), *Bol'shaya Tsentral'naya Aziya* (Greater Central Asia), etc.). The article concludes that the increasing salience of strategies across multiple domains is associated with the emergence of a conceptually significant unit in contemporary political and diplomatic discourse — the metaconcept *BOL'SHAYA STRATEGIYA* / *GRAND STRATEGY*. Its essence lies in the deliberate consolidation and mobilization of all resources to achieve a political actor's primary goal: the positioning within the international community and the formation of centers of political and economic power in the context of implementing the concept of multipolarity.

KEYWORDS: political linguistics, political discourse, political texts, Russian language, English language, anglicisms, lexical borrowings, stages of borrowing, borrowed vocabulary, word borrowing, borrowed words, semantic change, semantic processes, “grand strategy”.

AUTHOR'S INFORMATION: Dziuba Elena Vyacheslavovna, Doctor of Philology, Professor of Higher School of International Relations, Humanitarian Institute, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia.

Kuzyakin Aleksandr Grigor'evich, Candidate of Political Science, Associate Professor of Higher School of International Relations, Humanitarian Institute, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia.

ACKNOWLEDGMENTS. The research was carried out with financial support of the Russian Science Foundation, project № 25-28-01062 “Strategies for Promoting National Interests of Russia through the Transforming Institutions of Multilateral Diplomacy: A Linguo-Political Aspect”, <https://rscf.ru/project/25-28-01062/>.

FOR CITATION: Dziuba E. V., Kuzyakin A. G. (2026). Conceptualization of *GRAND STRATEGY* in Contemporary Russian-Language Political Discourse. In *Political Linguistics*. No 2 (116), pp. 18-25. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

В современной геополитической ситуации, в условиях трансформации современной системы международных отношений и усиления конкуренции между государствами за политическое, экономическое и символическое влияние, значение стратегического планирования на макроуровне все более возрастает. В научном, экспертном, политическом и дипломатическом дискурсе все активнее используется понятие *большой стратегии*, заимствованное из англоязычной традиции (*Grand Strategy*). Появление этого сочетания в русскоязычном пространстве свидетельствует не только о процессе заимствования еще одной языковой единицы (здесь: из английского языка), но также о более глубоком и значимом феномене — процессе концептуальной трансформации, связанном с изменением представлений о характере и инструментах достижения национальных интересов.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью осмысления механизмов и последствий такого — лингво-концептуального — заимствования, сопровождающегося семантическими и дискурсивными сдвигами. Несмотря на устойчивое употребление сочетания *большая стратегия* в современных русскоязычных научных и экспертно-аналитических текстах, его статус, содержание и взаимосвязь с ранее существовавшими в отечественной традиции терминами-понятиями (например: *военно-политическая стратегия*) остаются недостаточно описанными в когнитивном, социолингвистическом и аксиологическом аспектах.

Проблема исследования заключается в выявлении некоторых закономерностей заимствований, которые осуществляются не только на уровне языка (путем калькирования, как в данном случае, англоязычного выражения *grand strategy*), но и на уровне адаптации самого понятия (концептуального содержания выражения) к особенностям русскоязычного политического и дипломатического дискурса. При переходе единицы из одного языка в другой происходят семантические изменения объема слова *стратегия* и специфическая трансформация семантики русского прилагательного *большой*, которое в составе рассматриваемой единицы приобретает дискурсивно обусловленное значение, выходящее за пределы его словарной фиксации.

Цель исследования — выявить лексико-семантические и дискурсивные особенности процесса заимствования выражения *большая стратегия* из англоязычного в современный русскоязычный политический и дипломатический дискурс. Достижение поставленной цели обусловлено решением следующих задач: определить содержание концепта *grand strategy* в англоязычной научной традиции; охарактеризовать особенности функционирования единицы *военно-политическая стратегия* в советском и раннем постсоветском дискурсе; выявить основные этапы и механизмы заимствования ключевого слова-концепта; установить специфику семантических и дискурсивных трансформаций входящих в выражение слова (*стратегия*, *большой*) в современном русскоязычном политическом и дипломатическом дис-

курсе; обосновать статус единицы *большая стратегия* как метаконцепта современного дискурса.

Материалом исследования послужили тексты политического, дипломатического и научно-аналитического дискурса на русском и английском языках, данные национальных языковых корпусов и современных медиа, некоторые официальные документы. В работе используются методы корпусного анализа, лексикографического описания, лексико-семантического и дискурсивного анализа, что позволяет комплексно рассмотреть изучаемое явление.

Научная новизна работы заключается в рассмотрении лексического заимствования, в данном случае — выражения *большая стратегия*, не как изолированного языкового явления, но как индикатора более глубоких — концептуальных — и широких — социополитических — изменений, связанных с формированием интегративного подхода к осмыслению стратегической деятельности государства. Впервые обосновывается трактовка *большой стратегии* как метаконцепта, объединяющего различные сферы общественной жизни и отражающего тенденцию к консолидации и мобилизации всех ресурсов в условиях формирования многополярного мирового порядка.

Теоретическая значимость работы состоит в развитии лингвополитологического подхода к изучению языковых заимствований, семантических и дискурсивных трансформаций заимствованных единиц; практическая — в возможности использования полученных результатов при анализе современного политического языка, а также в образовательной и экспертной деятельности политологов и специалистов в области международных отношений.

Заимствованная лексика активно изучается современными отечественными (А. И. Дьяков, Л. П. Крысин, Д. С. Лотте, Е. В. Маринова, Э. Н. Меркулова, О. Г. Щитова и мн. др.) и зарубежными исследователями (Дж. А. Вольгемут, Э. Зеннер и Г. Кристансен, Э. Хауген и т. д.). Специалистов интересуют как общие закономерности перехода языковых единиц из одного языка в другой, осуществляющегося под влиянием разных факторов (собственно лингвистических и экстралингвистических), так и частные вопросы: виды заимствований (фонетические, морфемные, лексические, семантические, синтаксические, а также комбинированные); способы заимствований (транскрибирование, транслитерация, словообразовательные и синтаксические кальки и полукальки, иноязычные вкрапления и др.) и т. д. В данном исследовании

речь идет о калькированном заимствовании сочетания *большая стратегия* из английского языка. Как отмечает Л. П. Крысин, «кальками в лингвистике принято называть слова и словосочетания, которые созданы путем копирования морфемной структуры или смысла иноязычного слова, словосочетания» [Крысин 2012: 53]. При этом исследователь отмечает, что морфемные кальки преобладали в XIX — начале XX вв. (так появились слова *сверхчеловек*, *себестоимость*, *скоросшиватель*, *работодатель*, *небоскрёб* и др. из немецкого и английского языков). «В русском языке наших дней, — пишет Л. П. Крысин, — преобладают кальки семантические (смысловые) и сочетаемостные, а главным их источником является английский язык (преимущественно в его американском варианте). При этом основными сферами появления калек являются сферы дипломатии, политики, спорта, моды и т. д., а распространяют их, внедряют в широкое употребление средства массовой информации» [Крысин 2012: 55–56]. Примером семантического и сочетаемостного заимствования из английского языка, которое обусловлено его функционированием в сфере международных отношений, является выражение *большая стратегия*.

КОНЦЕПТ *GRAND STRATEGY* В АНГЛОЯЗЫЧНОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Понятие *grand strategy* является одним из ключевых в англоязычной традиции изучения военной истории и теории, а также международных отношений. Оно выступает как интегративный концепт, описывающий целеполагание в делах государства, долгосрочное планирование, способы мобилизации разных ресурсов для достижения процветания и влияния на международной арене. Более узкое понимание стратегии связано исключительно с военно-политической сферой и изначально формировалось в рамках осмысления отдельных инструментов государственной деятельности.

Одним из первых теоретиков, подвергших системному осмыслению понятие *grand strategy*, является Г. Б. Лиделл Харт. В его трудах *grand strategy* трактуется как искусство политического актора в координации всех ресурсов нации: не только военных, но и невоенных (политических, дипломатических, экономических, моральных) — и их направлении на достижение приоритетных политических целей, ср.: «...the role of grand strategy — higher strategy — is to coordinate and direct all the resources of a nation, or band of nations, towards the attainment of the political object of the war — the goal defined by funda-

mental policy» [Liddell Hart 1967: 321–322]. Очевидно, что такое понимание большой стратегии принципиально расширяет традиционное понимание стратегии за счет экстраполяции взгляда на целеполагание за пределы только военного искусства.

Развитие этой теории осуществляется в трудах Э. Н. Люттвака, для которого *grand strategy* представляет собой синтез разных форм силы и влияния. В его интерпретации большой стратегии важным фактором достижения целей является не столько само наличие ресурсов, сколько способность государства к их эффективному сочетанию и адаптивному использованию в меняющихся внешнеполитических условиях. Э. Н. Люттвак в понимании стратегии акцентирует внимание на логике парадокса, в рамках которой успех может зависеть от непрямым и асимметричных действий [Luttwak 2001].

Особый взгляд на *grand strategy* имел Дж. Левис Гэддис, который в оценке эффективности большой стратегии исходил из взвешенного соотношения целей и средств, ср.: «Grand strategy is the calculated relationship between means and large ends» [Gaddis 2018: 21]. Иными словами, важна не столько мобилизация ресурсов, сколько их соразмерность поставленным целям. Такая трактовка вносит в структуру концепта аксиологические смыслы и придает ему нормативно-аналитическое измерение.

Историко-системный подход к осмыслению *grand strategy* предпринимает П. Кеннеди, который связывает успех (или неудачу) государств с их способностью поддерживать баланс между экономическими возможностями и стратегическими обязательствами. Его исследование демонстрирует, что нарушение этого баланса ведет к феномену «imperial overstretch» («перенапряжение империй»), чреватому последующим ослаблением и упадком [Kennedy 1987].

Важно отметить, что в современной англоязычной литературе концепт *grand strategy* приобретает еще более широкое значение, которое выходит далеко за пределы государственной политики и включает также вопросы идентичности, идеологии, дискурсивного конструирования внешнеполитических приоритетов. Он используется для описания как осознанных, формализованных (сформулированных и декларируемых) стратегий, так и неявных моделей поведения государств, проявляющихся в их долгосрочной политике. Х. Брэндс дает следующее определение *grand strategy*: «the intellectual architecture that gives form and structure to foreign policy», что акцентирует внимание на креативно-когнитивном и системно-структур-

ном аспектах стратегии, обеспечивающих целостность и эффективность внешнеполитического курса государства [Brands 2014]. В его интерпретации *grand strategy* выступает не только как набор практик, но и как система идей, задающих направление государственной деятельности. Б. Позен, казалось, возвращает концепту его первоначальное военно-стратегическое измерение, рассматривая *grand strategy* как основу национальной безопасности: «...a state's theory about how it can best "cause" security for itself» [Posen 1984: 13], но и он включает в это понятие не только военные, но и политические и экономические инструменты. К. С. Грэй рассматривает *grand strategy* как мобилизацию всех «активов» для обеспечения безопасности (ср.: «...the direction and use made of any or all of the assets of a security community» [Gray 2010: 18]. Подход К. С. Грэя особенно актуален для понимания *grand strategy* как устойчивой (инвариантной) аналитической категории, применимой к различным историческим и политическим контекстам.

Подводя итог сказанному, отметим, что в англоязычном научном дискурсе *grand strategy* предстает как комплексный мета-концепт, включающий следующие смысловые компоненты: 'интегративность' (объединение всех — военных и невоенных — ресурсов), 'долгосрочность', 'ориентация на большие цели', 'взвешенная соотнесенность целей и средств', 'структурно-системная организация', 'межотраслевой / «межсферный» характер', 'зависимость от внешнеполитического контекста'. Следует также отметить, что *grand strategy* в современном понимании может существовать как в явной (документированной), так и в неявной (имплицитной) форме, проявляясь в устойчивых моделях поведения государств. Это позволяет рассматривать ее не только как результат целенаправленного планирования, но и как продукт институциональной и культурной эволюции внешней политики. Вероятно, все эти характеристики предопределили возмозможность и специфику заимствования данного концепта в другие национальные языки и дискурсы, включая русскоязычный, где он подвергается дальнейшей семантической и функциональной трансформации.

КОНЦЕПТ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ В СОВЕТСКОМ И РАННЕМ ПОСТСОВЕТСКОМ ДИСКУРСЕ

В рамках советской идеологии понимание стратегии преимущественно ограничивалось военно-ориентированным содержанием. В. Г. Кикнадзе отмечает: «Понятию

„большая стратегия“ в отечественной военной науке соответствует термин „стратегия военно-политическая“» [Кикнадзе 2012: 33]. Под стратегией понимается «высшая область военного искусства, охватывающая теорию и практику подготовки вооруженных сил к войне, планирование и ведение войны и стратегических операций, использование видов вооруженных сил и руководство ими» [СВЭ]. При этом стратегия «непосредственно вытекает из политики государства и подчиняется ей» [Там же]. Из определения явствует тесная взаимосвязь военных и политических задач при явном доминировании военной составляющей.

Русский военный теоретик А. А. Свечин одним из первых в отечественной традиции предлагает системный подход к трактовке стратегии как феномена особого уровня. Он отмечает зависимость стратегических решений от совокупности факторов: экономических, политических, нравственных. А. А. Свечин подчеркивает, что стратегия должна учитывать «всю совокупность условий борьбы», включая ресурсы государства и характер противника [Свечин 1927], однако в советский период, несмотря на широту этого подхода, предложенная им модель сохраняет отсылку к области военного искусства. Советские военные теоретики (А. А. Гречко [Гречко 1975], Н. В. Огарков [Огарков 1982] и др.) также традиционно рассматривают стратегию, понимая ее как высший уровень военного искусства, связанный с обеспечением военной мощи государства, подготовкой и ведением войны, планированием военных операций, использованием армии в глобальном противостоянии, а также научно-техническим развитием, особенно значимым в условиях военно-технологической конкуренции. С распадом СССР и изменением внешнеполитической среды происходит расширение границ понятия *стратегия*, что отражает необходимость адаптации к новым условиям международной конкуренции и интеграции в мирополитические процессы. В научный и экспертный дискурс, особенно под влиянием языка дипломатов, ученых, международных аналитиков и журналистов, проникают заимствованные слова, выражения и стоящие за ними концепты. Это происходит и с сочетанием *большая стратегия*.

Употребление существительного *стратегия* и дериватов *стратегический*, *стратегически* оказывается связанным с разными сферами: не только военной, но также экономической, внешнеполитической, социокультурной, гуманитарной, но, вероятно, в единый интегративный концепт это складывается под влиянием именно англоязыч-

ного феномена — *Grand Strategy*. Таким образом, для советского и раннего постсоветского дискурса было характерно следование устоявшейся традиции трактовать стратегию как военно-ориентированный феномен, но также постепенное расширение сфер употребления данной единицы. Наличие в англоязычной международной коммуникации готового интегративного лингвокогнитивного феномена *grand strategy* обеспечивает возможность его заимствования в другие национальные дискурсы.

ЗАИМСТВОВАНИЕ И КАЛЬКИРОВАНИЕ: GRAND STRATEGY → «БОЛЬШАЯ СТРАТЕГИЯ» → БОЛЬШАЯ СТРАТЕГИЯ

Заимствование выражения *grand strategy* в русскоязычный политический и дипломатический дискурс — это не только языковой факт. Оно сопровождается когнитивно-дискурсивной трансформацией, которая затрагивает и семантику отдельных единиц, и структуру концептуального пространства стратегического мышления вообще.

Процесс заимствования условно можно разделить на несколько этапов, которые сменяют друг друга не строго хронологически (они могут взаимно накладываться, поскольку здесь важнее различия в графическом оформлении, которые свидетельствует о последовательном переходе единицы из одной лингвистической традиции в другую). Так, на первом этапе *Grand strategy* функционирует сугубо как заимствование для фиксации аналитической категории научного и экспертного дискурса, преимущественно в тех текстах, которые ориентированы на отражение западных теорий. Наблюдается одновременное использование и оригинальной англоязычной формы (*grand strategy*), и переводного эквивалента (*большая стратегия*). Этот факт подтверждает Национальный корпус русского языка (далее — НКРЯ), ср.: *В этом и суть необходимости выстраивания Большой стратегии (Grand Strategy) по глобальному управлению мирополитическими процессами* [НКРЯ]. Показательно, что данная единица употребляется с заглавной буквы (как имя собственное, т. е. как наименование конкретной авторской концепции) или в кавычках (как цитируемый элемент, ср.: *Траммпоймет, что его «большая стратегия» не работает; В английском политическом словаре есть понятие «большая стратегия»: координация перспективных военных и политических планов. Впрочем, английская «большая стратегия» в полной мере использовала совпадение интересов и долгосрочных планов Англии и США* [НКРЯ]),

что свидетельствует об особом статусе словоупотребления.

На следующем этапе осуществляется закрепление перевода данной единицы (кальки) в русскоязычных научных текстах. При этом сохраняется опора на англоязычные источники, но наблюдается и постепенный переход к описанию стратегического поведения не только западных государств, но и России, см. примеры из НКРЯ: *Это было сделано в ... коллективной прогностической работе «**Большая стратегия** на 80-е годы», выполненной под руководством бывшего министра обороны США М. Лэйрда и вышедшей из печати в 1978 г.; Об этом 7 октября пишет в материале «**Большая стратегия** Путина: краткая история возрождения России» американское издание FRN; Теперь в России объективно возможны и демократическая технология формирования органов власти и управления, и публичная **Большая стратегия Русского мира** [НКРЯ].* Однако в данных текстах все еще сохраняется орфографическое оформление выражения как имени собственного.

Этап лексического освоения характеризуется использованием сочетания *большая стратегия* уже как единицы естественного языка без формального выделения, употреблением выражения за пределами научного дискурса, ее широким использованием в политической коммуникации. Сочетание начинает функционировать как часть официального или даже полуофициального языка для описания долгосрочных планов государств, см. примеры из НКРЯ и СМИ: *Поэтому большая стратегия Китая может формироваться только с учетом большой стратегии России; Давос-2026: Возвращение Трампа, большая стратегия для Украины и новый мировой ландшафт; **Большая стратегия**, разработанная для XIX века, не подходит для XXI столетия. Трамп начал важную дискуссию о роли Америки в мире. Но ответ не в том, чтобы пятиться назад, в прошлое. Соединенным Штатам нужна обновленная версия исключительности для нового времени, а также соответствующая ей **большая стратегия**; — Экий ты, Титус, шустрый, понимаешь! Это **большая стратегия** и огромная геополитика! Ты думал, почему мы так вяло себя вели в Югославии, а потом вдруг свои войска с бухты-барахты туда ввели?* [НКРЯ, Интернет-источники]. При этом лексическое заимствование сопровождается когнитивной трансформацией концептуального поля в понимании стратегии: формируется тенденция к интеграции разных сфер в единую концептуальную рамку.

Нельзя в данном контексте не отметить особую роль прилагательного *большой*, которое в политическом и дипломатическом дискурсе приобретает особую семантику: акцент делается не только на географии, статусе, силе государства, но также на влиятельности политического актора на мировую политику, ср. выражения, построенные по дискурсивной модели «Большой + X»: *Большая игра, Большая тройка/семёрка/восьмерка/двадцатка, Большая Евразия, Большая Центральная Азия, Большое евразийское партнерство, Большая стратегия* и т. п. Прилагательное здесь начинает функционировать как маркер макроуровня и геополитической значимости.

В процессе заимствования происходит не только адаптация англоязычного концепта к русскоязычной среде, но и его частичная трансформация: в отечественном дискурсе *большая стратегия* приобретает более выраженную идеологическую нагрузку, связанную с дискуссиями о многополярности, суверенитете и формировании альтернативных центров силы. Это свидетельствует о том, что заимствованный концепт начинает функционировать в новых смысловых координатах, обусловленных спецификой принимающего дискурса.

Таким образом, заимствование выражения *grand strategy* следует рассматривать не как простой перевод или калькирование, а как многоуровневый когнитивно-дискурсивный процесс, включающий перенос, адаптацию и в некоторой степени переосмысление концепта. Результатом этого процесса становится формирование в русскоязычном политическом и дипломатическом дискурсе новой единицы — *большая стратегия*, обладающей статусом метаконцепта и отражающей переход к интегративному пониманию стратегической деятельности государства.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ БОЛЬШОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ

В формировании содержания метаконцепта *большая стратегия* определенную роль играет упоминание о деятельности государств в широких форматах — в рамках международных организаций, межгосударственных и межрегиональных объединений [Дзюба, Кузякин 2025]. *Большая стратегия России* в этом смысле охватывает Содружество Независимых Государств (СНГ), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), БРИКС и Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Эти институты выступают значимыми механизмами реализации стратегических

целей России: ЕАЭС обеспечивает экономическую интеграцию [Белащенко и др. 2020; Зиядуллаев 2017], ШОС — региональную безопасность [Дзюба, Ван Хуэй 2025], БРИКС — глобальное политическое и экономическое позиционирование [Гринин и др. 2024], СНГ — регионального многостороннее взаимодействие на постсоветском пространстве [Россия и евразийская интеграция... 2025]. Международные организации и межгосударственные объединения с участием России, таким образом, обеспечивают переход от частных (отраслевых) стратегий к их интеграции в общую систему. Такой укрупненный взгляд способствует пониманию большой стратегии как механизма реализации идеи многополярности, необходимости укрепления позиций России как одного из центров политической и экономической силы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование демонстрирует, что заимствование сочетания и концепта *grand strategy* в русскоязычный, в первую очередь внешнеполитический дискурс не сводится к простому языковому явлению. Это сложный лингвокогнитивный процесс, включающий перенос, адаптацию и переосмысление концепта с учетом национальной специфики. Анализ англоязычной традиции показывает, что *grand strategy* функционирует как метаконцепт, объединяющий военные, политические, экономические, социокультурные, гуманитарные ресурсы государства для достижения долгосрочных целей. Это предопределяет когнитивную необходимость заимствования, поскольку данная единица обеспечивает своей семантикой интеграцию разных сфер стратегической деятельности. Особую роль в семантической и дискурсивной трансформации играет прилагательное *большой*, которое приобретает дискурсивно обусловленное значение, становясь маркером стратегической значимости, глобального охвата и интегративного характера явления. Оно закрепляется в составе таких значимых для международного дискурса выражений, как *Большая стратегия*, *Большая игра*, *Большая Евразия*, *Большое евразийское партнерство*, и создает продуктивную модель «Большой + X». Формирование данного метаконцепта в русскоязычном дискурсе представляет собой лингвокогнитивный феномен, обусловленный как внешним заимствованием англоязычной единицы, так и внутренними когнитивными и дискурсивными преобразованиями. Оперирование элементом *большая стратегия* обеспечивает возможность про-

водить системный анализ стратегической деятельности государства.

ИСТОЧНИКИ

1. НКРЯ — Национальный корпус русского языка. — URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 18.03.2026).

2. СВЭ — Советская военная энциклопедия. В 8 т. Т. 2. Вавилон — Гражданская / гл. ред. А. А. Гречко. — Москва: Воениздат, 1976. — 640 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Белащенко, Д. А. Евразийский экономический союз: перспективы и проблемы интеграции на постсоветском пространстве / Д. А. Белащенко, В. В. Толкачев, И. Ф. Шоджонов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2020. — Т. 20, № 3. — С. 543–559. — DOI 10.22363/2313-0660-2020-20-3-543-559. — EDN NGEQHI.
- Гречко, А. А. Вооруженные силы Советского государства / А. А. Гречко. — Москва: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1975. — 438 с.
- Гринин, Л. Е. Контуры нового мирового порядка и БРИКС+ / Л. Е. Гринин, А. Л. Гринин, А. В. Коротаев // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2024. — Т. 17, № 5. — С. 61–81. — DOI 10.31249/kgi/2024.05.04. — EDN DQFUJQ.
- Дзюба, Е. В. Реализация стратегии консолидации в текстах институционального дискурса: моделирование концепта СОТРУДНИЧЕСТВО / Е. В. Дзюба, А. Г. Кузякин // Научный диалог. — 2025. — Т. 14, № 6. — С. 31–52. — DOI 10.24224/2227-1295-2025-14-6-31-52. — EDN WLSBUX.
- Дзюба, Е. В. Взаимодействие России и Китая в ШОС: обеспечение безопасности в Центрально-Азиатском регионе / Е. В. Дзюба, Х. Ван // Россия в глобальном мире. — 2025. — Т. 28, № 3. — С. 79–98. — DOI 10.48612/RG/RGW.28.3.5. — EDN JEMZUB.
- Зиядуллаев, С. Н. Евразийский экономический союз: испытание временем / С. Н. Зиядуллаев, Н. С. Зиядуллаев // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. — 2017. — № 3 (88). — С. 70–83. — EDN YLDDBW.
- Кикнадзе, В. Г. Военное искусство и разведка в большой стратегии Византийской империи / В. Г. Кикнадзе // Военно-исторический журнал. — 2012. — № 9. — С. 30–34. — EDN PDKZNX.
- Крысин, Л. П. Слова-чужестранцы в русском обличье / Л. П. Крысин // Русская речь. — 2012. — № 4. — С. 52–57. — EDN PCONWD.
- Огарков, Н. В. Всегда в готовности к защите Отечества / Н. В. Огарков. — Москва: Воениздат, 1982. — 72 с.
- Россия и евразийская интеграция в многополярном мире: моногр. / Л. Э. Слуцкий, М. И. Кротов, В. И. Мунтиян. — Москва: Изд-во Московского университета, 2025. — 294 с. — ISBN 978-5-19-012250-3.
- Свечин, А. А. Стратегия / А. А. Свечин. — Москва: Военный вестник, 1927. — 328 с.
- Brands, H. What Good Is Grand Strategy? Power and Purpose in American Statecraft from Harry S. Truman to George W. Bush / H. Brands. — Ithaca: Cornell Univ. Pr., 2014. — 288 p. — ISBN 9780801452468.
- Gaddis, J. L. On Grand Strategy / J. L. Gaddis. — New Haven: Yale Univ. Pr., 2018. — 384 p. — ISBN 978-1594203510.
- Gray, C. S. The Strategy Bridge: Theory for Practice / C. S. Gray. — Oxford: Oxford Univ. Pr., 2010. — 328 p. — ISBN 978-0199579662.
- Kennedy, P. The Rise and Fall of the Great Powers / P. Kennedy. — New York: Random House, 1987. — XXV, 677 p. — ISBN 0-394-54674-1.
- Liddell Hart, B. H. Strategy / B. H. Liddell Hart. — London: Faber & Faber, 1967.
- Luttwak, E. N. Strategy: The Logic of War and Peace / E. N. Luttwak. — Cambridge, MA: Belknap Press, 2001. — 308 p. — ISBN 9780674005082.
- Posen, B. R. The Sources of Military Doctrine / B. R. Posen. — Ithaca: Cornell Univ. Pr., 1984. — 283 p. — ISBN 978-0801416330.

MATERIALS

1. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka = Russian National Corpus (n.d.). Available at March 18, 2026 from <https://ruscorpora.ru/>.

2. Grechko, A. A. (Ed.). (1976). Sovetskaya voennaya entsiklopediya. V 8 t. T. 2: Vavilon — Grazhdanskaya = Soviet Military Encyclopedia. In 8 vols. Vol. 2. Babylon — Civil War. Moscow: Voenizdat, 640 p.

REFERENCES

1. Belashchenko, D. A., Tolkachev, V. V., Shodzhonov, I. F. (2020). Evraziyskiy ekonomicheskiy soyuz: perspektivy i problemy integratsii na postsovet'skom prostranstve = Eurasian Economic Union: Prospects and problems of integration in the post-Soviet space. *RUDN Journal of International Relations*, 20(3), 543–559. DOI 10.22363/2313-0660-2020-20-3-543-559.

2. Grechko, A. A. (1975). *Vooruzhennye sily Sovetskogo gosudarstva* = Armed Forces of the Soviet State. Moscow: Voennoe izdatel'stvo Ministerstva oborony SSSR.

3. Grinin, L. E., Grinin, A. L., Korotaev, A. V. (2024). Kontury novogo mirovogo poryadka i BRIKS+ = Contours of the new world order and BRICS+. *Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 17(5), 61–81. DOI 10.31249/kgt/2024.05.04.

4. Dziuba, E. V., Kuzyakin, A. G. (2025). Realizatsiya strategii konsolidatsii v tekstakh institutsional'nogo diskursa: modelirovanie kontsepta SOTRUDNICHESTVO = Implementation of consolidation strategy in institutional discourse: modeling the concept COOPERATION. *Scientific Dialogue*, 14(6), 31–52. DOI 10.24224/2227-1295-2025-14-6-31-52.

5. Dziuba, E. V., Wang, H. (2025). Vzaimodeystvie Rossii i Kitaya v ShOS: obespechenie bezopasnosti v tsentral'no-aziatskom regione = Interaction between Russia and China in the SCO: security in Central Asia. *Russia in the Global World*, 28(3), 79–98. DOI 10.48612/RG/RGW.28.3.5.

6. Ziyadullaev, S. N., Ziyadullaev, N. S. (2017). Evraziyskiy ekonomicheskiy soyuz: ispytanie vremenem = Eurasian Economic Union: test of time. *Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and Social Sciences*, 3, 70–83.

7. Kiknadze, V. G. (2012). Voennoe iskusstvo i razvedka v bol'shoy strategii Vizantiyskoy imperii = Military art and intelligence in the grand strategy of the Byzantine Empire. *Military History Journal*, 9, 30–34. EDN PDKZNX.

8. Krysin, L. P. (2012). Slova-chuzhestantsy v russkom oblich'e = Foreign words in Russian guise. *Russian Speech*, 4, 52–57.

9. Ogarkov, N. V. (1982). *Vsegda v gotovnosti k zashchite Otechestva* = Always on guard of the Motherland. Moscow: Voenizdat.

10. Slutsky, L. E., Krotov, M. I., Muntiyani, V. I. (2025). Rossiya i evraziyskaya integratsiya v mnogopolyarnom mire = Russia and Eurasian integration in a multipolar world. Moscow: Moscow University Publishing House.

11. Svechin, A. A. (1927). *Strategiya* = Strategy. Moscow: Voennyi vestnik.

12. Brands, H. (2014). *What Good Is Grand Strategy? Power and Purpose in American Statecraft from Harry S. Truman to George W. Bush*. Ithaca: Cornell Univ. Pr.

13. Gaddis, J. L. (2018). *On Grand Strategy*. New Haven: Yale University Press.

14. Gray, C. S. (2010). *The Strategy Bridge: Theory for Practice*. Oxford: Oxford University Press.

15. Kennedy, P. (1987). *The Rise and Fall of the Great Powers*. New York: Random House.

16. Liddell Hart, B. H. (1967). *Strategy*. London: Faber & Faber.

17. Luttwak, E. N. (2001). *Strategy: The Logic of War and Peace*. Cambridge, MA: Belknap Press.

18. Posen, B. R. (1984). *The Sources of Military Doctrine*. Ithaca: Cornell University Press.

Политическая лингвистика. 2026. № 2 (116).
Political Linguistics. 2026. No 2 (116).

УДК 811.131.1'42+811.133.1'38+81'27+94(44).05
ББК Ш147.11-51+Ш147.11-55+Ш100.621

ГРНТИ 03.09.31; 16.21.49

Код ВАК 5.6.2; 5.9.8

Владимир Николаевич Земцов^{1,2,3}

¹ Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, vladimirzemtsov@yandex.ru, SPIN-код: 7700-3523

² Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

³ Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия

Страсти по «французской» Березине: к истории одной дуэли

АННОТАЦИЯ. Выражение «*C'est la Bérézina!*» («Это Березина!»), которым чаще всего обозначают провал, крах и катастрофу, давно и прочно вошло в международный политический лексикон. Особенно часто эта идиома используется в последнее время применительно к политике французского президента Э. Макрона. Однако французы нередко вспоминают о Березине и как о событии, символизирующем высшее проявление героизма и самоотверженности. Столь амбивалентный смысл понятия «Березина» сформировался на основе сложных процессов в период коммуникативного функционирования среди французских участников Русского похода. Автор статьи обращается к истории дуэли, состоявшейся в 1825 г. между двумя французскими генералами — участниками похода 1812 года на почве выяснения достоверности трактовки ими событий на Березине. Обращение автора к фондам архива Исторической службы Министерства обороны Франции и опубликованным документам дало возможность высветить степень убедительности версии, представленной Ф. П. Сегюром. Картина, им нарисованная, оказалась заполнена как образами человеческих страданий, так и сюжетами, отразившими героизм и самоотверженность французского солдата. В то же время имя белорусской реки под влиянием обсуждений участников эпохальной переправы превратится в важный, но одновременно и чрезвычайно противоречивый элемент политической коммуникации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая лингвистика, политический дискурс, французский язык, историческая память, коммуникативная память, война 1812 года, исторические события, Наполеоновские войны, идиомы, «Это Березина!» / «*C'est la Bérézina!*».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Земцов Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и методики преподавания исторических дисциплин, Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия; профессор кафедры новой и новейшей истории, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия; главный научный сотрудник Научно-образовательного центра регионального историко-культурного наследия и кросс-культурных связей, Институт истории и международных отношений, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия, email: vladimirzemtsov@yandex.ru.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование проведено при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект 25-28-00125 «Русская кампания Наполеона: „великое отступление“».

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Земцов, В. Н. Страсти по «французской» Березине: к истории одной дуэли / В. Н. Земцов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 26-34.

Vladimir N. Zemtsov^{1,2,3}

¹ Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, vladimirzemtsov@yandex.ru, SPIN code: 7700-3523

² Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

³ Saratov National Research State University, Saratov, Russia

Passions over the “French” Berezina: The Story of a Duel

ABSTRACT. The expression “*C'est la Bérézina!*” (This is Berezina!), which is most often used to describe failure, collapse, and disaster, has long been a part of the international political lexicon. Recently, this idiom has been particularly associated with the policies of French President Emmanuel Macron. However, the French often remember Berezina as an event that symbolizes the highest level of heroism and selflessness. The ambivalent meaning of the concept “Berezina” was formed on the basis of complex processes during the period of communication among the French participants of the Russian campaign. The author of the article refers to the history of a duel that took place in 1825 between two French generals who participated in the 1812 campaign, which was sparked by their differing interpretations of the events at the Berezina. The author's reference to the archives of the Historical Service of the French Ministry of Defense and the published documents allowed him to assess the credibility of the version presented by F. P. Ségur. The picture he painted was filled with both images of human suffering and scenes that reflected the heroism and selflessness of the French soldier. At the same time, the name of the Belarusian river, under the influence of discussions of the participants of the epic crossing, became an important yet highly controversial element of political communication.

KEYWORDS: political linguistics, political discourse, French language, historical memory, communicative memory, 1812 campaign, historical events, Napoleon wars, idioms, “This is Berezina!” / “*C'est la Bérézina!*”.

AUTHOR'S INFORMATION: Zemtsov Vladimir Nikolaevich, Doctor of History, Professor, Head of Department of General History and Methods of Teaching Historical Disciplines, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia;

Professor of Department of Modern and Contemporary History, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia; Chief Scholar of Research Center of Regional Historico-Cultural Heritage and Cross-Cultural Relations, Saratov National Research State University, Saratov, Russia.

ACKNOWLEDGMENTS. The study has been carried out with financial support of the Russian Science Foundation, Project # 25-28-00125 “Napoleon’s Russian Campaign”: “The Great Retreat”.

FOR CITATION: Zemtsov V. N. (2026). Passions over the “French” Berezina: The Story of a Duel. In *Political Linguistics*. No 2 (116), pp. 26-34. (In Russ.).

«C’est la Bérézina!»¹ Эта идиома давно и прочно вошла во французский политический лексикон как обозначение провала, краха и катастрофы. Сегодня подобное выражение часто мелькает в средствах массовой информации применительно к тем или иным действиям французского президента Э. Макрона, либо при подведении итогов его деятельности, либо в предвкушении результатов его действий². Между тем французы нередко вспоминают о Березине не только как о катастрофе и безысходности, но также и как о высшем проявлении героизма и самоотверженности. Столь амбивалентный смысл данного выражения возник «из сложнейшей гаммы чувств и представлений участников русской кампании, из противоречивой интерпретации источников, из вольной трактовки событий последующими беллетристами» [Постникова 2014: 104; см. также: Постникова 2022]. К раннему периоду ожесточенных споров о событиях на Березине относится столкновение двух участников Русского похода Ф. П. Сегюра и Г. Гурго. Этот сюжет, как полагаем, отразил тот накал страстей, который еще многие годы после событий на Березине будет характеризовать взаимоотношения их участников и предопределять в конечном итоге своеобразие «культурной памяти» французов о трагедии, произошедшей в ноябре 1812 г.

Утром 15 июля³ 1825 г. генерал граф Филипп Поль Сегюр и генерал барон Гаспар Гурго дрались на дуэли. Дрались, дабы разрешить исторический спор о том, что именно

и как происходило 13 лет назад во время Русского похода в 1812 году. К тому времени Сегюр опубликовал (в 1824 г.) двухтомную «Историю Наполеона и Великой армии во время войны 1812 года» [Ségur 1824a]⁴. Темпераментный Гурго, несколько лет до происходившей дуэли деливший с Наполеоном тяжесть изгнания на о. Св. Елены, а затем начавший публиковать воспоминания поверженного императора, возмущенный творением Сегюра, издал своего рода опровержение под названием «Наполеон и Великая армия в России, или Критический разбор работы г-на графа Ф. де Сегюра» [Gourgaud 1825]⁵. Полемика между двумя участниками похода в Россию (Сегюр в чине бригадного генерала тогда был главным квартирмейстером главной квартиры императора, в то время как Гурго был императорским офицером для поручений) зашла столь далеко, что Гурго вызвал Сегюра на дуэль. Их секундантами также стали участники Русского похода — генерал П. К. Пажоль, полковник Л. Дюшан, генерал Ж. Мутон граф де Лобо, генерал граф П. Ф. М. Дежан. В ходе дуэли Сегюр получил легкое ранение в руку, в то время как Гурго — ранение в тело (le corps). Секунданты приняли решение о завершении поединка, а также о том, что взаимные претензии исчерпаны⁶.

Насколько был прав Гурго, обвиняя Сегюра в том, что тот, спекулируя на потребностях публики, написал лишь только эффектную мелодраму? Значительные комплексы документов, отложившиеся во французских

¹ C’est la Bérézina (франц.). Это Березина!

² См., например: Cette commune avait très largement voté Macron en 2022: “Là, c’est la désillusion, la bérézina”. URL: <https://france3-regions.franceinfo.fr/auvergne-rhone-alpes/puy-de-dome/clermont-ferrand/cette-commune-avait-tres-largement-vote-macron-en-2022-la-c-est-la-desillusion-la-berezina-3229406.html>; 7 ans de Macronie, et c’est la Bérézina! URL: <https://resistancerepublicaine.com/2024/02/25/jeter/>; Macron, de bérézina en bérézina. URL: <https://ouest-tribune.dz/macron-de-berezina-en-berezina/>; «Галльский петух» Макрон ведет Францию к Березине. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2024/03/12/gallskiy-petukh-makron-vedyot-franciyu-k-berezine.html>; Лапин А. Макрон жаждет своей Березины. И он её получит в двойном размере. URL: <https://dzen.ru/a/ZelFCjWlsm3b4Nxd>; и т. д.

³ Все даты даны по новому стилю.

⁴ Книга Сегюра переиздавалась по крайней мере более 30 раз во Франции, не менее полутора десятков раз на немецком, более 10 раз на английском и других языках. Лучший русский перевод был опубликован в 2014 г. [Сегюр 2014].

⁵ Более 10 раз книга Гурго издавалась на французском и множество раз на других языках.

⁶ Journal de Paris. 1825. 16 Juillet. С. Н. Искюль среди секундантов называет еще Ж. Б. барона де Марбо и Л. Клера графа де Сент-Олэра [Искюль 2015: 17].

архивах¹, говорят об основательной опоре автора на документально обоснованные данные.

Одним из примеров последовательного сбора Сегюром сведений о событиях 1812 г. является его переписка с Гийомом Лорансе, графом де Латрилль², бывшим в 1812 г. начальником штаба 2-го армейского корпуса Великой армии³, отложившаяся в архиве Исторической службы министерства обороны Франции среди бумаг маршала Н. Ш. Удино под заголовком «Письма графа Сегюра в отношении перехода через Березину. 1812–1823»⁴. Переписка Лорансе с Сегюром сыграла, по нашему мнению, заметную роль в выяснении ряда спорных вопросов при формировании убедительной картины событий на Березине.

Как известно, начало спорам о переправе через Березину и о тех боях, которые разыгрались на ее берегах, положил сам Наполеон. Вечером 3 декабря, находясь в Моло-

дечно и уже приняв решение об отъезде в Париж, он продиктовал знаменитый 29-й бюллетень Великой армии. В этом бюллетене, который позже назовут «похоронным», император решился сказать о многом — о том, что уже к Смоленску армия фактически лишилась и кавалерии, и артиллерии, о том, что русская армия, подошедшая с Волыни, отрезала путь на Минск и приблизилась к Борисову, о том, что солдатам французской армии пришлось проявить чудеса героизма, о том, что дивизии генерала Л. Партуно оказалась уготована трагическая участь⁵.

Именно в таком ключе — как о полной драматизма битве, память о которой пропитана ощущением трагедии и одновременно небывалого героизма, — будут повествовать об этом событии первые французские историки Русского похода — Ш. П. Бургуэн и Ф. Ф. Гийом де Водонкур. Иной, до определенной степени, взгляд предложил Э. Лабом, призвавший взглянуть на действия На-

¹ См., например, сведения, собранные Сегюром в отношении состояния здоровья Наполеона в сентябре 1812 г. [Archives Nationales. 36 AP 1].

² Лорансе Гийом (Guillaume de Latrille Lorencez), барон, затем граф де Лотрилль (21.4.1772 — 1.10.1855), родился в По (Нижние Пиренеи). В 1791 г. стал волонтером 2-го батальона Нижних Пиренеев. Затем служил в Пиренейской, Западно-Пиренейской, Восточно-Пиренейской, в Итальянской, в Германской и Английской армиях (1793–1798 гг.). Прошел к 1799 г. путь от волонтера до старшего адъютанта в чине шефа батальона. С 1805 г. полковник 46-го линейного полка. Участвовал в сражениях при Ульме, Аустерлице, Иене, Эйлау. С 1807 г. бригадный генерал. С 1808 г. — барон де Лорансе. В 1809 г. ранен при Ваграме. Начальник личного штаба Л. А. Бертье Германской армии. В 1810 г. переведен в Каталонскую армию в дивизию генерала Б. Фрера. 18 июня 1811 г. был ранен при осаде Таррагоны. 21 сентября 1811 г. женился на Каролине-Никоlette, дочери маршала Удино. После чего был назначен начальником штаба 17-го и 33-го военных округов в Голландии, находившихся под командованием Удино. Затем стал начальником штаба 2-го наблюдательного корпуса Эльбы, который был преобразован в начале 1812 г. во 2-й армейский корпус Великой армии. 11 ноября 1812 г. получил четыре ранения под Смоленском. В январе 1813 г. вернулся во Францию. В марте того же года получил чин дивизионного генерала. Назначен командиром 14-й пехотной дивизии 4-го корпуса Великой армии, находившегося в Германии, затем 12-го армейского корпуса. В сражении при Бауцене ранен пулей в правое бедро и получил рану ядром в левое бедро; вынужден был оставить армию по состоянию здоровья. Однако в январе 1814 г. получил назначение командующим 14-м военным округом. В марте 1814 г. оставил активную службу. В августе 1814 г. стал великим офицером ордена Почетного легиона. В декабре того же года — инспектор пехоты 3-го военного округа. В апреле 1815 г. был задействован в организации национальной гвардии 3-го военного округа. В 1816 г. — генеральный инспектор пехоты, затем в 1817 г. переведен на должность главного инспектора пехоты в 16-м военном округе. В 1818 г. переведен в кадры по организации главного штаба армии. В 1820 г. вновь становится главным инспектором пехоты, исполняя эту должность в 1821, 1824 и 1826 гг. В 1822 г. стал командором ордена Св. Людовика. Вышел в отставку 1 января 1827 г. Однако с 1837 г. стал состоять на неактивной службе и в 1839 г. оказался в секции кадров резерва главного штаба. 1 октября 1855 г. скончался в Бар-де-Дюк (деп. Мёз). Имя генерала Латрилля де Лорансе начертано на западной стороне Триумфальной арки в Париже [Six G. Dictionnaire biographique des généraux et amiraux français de la Révolution et de l'Empire. P., 1934. Т. 2. Р. 131–132; Pigeard 1996: 462–463].

³ Некоторое время Лорансе исполнял и функции начальника штаба 6-го и 9-го армейских корпусов.

⁴ Service historique de la Defense (далее — SHD). 1 M 2138. Значительная часть этой переписки была опубликована [Lorencez G. L. Le général comte de Lorencez à Monsieur le comte général de Ségur. Bar-le-Duc, le 8 mai 1823. Documents. Le passage de la Berezina // Revue d'histoire rédigée à l'État-major de l'armée. Section historique. № 139. Juillet 1912. Р. 137–165]. Военно-оперативные документы, которые Лорансе приложил к своим письмам и которые были отправлены Сегюру, в том 1912 г. были изданы Ж. Фабри [Fabry 1912]. Ряд положений, высказанных Лорансе, и несколько документов, которые тот приложил к своему письму, отправленному Сегюру, были опубликованы в 1902 г. в «Военных мемуарах» генерала Лорансе П. Бургуэном [Lorencez 1902].

⁵ Pièces officielles et bulletins de la Grande Armée. Année 1812. P., 1821. Р. 557–564. Бюллетень будет опубликован 16 декабря в «Монитер универсель» и произведет тяжелое впечатление на публику, которая привыкла главным образом к победным репортажам с полей сражений.

полеона и французского командования более критически¹.

Наконец, в 1823 г. Ж. Шамбрэ, допущенный военным министром К. Ф. Виктором к архивам военного министерства, опубликовал «Историю экспедиции в Россию»², создав достаточно научно обоснованное описание березинских событий.

Да, многие ветераны Русского похода часто возвращались в своих мыслях к той грандиозной и трагической эпопее, которая теперь для них с расстояния более 10 лет виделась как самая драматичная и до известной степени загадочная глава прожитой ими жизни.

26 апреля 1823 г. Сегюр, живший в то время в парижском квартале Сен-Жермен на улице Мадам, отправил на парижский адрес генерала Лорансе письмо. В первых строках своего послания Сегюр напомнил о том, что в 1812 г. он входил в близкое окружение императора, вследствие чего стал свидетелем многих обстоятельств и решений, принимавшихся командованием Великой армии в ходе Русского похода. Однако в своих попытках быть предельно точным он, в отличие от авторов ряда исторических работ, не торопился публиковать свои свидетельства. Он, в частности, адресовался к Лорансе с просьбой уточнить ряд моментов, связанных с действиями герцога Реджио (Удино) в ходе отступления и, в частности, после соединения Удино с герцогом Беллюнским (маршалом Виктором). Его интересовало, что именно предопределило разделение их корпусов; правда ли, что маршал Удино отправился в Борисов по проселочной дороге, однако оттепель заставила его с этой дороги свернуть и снова выйти на главную дорогу, идущую из Смоленска в Борисов. Таким образом, им было потеряно время, необходимое, чтобы сохранить мост в Борисове через Березину. Маршал Удино, по словам Сегюра, подвергся критике за то, что вопросу о необходимости сохранения моста в Борисове не было уделено должного внимания в ходе этого важного перехода. Сегюр также отметил, что ему рассказывали о совете, проведенном Удино в Борисове, на котором присутство-

вали генералы Ж. Б. Эбле и Н. Ж. Мэзон и где был принят вариант перехода через реку у д. Студенки. «Говорят, — писал Сегюр, — что многочисленные приказы императора заставляли вас принять подобное решение и сообщить об этом его решении».

По словам Сегюра, многие старшие офицеры представили ему свои заметки (notes) в отношении «этой части кампании», однако устные воспоминания, которыми поделился с ним маршал Удино, серьезно от них отличаются, и поэтому ему стало необходимо подобную информацию соотнести с приказами императора. Маршал Удино предложил обратиться в этой связи именно к Лорансе³.

Лорансе получил письмо Сегюра от 26 апреля не сразу⁴, поскольку двумя месяцами ранее он покинул Париж и перебрался в Бар-ле-Дюк, центр департамента Мёз, родной город маршала Удино, на дочери которого Каролине-Никоlette (1795–1865) он был женат и имел от нее четверых детей. Однако когда послание Сегюра его все же нашло, он не замедлил составить подробный ответ, к которому приложил копии целого ряда приказов, подтверждавших его слова.

В письме, помеченном Бар-ле-Дюком 8 мая 1823 г., Лорансе, прежде всего, отметил, что его экипажи пострадали не меньше, чем экипажи всей остальной армии⁵, но что ему все же удалось сохранить корреспонденцию, касающуюся перехода через Березину, а именно письма начальника главного штаба и бумаги к нему (les minutes de celles) маршала Удино.

Маршал герцог Реджио, раненый в битве при Полоцке, должен был отбыть в Вильно. Маршал же Л. Гувьон Сен-Сир, возглавивший объединенные силы 2-го и 6-го корпусов, решил покинуть Полоцк. Он двинулся между направлением на Вильно и тем, которое должно было приблизить его к 9-му корпусу, находившемуся в Сенно. Именно на этой последней позиции он остановился, и 2-й корпус в одиночестве переправился через р. Уллу. Генерал К. Ф. Й. Вреде, который с 6-м корпусом был отделен для борьбы с войсками русского генерала Ф. Ф. Штейнгеля

¹ Bourgoing 1815; Guillaume de Vaudoncourt 1815; Labaume 1814. См. также: Постникова 2014: 105–110].

² Chambray 1823. См. также: Постникова 2014: 109–111.

³ Сегюр — Лорансе. Париж, 26 апреля 1823 г. // SHD. 1 M2138. Бумаги маршала Удино. Письма графа Сегюра в отношении перехода через Березину. 1812–1823; Lorencez G. L. Le général comte de Lorencez à Monsieur le comte général de Séjur. P. 138–139.

⁴ В архивном деле находится конверт, адресованный генералу графу Лорансе, адрес на котором был перечеркнут.

⁵ Лорансе — Сегюру. Бар-ле-Дюк, 8 мая 1823 г. // SHD. 1 M2138; Revue d'histoire rédigée à l'État-major de l'armée. Section historique. № 139. Juillet 1912. P. 140. В мемуарах Лорансе написал: «Я потерял все мои экипажи, корреспонденцию двух армейских корпусов, кроме портфеля с текущими письмами» [Lorancez 1902: 77].

и который удержал при себе полк кирасир и кавалерийскую бригаду Ж. Б. Ж. Корбино, действовал самостоятельно. Он взял дорогу на Глубокое, и все приказы, направлявшиеся ему, игнорировал.

Отступление 2-го корпуса, по словам Лорансе, происходило медленно и «достойно» (*dans une attitude fière*), поскольку неприятель был сильно ослаблен. Корпус достиг Чашников без потерь. Там же оказался и 9-й корпус. Командование теперь принял вернувшийся герцог Беллюнский. В то же время Гувьон Сен-Сир, который получил пулю в ногу, должен был войска покинуть. На следующий день дивизия Н. Ж. Мэзона (8-я пехотная дивизия), которая была в арьергарде, также приблизилась к Чашникам. За ней следовали русские. «Мы думали, — заметил Лорансе, — что это был благоприятный для нас момент, чтобы взять реванш, но герцог Беллюнский рассудил иначе»¹. Он отвел войска за р. Лукомлю (*Loukomka*), удерживая при этом с. Смоляны (*Smolianty*), где дрался весь день без какого-либо результата. Неприятель производил артиллерийский обстрел, и с той и другой стороны был сильный артиллерийский огонь, и войска производили маневры. Затем ночью французские войска снялись и отступили в Сенно (*Sienna*). Эти события поколебали моральное состояние войска. В течение двух суток войска оставались в Сенно, после чего двинулись, дабы остановиться в Черее (*Tchreia*) и занять Лукомль (*Loukomlia*). К войскам, находившимся в этой позиции, в первых числах ноября прибыл Удино.

Тем временем П. Х. Витгенштейн² оставался без движения, контролируя р. Лукомлю (*Loukomka*) и занимая тет-де-пон в Смолянах (*Smolianty*) и Potchaitchi (Чашниках?). Так как император Наполеон отправил герцогу Беллюнскому ясный приказ на сражение, чтобы оттеснить неприятеля далее за Двину, два армейских корпуса 12 ноября оставили позицию и двинулись вперед. Деревня Смоляны (*Smolianty*) 14-го была занята дивизией Ж. Б. Жирара 9-го корпуса, и тиральеры продолжали действовать до наступления ночи. Герцог Беллюнский, двигаясь в Botcheikovo (Бешенковичи?), сообщил герцо-

гу Реджио о намерении обойти Витгенштейна. Но Удино не поддержал этот план, сославшись на опасность такого движения и на то, что это будет менее всего способствовать войскам Великой армии, которые отступают. Таким образом, как констатировал Лорансе, план Виктора не был одобрен. Получалось, что один из военачальников хотел наступать, в то время как другой хотел маневрировать. В результате ни один из планов не был принят, и оба корпуса отступили, 9-й — на Сенно, 2-й — на Черее (*Tchareia*) и Лукомль (*Loukomlia*).

Через два или три дня, то есть 19-го или 20-го, герцог Беллюнский получил приказ двинуть 2-й корпус на Борисов. Это правда, отметил Лорансе, что маршал предполагал направиться через Холопеничи (*Khloponitchi*) и Бараны (*Barany*), но это неправда, что он сделал хотя бы один шаг в этом направлении. Было признано, что этой дорогой было невозможно провести артиллерию, а 2-й корпус все еще имел как минимум 60 орудий с хорошей упряжью. Плохие дороги не позволяли их провести. Корпус отправился на ночлег в Обчуге (*Obtchouga*); 21-го корпус вышел на большую дорогу и занял позицию между Бобром (*Bobr*) и Крупками (*Kroupki*). Здесь ночью генерал Н. Брониковский, губернатор Минска, сообщил, что русские заняли позицию у борисовского тет-де-пона³. Все это предопределило, отметил Лорансе, что «какую бы дорогу мы ни избрали, мы уже не могли прибыть вовремя, чтобы спасти [мост]. Несомненно, что было бы еще большим несчастьем, если бы мы предпочли движение через Холопеничи, так как тогда была бы открытой большая дорога и никто не собрал бы остатки дивизии Домбровского⁴, и, наконец, ничто не остановило бы Чичагова⁵, который вскоре оказался бы нос к носу с императором»⁶.

22-го 2-й армейский корпус продолжил свой марш совместно с поляками. 8-ю дивизию вместе с парком оставили в Наче (*Natcha*); Удино занял тем вечером позицию в Лошнице, где к нему присоединилась бригада Корбино, которая накануне в Вилейке покинула баварцев. Здесь стало известно о

¹ Лорансе — Серюру. Бар-ле-Дюк, 8 мая 1823 г. // SHD. 1 M2138; Revue d'histoire rédigée à l'État-major de l'armée. Section historique. № 139. Juillet 1912. P. 141.

² Витгенштейн П. Х., генерал-лейтенант, командующий Первым отдельным пехотным корпусом русской армии.

³ Тет-де пон — предмостное укрепление.

⁴ Домбровский Я. Х., дивизионный генерал, командующий 17-й пехотной дивизией 5-го (польского) корпуса. 21 ноября не смог удержать Борисов и сохранить мост через Березину.

⁵ Чичагов П. В., адмирал, командующий русской Третьей Западной армией.

⁶ Лорансе — Серюру. Бар-ле-Дюк, 8 мая 1823 г. // SHD. 1 M2138; Revue d'histoire rédigée à l'État-major de l'armée. Section historique. № 139. Juillet 1912. P. 142.

броду у Студенки, где и предстояло перейти Березину.

23-го, покинув бивак у Лошницы, войска Удино встретились с русской дивизией К. О. Ламберта, которая тотчас же была атакована генералом К. Ж. А. Леграном и которую французы продолжали бить вплоть до Борисова, где их и застала ночь¹. Неприятель разрушил небольшой мост, который был на въезде в город на небольшой речке с названием Сха (Tskha). Это препятствие задержало войска на несколько минут. Вольтижеры² перешли ручей и достигли большого моста через Березину. При этом со стороны города у русских оставалось 700–800 человек, которые теперь стали пленными. В руках у французов оказалось также несколько зарядных ящиков и большое количество повозок с продовольствием и багажом.

В тот же вечер Удино отправил на Студенку генерала К. Ш. Обри, начальника артиллерии 2-го корпуса, бригаду Корбино с полком пехоты и ротой понтонеров.

Находясь в Борисове, командование 2-го корпуса обсуждало три варианта организации переправы через Березину — в Ухолодах, находившихся в двух милях ниже города, у Стахова в одной миле ниже, и, наконец, у Студенок. В районе двух первых вариантов переправы были сосредоточены значительные силы неприятеля. По мнению Лорансе, именно мнение Удино оказалось решающим в том, чтобы остановиться на варианте переправы у Студенок. Вот что он писал Бертье 24-го ноября: «Я сориентировался на пункте возле Студенок, где я полагаю осуществить мой переход этой ночью и завтра утром. Я усилию демонстрации у Стахова и особенно у Ухолод, дабы отвлечь неприятеля»³. При этом вся дивизия кирасир демонстративно дефилировала в направлении Ухолод, где к тому же шла заготовка материалов для переправы, и эти движения не могли избежать внимания со стороны русских.

Вечером в штабе 2-го корпуса было собрано несколько евреев, где их внимательно стали расспрашивать о дороге, которая ве-

дет из Борисова в Березино, а затем в Игумен и Минск. Французы демонстрировали, будто бы они убеждены, что именно этот вариант имеет наименьшие препятствия для своего осуществления. Часть евреев определили быть проводниками. Остальные были отпущены и отправлены за пределы французских аванпостов; с них были взяты обещания вернуться и информировать о движении неприятеля в направлении Березино. «Мы были достаточно знакомы с их дурным нравом, чтобы полагать, будто они будут сдержанными», — отметил Лорансе⁴.

Лорансе не брал на себя смелость говорить о том, как все эти действия повлияли на решения адмирала Чичагова. Но что касается рапорта генералов Обри и Корбино от 25-го числа, то в нем они сообщили, что в районе Студенки не могло быть серьезного сопротивления со стороны неприятеля.

Лорансе специально остановился на вопросе Сегюра по поводу некоего совета, имевшего место в Борисове. Лорансе отрицал, что подобный совет вообще имел место. Когда генералы Ж. Б. Эбле, Ж. А. Б. Лористон, Ф. Шасслу-Лоба прибыли в квартиру маршала, прошло уже двенадцать часов после того, как генерал Обри распорядился о работах в Студенке по строительству мостов, хотя реально и было почти невозможно осуществить это из-за недостатка материалов, ибо разбор домов мог обеспечить только небольшое количество и, как каждый видел, довольно плохого материала.

К вышеизложенному Лорансе счел необходимым добавить, что после возвращения из Вильно Удино проникся важностью установления контроля за Борисовым, и он нередко пытался это осуществить, отделившись от 9-го корпуса, дабы поспешить и реализовать свое намерение, что могло бы изменить ход событий.

Обратившись к вопросу о тех силах, которые находились в Литве, Лорансе отметил, что Удино считал необходимым подчинить их одному начальнику. Об этом он писал герцогу Бассано⁵ 10 ноября.

¹ Лорансе в этом месте ссылается на прилагаемые документы под № 9.

² Вольтижеры — легкая пехота, способная действовать в рассыпном строю.

³ Лорансе — Сегюру. Бар-ле-Дюк, 8 мая 1823 г. // SHD. 1 M2138; Lorencez G.L. Le général comte de Lorencez à Monsieur le comte général de Ségur. Bar-le-Duc, le 8 mai 1823. Documents. Le passage de la Berezina // Revue d'histoire rédigée à l'État-major de l'armée. Section historique. № 139. Juillet 1912. P. 143.

⁴ Лорансе — Сегюру. Бар-ле-Дюк, 8 мая 1823 г. // SHD. 1 M2138; Revue d'histoire rédigée à l'État-major de l'armée. Section historique. № 139. Juillet 1912. P. 144. Как известно, три еврея (Л. Бененсон, Б. Гумнер и М. Энгельгардт) утром 25 ноября переплыли на лодках Березину и были доставлены в главную квартиру Чичагова в д. Дымки. Их сообщения о планах французского командования способствовали переправе наполеоновских войск у Студенок. 27 ноября все трое по приказу Чичагова были повешены на площади Борисова (см., например: [Военский 1912: 191–199].

⁵ Маре Ю. Б., герцог Бассано, министр иностранных дел Франции, находившийся в Вильно для координации действий с армией вторжения.

В Post scriptum Лорансе оставил пространные рассуждения на предмет того, насколько различались представления императора и видение маршала Удино в отношении необходимости тех или иных действий. Маршал, в частности, хорошо осознавал те опасности, которые могли ожидать войска при движении на Зембин.

В этом плане в ходе беседы, которая состоялась между генералами Лористоном, Эбле, Шасслу и Лорансе, было выявлено много трудностей. Именно поэтому данная беседа и могла выглядеть как своего рода совет.

В заключение своего письма Лорансе сообщил, что, когда Удино после встречи с Наполеоном вернулся из Лошницы¹, он положил руку на его плечо и, ничего более не говоря, произнес только одно слово: «Полтава (Pultava)». После чего приказал Лорансе тотчас же подготовить приказ на выступление корпуса; через минуту этот приказ был у маршала в руке². «Наступившая ночь увидела нас на марше», — завершил письмо Лорансе³.

Сегюр, получив послание Лорансе вместе с текстами нескольких приказов, 14 мая ответил письмом. Он поблагодарил Лорансе за детали, которые тот ему сообщил, и уведомил, что, сопоставляя эти данные с теми,

которые содержатся в других документах (в том числе вышедших из-под пера Бертье, князя Невшательского), обнаружил много сходства⁴.

В архивном деле сохранились тексты всех 11 документов, которые были приложены к письму Лорансе от 8 мая 1823 г.: 1. Письмо Удино к Маре в Вильно. Черей (Tchareia), 10 ноября 1812 г.⁵ 2. Письмо Удино к Виктору. Б. м., 14 ноября 1812 г., вечер, на бивуаке⁶. 3. Письмо Удино к Виктору. Б. м., 15 ноября 1812 г.⁷ 4. Письмо Удино к Бертье. Обчуга (Obtchouga), 20 ноября 1812 г.⁸ 5. Письмо Удино к Домбровскому. Бобр, 21 ноября 1812 г., в 4 часа вечера⁹. 6. Письмо Удино к Бертье. Бобр, 22 ноября 1812 г., 3 часа утра¹⁰. 7. Письмо Удино к Бертье. На-ча, 22 ноября 1812 г.¹¹ 8. Письмо Удино к Бертье. Лошница, 23 ноября 1812 г.¹² 9. Письмо Удино к Бертье. Борисов, 23 ноября 1812 г.¹³ 10. Приказ [Бертье]. В главной квартире в Борисове, 24 ноября 1812 г.¹⁴ 11. Письмо Удино к Бертье. Борисов, 24 ноября 1812 г.¹⁵

Помимо писем, в архивном деле под № 12 содержатся «Комментарии (Observations)»¹⁶, которые принадлежат, по-видимому, Лорансе. Однако эти комментарии были сделаны значительно позже времени переписки Лорансе с Сегюром 1823 г. Об этом говорят

¹ Это произошло, по нашему мнению, вечером 24-го ноября.

² Сегюр относит к пребыванию Наполеона в Толочине (22 или 23 ноября) следующий эпизод. Наполеон по карте определял место переправы армии через Березину. Когда он стал рассматривать возможность переправы ниже Борисова, ближе к Днепру, он заметил близость этого места «к земле казаков» и воскликнул: «Это же Полтава и Карл XII» [Ségur 1824b: 324].

³ Лорансе — Сегюру. Бар-ле-Дюк, 8 мая 1823 г. // SHD. 1 M2138; Revue d'histoire rédigée à l'État-major de l'armée. Section historique. № 139. Juillet 1912. P. 146.

⁴ Сегюр — Лорансе. Париж, 14 мая 1823 г. // SHD. 1 M2138; Revue d'histoire rédigée à l'État-major de l'armée. Section historique. № 139. Juillet 1912... P. 146.

⁵ SHD. 1 M2138. Опубликовано: Revue d'histoire rédigée à l'État-major de l'armée... P. 147; Fabry G. Op. cit. P. 157.

⁶ SHD. 1 M2138. Опубликовано: Revue d'histoire rédigée à l'État-major de l'armée... P. 148; Fabry G. Op. cit. P. 169–170.

⁷ SHD. 1 M2138. Опубликовано: Revue d'histoire rédigée à l'État-major de l'armée... P. 148–150; Fabry G. Op. cit. P. 172–173.

⁸ SHD. 1 M2138. Опубликовано: Revue d'histoire rédigée à l'État-major de l'armée... P. 150–151; Fabry G. Op. cit. P. 196.

⁹ SHD. 1 M2138. Опубликовано: Revue d'histoire rédigée à l'État-major de l'armée... P. 151; Fabry G. Op. cit. P. 203.

¹⁰ SHD. 1 M2138. Опубликовано: Revue d'histoire rédigée à l'État-major de l'armée... P. 152; Fabry G. Op. cit. P. 206.

¹¹ SHD. 1 M2138. Опубликовано: Revue d'histoire rédigée à l'État-major de l'armée... P. 152–153; Fabry G. Op. cit. P. 206.

¹² SHD. 1 M2138. Опубликовано: Revue d'histoire rédigée à l'État-major de l'armée... P. 154; Fabry G. Op. cit. P. 210–211.

¹³ SHD. 1 M2138. Опубликовано: Revue d'histoire rédigée à l'État-major de l'armée... P. 155–156; Fabry G. Op. cit. P. 211–212.

¹⁴ SHD. 1 M2138. Опубликовано: Revue d'histoire rédigée à l'État-major de l'armée... P. 157–158; Fabry G. Op. cit. P. 219–220.

¹⁵ SHD. 1 M2138. Опубликовано: Revue d'histoire rédigée à l'État-major de l'armée... P. 158–159; Fabry G. Op. cit. P. 220.

¹⁶ SHD. 1 M2138. Опубликовано: Revue d'histoire rédigée à l'État-major de l'armée... P. 159–161.

ссылки автора на книгу А. Ж. Ф. Фэна «Рукопись 1812 года», первое издание которой состоялось в 1827 г. [Fain 1827].

Коллекцию документов, отложившихся в «Бумагах маршала Удино» и принадлежавших генералу Лорансе, завершает 10-страничный «Краткий рапорт (Rapport succinct)»¹, который включает описание событий начиная с 9 ноября 1812 г., когда маршал Удино возвратился после ранения к своему корпусу, и заканчивая сражением под Смоленскими (13–14 ноября 1812 г.). Этими 10 страницами «Краткого рапорта» автор (им был, по видимому, Лорансе) подкреплял те положения, которые были представлены в письме Лорансе Сегюру от 8 мая 1823 г.

Подведем итоги. Сведения, которые представил генерал Лорансе Сегюру в 1823 г., имели, безусловно, важное значение для реконструкции обстоятельств событий на Березине. Обращение к тексту работы Сегюра это убедительно подтверждает. Более того, свидетельства Лорансе и документы, которые ему удалось сохранить в тяжелейших условиях переправы через Березину и в ходе дальнейшего отступления, сыграют великую службу в формировании общей картины трагических событий, которая сформируется в национальном сознании французов. Эта картина будет заполнена как образами человеческих страданий, так и сюжетами, отразившими героизм и самоотверженность человека. В то же время имя белорусской реки превратится в важный, но одновременно и чрезвычайно противоречивый элемент политической коммуникации.

ИСТОЧНИКИ

1. Archives Nationales. 36 AP 1.
2. Pièces officielles et bulletins de la Grande Armée. Année 1812. — Paris : H. Acasse, 1821. — 374 p.
3. Fabry, G. Campagne de 1812: Documents relatifs à l'aile gauche de la Grande armée / G. Fabry. — Paris : R. Chapelot, 1912. — 260 p.
4. Journal de Paris. — 1825. — 16 Juillet.
5. Lorencez, G. L. Le général comte de Lorencez à Monsieur le comte général de Ségur. Bar-le-Duc, le 8 mai 1823. Documents. Le passage de la Berezina // *Revue d'histoire rédigée à l'État-major de l'armée. Section historique*. — 1912. — № 139. — Juillet. — P. 137–165.
6. Service historique de la Défense. 1 M 2138.
7. Six, G. Dictionnaire biographique des généraux et amiraux français de la Révolution et de l'Empire / G. Six. — Paris : Librairie Historique et Nobilaire, 1934. — T. 2. — 588 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Военский, К. А. Наполеон и борисовские евреи в 1812 году / К. А. Военский // Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 году. — Санкт-Петербург : Кн-во «Сел. Вестн.», 1912. — С. 19–199.
2. Искюль, С. Н. Граф Поль-Филипп де Сегюр и его книга о русской кампании Великой Армии / С. Н. Искюль // Союз дворян. — 2015. — № 133. — Июнь. С. 5–20. — ISSN 1760-

9836. — URL: https://www.noblesse-russie.org/docs/journal_unr_133.pdf (дата обращения: 27.03.2026).

3. Постникова, А. А. Великая армия Наполеона на Березине: событие — память / А. А. Постникова. — Санкт-Петербург : Гуманитарная академия, 2014. — 239 с. — ISBN 978-5-93762-074-3.

4. Постникова, А. А. Русская кампания Наполеона и Франция: историко-антропологическое измерение / А. А. Постникова. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 2022. — 199 с. — ISBN 978-5-8243-2484-6.

5. Сегюр, Ф. де. Наполеон и Великая Армия во время войны 1812 года / Ф. де Сегюр ; пер. с фр. Д. Соловьева, под ред. С. Искюля. — Санкт-Петербург : Петрополис, 2014. — 488 с. — ISBN 978-5-9676-0627-4.

6. Bourgoing, P. Le Prisonnier en Russie / P. Bourgoing. — Paris : Maradan, 1815. — 275 p.

7. Chambray, G. Histoire de l'expédition de Russie / G. Chambray. — Paris : Pillot, 1823. — T. 2. — 460 p.

8. Gourgaud, G. Napoleon et la Grande Armée en Russie, ou Examen critique de l'ouvrage de M. le comte Ph. de Segur / G. Gourgaud. — Paris : Bassange Frères, 1825. — 588 p.

9. Guillaume, de Vaudoncourt F.-F. Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre entre la France et la Russie, en 1812 / F. F. Guillaume de Vaudoncourt. — Londres : J. Deboffe, 1815. — T. 2. — 350 p.

10. Fain, A. J. F. Manuscrit de 1812 / A. J. F. Fain. — Bruxelles : H. Tarlier, 1827. — T. 2. — 496 p.

11. Labaume, E. Relation circonstanciée de la campagne de Russie en 1812 / E. Labaume. — Paris : C. L. F. Panckoucke et Magimel, 1814. — 455 p.

12. Lorencez. Souvenirs militaires du général comte de Lorencez / Lorencez. — Paris : Émile-Paul, 1902. — 102 p.

13. Pigeard, A. Les étoiles de Napoléon / A. Pigeard. — Paris : Quatuor, 1996. — 488 p.

14. Ségur, Ph.-P. Histoire de Napoleon et de la Grande Armée pendant l'année 1812 / Ph.-P. Ségur. — Paris : Baudoin, 1824a. — T. 2. — 448 p.

15. Ségur, P. P. Histoire de Napoléon et la Grande-Armée pendant l'année 1812 / P. P. Ségur. — Paris : Baudoin, 1824b. — T. 2. — 450 p.

MATERIALS

1. Archives Nationales. 36 AP 1.
2. Fabry, G. (1912). Campagne de 1812: Documents relatifs à l'aile gauche de la Grande armée. Paris: R. Chapelot, 260 p.
3. Journal de Paris (1825). 16 Juillet.
4. Lorencez, G. L. (1912). Le général comte de Lorencez à Monsieur le comte général de Ségur. Bar-le-Duc, le 8 mai 1823. Documents. Le passage de la Berezina. *Revue d'histoire rédigée à l'État-major de l'armée. Section historique*, 139(Juillet), 137–165.
5. Pièces officielles et bulletins de la Grande Armée. Année 1812 (1821). Paris: H. Acasse, 374 p.
6. Service historique de la Défense. 1 M 2138.
7. Six, G. (1934). Dictionnaire biographique des généraux et amiraux français de la Révolution et de l'Empire. T. 2. Paris: Librairie Historique et Nobilaire, 588 p.

REFERENCES

1. Voenskiy, K. A. (1912). Napoleon i borisovskie evrei v 1812 godu = Napoleon and the Jews of Borisov in 1812. *Historical essays and articles related to 1812*, 19–199. St. Petersburg: Kn-vo «Sel. Vestn.».
2. Iskyul', S. N. (2015). Graf Pol'-Filipp de Segyur i ego kniga o russkoj kampanii Velikoj Armii = Count Paul-Philippe de Ségur and his book about the Russian campaign of the Grande Armée. *Union of the Nobles*, 133(Juin), 5–20. ISSN 1760-9836. Available at March 30, 2026 from https://www.noblesse-russie.org/docs/journal_unr_133.pdf.
3. Postnikova, A. A. (2014). Velikaya armiya Napoleona na Berezine: sobytie — pamyat' = Napoleon's Grand Army at the Berezina River: An Event and a Memory. St. Petersburg: Gumanitarnaya akademiya, 239 p.
4. Postnikova, A. A. (2022). Russkaya kampaniya Napoleona i Franciya: istoriko-antropologicheskoe izmerenie = Napoleon's

¹ SHD. 1 M2138. Опубликовано: *Revue d'histoire rédigée à l'État-major de l'armée...* P. 161–165.

Russian Campaign and France: A Historical and Anthropological Perspective. Moscow: Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya, 199 p.

5. Ségur, F. de. (2014). Napoleon i Velikaya Armiya vo vremya vojny' 1812 goda = Napoleon and the Grande Armée during the War of 1812. St. Petersburg: Petropolis, 488 p.

6. Bourgoing, P. (1815). Le Prisonnier en Russie. Paris: Maradan, 275 p.

7. Chambray, G. (1823). Histoire de l'expédition de Russie. T. 2. Paris: Pillet, 460 p.

8. Gourgaud, G. (1825). Napoleon et la Grande Armée en Russie, ou Examen critique de l'ouvrage de M. le comte Ph. de Segur. Paris: Bassange Frères, 588 p.

9. Guillaume de Vaudoncourt, F.-F. (1815). Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre entre la France et la Russie, en 1812. T. 2. Londres: J. Deboffe, 350 p.

10. Fain, A. J. F. (1827). Manuscrit de 1812. T. 2. Bruxelles: H. Tarlier, 496 p.

11. Labaume, E. (n.d.). Relation circonstanciée de la campagne de Russie en 1812. Paris: C. L. F. Panckoucke et Magimel, 455 p.

12. Lorencez (1902). Souvenirs militaires du général comte de Lorencez. Paris: Émile-Paul, 102 p.

13. Pigeard, A. (1996). Les étoiles de Napoléon. Paris: Quatuor, 488 p.

14. Ségur, Ph.-P. (1824a). Histoire de Napoleon et de la Grande Armée pendant l'année 1812. T. 2. Paris: Baudoin, 448 p.

15. Ségur, P. P. (1824b). Histoire de Napoléon et la Grande-Armée pendant l'année 1812. T. 2. Paris: Baudoin, 450 p.

Политическая лингвистика. 2026. № 2 (116).
Political Linguistics. 2026. No 2 (116).

УДК 81'42+81'38+81'27

ББК Ш105.51+Ш105.551.5+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 5.9.9; 5.9.8

Григор Арамович Калантарян^{1✉}, Ибрагим Алиевич Курбанов^{2✉}, Елена Анатольевна Нахимова^{3✉}

¹ Сургутский государственный университет, Сургут, Россия, kalantaryan2_ga@edu.surgu.ru[✉], SPIN-код: 2385-0690, <https://orcid.org/0009-0009-7711-814X>

² Московский технический университет связи и информатики, Москва, Россия, ibragimkurbanov@mail.ru[✉], SPIN-код: 1569-1579, <https://orcid.org/0000-0002-0081-5360>

³ Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, SPIN-код: 2983-5495, nakhimova@gmail.com[✉], <https://orcid.org/0000-0003-4908-632X>

Метафорическое моделирование образа премьер-министра Республики Армении Никола Пашиняна в русскоязычных, армяноязычных и англоязычных СМИ: диахронический аспект

АННОТАЦИЯ. Настоящая статья направлена на сопоставительное диахроническое исследование метафорических моделей, использующихся для моделирования образа премьер-министра Республики Армения Никола Пашиняна в политическом дискурсе СМИ на русском, армянском и английском языках в диахроническом аспекте с временными срезами, охватывающими период с 2018 по 2026 год. Актуальность данного исследования обусловлена недостаточным объемом лингвокогнитивных исследований метафорических моделей в политическом дискурсе русского, армянского и английского языков в диахроническом рассмотрении. Применение основ теории концептуальной метафоры, фреймо-слововой классификации А. П. Чудинова, теории критического анализа метафоры и теории оценочного компонента в метафорах в качестве методологии настоящей статьи, а также классификации и сопоставительного анализа позволяет провести диахроническое лингвокогнитивное исследование метафорических моделей для выявления динамики фреймо-слововой структуры в формировании отношения к премьер-министру Республики Армения Николу Пашиняну. Целями данной статьи являются: установление метафорических моделей, выделение их фреймо-слововой структуры, распределение элементов фреймо-слововой структуры в диахроническом аспекте, контекстуальный и дискурсивный анализ. В материал исследования входят метафорические словоупотребления, задействованные в моделировании образа Никола Пашиняна в политическом дискурсе русскоязычных, армяноязычных и англоязычных СМИ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политические тексты, журналистика, медиадискурс, медиатексты, армянские СМИ, русскоязычные СМИ, англоязычные СМИ, средства массовой информации, языковые средства, язык СМИ, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, когнитивные метафоры, политические деятели, премьер-министры, медиаобразы, когнитивная лингвистика, фреймо-слововая структура, концептуальные метафоры, метафорические коннотации.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Калантарян Григор Арамович, преподаватель, кафедра лингвистики и переводоведения, Сургутский государственный университет, Сургут, Россия, email: kalantaryan2_ga@edu.surgu.ru.

Курбанов Ибрагим Алиевич, кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Московский технический университет связи и информатики, Москва, Россия, email: ibragimkurbanov@mail.ru.

Нахимова Елена Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, кафедра межкультурной коммуникации, риторики и РКИ, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, email: nakhimova@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Калантарян, Г. А. Метафорическое моделирование образа премьер-министра Республики Армении Никола Пашиняна в русскоязычных, армяноязычных и англоязычных СМИ: диахронический аспект / Г. А. Калантарян, И. А. Курбанов, Е. А. Нахимова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 35–44.

Grigor A. Kalantaryan^{1✉}, Ibragim A. Kurbanov^{2✉}, Elena A. Nakhimova^{3✉}

¹ Surgut State University, Surgut, Russia, kalantaryan2_ga@edu.surgu.ru[✉], SPIN code: 2385-0690, <https://orcid.org/0009-0009-7711-814X>

² Moscow Technical University of Communication and Informatics, Moscow, Russia, ibragimkurbanov@mail.ru[✉], SPIN code: 1569-1579, <https://orcid.org/0000-0002-0081-5360>

³ Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, SPIN code: 2983-5495, nakhimova@gmail.com[✉], <https://orcid.org/0000-0003-4908-632X>

Metaphorical Modeling of the Image of the Armenian Prime Minister Nikol Pashinyan in Russian-, Armenian- and English-Language Media: A Diachronic Aspect

ABSTRACT. This article aims to conduct a comparative diachronic study of metaphorical models used to model the image of Prime Minister of the Republic of Armenia Nikol Pashinyan in the political discourse of the media in Russian, Armenian and English in a diachronic aspect with time slices covering the period from 2018 to 2026. The relevance of this study can be attributed to the insufficient volume of linguistic and cognitive studies of metaphorical models in the political discourse of the Russian, Armenian and English languages in a diachronic aspect. The application of the fundamentals of the theory of conceptual metaphor, the frame-slot classification of A. P. Chudinov, the theory of critical analysis of metaphor and the theory of the evaluative component in metaphors as the methodology of this article, as well as a classification and comparative analysis, allows carrying out a diachronic linguocognitive study of metaphorical models to identify the dynamics of the frame-slot structure in shaping attitudes towards Armenian Prime Minister Nikol Pashinyan. The objectives of this article are to single out metaphorical models, to reveal their frame-slot structure, to distribute the elements of the frame-slot structure in a diachronic aspect, and to perform a contextual and discursive analysis. The practical research material includes metaphorical word-uses involved in modeling the image of Nikol Pashinyan in the political discourse of Russian-, Armenian- and English-language media.

KEYWORDS: political discourse, political texts, journalism, media discourse, media texts, Armenian media, Russian-language media, English-language media, mass media, language means, mass media language, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, cognitive metaphors, politicians, prime ministers, media images, cognitive linguistics, frame-slot structure, conceptual metaphors, metaphorical connotations.

AUTHOR'S INFORMATION: Kalantaryan Grigor Aramovich, Senior Lecturer of Department of Linguistics and Translation Studies, Surgut State University, Surgut, Russia.

Kurbanov Ibragim Alievich, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Moscow Technical University of Communication and Informatics, Moscow, Russia.

Nakhimova Elena Anatol'evna, Doctor of Philology, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric, and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Kalantaryan G. A., Kurbanov I. A., Nakhimova E. A. (2026). Metaphorical Modeling of the Image of the Armenian Prime Minister Nikol Pashinyan in Russian-, Armenian- and English-Language Media: A Diachronic Aspect. In *Political Linguistics*. No 2 (116), pp. 35-44. (In Russ.).

1. ВВЕДЕНИЕ

Концептуальная метафора как элемент политического дискурса, задействованный в моделировании политической понятийной сферы, представляется основным методологическим компонентом настоящей статьи. В рамках когнитивной лингвистики и теории концептуальной метафоры следует исходить из того, что основная функция метафоры как дискурсивной единицы направлена на определение концептов одной понятийной сферы (сферы-мишени) посредством единиц другой понятийной сферы (сферы-источника). Так, концептуальная метафора предполагает комплексную, структурную и воспроизводимую интерпретацию действительности с помощью концептуальной связи между единицами разных понятийных сфер [Lakoff 2003].

Перечисленные свойства метафоры в данной статье анализируются в рамках политического дискурса для определения их фреймо-слотовой структуры, метафорики и диахронического распределения доминирующих субсфер в текстовых публикациях русскоязычных, армяноязычных и англоязычных СМИ рассматриваемого периода. Следовательно, в настоящем исследовании в качестве основы категоризации метафорических единиц и описания их функционирования используются теоретические лингвокогнитивные положения, согласно которым концептуальная метафора в определяемых слотах, фреймах, сферах-источниках и суб-

сферах представлена в большинстве понятийных сфер, применяемых для концептуализации действительности, и влияет на язык и мышление [Чудинов 2001].

Лингвокогнитивное исследование метафорического моделирования образа политика в текстах политического дискурса СМИ предполагает учет риторических свойств данной группы текстов, связанных с семантическим выделением тех или иных значений концептов и метафорических моделей и приглушением других смысловых компонентов с целью влияния на интерпретацию действительности и формирование взглядов о явлениях в сфере-мишени. При этом необходимо анализировать также прагматическое содержание изучаемых метафорических моделей, которое определяет, на формирование каких политических решений, смыслов и коннотаций направлено итоговое значение метафорической модели. Актуальность настоящего лингвокогнитивного исследования определяется недостаточной степенью изученности диахронического аспекта метафорического моделирования образа политика в сопоставлении русскоязычного, армяноязычного и англоязычного дискурсов.

2. МАТЕРИАЛ, МЕТОДЫ, ОБЗОР

Объектом исследования данной статьи являются метафорические словоупотребления, представленные в политическом дискурсе СМИ русского, армянского и англий-

ского языков, моделирующие образ премьер-министра Армении Никола Пашиняна. Учитывая диахроническую направленность работы, следует указать, что общий временной охват учитываемых публикаций ранжируется от 2018 до 2026 г., чтобы корректно отразить моделирование политика исключительно в качестве премьер-министра государства. Таким образом, структура исследования предполагает последовательный анализ метафорических моделей в нескольких временных срезах, а именно: установленные метафорические единицы группируются по году публикации в категории 1) 2018–2020 гг., 2) 2020–2022 гг., 3) 2022–2024 гг. и 4) 2024–2026 гг.

При анализе метафорических моделей в рамках каждого временного среза приводятся единицы дискурсов каждого из рассматриваемых языков, выделяется фреймо-слотовая структура, определяются доминантные метафорические модели, субсферы, приводится количественное распределение метафор по субсферам внутри данного временного отрезка. В итоговой части исследования посредством квантитативного и квалитативного методов представляются данные о распределении субсфер в дискурсе трех языков в диахроническом аспекте, выводы о причинах доминирования той или иной субсферы за весь рассматриваемый временной промежуток, а также в отдельных категориях. При этом приводятся данные о диахронической дистрибуции субсфер как в трех языках в совокупности, так и в дискурсе каждого языка отдельно.

Методология статьи преимущественно основана на теории концептуальной метафоры Лакоффа и Джонсона, а также классификации метафорических моделей А. П. Чудинова (работа «Россия в метафорическом зеркале» [Чудинов 2001]). В определенных случаях исходные категории классификации расширяются и дополняются нами при описании метафорических словоупотреблений. Определение теории концептуальной метафоры устанавливает, что метафора как дискурсивная единица выполняет функцию перехода от известного к неизвестному посредством асимметричных семантических общностей, при этом степень уточнения семантического содержания может варьироваться. Понятие метафорической модели определяется в качестве процесса метафоризации, в результате которого явление концептуального переноса включает определенное прагматическое содержание в метафору. Анализ метафорических моделей основан на включении в содержание исследования наиболее репрезентативных метафориче-

ских моделей из публикаций в политическом дискурсе каждого из рассматриваемых языков (при необходимости текст на иностранном языке сопровождается нашим переводом на русский язык). В каждом диахроническом срезе лингвокогнитивный и дискурсивный анализ метафорических моделей содержит также рационализацию о причинах преобладания тех или иных субсфер, проводящуюся с точки зрения политического контекста, и количественные данные о динамике распределения метафор за каждый временной период.

Категоризация метафорических единиц с определением фреймо-слотовой структуры на основе классификации из труда «Россия в метафорическом зеркале» определяет четыре основных класса — субсферы, которые являются самыми обширными единицами. Данные категории разделяются по семантическому признаку на следующие: «человек», «природа», «артефакт», «общество». Антропоморфная субсфера связана с концептуализацией действительности с помощью понятий, семантически соотнесенных с человеком как таковым, его функционированием, физиологией, смежными процессами и родственными связями между людьми. Природная субсфера обеспечивает концептуальный перенос, задействуя понятия, входящие в сферы живой и неживой природы. С другой стороны, концепты тех или иных объектов, механизмов и множества предметов как таковых входят в артефактную субсферу. Наконец, социальная субсфера включает в свой состав единицы театральной, военной, спортивной или преступной сфер-источников для обеспечения концептуализации. Определение сферы-источника предполагает более уточненный относительно субсферы класс понятийных сфер с ментальным содержанием. К фреймам относят ментальные элементы, в составе которых находятся те или иные когнитивные сценарии. Слот — неделимая категория низкого уровня, частично соотносящаяся с концептом как таковым.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

3.1. Диахронический срез 2018–2020 гг.

Далее проводится анализ наиболее репрезентативных метафорических моделей, моделирующих образ Никола Пашиняна в текстах политического дискурса трех языков периода 2018–2020 гг. Русскоязычная метафора: *«Какая разница, кто там во главе шествия? У всех у нас одна цель: добиться того, чтобы Серж Саргсян ушел. Он обещал уйти, обещал парламентскую республику, а вместо этого разводят тут армянский Афганистан...»* (Лента.ру. 2018).

Метафора относится к сфере-источнику войны, фрейму государства и слоту афганского конфликта. При этом создается метафорическая модель **«Никол Пашинян — участник боевых действий»**. Концептуализация политической действительности итоговой понятийной сферы воспроизводится с помощью сравнения с иным известным сценарием политического явления — афганской войны. Анализ метафоры подтверждает дискурсивную тенденцию, содержащуюся в теоретических основах исследования когнитивных метафор, согласно которой применение данных концептуальных единиц в политическом дискурсе связано с воспроизведением когнитивных сценариев уже известных стандартизированных событий. Коннотации модели негативны, потому что она прагматически направлена на то, чтобы создать значение возможного риска значительных разрушений и кризиса в случае допущения незначительных изменений политического статус-кво.

Рассмотрим метафору армяноязычного дискурса: «Փաշինյանն ու իր թիմը ամեն բան անում են հաևուն վարկանիշի: Նրանց քաղաքական օրակարգը դա է, և առավել ցավալի է, որ իրենք հավատում են սոցիալական ցանցում իրենց ֆեյքերի կողմից հորինված վարկանիշին: **Փաշինյանը «պատանդ» է իր հորինած վարկանիշի ձեռքին...**» — «Пашинян и его команда всё делают ради сохранения своей репутации. В этом заключается их политическая повестка, и тем более прискорбно, что они верят в свой вымышленный рейтинг в соцсетях, сгенерированный их же фейками. **Пашинян является заложником своей выдуманной репутации...**» (Politik. 2019). Данная метафора относится к сфере-источнику криминальной метафоры, фрейму жертв преступников и иных не относящихся к преступному сообществу граждан, слоту заложника. Процесс метафоризации в рассматриваемом случае формирует метафорическую модель **«Никол Пашинян — заложник»**. Метафора армяноязычного дискурса содержит отрицательные коннотации — автор использует связанные с концептом заложника отрицательные смыслы беспомощности, бесконтрольности, подавленности и смертельного риска, чтобы моделировать образ премьер-министра в качестве неспособной управлять Арменией жертвы, подчиняющейся внешним силам. В данном случае подобной «силой» представляется предполагаемое стремление Никола Пашиняна сохранить свои несуществующие рейтинг и репутацию — метафора полностью исключает иные приоритеты в ведении внутренней и внешней политики

Армении, предлагает читателю тезис, согласно которому любая политическая мера Никола Пашиняна направлена на поддержку собственной репутации.

Далее приводится метафора англоязычного дискурса: «Nikol Pashinyan recently called representatives of power structures and directly asked them if they were with him or not. We were told that an offer was made to appoint Gagik Jhangiryan, Armenia's former military prosecutor and an in-law of Khachatur Sukiasyan. However, Jhangiryan refused and particularly stated the following: **"I won't assume office in a 'sinking ship'"**» — «Никол Пашинян позвонил представителям властных структур и напрямую спросил, поддерживают ли они его. Нам сообщили, что было сделано предложение о назначении Гагика Джангиряна, бывшего военного прокурора Армении и родственника Хачатура Сукиасяна. Однако Джангирян отказался и особо отметил: **„Я не вступлю в должность на „тонущем корабле““**» (News.am. 2020). Данная метафора относится к сфере-источнику театральной метафоры, фрейму вида зрелища и жанра представления и слоту трагедии. Создается метафорическая модель **«Никол Пашинян — капитан тонущего судна»**. Метафора обладает негативными коннотациями и прагматически направлена на дискредитацию политики Никола Пашиняна. Семантика ее функционирования приводит к созданию слов хаоса, политического кризиса и упадка. Данный случай концептуализации воздействует на формирование определенных решений среди реципиентов: не доверять институциональным структурам внутри государства; прибегнуть к физическому спасению, бегству (схема тонущего корабля); уделять внимание выживанию (пренебрежение социальными нормами).

Квантитативный анализ распределения субсфер метафор в описанном диахроническом срезе дает следующие данные в трех языках в совокупности: социальные метафоры — 47,2 %, антропоморфные — 25,6 %, природные — 16,8 %, артефактные — 10,4 %.

3.2. Диахронический срез 2020–2022 гг.

Рассмотрим метафорическую модель русскоязычного дискурса: **«„Трусливая собака!“, „Предатель!“** — так на улицах Еревана и в Нагорном Карабахе проклинают нынешнего президента Армении Никола Пашиняна, который пришел к власти два года назад на волне народных протестов. Теперь в стране нет более непопулярного политика» (Eg.ru. 2020). Эта метафорическая единица относится к сфере-источнику зооморфной метафоры, фрейму состава царства животных и слоту собственно жи-

вотных. Концепт собаки является денотатом привычного, распространенного животного, он продуктивен во многообразии обозначаемых семантических компонентов, необходимых для функционирования политического дискурса. В данном случае воспроизводится метафорическая модель **«Никол Пашинян — собака»**. Несмотря на наличие некоторых положительных смыслов у центрального концепта модели, его применение в концептуальном наложении для моделирования образа того или иного деятеля-человека в существенной мере формирует негативное восприятие. Прежде всего сравнение человека с животным (культурно не наделенным прямыми, явными признаками чести, доблести и благородства) в контексте войны и кризиса лишает его с точки зрения читателя привычных прав и привилегий, присущих любому человеку.

Приведем пример концептуализации в армяноязычном дискурсе: «Սա է իրականում այսօրվա հիմնական ատելիքը, սիրելի հայրենակիցներ, կամ ավելի ճիշտ, այն, ինչ բխում է սրանից: Իսկ այդ ատելիքը հետևյալն է, որ ամենևին էլ առաջին անգամ այսօր չհնչեցնեմ. հայոց պետականության մեր Նավը հայտնվել է **խռովահույզ փոթորիկի հորձանուտում**, որովհետև, ըստ էության, ամբողջ աշխարհն է հայտնվել խռովահույզ փոթորիկի հորձանուտում: Այդ 2021 թվականի հունվարին էր մեզ թվում, թե մենք ենք հայտնվել խռովահույզ փոթորիկի հորձանուտում:» — «Главный сегодняшний посыл заключается, дорогие соотечественники, в следующем, а точнее в выводе, который из него исходит и который я называю не впервые: корабль армянской государственности оказался **посреди вихрей бушующего урагана**, как и весь остальной мир. В январе 2021 года нам казалось, что ураган бушует лишь вокруг нас, однако выяснилось, что ураган начался с нас» (Radar.am. 2021). Данная метафора относится к сфере-источнику неживой природы, входит во фрейм стихийных бедствий и слот урагана. С учетом прагматической направленности концептуализации данной единицы, ее семантического и дискурсивного наполнения можно утверждать, что в этом случае воспроизводится метафорическая модель **«Никол Пашинян — жертва стихии»**. Следует отметить, что исследуемая метафора содержит нейтральные или позитивные коннотации, так как в ней прослеживается прагматическая цель, направленная на смещение ответственности за вынужденное для Армении мирное соглашение с Азербайджаном с Никола Пашиняна на абстрактную политическую обстановку во всём мире — неопределенные

глобальные тенденции, вызванные кем-то, кроме нынешнего руководства страны.

Перейдем к анализу англоязычной метафоры: «The best way to get out of this dead end would be to call an end to this inaction. How? The agenda must contain a single item: national security. According to some informed opinions, **Armenia may even suffer from Stockholm Syndrome** in the way it seeks peace at any cost, even to the point of considering its enemies' needs above its own» — «Лучшим способом вырваться из этого тупика было бы призвать всех прекратить бездействовать. Каким образом? Повестка государства должна содержать главный пункт — национальную безопасность. По некоторым квалифицированным мнениям, **Армения, возможно, даже страдает от стокгольмского синдрома**, учитывая, что она добивается мира любой ценой, порой ставя потребности врага выше своих» (Evnreport. 2022). Фреймо-слотовая структура метафоры имеет следующий вид: сфера-источник — криминальная метафора; фрейм — жертвы преступников и иные не относящиеся к преступнику сообществу граждане; слот — заложник. Изучение данной метафорической модели выявляет, что Никол Пашинян, являясь недостаточно властным и влиятельным политиком, теперь представляется заложником внешних сил — в данном случае Турции и Азербайджана — и теперь, лишенный суверенности, проводит политику Армении, исходя из интересов вражеских стран. Также можно обратить внимание на перенос моделируемого отрицательного качества заложника с Никола Пашиняна на государство и его жителей, которые являются реципиентами этой метафорической модели. Поэтому она в более активной форме прагматически направлена на то, чтобы создать стимул сменить власть Никола Пашиняна — читатель осознает, что в результате политики премьер-министра граждане оказались в числе метафорических заложников.

Квантитативный анализ дистрибуции субсфер в описанном диахроническом срезе выявил следующее категориальное соотношение: социальные метафоры — 39,9 %, антропоморфные — 32,1 %, природные — 14,3 %, артефактные — 13,7 %.

3.3. Диахронический срез 2022–2024 гг.

Проанализируем метафору русскоязычного дискурса: «Саакашвили, Порошенко, Пашинян, Зеленский блестяще исполнили и исполняют свои роли, **отправляя собственные народы в мясорубку**» (Verelq. 2022). Эта метафорическая единица относится к сфере-источнику механизма, фрейму государства как мощного и безжалостного меха-

низма, слоту мясорубки. Общее семантическое свойство между задействованием концепта мясорубки и высказываемой жестокостью государства к своим гражданам, за счет которого обеспечивается метафорика, заключается, во-первых, в идентичности между кровавостью и смертельностью обращения с мясорубкой (драматизируется образ гибели людей на войне) и, во-вторых, между безвольностью попавшего в мясорубку предмета в буквальном смысле (невозможностью граждан отказаться от войны в переносном смысле). Коннотации метафоры исключительно отрицательные. При этом формируется метафорическая модель **«Никол Пашинян — убийца»**.

Следующая метафора входит в армяноязычный дискурс: «Հայաստանն իր սահմաններով և աշխարհագրական դիրքով այնպիսին է, որ պետք է ազգ-բանակ լինի. «Եթե դու ուժեղ ես, կարողանում ես ք եզ պաշտպանել, չի նշանակում, որ **Նահատակ ես**, հակառակն է Նահատակ: Աշխարհը մեզ հիմա է նայում **ազգ-Նահատակ**, իսկ մինչև Նիկոլի գալիս ազգ Նահատակ չէր նայում, նայում էր՝ պատերազմ հանդած:» — «Армения в нынешней географической обстановке находится в таких условиях, что должна быть нацией-армией: “Если ты силен, если можешь защитить себя, это не означает, что ты **мученик**. Мир смотрит на нас, как на **нацию-мученика**, а до прихода Никола этого не было — на нас смотрели, как на нацию-победителя, а не нацию-мученика”» (168.am. 2024). Метафора входит в сферу-источник религиозного повествования, фрейм архетипов и слот мученика. Процесс концептуализации образует метафорическую модель **«Никол Пашинян — архетипический предатель (Иуда)»**. Прагматический потенциал метафоры в армянском языке направлен на применение культурологически и этически значимых в армянской среде семантических единиц достоинства и чести в отрицательном значении; когнитивной средой и понятийной сферой для данной цели выбрана понятийная сфера христианства и Библии. Составитель метафоры описывает политические неудачи Никола Пашиняна и бедственные внешнеполитические последствия для Армении и армянского народа с помощью распознаваемого христианского тропа предателя; коннотации метафоры негативны.

Далее рассмотрим метафорическое словоупотребление англоязычного дискурса: «From the perspective of relating to different political entities both in the region and in the world, Armenia is interpreted by different segments of the public as being exploited, marginal-

ized, isolated and deprived of any chance of having influence. Armenia is portrayed to the public as a small entity in a big world. In a metaphorical sense, **Armenia is a “ball”, which is continuously kicked from one side and the other**, deprived of its sovereignty and agency» — «С точки зрения взаимоотношений с различными политическими субъектами в регионе и в мире, Армению считают эксплуатируемой и изолированной страной, лишенной прав и привилегий, которая не оказывает никакого влияния на политику. Страну изображают крошечным объектом в громадном мире. Выражаясь метафорически, **Армения — „мяч“, который постоянно пинают с одной стороны на другую**, у нее нет суверенитета и волеизъявления» (Socioscope. 2023). Эта метафора входит в сферу-источник спортивной и игровой метафоры, фрейм видов игр и спорта, слот командных спортивных игр.

С точки зрения метафорики данный случай концептуализации связывает семантическое наполнение двух понятийных сфер — исходной и итоговой — напрямую, что отличает его от стандартных для метафоры политического дискурса. Создается метафорическая модель **«Никол Пашинян — выбыл из игры»**. Коннотации модели отрицательны, так как Армения концептуализируется в виде спортивного реквизита — мяча, предмета, семантика которого содержит выраженные в существенной мере смыслы отсутствия воли, значимости, суверенитета. Пейоративная ассоциативная характеристика тем более очевидна, если обратить внимание на то, что государство изображают в виде неодушевленного предмета, так что его образ контрастирует с другими странами, которые наделяются ролью игроков, т. е. людей, которые пользуются мячом для достижения тех или иных политических целей.

В рассмотренном временном промежутке наблюдается следующее распределение субсфер среди метафор: социальные метафоры — 43,1 %, антропоморфные — 23,4 %, природные — 22,8 %, артефактные — 10,7 %.

3.4. Диахронический срез 2024–2026 гг.

Далее приведем метафору русскоязычного дискурса: «По словам Шармазанова, любой, кто выступает против разрушительной политики этой власти, должен понять одну вещь: **мы имеем дело не с Пашиняном и ГД, а с их спонсорами**, стоящими за их спиной Турцией и силами НАТО. „Пашинян — золотая рыбка для Турции, **он могильщик Третьей Республики Армения**. А после сдачи Арцаха **он начал ломать наш духовный хребет**, историческую Армению, настоящую Армению“» (Hraparak. 2024). Эта метафора входит в сферу-источник профес-

сиональной и трудовой деятельности, фрейм работы как таковой, слот могильщика. Воспроизводится метафорическая модель **«Никол Пашинян — могильщик»**. Образ премьер-министра в рамках данной метафорической модели моделируется в виде могильщика Армении как государства, из-за чего коннотации метафоры негативные. Однако выбор наблюдаемой фреймо-слотовой структуры для составления метафоры и взаимодействие центрального концепта со второстепенными единицами выявляет более глубокие функциональные дискурсивные аспекты модели. Иными словами, причина, по которой моделирование образа премьер-министра в качестве роющего могилу для всего армянского государства и всех его жителей рабочего, чтобы впоследствии их похоронить (буквальный концепт смерти в политической понятийной сфере обозначает экономический упадок, кризис, внешнеполитические угрозы и крах общества), воспринимается отрицательно и понижает поддержку Никола Пашиняна не только из-за перечисленных значений центрального концепта.

Проанализируем метафору армяноязычного дискурса: «...Սա առաքելա վերաբերվում է պետական մարմիններին, որովհետև պետական մարմինները պետության շարժիչն են, պետության անիվները, պետության դեկը և այն ամենը, ինչ ապահովում է պետության ընթացքը: Եվ հետևաբար, պետական մարմինները որքան էլ գործառնությանը և լիազորությունների բաժանումներ ու տարբերություններ ունենան, պետք է միավորված լինեն ներդաշնակության որոշակի ռիթմով, զգացողությամբ ու համակարգով, այնպես, ինչպես անկախ, բայց ներդաշնակության որոշակի ռիթմով միավորված են նվագախմբի փողային, լարային, հարվածային հատվածները, դրանցում ներառված ամեն գործիք, այնպես, ինչպես երգչախմբի յուրաքանչյուր անդամ անկախ լինելով՝ փոխկապված է մյուսի և, ի վերջո, նաև նվագախմբի հետ:» — «...Это в особенности относится к государственным органам, так как они являются двигателем государства, его колесами, штурвалом — всем, что поддерживает курс движения страны. Поэтому государственные органы, несмотря на разделение по полномочиям и функциям, **следует объединять определенными ритмом и гармонией, общим направлением, систематичностью, как и секции духовых, струнных и ударных в оркестре связаны, но при этом независимы**. Однако каждый из них обладает гармоничным ритмом — каждый инструмент, каж-

дый певец в хоре — независимы, но взаимосвязаны друг с другом и в конечном счете со всем оркестром» (Armenpress. 2025). Данная метафора относится к сфере-источнику механизма, фрейму государства как отлаженного механизма, слоту государства как составного механизма. Формируется метафорическая модель **«Никол Пашинян управляет многосоставным механизмом»**. Описанный случай концептуализации моделирует образ премьер-министра как руководящего одновременно неким абстрактным сложным механизмом и конкретизированным сложным механизмом в виде оркестра. Понятийная сфера артефактов позволяет представить государственные институты, отдельных деятелей и общую политическую динамику в виде отдельных деталей того или иного механизма. Подобная особенность концептуализации позволяет точно распределять функции и роли участников политической деятельности в сфере-мишени и исключить неповиновение авторитету главы государства.

Далее в сопоставление включается метафора англоязычного дискурса: «The Armenian people — both in the homeland and in the diaspora — must confront these questions with brutal honesty: Do we want to preserve the institution that has been **the heart of our identity** for 1,700 years, or will we allow it to be reduced to a decorative appendage of political power? The Armenian Apostolic Church is non-negotiable. It is not a cultural luxury we can modernize by eliminating it from public life. **It is the backbone of Armenianness**» — «Армянский народ, что в самой Армении, что в диаспоре, должны задаться главными вопросами: хотим ли мы сохранить институт, который уже 1700 лет **является сердцем нашей идентичности**, или ему надлежит остаться декоративным элементом политической власти? Армянская апостольская церковь не является предметом переговоров или изыском, которым можно распоряжаться, как угодно. **Церковь — позвоночник армянства**» (Abakanews. 2026). Метафора относится к сфере-источнику физиологии, фрейму физиологических органов, слотам сердца и позвоночника. При этом формируется метафорическая модель **«Армения Никола Пашиняна — живой человек»**. Физиологическая метафора позволяет сопоставить политическую действительность с деятельностью человеческого организма. Функции тех или иных органов обладают фиксированным семантическим содержанием в бытовом восприятии, благодаря чему реципиент распознает значимость определенных явлений политической действительности, которые

изображаются в виде органов. Автор метафоры наделяет христианство и институт Церкви смыслами опоры и источника жизни, поскольку они связываются с концептами позвоночника и сердца, что повышает их значимость.

Дистрибуция субсфер в диахроническом срезе 2024–2026 гг. имеет следующий вид: социальные метафоры — 33,4 %, антропоморфные метафоры — 28,8 %, природные метафоры — 21,8 %, артефактные метафоры — 16 %.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье проводится сопоставительное диахроническое лингвокогнитивное исследование метафорического моделирования образа премьер-министра Армении Никола Пашиняна. В анализ включены метафорические единицы из политического дискурса русскоязычных, армяноязычных и англоязычных СМИ. Отобранные метафоры разделяются на диахронические срезы периодом в два года, при этом выделяется фреймо-слотовая структура метафорических моделей и указывается распределение метафор по субсферам в заданный период. Исследование дистрибуции субсфер в трех языках в совокупности установило статистическое преобладание социальных метафор в трех языках в каждом из диахронических срезов.

Общее распределение метафор в трех языках за период 2018–2026 гг. в процентном виде образует следующее соотношение категорий: социальные метафоры — 36,8 %, антропоморфные — 28,1 %, природные — 20,6 %, артефактные — 14,5 %. На наш взгляд, интерпретировать полученные в ходе исследования результаты, как относительно каждого отдельного временного периода, так и с точки зрения общего распределения, можно следующим образом. Диахронический срез (2018–2020) характеризуется преобладанием социальной метафоры, потому что политические события того периода моделируются в виде всеобщей народной борьбы, ввиду чего задействуются межличностные схемы социальной понятийной сферы. Война в Армении и иные политические события периода (2020–2022) также привели к приоритету социальной метафоры, однако в данном случае социальные концепты применяются для актуализации прототипичных тропов предательства в тех или иных когнитивных сценариях. Частичное увеличение доли артефактных метафор рассматривается как индикатор сценариев восстановления страны, для которых применяются концепты данной понятийной сферы.

Диахронический срез (2022–2024) выявил незначительное увеличение количества природных метафор, что объясняется политическим контекстом неопределенности и социальной бесконтрольности. В то же время доминирование социальной метафоры сохраняется из-за активного освещения недовольства населения политическим «предательством» и «убийствами» Никола Пашиняна. Несмотря на сохраняющееся преобладание социальных метафор в категории (2024–2026), рост количества артефактных и природных метафор предполагает задействование семантических компонентов восстановления, реформ, отстраивания государственной инфраструктуры. С другой стороны, большинство социальных метафор всё так же направлено на воспроизведение негативных значений гибели людей или вреда их «организму». Таким образом, полученные результаты исследования могут способствовать развитию сопоставительного диахронического лингвокогнитивного исследования метафорических моделей в русскоязычном, армяноязычном и англоязычном дискурсе СМИ. Статистические данные, выявленные нами в ходе изучения метафорических моделей, а также методика их анализа при сопоставлении не самого широко изученного набора языков (объединение выборки из русского, армянского и английского) могут применяться авторами смежных языковых работ, чтобы расширить текущую научно-практическую базу лингвокогнитивного исследовательского направления.

ИСТОЧНИКИ

1. «Разводят тут армянский Афганистан» // Лента. — 2018. URL: <https://ria.ru/20250307/armeniya-2003542098.html> (дата обращения: 19.03.2026).
2. Փաշինյանը «պատանդ» է // Politik. — URL: <https://politik.am/am/pashinyany-patand-e> (date of access: 19.03.2026).
3. Armenian newspaper: Pashinyan has decided to change National Security Service director again // News.am. — URL: <https://news.am/eng/print/news/618496.html> / (date of access: 19.03.2026).
4. Почему бегущие из Карабаха армяне жгут свои дома // Eg.ru. — URL: eg.ru/society/970803 (дата обращения: 19.03.2026).
5. «Համաշխարհային փոթորիկ է սկսվում մեզանով». Նիկոլ Փաշինյան // Radar. — 2023. — URL: <https://radar.am/hy/news/politics-2573719057/> (date of access: 19.03.2026).
6. The Holy Alliance for Getting Out of a Quagmire // Evnreport. — URL: <https://evnreport.com/opinion/the-holy-alliance-for-getting-out-of-a-quagmire/> (date of access: 19.03.2026).
7. Саакашвили, Пашинян, Зеленский блестяще исполнили свои роли, послав людей в мясорубку // Verelq. — 2022. — URL: <https://verelq.am/ru/node/104245> (date of access: 19.03.2026).
8. «Աշխարհը հենց Փաշինյանին է որպես ծաղրածու նախատակ ընկալում, ոտքերը վրան մաքրում». Հուսիկ Արա // 168.am. — URL: <https://168.am/2024/12/04/2135950.html> (date of access: 19.03.2026).
9. Armenia and the Region: Borders and Relationships // Socioscope. — URL: <https://socioscope.am/en/archives/3791> (date of access: 19.03.2026).
10. Пашинян — золотая рыбка Турции и могильщик Третьей Республики Армения // Hraparak. — URL: <https://>

hraparak.am/ru/post/bee6db069af1dd71af10d80c757c6f7 (date of access: 19.03.2026).

11. Մեր նպատակն է, որ Հայաստանը գոյություն ունենա 50 տարի, 100 տարի, 150 տարի, 500 տարի, 1000 տարի և դրանից անդին. վարչապետը՝ ՀՀ պետական մարմինների ներկայացուցիչների առաջին համաժողովին // Armenpress. — URL: <https://armenpress.am/hy/article/1235755> (date of access: 19.03.2026).

12. The Armenian Apostolic Church: Refutation of a False Premise // Abakanews. — URL: <https://abakanews.org/opinions-and-editorials/the-armenian-apostolic-church-refutation-of-a-false-premise/> (date of access: 19.03.2026).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Будаев, Э. В. Сопоставительная политическая метафорология / Э. В. Будаев. — 2-е издание, исправленное и дополненное. — Санкт-Петербург : Научные технологии, 2020. — 464 с. — ISBN 978-5-6044793-2-2. — EDN EJKDK.

2. Будаев, Э. В. Становление когнитивной теории метафоры / Э. В. Будаев // Лингвокультурология. — 2007. — № 1. — С. 19–35. — EDN PYCQCP.

3. Будаев, Э. В. Метафора в политическом интердискурсе / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2006. — 208 с. — ISBN 5-7186-0165-8. — EDN ZADNBZ.

4. Клименко, О. К. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе / Урал. гос. пед. ин-т. — Екатеринбург, 2006. — 213 с. / О. К. Клименко // Язык средств массовой информации : сб. обзоров / Центр гуманит. науч. информ. исслед., отд. языкознания; отв. ред. Н. Н. Трошина. — Москва, 2007. — С. 158–173. — EDN NBQATP.

5. Кобозева, И. М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода / И. М. Кобозева // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : труды Междунар. семинара «Диалог-2002». — Москва : Наука, 2002. — Т. 1. — С. 188–196. — ISBN 5-02-006437-8.

6. Краевская, А. Г. Влияние английского языка на ментальные представления и когнитивные процессы носителей Русского языка / А. Г. Краевская, А. А. Мирзабекова // Власть истории и история власти. — 2023. — Т. 9, № 5(47). — С. 89–94. — EDN AXNQQG.

7. Кропотухина, П. В. Концептуальные метафоры кризисного дискурса Великобритании / П. В. Кропотухина // Политическая лингвистика. — 2017. — № 2(62). — С. 94–99. — EDN YNDHMZ.

8. Малгатаева, М. М. Концептуальные метафоры как компонент образной составляющей эмоционального концепта SYMPATHIE / М. М. Малгатаева // Вестник Бурятского государственного университета. — 2009. — № 11. — С. 66–71. — EDN KXLXLV.

9. Наумов, Д. Н. Региональная идентичность как главный фактор формирования благоприятного бренда территории (на примере ХМАО — Югры) / Д. Н. Наумов // Современные проблемы науки и образования. — 2012. — № 5. — С. 393. — EDN PKWXLN.

10. Никифорова, О. О. Политический дискурс, политическая коммуникация и СМИ / О. О. Никифорова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2014. — № 6(33). — С. 36–41. — EDN LPDDQD.

11. Полякова, Е. М. Политическая метафора в англоязычном медиадискурсе / Е. М. Полякова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. — 2009. — № 4. — С. 74–79. — EDN JVXEFU.

12. Прасолова, О. В. Формирование имиджа региона в средствах массовой информации (на примере Ханты-Мансийского автономного округа — Югры) : 10.01.10 : дис. ... канд. филол. наук / Прасолова Олеся Викторовна. — Воронеж, 2010. — 165 с. — EDN QEZQLH.

13. Сагайдачная, Е. Н. Манипуляция в политическом дискурсе / Е. Н. Сагайдачная // Вестник Челябинского государственного университета. — 2007. — № 22. — С. 121–126. — EDN NBVPWH.

14. Сегал, Н. А. Политический текст: метафорическое моделирование : монография / Н. А. Сегал. — Москва : ФЛИНТА, 2017. — 248 с. — EDN YOEXWD.

15. Сиркия, Н. П. Политический дискурс VS политический интернет-дискурс: сходства и различия (когнитивный аспект) /

Н. П. Сиркия // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2018. — Т. 10, № 2-2. — С. 164–170. — DOI 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-164-170. — EDN URLLWA.

16. Сковородников, А. П. Способы манипулятивного речевого воздействия в российской прессе / А. П. Сковородников, Г. А. Копнина // Политическая лингвистика. — 2012. — № 3(41). — С. 36–42. — EDN PGKHID.

17. Солопова, О. А. Метафора в моделировании будущего: «светлый» сценарий (на материале прогностических текстов о России отечественного, американского и британского политических дискурсов XXI в.) / О. А. Солопова // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2017. — № 46. — С. 55–70. — DOI 10.17223/19986645/46/5. — EDN YPDTTJ.

18. Хусруева, Н. М. Репрезентация биоморфного кода культуры в английских и русских поговорках / Н. М. Хусруева, П. М. Омарова // Научные междисциплинарные исследования : сборник статей XVI Междунар. науч.-практ. конф., Саратов, 30 июня 2021 года. — Саратов : Цифровая наука, 2021. — С. 268–273. — EDN HYWXBU.

19. Чудинов, А. П. Очерки по современной политической метафорологии / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2013. — 176 с. — ISBN 978-5-7186-0504-4. — EDN QZIQHN.

20. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. — 238 с. — ISBN 5-7186-0277-8.

21. Щедрина, И. О. Язык как резервуар культурных кодов в философии П. М. Бицилли / И. О. Щедрина // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. — 2020. — № 4(54). — С. 114–119. — DOI 10.24866/1997-2857/2020-4/114-119. — EDN JFQHEM.

22. Lakoff, G. Metaphors We Live By / G. Lakoff. — S. l. : University of Chicago Press, 2003. — 242 p. — ISBN 978-0226468013.

MATERIALS

1. Lenta (2018). “They’re creating an Armenian Afghanistan here”. Available at March 19, 2026 from <https://ria.ru/20250307/armeniya-2003542098.html>.

2. Politik (n.d.). P’ashinyany «patand» e. Available at March 19, 2026 from <https://politik.am/am/pashinyany-patand-e>.

3. News.am (n.d.). Armenian newspaper: Pashinyan has decided to change National Security Service director again. Available at March 19, 2026 from <https://news.am/eng/print/news/618496.html>.

4. Eg.ru (n.d.). Why are people fleeing Karabakh burning their homes? Available at March 19, 2026 from eg.ru/society/970803.

5. Radar (2023). «Hamashkharhayin p’vot’vorik e sksvum mezanov». Nikol P’ashinyan. Available at March 19, 2026 from <https://radar.am/hy/news/politics-2573719057/>.

6. Evnreport (n.d.). The Holy Alliance for Getting Out of a Quagmire. Available at March 19, 2026 from <https://evnreport.com/opinion/the-holy-alliance-for-getting-out-of-a-quagmire>.

7. Verelq (2022). Saakashvili, Pashinyan, and Zelensky played their roles brilliantly, sending people into the meat grinder. Available at March 19, 2026 from <https://verelq.am/ru/node/104245>.

8. 168.am (2024). «Ashkharhy hents’ P’ashinyanin e vorpes tsaghratsu nahatak ynkalum, votk’ery vran mak’rum». Husik Ara. Available at March 19, 2026 from <https://168.am/2024/12/04/2135950.html>.

9. Socioscope (n.d.). Armenia and the Region: Borders and Relationships. Available at March 19, 2026 from <https://socioscope.am/en/archives/3791>.

10. Hraparak (n.d.). Pashinyan – Turkey’s goldfish and the gravedigger of the Third Republic of Armenia. Available at March 19, 2026 from <https://hraparak.am/ru/post/bee6db069af1dd71af10d80c757c6f7>.

11. Armenpress (n.d.). Mer npatak n e, vor Hayastany goyut’yun unena 50 tari, 100 tari, 150 tari, 500 tari, 1000 tari yev dranits’ andin. varch’apety’ HH petakan marminneri nerkayats’uts’ich’neri arrajin hamazhoghovin. Available at March 19, 2026 from <https://armenpress.am/hy/article/1235755>.

12. Abakanews (n.d.). The Armenian Apostolic Church: Refutation of a False Premise. Available at March 19, 2026 from

<https://abakanews.org/opinions-and-editorials/the-armenian-apostolic-church-refutation-of-a-false-premise/>.

REFERENCES

1. Budaev, Eh. V. (2020). Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya = Comparative Political Metaphorology. 2nd ed., revised and supplemented. St. Petersburg: Naukoemkie tekhnologii, 464 p. ISBN 978-5-6044793-2-2. EDN EJLKDK.
2. Budaev, Eh. V. (2007). Stanovlenie kognitivnoy teorii metafor = Formation of the Cognitive Theory of Metaphor. *Lingvoculturology*, 1, 19–35. EDN PYCQCP.
3. Budaev, Eh. V., Chudinov, A. P. (2006). Metafora v politicheskom interdiskurse = Metaphor in Political Interdiscourse. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 208 p. ISBN 5-7186-0165-8. EDN ZADNBZ.
4. Klimenko, O. K. (2007). Budaev Eh. V., Chudinov A. P. Metafora v politicheskom interdiskurse / Ural. gos. ped. in-t. — Ekaterinburg, 2006. — 213 s = Budaev, E. V., Chudinov, A. P. Metaphor in Political Interdiscourse / Ural. state ped. in-t. — Ekaterinburg, 2006. — 213 p. *Language of the mass media. A collection of reviews (Resp. Ed. N. N. Troshina)*, 158–173. Moscow: Center for Humanitarian Scientific and Information Research, Department of Linguistics. EDN NBQATP.
5. Kobozeva, I. M. (2002). K formal'noy reprezentatsii metafor v ramkakh kognitivnogo podkhoda = On the formal representation of metaphors within the framework of the cognitive approach. *Computational linguistics and intellectual technologies: proceedings of the International seminar "Dialogue-2002". Vol. 1*, 188–196. Moscow: Nauka. ISBN 5-02-006437-8.
6. Kraevskaya, A. G., Mirzabekova, A. A. (2023). Vliyanie angliyskogo yazyka na mental'nye predstavleniya i kognitivnye protsessy nositeley Russkogo yazyka = The Influence of the English Language on the Mental Representations and Cognitive Processes of Native Russian Speakers. *The Power of History and the History of Power*, 9(5[47]), 89–94. EDN AXNQGG.
7. Kropotukhina, P. V. (2017). Kontseptual'nye metafori krizisnogo diskursa Velikobritanii = Conceptual Metaphors of the Crisis Discourse of Great Britain. *Political Linguistics*, 2(62), 94–99. EDN YNDHMZ.
8. Malgataeva, M. M. (2009). Kontseptual'nye metafori kak komponent obraznoy sostavlyayushchey ehmtsional'nogo kontsepta SYMPATHIE = Conceptual Metaphors as a Component of the Figurative Component of the Emotional Concept SYMPATHIE. *Bulletin of the Buryat State University*, 11, 66–71. EDN KXLXLV.
9. Naumov, D. N. (2012). Regional'naya identichnost' kak glavnyy faktor formirovaniya blagopriyatnogo brenda territorii (na primere KHMAO — Yugry) = Regional Identity as the Main Factor in the Formation of a Favorable Territory Brand (on the Example of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra). *Modern Problems of Science and Education*, 5, 393. EDN PKWXLN.
10. Nikiforova, O. O. (2014). Politicheskii diskurs, politicheskaya kommunikatsiya i SMI = Political Discourse, Political Communication and the Media. *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*, 6(33), 36–41. EDN LPDDQD.
11. Polyakova, E. M. (2009). Politicheskaya metafora v anglo-yazychnom mediadiskurse = Political Metaphor in English-Language Media Discourse. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Russian and Foreign Languages and Methods of Teaching them*, 4, 74–79. EDN JVXEFU.
12. Prasolova, O. V. (2010). Formirovanie imidzha regiona v sredstvakh massovoy informatsii (na primere Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga — Yugry) = Formation of a Region's Image in the Mass Media (using the Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra as an Example). Voronezh, 165 p. EDN QEZQLH.
13. Sagaydachnaya, E. N. (2007). Manipulyatsiya v politicheskom diskurse = Manipulation in Political Discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 22, 121–126. EDN NBVPWH.
14. Segal, N. A. (2017). Politicheskii tekst: metaforicheskoe modelirovanie = Political Text: Metaphorical Modeling. Monograph. Moscow: FLINTA, 248 p. EDN YOEXWD.
15. Sirkiya, N. P. (2018). Politicheskii diskurs VS politicheskii internet-diskurs: skhodstva i razlichiya (kognitivnyy aspekt) = Political Discourse VS Political Internet Discourse: Similarities and Differences (Cognitive Aspect). *Historical and Socio-Educational Thought*, 10(2-2), 164–170. DOI 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-164-170. EDN URLLWA.
16. Skovorodnikov, A. P., Kopnina, G. A. (2012). Sposoby manipulyativnogo rechevogo vozdeystviya v rossiyskoy presse = Methods of Manipulative Speech Influence in the Russian Press. *Political Linguistics*, 3(41), 36–42. EDN PGKHID.
17. Solopova, O. A. (2017). Metafora v modelirovanii budushchego: «svetlyy» stsennariy (na materiale prognosticheskikh tekstov o Rossii otechestvennogo, amerikanskogo i britanskogo politicheskikh diskursov XXI v.) = Metaphor in Modeling the Future: A "Bright" Scenario (Based on Prognostic Texts about Russia in Russian, American, and British Political Discourses of the 21st Century). *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 46, 55–70. DOI 10.17223/19986645/46/5. EDN YPDTTJ.
18. Khusrueva, N. M., Omarova, P. M. (2021). Reprezentatsiya biomorfno koda kul'tury v angliyskikh i russkikh paremiyakh = Representation of the biomorphic code of culture in English and Russian proverbs. *Scientific interdisciplinary research. Collection of articles of the XVI International. scientific-practical conf. (Saratov, June 30, 2021)*, 268–273. Saratov: Tsifrovaya nauka. EDN HYWXBW.
19. Chudinov, A. P. (2013). Ocherki po sovremennoy politicheskoy metaforologii = Essays on modern political metaphorology. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 176 p. ISBN 978-5-7186-0504-4. EDN QZIQHH.
20. Chudinov, A. P. (2001). Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafori (1991–2000) = Russia in a Metaphorical Mirror. A Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000). Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 238 p. ISBN 5-7186-0277-8.
21. Shchedrina, I. O. (2020). Yazyk kak rezervuar kul'turnykh kodov v filosofii P. M. Bitsilli = Language as a Reservoir of Cultural Codes in the Philosophy of P. M. Bitsilli. *Humanitarian Research in Eastern Siberia and the Far East*, 4(54), 114–119. DOI 10.24866/1997-2857/2020-4/114-119. EDN JFQHEM.
22. Lakoff, G. (2003). Metaphors We Live By. S. l.: Univ. of Chicago Pr., 242 p. ISBN 978-0226468013.

Политическая лингвистика. 2026. № 2 (116).
Political Linguistics. 2026. No 2 (116).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38+81'27
ББК ШП41.12-51+ШП41.12-55+ШП00.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Лариса Владимировна Коростелева

Нижевартовский государственный университет, Нижневартовск, Россия, klimoalvar@inbox.ru, SPIN-код: 5315-0684

Хронотоп «осажденной крепости» в современном российском политическом дискурсе

АННОТАЦИЯ. Актуальность данного исследования связана с ростом конфронтационной риторики, усилением образа «врага» и мобилизационных стратегий в российском политическом дискурсе последнего десятилетия. Цель исследования заключается в описании структурно-содержательных и языковых особенностей хронотопа «осажденной крепости» как моделирующего концепта в современном российском политическом дискурсе. Политический дискурс характеризуется особым типом хронотопа, в котором время и пространство приобретают идеологическую нагруженность и служат целям легитимации власти, консолидации общества и формирования образа «своих» и «чужих». Для исследования был выбран корпус текстов, опубликованных авторами телеграмм-каналов Д. А. Медведевым и М. В. Захаровой за период 2022–2025 гг. Предметом исследования стали дискурсивные особенности реализации хронотопа «осажденной крепости». Проблема исследования состоит в описании метафорической модели «осажденная крепость», через которую политический дискурс организует восприятие пространства и времени. Пространственное измерение указанного хронотопа строится на жестком противопоставлении внутреннего пространства, которое концептуализируется как «свое», упорядоченное, защищенное, сакральное, и внешнего, осмысляемого как враждебное, хаотичное, агрессивное, с точки зрения временного измерения настоящее переживается как «кризисное», «мобилизационное» время, требующее постоянной готовности к отражению атак; прошлое актуализируется через обращение к историческим прецедентам; будущее предстает в двух альтернативных сценариях: либо снятие осады и итоговая победа, либо падение крепости и катастрофа. Сопоставление дискурсов Д. А. Медведева и М. В. Захаровой выявляет два принципиально различных модуса репрезентации данного хронотопа, которые условно можно обозначить как метафизический и антропологический.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политические тексты, политические деятели, языковые средства, русский язык, интернет-коммуникация, интернет-технологии, интернет-дискурс, интернет-тексты, интернет-сайты, концептосфера, концепты, хронотопы, речевая агрессия, дискурс-анализ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Коростелева Лариса Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологии, лингводидактики и перевода, Нижневартовский государственный университет, г. Нижневартовск, Россия, email: klimoalvar@inbox.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Коростелева, Л. В. Хронотоп «осажденной крепости» в современном российском политическом дискурсе / Л. В. Коростелева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 45-51.

Larisa V. Korosteleva

Nizhnevartovsk State University Nizhnevartovsk, Russia, klimoalvar@inbox.ru, SPIN code: 5315-0684

The Chronotope of BESIEGED FORTRESS in Contemporary Russian Political Discourse

ABSTRACT. The relevance of this research can be associated with the growth of confrontational rhetoric and the strengthening of the image of the “enemy” and mobilization strategies in the Russian political discourse of the last decade. The aim of the study is to describe the structural-semantic and linguistic features of the chronotope “osazhdennaya krepost” (besieged fortress) as a modeling concept in modern Russian political discourse. Political discourse is characterized by a special type of chronotope, in which time and space acquire an ideological load and serve the purposes of legitimizing power, consolidating society, and shaping the image of “OWN” and “ALIEN”. The practical research material encompasses texts published by such authors of the Telegram channels as D. A. Medvedev and M. V. Zakharova over the period 2022–2025. The research object embraces the discursive features of the realization of the chronotope of “osazhdennaya krepost”. The research problem consists in describing the metaphorical model of “osazhdennaya krepost”, through which political discourse organizes the perception of space and time. The spatial dimension of this chronotope is based on a rigid juxtaposition of the inner space, which is conceptualized as “one’s own”, orderly, protected, and sacred, and the outer space, conceptualized as hostile, chaotic, and aggressive. From the point of view of the temporal dimension, the present is experienced as a time of “crisis” and “mobilization”, requiring constant readiness to repel attacks. The past is actualized through reference to historical precedents, and the future is represented in two alternative scenarios: either lifting the siege and final victory, or fall of the fortress and disaster. A comparison of the discourses of Medvedev and Zakharova reveals two fundamentally different modes of representation of this chronotope, which can be conditionally defined as metaphysical and anthropological.

KEYWORDS: political discourse, political texts, politicians, language means, Russian language, Internet communication, Internet technologies, Internet discourse, Internet texts, Internet sites, conceptsphere, concepts, chronotopes, verbal aggression, discourse analysis.

AUTHOR'S INFORMATION: *Korosteleva Larisa Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Philology, Lingvodidactics and Translation, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia.*

FOR CITATION: *Korosteleva L. V. (2026). The Chronotope of BESIEGED FORTRESS in Contemporary Russian Political Discourse. In Political Linguistics. No 2 (116), pp. 45-51. (In Russ.).*

Термин «хронотоп» получил подлинное признание и широкое распространение в гуманитарных науках благодаря работам М. М. Бахтина, который адаптировал его для задач литературоведения и эстетики. В работах М. М. Бахтина подчеркивается жанрообразующая функция хронотопа: именно пространственно-временная организация во многом определяет жанровую специфику произведения и образ человека в литературе. Автор выделяет ряд архетипических хронотопов (дороги, замка, порога, провинциального города), каждый из которых несет определенную смысловую и ценностную нагрузку [Бахтин 1975].

Перенос понятия хронотопа из литературоведения в лингвистику потребовал его переосмысления с учетом специфики языкового материала. Значительный вклад в разработку лингвистического понимания хронотопа внес И. Р. Гальперин, который оперирует термином «континуум», понимаемым как «определенная последовательность фактов, событий, развертывающихся во времени и пространстве» [Гальперин 2007: 87]. Несмотря на то что И. Р. Гальперин непосредственно не использует термин «хронотоп», его внимание к пространственно-временной организации текста создало основу для последующего осмысления хронотопа как текстовой категории.

Концепцию темпоральной структуры текста развивает З. Я. Тураева, которая приходит к выводу о том, что «описание темпоральной структуры текстов различных функциональных стилей и их временной соотносительности с внеязыковой действительностью <...> раскроет новые грани различий между текстами, принадлежащими к художественной литературе, научной прозе, деловым бумагам» [Тураева 1986: 86]. Тем самым исследователь обосновывает возможность изучения хронотопа не только в художественных, но и в нехудожественных типах дискурса.

В современном языкознании утвердилось понимание хронотопа как одной из фундаментальных текстовых категорий, которая обеспечивает целостность восприятия текста и его связь с внетекстовой реальностью. Лингвистический подход к хронотопу фокусируется на способах его языковой репрезентации — на том, как пространственные и временные отношения выражаются с помощью лексических, грамматических и синтаксических средств.

Дальнейшее развитие категории хронотопа в лингвистике связано с антропоцентрическим поворотом и усилением внимания к роли субъекта в языковой картине мира. Н. Д. Марова вводит понятие «ноохронотоп», которое расширяет бахтинскую концепцию за счет включения «духовных параметров» — ментальной точки зрения интерпретатора. В ноохронотопе «упорядоченный в соответствии с требованиями и условиями точки зрения наблюдателя-интерпретатора мир» [Марова 2006: 69] приобретает не только пространственно-временные, но и ценностно-смысловые характеристики, зависящие от менталитета интерпретатора.

Последние десятилетия отмечены активным изучением хронотопа в рамках дискурсивного анализа [Романов 2024; Фадеева 2023; Церковнов, Свойкин 2024; Elyamanu 2025]. Ученые приходят к выводу, что «хронотопическими свойствами в той или иной степени обладают все типы дискурса» [Церковнов, Свойкин 2024: 140]. Исследуются хронотопы рекламного, политического дискурса, медиадискурса, социологического дискурса, научно-академического дискурса.

К. Б. Свойкин предлагает рассматривать двусторонний характер хронотопа научного дискурса, выделяя хронотоп автора и хронотоп читателя: «...одна часть хронотопа остается в том пространстве-времени, в котором текст создавался автором, другая часть этого хронотопа делегируется в пространство-время восприятия этого текста читателем» [Свойкин 2008: 161].

Применительно к политическому дискурсу категория хронотопа разработана в меньшей степени, однако имеются отдельные исследования [Русакова, Фатихов 2011], рассматривающие хронотоп как инструмент конструирования политической реальности. Политический дискурс характеризуется особым типом хронотопа, в котором время и пространство приобретают идеологическую нагруженность и служат целям легитимации власти, консолидации общества и формирования образа «своих» и «чужих».

«Языковая картина мира человека выстраивается в определенной сетке координат, где время и пространство являются центральными осями» [Пластинина 2013: 1]; в политическом дискурсе эта сетка координат целенаправленно конструируется для создания определенной модели мира, отвечающей задачам политической коммуникации.

В самом широком смысле хронотоп понимается как **единство пространственных и временных параметров**, в котором разворачивается человеческое бытие, событие или текст. Применительно к дискурсивным исследованиям хронотоп предстает как **способ концептуализации мира**, задающий систему координат для восприятия и интерпретации реальности.

В рамках лингвокогнитивного подхода, развиваемого в русле идей Дж. Лакоффа и М. Джонсона, хронотоп может быть рассмотрен как **метафорическая модель**, структурирующая абстрактные политические понятия через конкретные пространственно-временные образы [Lakoff, Johnson 1980]. Именно этот ракурс позволяет перейти от общего философского понимания хронотопа к анализу его конкретных дискурсивных модификаций.

Исследование хронотопа «осажденной крепости» в современном российском политическом дискурсе представляется перспективным именно в русле лингвокогнитивного подхода, позволяющего выявить, как через языковые репрезентации пространства и времени формируется особая политическая картина мира, структурирующая массовое сознание и определяющая векторы социальной мобилизации.

Метафора «осажденной крепости» стала одной из ключевых в описании положения России на международной арене и внутри страны, она делит пространство дискурса на «свое» и «чужое», имеет «мобилизующее значение, поскольку, с одной стороны, доказывает необходимость сплочения в условиях враждебного окружения вокруг политического руководства, а с другой — очерчивает круг врагов» [Амиров 2019: 250].

Хронотоп «осажденной крепости» представляет собой **специфическую пространственно-временную модель**, которая организует политическую картину мира вокруг идеи экзистенциальной угрозы и выживания во враждебном окружении. Его структура может быть описана через систему бинарных оппозиций. **Пространственное измерение** строится на жестком противопоставлении внутреннего пространства, которое концептуализируется как «свое», упорядоченное, защищенное, сакральное, и внешнего, осмысляемого как враждебное, хаотичное, агрессивное. Граница между ними приобретает сакральное значение как линия обороны и деления миров.

Временное измерение характеризуется особым типом темпоральности: *настоящее* переживается как «кризисное», «мобилизационное» время, требующее постоянной го-

товности к отражению атак; *прошлое* актуализируется через обращение к историческим прецедентам — великим осадам и войнам, победам предков; *будущее* предстает в двух альтернативных сценариях: либо снятие осады и итоговая победа, либо падение крепости и катастрофа.

Современный политический дискурс демонстрирует **актуализацию и трансформацию** хронотопа «осажденной крепости» в новых геополитических условиях. Как отмечает В. И. Спиридонова, в рамках мобилизационной стратегии в российской научной литературе происходит **переосмысление идеи «осажденной крепости»**. Это переосмысление не является изолированным процессом, но разворачивается в контексте глобального цивилизационного противостояния [Спиридонова 2024: 7].

Исследователь указывает на важную особенность современной дискурсивной ситуации: концепция «осажденной крепости» **перестает быть исключительно российской и приобретает зеркальный характер**. В Европе формулируется симметричная концепция осажденного Запада, которая развивает представления об агрессивном восточном варварстве и стимулирует политику сдерживания России. Таким образом, хронотоп крепости становится **полидискурсивным образованием**, функционирующим одновременно в разных политических культурах и обслуживающим противоположные идеологические задачи.

Для исследования хронотопа «осажденной крепости» был выбран корпус текстов, опубликованных авторами телеграм-каналов Д. А. Медведевым и М. В. Захаровой. Политические комментарии на данных каналах связи были отобраны методом сплошной выборки за период 2022–2025 гг.

В дискурсе Дмитрия Медведева прямое обозначение России как крепости встречается в инвертированной форме — он проецирует образ крепости на Западный мир, который «постепенно превращает себя в осажденную крепость, входы в которую он наглухо закрывает стенами...», «сам себя заключает в клетку, пока прочий мир спокойно живет на воле».

Описывая чужое пространство (Запад/Украина), Д. А. Медведев разворачивает богатую систему пространственной дискредитации:

– зооморфизация пространства: чужое пространство населено не людьми, а животными — «стая лающих собак из западной псарни», «свора хрюкающих подсвинков и недалеких обывателей из распавшейся западной империи со стекающей по подбород-

ку от вырождения слюной» (04.11.2022). Это лишает чужое пространство человеческого измерения, или вовсе лишает права на существование: *страна 404*;

– пространство преступности и вырождения: чужое пространство маркируется через физиологическую деградацию — «стекающая по подбородку от вырождения слюна». Пространство Запада мыслится через нацистский режим Украины (*Бандерокраина; во-яки из Бандеростана*), Западный мир — как пространство преступное и аморальное (*отвратительной, преступной и аморальной является линия поведения стран Западного мира*), а также как место распада, болезни, связанной с наркоманией лидера Украины (*наркоман в Киеве, наркопрезидент и под.*), слабоумием западных политиков (*сообщество политических имбецилов, страдающих деменцией заокеанских элит; старый человек с прогрессирующей деменцией; дедушка с деменцией*);

– демонизация пространства: чужое пространство населено Сатаной, Люцифером и Иблисом (*Цель остановить верховного властелина ада, какое бы имя он не использовал — Сатана, Люцифер или иблис*). Здесь уже представлен не географический, а мифологический топос — ад, преисподняя;

– пространство как угроза: чужое пространство активно — оттуда исходит экзистенциальная угроза существованию «своего» пространства, что связано с ненавистью к России. Это пространство русофобии, желающее смерти России (*«Они хотят смерти нам, России» — 07.06.2022*).

Свое пространство Дмитрий Анатольевич репрезентирует:

– через абстрактные сакральные сущности: Россия не просто территория, а «священная цель», объект служения. Д. А. Медведев наделяет пространство России сакральными характеристиками: «Россия не нуждается в новых территориях, но она не отдаст свои священные земли». Он наделяет пространство неприкосновенностью (*посягательство на святыню есть кощунство, а не политический спор*), абсолютной ценностью (*священное нельзя обменивать, торговать, уступать*), метафизической защитой (*священные земли охраняются не только армией, но и высшими силами*);

– онтологическую укорененность: Россия мыслится как данность, имеющая право на существование (*Мир без России нам не нужен*), которое оспаривается врагом (*Они хотят смерти нам, России*). Право на существование России обосновывается через историческую неизбежность — гибель Рос-

сии повлечет гибель половины мира, и это утверждение репрезентирует не угрозу, а утверждение онтологической связанности (*Любая рухнувшая империя хоронит под своими обломками полмира, а то и больше*). Свое пространство — это бытие, которому угрожает небытие: автор неоднократно называет Украину «страна 404», «т.н. государство», отказывая таким образом в существовании этого пространства.

Д. А. Медведев почти не использует конкретные географические названия или бытовые метафоры дома. Его «свое» — это абстрактная цивилизационная сущность, что делает образ крепости не бытовым, а метафизическим.

Граница между своим и чужим пространством в текстах Д. А. Медведева маркируется через военно-стратегические объекты: «военные базы НАТО», которые могут стать «целями». Граница — это линия потенциального удара. Через отсутствие нейтральной зоны: пространство жестко поляризовано — нет «третьего места», есть только «мы» и «они».

Течение времени в своем и чужом пространстве тоже противопоставлено в дискурсе Д. Медведева. Время своего пространства презентуется:

– как эсхатологическое. Время внутри крепости — это время последней битвы со злом. Маркеры: «Сатана», «ад», «священная цель». Это время не линейное, а циклически-мифологическое, отсылающее к архетипическому противостоянию Добра и Зла, в котором Россия выступает как страна-победитель. Автор отсылает к историческому прошлому, в котором Россия свела счеты с мировым злом — нацизмом и сегодня ставит такие же цели — денацификация и демобилизация Украины;

– героическое прошлое. Отсылки к прошлому в публикациях Д. Медведева — это всегда напоминание о том, что Россия — это страна-победитель в борьбе с нацизмом во время Великой Отечественной войне, с агрессивным Западом (например, с поляками);

– мобилизационное настоящее. Настоящее время — время испытания, требующее концентрации всех сил. Характеризуется через реакцию на угрозы (*никакие ограничения не способны сломить Россию*);

– будущее как неизбежность. Будущее своего пространства маркируется через модальность долженствования и неизбежности — победа, выживание (*Мы победим. Должны победить. Цели СВО будут достигнуты*).

Время чужого пространства — это оставленное время/архаика: Запад живет прошлым, цепляясь за устаревшие модели.

Время деградации: Запад мыслится как «не-красиво стареющий». Это время упадка, дряхления, потери жизненной силы. Автором отмечается, что именно закрытость Запада от большого мира способствует старению и деградации Запада.

В дискурсе М. В. Захаровой пространство репрезентируется иначе, чем у Д. Медведева. Свое пространство представлено Марией Владимировной:

– как пространство «нормальности»: Россия не маркируется прямо как крепость, но имплицитно предстает как пространство здравого смысла, в отличие от агрессивного абсурдного внешнего мира;

– пространство русского языка. Через кейс с конфликтом в поезде (публикация от 20.09.2025) русский язык маркируется как то, что требует защиты. Сама ситуация описана так, что агрессор — украинская пассажирка, вторгающаяся в личное пространство говорящих по-русски. Здесь работает оппозиция: «мы» (те, кто хочет просто спокойно говорить на родном языке) / «они» (те, кто агрессивно навязывает языковой патруль).

Чужое пространство в дискурсе Марии Захаровой представлено:

– как пространство абсурда и безнаказанности. Чужое пространство маркируется через алогизм, нарушение нормы и двойные стандарты (*«либеральная демократия» на деле оказывается «либеральным тоталитаризмом»*; *здесь можно открыто призывать к убийству главы иностранного государства, и это не будет считаться преступлением*);

– пространство тотального контроля. Пространственными характеристиками чужого мира является правовой вакуум (*Формально существующие законы не работают, когда речь идет о России*).

Граница между своим и чужим пространством у М. Захаровой репрезентируется через порог социального и политического пространства, в котором противопоставляется нормальность и ненормальность, желание сохранить свою идентичность (сохранение русского языка) и желание тотального контроля, ради которого Запад готов на двойные стандарты, абсурд и безнаказанность.

Течение времени в своем и чужом пространстве тоже противопоставлено в дискурсе М. Захаровой. Свое время не маркируется эксплицитно, но через контраст с деградирующим Западом Россия имплицитно помещается в нормальное, современное время.

Время чужого пространства представлено:

– как деградация и утрата связи с реальностью. Маркером движения назад является технологическая деградация (*технологическая деградация в Великобритании, вызванная упадком либерализма*), либеральная декадентность: время Запада — это время загнивания, упадка сил. В посте от 17.03.2026 года М. Захарова вводит ключевой темпоральный маркер: **«синдром хронического двуличия»**. Важно, что это не просто характеристика, а **диагноз**, помещенный во временную перспективу: «хронический» — указывает на длительность, застарелость болезни; «в такой запущенной стадии неизлечим» — подчеркивает необратимость деградации (**Синдром хронического двуличия в такой запущенной стадии неизлечим**);

– циклическое возвращение к нацизму, замаскированное под демократию (*Евросоюз превращается в настоящее фашиствующее чудовище; Нацизм, который по западным меркам был вполне демократичным, сначала сжигал книги на площадях, запрещал инакомыслие, а затем начал истреблять людей в газовых камерах*). Глагол **«превращается»** фиксирует процесс, который происходит прямо сейчас и демонстрирует **динамику падения**, ухудшения, трансформации в нечто чудовищное;

– прошлое как цепь преступлений и лицемерия. М. Захарова систематически обращается к прошлому Запада, чтобы дискредитировать его настоящие требования: в комментарии к заявлению Урсулы фон дер Ляйен по достижению мира на Украине — «границы не могут быть изменены силой» — М. Захарова отвечает: «Именно Запад провозгласил и насильственно осуществил одностороннюю перекройку границ Сербии». Прошедшее время (*осуществил*) актуализирует прецедент, который Запад игнорирует. Создается темпоральная оппозиция: чужое прошлое (преступление) / чужое настоящее (лицемерные требования).

Далее М. Захарова напоминает о договоре «2+4» 1990 года, ограничившем вооруженные силы Германии, и иронизирует: как гражданка ФРГ, немка, она должна знать историю хотя бы своей страны. Прошное, которое «чужой» игнорирует, становится инструментом обличения. Чужое время маркируется как утрата исторической памяти;

– будущее чужого пространства — это, во-первых, перспектива уничтожения, тотальная гибель населения Украины. Здесь М. Захарова смыкается с риторикой Д. Медведева об экзистенциальной угрозе, но проецирует ее не на Россию, а на Украину — пространство, ставшее «чужим» из-за пре-

ступной власти (*К чему все это приведет? Зеленский окончательно истребит украинцев*). Во-вторых, абсурд и самоизоляция Запада: *Вот выход ЕС из ООН, пока там есть Россия, стал бы зрелым решением. Ну и 20-й пакет русофобских санкций не может обойтись без заявления о том, что Еврокомиссия улетает с планеты, покуда на ней остались русские. С нас ракета*. Будущее чужого пространства маркируется как абсурдное, невозможное, самоубийственное. Запад сам себя исключает из нормального мира: «улетает с планеты» — гипербола будущего, доводящее логику самоизоляции до абсурда, «с нас ракета» — игровая отсылка, снижающая пафос угрозы.

В дискурсе М. Захаровой важное место занимает тема искажения времени — подмены хронологии, вырезания слов, монтажа («Фразу не просто вырвали из контекста, но и намеренно вырезали из нее слова Захаровой»; «Авторы вброса пытаются „уличить“ МИД в дезинформации о Европе — „цветущем саде“, из зарослей которого вещают эти самые иноагентские сетки»). Прошлое подвергается насильственной реконструкции (вырезали слова Захаровой), противопоставление образа цветущего сада, который создает Запад против реальности — оппозиция фальшивого расцвета и подлинной деградации. Таким образом, время «чужого» дискурса — это время фейка, искусственной реальности, созданной монтажом. «Чужой» живет в симуляции, выдавая ее за действительность.

Принципиальное различие хронотопов в анализируемых дискурсах заключается в том, что у Д. Медведева хронотоп «осажденной крепости» реализуется в метафизическом измерении — это крепость-святыня, осаждаемая силами ада. У М. Захаровой — в антропологическом измерении: это частное социальное пространство, которое абсурдный тотально контролирующий внешний мир пытается захватить. Д. Медведев создает врага через абсолютизацию зла (демонизация, зооморфизация), М. Захарова — через осмеяние и снижение (ирония, карикатура).

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в современном российском политическом дискурсе хронотоп «осажденной крепости» функционирует не как монолитная конструкция, а как поле смысловых вариаций, актуализируемых в зависимости от коммуникативной стратегии и образа автора. Сопоставление дискурсов Д. А. Медведева и М. В. Захаровой выявляет два принципиально различных модуса репрезентации данного хронотопа, которые условно можно обозначить как метафизический

и антропологический.

Несмотря на кардинальные различия в языке и образности, оба дискурса сходятся в главном: закрытость (даже если это закрытость врага от внешнего мира) конструируется как безусловное благо и единственное условие выживания. У Д. Медведева эта закрытость — сакральная оборона святыни от сил ада. У М. Захаровой — защита частной жизни, языка и социальной нормы от абсурдного, тотально контролирующего внешнего мира. Таким образом, метафизический и антропологический модусы хронотопа «осажденной крепости» не противоречат, а дополняют друг друга, образуя многослойную семиотическую систему, способную воздействовать на разные сегменты аудитории: одних мобилизует образ священной войны, других — образ защиты повседневности от внешнего абсурда.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Амиров, В. М. «Малой кровью, могучим ударом...»: особенности конструирования образа Красной армии в советском предвоенном газетном дискурсе / В. М. Амиров // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. — 2019. — Т. 21, № 3(190). — С. 245–254. — DOI 10.15826/izv2.2019.21.3.059. — EDN YSWDFC.
2. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1975. — С. 234–407.
3. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — Изд. 5-е. — Москва : КомКнига, 2007. — 144 с. — ISBN 5-484-00854-9, 978-5-484-00854-4.
4. Кокошин, А. А. Современные геополитические трансформации: интересы России и российское общество / А. А. Кокошин, З. А. Кокошина // Общественные науки и современность. — 2024. — № 2. — С. 7–25. — DOI 10.31857/S0869049924020019. — EDN ZNGIOS.
5. Корниенко, А. В. Речевая агрессия в высказываниях власти (на материалах конкурсов «Слово года») / А. В. Корниенко // Galactica Media: Journal of Media Studies. — 2022. — Т. 4, № 4. — С. 143–159. — DOI 10.46539/gmd.v4i4.270. — EDN IRETOQ.
6. Марова, Н. Д. Парадигмы интерпретации текста. В 2 ч. / Н. Д. Марова. — Екатеринбург : УрГПУ, 2006. — Ч. 2. — 503 с. — ISBN 5-7186-0259-X.
7. Пластилина, Н. А. Феномен хронотопа как метод филологического анализа текста / Н. А. Пластилина // Вестник Нижегородского государственного университета. — 2013. — № 2. — С. 42–46. — EDN QCEMZZ.
8. Романов, Р. Н. Политика и хронотоп. Фактор времени и пространства в политических процессах / Р. Н. Романов. — Москва : Книжный мир, 2024. — 252 с. — ISBN 978-5-6050696-0-7.
9. Русакова, О. Ф. Концептуальные модели хронотопа в гуманитарных и политических исследованиях / О. Ф. Русакова, С. П. Фатихов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. — 2011. — № 30 (247). — С. 122–127. — EDN ONEOOL.
10. Свойкин, К. Б. Дискретные характеристики речевого смысла / К. Б. Свойкин // Вестник Мордовского университета. — 2008. — Т. 18, № 3. — С. 159–162. — EDN SZBXON.
11. Тураева, З. Я. Лингвистика текста / З. Я. Тураева. — Москва : Просвещение, 1986. — 127 с.
12. Фадеева, Л. А. От социального хронотопа к политическому мифу: украинский кейс / Л. А. Фадеева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Полито-

логия. — 2023. — Т. 25, № 1. — С. 150–162. — DOI 10.22363/2313-1438-2023-25-1-150-162. — EDN FRYLMA.

13. Церковнов, С. А. Географический компонент хронотопа англоязычного научного дискурса и формы его репрезентации / С. А. Церковнов, К. Б. Свойкин // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. — 2024. — Т. 30, № 1. — С. 139–148. — DOI 10.18287/2542-0445-2024-30-1-139-148. — EDN BHTJMA.

14. Elyamany, N. Constrained chronotopic agency and embodied scaling in Zelensky's wartime speeches / N. Elyamany // Language and Semiotic Studies. — 2025. — DOI 10.1515/lass-2025-0037. — EDN ZTODNI.

15. Lakoff, G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1980. — 256 p. — ISBN 9780226468006.

REFERENCES

1. Amirov, V. M. (2019). «Maloy krov'yu, moguchim udarom...»: osobennosti konstruirovaniya obraza Krasnoy armii v sovetskom predvoennom gazetnom diskurse = “With Little Blood, a Mighty Blow...”: Features of the Construction of the Image of the Red Army in Soviet Pre-War Newspaper Discourse. *Bulletin of the Ural Federal University. Series 2: Humanities*, 21(3[190]), 245–254. DOI 10.15826/izv2.2019.21.3.059. EDN YSWDFC.

2. Bakhtin, M. M. (1975). Formy vremeni i khronotopa v romane: ocherki po istoricheskoy poehtike = Forms of Time and Chronotope in the Novel: Essays on Historical Poetics. *Questions of Literature and Esthetics*, 234–407. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

3. Gal'perin, I. R. (2007). Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya = Text as an Object of Linguistic Research. Ed. 5th. Moscow: KomKniga, 144 p. ISBN 5-484-00854-9, 978-5-484-00854-4.

4. Kokoshin, A. A., Kokoshina, Z. A. (2024). Sovremennye geopoliticheskie transformatsii: interesy Rossii i rossiyskoe obshchestvo = Modern Geopolitical Transformations: Russia's Interests and Russian Society. *Social Sciences and Modernity*, 2, 7–25. DOI 10.31857/S0869049924020019. EDN ZNGIOS.

5. Kornienko, A. V. (2022). Rechevaya agressiya v vyskazyvaniyakh vlasti (na materialakh konkursov «Slovo goda») = Speech Aggression in Statements by Authorities (Based on the “Word of the Year” Competitions). *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 4(4), 143–159. DOI 10.46539/gmd.v4i4.270. EDN

IRETOQ.

6. Marova, N. D. (2006). Paradigmy interpretatsii teksta = Paradigms of Text Interpretation. Part 2. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 503 p. ISBN 5-7186-0259-X.

7. Platinina, N. A. (2013). Fenomen khronotopa kak metod filologicheskogo analiza teksta = The Phenomenon of Chronotope as a Method of Philological Text Analysis. *Bulletin of Nizhnevar-tovsk State University*, 2, 42–46. EDN QCEMZZ.

8. Romanov, R. N. (2024). Politika i khronotop. Faktor vremeni i prostanstva v politicheskikh protsessakh = Politics and Chronotope. The Factor of Time and Space in Political Processes. Moscow: Knizhnyy mir, 252 p. ISBN 978-5-6050696-0-7.

9. Rusakova, O. F., Fatikhov, S. P. (2011). Kontseptual'nye modeli khronotopa v gumanitarnykh i politicheskikh issledovaniyakh = Conceptual Models of Chronotope in Humanitarian and Political Studies. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and Humanities*, 30(247), 122–127. EDN OHEOOL.

10. Svoikin, K. B. (2008). Diskretnye kharakteristiki rechevogo smysla = Discrete Characteristics of Speech Meaning. *Bulletin of the Mordovian University*, 18(3), 159–162. EDN SZBXON.

11. Turaeva, Z. Ya. (1986). Lingvistika teksta = Text Linguistics. Moscow: Prosveshchenie, 127 p.

12. Fadeeva, L. A. (2023). Ot sotsial'nogo khronotopa k politicheskomu mifu: ukrainskiy keys = From Social Chronotope to Political Myth: The Ukrainian Case. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*, 25(1), 150–162. DOI 10.22363/2313-1438-2023-25-1-150-162. EDN FRYLMA.

13. Tserkovnov, S. A., Svoikin, K. B. (2024). Geograficheskiy komponent khronotopa angloyazychnogo nauchnogo diskursa i formy ego reprezentatsii = Geographical Component of the Chronotope of English-Language Scientific Discourse and Forms of Its Representation. *Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology*, 30(1), 139–148. DOI 10.18287/2542-0445-2024-30-1-139-148. EDN BHTJMA.

14. Elyamany, N. (2025). Constrained chronotopic agency and embodied scaling in Zelensky's wartime speeches. *Language and Semiotic Studies*. DOI 10.1515/lass-2025-0037. EDN ZTODNI.

15. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). Metaphors We Live By. Chicago: Univ. of Chicago Pr., 256 p. ISBN 9780226468006.

Политическая лингвистика. 2026. № 2 (116).
Political Linguistics. 2026. No 2 (116).

УДК 811.581'42+811.581'38+81'27
ББК Ш171.1-51+Ш171.1-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.33; 16.21.51

Код ВАК 5.9.8; 5.9.9

Бинсюй Люй

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, 1121988908@qq.com, SPIN-код: 3279-2370

Метафоры болезни как средство формирования образа США в китайских СМИ

АННОТАЦИЯ. В статье исследуются метафоры из сферы-источника «Болезнь», актуализированные при концептуализации США в современном китайском политическом дискурсе. Исследование опирается на теоретические положения когнитивной лингвистики, в частности на теорию концептуальной метафоры, согласно которой метафора является фундаментальным инструментом мышления и осмысления сложных социально-политических явлений. Анализ материала проводился с помощью метода метафорического моделирования.

Материалом для анализа послужили тексты ведущих китайских СМИ («Жэньминь жибао», «Синьхуа», «Гуанмин жибао» и др.), в которых была выявлена и проанализирована метафорическая модель «ГОСУДАРСТВО — БОЛЬНОЙ ЧЕЛОВЕК».

Как показало исследование, в СМИ Китая функционирует сложная система морбиальных метафор, востребованных для концептуализации США. Доминирующая метафорическая модель «ГОСУДАРСТВО — БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ» структурируется через четыре основные группы источниковых доменов: вирусы (концептуализация заразности и деструктивности), физические заболевания (диагностика дисфункции институтов), патологические зависимости (описание неконтролируемого поведения) и онкологические метафоры (акцентирование злокачественности). Каждая группа выполняет специфические прагматические функции: метафоры вирусов легитимизируют необходимость «карантина» и изоляции США; метафоры хронических заболеваний демонстрируют системный кризис американской политической модели; метафоры зависимостей дискредитируют внешнеполитические инструменты США как иррациональные и саморазрушительные; онкологические метафоры подчеркивают смертельную угрозу американской политики для мировой стабильности. В отличие от других метафорических моделей (военной, игровой, театральной), морбиальные метафоры не просто критикуют политические действия США, но ставят под сомнение их рациональность и легитимность. Анализ динамики метафор показывает, что с эскалацией геополитического противостояния морбиальные метафоры становятся все более частотными и доминантными, что свидетельствует о жесткой структуризации образа США как «больного субъекта» международных отношений, требующего изоляции или принудительного лечения со стороны «здорового» международного сообщества, представленного альтернативными центрами силы, включая Китай.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политические тексты, журналистика, медиадискурс, медиатексты, китайские СМИ, средства массовой информации, языковые средства, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, медиаобразы, китайский язык, образ США, метафоры болезни, когнитивная лингвистика, когнитивные метафоры, концептуальные метафоры, языковые единицы.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Люй Бинсюй, аспирант кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия, email: ea-iff@uspu.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Люй, Бинсюй. Метафоры болезни как средство формирования образа США в китайских СМИ / Бинсюй Люй. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 52–59.

Lyu Bingxu

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, 1121988908@qq.com, SPIN code: 3279-2370

Metaphors of Disease as a Tool for Shaping the Image of the USA in Chinese Media

ABSTRACT. The article examines metaphors from the source domain “Disease” used to conceptualize the United States in contemporary Chinese political discourse. Drawing on the theoretical frameworks of cognitive linguistics, and specifically conceptual metaphor theory, according to which metaphor is a fundamental instrument of thinking and comprehension of complex socio-political phenomena. The analysis of the material is conducted using the method of metaphorical modeling.

The practical research material comprises texts from the leading Chinese media outlets (Renmin Ribao, Xinhua, Guangming Daily, etc.), in which the metaphorical model “STATE IS A SICK PERSON” was distinguished and analyzed.

The study reports that Chinese media has a sophisticated system of morbid metaphors employed to characterize the U.S.A. The dominant model, “STATE IS A SICK ORGANISM,” is structured around four primary source domains: viruses (conceptualizing contagiousness and destructiveness), physical ailment (diagnosing institutional dysfunction), pathological addiction (describing uncontrollable behavior), and oncological metaphors (emphasizing malignancy). Each group performs

specific pragmatic functions: viral metaphors legitimize the need for “quarantine” and isolation of the U.S.A; chronic illness metaphors demonstrate a systemic crisis within the American political model; addiction metaphors discredit U.S. foreign policy tools as irrational and self-destructive; and oncological metaphors highlight the lethal threat of American policy to global stability. Unlike other metaphorical models (military, game, or theatrical), morbid metaphors go beyond criticizing specific actions of the U.S. administration by questioning the very rationality and legitimacy of the subject. The analysis of metaphorical dynamics indicates that as geopolitical tensions escalate, morbid metaphors become increasingly frequent and dominant. This suggests a rigid structuring of the U.S. image as a “sick subject” of international relations that requires isolation or “compulsory treatment” by the “healthy” international community represented by alternative power centers, including China.

KEYWORDS: political discourse, political texts, journalism, media discourse, media texts, Chinese media, mass media, language means, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, media images, Chinese language, image of USA, metaphors of disease, cognitive linguistics, cognitive metaphors, conceptual metaphors, linguistic units.

AUTHOR'S INFORMATION: Lyu Bingxu, Post-Graduate Student of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Lyu Bingxu. (2026). Metaphors of Disease as a Tool for Shaping the Image of the USA in Chinese Media. In *Political Linguistics*. No 2 (116), pp. 52-59. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Изучение метафорических образов отдельных стран в медиадискурсе относится к актуальным проблемам современной лингвистики. Еще основатель теории концептуальной метафоры Дж. Лакофф [Lakoff 2012] показал, что во время кризиса в Персидском заливе в американской прессе использовалась криминальная метафора, согласно которой Ирак-бандит совершает преступления по отношению к Кувейту-потерпевшему, на помощь которому должен поспешить США-полицейский. В арабской прессе рисовалась иная метафорическая картина — братья Ирак и Кувейт ссорятся, но постороннему США не следует вмешиваться во внутрисемейные дела.

Комплексное исследование метафорического образа России в отечественных СМИ рубежа XX–XXI веков провел А. П. Чудинов [Чудинов 2001]. Как показал анализ, наряду с традиционными метафорическими моделями («Театр», «Организм», «Дом», «Артефакты», «Игра», «Спорт») в прессе актуализировались сферы-источники, приносящие крайне пейоративные прагматические смыслы в образ страны, в том числе сфера-источник «Болезнь».

В исследовании Э. В. Будаева¹ был проведен сопоставительный анализ метафорических образов, актуализированных в британской прессе при описании политической действительности на постсоветском пространстве в СМИ России и Великобритании. Было показано, что при наличии общих черт в метафорической картине мира существуют расхождения в когнитивных и дискурсивных особенностях актуализации метафорических моделей,

задействованных при концептуализации России, Украины, Грузии, стран Балтии.

Метафорические образы России, Америки и Германии в политическом дискурсе немецких СМИ были проанализированы в диссертации Е. Л. Орловой², в которой показано, как когнитивные оппозиции «СВОЙ — ЧУЖОЙ» реализуются в метафорических моделях немецких СМИ.

В статье Б. С. Котова [Котов 2014] на основе контент-анализа российских газет 1912–1914 гг. рассмотрены особенности метафорического моделирования образов Германии и Австро-Венгрии. Как выяснилось, образ Германии создавался средствами военной метафорической модели, отражающей милитарную политику Гогенцоллернов, а Австро-Венгрия описывалась с помощью театральных и игровых метафор, подчеркивающих неискренность и лицемерность австро-венгерской дипломатии.

Эти исследования показали, что государство нередко концептуализируется как человек, при этом в кризисные моменты актуализируется метафора «больного человека», а также сопутствующие концепты из сферы-источника «Болезнь» (вирусы, лечение и т. п.). В условиях современного глобального противостояния вопрос метафорического осмысления США в СМИ Китая является актуальной задачей, которая решается в настоящей статье.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛ

Настоящее исследование выполнено в русле когнитивной лингвистики, в центре внимания которой «находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный

¹ Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология : 10.02.20 : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2011. 48 с.

² Орлова Е. Л. Метафорические образы России, Америки и Германии в политическом дискурсе немецких СМИ : дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2012. 193 с.

инструмент системы знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации. Эта система, в противоположность другим семиотическим инструментам человека, одновременно является объектом, и внешним и внутренним для субъекта, конституированным независимо от него и подлежащим усвоению в онтогенезе¹. Также исследование основывается на теории метафорического моделирования, активно разрабатываемой в когнитивной и политической лингвистике [Lakoff, Johnson 1980; Баранов 2014; Будаев, Чудинов 2006; Скребцова 2011; Солопова, Чудинов 2021]. Согласно когнитивной теории, метафора не только отражает концептуальную картину мира, но и позволяет авторам текстов трансформировать эту картину, что обуславливает прагматическую функцию метафоры [Чудинов, Будаев 2006].

Базисным для настоящего исследования когнитивно-дискурсивный подход, т. е. исследование политической метафоры «в тесной взаимосвязи с национальными, историческими, личностными, институциональными и иными факторами» [Будаев 2020: 129]. Таким образом, смысл метафор обусловлен не только культурно-когнитивными факторами, но и текущими политическими событиями.

Материалом для настоящей работы послужили метафоры из современных СМИ Китая («Гуанчжоу жибао», «Жэньминь жибао», «Хуаньцю Шибао», ИА «Синьхуа» и др.).

МОРБИАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ В СМИ КИТАЯ

В современном китайском политическом дискурсе метафоры болезни функционируют как доминирующий способ концептуализации политических процессов, связанных с США. Данная метафорическая модель актуализирует когнитивную схему «ГОСУДАРСТВО — БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ», в рамках которой политические институты и социальные процессы рассматриваются через призму патологий человеческого тела. Подобная концептуализация имеет глубокие культурно-исторические корни: в традиционной китайской философии тело часто выступает микрокосмом, отражающим состояние макрокосма — общества и государства.

На основании анализа материалов ведущих китайских СМИ выявлены следующие основные типы морбиальных метафор, каждый из которых характеризуется специфическими когнитивными механизмами и прагматическими функциями.

1. Метафоры вирусов

Рассматриваемые образы представляют собой наиболее продуктивную группу в китайском дискурсе о США. Данная метафорическая модель структурируется через маппинг: источник (вирус/инфекция) → цель (политическая практика США). Ключевыми элементами являются концепты «заразность», «мутация», «патогенность», «эпидемия». Особое место занимают метафоры «политического вируса» и «вируса вмешательства», которые концептуализируют американскую политику как инфекционное заболевание, способное распространяться на другие государства:

Американский "вирус" снова активизировался (光明日报, 2023-01-10) [https://www.gmw.cn/2023-01/10/content_1303127788.htm]. / «**Вирус вмешательства**» США снова активизировался.

США часто вмешиваются во внутренние дела других стран, используя экономические санкции и военные угрозы, что подрывает международную стабильность. В данном контексте актуализируется сценарий эпидемиологической угрозы: вирус (американская политика вмешательства) поражает здоровый организм (суверенное государство), вызывая дестабилизацию. Метафора создает образ носителя опасной инфекции, которого необходимо изолировать для сохранения здоровья международного сообщества.

Аналогичным образом функционирует метафора «расового вируса»:

Американский "расовый вирус"泛滥 亚裔成为疫情替罪羊根源何在? (央视新闻客户端, 2021-05-03) [<https://hqttime.huanqiu.com/share/>]. / В Соединенных Штатах свирепствует «**вирус расовой дискриминации**». В чем основная причина того, что азиаты становятся козлами отпущения в этой эпидемии?

Здесь расовая дискриминация концептуализируется как вирусная инфекция (病毒), которая распространяется (泛滥) по социальному организму. Использование эпидемиологической лексики («эпидемия», «козлы отпущения») создает ассоциативную связь между пандемией COVID-19 и расовой нетерпимостью, представляя оба феномена как угрозы здоровью общества.

2. Физические заболевания

Данная группа метафор концептуализирует политические проблемы США как физические заболевания, поражающие жизненно важные органы государственного организма. Ключевой когнитивный механизм — маппинг органа тела на политический инсти-

¹ Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. — Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1996. — С. 496.

тут. Ситуация, в которой Конгресс США заблокировал важный законопроект из-за межпартийных разногласий, характеризуется в СМИ Китая как хронический «политический паралич», при котором больной организм не способен принимать какие-либо решения для собственного исцеления. Ср.:

美国的“政治瘫痪症”让国际社会对其失去信心 (中国日报网) [https://www.globaltimes.cn/content/1260007.shtml]. / Американский «**политический паралич**» лишает международное сообщество доверия к США.

Двухпартийные споры часто приводят к «параличу» законодательного процесса, что негативно сказывается на внутренней и внешней политике страны. Метафора «политического паралича» (政治瘫痪症) активирует когнитивную схему утраты двигательной функции: политическая система изображается как организм, потерявший способность к координации движений (принятию решений). Паралич как медицинское состояние характеризуется нарушением иннервации мышц, что в политическом дискурсе маппируется на нарушение связи между различными ветвями власти.

Схожим образом функционирует метафора «болезни протекционизма». Ср.:

美国在国际贸易中患“保护主义病”，阻碍全球化进程 (中国新闻网, 2025-05-28) [https://www.chinanews.com/gj/2025/05-28/10292019.shtml]. / США страдают [**«болезнью протекционизма»**] в международной торговле, препятствуя процессу глобализации. Введение высоких тарифов на импортные товары и ограничение доступа к американскому рынку негативно влияет на мировую экономику.

Здесь протекционизм концептуализируется как хроническое заболевание (病), требующее медицинского вмешательства. Использование глагола «страдать» (患) медицинизирует экономическую политику, представляя ее как патологическое состояние, а не рациональный выбор.

Вашингтон ужесточает экспортный контроль в области высоких технологий, направленный против Китая. В СМИ Китая это расценивается как «болезнь технологической блокады», при которой больной организм, руководствуясь страхом, пытается изолировать себя от здорового технологического развития:

美国的“技术封锁病”限制他国发展 (人民网, 2025-05-28) [https://www.people.com.cn/n1/2025/0528/c64064-41174325.html]. / США в сфере технологий заразились «**болезнью технологической блокады**», ограничивая развитие других стран. США вводят санк-

ции против технологических компаний других стран, что подрывает глобальную технологическую кооперацию.

Метафора «технологической блокады» как болезни активирует сценарий аутоиммунного расстройства, при котором организм начинает атаковать собственные ткани.

3. Патологические зависимости

Метафоры патологических зависимостей (аддикций) используются для концептуализации внешнеполитических инструментов США как деструктивных привычек, которыми страдает политический организм. Данная группа метафор акцентирует компульсивность, неконтролируемость и саморазрушительность поведения.

Администрация США ввела новые ограничения против иностранных компаний. В СМИ Китая подобные действия воспринимаются как проявление «зависимости от санкций» — патологической потребности больного организма применять карательные меры вместо поиска диалога. Ср.:

美国的“制裁成瘾症”成为国际经济合作的障碍 (中国新闻网, 2025-05-28) [http://www.chinanews.com/gj/2025/05-28/10292021.shtml]. / Американская «**зависимость от санкций**» становится препятствием для международного экономического сотрудничества.

США часто используют санкции в качестве инструмента внешней политики, что негативно влияет на экономику многих стран и вызывает международную критику. Метафора «санкционной зависимости» (制裁成瘾症) строится на домене наркологической патологии. Зависимость (成瘾) характеризуется принудительным поиском и употреблением психоактивных веществ, несмотря на негативные последствия. В политическом дискурсе санкции представляются как «наркотики», от которого США не могут отказаться, даже когда это разрушает международное экономическое сотрудничество.

4. Психические расстройства и когнитивные дисфункции

Данная подгруппа метафор фокусируется на психопатологии как сфере-источнике для описания внешнеполитического поведения США. Особое распространение получили метафоры «шизофрении», «мании» и «синдромов». «Шизофрения внешней политики» концептуализирует противоречивость американских действий. Ср.:

美国外交政策的“精神分裂症”使其言行不一 (环球时报, 2025-05-28) [https://www.globaltimes.cn/content/1260009.shtml]. / «**Шизофрения**» внешней политики США делает её слова и действия непоследовательными.

США заявляют о стремлении поддерживать международный мир и стабильность, но при этом часто провоцируют споры и создают напряженность.

Медицинский диагноз «шизофрения» характеризуется расщеплением психики, нарушением целостности восприятия и мышления. В политическом дискурсе это маппируется на разрыв между декларативными заявлениями и реальными действиями США.

Метафора «синдрома двойных стандартов» концептуализирует когнитивное искажение. Ср.:

*«**Западные страны страдают «синдромом двойных стандартов» в вопросах прав человека. Они критикуют другие страны за нарушения прав человека, но игнорируют собственные проблемы, такие как полицейское насилие и социальное неравенство.**»* (中国新闻网, 2025-05-28) [http://www.chinanews.com/gj/2025/05-28/10292017.shtml]. /

Термин «синдром» (综合症) в медицине обозначает совокупность симптомов, характерных для определенного заболевания. В политическом дискурсе «синдром двойных стандартов» представляет собой системное когнитивное искажение, при котором субъект неспособен объективно оценивать собственное поведение и поведение других по единым критериям.

Метафора «старческого слабоумия» (老年痴呆) применяется для характеристики когнитивной дисфункции политической элиты:

*«**胡锡进: 美国的政治功能陷入老年痴呆状态**»* (环球网微博) [https://www.peopleapp.com/rmh/article]. / *«**Политические функции США впали в состояние старческого слабоумия.**»*

Политическая система США имеет серьезные проблемы, принятие политических решений во многих аспектах кажется хаотичным и неупорядоченным. Данная метафора реализует концептуальный маппинг: память/когнитивные функции → способность к стратегическому планированию. Старческое слабоумие (老年痴呆) как нейродегенеративное заболевание характеризуется прогрессирующей утратой памяти и когнитивных способностей, что в политическом дискурсе соответствует утрате способности к последовательной внешнеполитической стратегии.

Власти США постоянно вмешиваются во внутренние дела других стран под предлогом «поддержки демократии». В СМИ Китая это описывается как обострение «гегемонистской обсессивно-компульсивной болезни», когда пациент, вопреки логике, пытается навязать всему миру свои больные стандарты. Ср.:

*«**Американская «гегемонистская обсессивно-компульсивная болезнь» заставляет её постоянно вмешиваться во внутренние дела других стран.**»* (新华网, 2025-05-28) [https://news.xinhuanet.com/worldpro/2025-05/28/c_1310303332.htm]. /

В данном примере реализуется когнитивный механизм персонификации государства как субъекта, страдающего психическим расстройством. Обсессивно-компульсивное расстройство (强迫症状) здесь выступает как домен-источник, переносимый на сферу внешней политики. Метафора акцентирует иррациональность, неконтролируемость и патологическую повторяемость американских действий.

5. Онкологические метафоры

Онкологические метафоры занимают особое место в системе морбиальных образов США, поскольку они концептуализируют политические проблемы как злокачественные опухоли, угрожающие жизни социального организма. Проблема расовой дискриминации регулярно описывается как «злокачественная опухоль». Ср.:

*«**美国种族歧视“毒瘤”何时能除**»* (环球网, 2022-01-18). / *«**Когда же будет удалена «злокачественная опухоль» расовой дискриминации в США?**»*

В данном примере реализуется сложный метафорический маппинг: расовая дискриминация → злокачественная опухоль (毒瘤); поверхностные меры → симптоматическое лечение; структурные реформы → радикальное хирургическое вмешательство (刮骨疗毒). Онкологическая метафора подчеркивает смертельную опасность расизма для американского общества и необходимость радикального, а не поверхностного лечения.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ МОРБИАЛЬНЫХ МЕТАФОР

Анализ показывает, что морбиальные метафоры в китайском политическом дискурсе реализуют сложную систему когнитивных механизмов, каждый из которых привносит определенный прагматический смысл: патологизации, заразности, хронического процесса и др.

Прагматический смысл патологизации

Патологизация представляет собой когнитивный механизм, посредством которого политические действия США представляются не как рациональный выбор, а как симптомы заболевания. Данный механизм реализуется через систематическое использо-

вание медицинской терминологии для описания политических процессов.

Например, метафора «торгового вируса» (贸易病毒) патологизирует торговую политику США:

美国的“贸易病毒”再次发作 (经济日报, 2022-02-20) [https://www.ce.cn/xwzx/gnsz/gdxw/202202/20/t20220220_37247367.shtml]. / «Торговый вирус» США снова активизировался. США иницируют торговые войны, вводя высокие тарифы на импортные товары, что негативно влияет на мировую торговую систему.

Прагматическая функция патологизации заключается в дискредитации политического оппонента: если политика представляется как болезнь, она автоматически лишается легитимности и рациональной основы. Больной субъект (США) не способен к адекватному восприятию реальности и требует изоляции или лечения.

Прагматический смысл заразности

Механизм заразности концептуализирует американскую политику как инфекционную угрозу, способную распространяться на другие государства и регионы. Это особенно актуально для метафор «вируса вмешательства», «политического вируса» и «вируса расовой дискриминации». Проблема насилия с применением огнестрельного оружия описывается как заразная эпидемия:

美国枪支泛滥的病，竟还“传染”别国 (海外网, 2023-07-21) [http://opinion.haiwainet.cn/n/2023/0721/c353596-32523234.html]. / Проблема с распространением оружия в США стала не только хронической «эпидемией» внутри страны, но и начала распространяться, превращаясь в «инфекцию», которая заражает соседние страны.

Данный смысл позволяет создать образ США как носителя опасной инфекции, требующей карантина. Это легитимизирует необходимость противодействия американскому влиянию как меры санитарно-эпидемиологической безопасности.

Прагматический смысл хронического процесса

Данный прагматический смысл подчеркивает постоянный, неизлечимый характер проблем США. Метафоры «упорной хронической болезни» (顽疾), «неизлечимой раны» используются для создания образа системного кризиса американской политической системы. Проблема насилия с применением огнестрельного оружия концептуализируется как неизлечимая патология:

枪支暴力问题已成美国无解顽疾 (新华网, 2023-02-02) [https://ishare.ifeng.com/c/s/v006CJ-rNK2Q--lbZv3dfx49aUXgFynAJw6WTIZ2gPMG

pat0 RuDg--lfMByb9Ku6R--EkibYWN9x05wLm7zNvY4l6Spog___]. / Проблема насилия с применением огнестрельного оружия стала неизлечимой хронической болезнью США.

Рассматриваемый смысл демонстрирует структурную неэффективность американской политической системы: несмотря на многолетние попытки, проблема остается неразрешенной, что свидетельствует о глубоком системном кризисе.

Отметим, что морбиальные метафоры проявляют различную частотность и специфику в зависимости от жанра медийного текста и целевой аудитории.

В официальных комментариях МИД Китая (外交部发言人办公室) преобладают метафоры «политического вируса», акцентирующие деструктивность внешнеполитического курса США:

赵立坚：美国散播政治病毒不得人心 (外交部发言人办公室, 2021-07-30) [https://www.peop leapp.com/rmharticle/30023526442]. / Чжао Ли-цзянь: «Распространение политического вируса Соединёнными Штатами не находит поддержки. В последнее время всё больше экспертов, учёных и представителей СМИ в международном сообществе высказываются, осуждая распространение политического вируса Соединёнными Штатами».

В аналитических статьях «Жэньминь жибао» и «Гуанминь жибао» чаще используются сложные медицинские термины («синдром», «паралич», «дегенерация»), демонстрирующие экспертность авторов. В материалах «Хуаньцю Шибао» (环球时报), ориентированных на более эмоциональное восприятие, преобладают образы «безумия», «вируса» и «эпидемии», создающие эффект сенсационности и тревоги.

ДИНАМИКА И МАППИНГИ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

Сравнительный анализ материалов 2020–2025 гг. показывает эволюцию морбиальных метафор в китайском дискурсе. В период пандемии COVID-19 (2020–2021 гг.) доминировали вирусные метафоры («вирус расовой дискриминации», «политический вирус»), ассоциировавшие американскую политику с пандемией.

В 2022–2023 гг. наблюдается смещение к метафорам хронических заболеваний («политический паралич», «старческое слабоумие»), отражающим кризис американских политических институтов.

В 2024–2025 гг. актуализируются метафоры «зависимостей» и «компульсий» («санкционная зависимость», «гегемонистская одержимость»), концептуализирующие

внешнеполитическое поведение США как патологическое повторение одних и тех же ошибок.

Обобщение проанализированного материала выявляет следующие стабильные когнитивные маппинги в рамках морбиальной метафорической модели.

Маппинг «Орган тела — Политический институт»:

- Головной мозг → Политическое руководство («старческое слабоумие»).
- Нервная система → Система принятия решений («политический паралич»).
- Иммунная система → Механизмы саморегуляции общества («расизм как опухоль»).

Маппинг «Патология — Политическая практика»:

- Инфекция → Вмешательство во внутреннее дело.
- Зависимость → Санкционная политика.
- Дегенерация → Деграция политических институтов.

Маппинг «Лечение — Политическое противодействие»:

- Хирургическое вмешательство → Структурные реформы.
- Изоляция больного → Нейтрализация американского влияния.
- Иммунитет → Суверенитет и независимость.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показало исследование, в СМИ Китая функционирует сложная система морбиальных метафор, востребованных для концептуализации США. Доминирующая метафорическая модель «ГОСУДАРСТВО — БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ» структурируется через четыре основные группы источников: вирусы (концептуализация зараженности и деструктивности), физические заболевания (диагностика дисфункции институтов), патологические зависимости (описание неконтролируемого поведения) и онкологические метафоры (акцентирование злокачественности).

Каждая группа выполняет специфические прагматические функции: метафоры вирусов легитимизируют необходимость «карантина» и изоляции США; метафоры хронических заболеваний демонстрируют системный кризис американской политической модели; метафоры зависимостей дискредитируют внешнеполитические инструменты США как иррациональные и саморазрушительные; онкологические метафоры подчеркивают смертельную угрозу американской политики для мировой стабильности.

Особенностью китайского дискурса является системное использование медицин-

ской терминологии для «патологизации» политического оппонента. В отличие от других метафорических моделей (военной, игровой, театральной), морбиальные метафоры не просто критикуют конкретные действия США, но ставят под сомнение их рациональность и легитимность, представляя их как симптомы глубокого системного заболевания.

Анализ динамики показывает, что с эскалацией геополитического противостояния морбиальные метафоры становятся все более специфичными и «медикализованными», что свидетельствует о жесткой структуризации образа США как «больного субъекта» международных отношений, требующего изоляции или принудительного лечения со стороны «здорового» международного сообщества, представленного альтернативными центрами силы, включая Китай.

Таким образом, метафорическая картина США складывается из когнитивных, культурных, социально-экономических и политических факторов. В условиях геополитической напряженности морбиальные метафоры выполняют функцию когнитивного «оружия», направленного на дискредитацию политического оппонента и легитимизацию альтернативного миропорядка. Использование медицинского дискурса позволяет создать эффект объективной диагностики, придавая политической критике вид научности и беспристрастности, что усиливает риторическое воздействие на массовое сознание читателей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баранов, А. Н. Дескрипторная теория метафоры / А. Н. Баранов. — Москва : Языки славянской культуры, 2014. — 632 с. — ISBN 978-5-9905856-7-6.
2. Будаев, Э. В. Сопоставительная политическая метафология / Э. В. Будаев. — Санкт-Петербург : Научные технологии, 2020. — 464 с. — ISBN 978-5-6044793-2-2. — EDN EJLKDK
3. Будаев, Э. В. Становление и эволюция зарубежной политической лингвистики / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. — 2006. — № 20. — С. 75–94. — EDN JVKKRH.
4. Гаврилова, М. В. Критический дискурс-анализ в современной зарубежной лингвистике / М. В. Гаврилова. — Санкт-Петербург : Издательство С.-Петерб. ун-та, 2003. — 24 с. — ISBN 5-288-03093-6. — EDN SUHFGD.
5. Колесов, В. В. «Первосмысл» концепта / В. В. Колесов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2018. — Т. 15, № 3. — С. 438–452. — DOI 10.21638/spbu09.2018.309. — EDN YMRSYP.
6. Котов, Б. С. Метафора как средство создания «образа врага» в газетных текстах (на примере образов Австро-Венгрии и Германии в русской прессе кануна Первой мировой войны) / Б. С. Котов // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. — 2014. — № 1. — С. 94–110. — EDN SGFGDL.
7. Кузнецов, В. Г. Предмет и задачи диахронической сопоставительной концептологии / В. Г. Кузнецов // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2007. — № 2 (11). — С. 26–34. — EDN PQXVX.
8. Сегал, Н. А. Политический текст: метафорическое моделирование : моногр. / Н. А. Сегал. — Москва : ФЛИНТА, 2017. — 248 с. — EDN YOEXWD.

9. Складская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Складская. — Санкт-Петербург : Наука, 1993. — 151 с. — ISBN 5-02-028138-7. — EDN SJHTLP.
 10. Скребцова, Т. Г. Когнитивная лингвистика / Т. Г. Скребцова. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2011. — 256 с. — ISBN 978-5-8465-1037-1. — EDN QWSKZX.
 11. Солопова, О. А. Методология диахронического исследования политической метафоры в эпоху цифровизации: теоретическое обоснование / О. А. Солопова, А. П. Чудинов // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. — 2021. — № 2. — С. 49–59. — EDN QZXYI.
 12. Чудинов, А. П. Дискурсивное направление в зарубежной медиалингвистике / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев // Известия Уральского государственного университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. — 2006. — № 45. — С. 167–175. — EDN JTXMNX.
 13. Lakoff, G. *Metaphors We Live by* / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : University of Chicago Press, 1980. — 237 p. — ISBN 9780226468006.
 14. Lakoff, G. *Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf* / G. Lakoff // *Journal of Cognitive Semiotics*. — 2012. — Vol. 4 (2). — P. 5–19. — DOI 10.1515/cogsem.2012.4.2.5.
 15. Musolff, A. *Metaphor and political discourse: Analogical reasoning in debates about Europe* / A. Musolff // *Metaphor and Political Discourse: Analogical Reasoning in Debates About Europe*. — 2004. — P. 1–211. — DOI 10.1057/9780230504516. — EDN WVTNMP.
- REFERENCES**
1. Baranov, A. N. (2014). *Deskriptornaya teoriya metafory = Descriptive theory of metaphor*. Moscow: Languages of Slavic Culture. ISBN 978-5-9905856-7-6.
 2. Budaev, E. V. (2020). *Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya = Comparative Political Metaphorology*. Saint Petersburg: Naukoemkie tekhnologii.
 3. Budaev, E. V., Chudinov, A. P. (2006). *Stanovlenie i evolyuciya zarubezhnoy politicheskoy lingvistiki = Formation and evolution of foreign political linguistics*. *Political Linguistics*, 20, 75–94.
 4. Gavrilova, M. V. (2003). *Kriticheskiy diskurs-analiz v sovremennoy zarubezhnoy lingvistike = Critical Discourse Analysis in Contemporary Foreign Linguistics*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 24 p. ISBN 5-288-03093-6. EDN SUHFGD.
 5. Kolesov, V. V. (2018). «Pervosmysl» kontsepta = The “Primary Meaning” of a Concept. *Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature*, 15(3), 438–452. DOI 10.21638/spbu09.2018.309. EDN YMRSYP.
 6. Kotov, B. S. (2014). *Metafora kak sredstvo sozdaniya “obrazov vruga” v gazetnykh tekstakh (na primere obrazov Avstro-Vengrii i Germanii v russkoy presse kanuna Pervoy mirovoj vojny) = Metaphor as a means of creating an “image of the enemy” in newspaper texts (on the example of the images of Austria-Hungary and Germany in the Russian press on the eve of the First World War)*. *Bulletin of Moscow University. Series 12. Political sciences*, 1, 94–110.
 7. Kuznetsov, V. G. (2007). *Predmet i zadachi diakhnicheskoy sopostavitel'noy kontseptologii = The Subject and Tasks of Diachronic Comparative Conceptology*. *Questions of Cognitive Linguistics*, 2(11), 26–34. EDN IIQXVX.
 8. Segal, N. A. (2017). *Politicheskiy tekst: metaforicheskoe modelirovanie = Political text: metaphorical modeling*. Monograph. Moscow: FLINTA, 248 p. EDN YOEXWD.
 9. Sklyarevskaya, G. N. (1993). *Metafora v sisteme yazyka = Metaphor in the Language System*. St. Petersburg: Nauka, 151 p. ISBN 5-02-028138-7. EDN SJHTLP.
 10. Skrebtsova, T. G. (2011). *Kognitivnaya lingvistika = Cognitive Linguistics*. Saint Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU.
 11. Solopova, O. A., Chudinov, A. P. (2021). *Metodologiya diakhnicheskogo issledovaniya politicheskoy metafory v epokhu tsifrovizatsii: teoreticheskoye obosnovaniye = Methodology of Diachronic Research on Political Metaphor in the Digital Age: Theoretical Foundations*. *Bulletin of Moscow University. Serie 9. Philology*, 2, 49–59.
 12. Chudinov, A. P., Budaev, E. V. (2006). *Diskursivnoye napravlenie v zarubezhnoy medialingvistike = Discursive direction in foreign mediallynguistics*. *Bulletin of the Ural State University: Series 1. Problems of education, science and culture*, 45, 167–175.
 13. Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press.
 14. Lakoff, G. (2012). *Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf*. *Journal of Cognitive Semiotics*, 4(2), 5–19.
 15. Musolff, A. (2004). *Metaphor and political discourse: Analogical reasoning in debates about Europe*. *Metaphor and Political Discourse: Analogical Reasoning in Debates About Europe*, 1–211. DOI 10.1057/9780230504516. EDN WVTNMP.

Политическая лингвистика. 2026. № 2 (116).

Political Linguistics. 2026. No 2 (116).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38+81'27+811.161.1'373.23

ББК ШП41.12-51+ШП41.12-55+ШП41.12-316+ШП00.621

ГРНТИ 16.21.45; 16.21.27

Код ВАК 5.9.8

Юлия Николаевна Михайлова

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия,

JMikailova@yandex.ru, SPIN-код: 8697-4990

Деривационный потенциал антропонимов в современном политическом дискурсе

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу потенциала русской словообразовательной системы в современном российском политическом дискурсе. В качестве материала для исследования деривационных процессов используются производные от актуальных антропонимов, представленные в дискурсе современных российских СМИ и в среде интернет-коммуникации. Фактически фамилии лидеров стран выступают как прецедентные онимы, образуя микросистему антропонимов текущего момента в политическом дискурсе. Ключевой статус этих антропонимов поддерживается не только фактором частотности, но также активным их использованием в словопроизводстве. Доказано, что словообразовательный потенциал политического дискурса реализуется не только через отдельные дериваты, но и через словообразовательные цепочки, словообразовательные парадигмы. Сделаны выводы о прагматике отантропонимических дериватов, которые приобретают экспрессивность в процессе своего функционирования в медиадискурсе, передают оценку с учетом интенции автора материала. Значение многих дериватов ситуативно и определяется действием экстралингвистических факторов — связано с конкретными ситуациями и политическими событиями, о которых говорится в контексте. Прагматический эффект отантропонимических образований связан с актуализацией в коммуникативной ситуации разного рода имплицитной информации, диктуется прагматическими пресуппозициями, опирающимися на культурный фон носителей языка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политические тексты, журналистика, медиадискурс, медиатексты, российские СМИ, средства массовой информации, языковые средства, язык СМИ, русский язык, деривация, коммуникативное словообразование, антропонимы, производное слово, словообразовательное гнездо.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Михайлова Юлия Николаевна, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русского языка для иностранных учащихся, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, email: JMikailova@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Михайлова, Ю. Н. Деривационный потенциал антропонимов в современном политическом дискурсе / Ю. Н. Михайлова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 60-65.

Juliya N. Mikhaylova

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, JMikailova@yandex.ru, SPIN code: 8697-4990

Derivational Potential of Anthroponyms in Modern Political Discourse

ABSTRACT. The article analyzes the potential of the Russian word-formation system in modern Russian political discourse. The practical research material used to explore derivational processes encompasses derivatives of actual anthroponyms, presented in the discourse of modern Russian media and in the space of Internet communication. In fact, the surnames of country leaders act as precedent onyms, forming a microsystem of anthroponyms of the current moment in political discourse. The key status of these anthroponyms is supported not only by the frequency factor, but also by their active use in word-formation. The article argues that the word-formation potential of political discourse is realized not only through individual derivatives, but also through word-formation chains and word-formation paradigms. The author draws a conclusion about the pragmatics of anthroponymic derivatives, which acquire expressivity in the process of their functioning in media discourse and convey an assessment taking into account the intention of the author of the material. The meaning of many derivatives is situational and is determined by the influence of extralinguistic factors — it is associated with specific situations and political events touched upon in the context. The pragmatic effect of anthroponymic formations is associated in a communicative situation with actualization of various kinds of implicit information, and is dictated by pragmatic presuppositions rooted in the cultural background of native speakers.

KEYWORDS: political discourse, political texts, journalism, media discourse, media texts, Russian media, mass media, language means, mass media language, Russian language, derivation, communicative word formation, anthroponyms, derivative, word formation nest.

AUTHOR'S INFORMATION: Mikhaylova Yuliya Nikolaevna, Candidate of Philology, Head of Department of Russian Language for Foreign Students, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Mikhaylova J. N. (2026). Derivational Potential of Anthroponyms in Modern Political Discourse. In *Political Linguistics*. No 2 (116), pp. 60-65. (In Russ.).

Одной из тенденций современного словообразования является широкое использование антропонимов в качестве производящей основы для образования новых единиц. С помощью различных словообразовательных способов активно образуются отонимные апеллятивы — неологизмы и окказионализмы, функционирующие преимущественно в политическом дискурсе и СМИ.

Материалом исследования являются неологизмы, представленные в дискурсе современных российских СМИ и в среде интернет-коммуникации.

Как отмечалось исследователями, современный российский политический дискурс обладает повышенной деривационной активностью [Николина 2020; Гридина, Коновалова, Красноперова 2021; Коновалова, Михайлова О. А., Михайлова Ю. Н. 2025]. Стимулом для появления речевых новаций, образованных от антропонимов, оказываются различные инфоповоды, обусловленные социальными, политическими, культурными событиями. «Нет стороны в обществе, которая бы не выражалась прессой»¹.

Обострение отношений западных стран с Россией после 2022 года выявило фамилии ключевых политических лидеров стран-оппозиционеров России — Трамп, Макрон, Шольц. Они наиболее частотны по употреблению в СМИ (по данным базы «Интегрум», только за последний год количество документов, включающих эти фамилии, таково: Трамп — 43 965; Макрон — 6072; Шольц — 499). Ключевой статус этих антропонимов поддерживается не только фактором частотности, но также активным их использованием в словопроизводстве. Они выступают как прецедентные онимы, образуя микросистему антропонимов текущего момента в политическом дискурсе. Отантропонимический дериват становится удобной формой для упаковки сложной информации.

Словообразовательный потенциал политического дискурса реализуется в процессе образования отантропонимических производных разными словообразовательными способами.

Прежде всего назовем апеллятивацию, или «деонимизацию» — процесс перехода собственного имени в нарицательное, полно охарактеризованный в работах А. В. Суперанской [Суперанская 2012]. Например: *Это следствие политики **шольцев** в отношении России* (Комсомольская правда. 23.09.2024); *Позволим **макронам** и **шольцам** и впредь спокойно перевооружать Украину?* (АиФ-Москва. 21.02.2024); *Так вот*

*история учит, что всяким **шольцам** просто не надо к нам спускаться* (МК. 10.05.2023); *Всяким «ливерным» **шольцам** и прочим **макронам** пора вспомнить о своих народах, а не выполнять все команды из Белого дома* (Комсомольская правда — Екатеринбург. 21.07.2023); *Какие блеклые, невзрачные отвратительные политики: все эти **шольцы**, **макроны**, эта мелкая рыбешка, криль* (Комсомольская правда — Екатеринбург. 24.01.2025). Грамматическая форма множественного числа не только делает оним способным для выполнения функции вторичной номинации, но и придает ему дополнительное значение, которое можно назвать семантикой обобщенности.

«Непременным условием любого (полного и частичного, ситуативного) перехода имени собственного в нарицательное является известность денотата имени. Все члены данного языкового коллектива (или хотя бы микроколлектива) должны иметь определенные, однотипные представления о самых общих свойствах имени (о коннотациях имени)» [Суперанская 2012: 117]. Коллективные ономастические ассоциации связаны также с именами других политиков, что выражается в деонимизации: *Все они **зеленские**, **шольцы**, **байдены**, **боррели**, **макроны** и иже с ними должны быть призваны к ответу* (Комсомольская правда — Екатеринбург. 26.01.2024); *Добил всяких **урсул**, **шольцев** и **бербок** вице-президент США Джей Ди Вэнс* (Комсомольская правда — Екатеринбург. 21.02.2025); ***Байденов**, **Шольцев**, **Макронов** там еще много* (Комсомольская правда. 19.11.2024); *Еще недавно западные политики — все эти **шольцы** и **барели** — заявляли...* (МК. 21.06.2023). *Разве со всеми этими **байденами**, **джонсонами** и прочими **сунаками** сейчас возможны какие-то адекватные договоренности, которые переживут хотя бы грядущую зиму?* (Известия; 27.11.2023).

По словам А. В. Суперанской, имя собственное, переходя в языковую знаковую систему, «должно обрести некоторую долю интеллектуальной информации, которая бы позволила установить его связь с логико-предметными рядами, без чего оно не может функционировать в системе. Связанные с именем коннотации в сознании языкового коллектива перерастают по своей яркости его прямое антропонимическое назначение, и собственное имя переходит в нарицательное» [Суперанская 2012: 285]. Этот переход подтверждается употреблением строчной буквы.

¹ Белинский В. Г. Общее значение слова «литература» // Литрес. 2012. 60 с. URL: www.litres.ru. С. 21.

Создание отонимных апеллятивов активно происходит и с помощью других словообразовательных способов. В процессе образования отантропонимических производных важную роль играют экстралингвистические дискурсивные факторы. В политическом дискурсе имена политиков становятся стимулами словообразования, и появление речевых новаций характеризуется значительными прагмалингвистическими эффектами. «Производное слово — это по существу краткая дескрипция обозначаемого, за которой стоят более полные и более развернутые знания о нем, — они-то и должны быть „восстановлены“ или, по крайней мере, учтены в акте понимания производного слова» [Кубрякова 2004: 412].

С позиций когнитивного подхода, производное слово отражает пропозициональную структуру, а словообразовательное гнездо можно представить «как своеобразный деривационный текст, включающий все необходимые для его развертывания в дискурсе позиции» [Коновалова, Михайлова О. А., Михайлова Ю. Н. 2025: 78] и отражающий те связи, которые устанавливает человек между явлениями окружающего мира в процессе его познания.

Отономастическая деривация широко представлена в русском языке как узальными, так и окказиональными единицами всех самостоятельных частей речи. Некоторые из них уже вошли в словари новых слов и значений, в частности: *макронить*, *меркелить*, *меркельнуть*, *пелосить*, *шольцевать* [Новое в русской лексике 2023]. При этом в речи число и разнообразие производных значительно больше. Продемонстрируем активизацию используемых в политическом дискурсе деривационных техник при отантропонимическом словообразовании.

Образование прилагательных: *На этом фоне макроновские 500 млн выглядят малопубедительно* (АиФ — Москва. 31.01.2024); *Взрыв на макронной фабрике* (АиФ — Москва. 15.03.2023); *«макронистский» лагерь* (Коммерсантъ. 25.06.2025); *Немецкий обыватель уже начал ощущать на себе последствия шольцевской «смены эпох»* (Деловой журнал «Профиль». 26.08.2024); *В целом церкви в Венгрии интегрированы в орбановскую систему* (Независимая газета. 07.05.2025). Отантропонимические прилагательные требуют «не только знания значений слов, но знаний хотя бы о главных, определяющих чертах упоминаемых лиц» [Милославский 2016: 49], при этом производное прилагательное может и утрачивать семантические признаки прецедентного производящего имени, и приобретать в контексте

новые значения, что во многом определяется знаниями читателя [Норман 2017].

Образование глаголов: *Всё макронят, байденият, шольцуют, джонсонят и отвлекают на ничего не стоящую мишуру, одновременно занимаясь тем, чтобы похоронить нас с гарантией, но без малейшего для себя риска* (Дзен (dzen.ru). 03.07.2022); *А что, шольцевать, так по-крупному* (Континенталист (continentalist.ru). 21.06.2022); *Меркелить/меркельнуть — крайне вовремя прыгнуть с мутной темы* (Континенталист (continentalist.ru). 12.04.2022); *Макрон опасается, что, если он лишит В. В. Путина орденовских знаков, в Кремле перестанут брать трубку. И с кем же тогда макронить?* (Комсомольская правда. 30.05.2022).

Словообразовательное значение новых производных глаголов не сводится только к типовому значению — «вести себя как лицо, обозначенное производным словом», но приобретает более конкретную семантику:

— *Пользователи придумали производный от фамилии канцлера Германии глагол scholzing (шольничать). Его примерное значение постоянно давать обещания, но затягивать их исполнение или вовсе не исполнять. Предыдущий канцлер Германии Ангела Меркель также стала причиной появления нового глагола — немецкое слово merkeln (меркельничать, валять Меркель) означает бездействовать, уклоняться от ответов и откладывать важные решения на потом* (lentafeed.com. 23.01.2022);

— *Меркельнуться — вовремя избежать сложной ситуации* (vk.com. 02.06.2022).

Некоторые отантропонимические глаголы развивают многозначность:

— *Новый термин «пелосить»* (от Нэнси Пелоси, американский политик-демократ) — *принуждать к смирению и покорности* (Острие для всех! (newostrie.ru). 06.08.2022), а также *отбирать что-либо и навязывать* (inpearls.ru. 17.06.2022);

— *Меркелить / меркельнуть — крайне вовремя прыгнуть с мутной темы* (Континенталист (continentalist.ru). 12.04.2022); а также *говорить много и правильно, но абсолютно не сказать ничего важного и по делу* (Континенталист (continentalist.ru). 18.06.2022);

— *Макронить означает «звонить понапрасну в любое время суток», звонить по телефону, по любому поводу и без повода* (9111.ru. 21.04.2022), а также *означает создание видимости работы* (Ежедневные Новости Владивостока (novostivl.ru). 29.03.2022).

Значение подобных глаголов, безусловно, ситуативно и определяется действием экстралингвистических факторов — связано

с конкретными ситуациями и политическими событиями, оказавшими влияние на весь мир.

Словообразовательный потенциал политического дискурса реализуется не только через отдельные дериваты, но и через словообразовательные цепочки, словообразовательные парадигмы, образующие деривационный текст, который разворачивается на основе производящего и его связей со всеми единицами гнезда.

Например, антропоним *Шольц* является вершиной словообразовательного гнезда и производящей основой для следующих дериватов, образующих одну словообразовательную парадигму: *шольцевать*, *шольничать*, *шольцинг*, *шольцеоид*, *шольцеобразный*. Это гнездо включает и словообразовательную цепочку: *шольцевать* — *шольцевание* и *шольцование*.

Ср.: *кто-то ввел в русско-украинский язык новое слово: «шольцевание», т.е. затягивание, проволочка, пустые обещания и т.п.* (Дзен (dzen.ru). 17.06.2022); «шольцинг», *означающее поиски предлогов для отсрочки...* (ИА REGNUM. 21.01.2023).

Складывающееся в результате деривационной активности современного политического дискурса словообразовательное гнездо моделирует «текст, теряющий свою целостность и связность вне дискурса; именно дискурс является ключом к декодированию „деривационного текста“, важным условием его функционирования в сознании социума» [Коновалова 2025: 79].

В «деривационном тексте» отражаются разные аспекты политического концепта. Так, словообразовательное гнездо на базе антропонима *Макрон* включает номинации действий, производимых политиком или его приверженцами (*макронить*, *макроноизация*, *макрономика*, *макроновщина*), свойств и атрибутов политика или его деятельности (*макроновский*, *макронный*, *макронистский*), сторонников, почитателей политического деятеля (*макронисты*, *макроноид*). Приведем примеры из массмедиа: *Это прямой вызов макроновской логике: сначала безопасность Европы, потом благосостояние французов* (Комсомольская правда. 12.11.2025); *Это меняет перспективы других политических сил провести своих кандидатов и упрощает задачу макронистов* (Известия. 01.04.2025); *Непопулярная МАКРОномика* (Комсомольская правда. 09.09.2025); «*Макронизация*» *Франции угрожает всей Европе* (<https://news.day.az/politics/1577371>); *Как „макроновщина“ не только хоронит отношения Франции с Россией, но и позже заставит страну платить по полной* (<https://ft.me/>

[aifonline/21046](https://ft.me/barantchik/15740)); *макроноиды ни разу не озвучили, что отправка французов на Украину означает соразмерный приток заполненных гробов* (<https://ft.me/barantchik/15740>).

В современной речи активизировались модели образования отантропонимных дериватов с суффиксами *-щин* и *-оид*. В новообразованиях с помощью маркированного аффикса *-щин(а)* и заимствованного суффикса *-оид* со значением подобию, дополненным значением отрицательной оценки, создается негативная оценка лица. «Слова подобного типа имеют два значения: 1) период власти того или иного лица, характеризующийся определенными признаками (шамановщина, морозовщина); 2) совокупность действий и понятий, связанных с тем или иным лицом (давыдовщина, аладинщина, кругликовщина)» [Флоря 2021: 469].

Указанные словообразовательные механизмы продуктивны для политического дискурса в целом, в качестве мотивирующих основ для подобных дериватов выступают актуальные антропонимы, «появились новейшие лексемы: *яценюковщина* („поразивший Украину вирус лжи и беспомощности“), *трамповщина*, *кудринщина*, *порошенковщина*, *блэровщина*, *мадуровщина*» [Замальдинов 2019]: *Я поддерживаю эту инициативу и сожалею, что она рассчитана всего на 4 года трамповщины* (LiveJournal. URL: <https://dandorfman.livejournal.com/4045266>); «*Байденовщина*» *ведет США к смерти* (<https://ros.saprimavera.ru/news>); *Клинтоноиды рулят бабками в России! А что с Трампоноидами делать?!* (<https://academialora.livejournal.com/66462>); «*байденизация*» *политической элиты* (<https://topcor.ru>); *сам-то ты как себя определяешь? Байденоидом или зеленоидом? Или шольценоидом-сунакоидом-макроноидом?* (podrobno.uz/cat/politic/zapad-naya-tsivilizatsiya).

Новые лексические единицы легко образуются под влиянием историко-культурных условий. Они связаны преимущественно с общественно-политическими контекстами и обладают негативной коннотацией, способствуя скрытому формированию негативного образа политического лидера в массовом сознании, в результате чего «создается единый смысловой ореол одиозных персон» [Флоря 2021: 469].

Новообразования, мотивированные антропонимами, обладают сильным прагматическим эффектом благодаря своему лингвокреативному и экспрессивному потенциалу, отчетливо выраженной установкой на игровое начало [Гридина 1996; Ильясова, Амири 2009; Радбиль, Рацибурская, Ясаи, Палоши 2022; Рацибурская 2024]. Прагмати-

ческие механизмы связаны с актуализацией в коммуникативной ситуации разного рода имплицитной информации, а прагматические пресуппозиции опираются на культурный фон носителей языка. Например, трансформация устойчивых сочетаний путем замены слова актуальным политическим антропонимом: *ХВАТИТ ШОЛЬЦА ВАЛЯТЬ* (Комсомольская правда. 20.12.2023); *По зубам ли нам Макрон по-флотски* (Комсомольская правда. 14.07.2025).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политический дискурс является показателем живого процесса создания производных слов, мотивированных антропонимами — именами известных политических деятелей. Активное пополнение данной группы определяется тем, что в центре любой коммуникации находится человек. Анализ словообразовательного гнезда антропонима демонстрирует высокую экспрессивность и эмоциональность дериватов. Современный политический дискурс предоставляет возможность наблюдать, как в языковое сознание проникает оценка деятельности тех или иных политических лиц, основанная на общественных настроениях и мнениях. Обладая высоким деривационным потенциалом, антропонимы не только обогащают словарный состав языка, но и аккумулируют культурно-историческую информацию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Афинская, З. Н. К вопросу о концептуальном потенциале префиксов / З. Н. Афинская // *Филология и культура*. — 2017. — № 3 (49). — С. 6–10. — EDN ZSJWAZ.
2. Гридина, Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т. А. Гридина. — Екатеринбург : Урал. ГПИ, 1996. — 215 с. — ISBN 5-7186-0102-X. — EDN UDFDEC.
3. Гридина, Т. А. Грамматика воздействия: коммуникативные стратегии моделирования образа «свой — чужой» в сфере предвыборного политического дискурса / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова, Е. С. Красноперева // *Политическая лингвистика*. — 2021. — № 6 (90). — С. 12–22. — DOI 10.26170/1999-2629_2021_06_01. — EDN KJJPYP.
4. Замальдинов, В. Е. Антропонимы как источник новообразований в языке СМИ и интернет-коммуникации / В. Е. Замальдинов // *Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология*. — 2019. — Т. 29, № 3. — С. 435–441. — DOI 10.35634/2412-9534-2019-29-3-435-441. — EDN ZXTZLN.
5. Ильясова, С. В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С. В. Ильясова, Л. П. Амири. — Москва : Флинта, 2009. — 296 с. — ISBN 978-5-9765-0825-5. — EDN QUMOHF.
6. Коновалова, Н. И. Словообразовательный потенциал политического дискурса / Н. И. Коновалова, О. А. Михайлова, Ю. Н. Михайлова // *Политическая лингвистика*. — 2025. — № 1 (109). — С. 77–85. — EDN MMJWDX.
7. Кубрякова, Е. С. Язык и знание / Е. С. Кубрякова. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 560 с. — ISBN 5-94457-174-8. — EDN SUQHIP.
8. Милославский, И. Г. Притязательность как семантическая и как словоизменительная характеристика относительных прилагательных / И. Г. Милославский // *Русский язык в школе*. — 2016. — № 3. — С. 47–51. — EDN XWWMKP.

9. Николина, Н. А. Новые явления в сфере деривационных формантов как отражение динамики словообразовательной системы русского языка / Н. А. Николина, Л. В. Рацибурская, В. Г. Фатхутдинова // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. — 2020. — Т. 19, № 2. — С. 5–19. — DOI 10.15688/jvolsu.2020.2.1. — EDN YQCLJB.

10. Новое в русской лексике. Словарные материалы — 2022 / сост. Е. С. Громенко, А. Е. Дёмина, Н. В. Козловская, Н. А. Козулина, С. Д. Левина, А. С. Павлова, М. Н. Приёмшова, Ю. С. Ридецкая. — Санкт-Петербург : Ин-т лингвистических исследований РАН, 2023. — 254 с. — ISBN 978-5-6047998-1-9. — EDN RBLCEF.

11. Норман, Б. Ю. Отантропонимических прилагательных русского языка: корпусный подход в изучении одного словообразовательного типа / Б. Ю. Норман, А. М. Плотникова // *Вопросы ономастики*. — 2017. — Т. 14, № 3. — С. 84–96. — DOI 10.15826/vopr_onom.2017.14.3.024. — EDN ZTXBKL.

12. Радбиль, Т. Б. Прагматика процессов неодеривации в русском языке последних десятилетий / Т. Б. Радбиль, Л. В. Рацибурская, Л. Ясаи, И. В. Палоши // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. — 2022. — № 1. — С. 149–153. — DOI 10.52452/19931778_2022_1_149. — EDN YUAMPS.

13. Рацибурская, Л. В. Прецедентность заголовков «Российской газеты» как проявление языковой игры / Л. В. Рацибурская // *Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности*. — 2024. — № 22. — С. 86–92. — EDN CGLDUE.

14. Рацибурская, Л. В. Специфика современного медийного словотворчества / Л. В. Рацибурская, Н. А. Самбличева, А. В. Шумилова. — Москва : ФЛИНТА, 2015. — 136 с. — ISBN 978-5-9765-1925-1. — EDN XGCBGB.

15. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. — Изд. 4-е. — Москва : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 386 с. — ISBN 978-5-397-03085-4.

16. Флоря, А. В. Современные неологизмы с суффиксом -шин / А. В. Флоря // *Вестник удмуртского университета. Серия история и филология*. — 2022. — Т. 32, вып. 3. — С. 466–473. — DOI 10.35634/2412-9534-2022-32-3-466-473. — EDN HCZELX.

REFERENCES

1. Afinskaya, Z. N. (2017). K voprosu o kontseptual'nom potentsiale prefiksov = On the Conceptual Potential of Prefixes. *Philology and Culture*, 3(49), 6–10. EDN ZSJWAZ.
2. Gridina, T. A. (1996). Yazykovaya igra: stereotip i tvorchestvo = Language Game: Stereotype and Creativity. Ekaterinburg: Ural GPI, 215 p. ISBN 5-7186-0102-X. EDN UDFDEC.
3. Gridina, T. A., Konvalova, N. I., Krasnoperova, E. S. (2021). Grammatika vozdeystviya: kommunikativnye strategii modelirovaniya obraza «svoe — chuzhoj» v sfere predvybornogo politicheskogo diskursa = Grammar of Influence: Communicative Strategies for Modeling the Image of “Friend — Foe” in the Sphere of Pre-Election Political Discourse. *Political Linguistics*, 6(90), 12–22. DOI 10.26170/1999-2629_2021_06_01. EDN KJJPYP.
4. Zamal'dinov, V. E. (2019). Antroponimy kak istochnik novoobrazovaniy v yazyke SMI i internet-kommunikatsii = Anthroponyms as a Source of New Formations in the Language of Media and Internet Communication. *Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology*, 29(3), 435–441. DOI 10.35634/2412-9534-2019-29-3-435-441. EDN ZXTZLN.
5. Ilyasova, S. V., Amiri, L. P. (2009). Yazykovaya igra v kommunikativnom prostranstve SMI i reklamy = Language Play in the Communicative Space of Media and Advertising. Moscow: Flinta, 296 p. ISBN 978-5-9765-0825-5. EDN QUMOHF.
6. Konvalova, N. I., Mikhaylova, O. A., Mikhaylova, Yu. N. (2025). Slovoobrazovatel'nyy potentsial politicheskogo diskursa = Word-formation potential of political discourse. *Political Linguistics*, 1(109), 77–85. EDN MMJWDX.
7. Kubryakova, E. S. (2004). Yazyk i znanie = Language and knowledge. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 560 p. ISBN 5-94457-174-8. EDN SUQHIP.
8. Miloslavskiy, I. G. (2016). Prityazhatel'nost' kak semanticheskaya i kak slovoizmenitel'naya kharakteristika odnositel'nykh

prilagatel'nykh = Possessiveness as a Semantic and as an Inflectional Characteristic of Relative Adjectives. *Russian Language at School*, 3, 47–51. EDN XWWMPK.

9. Nikolina, N. A., Ratsiburskaya, L. V., Fatkhutdinova, V. G. (2020). Novye yavleniya v sfere derivatsionnykh formantov kak otrazhenie dinamiki slovoobrazovatel'noy sistemy russkogo yazyka = New Phenomena in the Sphere of Derivational Formants as a Reflection of the Dynamics of the Word-Formation System of the Russian Language. *Bulletin of Volgograd State University. Series 2, Linguistics*, 19(2), 5–19. DOI 10.15688/jvolsu2.2020.2.1. EDN YQCJIB.

10. Gromenko, E. S., Dyomina, A. E., Kozlovskaya, N. V., Kozulina, N. A., Levina, S. D., Pavlova, A. S., Priyomysheva, M. N., Ridetskaya, Yu. S. (2023). Novoe v russkoy leksike. Slovarnye materialy — 2022 = New in Russian Lexicon. Vocabulary Materials — 2022. Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, 254 p. ISBN 978-5-6047998-1-9. EDN RBLCEF.

11. Norman, B. Yu., Plotnikova, A. M. (2017). Otantropnimeskie prilagatel'nye russkogo yazyka: korpusnyy podkhod v izuchenii odnogo slovoobrazovatel'nogo tipa = Otanthroponymic adjectives of the Russian language: a corpus-based approach to the study of one word-formation type. *Questions of Onomastics*, 14(3), 84–96. DOI 10.15826/vopr_onom.2017.14.3.024. EDN ZTXBKL.

12. Radbil', T. B., Ratsiburskaya, L. V., Yasai, L., Paloshi, I. V. (2022). Pragmatika protsessov neoderivatsii v russkom yazyke poslednikh desyatiletii = Pragmatics of Neoderivation Processes in the Russian Language of Recent Decades. *Bulletin of the N. I. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*, 1, 149–153. DOI 10.52452/19931778_2022_1_149. EDN YUAMPS.

13. Ratsiburskaya, L. V. (2024). Pretsedentnost' zagolovkov «Rossiyskoy gazety» kak proyavlenie yazykovoy igry = Precedent of the Headlines of the Rossiyskaya Gazeta as a Manifestation of Language Play. *Psycholinguistic Aspects of the Study of Speech Activity*, 22, 86–92. EDN CGLDUE.

14. Ratsiburskaya, L. V., Samylicheva, N. A., Shumilova, A. V. (2015). Spetsifika sovremennogo mediynogo slovotvorchestva = Specifics of Modern Media Word Creation. Moscow: FLINTA, 136 p. ISBN 978-5-9765-1925-1. EDN XGCBGB.

15. Superanskaya, A. V. (2012). Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo = General Theory of Proper Names. Ed. 4th. Moscow: LIBROKOM, 386 p. ISBN 978-5-397-03085-4.

16. Florya, A. V. (2022). Sovremennyye neologizmy s suffiksom -shchin = Modern Neologisms with the Suffix -shchin. *Bulletin of the Udmurt University. History and Philology Series*, 32(3), 466–473. DOI 10.35634/2412-9534-2022-32-3-466-473. EDN HCZELX.

Политическая лингвистика. 2026. № 2 (116).
Political Linguistics. 2026. No 2 (116).

УДК 811.111'42+81'38+81'27

ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.55

Код ВАК 5.9.8; 5.9.9

Валерия Анатольевна Радаева

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия,
v.a.radaeva@urfu.ru, SPIN-код: 5040-4457

Метонимическая номинация субъекта в репрезентации концепта «российская угроза» в западном медиадискурсе

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается использование метонимической номинации субъектов в западном медиадискурсе при репрезентации концепта «российская угроза». Метонимия позволяет медиатексту концентрировать внимание на определенных характеристиках или функциях субъекта, поэтому анализ метонимии в номинациях открывает дополнительные возможности для понимания стратегий репрезентации акторов в медиадискурсе. Анализ отобранного материала опирается на когнитивную классификацию метонимии Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Применение данной классификации дает возможность системно фиксировать типы метонимических номинаций, которые используются для обозначения субъектов и источников событий. На материале 9 публикаций англоязычных СМИ 2024–2026 гг., посвященных российско-украинскому конфликту, выявлены доминирующие стратегии метонимического переноса наименований, а именно три стратегии: место вместо учреждения (Place for Institution), учреждение вместо ответственных лиц (Institution for People Responsible) и контролирующий вместо контролируемого (Controller for Controlled). Анализ показывает, как через метонимические сдвиги формируется образ России как целостного источника угрозы (стратегия деперсонализации) и ее лидеров как лично ответственных за решения (стратегия персонализации), что позволяет исследовать когнитивные и прагматические механизмы конструирования образа России как угрозы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политические тексты, журналистика, медиадискурс, медиатексты, англоязычные СМИ, средства массовой информации, языковые средства, язык СМИ, медиаобразы, образ России, коллективный Запад, концептосфера, политические концепты, дискурсивные стратегии, метонимия, метонимическая номинация, персонализация, российская угроза.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Радаева Валерия Анатольевна, ассистент кафедры иностранных языков, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, email: v.a.radaeva@urfu.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Радаева, В. А. Метонимическая номинация субъекта в репрезентации концепта «российская угроза» в западном медиадискурсе / В. А. Радаева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 66–72.

Valeriya A. Radaeva

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, v.a.radaeva@urfu.ru,
SPIN code: 5040-4457

Metonymic Nomination of the Subject in the Representation of the Concept of the “Russian Threat” in Western Media Discourse

ABSTRACT. The article examines the use of metonymic nominations of subjects in Western media discourse when representing the concept of the “Russian threat”. Metonymy allows a media text to focus on certain characteristics or functions of a subject; therefore, the analysis of metonymy in nominations opens up additional opportunities for understanding the strategies of representation of actors in media discourse. The analysis of the selected practical material is based on the cognitive classification of metonymy worked out by J. Lakoff and M. Johnson. The application of this classification makes it possible to systemically record the types of metonymic nominations that are used to denote subjects and sources of events. Based on the material of 9 publications of the English-language media in 2024–2026 devoted to the Russian-Ukrainian conflict, the dominant strategies of metonymic transfer of names have been identified, namely three strategies: Place for Institution, Institution for People Responsible and Controller for Controlled. The analysis shows how, through metonymic shifts, the image of Russia as an integral source of threat is formed (depersonalization strategy) and its leaders as personally responsible for decisions (personalization strategy), which allows the researcher to explore the cognitive and pragmatic mechanisms of constructing the image of Russia as a threat.

KEYWORDS: political discourse, political texts, journalism, media discourse, media texts, English-language media, mass media, language means, mass media language, media images, image of Russia, collective West, conceptosphere, political concepts, discursive strategies, metonymy, metonymic nomination, personalization, Russian threat.

AUTHOR'S INFORMATION: Radaeva Valeriia Anatol'evna, Assistant Professor of Department of Foreign Languages, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Radaeva V. A. (2026). Metonymic Nomination of the Subject in the Representation of the Concept of the “Russian Threat” in Western Media Discourse. In *Political Linguistics*. No 2 (116), pp. 66–72. (In Russ.).

В последние десятилетия международная информационная среда претерпела значительные изменения, что усилило роль медиадискурса в формировании общественного мнения и конструировании образов субъектов (акторов) мировой политики. Средства массовой информации (СМИ) и цифровые платформы оказывают существенное влияние на восприятие политических событий, создавая нарративы, которые часто выходят за рамки сугубо фактического описания и формируют определенные оценки и интерпретации. В этом контексте приобретает особую актуальность репрезентация России в западном медиадискурсе, особенно с учетом интенсивности освещения международных конфликтов, геополитических противоречий и вопросов безопасности в мире.

Особый интерес представляют медиатексты, в которых Россия изображается как угроза, поскольку подобная репрезентация напрямую влияет на формирование общественного мнения о Российской Федерации. В западных СМИ часто создаются нарративы, где концепт «российская угроза» становится ключевым элементом политического повествования. Изучение того, как этот концепт вербализуется в медиатекстах, позволяет выявить закономерности, через которые формируется политическая интерпретация России и ее действий.

Одним из ключевых аспектов анализа медиадискурса является номинация субъектов, т. е. способы обозначения действующих лиц в тексте. Через выбор их наименований формируется восприятие акторов, их роли на политической арене, возникают определенные коннотации. Исследование номинаций позволяет выявить закономерности, с помощью которых медиатекст структурирует восприятие политических событий и их участников, обеспечивая целостное восприятие ситуаций аудиторией.

Особый интерес представляют случаи, когда номинация субъекта осуществляется не напрямую, а через метонимические сдвиги, т. е. через использование одного наименования для обозначения другого, связанного с ним объекта или актора. Метонимия позволяет медиатексту концентрировать внимание на определенных характеристиках или функциях субъекта, при этом зачастую позволяя одновременно экономить речевые средства, иными словами — делая высказывания короче. Следовательно, анализ метонимии в номинациях открывает дополнительные возможности для понимания стратегий репрезентации акторов в медиадискурсе.

Таким образом, цель исследования заключается в анализе особенностей метони-

мической номинации субъектов в репрезентации концепта «российская угроза» в западном медиадискурсе. В частности, исследование направлено на систематизацию моделей метонимического переноса, через которые источники угрозы обозначаются в медиатекстах, а также на выявление закономерностей, позволяющих понять, каким образом использование метонимии влияет на восприятие аудитории. Практическая значимость исследования состоит в возможности использовать его результаты для дальнейшего анализа интегрированных политических коммуникаций и дискурсивного изучения медийных нарративов.

Как известно, точное понимание термина «дискурс» до сих пор остается предметом дискуссий в лингвистике и культурологии. Е. С. Кубрякова, М. Л. Макаров, В. И. Карасик, Н. Д. Арутюнова, В. Е. Чернявская и другие авторы предлагали различные трактовки этого понятия, отражающие разнообразие подходов к языку и коммуникации.

Особой разновидностью дискурса с точки зрения его институциональной принадлежности является политический дискурс. В широком смысле он определяется как «совокупность всех речевых актов в политических дискуссиях, правил публичной политики, освещенных традицией и проверенных опытом» [Баранов, Казакевич 1991: 6]. Как объект лингвокультурологического анализа, политический дискурс обладает рядом ключевых признаков: целенаправленностью и динамичностью, ситуативной приуроченностью, спонтанностью речевой деятельности, привязанностью к определенному контексту, принадлежностью к слою культуры, а также жанровой или идеологической принадлежностью [Генералова 2013]. Эти характеристики особенно важны, поскольку они обеспечивают дискурсу возможность моделировать общественное восприятие и формировать оценочные позиции.

В рамках политического дискурса выделяется особый подвид — политический медиадискурс, который концентрируется на производстве и распространении информации через СМИ, конструирует образы политических акторов и событий и рассчитан на массовую аудиторию. Политический медиадискурс выполняет важную функцию посредника между событиями и их восприятием широкой аудиторией, поскольку именно через медиатексты формируется представление о них. Как отмечает В. А. Марьянчик, в медиаполитическом дискурсе автор «интерпретирует факты действительности, создавая медиареальность и приписывая политическим персонам вымышленные (создан-

ные творческой фантазией и прагматическими намерениями) статусы» [Марьянчик 2010]. При этом автор способен повышать или понижать статус политического субъекта, однако вербальная реализация этого статусного значения зависит не только от него, но и от адресата.

В СМИ политик выступает в основном как объект коммуникации. В результате связь между ним, автором высказывания и реципиентом является опосредованной, т. е. публицист характеризует политика и помогает сформировать или дополнить концепт его личности на основе разнообразных наименований, которые автор использует как основной инструмент воздействия. Именно оценочные номинации становятся центральным дискурсообразующим элементом и задают тон восприятию акторов аудиторией [Езан, Ковтунова 2020: 3]. Процесс номинации — «образования языковых единиц, служащих для называния и вычленения фрагментов действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме слов, сочетаний слов, фразеологизмов и предложений»¹ — позволяет исследователю проследить, каким образом язык медиатекста организует восприятие событий и участников, а также какие оценочные парадигмы формируются или же активируются у аудитории. Через выбор конкретных номинаций у аудитории создаются определенные ассоциации, расставляются акценты, что обеспечивает формирование некоего целостного образа описываемой реальности и влияние на интерпретацию информации читателем или зрителем. Таким образом, номинация выступает не просто средством повествования, а инструментом конструирования оценки в медиадискурсе.

Метонимия выступает одним из способов номинации, когда одно языковое выражение замещается другим, тесно связанным по смыслу или ассоциативно с ним [Алешина, Бронзова 2015]. Такая замена позволяет компактно обозначать субъекты и создавать дополнительные когнитивные связи у читателя, одновременно формируя определенное восприятие акторов. В политическом дискурсе метонимия нередко несет оценочную нагрузку, позволяя автору выражать иронию, подчеркивать ответственность или акцентировать значимость действия [Голубева 2018: 16]. Благодаря этим свойствам метонимическая номинация становится важ-

ным инструментом структурирования информации, обеспечивая не только обозначение субъектов, но и управление интерпретацией происходящего со стороны аудитории.

Метонимическая номинация субъектов выполняет несколько функций². Когнитивная функция заключается в переконцептуализации фрагмента действительности, позволяя аудитории осмысливать события и действия акторов через язык медиатекста. Прагматическая функция проявляется через частные эффекты: компрессию информации, псевдоидентификацию, эвфемизацию и манипуляцию значениями, которые формируют отношение аудитории к субъекту. В свою очередь, текстообразующая функция метонимии обеспечивает когезию при организации текста, где метонимия выступает в роли перифразы с анафорическим характером, связывая элементы повествования.

Согласно Дж. Лакоффу и М. Джонсону, метонимия — это не просто «языковое украшение», а когнитивный механизм, с помощью которого люди осмысливают сложные явления через более знакомые или конкретные объекты. Авторы выделяют несколько базовых моделей метонимии, применимых для анализа медиатекста:

- 1) Part for Whole (Часть вместо целого);
- 2) Producer for Product (производитель вместо продукции);
- 3) Object Used for User (используемый объект вместо пользователя);
- 4) Controller for Controlled (контролирующий вместо контролируемого);
- 5) Institution for People Responsible (учреждение вместо ответственных лиц);
- 6) Place for the Institution (место вместо учреждения);
- 7) Place for the Event (место вместо события) [Лакофф, Джонсон 2004: 63–66].

Эти модели показывают, как метонимия позволяет сосредоточить внимание аудитории на ключевых аспектах событий, ролях и ответственности акторов, а также направлять интерпретацию текста через ассоциативные связи. Таким образом, метонимия становится инструментом когнитивного воздействия: через метонимические сдвиги автор того или иного текста может фокусировать внимание аудитории на определенных характеристиках акторов, их действиях, явлениях, событиях и т. д., а также формировать у аудитории определенное представление о них.

¹ Ярцева В. Н. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 336.

² Резинкин А. Ю. Функционирование метонимических номинаций в немецком политическом медиадискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Барнаул, 2012. 240 с.

Таким образом, обращение к метонимическим категориям в анализе западного медиадискурса о России позволит выявлять устойчивые модели номинации субъектов, явлений и событий, а также проследить, какие именно типы замещений оказываются наиболее продуктивными; системно описать случаи, когда в медиатекстах происходит смещение обозначения от конкретных акторов к более обобщенным или символическим репрезентациям. Это, в свою очередь, позволит анализировать, каким образом перераспределяется ответственность, как варьируется степень конкретизации субъекта и какие элементы ситуации выдвигаются на передний план.

Перейдем к исследованию конкретных примеров метонимического переноса в текстах западных медиапубликаций, посвященных теме «российской угрозы».

В качестве материала исследования были отобраны фрагменты 9 публикаций крупных западных СМИ (*The Guardian*, *Politico*, *The Conversation*, *The New York Times* и др.), вышедших в период 2024–2026 гг. и затрагивающих российско-украинский конфликт, начавшийся в 2022 г. Выбор обусловлен тем, что в рамках указанных текстов Россия последовательно репрезентируется как источник угрозы, что делает возможным анализ языковых средств, участвующих в формировании этого образа. Также критерием отбора послужило наличие в текстах метонимической номинации субъектов, репрезентирующих Россию, в частности российское правительство, российские вооруженные силы и т. д.

Отметим, что в рассматриваемых примерах часто встречались случаи метонимического переноса в наименованиях других акторов — западных правительств, украинских вооруженных сил и т. д., однако данные примеры не фиксировались и не подвергались анализу, поскольку не соответствовали теме настоящего исследования.

Анализ отобранного материала опирался на когнитивную классификацию метонимии Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Применение данной классификации дает возможность системно фиксировать типы метонимических номинаций, которые используются для обозначения субъектов и источников событий.

На основании первичного анализа текстов были выделены три основные группы метонимий, которые чаще всего встречаются в анализируемых материалах: **Place for Institution (место вместо учреждения)**, **Institution for People Responsible (учреждение вместо ответственных лиц)** и

Controller for Controlled (контролирующий вместо контролируемого). Прочие типы метонимий в анализируемых текстах встречались достаточно редко и не позволили выявить устойчивых закономерностей.

Рассмотрим более подробно несколько примеров реализации указанных выше трех стратегий метонимического переноса в медиатекстах, составивших материал исследования.

В группе **Place for Institution (место вместо учреждения)** геополитические наименования, в частности «Москва» и «Россия», используются как замена наименований государственных органов и институтов, упрощая представление о субъектах, принимающих решения. Рассмотрим отдельные примеры:

- VOA News (2024): *Russian forces have increased their attacks on the regions of Sumy and Kharkiv in recent months, creating fears that **Russia** could be preparing a ground offensive in those regions, which were partially occupied at the beginning of **Moscow's** invasion* — слово *Russia* функционирует как замена наименований конкретных органов власти и командующих военными операциями, сосредотачивая внимание на стране как едином акторе. Аналогично слово *Moscow* выступает как геополитическое обозначение, замещающее, как следует предполагать, субъект «российские власти», поскольку именно этот субъект, а не город Москва, принимал решение о том, что названо в тексте «вторжением» на территорию Украины [VOA News 2024];

- Euractiv (2025): ***Russia** is a systemic threat and Europe must wake up to face it* — наименование страны выступает как метонимическая единица, заменяющая комплекс институтов и органов, что усиливает восприятие России как целостного источника угрозы [Euractiv 2025];

- The Conversation (2025): *Since WWII, it's been taboo to force nations to cede land after war. **Russia** wants to normalise conquest again* — аналогично предыдущим примерам *Russia* использовано вместо «российские государственные структуры, осуществляющие определенную политику» [The Conversation 2025];

- RollingOut (2025): *Emboldened by favorable geopolitical dynamics, **Russia** continues advancing militarily* — использование *Russia* вместо, к примеру, *Russian armed forces* позволяет тексту сосредоточить внимание на действиях страны в целом и создавать образ согласованного, целенаправленного субъекта, влияющего на развитие событий [RollingOut 2025].

Следующая группа, Institution for People Responsible (учреждение вместо ответственных лиц), предполагает использование наименований организаций или институтов для обозначения конкретных лиц, принимающих решения или несущих ответственность за действия. В рассмотренных материалах чаще всего для этой цели использовалось наименование *(the) Kremlin*, которое метонимически замещает руководство и ключевых политических акторов России:

- The Guardian (2026): *As the talks were about to begin on Friday, the Kremlin repeated its demand that...* — в данном случае *the Kremlin* означает не буквально здание Кремля, а лиц, принимающих решения в российском правительстве, что подчеркивает их ответственность за позицию государства [The Guardian 2026];

- Politico (2025): *Western countries have shied away from reacting to Kremlin acts of sabotage and terror* — в данном случае, аналогично, слово *Kremlin* концентрирует внимание читателей на действиях руководства России без указания конкретных личностей [Politico 2025];

- Rolling Out (2025): *From the inauguration of Trump's second term in January 2025, the Kremlin adopted a strategy of feigning diplomatic engagement...* — в этом примере *the Kremlin* метонимически обозначает лиц, реализующих внешнеполитическую стратегию, акцентируя внимание на их действиях [Rolling Out 2025];

- The Sun (2025): *Kremlin threatens to 'DESTROY' foreign fighters in Ukraine...* — в данном случае метонимический перенос акцентирует активность и решимость управляющих лиц через название института, усиливая восприятие России как организованного и целенаправленного субъекта угрозы [The Sun 2025].

Наконец, в группу **Controller for Controlled (контролирующий вместо контролируемого)** оказались включены те случаи, когда конкретные лица представляются через призму их контроля над другими субъектами или событиями. В рассматриваемых примерах такую роль чаще всего выполнял лидер России — президент В. В. Путин, который представлен как центральный актор, контролирующий все военные и дипломатические действия:

- The New York Times (2025): *Putin Keeps Pushing, With Trump and on the Battlefield* — в данном случае «Putin» выступает как метонимическая единица, обозначающая лидера, контролирующего военные и дипломатические действия России, подчеркивая его яко-

бы личную ответственность за происходящее [The New York Times 2025];

- The New York Times (2025): *The Russian leader's drones are deluging Ukrainian cities...* — здесь *the Russian leader* метонимически представляет В. В. Путина в качестве лица, контролирующего все военные действия и принимающего ключевые решения, вновь акцентируя его личную ответственность за происходящее [The New York Times 2025];

- Rolling Out (2025): *Why Putin keeps fighting despite peace negotiations* — данный пример снова акцентирует руководство В. В. Путина действиями России в конфликте, что подчеркивает персональную ответственность за военные и дипломатические решения [Rolling Out 2025].

На основании рассмотренных примеров можно выделить ряд закономерностей в использовании метонимической номинации субъектов в западных медиатекстах о российско-украинском конфликте. Ключевой из них является реализация двойной стратегии репрезентации, сочетающей деперсонализацию и персонализацию субъекта.

С одной стороны, в анализируемых текстах отчетливо преобладает стратегия деперсонализации. Геополитические наименования, такие как *Russia* и *Moscow* (метонимический сдвиг по типу «Место вместо учреждения»), функционируют как замена совокупности государственных органов и институтов, формируя представление о всей стране как о едином акторе. Аналогичную роль играет наименование *the Kremlin* (метонимический сдвиг по типу «Учреждение вместо ответственных лиц»), позволяющее обозначать центр принятия решений без конкретизации отдельных участников. Данные типы метонимии количественно преобладают в рассмотренном материале, что предварительно указывает на доминирование стратегии обобщения, деперсонализации.

С другой стороны, параллельно в текстах реализуется противоположная стратегия персонализации, которая носит более точечный характер. В этих примерах ответственность за действия Вооруженных сил и правительственных лидеров России концентрируется в фигуре конкретного человека — президента В. В. Путина (метонимический сдвиг по типу «Контролирующий вместо контролируемого»). В отличие от деперсонализированных номинаций, такие употребления не размыывают, а, напротив, усиливают и подчеркивают роль субъекта как основного действующего лица, приписывая ему прямой контроль над военными и политическими процессами и акцентируя индивидуальную ответственность за происходящее.

Таким образом, сочетание количественно доминирующей деперсонализации и точечной персонализации позволяет медиадискурсу одновременно и представлять Россию как целостный источник угрозы, и закреплять ответственность за действия государства за конкретным политическим актором. Подобное перераспределение ответственности формирует управляемую интерпретацию событий, в которой обобщенный образ государства дополняется персонифицированным образом опасного лидера.

Следует отметить, что полученные результаты носят предварительный характер и основаны на ограниченном корпусе медиатекстов. Дальнейшие исследования на более широком и репрезентативном материале, по нашему мнению, позволят уточнить выявленные закономерности и степень соотношения стратегий метонимического переноса.

ИСТОЧНИКИ

1. Europe shies away from reacting to Kremlin acts of sabotage and terror // Politico. — 2025. — URL: <https://www.politico.eu/article/europe-russia-hybrid-war-vladimir-putin-germany-cyberattacks-election-interference/> (date of access: 12.03.2026).
2. Kremlin threatens to 'DESTROY' foreign fighters in Ukraine // The Sun. — 2025. — URL: <https://www.thesun.co.uk/news/37152105/kremlin-threatens-destroy-foreign-fighters-ukraine/> (date of access: 12.03.2026).
3. Moscow threatens UK with strikes if Ukraine hits Russia with British weapons // VOA News. — 2024. — URL: <https://www.voanews.com/a/moscow-threatens-uk-with-strikes-if-ukraine-hits-russia-with-british-weapons-7600425.html> (date of access: 12.03.2026).
4. Putin Keeps Pushing, With Trump and on the Battlefield // The New York Times. — 2025. — URL: <https://www.nytimes.com/2025/03/31/world/europe/putin-trump-russia-ukraine.html> (date of access: 12.03.2026).
5. Russia is a systemic threat and Europe must wake up to face it // Euractiv. — 2025. — URL: <https://www.euractiv.com/opinion/russia-is-a-systemic-threat-and-europe-must-wake-up-to-face-it/> (date of access: 12.03.2026).
6. Russia keeps up demand for Ukrainian land as three-way talks begin in UAE // The Guardian. — 2026. — URL: <https://www.theguardian.com/world/2026/jan/23/us-ukraine-russia-abu-dhabi-talks-putin-witkoff-kushner> (date of access: 12.03.2026).
7. Since WWII, it's been taboo to force nations to cede land after war. Russia wants to normalise conquest again // The Conversation. — 2025. — URL: <https://theconversation.com/since-wwii-its-been-taboo-to-force-nations-to-cede-land-after-war-russia-wants-to-normalise-conquest-again-264590> (date of access: 12.03.2026).
8. Why Putin keeps fighting despite peace negotiations // Rolling Out. — 2025. — URL: <https://rollingout.com/2025/11/26/why-putin-keeps-fighting-despite-peace/> (date of access: 12.03.2026).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алешина, О. И. Особенности перевода юридической терминологии с английского языка на русский / О. И. Алешина, Л. И. Бронзова // Современные проблемы права, экономики и управления. — 2016. — № 2 (3). — С. 328–334. — EDN XSCSCL.
2. Баранов, А. Н. Парламентские дебаты: традиции и новации / А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич. — Москва, 1991. — 63 с. — EDN PWFJSZ.
3. Генералова, С. Н. Понятие «политический дискурс» в лингвокультурологической парадигме / С. Н. Генералова //

Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2010. — Т. 5, № 1. — С. 95–101. — EDN UHHENN.

4. Голубева, Т. М. Особенности метонимического употребления акронима «ИГИЛ»* в американском политическом дискурсе / Т. М. Голубева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. — 2018. — Т. 15, № 2. — С. 16–21. — DOI 10.14529/ling180203. — EDN XQWVFZ.

5. Грейдина, Н. Л. Медийная агрессия в контексте политической коммуникации (на материале британских и американских СМИ) / Н. Л. Грейдина // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2022. — Т. 11, № 2. — С. 102–106. — DOI 10.12737/2587-9103-2022-11-2-102-106. — EDN AAFVOI.

6. Езан, И. Е. Оценочные номинации лица в немецком политическом медиадискурсе / И. Е. Езан, Е. А. Ковтунова // Международный научно-исследовательский журнал. — 2017. — № 2-1(56). — С. 21–24. — DOI 10.23670/IRJ.2017.56.047. — EDN XLANN.

7. Лакофф, Д. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / Д. Лакофф, М. Джонсон ; под редакцией и с предисловием А. Н. Баранова. — Москва : УРСС, 2004. — 256 с. — ISBN 5-354-00222-2. — EDN QRAADX.

8. Марьянчик, В. А. Стиль медиатекста как реализация взаимодействия автора и адресата / В. А. Марьянчик // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. — 2010. — № 2. — С. 40–49. — EDN MOTGIZ.

9. Метафорический образ будущего России в зарубежных СМИ / Э. В. Будаев, О. А. Солопова, Р. И. Зарипов, А. В. Бойко. — Санкт-Петербург : Научные исследования, 2021. — 217 с. — ISBN 978-5-6045558-9-7. — EDN KPMMAO.

10. Резинкин, А. Ю. Когнитивные подходы к изучению метонимии / А. Ю. Резинкин // Мир науки, культуры, образования. — 2011. — № 6-2(31). — С. 32–35. — EDN PNHQPT.

11. Рогозина, И. В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект : моногр. / И. В. Рогозина ; Институт языкознания Российской академии наук ; Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова. — Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2003. — 290 с. — ISBN 5-7568-0435-8. — EDN QOCECV.

12. Теория и практика анализа текста в аспекте скрытой прагмалингвистики : моногр. / Г. Г. Матвеева, А. В. Бутусова, О. Е. Ломова [и др.]. — Ростов-на-Дону : ИУБиП, 2007. — 192 с. — ISBN 5-7878-0110-5. — EDN QTMJOT.

13. Чебыкина, Е. С. Коммуникативная трансформация образа России в СМИ США после присоединения Крыма / Е. С. Чебыкина // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2024. — Т. 13, № 4. — С. 66–76. — DOI 10.12737/2587-9103-2024-13-4-66-76. — EDN CXUPBF.

14. Шишканова, Ю. С. Образ России в американских СМИ / Ю. С. Шишканова // Диалог культур — диалог о мире и во имя мира : материалы IX Междунар. студенческой науч.-практ. конф., Комсомольск-на-Амуре, 9 апр. 2018 г. — Комсомольск-на-Амуре : Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, 2018. — С. 457–460. — EDN XSDOYX.

15. Ozyumenko, V. I. Threat and fear: Pragmatic purposes of emotionalisation in media discourse / V. I. Ozyumenko, T. V. Larina // Russian Journal of Linguistics. — 2021. — Vol. 25, No. 3. — P. 746–766. — DOI 10.22363/2687-0088-2021-25-3-746-766. — EDN IHWYFN.

* Террористическая организация, запрещена в России.

MATERIALS

1. Politico (2025). Europe shies away from reacting to Kremlin acts of sabotage and terror. Available at March 12, 2026 from <https://www.politico.eu/article/europe-russia-hybrid-war-vladimir-putin-germany-cyberattacks-election-interference/>.
2. The Sun (2025). Kremlin threatens to 'DESTROY' foreign fighters in Ukraine. Available at March 12, 2026 from <https://www.thesun.co.uk/news/37152105/kremlin-threatens-destroy-foreign-fighters-ukraine/>.
3. VOA News (2024). Moscow threatens UK with strikes if Ukraine hits Russia with British weapons. Available at March 12,

2026 from <https://www.voanews.com/a/moscow-threatens-uk-with-strikes-if-ukraine-hits-russia-with-british-weapons-/7600425.html>.

4. The New York Times (2025). Putin Keeps Pushing, With Trump and on the Battlefield. Available at March 12, 2026 from <https://www.nytimes.com/2025/03/31/world/europe/putin-trump-russia-ukraine.html>.

5. Euractiv (2025). Russia is a systemic threat and Europe must wake up to face it. Available at March 12, 2026 from <https://www.euractiv.com/opinion/russia-is-a-systemic-threat-and-europe-must-wake-up-to-face-it/>.

6. The Guardian (2026). Russia keeps up demand for Ukrainian land as three-way talks begin in UAE. Available at March 12, 2026 from <https://www.theguardian.com/world/2026/jan/23/ukraine-russia-abu-dhabi-talks-putin-witkoff-kushner>.

7. The Conversation (2025). Since WWII, it's been taboo to force nations to cede land after war. Russia wants to normalise conquest again. Available at March 12, 2026 from <https://theconversation.com/since-wwii-its-been-taboo-to-force-nations-to-cede-land-after-war-russia-wants-to-normalise-conquest-again-264590>.

8. Rolling Out (2025). Why Putin keeps fighting despite peace negotiations. Available at March 12, 2026 from <https://rollingout.com/2025/11/26/why-putin-keeps-fighting-despite-peace/>.

REFERENCES

1. Aleshina, O. I., Bronzova, L. I. (2016). Osobennosti perevoda yuridicheskoy terminologii s angliyskogo yazyka na russkiy = Features of the Translation of Legal Terminology from English into Russian. *Modern Problems of Law, Economics and Management*, 2(3), 328–334. EDN XSCSCL.

2. Baranov, A. N., Kazakevich, E. G. (1991). Parlamentskie debaty: traditsii i novatsii = Parliamentary Debates: Traditions and Innovations. Moscow, 63 p. EDN PWFJSZ.

3. Generalova, S. N. (2010). Ponyatie «politicheskiy diskurs» v lingvokul'turologicheskoy paradigme = The Concept of “Political Discourse” in the Linguocultural Paradigm. *Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin*, 5(1), 95–101. EDN UHHENN.

4. Golubeva, T. M. (2018). Osobennosti metonimicheskogo upotrebleniya akronima «dGIL»* v amerikanskom politicheskom diskurse = Features of the metonymic use of the acronym “ISIS”* in American political discourse. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, 15(2), 16–21. DOI 10.14529/ling180203. EDN XQWVFZ.

5. Grejdina, N. L. (2022). Mediynaya agressiya v kontekste politicheskoy kommunikatsii (na materiale britanskikh i amerikanskikh SMI) = Media aggression in the context of political communication (based on British and American media). *Research and development. Modern communication studies*, 11(2), 102–106. DOI 10.12737/2587-9103-2022-11-2-102-106. EDN AAFVOI.

6. Ezan, I. E., Kovtunova, E. A. (2017). Otsenochnye nominatsii litsa v nemetskom politicheskom mediadiskurse = Evalua-

tive Nominations of the Face in German Political Media Discourse. *International Research Journal*, 2-1(56), 21–24. DOI 10.23670/IRJ.2017.56.047. EDN XVLAAH.

7. Lakoff, G., Johnson, M. (2004). Metafori, kotorymi my zhivem = Metaphors We Live By (Transl. from English, edited and with a foreword by A. N. Baranov). Moscow: URSS, 256 p. ISBN 5-354-00222-2. EDN QRAADX.

8. Mar'yanchik, V. A. (2010). Stil' mediateksta kak realizatsiya vzaimodeystviya avtora i adresata = Media Text Style as a Realization of Interaction between the Author and the Addressee. *Bulletin of Moscow University. Series 9, Philology*, 2, 40–49. EDN MOTGIZ.

9. Budaev, Eh. V., Solopova, O. A., Zaripov, R. I., Boyko, A. V. (2021). Metaforicheskiy obraz budushchego Rossii v zarubezhnykh SMI = Metaphorical Image of Russia's Future in Foreign Media. St. Petersburg: Naukoemkie tekhnologii, 217 p. ISBN 978-5-6045558-9-7. EDN KPMMAO.

10. Rezinkin, A. Yu. (2011). Kognitivnye podkhody k izucheniyu metonimii = Cognitive Approaches to the Study of Metonymy. *The World of Science, Culture, Education*, 6-2(31), 32–35. EDN PHHQPT.

11. Rogozina, I. V. (2003). Media-kartina mira: kognitivno-semioticheskiy aspekt = Media picture of the world: cognitive-semiotic aspect. Monograph. Barnaul : Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Altai State Technical University named after. I. I. Polzunov, 290 p. ISBN 5-7568-0435-8. EDN QOCECV.

12. Matveeva, G. G., Butusova, A. V., Lomova, O. E., et al. (2007). Teoriya i praktika analiza teksta v aspekte skrytoy pragmalingvistiki = Theory and practice of text analysis in the aspect of hidden pragmalinguistics. Monograph. Rostov on Don: IUBiP, 192 p. ISBN 5-7878-0110-5. EDN QTMJOT.

13. Chebykina, E. S. (2024). Kommunikativnaya transformatsiya obraza Rossii v SMI SSHA posle prisoedineniya Kryma = Communicative transformation of Russia's image in the US media after the annexation of Crimea. *Research and development. Modern communication studies*, 13(4), 66–76. DOI 10.12737/2587-9103-2024-13-4-66-76. EDN CXUPBF.

14. Shishkanova, Yu. S. (2018). Obraz Rossii v amerikanskikh SMI = The image of Russia in the American media. *Dialogue of cultures — dialogue about peace and for the sake of peace. Proc. IX International student scientific-practical conf., Komsomolsk-on-Amur, April 9. 2018*, 457–460. Komsomol'sk on Amur: Amur Humanitarian and Pedagogical State University. EDN XSDOYX.

15. Ozyumenko, V. I., Larina, T. V. (2021). Threat and fear: Pragmatic purposes of emotionalisation in media discourse // *Russian Journal of Linguistics*, 25(3), 746–766. DOI 10.22363/2687-0088-2021-25-3-746-766. EDN IHWFYN.

* Террористическая организация, запрещена в России.

Политическая лингвистика. 2026. № 2 (116).
Political Linguistics. 2026. No 2 (116).

УДК 81'42+81'38+81'27+316.77

ББК Ш105.51+Ш105.551.5+Ш100.621+Ш100.63

ГРНТИ 16.31.41; 16.21.27

Код ВАК 5.9.9; 5.9.8

Игорь Вячеславович Сиби́ряков

Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск, Россия, sibriakoviv@susu.ru, SPIN-код: 3918-4857

Проблемы межкультурного диалога в новом информационном пространстве: опыт БРИКС

АННОТАЦИЯ. Важность и актуальность темы данной работы во многом определяются как процессами становления нового межгосударственного объединения БРИКС, так и необходимостью развития межкультурного диалога между государствами в условиях резкого обострения международной обстановки. Анализ опыта организации такого диалога, накопленного в рамках БРИКС, представляет сегодня не только научный, но и практический интерес. Среди наиболее перспективных направлений для такого диалога можно отметить музыку, литературу, кинематограф. Основной площадкой для организации такого диалога являются мультимедийные полиязыковые интернет-платформы. Аспекты межкультурного диалога в информационном пространстве БРИКС рассматриваются на примере цифрового медиапроекта TV BRICS. Одной из заметных проблем в формировании общего информационного пространства является отсутствие единого языка общения, обязательного для всех стран-участниц. Чаще всего на официальном уровне в качестве посредника используется английский язык. Для минимизации его использования в цифровом информационном пространстве провозглашается формальное равенство официальных языков стран-участниц, что делает особенно важным адекватный перевод текстов. Важным инструментом для организации межкультурного диалога становится практика создания межгосударственных творческих коллективов. Характеристика тем и форм межкультурного диалога подчеркивает, что невозможно в короткие исторические сроки осуществить перенастройку национально-культурных систем ценностей, образов, понятий на режим «диалога», работа в этом направлении должна ориентироваться на молодежную аудиторию и быть рассчитана на большой исторический срок.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политические тексты, международные организации, межкультурный диалог, интернет-технологии, интернет-коммуникация, интернет-дискурс, интернет-тексты, интернет-ресурсы, информационное пространство, социальные сети, универсальный язык общения, БРИКС.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Сиби́ряков Игорь Вячеславович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (НИУ), г. Челябинск, Россия, email: sibriakoviv@susu.ru.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сиби́ряков, И. В. Проблемы межкультурного диалога в новом информационном пространстве: опыт БРИКС / И. В. Сиби́ряков. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 73–79.

Igor V. Sibiryakov

South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia, sibriakoviv@susu.ru, SPIN code: 3918-4857

Intercultural Dialogue Problems in the New Information Space: The BRICS Experience

ABSTRACT. The importance and the relevance of the topic of this work are largely determined both by the processes of formation of the new BRICS interstate association and by the need to develop intercultural dialogue between the states in the face of a sharp aggravation of the international situation. Today, the analysis of the experience gained in organizing such a dialogue within the framework of the BRICS is of not only scholarly but also practical interest. Music, literature, and cinema are among the most promising areas for such a dialogue. Multimedia polylingual Internet platforms constitute the main platform for organizing this dialogue. The specific aspects of intercultural dialogue in the BRICS information space are considered on the example of the digital media project TV BRICS. Lack of a single language of communication, mandatory for all member states, is one of the notable problems in the construction of a common information space. English is most often used as an intermediary at the official level. In order to minimize its use in the digital information space, the formal equality of the official languages of the member states is proclaimed, which makes adequate translation of texts especially important. The practice of creating interstate creative teams is becoming an important tool for organizing intercultural dialogue. The characteristics of the themes and forms of intercultural dialogue emphasizes that it is impossible to reconfigure national and cultural systems of values, images, and concepts to a “dialogue” mode in a short historical period, and work in this direction should be aimed at a younger audience and be designed for a long historical period.

KEYWORDS: political discourse, political texts, international organizations, intercultural dialogue, Internet technologies, Internet communication, Internet discourse, Internet texts, Internet resources, information space, social networks, single language of communication, BRICS.

AUTHOR'S INFORMATION: *Sibiryakov Igor Vyacheslavovich, Doctor of History, Professor of Department of Russian and Foreign History, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia.*

ACKNOWLEDGMENTS. The research has been completed with financial support of the Russian Science Foundation grant № 24-18-00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>.

FOR CITATION: *Sibiryakov I. V. (2026). Intercultural Dialogue Problems in the New Information Space: The BRICS Experience. In Political Linguistics. No 2 (116), pp. 73-79. (In Russ.).*

В начале XXI в. по мере развития новых информационных технологий информационное пространство как отдельных стран, так и целых континентов претерпело заметную трансформацию. С появлением технологических процессов в этой области резко ускорились и приобрели очень болезненный характер. Проблемы межгосударственных и международных коммуникаций, которые на рубеже тысячелетий, как казалось некоторым экспертам, были близки к своему разрешению, вновь перешли в разряд политически важных и трудноразрешимых. На смену идеям и принципам всеобщей глобализации пришли идеи и принципы локальной идентичности. Процессы локализации затронули все сферы жизни современного социума, в том числе и культуру. «Сущностной проблемой межкультурной коммуникации остается проблема понимания своей и чужой культуры» [Бегалинов, Бегалинова 2018: 513].

Все это сделало проблемы межкультурного диалога в новом информационном обществе очень актуальными. Несмотря на свою условную «молодость» БРИКС (организация существует с 2019 г. [Явнова 2015: 72–73]) уже накопил интересный опыт организации такого диалога, который, на наш взгляд, мог бы быть полезен как для ученых, так и для политиков, государственных деятелей, деятелей культуры.

Феномен БРИКС вызывает интерес у профессиональных политологов, социологов, историков, представителей политической и культурной элиты в разных странах мира [БРИКС как субъект международных политических отношений 2025; Сергунин, Фэй 2018: 55–73]. Оценки первых результатов деятельности одного из самых крупных межгосударственных объединений, созданного в начале XXI в., носят порой диаметрально противоположный и эмоциональный характер [Киртон, Ларионова 2022: 8]. Очевидно,

что сегодня существует необходимость в глубоком научном анализе тех процессов, которые происходят как в отдельных странах БРИКС, так и в объединении в целом. Если политические и экономические аспекты развития БРИКС уже неоднократно становились предметом анализа отечественных [Пивовар, Кондрашова 2024: 8–10] и зарубежных авторов [Goldstein 2011¹; Zhang, Zhang 2020²; Купер 2022: 31–49], то процессы, происходящие в информационном пространстве БРИКС, в области межкультурного взаимодействия исследованы гораздо слабее [Федотова 2014: 100–106]. Усилиями отечественных и зарубежных исследователей удалось выявить основные форматы межкультурного диалога в рамках БРИКС. К их числу обычно относятся: «Гражданский форум БРИКС, Кинофестиваль БРИКС, Молодежный саммит стран БРИКС, Конференция Сетевоего университета стран БРИКС, Медиафорум стран БРИКС, Спортивные игры БРИКС, Форум породненных городов и муниципальных образований стран БРИКС, Лига университетов БРИКС» [Кузенкова, Полякова 2025: 112]; исследована роль медиасаммитов БРИКС в становлении информационного пространства объединения [Сибиряков 2025: 32–37]; особенности функционирования медиасистем стран БРИКС [Медиасистемы стран БРИКС... 2018]. Примечательно, что и отечественные, и зарубежные исследователи отмечают важную роль образовательных обменов, формирующих основу для межкультурного обмена в рамках БРИКС³, и роль гражданского общества в создании «межкультурных сетей БРИКС»⁴.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы выявить основные формы межкультурного взаимодействия в информационном пространстве БРИКС, проблемы, с которыми сталкивается объединение на этом треке, и определить возможные пути решения этих проблем.

¹ Goldstein A. The rise of the BRICS: A new global order? // *The Chinese Journal of International Politics*. — 2011. № 4 (2). P. 175–202.

² Zhang Y., Zhang X. Institutional innovation in the BRICS: The New Development Bank and the Contingent Reserve Arrangement // *Global Policy*. 2020. № 11 (S1). P. 52–64.

³ Chen L., Singh R. Student mobility and cultural diplomacy in BRICS: A comparative analysis of scholarship programs // *A Journal of Comparative and International Education*. 2020. № 50 (5). P. 715–734.

⁴ Khan S., Silva F. Beyond state diplomacy: BRICS civil society networks and transnational cultural activism // *Global Networks*. 2023. № 23 (2). P. 289–310.

Информационное пространство БРИКС находится сегодня в стадии формирования. Его базовыми элементами являются интернет-ресурсы, которые выполняют роль своеобразных информационных хабов, направляющих и перенаправляющих мощные информационные потоки, что формируются в информационных пространствах различных стран, в первую очередь стран — участниц БРИКС. Одним из таких ресурсов является цифровой медиапроект TV BRICS. Анализ опыта его работы позволяет лучше понять многие аспекты межкультурного диалога в информационном пространстве БРИКС.

Среди тех направлений межкультурного диалога, которым TV BRICS традиционно уделяет наибольшее внимание, можно выделить:

1) новости, связанные с развитием туризма (за два месяца 2026 г. на ресурсе было опубликовано 16 таких информационных сообщений. При этом в разделе «Культура» за этот же срок было опубликовано 12 сообщений);

2) новости, связанные с системами образования стран БРИКС (за два месяца 2026 г. на ресурсе было опубликовано 10 таких информационных сообщений);

3) новости, связанные с реализацией отдельных проектов в области театра, музыки, кино (за два месяца 2026 г. на ресурсе было опубликовано 7 таких информационных сообщений).

Именно они формируют информационную повестку того сегмента информационного пространства БРИКС, который наиболее тесно связан с культурой в целом и с отдельными ее составляющими.

Одной из главных проблем в организации информационного пространства БРИКС является проблема отсутствия единого языка общения, обязательного для всех стран — участниц объединения. Попытки разрешить эту проблему через создание нового универсального языка (аналога эсперанто) успеха не имели. На сегодняшний день чаще других в качестве языка общения внутри БРИКС на официальном уровне используется английский язык, что создает проблемы не только лингвистического, но и политического характера. Не случайно в цифровом информационном пространстве БРИКС провозглашается формальное равенство языков, которые являются официальными в странах — участницах объединения. Однако практическая реализация этой декларации наталкивается на существенные технологические трудности. Часть из них удалось преодолеть на ресурсе TV BRICS, где материалы, предлагаемые для пользователя, представлены на 6

основных языках. Однако даже такой вариант решения «языковой проблемы» не снимает вопроса о важности адекватного перевода любых текстов и выступлений, но в первую очередь официальных документов БРИКС. Насколько сложным является этот процесс, прекрасно показали С. Б. Дугарова и А. Г. Русяева. С их выводом о том, что в «условиях стремительных политических и информационных изменений роль перевода при сотрудничестве международных организаций, таких как БРИКС, будет только возрастать» [Дугарова, Русяева 2025: 56], очень трудно не согласиться.

Из отдельных сегментов культурного пространства на ресурсе TV BRICS наиболее заметно представлены литература, музыка, кинематограф. Примечательно, что именно в этих сегментах быстрее всего формируются институты, работающие уже как инструмент интеграции культурных пространств отдельных государств БРИКС в общее культурное пространство объединения. Речь идет о появлении таких феноменов, как, например, «литературная премия БРИКС». Первую литературную премию БРИКС получила в 2026 г. египетская писательница С. Бакр. Одним из первых об этом сообщил партнер TV BRICS — газета «За рубежом». Через ресурс TV BRICS эта новость стала доступна информационным партнерам ресурса, т. е. огромной аудитории, которую сами создатели ресурса оценивают в 1,5 млрд человек. Награду С. Бакр вручил исполнительный директор Литературной премии БРИКС, директор Евразийского фонда развития и сбережения гуманитарных ценностей А. Островерх-Кванчиани. В своем выступлении он, в частности, сказал: «Мы открываем авторов, которые заслуживают мировой аудитории, и одновременно выстраиваем для них реальный маршрут продвижения — внутри пространства БРИКС и в государствах, готовых разделять наши ценности». Египетская писательница Д. М. Асси, выступая на церемонии вручения премии, подчеркнула: «Сальва Бакр — автор с очень самобытным, свободным голосом, который открывает читателям настоящий, живой Египет. Ее победа показывает: в пространстве БРИКС <...> формируется общее культурное поле, где наши истории, наши языки и наши ценности звучат на равных...» [Египетской писательнице...]. Эта новость, сопровождаемая фотографией писательницы, была размещена на ресурсе TV BRICS не только на русском, но и на английском, китайском, арабском, португальском, испанском языках.

Другим показательным примером формирования инструментов для организации

межкультурного диалога в информационном пространстве БРИКС, на наш взгляд, является практика создания межгосударственных творческих коллективов.

Например, в 2019 г. в рамках музыкального фестиваля в Бразилии музыканты из Бразилии, России, Индии, Китая, ЮАР совместно исполняли произведения композиторов из стран БРИКС. В 2022 г. на фестивале «Культура БРИКС», что проходил в Индии, временный симфонический оркестр, в который вошли музыканты из Мумбаи, Санкт-Петербурга, Пекина и ряда других городов, исполнил симфонию «БРИКС». В 2023 г. студенты и профессора консерваторий стран БРИКС в рамках культурного форума БРИКС в ЮАР также создали временный симфонический оркестр, который играл на открытии форума.

В том же 2023 г. на базе международной медиасети TV BRICS с целью продвижения в глобальном медиапространстве достижений стран БРИКС в области культуры, музыкального искусства и классической музыки был учрежден Международный симфонический оркестр TV BRICS. Оркестр реализует творческую деятельность по следующим направлениям: исполнение классической, кино-, поп- и рок-музыки, а также джаза, фольклора и кроссовера для радиозаписей и телетрансляций; участие в концертных турах и гастрольях, взаимодействие с творческими объединениями, союзами композиторов, национальными фольклорными школами и независимыми авторами стран БРИКС+ с целью реализации совместных проектов, выступление на полях международных саммитов и форумов (БРИКС, ШОС, Каспийский саммит и др.), проведение цифровых концертов, участие в digital-форматах [Концепция URL]. Как сказано на официальной интернет-странице оркестра: «Репертуар оркестра сочетает традиции российской и зарубежной классики с национальной музыкой стран БРИКС в разных стилях и жанрах. В своем творчестве оркестр отдает дань уважения многообразию музыкальных направлений, обретающих звучание в центре единого симфонического очага» [Концепция URL]. Миссия оркестра определена как содействие «диалогу стран и народов посредством продвижения в международном медиапространстве национальных музыкальных культур» [Михаил Голиков URL].

Партнерами оркестра являются телеканалы, радиостанции и интернет-платформы стран БРИКС+. Первое выступление оркестра состоялось в 2024 г. Оно открылось исполнением увертюры «БРИКС», написанной народным артистом Кабардино-Балкарской

Республики М. Кабардоковым. В приветствии участникам концерта от спецпредставителя Президента России по международному культурному сотрудничеству М. Е. Швыдкого, в частности, было сказано: «Международный оркестр TV BRICS появился именно в России — стране, столетиями впитывавшей культуру Востока и Запада, Севера и Юга...»; его создание «окажет существенное влияние на развитие и укрепление диалога между странами БРИКС» [В Москве прошел... URL]. На сцене с оркестром выступили солистка Мариинского театра О. Пудова, солист «Геликон-оперы» Д. Янковский. Слушателям концерта также представили оригинальные композиции по мотивам национальной музыки Бразилии, Индии, Китая, авторские интерпретации известных эстрадных произведений стран БРИКС. В исполнении коллектива прозвучали праздничная китайская новогодняя увертюра, «Индийские гости» Рави Шанкара, композиции рок-исполнителя ЮАР Арно Карстенса и полужанровая симфоническая фантазия «Бразилия» Константина Дюбенко, а также шедевры мировой классики (увертюра к опере «Сорока-воровка» Джоаккино Россини, ария Царицы ночи из оперы «Волшебная флейта» Вольфганга Амадея Моцарта, антракт к четвертому действию оперы «Кармен» Жоржа Бизе) [Наша цель...].

Главным дирижером и художественным руководителем оркестра стал опытный организатор творческих коллективов М. С. Голиков [Михаил Голиков URL]. В одном из своих интервью он так определил роль оркестра: «Мы не просто запустили платформу обмена национальными музыкальными культурами стран БРИКС — мы очертили контуры повестки будущего и сделали шаг на пути к тому, что еще только предстоит оценить грядущим поколениям. Мир вокруг меняется. На наших глазах происходят тектонические сдвиги в политике, экономике, технологическом развитии, глобальном управлении миром. На авансцену истории выходят могущественные цивилизации Дальнего Востока, Арабского мира, глобального Юга... Такое многообразие культур трудно понять и постичь. Но, знаете, есть один уникальный, совершенный инструмент — это симфонический оркестр. Он имеет уникальное свойство извлекать из множества абсолютно разных голосов единый энергетический посыл, преодолевающий границы...» [Интервью URL]. Современные международные медиаплатформы, как подчеркивал неоднократно М. С. Голиков, «позволяют сделать гибким процесс вовлечения миллиардных аудиторий в творчество, которые мы хотели

бы им представить» [В Москве прошел... URL].

Эксперименты по поиску новых организационных форм для организации межкультурных коммуникаций в странах БРИКС продолжаются. Так, в 2025 г. в Бразилии было объявлено о создании женского симфонического оркестра БРИКС в составе 75 человек (10 из них представляли Бразилию, остальные — другие страны БРИКС). Одной из задач коллектива было продекларировано «привлечение внимания широкой аудитории к классической музыке. Повышение общественного культурного уровня, а также культурный обмен» [В Бразилии... URL]. По словам организаторов данного проекта: «Это грандиозное начинание, BRICS Symphony WBA 2025, стремится не только прославлять симфоническую музыку, но и укреплять культурные связи между странами-участницами. Одной из самых важных целей является поощрение и содействие культурному обмену. Объединяя женщин-музыкантов для обмена знаниями и выполнения совместных обязанностей, эта инициатива стремится продвигать ценности единства, разнообразия и товарищества среди стран BRICS» [В Бразилии будет организован... URL].

С 2016 г. страна, которая выполняет функции председателя БРИКС, выступает в качестве организатора кинофестиваля БРИКС. Первый такой кинофестиваль состоялся в Индии в Дели. Информация об этих фестивалях традиционно представлена на ресурсе TV BRICS. Как справедливо заметила египетская журналистка Ф. Бадави, каждый такой фестиваль «предоставляет кинематографистам из каждой страны-участницы платформу для представления историй, отражающих их общества и идентичность. Фестиваль не только укрепляет взаимопонимание между культурами внутри группы, но и знакомит зрителей по всему миру с новыми взглядами в кино» (Бадави, 2026). Для популяризации лучших достижений национального кинематографа на ресурсе TVBRICS была создана программа «BRICS кино». В дни культурных форумов в разных странах проводятся «Дни кино БРИКС». Однако попытки реализовать совместные кинопроекты между странами, входящими в БРИКС, коммерческого успеха пока не имели. Среди главных проблем, препятствующих развитию совместного кинопроизводства и формирования таким образом общего культурно-информационного пространства, можно выделить проблемы, связанные с финансированием таких проектов, цензурные ограничения, существующие в целом ряде стран БРИКС, различия в системе культурных

ценностей, часто связанные с цивилизационными и историческими особенностями стран, вошедших в состав объединения. Часть из этих проблем имеет очевидное решение, другие требуют многолетней кропотливой работы, как со стороны государственных структур, общественных организаций, так и со стороны представителей творческой элиты многих стран. Одной из площадок для такой работы и служит ресурс TV BRICS, многочисленные фестивали и форумы, которые организуются под эгидой БРИКС.

Таким образом, анализ доступных на сегодняшний день материалов позволяет сделать ряд выводов об организации межкультурного обмена в информационном пространстве нового межгосударственного объединения под условным названием БРИКС. Во-первых, ключевым элементом нового информационного пространства становятся мультимедийные информационные платформы, которые способны интегрировать самые разные форматы производства культурных ценностей как внутри виртуального пространства, так и вне его. Во-вторых, одной из основных проблем организации межкультурного обмена остается проблема «общего языка», как в узком, так и в широком смысле этого слова, языка, который может обеспечить взаимопонимание не только в профессиональной, но и в более широкой аудитории разных стран. Именно поэтому одним из наиболее перспективных направлений развития межкультурных коммуникаций является направление, связанное с визуализацией контента. В-третьих, невозможно в короткие исторические сроки осуществить перенастройку национально-культурных систем ценностей, образов, понятий на режим «диалога» (даже с так называемыми дружественными странами), работа в этом направлении должна ориентироваться на молодежную аудиторию и быть рассчитана на большой исторический срок. Важную роль в этой работе призвана сыграть творческая элита стран — участник БРИКС.

ИСТОЧНИКИ

1. В Бразилии создадут женский симфонический оркестр БРИКС. — URL: <https://tvbrics.com/news/v-brazilii-sozhdadut-zhenskiy-simfonicheskiy-orkestr-briks/> (дата обращения: 13.03.2026).
2. В Бразилии будет организован женский симфонический оркестр. — URL: <https://eawf.ru/news/novosti-soveta-ezhf/v-brazilii-budet-organizovan-zhenskiy-simfonicheskiy-orkestr> (дата обращения: 13.03.2026).
3. В Москве прошел концерт-презентация Международного симфонического оркестра TV BRICS // Рамблер / кино. — 2024. — 26 янв. — URL: <https://kino.rambler.ru/movies/52158056-v-moskve-proshel-kontsert-prezentatsiya-mezhdunarodnogo-simfonicheskogo-orkestra-tv-brics> (дата обращения: 13.03.2026).
4. Египетской писательнице Сальве Бакр вручили первую литературную премию БРИКС. — URL: <https://tvbrics.com/>

news/egipetskoy-pisatelnitse-salve-bakr-vruchili-pervuyu-lite
raturnyuyu-premiyu-briks/ (дата обращения: 12.03.2026).

5. Интервью. — URL: <https://tvbrics-orchestra.com/interview/mikhail-golikov-dal-eksklyuzivnoe-intervyu-mezhdunarodnoy-mediaseti-tv-brics/> (дата обращения: 12.03.2026).

6. Концепция // TV BRICS International Symphony Orchestra. — URL: <https://tvbrics-orchestra.com/orchestra> (дата обращения: 13.03.2026).

7. Михаил Голиков. — URL: <https://tvbrics-orchestra.com/orchestra/director/> (дата обращения: 13.03.2026).

8. Наша цель — собрать лучших музыкантов мира. Оркестр TV BRICS впервые на сцене // Омск здесь. — 2024. — 26 янв. — URL: <https://omskzdes.ru/culture/83968.html> (дата обращения: 13.03.2026).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бегалинов, А. С. Межкультурная коммуникация в контексте цифровизации и медиатизации / А. С. Бегалинов, К. К. Бегалинова // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник, Москва, 12–13 сентября 2018 года / отв. ред. В.И. Герасимов. — Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2018. — Вып. 1. — Ч. 2. — С. 512–514. — EDN YSOYAP.

2. БРИКС как субъект международных политических отношений : моногр. / В. Ф. Прякин, Р. Н. Чанышев, С. А. Мартышкин [и др.] ; науч. ред. З. В. Силаева. — Казань : Издательство Казанского университета, 2025. — 171 с. — ISBN 978-5-00130-904-8.

3. Дугарова, С. Б. Межкультурная коммуникация и особенности перевода официальных документов БРИКС / С. Б. Дугарова, А. Г. Русаева // Успехи гуманитарных наук. — 2025. — № 11. — С. 50–56. — EDN EJSBCE.

4. Киртон, Д. Д. БРИКС. Первые 15 лет сотрудничества / Д. Д. Киртон, М. В. Ларионова // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. — 2022. — Т. 17, № 2. — С. 7–30. — DOI 10.17323/1996-7845-2022-02-01. — EDN TGHDUF.

5. Комплексное моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС в контексте мировой динамики / В. А. Садовничий, А. А. Акаев, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. — Москва : Научный и издательский центр «Наука» Российской академии наук, 2014. — 388 с. — ISBN 978-5-9902331-1-9. — EDN UGMRAT.

6. Кузенкова, М. В. К вопросу о развитии межкультурного диалога в рамках БРИКС / М. В. Кузенкова, Н. В. Полякова // Межкультурный диалог в современном мире : материалы XIII круглого стола (Санкт-Петербург, 20 марта 2025 г.). — Санкт-Петербург : Скифия-принт, 2025. — С. 108–115. — EDN RJNPAO.

7. Купер, Э. Ф. Переосмысляя дискуссию относительно БРИКС вне пределов ее концептуальных истоков / Э. Ф. Купер // Вестник международных организаций. — 2022. — Т. 17. — № 2. — С. 31–49. — DOI 10.17323/1996-7845-2022-02-02. — EDN IECRTV.

8. Медиаистемы стран БРИКС: исторический генезис, особенности функционирования / Е. Л. Варганова, Н. В. Ткачева, Г. С. Филаткина, Т. В. Эль-Бакри ; под ред. Е. Л. Варгановой. — Москва : Аспект Пресс, 2018. — 192 с. — ISBN 978-5-7567-0996-4. — EDN YHEXXF.

9. Пивовар, Е. И. БРИКС: этапы становления и развития / Е. И. Пивовар, И. С. Кондрашова // Межгосударственное объединение БРИКС: страницы истории и современность. — Санкт-Петербург : Алетей, 2024. — С. 9–40. — EDN EBSCTG.

10. Сергуни, А. А. БРИКС как предмет изучения теории международных отношений / А. А. Сергуни, Фей Гао // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. — 2018. — Т. 13, № 4. — С. 55–73. — DOI 10.17323/1996-7845-2018-04-03. — EDN MOFOQB.

11. Сибиряков, И. В. Медиаистемы БРИКС: история формирования нового информационного пространства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. — 2025. — № 3. — С. 32–37. — DOI 10.14529/ssh250304. — EDN ZCROCN.

12. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. — Москва : Слово, 2000. — 264 с. — EDN YQOZJO.

13. Федотова, Л. Н. Модернизационные тенденции развития и информационное пространство стран БРИКС / Л. Н. Федотова // Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы : материалы V Всерос. науч.-практ. конф. — Москва : Изд-во РУДН, 2014. — С. 100–106. — EDN UXICFL.

14. Явнова, И. И. БРИКС: история создания / И. И. Янова // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. — 2015. — № 9. — С. 71–74. — EDN UJGYV.

15. Duggan, N. From Yekaterinburg to Brasilia: BRICS and the G20, road to nowhere? / N. Duggan, Ju. C. L. Azalia // Revista Brasileira de Politica Internacional. — 2020. — Vol. 63, No. 1. — DOI 10.1590/0034-7329202000109. — EDN YFGYCF.

16. Engesser, S. Media systems and political systems: Dimensions of comparison / S. Engesser, A. Franzetti // The International Communication Gazette. — 2011. — Vol. 73, No. 4. — P. 273–301. — DOI 10.1177/1748048511398590. — EDN BFYHNS.

MATERIALS

1. Tvbrics (n.d.). V Brazili sozdatut zhenskiy simfonicheskiy orkestr BRIKS = A BRICS women's symphony orchestra will be created in Brazil. Available at March 13, 2026 from <https://tvbrics.com/news/v-brazili-sozdatut-zhenskiy-simfonicheskiy-orkestr-briks/>.

2. Eawf.ru (n.d.). V Brazili budet organizovan zhenskiy simfonicheskiy orkestr = A women's symphony orchestra will be created in Brazil. Available at March 13, 2026 from <https://eawf.ru/news/novosti-soveta-ezhf/v-brazili-budet-organizovan-zhenskiy-simfonicheskiy-orkestr>.

3. Rambler (2024). V Moskve proshel kontsert-prezentatsiya Mezhdunarodnogo simfonicheskogo orkestra TV BRICS = A presentation concert of the TV BRICS International Symphony Orchestra was held in Moscow. Available at March 13, 2026 from <https://kino.rambler.ru/movies/52158056-v-moskve-proshel-kontsert-prezentatsiya-mezhdunarodnogo-simfonicheskogo-orkestra-tv-brics>.

4. Tvbrics (n.d.). Egipetskoy pisatel' nitse Sal' ve Bakr vruchili pervuyu literaturnuyu premiyu BRIKS = Egyptian writer Salwa Bakr was awarded the first BRICS literary prize. Available at March 12, 2026 from <https://tvbrics.com/news/egipetskoy-pisatelnitse-salve-bakr-vruchili-pervuyu-literaturnuyu-premiyu-briks/>.

5. Tvbrics (n.d.). Interv'y u = Interview. Available at March 12, 2026 from <https://tvbrics-orchestra.com/interview/mikhail-golikov-dal-eksklyuzivnoe-intervyu-mezhdunarodnoy-mediaseti-tv-brics/>.

6. TV BRICS International Symphony Orchestra (n.d.). Kontseptsiya = Concept. Available at March 13, 2026 from <https://tvbrics-orchestra.com/orchestra>.

7. Tvbrics (n.d.). Mikhail Golikov. Available at March 13, 2026 from <https://tvbrics-orchestra.com/orchestra/director/>.

8. Omsk here (2024). Nasha tsel' — sobrat' luchshikh muzykantov mira. Orkestr TV BRICS vperve na stsene = Our goal is to bring together the best musicians in the world. The TV BRICS Orchestra on stage for the first time. Available at March 13, 2026 from <https://omskzdes.ru/culture/83968.html>.

REFERENCES

1. Begalinov, A. S., Begalinova, K. K. (2018). Mezhkul'turnaya kommunikatsiya v kontekste tsifrovizatsii i mediatizatsii = Intercultural Communication in the Context of Digitalization and Mediatization. *Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation. Yearbook, Moscow, September 12–13, 2018 (Resp. Ed. V. I. Gerasimov). Iss. 1. Part 1*, 512–514. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences. EDN YSOYAP.

2. Pryakhin, V. F., Chanyshev, R. N., Martyshev, S. A., et al. (2025). BRIKS kak sub'ekt mezhdunarodnykh politicheskikh otnosheniy = BRICS as a Subject of International Political Relations. Monograph (scient. ed. Z. V. Silaeva). Kazan: Kazan University Publishing House, 171 p. ISBN 978-5-00130-904-8.

3. Dugarova, S. B., Rusyaeva, A. G. (2025). Mezhkul'turnaya kommunikatsiya i osobennosti perevoda ofitsial'nykh dokumentov BRIKS = Intercultural Communication and Features of Translation of BRICS Official Documents. *Successes in the Humanities*, 11, 50–56. EDN EJSBCE.

4. Kirton, D. D., Larionova, M. V. (2022). BRIKS. Pervye 15 let sotrudnichestva = BRICS. The First 15 Years of Cooperation. *Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy*, 17(2), 7–30. DOI 10.17323/1996-7845-2022-02-01. EDN TGHDF.
5. Sadovnichiy, A. A., Akaev, A. A., Korotaev, A. V., Malkov, S. Yu. (2014). Kompleksnoe modelirovanie i prognozirovanie razvitiya stran BRIKS v kontekste mirovoy dinamiki = Comprehensive Modeling and Forecasting of the Development of the BRICS Countries in the Context of Global Dynamics. Moscow: Scientific and Publishing Center “Science” of the Russian Academy of Sciences, 388 p. ISBN 978-5-9902331-1-9. EDN UGMRAT.
6. Kuzenkova, M. V., Polyakova, N. V. (2025). K voprosu o razvitiy mezhkul'turnogo dialoga v ramkakh BRIKS = On the Development of Intercultural Dialogue within the BRICS Framework. *Intercultural Dialogue in the Modern World: Proceedings of the XIII Round Table (St. Petersburg, March 20, 2025)*, 108–115. St. Petersburg: Skifiya-print. EDN RJNPAO.
7. Kuper, Eh. F. (2022). Pereosmyslyaya diskussiyu otnositel'no BRIKS vne predelov ee kontseptual'nykh istokov = Rethinking the BRICS Debate Beyond Its Conceptual Origins. *Bulletin of International Organizations*, 17(2), 31–49. DOI 10.17323/1996-7845-2022-02-02. EDN IECRTV.
8. Vartanova, E. L., Tkacheva, N. V., Filatkina, G. S., Ehl'-Bakri, T. V. (2018). Mediasistemy stran BRIKS: istoricheskiy genezis, osobennosti funktsionirovaniya = Media systems of the BRICS countries: historical genesis and functional features (Ed. E. L. Vartanova). Moscow: Aspekt Press, 192 p. ISBN 978-5-7567-0996-4. EDN YHEXXF.
9. Pivovarov, E. I., Kondrashova, I. S. (2024). BRIKS: ehtapy stanovleniya i razvitiya = BRICS: stages of formation and development. *The BRICS interstate association: pages of history and modernity*, 9–40. St. Petersburg : Aletyia. EDN EBSCTG.
10. Sergunin, A. A., Gao, Fey. (2018). BRIKS kak predmet izucheniya teorii mezhdunarodnykh otnosheniy = BRICS as a Subject of Study in the Theory of International Relations. *Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy*, 13(4), 55–73. DOI 10.17323/1996-7845-2018-04-03. EDN MOFOQB.
11. Sibiryakov, I. V. (2025). Mediasammity BRIKS: istoriya formirovaniya novogo informatsionnogo prostranstva = BRICS media summits: the history of shaping a new information space. *Bulletin of South Ural State University. Series: Social Sciences and Humanities*, 3, 32–37. DOI 10.14529/ssh250304. EDN ZCROCN.
12. Ter-Minasova, S. G. (2000). Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya = Language and Intercultural Communication. Moscow: Slovo, 264 p. EDN YQOZJO.
13. Fedotova, L. N. (2014). Modernizatsionnye tendentsii razvitiya i informatsionnoe prostranstvo stran BRIKS = Modernization Trends of Development and Information Space of the BRICS Countries. *Mass Media in a Multipolar World: Problems and Prospects. Proceedings of the V All-Russian Scientific and Practical Conf.*, 100–106. Moscow: RUDN University Press. EDN UXICFL.
14. Yavnova, I. I. (2015). BRIKS: istoriya sozdaniya = BRICS: History of Creation. *Current Issues in Social Sciences: Sociology, Political Science, Philosophy, History*, 9, 71–74. EDN UJJGYV.
15. Duggan, N., Azalia, Ju. C. L. (2020). From Yekaterinburg to Brasilia: BRICS and the G20, road to nowhere? *Revista Brasileira de Politica Internacional*, 63(1). DOI 10.1590/0034-7329202000109. EDN YFGYCF.
16. Engesser, S., Franzetti A. (2011). Media systems and political systems: Dimensions of comparison. *The International Communication Gazette*, 73(4), 273–301. DOI 10.1177/1748048511398590. EDN BFYHNS.

Политическая лингвистика. 2026. № 2 (116).
Political Linguistics. 2026. No 2 (116).

УДК 81'42+81'38+81'27+327.7
ББК Ш105.51+Ш105.551.5+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.51

Код ВАК 5.9.8

Ольга Александровна Солопова^{1✉}, Наталья Николаевна Кошкарлова^{2✉}

^{1,2} Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия

¹ o-solopova@bk.ru ✉, SPIN-код: 6589-5366

² nkoshka@rambler.ru ✉, SPIN-код: 3844-0536

БРИКС как механизм сотрудничества: метафорический образ объединения в медиадискурсе

АННОТАЦИЯ. Метафора механизма выступает одним из продуктивных средств моделирования образа БРИКС в медиадискурсе. Цель статьи — выявить универсальные и национально-специфичные черты реализации модели «БРИКС — это механизм». Источники материала представлены текстами СМИ на португальском, русском, хинди, китайском и английском языках, отобранными по тематическому, хронологическому и частотному принципам. В исследовании применен комплекс количественных и качественных методов и процедур, укладывающихся в рамки теории концептуальной метафоры. Отмечается, что в политическом и массмедийном дискурсе механистическая метафора является одним из продуктивных средств описания коллективных политических акторов (например, партий, коалиций, движений, объединений), поскольку проецирует на политическую реальность признаки системности, регулирования и эффективности, кроме того, выполняет базовую когнитивную функцию: абстрактные социальные и политические объекты осмысляются как система взаимосвязанных элементов. Установлено, что метафора механизма является универсальной для пяти дискурсов, при этом распределение смысловых акцентов разнородно: в медиадискурсе России — результативность/влияние, Бразилии — регламентированность, Индии — конфронтация, КНР — управляемость/открытость, ЮАР — эффективность. Позиционирование БРИКС как цивилизационного проекта становится все заметнее с присоединением новых участников к объединению, в свете чего актуализируется тщательное лингвистическое изучение и описание отражения новой глобальной политической и экономической архитектуры в средствах массовой информации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политические тексты, журналистика, медиадискурс, медиатексты, СМИ, средства массовой информации, языковые средства, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, когнитивные метафоры, языковые единицы, метафорические образы, язык СМИ, БРИКС, международные объединения, международное сотрудничество, образ БРИКС, метафорическая проекция.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Солопова Ольга Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и перевода, Институт лингвистики и международных коммуникаций, главный научный сотрудник управления научной и инновационной деятельности, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), г. Челябинск, Россия, email: o-solopova@bk.ru.

Кошкарлова Наталья Николаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений, политологии и регионоведения, Институт лингвистики и международных коммуникаций, главный научный сотрудник управления научной и инновационной деятельности, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), г. Челябинск, Россия, email: nkoshka@rambler.ru.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Солопова, О. А. БРИКС как механизм сотрудничества: метафорический образ объединения в медиадискурсе / О. А. Солопова, Н. Н. Кошкарлова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 80–85.

Ol'ga A. Solopova^{1✉}, Natal'ya N. Koshkarova^{2✉}

^{1,2} South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia

¹ o-solopova@bk.ru ✉, SPIN code: 6589-5366

² nkoshka@rambler.ru ✉, SPIN code: 3844-0536

BRICS as a Mechanism of Cooperation: The Metaphorical Image of the Grouping in Media Discourse

ABSTRACT. The metaphor of mechanism is one of the productive means of modeling the image of BRICS in media discourse. The aim of the article is to identify universal and nationally specific features of the realization of the model "BRICS is a MECHANISM". The sources of the practical research material incorporate media texts in Portuguese, Russian, Hindi, Chinese and English, selected according to thematic, chronological and frequency principles. The study employs a set of quantitative and qualitative methods and procedures that fit within the framework of the theory of conceptual metaphor. It is noted that mechanistic metaphor is one of the productive means of describing collective political actors (for example, par-

© Солопова О. А., Кошкарлова Н. Н., 2026

ties, coalitions, movements, and associations) in political and mass media discourse, since it projects signs of consistency, regulation and effectiveness onto political reality; in addition, it performs a basic cognitive function: abstract social and political objects are conceptualized as a system of interrelated elements. It has been found that the metaphor of mechanism is universal for the five discourses, while the distribution of semantic accents is heterogeneous: in the media discourse of Russia — effectiveness/influence, Brazil — regulation, India — confrontation, China — manageability/openness, South Africa — efficiency. The positioning of BRICS as a civilizational project is becoming more noticeable with the accession of new participants to the association, in the light of which a thorough linguistic study and description of the reflection of the new global political and economic architecture in the media are being updated.

KEYWORDS: political discourse, political texts, journalism, media discourse, media texts, mass media, language means, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, cognitive metaphors, linguistic units, metaphorical images, mass media language, BRICS, international groupings, international cooperation, image of BRICS, metaphorical projection.

AUTHOR'S INFORMATION: Solopova Olga Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Linguistics and Translation, Institute of Linguistics and Intercultural Communications, Chief Researcher of Research and Innovation Services Laboratory, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia.

Koshkarova Natal'ya Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor of Department of International Relations, Political Science and Regional Studies, Institute of Linguistics and Intercultural Communications, Chief Researcher of Research and Innovation Services Laboratory, Political Science and Regional Studies, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia.

ACKNOWLEDGMENTS. The study is funded by the Russian Science Foundation, project No. 24-18-00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>.

FOR CITATION: Solopova O. A., Koshkarova N. N. (2026). BRICS as a Mechanism of Cooperation: The Metaphorical Image of the Grouping in Media Discourse. In *Political Linguistics*. No 2 (116), pp. 80-85. (In Russ.).

Одним из главных приоритетов современной политической модели является межгосударственная интеграция, ориентированная на построение многополярного мира. Действенным механизмом реализации этой первоочередной задачи является формирование межгосударственных объединений, деятельность которых направлена на усиление экономического и политического влияния в отдельных регионах и в мире в целом. БРИКС как важная платформа для диалога между странами изначально ставил перед собой цель координировать усилия членов объединения для совершенствования инструментов финансового и межбанковского сотрудничества [об этом см., например: Пястолов, Рашидян 2025; Соколова, Ладейщикова 2023; Шарков, Понеделков 2018]. Однако в современном мире как сложном механизме, в котором переплетены интересы отдельных политических игроков, строительство многополярного мира как геополитическая глобальная цель опирается прежде всего на прочный экономический фундамент. Именно на трех геостратегических столпах базируется деятельность БРИКС как механизма многостороннего сотрудничества — политика, экономика, мероприятия по культурному обмену.

Фундаментальным механизмом репрезентации деятельности БРИКС в медиадискурсе является метафора, которая в современной лингвистике рассматривается как средство концептуализации и категоризации окружающего мира [Чудинов 2001; Lakoff, Johnson 1980; Kövecses 2005]: она понимается как проекция сферы-источника в сферу-

мишень и обеспечивает концептуальный перенос из более конкретной области в абстрактную, задавая устойчивые модели восприятия реальности и оценочную перспективу, сквозь призму которой аудитория интерпретирует происходящие события и действия акторов [Зибин, Солопова 2024].

Одной из продуктивных метафорических моделей в описании сложных объектов является метафора механизма. Культурно-исторические основания механистической метафоры восходят к философии Нового времени [Солопова, Кошкарлова 2025; Ihalaipen 2009]. В трудах философов-рационалистов (Лейбница, Декарта, Гоббса) принципы работы машин и устройств последовательно переносятся на описание общественных процессов. Такой механистический взгляд на природу и общество получает концептуальное оформление в особом философском способе познания и интерпретации мира — механизме [Солопова, Кошкарлова 2025]. Ученые доказывают, что сфера-источник «механизм» исторически является тем семиотическим ресурсом, единицы которого служат объяснительной моделью для репрезентации различных сфер-мишеней [Поздняков 2014; Barberis 2023; Barwich, Rodriguez 2024; Boldt 2018; Bongard, Levin 2021; Fiant 2018].

В рамках теории концептуальной метафоры такие образы трактуются как базовые когнитивные структуры, функционирующие в разных типах дискурса [Johnson 2007; Kövecses et al. 2024]. Универсальность метафоры механизма обеспечивается наличием общих когнитивных оснований: она основывается

на образе-схеме «объект» (OBJECT), которая объединяет компоненты других образов-схем: «контейнер» (CONTAINER) формирует представление о внутреннем устройстве механизма и его границах; «сила» (FORCE) отражает воздействие извне и передачу энергии; «способность» (ENABLEMENT) акцентирует достижение заданной цели [Солопова, Кошкарлова 2025].

Однако, несмотря на универсальный характер метафоры, ее вариативность определяется национальной культурой, идеологией, социально-историческим контекстом и другими экстралингвистическими факторами: даже при общих когнитивных основаниях метафоры в языках, лингвокультурах и типах дискурса существенно различаются по частотности, оценочному потенциалу и транслируемым смыслам. Ученые, в частности, отмечают, что механистические образы формируются и переосмысливаются в зависимости от уровня технологического развития общества и культурных представлений о порядке и контроле [Glebin 2013].

В политическом и массмедийном дискурсе механистическая метафорика является одним из продуктивных средств описания *коллективных* политических акторов (например, партий, коалиций, движений, объединений), поскольку проецирует на политическую реальность признаки системности, регулирования и эффективности. Она выполняет базовую когнитивную функцию: абстрактные социальные и политические объекты осмысливаются как система взаимосвязанных элементов, работающих в определенном режиме и предполагающих возможность «настройки» и «ремонта», что соответствует типовой метафорической модели «СИСТЕМА — это МЕХАНИЗМ».

Такой образ служит для описания устройства политического института через призму функциональности и эффективности: политическое целое представляется как то, что можно «собрать», «запустить», «отрегулировать» или «исправить», а также оценить по критериям работоспособности и результативности [Ihalainen 2009]. Метафора механизма интенсифицирует смыслы управляемости и распределения ответственности [Larcka 2023], позволяя объяснять связность элементов, их функциональную согласованность, предсказуемость результатов, и выступает эффективным средством убеждения, акцентируя положительные образы при самопрезентации и отрицательные — при дискредитации оппонентов [Perrez, Reuchamps 2015].

При моделировании образа коллективного политического актора метафора меха-

низма, с одной стороны, подчеркивает взаимозависимость участников, согласованность их действий и, следовательно, установку на эффективность и предсказуемость результата: механизм ассоциируется с согласованностью частей и управляемостью процессов, а значит — с идеей порядка и способности системы обеспечивать стабильный результат. С другой стороны, та же метафора актуализирует смыслы «уязвимости системы» [Urazaev 2025]: «сбой» в работе одного элемента — организационный, политический, экономический или коммуникационный — нарушает режим работы всего устройства; он мыслится не как частная неудача, а как событие, способное вызвать цепную реакцию: замедление, вынужденную перестройку и снижение общей эффективности системы вплоть до постановки под сомнение ее работоспособности в целом.

Результаты исследования показывают, что при моделировании образа БРИКС метафора механизма является одной из универсальных моделей в пяти медиадискурсах [см., например: Солопова, Кошкарлова 2025; Парулина 2025; Чэнь 2024]. Эмпирическую базу исследования составили тексты электронных СМИ на пяти языках: португальском (Бразилия), русском (Россия), хинди (Индия), китайском (Китай) и английском (ЮАР). Отбор материала осуществлялся на основе тематического, хронологического и частотного принципов с использованием автоматизированной выборки и последующей ручной верификации. Для анализа метафорических единиц применены метод метафорического моделирования [Чудинов 2001], дефиниционный, компонентный, контекстуальный, лингвокультурный, когнитивно-дискурсивный, сопоставительный методы, приемы количественной обработки материала. Метафорическая модель «БРИКС — это механизм» представлена такими единицами, как ДВИГАТЕЛЬ / MOTOR / इंजन / 引擎 / ENGINE, ДРАЙВЕР / DRIVER / चालक / 驱动力 1; 推动力 2 / DRIVER, МЕХАНИЗМ / MECANISMO / तंत्र / 机制 / MECHANISM, (ПРОПЕЛЛЕР) / 推进器 / PROPELLER, (РЫЧАГ) / 杠杆 / LEVER и др.

Рассмотрим особенности реализации метафоры на примере единицы МЕХАНИЗМ / MECANISMO / तंत्र / 机制 / MECHANISM. Метафора репрезентирует БРИКС как систему, обеспечивающую функционирование и согласованность действий государств и институтов, транслируя смыслы целостности, структурированности, управляемости и регулирования.

В русском языке «механизм» — это система взаимосвязанных частей, работающих вместе для достижения определенной цели

или выполнения конкретной задачи. В широком смысле «механизм» означает способ или метод достижения результата: в научных исследованиях используются механизмы объяснения явлений, в социальных — механизмы взаимодействия между различными факторами. В сфере политики и управления механизмы необходимы для осуществления власти и ее реализации через систему государственных институтов (структур, государственного аппарата и организаций). В дискурсе о БРИКС данная метафора поддерживает представление об объединении как о действенном инструменте сотрудничества: «**БРИКС — это механизм сотрудничества с глобальным влиянием...** В последние годы он стал причиной большей солидарности, более глубокого практического сотрудничества и большего влияния» (Институт ЦГ. 02.06.2021). В российском дискурсе метафора механизма используется для репрезентации эффективности объединения и возможности консолидировать усилия государств-участников и укрепить позиции блока на международной арене.

В португальском языке «mecanismo» обозначает совокупность частей, организованных для достижения результата, совокупность органов, составляющих государство, администрацию, службу, общество. В бразильском медиадискурсе о БРИКС единица преимущественно используется как средство описания организационного формата объединения: БРИКС представляется не столько идеологическим проектом, сколько площадкой для согласования решений и распределения функций между странами-участницами: «*Ao longo dos últimos anos, o BRICS permaneceu como mecanismo informal de coordenação, sendo sua presidência exercida de forma rotativa entre seus membros*» (BRICS Brasil. 12.12.2024). — *В течение последних нескольких лет БРИКС оставался неформальным координационным механизмом, председательство в котором поочередно передавалось от одного из его членов к другому.* Показательно, что метафора актуализирует смыслы работоспособности: регулярность и воспроизводимость управленческих практик, включая ротацию председательства.

В хинди единица तंत्र (*tantr*) пришла из санскрита в значении «механизм, система, структура, метод»; в современном медиадискурсе она также обозначает способ организации и порядок выполнения действий, т. е. формирует представление о системе, которая обеспечивает согласованность операций и достижение результата. Одновременно она сохраняет культурно-исторические смыс-

лы, связанные с религиозными и философскими трактовками: *tantra* выступает как общее название тантрических традиций (в буддизме, боне, индуизме), предполагающих особые практики и инициации, а также тексты (тантры), с которыми эти традиции связаны, что расширяет ассоциативный потенциал метафоры, позволяя ей в зависимости от контекста актуализировать либо рациональное понимание «системы/механизма», либо идею нормативно заданной системы учения, в котором действие считается правильным только при соблюдении предписанного порядка. В медиадискурсе о БРИКС метафора представляет объединение как механизм, предназначенный для решения поставленных задач и организации коллективных усилий: «*ब्रिक्स को वैचारिक रूप से अमेरिका का सामना करने के एक तंत्र के रूप में*» (The Print. 23.08.2023). — *БРИКС рассматривается как механизм идеологического противостояния США.* Объединение репрезентируется как механизм конфронтационного типа, ориентированный на идеологическое противостояние однополярному миру и выработку скоординированной стратегии в отношении предполагаемого оппонента.

В китайском языке 机制 (*jīzhì*) «механизм» состоит из иероглифов 机 («машина/аппарат», «возможность», «решающий момент») и 制 («система», «установление», «контроль»). Такая внутренняя форма задает двухчастную смысловую структуру: 机 маркирует функциональность и потенциальность (в том числе «поворотный» момент как возможность действия), 制 фиксирует институциональную сторону — порядок, правила и контроль. В китайской лингвокультуре 机制 используется для обозначения организованных систем регулирования — политических, экономических и управленческих, т. е. таких форматов, в которых взаимодействие обеспечивается не разовыми действиями, а воспроизводимыми процедурами и распределением полномочий. Именно поэтому единица широко представлена в официальных текстах и заявлениях по вопросам международного сотрудничества и глобального управления: она позволяет репрезентировать межгосударственные форматы как упорядоченные режимы взаимодействия, рассчитанные на согласование интересов и обеспечение предсказуемых результатов. В дискурсе о БРИКС метафора создает образ объединения как структурированного открытого формата взаимодействия, в котором основополагающими признаками выступают согласованность и управляемость: «*金砖机制并非封闭小圈子，而是一个开放包容的合作俱乐部*»

(人民网. 28.06.2024). — **Механизм БРИКС** — это не закрытая группировка, а открытый и инклюзивный клуб сотрудничества. Метафора используется для обоснования легитимности БРИКС и статуса объединения как международного механизма взаимодействия.

В южноафриканской лингвокультуре механизм ассоциируется с внутренней и внешней политикой государства, с политической, экономической, правовой сферами деятельности. В дискурсе о БРИКС метафора репрезентирует объединение как сложный, но идеально отлаженный аппарат, что имплицитно указывает на его надежность, предсказуемость и эффективность. Это может быть связано с историческим контекстом: несмотря на некоторые внешние ограничения во время апартеида, в настоящее время страна стремится к взаимодействию с другими государствами, особенно в рамках межгосударственных объединений, что находит отражение в характеристике деятельности БРИКС: *The BRICS mechanism has been improved to perfection* (IOL. 08.07.2015). — **Механизм БРИКС отточен до совершенства**. Частотное использование метафоры механизма в дискурсе о БРИКС обусловлено экстралингвистическими факторами — объективными макроэкономическими показателями: на долю стран БРИКС приходится значительный процент совокупного мирового ВВП, их экономики демонстрируют высокие темпы роста, что позволяет им оказывать существенное влияние на глобальную финансовую инфраструктуру.

Сопоставительный анализ пяти национальных медиадискурсов показывает, что общим инвариантным смыслом механистической метафоры выступает представление о БРИКС как об упорядоченной системе, обеспечивающей согласованное взаимодействие, распределение функций между странами-участницами и совместные действия для достижения запланированного результата. Вместе с тем дискурсы различаются по смысловому фокусу: в российском медиадискурсе он соотносится прежде всего с практической результативностью и усилением влияния на международной арене; в португальском — с описанием форматов взаимодействия и распределения функций стран-участниц; в индийском дискурсе метафора чаще приобретает конфронтационную направленность, репрезентируя БРИКС как инструмент идеологического противостояния; в китайском она закрепляет образ структурированного управленческого формата и служит для позиционирования БРИКС как открытого сотрудничества; в южноафриканском — акцентирует качество ра-

боты механизма, его надежность и эффективность.

Выявление и анализ культурно-специфичных особенностей метафорической репрезентации образа БРИКС является важным не только с точки зрения развития лингвистики, но и международных отношений. БРИКС позиционирует себя прежде всего как цивилизационный проект, что проявляется все с большей силой по мере присоединения новых участников к объединению. С расширением БРИКС трансформируется и его роль в глобальной повестке дня, а отражение новой глобальной политической и экономической архитектуры в средствах массовой информации нуждается в тщательном лингвистическом изучении и описании.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Зибин, А. Метафора в языке, культуре и дискурсе: исследовательская повестка дня / А. Зибин, О. А. Солопова // Russian Journal of Linguistics. — 2024. — Т. 28, № 1. — С. 7–32. — DOI 10.22363/2687-0088-37837. — EDN LRWDXE.
2. Парулина, И. Ю. Метафорическое моделирование образа БРИКС в русскоязычном публицистическом дискурсе / И. Ю. Парулина // Русистика. — 2025. — Т. 23, № 2. — С. 290–303. — DOI 10.22363/2618-8163-2025-23-2-290-303. — EDN ECRTRY.
3. Поздняков, А. А. Метафора механизма в некоторых эволюционных концепциях / А. А. Поздняков // Философия науки. — 2014. — № 2 (61). — С. 81–94. — EDN SMIDTT.
4. Пястолов, О. А. Международный опыт применения кооперации в интеграционных проектах / О. А. Пястолов, Д. Р. Рашидия // Геоэкономика энергетики. — 2025. — Т. 31, № 3. — С. 104–123. — DOI 10.48137/26870703_2025_31_3_104. — EDN ZFCCSV.
5. Соколова, И. И. Политический аспект международного сотрудничества стран группы БРИКС / И. И. Соколова, Е. Э. Ладейщикова // А-фактор: научные исследования и разработки (гуманитарные науки). — 2023. — № 3. — С. 1. — EDN CENCFU.
6. Солопова, О. А. Метафорический образ БРИКС в медиадискурсе ЮАР: корпусное исследование / О. А. Солопова, Н. Н. Кошкарлова // Russian Journal of Linguistics. — 2025. — Т. 29, № 4. — С. 944–968. — DOI 10.22363/2687-0088-45863. — EDN KPQCNK.
7. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. — 238 с. — ISBN 5-7186-0277-8.
8. Чэнь, С. Исследование дискурсивного конструирования национальной идентичности и стратегий в национальном дискурсе (на примере выступления председателя КНР Си Цзиньпина на 15-й встрече лидеров БРИКС) / С. Чэнь // Политическая лингвистика. — 2024. — № 6 (108). — С. 240–248. — EDN ANUDVZ.
9. Шарков, Ф. И. Коалиционные модели международных коммуникаций в контексте глобального управления (на примере БРИКС) / Ф. И. Шарков, А. В. Понеделков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2018. — Т. 18, № 1. — С. 85–95. — DOI 10.22363/2313-0660-2018-18-1-85-95. — EDN YVXKKN.
10. Barberis, S. D. Organicist and Mechanistic Metaphors in the Early Days of Neuroscience / S. D. Barberis // Metatheoria. — 2023. — Vol. 14, No. 1. — P. 33–46. — DOI 10.48160/18532330me14.354. — EDN QOOEXH.
11. Barwich, A. S. Rage against the what? The machine metaphor in biology / A. S. Barwich, M. Ja. Rodriguez // Biology and Philosophy. — 2024. — Vol. 39, No. 4. — P. 14. — DOI 10.1007/s10539-024-09950-4. — EDN VOYGDR.
12. Boldt, J. Machine metaphors and ethics in synthetic biology / J. Boldt // Life Sciences, Society and Policy. — 2018. — Vol. 14,

No. 1. — P. 1–13. — DOI 10.1186/s40504-018-0077-y. — EDN TQPYK.

13. Bongard, J. Living Things Are Not (20th Century) Machines: Updating Mechanism Metaphors in Light of the Modern Science of Machine Behavior / J. Bongard, M. Levin // *Frontiers in Ecology and Evolution*. — 2021. — Vol. 9, Mar. — P. 650–726. — DOI 10.3389/fevo.2021.650726. — EDN GYGRGE.

14. Fiant, O. Canguilhem and the machine metaphor in life sciences: History of science and philosophy of biology at the service of sciences / O. Fiant // *Transversal: International Journal for the Historiography of Science*. — 2018. — № 4 (June). — DOI 10.24117/2526-2270.2018.i4.13.

15. Glebkin, V. A socio-cultural history of the machine metaphor / V. Glebkin // *Review of Cognitive Linguistics*. — 2013. — Vol. 11, No. 1. — P. 145–162. — DOI 10.1075/rcl.11.1.04gle. — EDN RFHCFN.

16. Ihalainen, P. Towards an Immortal Political Body: The State Machine in Eighteenth-Century English Political Discourse / P. Ihalainen // *Contributions to the History of Concepts*. — 2009. — Vol. 5. — № 1. — P. 4–47. — DOI 10.1163/187465609X430845.

17. Johnson, M. The Meaning of the Body: Aesthetics of Human Understanding / M. Johnson. — Chicago : Univ. of Chicago Press, 2007. — 328 p. — ISBN 978-0-226-40192-8.

18. Lakoff, G. *Metaphors We Live By* / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1980. — 256 p. — ISBN 9780226468006.

19. Kövecses, Z. *Metaphor in Culture: Universality and Variation* / Z. Kövecses. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2005. — 314 p. — ISBN 0-521-84447-9.

20. Kövecses, Z. Universality versus variation in the conceptualization of anger: A question of methodology / Z. Kövecses, R. Benczes, A. Rommel, V. Szelid // *Russian Journal of Linguistics*. — 2024. — Vol. 28, No. 1. — P. 55–79. — DOI 10.22363/2687-0088-34834. — EDN LSSLRN.

21. Lapka, O. Machine metaphors in 2020 USA electioneering campaign: a cognitive aspect / O. Lapka // *Studies About Languages*. — 2023. — Vol. 1, No. 43. — P. 64–76. — DOI 10.5755/j01.sal.1.43.35102. — EDN BJHZZD.

22. Perez, J. A crazy machine or a strong “living apart together” relationship? The role of metaphors in citizens’ perception of Belgian federalism / J. Perez, M. Reuchamps // *Mots. Les langages du politique* [En ligne]. — 2015. — № 109. — URL: <https://journals.openedition.org/mots/22171>. — DOI 10.4000/mots.22171 (date of access: 04.03.2026).

23. Urazaev, M. D. Image of a Cog: Preliminary Analysis of the Mechanism Metaphor Through the Conceptual Integration Theory / M. D. Urazaev // *Филологические науки в МГИМО*. — 2025. — Vol. 11, No. 4. — P. 94–106. — DOI 10.24833/2410-2423-2025-4-45-94-106. — EDN PSCHSP.

REFERENCES

1. Zibin, A., Solopova, O. A. (2024). Metafora v yazyke, kul'ture i diskurse: issledovatel'skaya povestka dnya = Metaphors across languages, cultures and discourses: A research agenda. *Russian Journal of Linguistics*, 28(1), 7–32. DOI 10.22363/2687-0088-37837. EDN LRWDXE.

2. Parulina, I. Yu. (2025). Metaforicheskoe modelirovanie obraza BRIKS v russkoyazychnom publitsisticheskom diskurse = Metaphorical Modeling of the BRICS Image in Russian-Language Journalistic Discourse. *Russists*, 23(2), 290–303. DOI 10.22363/2618-8163-2025-23-2-290-303. EDN ECRTRY.

3. Pozdnyakov, A. A. (2014). Metafora mekhanizma v nekotorykh ehvolyutsionnykh kontseptsyakh = The Metaphor of a Mechanism in Some Evolutionary Concepts. *Philosophy of Science*, 2(61), 81–94. EDN SMIDTT.

4. Pyastolov, O. A., Rashidyan, D. R. (2025). Mezhdunarodnyy opyt primeneniya kooperatsii v integratsionnykh proektakh = International Experience in Applying Cooperation in Integration Projects. *Geoeconomics of Energy*, 31(3), 104–123. DOI 10.48137/26870703_2025_31_3_104. EDN ZFCCSV.

5. Sokolova, I. I., Ladeyshchikova, E. Eh. (2023). Politicheskii aspekt mezhdunarodnogo sotrudnichestva stran gruppy BRIKS = Political aspect of international cooperation of the BRICS countries. *A-factor: research and development (humanities)*, 3, Art. 1. EDN CEHCFU.

6. Solopova, O. A., Koshkarova, N. N. (2025). Metaforicheskiy obraz BRIKS v mediadiskurse YUAR: korpusnoe issledovanie =

Metaphorical image of BRICS in the media discourse of South Africa: a corpus study. *Russian Journal of Linguistics*, 29(4), 944–968. DOI 10.22363/2687-0088-45863. EDN KPQCNC.

7. Chudinov, A. P. (2001). Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafor (1991–2000) = Russia in a Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000). Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 238 p. ISBN 5-7186-0277-8.

8. Chen, S. (2024). Issledovanie diskursivnogo konstruirovaniya natsional'noy identichnosti i strategiy v natsional'nom diskurse (na primere vystupleniya predsedatelya KNR si Tszin'pina na 15-y vstreche liderov BRIKS) = A study of discursive construction of the national identity and the national discourse strategies (based on the speech of Chinese president Xi Jinping at the 15th BRICS leaders meeting). *Political Linguistics*, 6(108), 240–248. EDN ANUDVZ.

9. Sharkov, F. I., Ponedelkov, A. V. (2018). Koalitsionnye modeli mezhdunarodnykh kommunikatsiy v kontekste global'nogo upravleniya (na primere BRIKS) = Coalition Models of International Communications in the Context of Global Governance (Based on the BRICS Case Study). Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations, 18(1), 85–95. DOI 10.22363/2313-0660-2018-18-1-85-95. EDN YVXKKH.

10. Barberis, S. D. (2023). Organicist and Mechanistic Metaphors in the Early Days of Neuroscience. *Metatheoria*, 14(1), 33–46. DOI 10.48160/18532330me14.354. EDN QOOEXH.

11. Barwich, A. S., Rodriguez, M. Ja. (2024). Rage against the what? The machine metaphor in biology. *Biology and Philosophy*, 39(4), 14. DOI 10.1007/s10539-024-09950-4. EDN VOYGDR.

12. Boldt, J. (2018). Machine metaphors and ethics in synthetic biology. *Life Sciences, Society and Policy*, 14(1), 1–13. DOI 10.1186/s40504-018-0077-y. EDN TQPYK.

13. Bongard, J., Levin, M. (2021). Living Things Are Not (20th Century) Machines: Updating Mechanism Metaphors in Light of the Modern Science of Machine Behavior. *Frontiers in Ecology and Evolution*, 9, Mar., 650–726. DOI 10.3389/fevo.2021.650726. EDN GYGRGE.

14. Fiant, O. (2018). Canguilhem and the machine metaphor in life sciences: History of science and philosophy of biology at the service of sciences. *Transversal: International Journal for the Historiography of Science*, 4 (June). DOI 10.24117/2526-2270.2018.i4.13.

15. Glebkin, V. (2013). A socio-cultural history of the machine metaphor. *Review of Cognitive Linguistics*, 11(1), 145–162. DOI 10.1075/rcl.11.1.04gle. EDN RFHCFN.

16. Ihalainen, P. (2009). Towards an Immortal Political Body: The State Machine in Eighteenth-Century English Political Discourse. *Contributions to the History of Concepts*, 5(1), 4–47. DOI 10.1163/187465609X430845.

17. Johnson, M. (2007). The Meaning of the Body: Aesthetics of Human Understanding. Chicago: Univ. of Chicago Press, 328 p. ISBN 978-0-226-40192-8.

18. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live By*. Chicago: Univ. of Chicago Pr., 256 p. ISBN 9780226468006.

19. Kövecses, Z. (2005). *Metaphor in Culture: Universality and Variation*. Cambridge: Cambridge Univ. Pr., 314 p. ISBN 0-521-84447-9.

20. Kövecses, Z., Benczes, R., Rommel, A., Szelid, V. (2024). Universality versus variation in the conceptualization of anger: A question of methodology. *Russian Journal of Linguistics*, 28(1), 55–79. DOI 10.22363/2687-0088-34834. EDN LSSLRN.

21. Lapka, O. (2023). Machine metaphors in 2020 USA electioneering campaign: a cognitive aspect. *Studies About Languages*, 1(43), 64–76. DOI 10.5755/j01.sal.1.43.35102. EDN BJHZZD.

22. Perez, J., Reuchamps, M. (2015). A crazy machine or a strong “living apart together” relationship? The role of metaphors in citizens’ perception of Belgian federalism. *Mots. Les langages du politique* [En ligne], 109. Available at March 4, 2026 from <https://journals.openedition.org/mots/22171>. DOI 10.4000/mots.22171.

23. Urazaev, M. D. Image of a Cog: Preliminary Analysis of the Mechanism Metaphor Through the Conceptual Integration Theory. *Philological Sciences at MGIMO*, 11(4), 94–106. DOI 10.24833/2410-2423-2025-4-45-94-106. EDN PSCHSP.

Политическая лингвистика. 2026. № 2 (116).
Political Linguistics. 2026. No 2 (116).

УДК 811.581'42+811.161.1'42+81'27
ББК Ш171.1-51+Ш141.12-51+Ш100.63

ГРНТИ 16.21.29; 16.21.55

Код ВАК 5.9.8

Сунь Тяньцы

Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия,
2104437546@qq.com, <https://orcid.org/0009-0003-4718-875X>

Метафора как способ воплощения стереотипных представлений о терпении в русской и китайской лингвокультурах

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье с позиций лингвокультурологии и когнитивной лингвистики осуществляется сопоставительный анализ систем метафорической репрезентации концептов «терпение» (в русском языке) и «忍» (в китайском языке). Опираясь на данные лексикографических источников, паремии и материалы национальных корпусов русского и китайского языка, автор выявляет системные различия в метафорическом моделировании данных концептов. В работе применяются компонентный анализ словарных дефиниций, анализ концептуальных метафор, сопоставительный анализ метафорических моделей. Особое внимание уделяется механизмам фиксации и трансляции стереотипных представлений о терпении посредством метафоры. Проведенный компаративный анализ позволяет раскрыть роль метафоры как культурного кода, который как формирует, так и репрезентирует укоренившиеся в сознании двух народов когнитивные модели феномена терпения. Разница в восприятии концепта «терпение» обусловлена этимологией и закреплена во внутренней форме слова: этимологически русское «терпение» связано с конкретно-чувственным переживанием утраты телесной чувствительности, тогда как китайский иероглиф «忍» ассоциируется с образом «ножа на сердце». В результате в ареале русской культуры терпение связывается с пассивным страданием и ограниченностью ресурса, в то время как в ареале китайской культуры — с активным самоограничением и стратегической пролонгацией действия. Существенным представляется уточнение, что под «стереотипом» в контексте данной работы понимается не когнитивное искажение, несущее негативную коннотацию, а устойчивая, выработанная в ходе длительного культурного развития модель восприятия терпения, ценностный аспект которой заключается в отражении механизмов нормативной регуляции индивидуального поведения представителя конкретной лингвокультуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвокультурология, русская лингвокультура, китайская лингвокультура, когнитивная лингвистика, метафорическое моделирование, метафорические модели, концептуальные метафоры, языковые единицы, концептосфера, концепты, терпение, китайский язык, русский язык, сравнительный анализ, культурные стереотипы.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Сунь Тяньцы, кандидат филологических наук, Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, email: 2104437546@qq.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сунь, Тяньцы. Метафора как способ воплощения стереотипных представлений о терпении в русской и китайской лингвокультурах / Сунь Тяньцы. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 86-92.

Sun Tianci

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, 2104437546@qq.com,
<https://orcid.org/0009-0003-4718-875X>

Metaphor as a Means of Manifestation of Stereotypical Ideas about Patience in Russian and Chinese Linguocultures

ABSTRACT. This article carries out a comparative analysis of the systems of metaphorical representation of the concepts of “terpenie” in Russian and “忍” in Chinese (both mean patience) from the standpoint of linguoculturology and cognitive linguistics. Based on the data of lexicographic sources, phraseological dictionaries and materials from the national corpora of the Russian and Chinese languages, the author identifies systemic differences in the metaphorical modeling of these concepts. The study uses component analysis of dictionary definitions, analysis of conceptual metaphors, and comparative analysis of metaphorical models. Special attention is paid to the mechanisms of fixation and translation of stereotypical ideas about patience through metaphor. The comparative analysis makes it possible to reveal the role of metaphor as a cultural code that both forms and represents cognitive models of the phenomenon of patience that are ingrained in the minds of the two peoples. The differences in the perception of the concept of “patience” is due to etymology and is fixed in the inner form of the word: etymologically, the Russian “terpenie” is associated with a specific sensory experience of loss of bodily sensitivity, while the Chinese character “忍” is associated with the image of a “knife in the heart.” As a result, in the area of Russian culture, patience is associated with passive suffering and limited resources, while in the area of Chinese culture, it is associated with active self-restraint and strategic prolongation of action. It is essential to clarify that a “stereotype” in the context of this work is not a cognitive distortion that carries a negative connotation, but a stable model of perception of patience created over a long period of cultural development, the value aspect of which consists in reflecting the mechanisms of normative regulation of individual behavior of the representative of a particular linguistic culture.

KEYWORDS: *linguoculturology, Russian linguoculture, Chinese linguoculture, cognitive linguistics, metaphorical modeling, metaphorical models, conceptual metaphors, linguistic units, conceptsphere, concepts, patience, Chinese language, Russian language, comparative analysis, cultural stereotypes.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Sun Tianci, Ph.D. in Philology, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Sun Tianci. (2026). Metaphor as a Means of Manifestation of Stereotypical Ideas about Patience in Russian and Chinese Linguocultures. In Political Linguistics. No 2 (116), pp. 86-92. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Терпение, представляющее собой сложный механизм психологической защиты и стратегию волевого контроля, занимает уникальное место в эмоциональной сфере человека. Оно отличается как от мгновенно возникающих базовых эмоций (например, гнева или страха), так и от продолжительных диффузных настроений (таких как уныние или эйфория). По своей сути терпение — это осознанное волевое вмешательство субъекта, осуществляемое перед лицом внешнего давления, внутренних импульсов или продолжительных трудностей. Цель данного вмешательства заключается в отсрочке, трансформации или перенесении сиюминутных реактивных побуждений ради служения некой более высокой цели или ценности [Сунь 2024; 2025]. Выбор той или иной исходной сферы-источника для концептуализации и моделирования представлений различными языковыми коллективами отнюдь не является произвольной игрой знаков, а детерминируется разделяемым этими коллективами жизненным опытом, системой ценностных ориентаций и онтологическими предпосылками (см. об этом [Гридина 2026¹; Коновалова 2021]).

В русской и китайской лингвокультурах концептуализация терпения обнаруживает глубокое кажущееся сходство при одновременном наличии глубинных структурных различий. В обоих языках сложились высококоразвитые концептуальные системы, описывающие терпение, и в обоих обществах терпению придается чрезвычайно высокая этическая ценность. Однако за этим ценностным консенсусом скрываются принципиально различные когнитивные пути и философские основания. Русское «терпение» и китайское «忍» следуют собственной внутренней логике в своей семантической сети, моделях сочетаемости и метафорическом конструировании. Системное исследование этих различий позволяет не только прояснить конкретные механизмы эмоциональной концептуализации в двух языках, но и выйти

на уровень фундаментальных расхождений в способах осмысления отношений индивида с миром, укорененных в одном случае в традициях православной духовности и в другом — в китайской философии, сформированной под влиянием конфуцианства, даосизма и буддизма.

Метафора представляет собой не просто риторический троп, а фундаментальный механизм человеческого мышления: посредством проецирования абстрактного понятия терпения на конкретные, чувственно воспринимаемые предметы, сценарии или действия она конструирует культурно-специфичные когнитивные модели, которые затем кристаллизуются в коллективные стереотипы. Классический труд Дж. Лакоффа и М. Джонсона «*Metaphors We Live By*» («Метафоры, которыми мы живем») заложил основы теории концептуальной метафоры, согласно которой «метафорические выражения в языке являются поверхностными репрезентациями глубинных когнитивных структур» [Lakoff, Johnson 1980: 3–6]. Однако, как справедливо отмечает А. Н. Баранов, метафорические модели не являются универсальными — они «варьируются в зависимости от языка и культуры, аккумулируя национально-специфичные способы категоризации мира» [Баранов 2014: 83–87].

Будучи абстрактным свойством личности, терпение отличается размытостью содержания и сложностью прямой дефиниции. Метафора, действуя по логике проекции «сфера-источник → сфера-мишень», устанавливает связь между терпением (сферой-мишенью) и такими конкретными сферами-источниками, как природные явления, артефакты, инструмент или виды деятельности (см.: [Будаев 2023; Чудинов 2001]). Это позволяет объективировать и закрепить абстрактное понятие. Подобное проецирование отнюдь не является произвольным: оно детерминировано ценностной системой, историческим опытом и условиями бытования конкретной культуры. В результате формируются культурно-специфичные стереотипы: когда определенный тип метафорических

¹ Гридина, Т. А. Ассоциативный контекст метафоры: универсальное и идиозмическое : моногр. / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова, Т. Сунь. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2026. — 136 с. — ISBN 978-5-8050-0831-4.

выражений воспроизводится на протяжении многих поколений, он закрепляется в сознании коллектива как устойчивое представление о терпении, становясь непосредственной языковой репрезентацией стереотипа.

МЕТОДОЛОГИЯ И МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Настоящее исследование исходит из гипотезы о том, что системы метафор, репрезентирующих представления «терпение» / «忍» в русском и китайском языках, являются проекцией культурных стереотипов о терпении, сформировавшихся в соответствующих лингвокультурах.

Материалом исследования послужили русские и китайские лексикографические источники: «Толковый словарь живого великорусского языка» [Даль 2003]; Современный словарь «新华字典» [Словарь Синьхуа URL]; паремии [Даль 1862], китайские идиомы и пословицы; художественные и публицистические тексты XIX–XXI вв., а также данные национальных корпусов: Национальный корпус русского языка (НКРЯ URL), Корпус китайского языка Центра лингвистики Пекинского университета (CCL Corpus) и др.

В работе применяются компонентный анализ словарных дефиниций, анализ концептуальных метафор (на основе методологии Лакоффа и Джонсона в адаптации А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова; Э. В. Будаева, А. П. Чудинова), сопоставительный анализ метафорических моделей, что позволяет выстроить трехмерную аналитическую рамку «тип метафоры — стереотипное содержание — культурные истоки».

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

С точки зрения этимологии, семантика производящего глагола *терпеть*, от которого образовано имя существительное *терпение*, не ограничивается исключительно психологическим аспектом «страдания», «испытания» или «терпеливого перенесения». Его корни уходят глубже, указывая на телесное состояние оцепенения и утрату чувствительности. В славянских языках прослеживаются две переплетающиеся, но сущностно родственные семантические линии эволюции данного глагола: первая — «страдать, испытывать страдание» [Фасмер 2003: 49], вторая — «цепенеть, неметь, затекать, терять чувства, вкус» [Там же]. Наиболее ярко потенциал глагола *терпеть* представлен в «Толковом словаре живого великорусского языка» [Даль 2003: 231]: «ТЕРПЕТЬ, *терпливать* что, выносить, переносить, сносить, нуждаться, страдать; крепиться, об(пере)могаться, мужаться, держаться, стоять

не изнемогая, не унывая; ожидать, выжидать чего лучшего, надеяться, быть кротким, смиряться; снисходить, допускать, послаблять, потакать, поноравливать, давать повадку; не спешить, не торопить, не гнать, сноравливать». Таким образом, семантическая эволюция слов *терпеть* и *терпение* раскрывает сложный путь от конкретно-телесного ощущения потери чувствительности к абстрактному понятию нравственной силы и смирения.

Иероглиф «忍» состоит из двух элементов: верхней части «刃» (лезвие ножа) и нижней части «心» (сердце). Таким образом, внутренняя форма китайского иероглифа передает образ «лезвия на сердце» — то острое, режущее ощущение, которое человек испытывает, обуздывая себя. В первом этимологическом словаре китайского языка «说文解字» [Шуовэнь URL], который составлен во II веке н. э., иероглиф «忍» толкуется как «能也» (способность, умение). Цинский комментатор Дуань Юйцай (XVIII в.) в своем толковании отмечает: «忍之义，兼行止。敢于杀人谓之忍，敢于不杀人亦谓之忍» (буквально — «смысл иероглифа „忍“ объемлет как действие, так и бездействие. Осмелиться лишить человека жизни — „忍“; осмелиться не лишать человека жизни — это также „忍“»). Данный комментарий представляется исключительно важным: «忍» обозначает как способность совершить крайнее действие, так и способность сдержаться от него. Иными словами, это способность удерживать себя на грани. Современный словарь «新华字典» [Словарь Синьхуа URL] выделяет следующие значения иероглифа «忍»: 1) 耐, 把感情按住不让表现 — терпеть, сдерживать свои эмоции и не выражать их. 忍耐 терпение, выдержка; 容忍 толерантность; 忍痛 терпеть боль; 忍受 стойко терпеть; 忍俊不禁 не выдержать и рассмеяться, безудержно рассмеяться, не удержаться от смеха. 2) 狠心, 残酷 — чёрствый, бессердечный, жестокий. Второе значение логически выводится из образной основы иероглифа «лезвие на сердце» и может означать как самообладание, так и готовность причинять боль другим.

Ключевое различие между концептами коренится в изначальных образах: в русском языке «терпение» исходно связано с телесным оцепенением, утратой чувствительности, на которые накладываются внешние страдания, испытания и трудности. Это путь от конкретного телесно-сенсорного опыта к постепенному абстрагированию в пассивное претерпевание внешних невзгод, боли и не-

гативных факторов, сочетающее в себе как телесное ощущение, так и внешнее давление, при абсолютно пассивной роли субъекта. В китайском же языке «忍» уходит корнями в образ острого инструмента, находящегося внутри субъекта, и относится к сфере внутренних, атакующих и проникающих субъективных образов, где субъект занимает активную, доминирующую позицию.

В русской лингвокультуре на основе анализа корпусных данных и паремии можно выделить три доминирующих модели метафор: терпение — это физическое давление; терпение — это вместилище; терпение — это временная протяженность.

Терпение концептуализируется как физическое давление, тяжелое бремя, которое субъект вынужден нести. Наиболее репрезентативные языковые выражения: *нести свой крест; терпеть тяготы, нести бремя; ино горько проглотишь, да сладко выплунешь (и наоборот); горько съешь, да сладко отрыгается (и наоборот)* [Даль 1862: 27]; *терпи, казак, атаман будешь; оттерпимся, и мы люди будем* [Даль 1862: 28]; *терпя, горе скажется* [Даль 1862: 30]; *терпи горе неделю, а царствуй год; не всем казакам в атаманах быть; терпенью — спасенье; терпенье и труд все перетрут* [Даль 1862: 113]; *терпя и камень треснет* [Даль 1862: 118]; *ангельское терпение; адское терпение* [Фразеологический... 2004: 498].

Нести свой крест — фразеологизм, восходящий к евангельскому сюжету о несении креста Иисусом Христом. В секуляризованном употреблении сохраняет семантику неизбежности и предопределенности страдания. Существенной характеристикой данного типа вербализации является презумпция должностования, неизбежности. Бремя нельзя сбросить по собственной воле; его можно лишь нести или, в крайнем случае, быть им раздавленным. Это коррелирует с православным пониманием терпения как смирения перед волей Божьей.

Терпение также концептуализируется как вместилище. Данная модель реализуется в двух вариантах: терпение как само вместилище и терпение как содержимое вместилища. Например: *чаша терпения; переполнить чашу терпения; чаша терпения переполнилась; терпение лопнуло* [Фразеологический... 2004: 498], *вывести из терпения, терять терпение, набраться терпения, переполнить терпение, запастись терпением, хватит терпения, истощилось терпение, терпение переполнилось, набраться терпения* [НКРЯ URL].

Терпение как временная протяженность. Данная модель репрезентирует тер-

пение как способность, восполняющую интервал между желанием и его осуществлением: *век жить, век ждать* [Даль 1862: 27]; *час терпеть, а век жить; без терпенья нет спасенья* [Даль 1862: 113]. Также есть выражение *потерпи немного* — глагол с суффиксом однократности указывает на ограниченность срока.

Логический анализ исследуемого феномена позволяет заключить, что под влиянием традиций православной аскетики русская культура концептуализирует терпение как неизбежное страдание, ведущее к спасению души, где индивиду отводится пассивная роль объекта внешнего давления. Метафора «вместилище», в свою очередь, задает физический предел терпению: непрерывное поступление жидкости (давления) в конечном счете приводит к переполнению или разрыву вместилища. Данная концептуализация полностью исключает возможность активного вмешательства субъекта, и это доказывает, что терпение в русском языковом сознании представляет собой пассивное аккумулярование, неотвратимо ведущее к предельному взрыву.

Принципиально иначе устроена метафорическая организация терпения в китайском языке, отражающая влияние конфуцианских, даосских и буддийских традиций, и может быть представлена следующими основными моделями: «忍» как *нож в сердце*; «忍» как *вода*; «忍» как *стратегическое поведение*.

Первая модель метафоры предопределена самой внутренней формой иероглифа «忍» и пронизывает все представления о терпении в китайской культуре. Например, выражение «心如刀绞» («сердце словно ножом режут») употребляется для описания интенсивных душевных страданий, которые необходимо терпеливо переносить; «忍痛割爱» («терпя боль, отказаться от любимого») означает отказ от дорогого сердцу предмета ради достижения более высокой цели; 含垢忍辱 («сдерживая нечистоты, терпеть унижения») — образ удержания внутри себя чего-то неприятного. Важнейшей характеристикой данной модели является острота, разрушительный характер переживания.

Под влиянием даосской философии формируется метафора терпения как воды. Ключевой текст — «道德经» [Лао-цзы 2008]:

«天下莫柔弱于水，而攻坚强者莫之能胜»

(в Поднебесной нет ничего мягче и слабее воды, но в преодолении твердого и крепкого ничто не может превзойти ее). Эта философская идея проецируется на терпение в следующих созвучных ей моделях: «以柔克刚»

(«мягкостью преодолевать твердость») — терпение проявляется как стратегия непрямого действия; «水滴石穿» («вода камень точит») — букв. «капли воды пронзают камень») — результативность терпения, основанная на его непрерывности и постепенности; «忍一时风平浪静» («стоит немного потерпеть — и ветер стихает, волны успокаиваются») — терпение позволяет человеку переждать, дожидаться прекращения бури; «忍得一时气, 免得百日忧» («Выдержи гнев на мгновение и избежишь ста дней беспокойства»); «必有忍乃有济» («Необходимо обладать терпением, и тогда остальное приложится»).

В отличие от русской метафоры *нести свой крест*, где акцент делается на тяжести ноши, китайская метафора воды подчеркивает текучесть и способность огибать препятствия. Терпение здесь выступает не как пассивное страдание, а как активное приспособление.

В китайской культуре сложилась развернутая система представлений о терпении как осознанной стратегии, ориентированной на достижение успеха в будущем. Данная модель иллюстрируется историческими нарративами, несущими нравоучительный подтекст: терпение неизменно вознаграждается. «跨下之辱» — Хань Синь в молодости претерпел унижение, вынужденный проползти между ног обидчика. Он стерпел, чтобы избежать гибели, и впоследствии достиг великих свершений. «卧薪尝胆» — Гоу Цзянь, потерпев поражение, спал на хворосте и пробовал желчь, дабы не забыть о мести. Его терпение длилось несколько лет и увенчалось победой. «圯下拾履» — Чжан Лян терпеливо подобрал туфлю, упавшую с ноги старика, и за это был удостоен дара — книги о военном искусстве. С точки зрения логики метафорического переноса, китайское понятие «忍» предполагает, что субъект трансформирует внешний конфликт в акт насилия над собственной плотью и ее «поглощение». Это обусловлено не религиозным искуплением, а социальной регуляцией, основанной на конфуцианском принципе «гармонии и единства» — ценой сжатия внутреннего пространства и самоуязвления индивида достигается стабильность внешних социальных связей. Таким образом, «忍» в китайской культуре репрезентирует крайнюю форму активного самоподавления субъекта, осуществляемого ради сохранения патриархально-кланового порядка.

Иероглиф 忍 означает не столько страдание, сколько самовоспитание, работу над

собой. Даже в модели «нож на сердце» присутствует активный компонент: нож — это инструмент, которым субъект воздействует на собственную внутреннюю сущность. Субъект одновременно выступает и объектом, и орудием этого воздействия. В китайской культурной традиции терпение включено в контекст «修身» («самосовершенствования») — оно выступает необходимым условием воспитания благородного мужа [Ли Сяолу 2008: 45]. Терпение в китайской лингвокультуре всегда телеологично — оно предполагает наличие цели, ради которой осуществляется. Таким образом, зафиксированные в русском и китайском языках метафорические различия в стереотипных представлениях о терпении по своей сути обусловлены глубинными расхождениями в истоках и эволюции культур двух народов.

ВЫВОДЫ

Анализ метафорических представлений о терпении в русской и китайской лингвокультурах позволяет сделать следующие выводы.

1. В русском и китайском языках представления о терпении обнаруживают системные расхождения на уровне лексической семантики и внутренней формы слова. Этимологически русское «терпение» связано с конкретно-чувственным переживанием утраты телесной чувствительности, тогда как китайский иероглиф «忍» ассоциируется с образом «ножа на сердце».

2. В русском языке доминирующими метафорическими моделями являются «терпение — это физическая нагрузка» (нести свой крест, бремя), «терпение — это вместилище» (чаша терпения) и «терпение — это временная протяженность» (долготерпение). Все указанные модели репрезентируют терпение как пассивное претерпевание внешнего воздействия.

3. В китайской лингвокультуре ведущими моделями выступают «терпение — это нож в сердце» (закрепленное в графике иероглифа), «терпение — это вода» (сформированное под влиянием даосизма) и «терпение — это стратегическое поведение» (отраженное в исторических нарративах). Данные модели представляют терпение как активное внутреннее усилие.

4. Выявленные метафорические различия коррелируют с культурными стереотипами о терпении: в ареале русской культуры терпение связывается с пассивным страданием и ограниченностью ресурса, в то время как в ареале китайской культуры — с активным самоограничением и стратегической пролонгацией действия.

ИСТОЧНИКИ

1. Даль, В. И. Пословицы русского народа: сб. пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. / [Соч.] В. Даля. — Москва : Имп. Общество истории и древностей рос. при Моск. университете, 1862. — 1144 с.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4: С—У / В. И. Даль. — Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2003. — 576 с.
3. НКРЯ. Частота и пропорция появления терпеть и терпение в НКРЯ // Национальный корпус русского языка : сайт. — URL: <https://ruscorpora.ru/explore?req=терпеть>; <https://ruscorpora.ru/explore?req=терпение> (дата обращения: 15.02.2026).
4. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 4: Т—Яшур : около 4500 слов / М. Фасмер. — 4-е изд., стер. — Москва : Астрель, 2003. — 864 с.
5. Фразеологический словарь современного русского литературного языка. В 2 т. Т. 2 / под ред. проф. А. Н. Тихонова ; сост. А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова. — Москва : Флинта : Наука, 2004. — 832 с.
6. 百度百科. 1. = Байду Байкэ. — URL: <https://baike.baidu.com/item/忍一时风平浪静,退一步海阔天空/10045737> (дата обращения: 13.03.2026).
7. 北京大学中国语言学研究中心. = Корпус китайского языка Центра лингвистики Пекинского университета. — URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/search?q=忍&q1=忍&LastQuery=忍&start=0&num=50&index=FullIndex&outputFormat=HTML&encoding=UTF-8&isForReading=no&patternNature=&dir=xiandai&startTime=&endTime=&xiandaiStartTime=&xiandaiEndTime=&maxLeftLength=10&maxRightLength=10&neighborSortLength=0&orderStyle=score&scopestr=&search=查询 (дата обращения: 13.03.2026).
8. 古代汉语词典. 北京 : 商务印书馆, 2002. = Словарь древнекитайского языка. — Пекин : Коммерческое издательство, 2002.
9. 汉典. = Хан Дянь, китайский онлайн-словарь. — URL: <https://www.zdic.net/hans/%E3%B8%BE> (дата обращения: 13.03.2026).
10. 汉俄大词典, 上海, 上海外语教育出版社, 2009. = Большой китайско-русский словарь. — Шанхай : Шанхайское издательство по обучению иностранным языкам, 2009.
11. 汉语成语大词典, 朱祖延, 河南人民出版社, М. 1985. = Китайский фразеологический словарь, Чжоу Цзюань. — Хэнань жэньмин издательство, 1985.
12. 老子. 道德经 / 杨兴顺 译. 圣彼得堡: 阿兹布卡出版社, 2008. Лао-цзы. Дао дэ цзин / Лао-цзы ; пер. Ян Хиншуна. — Санкт-Петербург : Азбука, 2008. — 192 с.
13. 李晓露. 俄汉隐喻辞格的对比研究[D]. 辽宁师范大学, 2008. 89 с. Ли Сюлу. Сопоставительное исследование метафорических тропов в русском и китайском языках : дис. ... канд. филол. наук / Ли Сюлу. — Далянь : Ляонинский педагогический университет, 2008. — 89 с.
14. 说文解字. = Шуовэнь Цзэцзы (Происхождение китайских иероглифов). — URL: <http://www.shuowen.org/view/6928?pinpin=ten> (дата обращения: 13.03.2026).
15. 新华字典 = Словарь Синьхуа онлайн. — URL: <https://zidian.aics.cn/MTE5NjM=htm> (дата обращения: 13.03.2026).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баранов, А. Н. Дескрипторная теория метафоры / А. Н. Баранов. — Москва : Языки славянской культуры, 2014. — 632 с. — SBN 978-5-9905856-7-6.
2. Болдырев, Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка / Н. Н. Болдырев. — 2-е изд. — Москва : Издательский дом ЯСК, 2019. — 480 с. — ISBN 978-5-907117-21-1. — EDN OXLIYG.
3. Будаев, Э. В. Лингвокогнитивный подход к анализу текста / Э. В. Будаев // Книга. Чтение. Медиа среда. — 2023. — Т. 1, № 1. — С. 21–28. — DOI 10.20913/BRM-1-1-3. — EDN ARUMXM.
4. Ван, Л. Ц. Паремологическая зона концептуального поля терпение / 忍(жэнь) в русском и китайском языках / Л. Ц. Ван // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. — 2017. — № 4. — С. 54–57. — EDN YNELOX.

5. Воркачев, С. Г. Безразличие как этносемантическая характеристика личности: опыт сопоставительной паремологии / С. Г. Воркачев // Вопросы языкознания. — 1997. — № 4. — С. 115–124. — EDN QBPMMR.
6. Гридина, Т. А. Метод вероятностного прогнозирования как инструмент психолингвистического анализа креолизованного текста: восприятие кодов социальной рекламы / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова // Известия Уральского федерального университета. Серия 2, Гуманитарные науки. — 2022. — Т. 24, № 1. — С. 253–265. — DOI 10.15826/izv2.2022.24.1.017. — EDN HNEZJM.
7. Иная ментальность / В. И. Карасик, О. Г. Прохвачева, Я. В. Зубкова, Э. В. Грабарова. — Москва : Гнозис, 2005. — 352 с. — ISBN 5-7333-0167-8. — EDN UGQAOX.
8. Карасик, В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / Воронежский межрегиональный институт общественных наук ; Воронежский государственный университет ; Московский общественный научный фонд. — Воронеж : Воронежский государственный университет, 2001. — С. 75–80. — EDN WGNDZZ.
9. Коновалова, Н. И. Семантизация сакральной лексики в словаре В. И. Даля / Н. И. Коновалова // Филологический класс. — 2021. — Т. 26, № 4. — С. 127–135. — DOI 10.51762/1FK-2021-26-04-11. — EDN XQDDZC.
10. Коул, М. Культурно-историческая психология. Наука будущего / М. Коул. — Москва : Когито-Центр, Институт психологии РАН, 1997. — 432 с. — ISBN 5-201-02241-3. — EDN RAXURR.
11. Красавский, Н. А. Концепт «терпение» в русской и немецкой пословичных картинах мира / Н. А. Красавский // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2019. — № 7 (140). — С. 219–225. — EDN TUWSZU.
12. Сунь, Т. Ассоциативный контекст глагола «терпеть» и его производных в русской и китайской лингвокультурах / Т. Сунь // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4(106). — С. 98–105. — EDN CNNBZR.
13. Сунь, Т. Представления о терпении в русской и китайской лингвокультурах (по данным паремий) / Т. Сунь // Когнитивные исследования языка. — 2025. — № 1-1(62). — С. 479–482. — EDN AEMDYS.
14. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. — 238 с. — ISBN 5-7186-0277-8.
15. Lakoff, G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1980. — 256 p. — ISBN 9780226468006.

MATERIALS

1. Dal', V. I. (1862). Poslovitsy russkogo naroda: sb. poslovits, pogovorok, recheniy, prisloviy, chistogovorok, pribautok, zagadok, poveriy i proch. = Proverbs of the Russian people: a collection of proverbs, sayings, sayings, adages, tongue twisters, jokes, riddles, superstitions, etc. Moscow: Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University, 1144 p.
2. Dal', V. I. (2003). Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. V 4 t. T. 4: S—U = Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 vols. Vol. 4. Moscow: OLMA-PRESS, 576 p.
3. NKRYA (n.d.). Chastota i proporsiya poyavleniya terpet' i terpenie v NKRYA = Frequency and proportion of the appearance of 'to endure' and 'patience' in the NKRYA Available at Feb. 15, 2026 from <https://ruscorpora.ru/explore?req=terpet'>; <https://ruscorpora.ru/explore?req=terpenie>.
4. Fasmer, M. (2003). Ehtimologicheskiy slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 4: T—Yashchur = Etymological dictionary of the Russian language. In 4 volumes. V. 4: T—Yaschhur. 4th ed. Moscow: Astrel', 864 p.
5. Tikhonov, A. N. (Ed.) (2004). Frazеologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. V 2 t. T. 2 = Phrasеological dictionary of modern Russian literary language. In 2 vols. V. 2. Moscow: Flinta: Nauka, 832 p.
6. Baidu Bike (n.d.). Available at March 13, 2026 from <https://baike.baidu.com/item/忍一时风平浪静,退一步海阔天空/10045737>.

7. Chinese Language Corpus of the Linguistics Center of Peking University (n.d.). Available at March 13, 2026 from http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/search?q=忍&q1=忍&LastQuery=忍&start=0&num=50&index=FullIndex&outputFormat=HTML&encoding=UTF-8&isForReading=no&patternNature=&dir=xiandai&startTime=&endTime=&xiandaiStartTime=&xiandaiEndTime=&maxLeftLength=10&maxRightLength=10&neighborSortLength=0&orderStyle=score&scopestr=&search=查询.

8. Dictionary of Ancient Chinese (2002). Beijing: Commercial Publishing House.

9. Han Dian, Chinese online dictionary (n.d.). Available at March 13, 2026 from <https://www.zdic.net/hans/%E3%B8%BE>.

10. Large Chinese-Russian dictionary (2009). Shanghai: Shanghai Foreign Language Teaching Publishing House.

11. Chinese Phrase Dictionary, Zhou Zuyan (1985). Henan Renming Publishing House.

12. Lao Tzu (2008). Tao Te Ching (Transl. Yang Hingshun). Saint Petersburg: Azbuka, 192 p.

13. Li, Xiaolu (2008). A Comparative Study of Metaphorical Tropes in Russian and Chinese. Dissertation ... Cand. Philological Sciences. Dalian: Liaoning Normal University, 89 p.

14. Shuowen Jiezi (The Origin of Chinese Characters) (n.d.). Available at March 13, 2026 from <http://www.shuowen.org/view/6928?pinpin=ren>.

15. Xinhua Dictionary Online (n.d.). Available at March 13, 2026 from <https://zidian.aies.cn/MTE5NjM=htm>.

REFERENCES

1. Baranov, A. N. (2014). Deskriptornaya teoriya metafory = Descriptor Theory of Metaphor. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 632 p. ISBN 978-5-9905856-7-6.

2. Boldyrev, N. N. (2019). Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya yazyka = Language and the System of Knowledge. Cognitive Theory of Language. 2nd ed. Moscow: Izdatel'skiy dom YASK, 480 p. ISBN 978-5-907117-21-1. EDN OXLIYG.

3. Budaev, Eh. V. (2023). Lingvokognitivnyy podkhod k analizu teksta = Lingvocognitive Approach to Text Analysis. *Book. Reading. Media Environment*, 1(1), 21–28. DOI 10.20913/BRM-1-1-3. EDN ARUMXM.

4. Van, L. Ts. (2017). Paremiologicheskaya zona kontseptual'nogo polya terpenie / 忍(zhehn') v russkom i kitayskom yazykakh = Paremiological Zone of the Conceptual Field Patience / 忍(ren) in Russian and Chinese. *Modern Science. Current Problems of Theory and Practice. Series: Humanities*, 4, 54–57. EDN YNELOX.

5. Vorkachev, S. G. (1997). Bezrazlichie kak ehtnosemanticheskaya kharakteristika lichnosti: opyt sopostavitel'noy paremiologii = Indifference as an Ethnosemantic Characteristic of Personality: An Experiment with Comparative Paremiology. *Problems of Linguistics*, 4, 115–124. EDN QBPMNR.

6. Gridina, T. A., Konovalova, N. I. (2022). Metod veroyatnostnogo prognozirovaniya kak instrument psikholingvistikeskogo analiza kreolizovannogo teksta: vospriyatie kodov sotsial'noy reklamy = The Method of Probabilistic Forecasting as a Tool for Psycholinguistic Analysis of Creolized Text: Perception of Social Advertising Codes. *Bulletin of the Ural Federal University. Series 2, Humanities*, 24(1), 253–265. DOI 10.15826/izv2.2022.24.1.017. EDN HNEZJM.

7. Karasik, V. I., Prokhvacheva, O. G., Zubkova, Ya. V., Grabarova, Eh. V. (2005). Inaya mental'nost' = A Different Mentality. Moscow: Gnozis, 352 p. ISBN 5-7333-0167-8. EDN UGQAOX.

8. Karasik, V. I., Slyshkin, G. G. (2001). Lingvokul'turnyy kontsept kak edinita issledovaniya = The Lingvocultural Concept as a Unit of Research. *Methodological Problems of Cognitive Linguistics*, 75–80. Voronezh : Voronezh Interregional Institute of Social Sciences, Voronezh State University; Moscow Public Scientific Foundation. EDN WGNDZZ.

9. Konovalova, N. I. (2021). Semantizatsiya sakral'noy leksiki v slovary V. I. Dallya = Semantization of Sacred Vocabulary in V. I. Dahl's Dictionary. *Philological Class*, 26(4), 127–135. DOI 10.51762/1FK-2021-26-04-11. EDN XQDDZC.

10. Koul, M. (1997). Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. Nauka budushchego = Cultural-Historical Psychology. Science of the Future. Moscow: Cogito-Center, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 432 p. ISBN 5-201-02241-3. EDN RAXURR.

11. Krasavskiy, N. A. (2019). Kontsept «terpenie» v russkoy i nemetskoj poslovichnykh kartinakh mira = The Concept of “Patience” in Russian and German Proverb Worldviews. *Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University*, 7(140), 219–225. EDN TUWSZU.

12. Sun, T. (2024). Assotsiativnyy kontekst glagola «terpet'» i ego proizvodnykh v russkoy i kitayskoy lingvokul'turakh = Associative Context of the Verb “To Endure” and Its Derivatives in Russian and Chinese Linguistics. *Political Linguistics*, 4(106), 98–105. EDN CNNBZR.

13. Sun, T. (2025). Predstavleniya o terpenii v russkoy i kitayskoy lingvokul'turakh (po dannym paremiy) = Concepts of Patience in Russian and Chinese Linguistic Cultures (Based on Proverbs). *Cognitive Studies of Language*, 1-1(62), 479–482. EDN AEMDYS.

14. Chudinov, A. P. (2001). Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000) = Russia in the Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000). Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 238 p. ISBN 5-7186-0277-8.

15. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). Metaphors We Live By. Chicago: Univ. of Chicago Pr., 256 p. ISBN 9780226468006.

РАЗДЕЛ 2. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Политическая лингвистика. 2026. № 2 (116).
Political Linguistics. 2026. No 2 (116).

УДК 811.112.2'42+811.111'42+81'38+81'27
ББК Ш143.24-51+Ш143.21-51+Ш105.55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.29

Код ВАК 5.9.8

Ирина Александровна Бубнова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Одинцово, Россия,
i.bubnova@odin.mgimo.ru, SPIN-код: 8509-4941

Архитектура аффекта: лингвистические механизмы моделирования настроения в политическом дискурсе

АННОТАЦИЯ. В исследовании рассматриваются лингвистические и риторические параллели между современной политической риторикой Дональда Трампа и дискурсом Третьего рейха (в частности, речами Йозефа Геббельса). В ходе анализа выявлены ключевые манипулятивные механизмы, общие для обоих периодов: радикальная бинарная оппозиция «Мы — Они», приватизация национальной идентичности и системная делегитимизация независимых СМИ (Fake News / Lügenpresse).

Особое внимание уделяется стратегии дегуманизации через зооморфные и патологические метафоры, где политические оппоненты переопределяются как «паразиты» или биологические угрозы национальному организму. В работе также анализируется переход от логической аргументации к ритмической суггестии, подчеркивается адаптация этих техник в цифровом пространстве через «визуальную агрессию» (Caps Lock, экспрессивную пунктуацию и эмодзи-маркировку). Результаты показывают, что современный цифровой популизм является высокотехнологичной адаптацией классических тоталитарных стратегий убеждения, направленных на нейтрализацию рационального диалога через диктатуру аффекта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дегуманизация, цифровой популизм, Д. Трамп, Третий рейх, политический дискурс, политические тексты, политические речи, политическая риторика, политические деятели, американские президенты, фашизм, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, языковые средства, ритмическая суггестия, биополитические метафоры, визуальная агрессия, лингвистические механизмы.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Бубнова Ирина Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и переводоведения, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия, email: i.bubnova@odin.mgimo.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Бубнова, И. А. Архитектура аффекта: лингвистические механизмы моделирования настроения в политическом дискурсе / И. А. Бубнова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 93-98.

Irina A. Bubnova

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Branch) in Odintsovo, Russia, i.bubnova@odin.mgimo.ru, SPIN code: 8509-4941

Architecture of Affect: Linguistic Mechanisms of Mood Modeling in Political Discourse

ABSTRACT. This study examines linguistic and rhetorical parallels between the contemporary political rhetoric of Donald Trump and the discourse of the Third Reich (and specifically the speeches of Joseph Goebbels). The analysis identifies key manipulative mechanisms common to both periods: the radical binary opposition of “Us vs. Them,” the privatization of national identity, and the systemic delegitimization of independent media (“Fake News” / “Lügenpresse”).

Special attention is paid to the strategy of dehumanization through zoomorphic and pathological metaphors, where political opponents are reframed as “vermin” or biological threats to the national organism. The paper also explores the shift from logical argumentation to rhythmic suggestion, highlighting the adaptation of these techniques into the digital space via “visual aggression” (Caps Lock, emotive punctuation, and emoji-labeling). The findings suggest that modern digital populism is a high-tech adaptation of classical totalitarian persuasive strategies aimed at neutralizing rational dialogue through the dictatorship of affect.

KEYWORDS: dehumanization, digital populism, D. Trump, the Third Reich, political discourse, political texts, political speeches, political rhetoric, politicians, American presidents, fascism, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, language means, rhythmic suggestion, biopolitical metaphors, visual aggression, linguistic mechanisms.

AUTHOR'S INFORMATION: Bubnova Irina Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Linguistics and Translation Studies, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow Region, Russia.

FOR CITATION: Bubnova I. A. (2026). Architecture of Affect: Linguistic Mechanisms of Mood Modeling in Political Discourse. In Political Linguistics. No 2 (116), pp. 93-98. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Трансформация современного политического дискурса знаменует собой отказ от логоцентрической парадигмы в пользу аффективного моделирования. Язык перестает верифицировать реальность, превращаясь в инструмент ее тотального замещения, что коррелирует с теорией «восстания масс» Х. Ортеги-и-Гассета [Ортега-и-Гассет 2016] и запросом на предельное когнитивное упрощение. Согласно Р. Пакстону [Пакстон 2024], эрозия рациональных институтов неизменно сопровождается мобилизационной риторикой, эксплуатирующей чувство «национального упадка». В этом контексте язык эмоций, описанный В. Клемперером [Клемперер 1998], С. Кара-Мурзой [Кара-Мурза 2008], Р. Водак [Wodak 2015], освобождается от смысловой сложности, заменяя ее примитивными бинарными оппозициями. Таким образом, исторический кризис сам формирует архитектуру аффекта, делегируя лидеру роль единственного творца новой эмоциональной реальности.

В этом плане риторика 45-го президента США Дональда Трампа предоставляет исключительный материал для сравнительного анализа с лингвистическими стратегиями Третьего рейха, так как, несмотря на разные исторические контексты, оба дискурса эксплуатируют идентичные чувствительные к внешним воздействиям когнитивные механизмы человека: экзистенциальный страх и потребность в групповой идентичности. Все чаще проявляющаяся в настоящий момент связь нынешних риторических стратегий с пропагандистскими установками Третьего рейха демонстрирует устойчивость механизмов мобилизации населения через деградацию культурных и смысловых кодов. Сам этот процесс исчерпывающе объясняется с точки зрения концепции культурной гегемонии Антонио Грамши [Грамши URL], отмечавшего, что «искусство создания настроения» служит идеальным инструментом захвата «здорового смысла» общества, превращая агрессивный аффект в единственно возможную норму восприятия. Но если А. Грамши и Х. Ортега-и-Гассет анализируют данный феномен в социально-философском ключе, то Виктор Клемперер раскрывает его лингвистический фундамент, доказывая, что интериоризация идеологических доктрин осуществляется посредством «ядовитого

языка», в частности, через специфический лексический отбор и синтаксическую редукцию [Клемперер 1998]. Таким образом, политический язык — это не только передача информации, но прежде всего проектирование эмоционального ландшафта общества.

Данная работа посвящена анализу конкретных лингвистических механизмов, при помощи которых в политическом дискурсе создается эмоциональный фон, позволяющий замещать рациональное восприятие реальности аффективным откликом.

Объектом исследования являются тексты президента США Дональда Трампа¹ и тексты высших руководителей Третьего рейха².

Предмет исследования — специфика лексики и синтаксиса данных текстов.

Цель — выявление идентичных лингвистических маркеров, создающих атмосферу аффекта и тем самым работающих на мобилизацию общества.

Исходя из поставленной цели **основными методами** в работе являются лингвистический и сопоставительный анализы.

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В целом результаты проведенного анализа подтверждают использование идентичных для обоих изученных дискурсов лингвистических инструментов для формирования нужного восприятия у аудитории. Авторы исследованных текстов эксплуатируют экзистенциальные страхи, применяют дихотомию «свой — чужой», дегуманизируют оппонентов и дискредитируют независимые СМИ, достигая тем самым схожих пропагандистских эффектов.

Лингвистическая стратегия моделирования экзистенциального страха в дискурсе Д. Трампа и идеологов Третьего рейха базируется на избыточном использовании суперлативов. Масштабирование угрозы через лексемы абсолютного значения *total*, *greatest*, *ever*, *annihilation* переводит политическую полемику в плоскость крайнего противоборства, что подчеркивается постоянным употреблением апокалиптических метафор: Д. Трамп часто использует образ *Slaughter/бойня* или *Death and destruction*, Й. Геббельс — *Untergang/гибель/закат* и *Chaos*. В такой языковой модели реальность лишается промежуточных состояний, оставляя аудитории выбор лишь между беспре-

¹ 1) URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/>; 2) URL: <https://www.thetrumparchive.com/>.

² 1) URL: https://archive.org/stream/GoebbelsSpeechesArticlesComplete/GoebbelsSpeechesArticlesFromCalvin.edu.Complete_djvu.txt; 2) URL: <https://ia800106.us.archive.org/14/items/GoebbelsSpeechesArticlesComplete/GoebbelsSpeechesArticlesFromCalvin.edu.Complete.pdf>; 3) URL: https://ghdi.ghi-dc.org/sub_document.cfm?document_id=1583#:~:text=

цедентной катастрофой и безоговорочным спасением через фигуру лидера. Персонализация страха реализуется через использование притяжательного местоимения *our* (наш), которое объединяет аудиторию перед общей угрозой: *наше выживание, наше будущее*. Этот эффект усиливается контрастом суперлативов: превосходная степень прилагательных *наихудший* или *страшнейший* описывает текущий упадок, тогда как лексема *величайший* соотносится либо с героическим прошлым, либо с процветанием в обещанном будущем.

Риторические стратегии Д. Трампа и идеологов Третьего рейха базируются на радикальной дихотомии «Мы — Они» (см. также [Kreis 2017; Stanley 2018]), где понятия *патриотизма* и *национальной идентичности* искусственно сужаются до границ лояльной группы. Путем использования инвектив и притяжательных местоимений оппоненты лишаются гражданского статуса, трансформируясь в предателей или «экзистенциальную угрозу». Такая приватизация смыслов, например, сужение термина *патриот* у Д. Трампа (только для «своей» группы) или оппозиция *Volksgenosse/товарищ по народу* — *Verräter/предатель, изменник* в нацистском дискурсе, с одной стороны, успешно конструирует требуемый эмоциональный фон, с другой — превращает политическую дискуссию в поле символической гражданской войны, где любая критика лидера приравнивается к акту агрессии против всей нации.

Дискредитация оппозиционных СМИ (*Fake News / Lügenpresse*) выступает инструментом усиления эмоционального воздействия. В контексте нашего исследования обвинения во лжи могут рассматриваться как своеобразное «лингвистическое зеркало» или, иначе говоря, превентивная защита: зачастую риторика «борьбы с дезинформацией» используется автором текста для маскировки собственных манипуляций и искажения фактов.

Помимо вышеупомянутых специфических черт, в обоих дискурсах анализ выявил систематическую эксплуатацию дегуманизирующей лексики, тех языковых средств, которые направлены на лишение оппонента человеческих качеств и его трансформацию в объект, транслирующий угрозу и вызывающий биологическое отвращение. А. П. Чудинов неоднократно отмечает, что метафо-

рическое моделирование выступает одним из основных средств конструирования политической реальности [Чудинов 2006], и это подтверждается в ходе анализа текстов Д. Трампа и лидеров Третьего рейха, где основным инструментом расчеловечивания служат два типа метафор:

– зооморфные метафоры, блокирующие эмпатию и легитимизирующие уничтожение «врагов-вредителей» (*Vermin/Animals/Snakes* у Трампа и *Ratten/Schädlinge/Parasiten* в Третьем рейхе);

– метафоры инфекции и санации, представляющие политическое насилие как акт «дезинфекции» национального организма. В этой категории в призывах к «выкорчевыванию» паразитов, якобы истощающих кровь и ресурсы народа, наблюдаются буквальные смысловые параллели между текстами Д. Трампа и текстами Третьего рейха: *We will root out the communists, arxists, fascists and the radical left thugs that live like vermin within the confines of our country that lie and steal and cheat on elections / Мы выкорчуем... которые живут как паразиты внутри нашей страны, которые лежат, воруют и жульничают на выборах*¹. *Diese Parasiten saugen das Blut unseres Volkes aus... die Lügenpresse verschleiert ihre Schuld / Эту паразиты... лживая пресса скрывает их вину*².

Полный спектр выявленных категорий воздействия и используемых для этого лингвистических механизмов представлен в Таблице 1.

Помимо лексики, ключевую роль в исследуемых текстах играет синтаксис, в частности, различные фигуры речи, например, повторы, способные, как подчеркивает Г. Г. Хазагеров, «создавать особый риторический напор» [Хазагеров 2000: 97]. Синтаксический строй речей Д. Трампа и нацистской пропаганды свидетельствует о приоритете ритмической суггестии над логической аргументацией. Короткие декларативные конструкции (партикуляции), анафоры и императивы формируют специфический «маршевый» ритм письма и речи, которая подавляет критическое восприятие аудитории. В этом случае политический текст превращается в инструмент создания аффекта, где рациональный анализ подменяется эмоциональной сопричастностью и состоянием коллективного аффективного «транса».

¹ Д. Трамп. Речь на День ветеранов, Клермонт, Нью-Гэмпшир, 11.11.2023.

² И. Геббельс. Речь «Раса и народ», Нюрнберг, 14.09.1935.

Таблица 1

Основные категории и лингвистические механизмы воздействия в текстах Д. Трампа и руководства Третьего рейха

Аспект/категория	Механизм	Д. Трамп	Й. Геббельс	Эффект
Подчеркивание масштаба	Использование слов <i>total, greatest, biggest, never before</i> и т. д.	<i>We will build a great, great wall... and it will be a magnificent victory</i> / Мы построим самую великую стену , это будет самая грандиозная победа	<i>Ich frage euch: Wollt ihr den totalen Krieg? Wollt ihr ihn, wenn nötig, totaler und radikaler, als wir ihn uns heute überhaupt erst vorstellen können?</i> / Хотите ли вы тотальной войны? Хотите ли вы её, если надо, тотальней и радикальней , чем мы её себе можем сегодня представить?	Отключение критического мышления за счет масштабных обещаний на фоне угроз
Экзистенциальный страх	Использование слов <i>invasion, disaster, collapse, end of history</i> и т. д.	<i>Now, if I don't get elected, it's going to be a bloodbath for the country.</i> / Если я не выиграю, это будет кровавая баня (bloodbath) для страны	<i>Wenn wir den Krieg verlieren, dann ist das das Ende der europäischen Zivilisation</i> / Если мы проиграем, наступит конец европейской цивилизации	Мобилизация через поддержку лидера как единственного спасителя нации
Дихотомия мы/они	Использование слов <i>patriots, system, elites, betrayers</i> и т. д.	<i>We are fighting against the Deep State and the radical left.</i> / Мы сражаемся против Глубинного государства (Deep State) и левых радикалов	<i>Wir kämpfen gegen das korrupte System der Weimarer Systempolitiker.</i> / Мы против коррупированной системы веймарских политиков	Создание чувства солидарности, ощущения нахождения в осажденной крепости
Дегуманизация	Использование слов <i>parasites, vermin, virus, infection, poisoning</i> и т. д.	<i>They're poisoning the blood of our country</i> / Они (незаконные иммигранты) отравляют кровь нашей страны	<i>Das Judentum ist eine Krebseschwellung am Körper der Nation.</i> / Еврейство — это раковая опухоль , разъедающая тело нации	Снятие моральных барьеров, превращение оппонентов в «объект чистки»
Агрессия к медиа	Использование слов <i>Lügenpresse, fake, enemies, corruption</i>	<i>The FAKE NEWS media... is the enemy of the people!</i> / Лживые новостные медиа... это враги народа!	<i>Die Lügenpresse ist ein Werkzeug des internationalen Kapitals.</i> / Лживая пресса — это инструмент международного капитала	Разрушение доверия к альтернативным источникам информации

К механизмам синтаксического конструирования требуемого от массы «настроения» относятся:

– анафора, которая «идеально передает чувство уверенности, позитивный настрой говорящего <...>, как бы закладывает основы, на которых держится вся речь» [Хаззагров 2000: 99], и рефрен, способные создавать ощущение нарастающего напряжения, когда все сомнения, даже если они и были, полностью исчезают: *Together, we will make America strong again. We will make America*

*wealthy again. We will make America proud again. We will make America safe again. And, yes, together, we will make America great again*¹ (Вместе мы снова сделаем Америку сильной. Мы снова сделаем Америку богатой. Мы снова сделаем Америку гордой. Мы снова сделаем Америку безопасной. И да, вместе мы снова сделаем Америку великой). *Ich frage euch: Wollt ihr den totalen Krieg? Wollt ihr ihn, wenn nötig, totaler und radikaler, als wir ihn uns heute überhaupt erst vorstellen können?*² (Я спрашиваю вас: вы

¹ Д. Трамп. Инаугурационная речь. 20 января 2017 г.

² Речь Йозефа Геббельса в Спортивном дворце (Берлин), 18 февраля 1943 года.

хотите тотальной войны? Вы хотите тотальной войны, более радикальной, чем мы можем себе представить?);

– парцелляция, имитирующая приказ, ритм марша, не дающая времени для обдумывания услышанного, которое начинает восприниматься как факт: *They're coming. They're here. Disaster. Sad*¹ (Они идут. Они здесь. Катастрофа. Грустно). *Ein Volk, ein Reich, ein Führer!*² (Один народ, одна империя, один вождь!)

– градация, служащая нагнетанию напряжения либо от простого к ужасному, либо, наоборот, от слабой надежды к триумфу: *Our country is being invaded, it's being destroyed, it's being murdered*³ (В нашу страну вторгаются, ее разрушают, ее убивают); *Das ist nicht mehr eine Drohung, das ist eine Gefahr, das ist der Untergang, das ist das Ende von allem*⁴ (Это уже не просто угроза, это опасность, это гибель, это конец всего).

Не менее важную роль в исследуемых текстах играет их «визуальная агрессия». Если ораторское мастерство лидеров Третьего рейха опиралось на модуляцию голоса и выверенные паузы, т. е. акустическую агрессию, то Д. Трамп адаптировал эти приемы для цифровой среды. Инструментами визуальной суггестии в дискурсе Трампа становятся:

– капитализация (Caps Lock) как маркеры аффекта (страха либо триумфа), имитирующие крик и обозначаемые в лингвистике как «визуальная суггестия»: *WITCH HUNT! ELECTION INTERFERENCE! MAGA!*;

– избыточная пунктуация, в частности восклицательные знаки, создающие ощущение тревоги, чрезвычайного положения;

– эмодзи-маркировка, играющая роль идеологических ярлыков для разделения аудитории на «своих» (патриотические символы, часто — флаг) и «чужих» (дегуманизирующие пиктограммы — змеи, клоуны и т. д.).

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Основными лингвистическими механизмами, конструирующими состояние аффекта, являются:

- инструментализация страха через использование притяжательного ме-

стоимения *our* (наш) в связке с суперлативами (*наихудший/величайший*), что персонализирует коллективную тревогу, делая выживание нации зависимым от личной лояльности лидеру;

- биологизация политики через использование метафор инфекции/санации/очищения, которые переводят идеологический конфликт в плоскость биологического выживания, легитимизируя радикальные меры.

Можно с достаточной степенью уверенности предполагать, что основная цель данных механизмов состоит в разрушении институтов рационального диалога и замене политической дискуссии диктатурой аффекта.

2. Исследование подтвердило идентичность лингвистических механизмов, используемых в анализируемых дискурсах, при этом риторика Д. Трампа не просто копирует исторические образцы, но адаптирует их под клиповое мышление и алгоритмы соцсетей, ускоряя эмоциональную мобилизацию масс.

3. Современная цифровая адаптация классических тоталитарных приемов демонстрирует высокую эффективность визуальной суггестии и дегуманизации в условиях поляризованного общества, где любая оппозиция лидеру объявляется угрозой национальной безопасности. При этом социальные сети, как отмечают исследователи (см., например [Ott 2017]), не просто способствуют деградации политического дискурса, но и вполне успешно служат инструментом усиления агрессии.

В заключение следует подчеркнуть, что, безусловно, сходство лингвистического инструментария Д. Трампа и идеологов Третьего рейха не указывает на прямое копирование, но доказывает существование универсального кода мобилизации. Проведенный анализ показывает, что когда язык перестает быть средством диалога и становится инструментом моделирования аффекта, он неизбежно обращается к суперлативам, дегуманизации и ритмическому давлению, и это еще раз подтверждает, что «искусство создания настроения» в политике — это всегда игра на понижение: от сложной социальной реальности к примитивному инстинкту выживания.

¹ 2015–2016. Серия постов Д. Трампа в Twitter и выступлений, посвященных миграционным «караванам». Слово *sad*, которым заканчиваются высказывания, употреблено более 350 раз, что можно считать «фирменным» знаком Д. Трампа.

² Официальный государственный лозунг нацистской Германии, впервые использован во время кампании по аншлюсу Австрии в 1938 г., подчеркивает абсолютное единство.

³ Д. Трамп. Речь о ситуации на южной границе США. Вандалия, Огайо, 16.03.2024.

⁴ Речь Йозефа Геббельса в Спортивном дворце (Берлин), 18 февраля 1943 года.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Грамши, А. Тюремные тетради / А. Грамши. — Москва : Политиздат, 1991. — URL: <https://www.civisbook.ru/files/File/Gramshi,tetradi.pdf> (дата обращения: 3.03.2026).
2. Ирхин, А. А. Внешнеполитическая риторика Д. Трампа: трудный выбор между американским интервенционизмом и изоляционизмом / А. А. Ирхин, О. А. Москаленко // Потемкинский форум : сборник материалов IV Междунар. науч. форума / отв. ред. А. П. Кабаченко. — Севастополь : Севастопольский государственный университет, 2019. — С. 168–169. — EDN IFXARW.
3. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. — Москва : Эксмо, 2008. — 862 с. — ISBN 978-5-699-10826-8.
4. Клемперер, В. LTI. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога / В. Клемперер ; пер. с нем. А. Б. Григорьева. — Москва : Прогресс-Традиция, 1998. — 384 с. — ISBN 5-89493-016-2.
5. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс : [пер. с исп.] / Хосе Ортега-и-Гассет. — Москва : АСТ, 2016. — 255 с. — ISBN 978-5-17-099395-6.
6. Попова, Е. В. Предвыборный дискурс — многовекторность лингвистического исследования / Е. В. Попова // Проблемы современной науки. — 2012. — № 5-1. — С. 46–54. — EDN PZKXKV.
7. Самарцев, В. Ю. Критический дискурс-анализ речевых стратегий политического дискурса Д. Трампа (на материале президентских дебатов США 2016 года) / В. Ю. Самарцев // Политическая лингвистика. — 2021. — № 2 (86). — С. 116–126. — DOI 10.26170/1999-2629_2021_02_11. — EDN XKWICD.
8. Хазагеров, Г. Г. Политическая риторика / Г. Г. Хазагеров. — Москва : Николо-М, 2002. — 313 с. — ISBN 5-901488-04-0.
9. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика: учебное пособие / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 256 с. — ISBN 5-89349-897-6. EDN SDQKXT.
10. Hall, K. The Hands of Donald Trump: Entertainment, Gesture, Spectacle / K. Hall, D. M. Goldstein, M. B. Ingram // *Journal of Ethnographic Theory*. — 2016. — Iss. 6. — P. 71–100. — DOI 10.14318/hau6.2.009.
11. Kreis, R. The “Tweeopolitik” of Donald Trump // *Journal of Language and Politics*. — 2017. — Vol. 16, Iss. 4. — P. 607–618. — DOI 10.1075/jlp.17032.kre.
12. Ott, B. L. The Age of Twitter: Donald J. Trump and the Politics of Debasement / B. L. Ott // *Critical Studies in Media Communication*. — 2017 — Vol. 34, Iss. 1. — P. 59–68. — DOI 10.1080/15295036.2016.1266686.
13. Paxton, R. The Anatomy of Fascism / R. Paxton. — New York : Vintage Books, 2004. — 336 p. — ISBN 1-4000-3391-8.
14. Stanley, J. How Fascism Works: The Politics of Us and Them / J. Stanley. — New York : Random House, 2018. — 240 p. — ISBN 9780525511830.
15. Wodak, R. The Politics of Fear: What Right-Wing Populist Discourses Mean / R. Wodak. — London : Sage, 2015. — 256 p. — ISBN 9781446247006.

REFERENCES

1. Gramshi, A. (1991). *Tyuremnye tetradi* = Prison notebooks. Moscow: Politizdat. Available at March 3, 2026 from <https://www.civisbook.ru/files/File/Gramshi,tetradi.pdf>.
2. Irkhin, A. A., Moskalenko, O. A. (2019). *Vneshnepoliticheskaya ritorika D. Trampa: trudnyy vybor mezhdru amerikanskim intervensionizmom i izolyatsionizmom* = Trump's Foreign Policy rhetoric: a Difficult Choice between American Interventionism and Isolationism. *Potemkin Forum. Collection of materials of the IV International Scientific forum* (Ed. A. P. Kabachenko), 168–169. Sevastopol': Sevastopol State University. EDN IFXARW.
3. Kara-Murza, S. G. (2008). *Manipulyatsiya soznaniem* = Manipulation of consciousness. Moscow: Ehksmo, 862 s. ISBN 978-5-699-10826-8.
4. Klemperer, V. (1998). *LTI. Yazyk Tret'ego reykh. Zapisnaya knizhka filologa* = LTI. The language of the Third Reich. Philologist's notebook (Transl. from Germ. A. B. Grigor'ev). Moscow: Progress-Traditsiya, 384 p. ISBN 5-89493-016-2.
5. Ortega-i-Gasset, Kh. (2016). *Vosstanie mass* = The Uprising of the Masses (Transl. from Spanish). Moscow: AST, 255 p. ISBN 978-5-17-099395-6.
6. Popova, E. V. (2012). *Predvybornyy diskurs — mnogovektornost' lingvisticheskogo issledovaniya* = Pre-election discourse — the multi-vector nature of linguistic research. *Problems of modern Science*, 5-1, 46–54. EDN PZKXKV.
7. Samartsev, V. Yu. (2021). *Kriticheskiy diskurs-analiz rechevykh strategiy politicheskogo diskursa D. Trampa (na materiale prezidentskikh debatov SSHA 2016 goda)* = Critical discourse-analysis of speech strategies of D. Trump's political discourse (based on the 2016 US Presidential Debate). *Political Linguistics*, 2(86), 116–126. DOI 10.26170/1999-2629_2021_02_11. EDN XKWICD.
8. Khazagerov, G. G. (2002). *Politicheskaya ritorika* = Political rhetoric. Moscow: Nikolo-M, 313 p. ISBN 5-901488-04-0.
9. Chudinov, A. P. (2006). *Politicheskaya lingvistika* = Political linguistics. A textbook. Moscow: Flinta, Nauka, 256 p. ISBN 5-89349-897-6. EDN SDQKXT.
10. Hall, K., Goldstein, D. M., Ingram, M. B. (2016). The Hands of Donald Trump: Entertainment, Gesture, Spectacle. *Journal of Ethnographic Theory*, 6, 71–100. DOI 10.14318/hau6.2.009.
11. Kreis, R. (2017). The “Tweeopolitik” of Donald Trump. *Journal of Language and Politics*, 16(4), 607–618. DOI 10.1075/jlp.17032.kre.
12. Ott, B. L. (2017). The Age of Twitter: Donald J. Trump and the Politics of Debasement. *Critical Studies in Media Communication*, 34(1), 59–68. DOI 10.1080/15295036.2016.1266686.
13. Paxton, R. (2004). *The Anatomy of Fascism*. New York: Vintage Books, 336 p. ISBN 1-4000-3391-8.
14. Stanley, J. (2018). *How Fascism Works: The Politics of Us and Them*. New York: Random House, 240 p. ISBN 978-05-25511830.
15. Wodak, R. (2015). *The Politics of Fear: What Right-Wing Populist Discourses Mean*. London: Sage, 2015. 256 p. ISBN 978-1446247006.

Ирина Анатольевна Зюбина

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, iazyubina@sfedu.ru, Scopus ID: 57194704279, SPIN-код: 5470-5790, <https://orcid.org/0000-0002-1265-8366>

Парламентский дискурс Великобритании с позиции кооперационного доминирования

АННОТАЦИЯ. Объект исследования — феномен доминирования в парламентском дискурсе Великобритании. Предметом исследования служит доминантная кооперационная коммуникативная деятельность представителей британского парламента. Цель работы — выявить национальную специфику доминантной кооперационной коммуникативной деятельности современных парламентариев Великобритании. Для достижения поставленной цели применялись общенаучные методы и лингвистические методы (метод контекстного анализа, семанτικο-стилистический метод). В результате исследования выступлений представителей британского национального парламента выявлено, что ключевые кооперационной коммуникативной стратегией доминирования является стратегия демонстраирования интеллектуальных способностей (34,62 %) как подвид стратегии самопрезентации; на втором месте по частотности коммуникативная стратегия демонстраирования осведомленности (20,98 %) — также подвид стратегии самопрезентации; на третьем месте — коммуникативная стратегия одобрения (18,53 %); на четвертом месте — стратегия инициирования сотрудничества (17,25 %); завершает список кооперационных стратегий британского парламента коммуникативная стратегия демонстраирования моральных качеств (8,62 %) как подвид самой распространенной стратегии самопрезентации. Выявлено, что национальная специфика доминантной кооперационной коммуникативной деятельности адресанта в современном парламентском дискурсе Великобритании с позиции кооперационного доминирования заключается в склонности парламентариев к перечислению своих заслуг, акценте на собственной компетентности. Отмечается коммуникативная неимпозитивность, сдержанность, намеренное подчеркивание исключительности и ценности адресата, что свидетельствует о коммуникативной вежливости с целью воздействия на реципиента, при этом для британского коммуникативного сознания характерен выраженный индивидуализм и дистанцирование. Область применения результатов данной работы: разработка курсов по межкультурной коммуникации, переводу, а также для преподавания прагматической лингвистики, социолингвистики и психологии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: парламентский дискурс, политический дискурс, политические тексты, парламентаризм, английский язык, доминирование, кооперационная коммуникативная стратегия, функциональная прагмалингвистика, британский парламент, национальная специфика.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Зюбина Ирина Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, email: iazyubina@sfedu.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Зюбина, И. А.* Парламентский дискурс Великобритании с позиции кооперационного доминирования / И. А. Зюбина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 99-107.

Irina A. Zyubina

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, iazyubina@sfedu.ru, Scopus ID: 57194704279, SPIN code: 5470-5790, <https://orcid.org/0000-0002-1265-8366>

Parliamentary Discourse in Great Britain from the Perspective of Cooperative Dominance

ABSTRACT. *The study focuses on the phenomenon of dominance in the parliamentary discourse of Great Britain. The research object covers the dominant cooperative communicative activity of the British MPs. The aim of the work is to identify the national specificity of the dominant cooperative communicative activity of modern parliamentarians of Great Britain. To achieve this aim, general research methods and linguistic methods (the method of contextual analysis, the semantic-stylistic method) are used. As a result of the study of the speeches of British MPs, it has been revealed that the strategy of demonstrating intellectual abilities (34.62%) as a subtype of self-presentation strategy is the key cooperative communicative strategy of dominance; second in frequency is the communicative strategy of demonstrating awareness (20.98%) — also a subtype of self-presentation strategy; third comes the communicative strategy of approval (18.53%); the fourth place is occupied by the strategy of initiating cooperation (17.25%). The communicative strategy of demonstrating moral qualities as a subtype of the most common self-presentation strategy ranks last on the list of cooperative strategies of the British MPs (8.62%). It has been revealed that from the perspective of cooperative dominance, the national specificity of the dominant cooperative communicative activity of addresser in the modern British parliamentary discourse lies in the MPs' propensity to enumerate their merits and emphasize their own competence. The study reports the use of communicative non-impositiveness, restraint, and a deliberate emphasis on the exceptionalism and high value of the addressee, which indicates communicative politeness aimed*

at influencing the recipient. At the same time, the British communicative consciousness is characterized by pronounced individualism and distancing. The scope of application of the research results covers the development of courses in intercultural communication, translation, and teaching pragmalinguistics, sociolinguistics, and psychology.

KEYWORDS: *parliamentary discourse, political discourse, political texts, parliamentarism, English language, domination, cooperative communicative strategy, functional pragmalinguistics, British Parliament, national specificity.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Zyubina Irina Anatol'evna, Doctor of Philology, Professor of Department of Linguistics and Professional Communication, Southern Federal University, Russia.*

FOR CITATION: *Zyubina I. A. (2026). Parliamentary Discourse in Great Britain from the Perspective of Cooperative Dominance. In Political Linguistics. No 2 (116), pp. 99-107. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

С точки зрения функциональной прагмалингвистики политический дискурс — это «совокупность коммуникативных ситуаций в сфере политики, обусловленных сложной комбинацией экстралингвистических факторов» [Зюбина 2024: 110]. Частным проявлением политического дискурса является парламентский дискурс, т. е. «ораторский дискурс, относящийся к совещательному жанру риторики и ориентирующийся на аудиторию, которой требуется принять решение, оценив преимущества и недостатки будущего курса действий» [Матвеева, Зюбина, Лесняк 2016: 133]. Реализуется парламентский дискурс в коммуникативной ситуации, разворачивающейся в медиапространстве: все выступления парламентариев открыто транслируются и каждый может ознакомиться со стенограммами и устными записями речей политиков. Отметим, что «современное медиапространство не просто является источником информации, но и является мощным инструментом манипулирования массовым сознанием, формирующим мировоззрение целевой аудитории, особенности оценки тех или иных фактов, событий, ситуаций» [Чудинов 2024а: 544]. Главная задача парламентариев — создание и поддержание позитивного общественного имиджа, что ведет к успешному продвижению своих амбиций: избирательных, карьерных и в целом политических.

Парламентский дискурс представляет собой совокупность коммуникативных ситуаций, включающих реализацию коммуникативных стратегий, направленных на адресата парламентской коммуникации. «Язык политики сегодня представляет собой значимую сферу моделирования картины мира массового адресата, его системы ценностей и антиценностей, убеждений и ожиданий» [Чудинов 2024б: 43]. Как правило, в обыденном сознании политическая речь прежде всего ассоциируется с конфронтационными стратегиями и соответствующими тактиками, но исследования современного парламент-

ского дискурса свидетельствует об обратной тенденции: парламентарии все больше реализуют кооперационные стратегии [Fetzer 2012; Koch 2025; Proksch 2014; Lupacheva 2024; Thesen 2023], что говорит о растущей демократизации общества в целом. Просоциальный характер парламентского дискурса способствует выработке компромисса между парламентариями, представителями разных политических партий [Steiner 2005], к тому же он в какой-то степени мобилизует избирателей [Disch 2011]. Ведущие российские специалисты в области политической лингвистики подтверждают, что современный мир, с одной стороны, построен на соперничестве и конфликтах, с другой — стремится к диалогу [Чудинов 2025: 206]. При этом, по нашему мнению, и конфронтационные, и кооперационные коммуникативные стратегии в парламентском дискурсе отличаются доминантным характером.

К кооперационным стратегиям доминирования относятся следующие: 1) инициирование сотрудничества; 2) одобрение; 3) самопрезентация, имеющая три подвида (демонстрирование осведомленности, демонстрирование интеллектуальных способностей и демонстрирование моральных качеств) [Зюбина 2024: 156–157]. Проанализируем примеры реализации каждой из представленных кооперационных коммуникативных стратегий и тактик доминирования на примере британского парламентского дискурса.

1. Коммуникативная стратегия инициирования сотрудничества (17,25%) осуществляется при использовании следующих коммуникативных тактик:

А. Тактика инициирования обмена информацией:

*I believed that we were working, and we were: talking for the main about nothing except work, mainly covid. Why would I have set out, in the Chamber, to conceal my knowledge of something illicit, if that account could be so readily contradicted by others? Why would we have had an official photographer if we believed we were breaking the law?*¹

¹ Johnson, B. Statement Following House of Commons Report Stating he Deliberately Lied. 15.06.2023. URL: <https://www.ukpol.co.uk/boris-johnson-2023-statement-following-house-of-commons-report-stating-he-deliberately-lied/>.

В первом коммуникативном ходе (*I believed that we were working, and we were: talking for the main about nothing except work, mainly covid*) адресант реализует кооперационную тактику указания на личную причастность (подвид стратегии самопрезентации — демонстрация осведомленности) и кооперационную тактику разъяснения вопросов (подвид стратегии самопрезентации — демонстрация интеллектуальных способностей). Используя форму длительного времени (*were working, and talking*), адресант подчеркивает продолжительность и значимость своего дела, одновременно с этим поясняя, что он и его коллеги были заняты решением важных задач, связанных с обеспечением безопасности здоровья граждан Великобритании в разгар эпидемии коронавируса. Последующие коммуникативные ходы реализуют кооперационную тактику инициирования обмена информацией стратегии инициирования сотрудничества. Адресант прибегает к использованию риторических вопросов (*Why would I have set out, in the Chamber, to conceal my knowledge of something illicit, if that account could be so readily contradicted by others? Why would we have had an official photographer if we believed we were breaking the law?*), которые обычно задаются с целью начать дискуссию, чтобы продемонстрировать или подчеркнуть мнение говорящего по определенной теме. Таким образом, риторический вопрос в данном случае используется для вовлечения аудитории в ход обсуждения.

Б. Тактика вовлечения в социально значимое поведение:

And it's why we must double down, not only on the support for Ukraine, but also for European, Euro-Atlantic security more generally — that's what we're doing¹.

В данном коммуникативном ходе политик реализует тактику вовлечения в социально значимое поведение (стратегия инициирования сотрудничества) при помощи побуждения, убеждения, которое передается посредством модального глагола *must*: *we must double down*. Согласно Кембриджскому академическому словарю, «*must* — used to show that it is necessary or important that something happen in the present or future» [Cambridge Academic Content Dictionary 2009: 621]. Следовательно, адресант открыто де-

монстрирует важность оказания усиленной поддержки и призывает адресата поддержать подобное действие, говоря о том, что такое решение окажется важным для многих государств, а следовательно, это позволяет сделать вывод о его социальной значимости. Также для реализации данной тактики политик использует усиление (*And it's why...; not only ..., but also; that's what*) с целью продемонстрировать исключительную важность и значимость подобного поведения.

В. Тактика призыва следовать примеру адресата:

We must also honour the legacy of Navalny and his unwavering commitment to Russian democracy. I applaud Yulia's courage and resilience².

Первый коммуникативный ход (*We must also honour the legacy of Navalny and his unwavering commitment to Russian democracy*) представляет имплицитную реализацию коммуникативной тактики призыва следовать примеру адресанта (стратегия инициирования сотрудничества), адресант актуализирует кооперационное речевое поведение при помощи инклюзивного местоимения «*We*». В следующем коммуникативном ходе адресант своим собственным примером (*I applaud Yulia's courage and resilience*) хочет подвигнуть слушателя разделить его точку зрения и последовать его примеру, для этого политик использует эксклюзивное местоимение «*I*» и метафору «*applaud*». Обратимся к лексикографическому источнику: «*applaud* — to say that you admire and agree with a person's action or decision» [Cambridge Academic Content Dictionary 2009: 40]. В данном случае адресант восхищается высокими моральными качествами Юлии (приверженность идеям демократии, мужество, стойкость) и призывает других следовать ее примеру. Одновременно парламентарий реализует стратегию одобрения (тактика положительной оценки интеллектуальных, моральных и профессиональных качеств).

Г. Тактика дружеского совета:

I would politely suggest that hon. Members listen to this, because it includes funding for vital compensation schemes for victims of two terrible injustices: the infected blood scandal and the Post Office Horizon scandal³.

В представленном коммуникативном ходе адресант в мягкой форме призывает

¹ Doughty, S. Speech at the Antalya Diplomacy Forum. 12.04.2025. URL: <https://www.ukpol.co.uk/stephen-doughty-2025-speech-at-the-antalya-diplomacy-forum/>.

² Ghani, N. Speech on Ukraine's Reconstruction. 11.04.2024. URL: <https://www.ukpol.co.uk/nusrat-ghani-2024-speech-on-ukraines-reconstruction/>.

³ Reeves, R. Autumn Budget 2024 speech. 30.10.2024. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/autumn-budget-2024-speech>.

аудиторию обратить внимание на свое выступление, тем самым реализуя тактику дружеского совета. Выбор сослагательного наклонения с глаголом *suggest* и с наречием *politely* добавляет высказыванию вежливости и смягчает коммуникативное доминирование.

2. Коммуникативная стратегия одобрения (18,53 %) реализуется посредством следующих тактик:

А. Тактика положительной оценки интеллектуальных, моральных и профессиональных качеств адресата:

I thank James Bowler, the permanent secretary to the Treasury, and my team of officials. I also thank my predecessors as Chancellor of the Exchequer for their wise counsel as I have prepared for this Budget. In particular, I thank the former right hon. Member for Spelthorne for his invaluable advice in this weekend's papers, where he concluded that his mini-Budget "wasn't perfect". For once, he and I are in absolute agreement¹.

Данный фрагмент реализует как кооперационные, так и конфронтационные стратегии и тактики доминирования. Адресант начинает коммуникативный ход (*I thank James Bowler, the permanent secretary to the Treasury, and my team of officials*) с реализации коммуникативной тактики положительной оценки интеллектуальных, моральных и профессиональных качеств адресатов (стратегия одобрения), признавая их профессионализм и компетентность. Второй коммуникативный ход (*I also thank my predecessors as Chancellor of the Exchequer for their wise counsel as I have prepared for this Budget*) эксплицитно реализует тактику положительной оценки профессиональных качеств адресата: так, прилагательное «wise» обладает положительной семантикой, указывающей на опытность предшественников адресанта [Cambridge Academic Content Dictionary 2009: 1094]. Однако, выражая благодарность, адресант имплицитно реализует и конфронтационную стратегию критики действий оппонента, подчеркивая, что план политика не был идеальным. Тем самым адресант публично обличает одного из своих предшественников, реализуя доминирование с помощью скрытой иронии. Таким образом, в анализируемом фрагменте парламентарий реализует стратегии доминирования не только с

целью кооперации, но и с целью обличения неудач своего предшественника.

Б. Тактика положительной оценки действий адресата:

On Monday, we saw some signs that the Government had listened. We were glad to see progress on security, defence, electricity trading and emissions alignment. There was a new security and defence pact. There was useful language on critical national infrastructure. There was a welcome step towards joining electricity and carbon markets together².

Первый коммуникативный ход (*On Monday, we saw some signs that the Government had listened*) констатирует факт того, что правительство прислушалось к просьбам адресанта, тем самым создает основу для дальнейшей кооперации. В последующих коммуникативных ходах говорящий позитивно оценивает работу органов правительства, используя оценочные лексемы с положительной семантикой (*We were glad to see progress... There was useful language on critical national infrastructure. There was a welcome step towards*) — инклюзивное местоимение «we» и языковые единицы с положительной семантикой (*glad, useful, welcome*). В реализации данной кооперативной стратегии также использовано такое языковое средство, как анафора (*There was... There was... There was...*), которая акцентирует внимание на положительных сторонах действий адресата.

В. Тактика согласия с мнением адресата:

Closer co-operation with our European neighbours is absolutely essential, whether on Russia's illegal war against Ukraine or on tackling the criminal gangs responsible for the small-boats crisis, and I welcome the new Government's change in approach³.

Политик начинает коммуникативный ход с того, что подчеркивает абсолютную важность и разумность нового подхода правительства (*Closer co-operation with our European neighbours is absolutely essential*). Говорящий использует оценочную лексику с целью высокой оценки работы правительства, и далее он прямо заявляет о своей поддержке данных идей, тем самым реализуя тактику согласия с мнением адресата (*and I welcome the new Government's change in approach*). Реализуя данную кооперативную тактику, политик также оказывает мягкое

¹ Reeves, R. Autumn Budget 2024 speech. 30.10.2024. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/autumn-budget-2024-speech>.

² Byrne, L. Written questions submitted by Liam Byrne. 22.05.2025. URL: <https://members.parliament.uk/member/1171/writtenquestions?page=4>.

³ Davey, E. Speech on NATO and European Political Community Meetings. House of Commons. 22.07.2024. URL: <https://www.ukpol.co.uk/ed-davey-2024-speech-on-nato-and-european-political-community-meetings/>.

давление на новое правительство, чтобы оно продолжало двигаться в намеченном направлении. Языковыми средствами реализации стратегии одобрения являются лексемы с семами полной уверенности (*absolutely essential*) и положительной оценки (*welcome*).

Г. Тактика положительной оценки информации:

Moving on to economic growth, today's Budget marks an end to short-termism, so I am pleased that, for the first time, the OBR has published not only five-year growth forecasts but a detailed assessment of the growth impacts of our policies over the next decade. The new charter for Budget responsibility, which I am publishing today, confirms that this will become a permanent feature of our framework. The OBR forecasts that real GDP growth will be 1.1% in 2024, 2.0% in 2025, 1.8% in 2026, 1.5% in 2027, 1.5% in 2028 and 1.6% in 2029. The OBR is clear: this Budget will permanently increase the supply capacity of the economy, boosting long-term growth¹.

В своем выступлении политик реализует тактику положительной оценки информации, сообщая о позитивных прогнозах и изменениях в сфере госэкономики. Также адресант реализует и кооперативную стратегию самопрезентации, апеллируя к авторитетным источникам (*the OBR has published, OBR forecasts*) и используя точные цифровые данные (*1.1% in 2024, 2.0% in 2025, 1.8% in 2026, 1.5% in 2027, 1.5% in 2028 and 1.6% in 2029*). Это превращает личную положительную оценку в объективную информацию, усиливающую доминирующую позицию. Для реализации тактики положительной оценки информации используются оценочные лексемы с положительной семантикой (*I am pleased, will permanently increase, boosting long-term growth*).

3. Рассмотрим первый подвид стратегии самопрезентации — демонстрация осведомленности (20,98 %):

А. Тактика оперирования точными цифровыми данными:

When I last visited Nepal, over a decade ago, you were still recovering after a decade of civil war. Today, we are witnessing the fruits of progress. 92% of people have access to electricity from 67% in 2011. Literacy rates have jumped from 66% to 76%. Infant mortality is

nearly one third of what it was 25 years ago. You have made huge strides in economic growth².

Адресант начинает с коммуникативного хода (*When I last visited Nepal, over a decade ago, you were still recovering after a decade of civil war*), указывающего на личную причастность с целью демонстрации осведомленности (стратегия самопрезентации). Данный коммуникативный ход позволяет создать контраст «тогда — сейчас» и реализовать доминирование посредством указания на то, что он владеет информацией. Последующая часть выступления (92% of people have access to electricity from 67% in 2011. Literacy rates have jumped from 66% to 76%. Infant mortality is nearly one third of what it was 25 years ago) реализует кооперационную тактику оперирования точными цифровыми данными для демонстрации осведомленности (стратегия самопрезентации). Показав прогресс страны, министр готовит почву для обсуждения новых программ.

Б. Тактика апелляции к авторитетным источникам:

There must be consequences for breaking the rules. Which is why we are clarifying how Convention rights — particularly Article 8 — operate in relation to our immigration rules³.

В коммуникативном ходе (*Which is why we are clarifying how Convention rights — particularly Article 8 — operate in relation to our immigration*) адресант апеллирует к ст. 8 Европейской конвенции о правах человека для того, чтобы подкрепить и логически обосновать свою позицию касательно иммиграционных правил с законодательной точки зрения. Реализация тактики апелляции к авторитетному источнику не только позволяет продемонстрировать уровень знаний политика, но и дает законное обоснование дальнейших аргументов адресанта касательно политических реформ и наказаний за нарушение правил.

В. Тактика отсылки к историческим событиям:

When the British public were rejoicing throughout the UK on Armistice Day in 1918, the Royal Navy had no time to rest, as they started their campaign in the Baltic. They were playing their part to establish an independent Estonia and Latvia, providing weapons, ammunition and much-needed support, where over

¹ Reeves, R. Autumn Budget 2024 speech. 30.10.2024. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/autumn-budget-2024-speech>.

² Mitchell, A. UK-Nepal development portfolio and funding: Minister Mitchell's speech. 20.02.2024. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/minister-mitchells-development-funding-speech-in-nepal>.

³ Mahmood, Sh. Lord Chancellor speech at the Council of Europe. 18.06.2025. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/lord-chancellor-speech-at-the-council-of-europe>.

*100 naval servicemen bravely lost their lives for Baltic independence*¹.

Выступление политика посвящено деловым отношениям Великобритании со странами Балтии. Для того чтобы показать важность связей между странами и указать на важную роль своей страны в судьбе балтийских государств, адресант прибегает к реализации кооперационной тактики отсылки к историческим событиям (стратегия самопрезентации). Говорящий упоминает события более чем столетней давности с целью демонстрации вовлеченности Великобритании в судьбу стран Балтии, а также демонстрации собственной осведомленности о событиях прошлых лет. Представляя прошлое как историю общей борьбы, показывая готовность Великобритании оказать поддержку в непростой исторический момент не на словах, а на деле, оратор имплицитно призывает балтийские страны к углублению сотрудничества. Главными средствами реализации тактики кооперационного доминирования являются точные исторические данные (*Armistice Day in 1918, the Royal Navy*) и противопоставление для усиления решимости (*When the British public were rejoicing throughout the UK on Armistice Day in 1918, the Royal Navy had no time to rest...*).

Г. Тактика указания на личную причастность:

*As a former economist at the Bank of England, I know what it means to respect our economic institutions*².

Коммуникативный ход (*As a former economist at the Bank of England, I know what it means to respect our economic institutions*) прямо реализует тактику указания на личную причастность (подвид стратегии самопрезентации — демонстрирование осведомленности), предшествуя речи политика о напряженной экономической ситуации. Для подтверждения валидности своей позиции говорящий указывает на свою личную причастность к сфере экономики, свидетельствующую о большей по сравнению с остальными участниками коммуникации осведомленности на основе личного опыта, что рассчитано на возникновение доверия к предоставляемой информации, так как адресат глубоко разбирается в теме. Данный коммуникативный ход содержит прямой маркер личной

причастности, что представляет политика в глазах аудитории частью системы (*a former economist at the Bank of England*), а значит, человеком, знающим, о чем говорит.

4. Рассмотрим второй подвид стратегии **самопрезентации** — **демонстрирование своих интеллектуальных способностей** (34,62 %):

А. Тактика формулирования проблемы:

*In May last year it was reported that half a million people in England were waiting for care. Vulnerable people are being left stranded in hospital due to the lack of space in care homes. Or unable to go home after finishing hospital treatment, simply because the follow-up care they need doesn't exist. This takes an enormous toll on them and their families, while putting even more pressure on our strained NHS*³.

В данном фрагменте адресант реализует кооперационную тактику формулирования проблемы, которая является частью гиперстратегии доминирования через демонстрацию интеллектуальных способностей (подвид стратегии самопрезентации). Говорящий начинает коммуникативный ход (*In May last year it was reported that half a million people in England were waiting for care*) с введения в проблему. Уже в следующем коммуникативном ходе (*Vulnerable people are being left stranded in hospital due to the lack of space in care homes*) политик рассматривает проблему более развернуто, используя оценочную лексику (*Vulnerable, are being left stranded*) для акцента на важности решения возникшей в сфере здравоохранения ситуации. Одновременно с тактикой формулирования проблемы политик реализует и тактику оперирования точными цифровыми данными (*half a million people*), а также тактику разъяснения сложных вопросов, выделяя причины кризиса в социальном обеспечении. Помимо обозначенных, при помощи коммуникативного хода (*Or unable to go home after finishing hospital treatment, simply because the follow-up care they need doesn't exist*) адресант реализует конфронтационную стратегию обвинения. Последний же ход (*This takes an enormous toll on them and their families, while putting even more pressure on our strained NHS*) реализует конфронтационную стратегию создания угрозы.

¹ Thomas-Symonds, N. Minister for European Union Relations' Lecture at the Conference on Baltic Studies in Europe. 24.04.2025. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/minister-for-european-union-relations-lecture-at-the-conference-on-baltic-studies-in-europe>.

² Reeves, R. Autumn Budget 2024 speech. 30.10.2024. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/autumn-budget-2024-speech>.

³ Davey, E. Article on Social Care Provision. 19.03.2023. URL: <https://www.ukpol.co.uk/ed-davey-2023-article-on-social-care-provision/>.

Б. Тактика разъяснения сложных вопросов:

But the rule of law is not a vague ideal. It means simply that laws are clear and apply to all; that power is exercised within limits; and that everyone — government included — is bound by the rules. That principle runs through the United Kingdom's legal tradition¹.

Первый коммуникативный ход (*But the rule of law is not a vague ideal*) реализует конфронтационную тактику корректировки оппонента и подводит к реализации тактики разъяснения сложных вопросов. Это мгновенно ставит адресанта в позицию того, кто обладает более ясным и точным видением. Обозначив, что существующее представление о верховенстве закона не является верным, политик прямо разъясняет, что подразумевается под понятием на самом деле (*It means simply that laws are clear and apply to all; that power is exercised within limits; and that everyone — government included — is bound by the rule*). Данная тактика реализуется главным образом при помощи смыслового глагола «mean». Также адресант употребляет наречие «simply», звучащее несколько снисходительно в данном контексте: оно говорит о намерении сделать сложное простым. Политик интерпретирует сложный правовой язык, переводя на язык публичной дискуссии, как для демонстрации своего авторитета, так и для налаживания контакта.

В. Тактика предложения решения проблемы, выхода из трудной ситуации:

Our plan, passed by Liberal Democrat members today, would: Ensure no one has to sell their home to pay for care by introducing free personal care, based on the model introduced by the Scottish Liberal Democrat-Labour government in 2002.

Introduce a more generous means test and assistance for those unable to pay for their accommodation costs. Move towards a preventative approach to social care, so people can stay in their own homes for longer. Introduce a real living wage for care workers and invest in skills, professionalisation and accreditation of the workforce. Provide a package to support unpaid carers. This means no one would have to sell their home to pay for care. That carers will be properly paid and valued for the essential,

skilled work they do. And that everyone with care needs will be empowered to live independently and with dignity².

Для реализации тактики предложения решения проблемы адресант ясно и четко излагает план своей партии для решения проблемы в сфере здравоохранения и социального обеспечения. Каждый пункт плана содержит конкретные меры (*Introduce free personal care; Introduce a more generous means test; Move towards a preventative approach; Introduce a real living wage; Invest in skills, professionalization*), а не просто обещания оппонентов (консервативная партия), о которых говорилось в предыдущих коммуникативных ходах. Акцент на защите социально незащищенных слоев населения, на справедливой оплате труда, на наличии конкретного плана по решению проблемы формирует образ заботливого и деятельного лидера. Таким образом, через кооперативную тактику предложения решения проблемы, выхода из трудной ситуации говорящий укрепляет свою доминирующую позицию.

5. Рассмотрим третий подвид стратегии самопрезентации — демонстрирование своих моральных качеств (8,62 %):**А. Тактика демонстрирования патриотизма:**

After all, to study the 20th Century developments of the Baltic States is to study world history. I am proud to say that, in many ways, the United Kingdom has been a positive part of that history, especially with Latvia, Lithuania and Estonia³.

Первый коммуникативный ход (*After all, to study the 20th Century developments of the Baltic States is to study world history*) нацелен на установление контакта, а также реализует коммуникативную тактику разъяснения сложных вопросов. Следующий коммуникативный ход (*I am proud to say that, in many ways, the United Kingdom has been a positive part of that history...*) дает положительную оценку информации (стратегия одобрения) и указывает на исторически значимую роль Великобритании в судьбе стран Балтии, этим коммуникативным ходом адресант с гордостью представляет свою страну (и себя как ее представителя) как сильного и ответственного международного партнера. Говорящий не просто констатирует исторический

¹ Mahmood, Sh. Lord Chancellor speech at the Council of Europe. 18.06.2025. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/lord-chancellor-speech-at-the-council-of-europe>.

² Davey, E. Article on Social Care Provision. 19.03.2023. URL: <https://www.ukpol.co.uk/ed-davey-2023-article-on-social-care-provision/>.

³ Thomas-Symonds, N. Minister for European Union Relations' Lecture at the Conference on Baltic Studies in Europe. 24.04.2025. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/minister-for-european-union-relations-lecture-at-the-conference-on-baltic-studies-in-europe>.

факт, он с гордостью соотносит себя с достижениями своей страны, реализуя тактику демонстрационного патриотизма. Средствами реализации тактики демонстрационного патриотизма являются оценочные лексемы (*proud, positive*) и эксклюзивное местоимение «I», указывающее на личную причастность адресанта.

Б. Тактика проявления гуманизма:

*Let's show racism the red card and use football to help deliver the change this country needs*¹.

Данный коммуникативный ход эксплицитно реализует тактику проявления гуманизма: говорящий решительно заявляет о важности борьбы с расизмом, социальным конструктом, разрушающим жизни людей. Обращение к столь актуальной проблеме и обсуждение путей ее решения — важный показатель моральных качеств адресанта, который защищает базовое право человека на достоинство и равенство независимо от происхождения. Говорящий указывает на потребности своей страны (*this country needs*), что также является проявлением гуманизма, т. е. заботы об общем благе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате исследования выступлений представителей британского национального парламента выявлено, что ключевой кооперационной коммуникативной стратегией доминирования является стратегия демонстрационного интеллектуальных способностей (34,62 %) как подвид стратегии самопрезентации. На втором месте по частотности коммуникативная стратегия демонстрационного осведомленности (20,98 %) — также подвид стратегии самопрезентации. Британские парламентарии склонны перечислять свои заслуги во время публичных выступлений и, несмотря на существующую коммуникативную неимпозитивность, вежливость и сдержанность, провозглашать собственную исключительную компетентность не только в сфере политики, но и в других профессиональных областях. На третьем месте — коммуникативная стратегия одобрения (18,53 %), в методах реализации которой находит отражение прагматичный характер коммуникации западного типа: британские политики зачастую намеренно подчеркивают исключительность и ценность адресата, поскольку в британской коммуникативной культуре это один из видов реализации коммуникативной вежливости с целью воздействия на адресата. Стратегия инициирования со-

трудничества (17,25 %) находится на предпоследнем месте: для британского коммуникативного сознания скорее характерна не кооперация с адресатом, а выраженный индивидуализм. В реализации данной стратегии находит отражение дистанцирование, неимпозитивность британской коммуникативной деятельности, а именно минимизированное употребление императивных форм, использование вопросительных высказываний с модальными глаголами, риторических вопросов. Завершает список кооперационных стратегий коммуникативная стратегия демонстрационного моральных качеств (8,62 %) как подвид самой распространенной стратегии самопрезентации, при этом следует отметить, что при реализации данной стратегии британские политики чаще прибегают к использованию тактики проявления гуманизма. Таким образом, понимание принципов реализации коммуникативных стратегий доминирования в парламентском дискурсе, при которых политики стремятся к дискурсивному взаимодействию в парламенте, имеет решающее значение как для профессионалов в данной сфере, так и для всех людей, поскольку каждый так или иначе сталкивается с проявлениями политики, пронизывающей все сферы современного общества.

СЛОВАРИ

1. Cambridge Academic Content Dictionary. — Cambridge University Press, 2009. — 1156 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Зюбина, И. А. Феномен доминирования в политическом дискурсе: юрлингвистические аспекты / И. А. Зюбина. — Ростов-на-Дону — Таганрог : Южный федеральный университет, 2024. — 257 с. — EDN FHUNZJ.
2. Зюбина, И. А. Междисциплинарный характер современного парламентского дискурса / И. А. Зюбина, А. А. Иванова, Н. А. Кумпан // Политическая лингвистика. — 2016. — № 4(58). — С. 107–112. — EDN WKYFZD.
3. Матвеева, Г. Г. Особенности жанровой системы парламентского дискурса / Г. Г. Матвеева, И. А. Зюбина, М. В. Лесняк // Политическая лингвистика. — 2016. — № 4(58). — С. 133–140. — EDN UEQPVK.
4. Матвеева, Г. Г. Персональность и коллективность в немецком парламентском дискурсе: особенности речевого воздействия в фокусе скрытой и функциональной прагмалингвистики / Г. Г. Матвеева, М. В. Лесняк, И. А. Зюбина // Политическая лингвистика. — 2015. — № 3(53). — С. 134–139. — EDN UNFGWN.
5. Чудинов, А. П. Метафорическая модель «Политика — это шахматная партия» в медиaprостранстве 2022–2024 гг. (на материале Telegram-каналов) / А. П. Чудинов, Н. А. Сегал, А. Н. Мищенко // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 205–214. — EDN EODENT.
6. Чудинов, А. П. Метафорическая модель «Россия — это ковчег» (на материале Telegram-каналов 2022–2024 гг.) / А. П. Чудинов, Н. А. Сегал // Ученые записки Новгородского государственного университета. — 2024а. — № 3 (54). — С. 544–550. — DOI 10.34680/2411-7951.2024.3(54).544-550. — EDN AWFHKK.

¹ Starmer, K. PM remarks at the Show Racism the Red Card reception: 2 June 2025. 02.06.2025. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-remarks-at-the-show-racism-the-red-card-reception-2-june-2025>.

7. Чудинов, А. П. Метафорический образ России в украинских каналах Telegram 2022–2024 гг. / А. П. Чудинов, Н. А. Сегал // Политическая лингвистика. — 2024. — № 3 (105). — С. 42–48. — EDN BWMBIN.

8. Универсальный характер коммуникативных стратегий в парламентских дебатах / В. Ф. Белова, И. А. Зюбина, М. В. Лесняк, Г. Г. Матвеева // Политическая лингвистика. — 2016. — № 3 (57). — С. 53–60. — EDN WHUHBH.

9. Disch, L. Toward a mobilization conception of democratic representation / L. Disch // The American Political Science Review. — 2011. — Vol. 105, № 1. — P. 100–114. — DOI 10.1017/S0003055410000602.

10. Fetzer, A. Doing leadership in political speech: Semantic processes and pragmatic inferences / A. Fetzer, P. Bull // Discourse & Society. — 2012. — Vol. 23, Iss. 2. — P. 127–144. — DOI 10.1177/0957926511431510.

11. Koch, E. The Politics of Seeking and Avoiding Discourse in Parliament / E. Koch, A. Küpfer // European Journal of Political Research. — 2025. — Vol. 64, Iss. 4. — P. 1899–1922. — DOI 10.1111/1475-6765.70013.

12. Lupacheva, T. A place to speak and be heard? Parliamentary speech and media attention in Estonia 2011–2019 / T. Lupacheva, M. Mölder // Legislative Studies Quarterly. — 2024. — Vol. 49, Iss. 4. — P. 905–924. — DOI 10.1111/lsq.12457.

13. Proksch, S. The Politics of Parliamentary Debate: Parties, Rebels and Representation / S. Proksch, J. Slapin. — Cambridge : Cambridge University Press, 2014. — 224 p. — DOI 10.1017/CBO9781139680752.

14. Steiner, J. Deliberative Politics in Action: Analyzing Parliamentary Discourse / J. Steiner, A. Bächtiger, M. Spörndli, M. Steenbergen. — Cambridge : Cambridge University Press, 2005. — 208 p. — DOI 10.1017/CBO9780511491153.

15. Thesen, G. Electoral systems and gender inequality in political news: Analyzing the news visibility of members of parliament in Norway and the UK / G. Thesen, T. Yildirim // American Political Science Review. — 2023. — Vol. 117, Iss. 2. — P. 575–590. — DOI 10.1017/S0003055422000776.

DICTIONARIES

1. Cambridge Academic Content Dictionary (2009). Cambridge University Press, 1156 p.

REFERENCES

1. Zyubina, I. A. (2024). Fenomen dominirovaniya v politicheskom diskurse: yurilingvisticheskiye aspekty = The Phenomenon of Dominance in Political Discourse: Legal Linguistic Aspects. Rostov-on-Don. Taganrog: Southern Federal University, 257 p. EDN FHUHZJ.

2. Zyubina, I. A., Ivanova A. A., Kumpan N. A. (2016). Mezhdistsiplinarnyy kharakter sovremennogo parlamentskogo diskursa = Interdisciplinary Nature of Modern Parliamentary Discourse. *Political Linguistics*, 4(58), 107–112. EDN WKYFZD.

3. Matveeva, G. G., Zyubina, I. A., Lesnyak, M. V. (2016). Osobennosti zhanrovoy sistemy parlamentskogo diskursa = Features of

the Genre System of Parliamentary Discourse. *Political Linguistics*, 4(58), 133–140. EDN UEQPVK.

4. Matveeva, G. G., Lesnyak, M. V., Zyubina, I. A. (2015). Personal'nost' i kollektivnost' v nemetskom parlamentskom diskurse: osobennosti rechevogo vozdeystviya v fokuse skrytoy i funktsional'noy pragmalingvistiki = Personality and collectivity in German parliamentary discourse: features of speech impact in the focus of latent and functional pragmalinguistics. *Political Linguistics*, 3(53), 134–139. EDN UNFGWN.

5. Chudinov, A. P., Segal, N. A., Mishchenko, A. N. (2025). = Metaphorical model “Politics is a chess game” in the media space of 2022–2024 (based on Telegram channels). *Political Linguistics*, 2(110), 205–214. EDN EODENT.

6. Chudinov, A. P., Segal, N. A. (2024a). Metaforicheskaya model' «Rossiya — eto kovcheg» (na materiale Telegram-kanalov 2022–2024 gg.) = The Metaphorical Model “Russia is an Ark” (Based on Telegram Channels from 2022–2024). *Scientific notes of Novgorod state university*, 3(54), 544–550. DOI 10.34680/2411-7951.2024.3(54).544-550. EDN AWFIIHK.

7. Chudinov, A. P., Segal, N. A. (2024b). Metaforicheskiy obraz Rossii v ukrainskikh kanalakh Telegram 2022–2024 gg. = Metaphorical image of Russia in Ukrainian Telegram channels 2022–2024. *Political Linguistics*, 3(105), 42–48. EDN BWMBIN.

8. Belova, V. F., Zyubina, I. A., Lesnyak, M. V., Matveyeva, G. G. (2016). Universal'nyy kharakter kommunikativnykh strategiy v parlamentskikh debatakh = Universal nature of communicative strategies in parliamentary debates. *Political Linguistics*, 3(57), 53–60. EDN WHUHBH.

9. Disch, L. (2011). Toward a mobilization conception of democratic representation. *The American Political Science Review*, 105(1), 100–114.

10. Fetzer, A., Bull, P. (2012). Doing leadership in political speech: Semantic processes and pragmatic inferences. *Discourse & Society*, 23(2), 127–144. DOI 10.1177/0957926511431510.

11. Koch, E., Küpfer, A. (2025). The Politics of Seeking and Avoiding Discourse in Parliament. *European Journal of Political Research*, 64(4), 1899–1922. DOI 10.1111/1475-6765.70013.

12. Lupacheva, T., Mölder, M. (2024). A place to speak and be heard? Parliamentary speech and media attention in Estonia 2011–2019. *Legislative Studies Quarterly*, 49(4), 905–924. DOI 10.1111/lsq.12457.

13. Proksch, S., Slapin, J. (2014). The Politics of Parliamentary Debate: Parties, Rebels and Representation. Cambridge: Cambridge University Press, 224 p. DOI 10.1017/CBO9781139680752.

14. Steiner, J., Bächtiger, A., Spörndli, M., Steenbergen, M. (2005). Deliberative Politics in Action: Analyzing Parliamentary Discourse. Cambridge: Cambridge University Press, 208 p. DOI 10.1017/CBO9780511491153.

15. Thesen, G., Yildirim, T. (2023). Electoral systems and gender inequality in political news: Analyzing the news visibility of members of parliament in Norway and the UK. *American Political Science Review*, 117(2), 575–590. DOI 10.1017/S0003055422000776.

Политическая лингвистика. 2026. № 2 (116).

Political Linguistics. 2026. No 2 (116).

УДК 81'42+81'38+81'373.613+81'27

ББК Ш105.51+Ш105.551.5+Ш100.621+Ш143.21-323

ГРНТИ 16.21.55

Код ВАК 5.9.5

Элла Германовна Куликова^{1✉}, Эдуард Олегович Доброхвалов^{2✉}

¹ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия, kulikova_ella21@mail.ru[✉], SPIN-код: 6607-2130, <https://orcid.org/0000-0002-5305-8789>

² Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия, saleks1966@mail.ru[✉]

Языковые проекции современной политической ситуации: практика использования англицизмов

АННОТАЦИЯ. В статье обсуждаются проблемы целесообразности иноязычного слова в новых политических условиях. Для этого современный (2022–2025 гг.) медийный материал проанализирован с использованием социолингвистического подхода к языковым фактам и лингвопрагматического анализа. Кардинальный перелом в общественном сознании находит отражение и в практике использования иноязычных единиц. Употребление англицизмов в современных условиях оказывается неотделимым не только от эстетических вкусов, но также от сферы морально-этических представлений, от идеологии и политики. Доказывается, что для решения вопроса о приемлемости англицизма необходим учет максимально широкого спектра прагматической информации, связанной с иноязычной единицей, а не только наличие/отсутствие русского аналога. В статье показано, что речевое поведение, которое было вполне приемлемым прежде, оказывается невозможным в новых условиях. Использование англицизмов в эпоху СВО как никогда прежде неотделимо не только от эстетических вкусов, но также от сферы морально-этических представлений, идеологии и политики. Если процесс заимствования диктуется не потребностями языкового общения, а политическими приоритетами, неизбежен переизбыток иноязычных единиц, что влияет на самооценку и является показателем лингвистической зависимости. Национальный суверенитет немыслим в том числе и без лингвистического суверенитета.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политические тексты, журналистика, медиадискурс, медиа-тексты, СМИ, средства массовой информации, языковые средства, СВО, специальная военная операция, заимствованная лексика, заимствование слов, заимствованные слова, иноязычные заимствования, ценностный конфликт, политическая идеология, английский язык, англицизмы, прагматическая информация.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Куликова Элла Германовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры массовых коммуникаций, филологический факультет, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия, email: kulikova_ella21@mail.ru.

Доброхвалов Эдуард Олегович, аспирант кафедры русского языка и культуры речи, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия, email: saleks1966@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Куликова, Э. Г. Языковые проекции современной политической ситуации: практика использования англицизмов / Э. Г. Куликова, Э. О. Доброхвалов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 108-114.

Ella G. Kulikova^{1✉}, Eduard O. Dobrokhvalov^{2✉}

¹ Russian University of People's Friendship named after Patrice Lumumba (RUDN University), Moscow, Russia, kulikova_ella21@mail.ru[✉], SPIN code: 6607-2130, <https://orcid.org/0000-0002-5305-8789>

² Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia, saleks1966@mail.ru[✉]

Linguistic Projections of the Modern Political Situation: The Practice of Using Anglicisms

ABSTRACT. The article discusses the issues of the expediency of a foreign language word in a new political context. In view of this, the modern (2022-2025) media material is analyzed using linguopragmatic analysis and a sociolinguistic approach to linguistic facts. The cardinal change in public consciousness is reflected in the practice of using foreign language units. The use of anglicisms in modern contexts turns out to be inseparable not only from aesthetic tastes, but also from the sphere of moral and ethical ideas, ideology and politics. The authors argue that in order to resolve the issue of the acceptability of an anglicism, it is necessary to take into consideration the widest possible range of pragmatic information connected with the foreign language unit, and not only the presence/absence of a Russian equivalent. The article shows that the speech behavior acceptable before turns out to be impossible in new situations. As never before, the use of anglicisms in the Special Military Operation era is inseparable not only from aesthetic tastes, but also from the sphere of moral and ethical ideas, ideology and politics. If the process of borrowing is connected not with the needs of linguistic communication, but with political priorities, an overabundance of foreign-language units is inevitable, which affects self-esteem and is an indicator of linguistic dependence. National sovereignty is also impossible without linguistic sovereignty.

KEYWORDS: political discourse, political texts, journalism, media discourse, media texts, mass media, language means, special military operation, borrowed vocabulary, word borrowing, borrowed words, foreign borrowings, value-based conflict, political ideology, English language, anglicisms, pragmatic information.

AUTHOR'S INFORMATION: Kulikova Ella Germanovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Mass Communications, Philological Faculty, Russian University of People's Friendship named after Patrice Lumumba (RUDN University), Moscow, Russia.

Dobrokhvalov Eduard Olegovich, Post-Graduate Student of Department of the Russian Language and Speech Culture, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia.

FOR CITATION: Kulikova E. G., Dobrokhvalov E. O. (2026). Linguistic Projections of the Modern Political Situation: The Practice of Using Anglicisms. In *Political Linguistics*. No 2 (116), pp. 108-114. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Общество ощутило потребность в «языке сопротивления» [Сковородников, Копнина 2022: 39]. Многие ученые и публицисты увидели в СВО восстание РФ против неокolonиальной политики стран Запада с их «миром, основанным на правилах». Этот язык во многих чертах уже обрисован. Отмечено возвращение с далекой периферии лексем высокого звучания «герой», «патриот», «патриотизм» и под. Стало общим мнением, что главное поле битвы XXI в. смещается и «главные сражения новейшего времени будут в сфере интеллектуальной войны» [Иншаков 2018]. Приобрел популярность термин «гибридная война» (англ. hybridwarfare) — без классического военного вторжения осуществляются такие враждебные действия, как диверсии в информационно-духовной сфере и скрытые операции по дестабилизации обстановки. Военные эксперты и политологи, описывая современные гибридные войны, отмечают в числе прочего их нацеленность на «коспомополитизацию», т. е. «разрушение национальных ценностей и их замещение иностранными» [Сивков, Соколов 2023]. Последнее напрямую связано с языком — с приоритетом того или иного языка (автохтонного или привнесенного) в целом или с ориентацией в речевых практиках по преимуществу на собственные языковые ресурсы либо на масштабное заимствование.

В статье будет показано, что речевое поведение, которое было вполне приемлемым прежде, оказывается невозможным в новых условиях.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Современный (2022–2025 гг.) медийный материал проанализирован с использованием социолингвистического подхода к языковым фактам и лингвопрагматического анализа.

ОБСУЖДЕНИЕ

Пятнадцать лет назад Захар Прилепин заметил, что слово «герой» употребляется

не иначе как с кривой ироничной усмешкой: «герой, блин»; см. анализ этого явления в работе Т. В. Коростелевой¹. Сегодня это одно из самых частотных слов в описаниях СВО, и никому в голову не приходит иронизировать на эту тему. Ср.: «С блестящей победой бойцов поздравил Верховный Главнокомандующий Владимир Путин: „За отличные боевые действия объявляю благодарность всем руководимым вами войскам, участвовавшим в боях за Авдеевку. Вечная слава героям, павшим в боях при решении задач специальной военной операции!“» (Народное вече. Газета парламентского собрания Союза Беларуси и России, 32 — 29 февраля 2024 г. С. 8); ср. также знаковое название президентской кадровой программы «Время **героев**». Об активизации лексем «патриот», «патриотизм» см.: [Усенко 2024].

Кардинальный перелом в общественном сознании находит отражение и в практике использования иноязычных слов.

О лавинообразном заимствовании в русский язык англоамериканизмов написано огромное количество трудов, которые теперь уже с трудом поддаются каталогизации. Было установлено, что масштабное заимствование обусловлено общими процессами глобализации и потому коснулось не только русского языка. Хорошо известны и средства борьбы с массированным проникновением англицизмов в европейские языки (закон Тубона во Франции, ограничительные меры и штрафы в ФРГ, Польше и т. д.).

В РФ до недавнего времени не было никаких реально действующих мер, направленных на ограничение иноязычного проникновения во все сферы общественной жизни — в медиа и рекламу, в язык науки и официально-деловой стиль. Из-за иноязычных урбанонимов и коммерческих вывесок наши города приобрели «облик оккупированных». Естественно, что у всего этого были вполне понятные социальные причины. Если, как иронично сформулировал писатель Юрий Поляков, мы по крайней мере 30 лет жили «странной надеждой на вхождение России в цивилизованный мир хотя бы на правах младшего придурковатого брата»

¹ Коростелева Т. В. Архаизмы как тропеическое средство в современном русском литературном языке: лингвопрагматический анализ : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2015. С. 5.

[Поляков 2023], нет ничего удивительного в том, что английский язык в целом и заимствования из него (как собственно лексические, так и на уровне речевых стратегий, интонационного рисунка, этикетных формул и т. д.) были приоритетными. Англицизмы стали наиболее модными и престижными номинациями, а сам английский язык — «средством реализации „мягкой силы“ в условиях современных геополитических изменений» [Гусейнова 2017].

Западные санкции против России после присоединения Крыма в 2014 году и тем более начало СВО многое изменили в духовной жизни страны. Активная фаза событий на Украине была названа специальной военной операцией, но ее быстро переименовали в Великую Отечественную специальную военную операцию. Первым, по-видимому, применил эту атрибуцию протоиерей Андрей Ткачёв, увидевший в СВО «по-настоящему экзистенциальное событие, которое ставит на карту не чью-либо прибыль или убыток, а существование всего мира. Не только России, а мира в его привычном формате, то есть сохранение библейского человека» [Ткачёв 2022].

Есть мнение, что «СВО необходимо рассматривать как „пятую русскую революцию“: первая — 1905 г., вторая — февраль 1917 г., третья — октябрь 1917 г., четвертая — 1991 г.» [Латыпов, 2024: 130]. Р. Ф. Латыпов исходит из того, что «революция не обязательно носит характер политического свержения существующей власти восставшими угнетёнными классами, что наиболее успешной революционной трансформацией была, например, Война за независимость в США» [там же: 130]. Кроме того, указанный автор полагает, что СВО можно считать и «отложенной гражданской войной», неизбежной после незаконного расчленения СССР.

СВО стала катализатором многих важнейших процессов в духовной жизни нашего общества. Писатель Ю. Поляков так передает свои впечатления: «...я буквально физически ощущаю, как рушатся в обществе либеральные химеры, симулякры общечеловеческих ценностей, гипнотическая вера в западные „потёмкинские деревни“, всё то, что так долго и искусно нам навязывалось» [Поляков 2024б]. Показательно исследование С. О. Макеевой о контекстах синтагмы «американская мечта»: «Логично предположить, что в России закреплённая в период перестройки когнитивная парадигма американской мечты как эталона личностного роста и самореализации с началом СВО претерпела кардинальные изменения» [Макеева 2024: 177]. В отличие от предшествовавших

десятилетий, контексты, типичные для 2020–2023 гг., — это «американская мечта рухнула/рушится, рассыпается, растряслась по ухабистым российским дорогам, осыпается, мертва, умерла, давным-давно умерла, погибает, оказалась под вопросом, изменилась, угасает, деградировала, исчезла» [там же: 178].

РЕЗУЛЬТАТЫ

В одном из интервью 2022 г. (в начале СВО) Ю. Поляков в числе прочего сказал, что «должна быть создана экспертная организация, отслеживающая и пресекающая неуместные заимствования из того же английского, помогающая найти русские эквиваленты в запасах родного языка» [Поляков 2022]. Было сделано больше, чем создание экспертной организации: 28 февраля 2023 г. Госдумой был принят Федеральный закон № 52-ФЗ, где речь идет о новом регламенте использования заимствований-англицизмов в русском языке как государственном. Важно, что «...утвержден план мероприятий на 2024–2026 годы по реализации основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей, в который вошел пункт о противодействии излишнему использованию иностранной лексики. Проведение соответствующих мероприятий касается применения подобной лексики „в публичном пространстве, произведениях литературы и искусства, средствах массовой информации, образовательной и просветительской деятельности“» (С. Володин. Защитим свою речь // Литературная газета. 2024. № 27. С. 7). Актуальной стала идея гуманитарного и вербального импортозамещения [Хагуров 2024; Брусенская 2023].

Все эти перемены обусловлены реалиями СВО. Если в 90-е гг. вместе с ширпотребом в язык хлынули диковинные названия брендов типа Head & Shoulders, то теперь это маркировки другого типа: Storm Shadow и humers (хаймерсы), бьющие по нашим городам, а угрожают еще и дальнобойными немецкими ракетами Taurus. Ср.: «Мы сейчас английский изучаем по названиям ракет, которые летят по нашим парням на передовой и по мирным городам» [Новиков 2024]. Ср. и такое важное наблюдение: «...нельзя не отметить неприятие иностранной речи участниками СВО, вернувшимися с фронта. Даже музыкальные англоязычные произведения вызывают у них раздражение и агрессию. И их можно понять, так как „язык врага“, который они слышали там, в зоне СВО, и тот же язык в музыкальных композициях, звучащих на радио здесь, — вещи для них несо-

вместимые» [Шिशкина 2024: 75]. В нашем искусстве, прежде всего — в советском кинематографе отражено сходное отношение рядовых граждан к немецкому языку во время Великой Отечественной войны (ср. фильмы «Я родом из детства», «На войне как на войне», «Путь в „Сатурн“» и др.). Но и во время войны с фашистской Германией никто не отменял на государственном уровне ни немецкий язык в школах, ни европейскую культуру (ср. современную откровенную русофобию и политику «отмены России в странах Запада»). «Даже сейчас, при всех понятных в ситуации СВО ограничениях, смысловое пространство в России гораздо более разнообразно, нежели выжженный оруэлловский ландшафт стран „западного лагеря“...» [Власов 2024: 2].

Во время СВО стало нетерпимым то, с чем прежде мирились и даже оправдывали, — избыточное заимствование, продиктованное не языковыми (коммуникативными) причинами, а идеологией «встраивания» в европейский «цветущий сад». Над этой метафорой из печально знаменитой речи Жозефа Борреля многократно иронизировали многие медиа (например, А. Бобровский в ток-шоу В. Соловьёва сказал, что «по этому саду райскому, можно сказать, вишнёвому, конечно, уже звонит колокол: его уже рубят» (Вечер с Владимиром Соловьёвым, 20 февраля 2025 г.).

И всё-таки в том, что касается меры использования англицизмов в деловой речи, рекламе и медиа, как считает Ю. Поляков, значимые перемены еще не наступили: «... я надеялся, что с началом СВО, когда стало понятно, что с англоязычным миром нам не по пути, у нас включатся некие защитные механизмы. Но нет, все тот же „мониторинг менторинга“, те же вывески и так далее, даже на „территориях смыслов“ кураторы разговаривают на семинарах с перспективной отечественной молодежью на смети английского с нижегородским» [Поляков 2024a]. Причины этого, в общем, понятны и давно были обозначены: иноязычное слово, не имеющее в заимствующем языке внутренней формы и чуждое большинству его носителей, хорошо подходит, например, для отчетов чиновников при отсутствии реальных дел. «Эффективным менеджерам» нужны все эти кластеры, коворинги и кейсы для «камуфлирования пустоты» [Барабаш 2025]. Не сразу «уйдут как побудительные причины к использованию англицизмов интенции типа престижности, повышения значимости, соответствия языковой моде и т. п. В недавнем прошлом множество российских торговых марок было запатентовано с использовани-

ем английского языка, надо полагать, что такая практика уйдет в прошлое» [Брусенская, Котаева 2022: 30], хотя, как считают многие авторы [см., напр.: Соколова 2019], латинское графическое оформление приемлемо только в международных брендах, в иных же случаях оно деструктивно. Медленно меняются и вкусы шоу-бизнеса: певец Ярослав Дронов, которого считают одним из ярких представителей Z-культуры, не спешит расставаться со своим сценическим именем SHAMAN.

Во многих работах, посвященных англицизмам в современных коммуникативных практиках, справедливо фиксируются многие полезные свойства заимствований — возможность с их помощью элиминировать семантические и прагматические интраязыковые лакуны, включенность англицизмов в арсенал тропеических средств русского языка (ср., например, сформировавшееся у вроде бы «избыточного» существительного «хот-дог» метафорических значений 'примитивный, низкопробный, неприятный, упрощенный'). Наши выдающиеся филологи справедливо говорили о «светлом будущем „инговых“ форм в русском языке [Григорьев 2005]. «Инговые» формы необходимы, поскольку исконные девербативы, громоздкие и тяжеловесные, тяготеют к «канцеляриту» [см. подробнее: Беляева, Куликова 2019].

Но должны уйти те англицизмы, которые не несут с собой ничего, кроме дурновкусия и рабской подражательности, например — иноязычная искусственная ономастика. Ср.: «...стоит рядом с надписью „Василеостровская“ немислимая „Vasileostrovskaya“... Для приезжих. Не учить же им кириллицу, они люди цивилизованные <...> А с какой стати мы стелемся перед иноземцами в низком почтительном поклоне? Мы что — колония, чтобы пояснять язык диких аборигенов для настоящих господ? <...> Это означает некий дефицит самоуважения. С какой стати затеялся и осуществился этот лакейский прогиб — имена своих улиц писать на чужом языке, в родном народном троллейбусе на английском квакать?» [Москвина 2021].

Как известно, законодатель указал, что ориентироваться в том, какие англицизмы нужны, а какие без ущерба для коммуникации и даже во благо русского языка надо устранить, помогут новые словари, появившиеся в 2025 г. Но, насколько можно понять, в этих новых изданиях главным критерием нужности слова считается наличие/отсутствие русского аналога. Это, конечно, справедливый посыл, однако, на наш взгляд, не только в аналогах дело. Есть англицизмы, которые даже при наличии очевидных ис-

конных аналогов нельзя устранить без потерь для коммуникативных практик. И напротив, есть слова, не имеющие аналогов, но объективно вредоносные, продвигающие чуждые русскому миру идеи. Заимствование «сиблинги», на первый взгляд является полезной элиминацией интраязыковой лакуны, но в то же время это и «попытка отхода от признака половой принадлежности. То есть не важно, брат или сестра. Есть сиблинг. А кто он — брат или сестра, он впоследствии определится, может быть. А потом и переопределится» [Баранов 2022].

Думаем, что нам нужны не просто новые списки слов, имеющих / не имеющих аналоги, а словари с развернутыми прагматическими характеристиками. И тогда станет понятно, что написание латиницей названий улиц, о котором писала Т. Москвина, — это признак несамостоятельности и дурновкусия. Иноязычные вкрапления в художественный или публицистический дискурс, когда «на передний план выступает функция эстетическая, которая проявляется, в частности, в существенном расширении смысловых границ всего произведения и, в целом, в передаче значений, имеющих сложную „много-слойную“ структуру» [Урсул 2012: 10], следует отличать от макаронизмов, используемых исключительно с коммерческой целью.

Наша лингвистическая публицистика (например, многочисленные труды Вл. Новикова — «Роман с языком», «50 свиданий с русской речью», три издания «Словаря модных слов») дает богатый материал для таких рекомендательных изданий. Ср., например, словарную статью в последнем издании «Словаря модных слов»:

«Селебрити. Считаю ненужным возведение „железного занавеса“ между русским и другими языками, но неумеренный лексический импорт порой вызывает раздражение. ...даже привычную продукцию (латинского происхождения) теперь на саксонский манер переделывают в „продакшн“. Надеюсь, что со временем произойдет естественная депортация незаконных слов-мигрантов. И в первую очередь с пожеланием „скатертью дорожка“ я обратился бы к таким словам, как „селебрити“. <...> Не встречал ни одного достойного человека, который к себе лично относил бы понятие „селебрити“, зато высокомерных и притом пустейших существ, бравирующих этим речевым „брендом“, хоть отбавляй»¹. Ср. также аргументы Вл. Новикова в защиту таких слов (как будто имею-

щих аналоги!), как дедлайн и месседж². В первом случае аргументом служит внутренняя форма слова (внятная всем, кто на школьном уровне знаком с английским языком), обеспечивающая более сильное звучание этого слова по сравнению с русским аналогом, во втором случае — семантическое различие с русским «послание» («месседж» ассоциируется в первую очередь с главной идеей послания).

Конечно, можно возразить: неизбежны различия в оценках нужности англицизмов даже в профессиональном сообществе. Но давно известно, что «норма определяется степенью употребления при условии авторитетности источников» [Истрина 1948: 19]. Думаем, эти два критерия могут помочь и в разграничении полезных (нормативных или имеющих шансы стать таковыми) заимствований и тех, которые в современных условиях нежелательны. Во всяком случае, ясно, что время, когда было возможно бездумное и безответственное употребление иноязычных единиц, прошло.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, использование англицизмов эпохи СВО как никогда прежде неотделимо не только от эстетических вкусов, но также от сферы морально-этических представлений, идеологии и политики. Если процесс заимствования диктуется не потребностями языкового общения, а политическими приоритетами, неизбежен переизбыток иноязычных единиц, что влияет на самооценку и вообще является не чем иным, как показателем лингвистической зависимости. А национальный суверенитет немислим в том числе и без лингвистического суверенитета.

ИСТОЧНИКИ

1. Баранов, А. Как отражаются на менталитете и национальном сознании англицизмы в русском языке / А. Баранов, Е. Афонина // Комсомольская правда. — 2023. — 19 июня. — URL: <https://radiokp.ru/podcast/nacionalnyy-vopros/633127> (дата обращения: 12.08.2025).
2. Вечер с Владимиром Соловьевым, 20 февраля 2025 г. — URL: <https://smotrim.ru/video/2936677> (дата обращения: 12.06.2025).
3. Власов, П. Великое разделение / П. Власов // Культура. — 2024. — № 9. — С. 2.
4. Володин, С. Защитим свою речь / С. Володин // Литературная газета. — 2024. — № 27. — С. 7.
5. Москвина, Т. В. Привет privet, народ narod! / Т. В. Москвина. — Санкт-Петербург : Лимбус Пресс, 2021. — 142 с. — URL: <https://mir-knigi.info/books/raznoe/page-9-116517-privet-privet-narod-narod-sobranie-malenkih-sochinenii.html> (дата обращения: 12.08.2025).
6. Новиков, А. О политике, войне и шоу-бизнесе / А. Новиков // Аргументы недели. — 2024. — № 23. — URL: <https://radiokp.ru/podcast/nacionalnyy-vopros/633127> (дата обращения: 12.08.2025).

¹ Новиков Вл. Словарь модных слов. Языковая картина современности. М. : Словари XXI века, 2016. С. 243–244.

² Новиков Вл. Указ. соч.

7. Новиков, Вл. Словарь модных слов. Языковая картина современности / Вл. Новиков. — Москва : Словари XXI века, 2016. — 352 с.

8. Поляков, Ю. Если некому придумать новую сказочную историю, приходится до бесконечности увеличивать уши у Чебурашки / Ю. Поляков // Культура. — 2023. — 28 дек. — URL: <https://portal-kultura.ru/articles/person/357204-pisatel-yuriy-polyakov-esli-nekomu-pridumat-novuyu-skazochnuyu-istoriyu-prikhoditsya-do-beskonechnos/> (дата обращения: 12.08.2025).

9. Поляков, Ю. Интервью / Ю. Поляков // Моя семья. — 2022. — 28 марта. — URL: http://www.moya-semya.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=17861&catid=94&Itemid=172 (дата обращения: 12.08.2025).

10. Поляков, Ю. О «либеральных химерах», СВО и свите Путина / Ю. Поляков // Аргументы недели. — 2024а. — 12 нояб. — URL: <https://argumenti.ru/interview/2024/11/926620> (дата обращения: 12.08.2025).

11. Поляков, Ю. Интервью / Ю. Поляков // Московский комсомолец. — 2024б. — 12 авг. — URL: <https://news.rambler.ru/community/53202478-pisatel-yuriy-polyakov-o-sostoyanii-russkogo-yazyka/> (дата обращения: 12.08.2025).

12. Путин поблагодарил подразделения, освобождавшие Авдеевку // Народное вече. Газета парламентского собрания Союза Беларуси и России. — 2024. — 32-29 фев. — С. 8.

13. Ткачёв, А. Победа не для гордости. Новое открытие о русском человеке / А. Ткачёв // Телеканал Царьград. — 2022. — 31 дек. — URL: https://dzen.ru/a/Y7Am_9tsdHkUv7W (дата обращения: 12.08.2025).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Барабаш, В. В. Ценностный конфликт и его вербальное воплощение: лингвоэкологические параметры / В. В. Барабаш, Л. А. Брусенская, Э. Г. Куликова. — Москва : Флинта, 2025. — 206 с. — ISBN 978-5-9765-5524-2. — EDN BJUIFY.

2. Беляева, И. В. Заимствование морфем как элиминирование лакун: «инговые» формы в русском языке / И. В. Беляева, Э. Г. Куликова // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. — 2019. — Вып. 6 (822). — С. 108–121. — EDN UEYWQS.

3. Брусенская, Л. А. Ценностный конфликт и проблема иноязычных заимствований в русском языке XXI века / Л. А. Брусенская, А. Р. Котаева // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. — 2022. — № 4 (60). — С. 24–38. — DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-24-38. — EDN KZVLQZ.

4. Брусенская, Л. А. Идея «вербального импортозамещения» и ценностный конфликт / Л. А. Брусенская // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура : сборник статей VII Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 20 апреля 2023 г.). — Москва : РУДН, 2023. — С. 105–110. — EDN DPXLKD.

5. Григорьев, В. П. Светлое будущее «инговых форм» в русском поэтическом языке / В. П. Григорьев // TextOnly.ru : сетевой журнал. — 2005. — Вып. 013. — URL: www.vavilon.ru/textonly/issue13/grigoriev.html (дата обращения: 12.08.2025).

6. Гусейнова, И. А. Мода на язык как способ реализации стратегии «мягкой силы» в условиях современных геополитических изменений / И. А. Гусейнова // Язык и мода : сборник статей. — Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2017. — С. 28–48. — EDN YOIMBY.

7. Иншаков, С. М. Гибридная война в системе военных угроз национальной безопасности : моногр. / С. М. Иншаков. — Москва : Русайнс, 2018. — 306 с. — ISBN 978-5-4365-2519-8. — EDN KJOXNZ.

8. Истрина, Е. С. Нормы русского литературного языка и культура речи / Е. С. Истрина. — Москва ; Ленинград : Акад. наук СССР, 1948. — 32 с.

9. Латыпов, Р. Ф. СВО как пятая русская революция: шанс для России и «Глобального Юга» / Р. Ф. Латыпов // Экономика и управление: научно-практический журнал. — 2024. — № 3. — С. 129–134. — DOI 10.34773/EU.2024.3.22. — EDN PNROUJ.

10. Макеева, С. О. Американская мечта в русской лингвокультуре: идеология и бытовое понятие / С. О. Макеева // Политическая лингвистика. — 2024. — № 3 (105). — С. 175–182. — EDN RDBVCH.

11. Сивков, К. В. Гибридная война / К. В. Сивков, К. М. Соколов. — Москва : Наше завтра, 2023. — 280 с. — ISBN 978-5-907585-74-4.

12. Сковородников, А. П. Лексико-фразеологические новации в русском языке и речи как следствие информационно-психологических войн: функционально-прагматический аспект / А. П. Сковородников, Г. А. Копнина // Политическая лингвистика. — 2022. — № 4 (105). — С. 31–40. — EDN VVISJS.

13. Соколова, Т. П. Креолизованные урбанонимы в аспекте нейминговой экспертизы / Т. П. Соколова // Русский язык: исторические судьбы и современность : VI Междунар. конгресс исследователей русского языка: труды и материалы (Москва, 20–23 марта 2019 г.). — Москва : Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2019. — С. 354–355. — EDN QIMRMM.

14. Урсул, Н. В. Развитие макаронизмов в британской культуре / Н. В. Урсул // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. — Москва : МГИМО-Университет, 2012. — Ч. 1 : Языки в аспекте лингвострановедения. — С. 3–11. — ISBN 978-5-9228-0858-3.

15. Усенко, Н. М. Синтактика лексем «патриот», «патриотизм» и социальный контекст (на материале современного медиадискурса) / Н. М. Усенко // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 241–248. — EDN EKMKAJ.

16. Хагуров, Т. А. Гуманитарное импортозамещение: о некоторых итогах и актуальных задачах российского общества / Т. А. Хагуров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. — 2024. — Т. 24. — № 1. — С. 155–164. — DOI 10.22363/2313-2272-2024-24-1-155-164. — EDN WCSMJY.

17. Шишкина, Н. М. Об изучении иностранного языка в условиях проведения специальной военной операции / Н. М. Шишкина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. — 2024. — № 2. — С. 73–76. — EDN ZCRFTA.

MATERIALS

1. Baranov, A., Afonina, E. (2023, June 19). *Kak otrazhayutsya na mentalitete i natsional'nom soznanii anglitsizmy v russkom yazyke* = How do Anglicisms in Russian affect the mentality and national consciousness? *Komsomol'skaya Pravda*. Available at Aug. 12, 2025 from <https://radiokp.ru/podcast/nacionalnyy-vopros/633127>.

2. Moskvina, T. V. (2021). *Privet privet, narod narod!* = Hello privet, narod people! St. Petersburg: Limbus Press, 142 p. Available at Aug. 12, 2025 from <https://mir-knigi.info/books/raznoe/page-9-116517-privet-privet-narod-narod-sobranie-malenkih-sochinenii.html>.

3. Novikov, A. (2024). *O politike, voine i shou-biznese* = About politics, war and show business. *Argumenty nedeli*. Available at Aug. 12, 2025 from <https://radiokp.ru/podcast/nacionalnyy-vopros/633127>.

4. Novikov, V. I. (2016). *Slovar' modnykh slov. Yazykovaya kartina sovremennosti* = Dictionary of buzzwords. The linguistic picture of modernity. Moscow: Slovare XXI veka, 352 p.

5. Polyakov, Yu. (March 28, 2022). *Interv'yu* = Interview. *Moya sem'ya*. Available at Aug. 12, 2025 from http://www.moya-semya.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=17861&catid=94&Itemid=172.

6. Polyakov, Yu. (December 28, 2023). *Esli nekomu pridumat' novuyu skazochnuyu istoriyu, prikhoditsya do beskonechnosti uvelichivat' ushi u Cheburashki* = If there is no one to come up with a new fairy tale story, Cheburashka's ears have to be magnified indefinitely. *Kultura*. Available at Aug. 12, 2025 from [kultura.ru/articles/person/357204-pisatel-yuriy-polyakov-esli-nekomu-pridumat-novuyu-skazochnuyu-istoriyu-prikhoditsya-do-beskonechnos/](https://portal-kultura.ru/articles/person/357204-pisatel-yuriy-polyakov-esli-nekomu-pridumat-novuyu-skazochnuyu-istoriyu-prikhoditsya-do-beskonechnos/).

7. Polyakov, Yu. (November 12, 2024a). *O "liberal'nykh khimerakh", SVO i svite Putina* = About the "liberal chimeras", Special military operation and Putin's retinue. *Argumenty nedeli*. Available at Aug. 12, 2025 from <https://argumenti.ru/interview/2024/11/926620>.

8. Polyakov, Yu. (August 12, 2024b). *Interv'yu* = Interview. *Moskovskii komsomolets*. Available at Aug. 12, 2025 from <https://news.rambler.ru/community/53202478-pisatel-yuriy-polyakov-o-sostoyanii-russkogo-yazyka/>.

9. Putin poblagodaryl podrazdeleniya (2024). Putin poblagodaryl podrazdeleniya, osvobodivshie Avdeevku = Putin thanked the units that liberated Avdiivka. *Narodnoe veche. Gazeta parlamentnogo sobraniya Soyuza Belarusi i Rossii*, 32—29 February, 8.

10. Tkachev, A. (December 31, 2022). Interv'yu = Winning is not for pride. A new revelation about the Russian person. *Telekanal Tsar'grad*. Available at Aug. 12, 2025 from https://dzen.ru/a/Y7Am_9tsdHkUvf7W.

11. Večer s Vladimirom Solov'evym (2025). Večer s Vladimirom Solov'evym 20 fevralya 2025 g. = An evening with Vladimir Solovyov from February 20, 2025. Available at Aug. 12, 2025 from <https://smotrim.ru/video/2936677>.

12. Vlasov, P. (2024). Velikoe razdelenie = The Great Divide. *Kul'tura*, 9, 2.

13. Volodin, S. (2024). Zashchitim svoyu rech' = Let's protect our speech. *Literaturnaya gazeta*, 27, 7.

REFERENCES

1. Barabash, V. V., Brusenskaya L. A., Kulikova E. G. (2025). Tsennostnyi konflikt i ego verbal'noe voploshchenie: lingvoekologicheskie parametry = Value conflict and its verbal embodiment: linguoecological parameters. Moscow: Flinta, 206 s. ISBN 978-5-9765-5524-2. EDN BJUIFY.

2. Belyaeva, I. V., Kulikova, E. G. (2019). Zaimstvovanie morfem kak ehliminirovanie lakun: «ingovy» formy v russkom yazyke = Morpheme borrowing as elimination of lacunae: “ing” forms in Russian. *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 6(822), 108–121. EDN UEYWQS.

3. Brusenskaya, L. A., Kotaeva, A. R. (2022). Tsennostnyi konflikt i problema inoyazychnykh zaimstvovaniy v russkom yazyke XXI veka = Value conflict and the problem of foreign language borrowings in the Russian language of the XXI century. *Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov*, 4(60), 24–38. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-24-38. EDN KZVLQZ.

4. Brusenskaya, L. A. (2023). Ideya «verbal'nogo importozameshcheniya» i tsennostnyi konflikt = The idea of “verbal import substitution” and the value conflict. *Language and speech on the Internet: personality, society, communication, culture: collection of articles of the VII Int. scientific and practical conf. (Moscow, April 20, 2023)*, 105–111. Moscow: RUDN. EDN DPXLKD.

5. Grigoriev, V. P. (2005). Svetloe budushchee «ingovykh form» v russkom pochticheskom yazyke = The bright future of “Ing forms” in the Russian poetic language. *TextOnly.ru. Online journal*, 013. Available at Aug. 12, 2025 from www.vavilon.ru/textonly/issue13/grigoriev.html.

6. Huseynova, I. A. (2017). Moda na yazyk kak sposob realizatsii strategii «myagkoy sily» v usloviyakh sovremennykh geopoliticheskikh izmeneniy = Language Fashion as a Way to Implement the “Soft Power” Strategy in the Context of Modern Geopolitical Changes. *Language and Fashion. A Collection of Articles*, 28–48. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences. EDN YOIMBY.

7. Inshakov, S. M. (2018). Gibridnaya voyna v sisteme ugroz natsional'noi bezopasnosti = Hybrid warfare in the system of

national security threats. Monograph. Moscow: Rusains, 306 p. ISBN 978-5-4365-2519-8. EDN KJOXNZ.

8. Istrina, E. S. (1948). Normy russkogo literaturnogo yazyka i kul'tura rechi = Norms of the Russian literary language and culture of speech. Moscow, Leningrad: Akad. nauk SSSR, 32 s.

9. Latypov, R. F. (2024). SVO kak pyataya russkaya revolyutsiya: shans dlya Rossii i «Global'nogo Yuga» = Special military operation as the 5th Russian Revolution: a Chance for Russia and the Global South] *Economics and Management. Scientific and Practical Journal*, 3, 129–134. DOI 10.34773/EU.2024.3.22. EDN PNROUJ.

10. Makeeva, S. O. (2024). Amerikanskaya mechta v russkoi lingvokul'ture: ideologema i bytovoe ponyatie = The American Dream in Russian Linguoculture: ideology and everyday concept. *Political Linguistics*, 3, 175–182. EDN RDBVCH.

11. Sivkov, K. V., Sokolov, K. M. (2023). Gibridnaya voyna = Hybrid warfare. Moscow: Nashe zavtra, 280 p. ISBN 978-5-907585-74-4.

12. Skovorodnikov, A. P., Kopnina, G. A. (2022). Leksiko-frazeologicheskie novatsii v russkom yazyke i rechi kak sledstvie informatsionno-psikhologicheskikh voyn: funktsional'no-pragmaticheskii aspekt = Lexical and phraseological innovations in the Russian language and speech as a result of information and psychological wars: a functional and pragmatic aspect. *Political Linguistics*, 4, 31–40. EDN VVISJS.

13. Sokolova, T. P. (2019). Kreolizovannyye urbanonimy v aspekte neymingovoy ehkspertizy = Creolized urbanonyms in the aspect of naming expertise. *Russian language: historical destinies and modernity: VI International Congress of Russian Language Researchers: works and materials (Moscow, March 20–23, 2019)*, 354–355. Moscow: Lomonosov Moscow State University. EDN QIMRMM.

14. Ursul, N. V. (2012). Razvitie makaronizmov v britanskoi kul'ture = The development of macaronisms in British culture. *Linguistic and Regional Studies: Methods of Analysis, Teaching Technology. Part 1: Languages in the Aspect of Linguistic and Regional Studies*, 3–11. Moscow: MGIMO-University. ISBN 978-5-9228-0858-3.

15. Usenko, N. M. (2024). Sintaktika leksem «patrioy», «patriotizm» i sotsial'nyi kontekst (na materiale sovremennogo mediadiskursa) = Syntactics of the lexemes “patriot”, “patriotism” and social context (based on the material of modern media discourse). *Political Linguistics*, 4(106), 241–248. EDN EKMKAJ.

16. Khagurov, T. A. (2024). Gumanitarnoe importozameshchenie: o nekotorykh itogakh i aktual'nykh zadachakh rossiiskogo obshchestvoznaniya = Humanitarian import substitution: some results and urgent tasks of Russian social studies. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*, 2, 155–164. DOI 10.22363/2313-2272-2024-24-1-155-164. EDN WCSMJY.

17. Shishkina, N. M. (2024). Ob izuchenii inostrannogo yazyka v usloviyakh provedeniya spetsial'noi voennoi operatsii = About learning a foreign language in a special military operation. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Problems of Higher Education*, 2, 73–76. EDN ZCRFTA.

РАЗДЕЛ 3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Политическая лингвистика. 2026. № 2 (116).

Political Linguistics. 2026. No 2 (116).

УДК 811.111'42+811.111'38+81'27

ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 5.9.6 (английский язык)

Екатерина Юрьевна Алёшина^{1✉}, Илья Сергеевич Афанасьев^{2✉}

^{1,2} Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹ alcatherine@yandex.ru[✉], SPIN-код: 2200-1840

² iliaafanasiev14022001@gmail.com[✉], SPIN-код: 7129-2202

Англосаксонский эксепционализм как ключевая идея американского военно-политического дискурса

АННОТАЦИЯ. Предметом исследования в рамках данной статьи является идея англосаксонской исключительности (эксепционализма), трансформировавшаяся со временем в идею американской исключительности. Целью исследования является изучение развития идеи американского эксепционализма, а также лингвистического выражения данной идеи в американском военно-политическом дискурсе. Были проанализированы публичные выступления американских политиков, документы и статьи в американских изданиях, в которых была отражена идея англосаксонского эксепционализма. В качестве материала исследования были использованы тексты публичных выступлений американских политиков Дж. Уинтропа, Дж. Монро, Г. Трумэна, Дж. Кеннеди, Дж. Байдена и Д. Трампа, а также статья «Аннексия» Дж. Л. О'Салливана в журнале «United States Magazine and Democratic Review». С помощью метода диктемого анализа было выявлено, каким образом идея американского эксепционализма находит лингвистическое выражение в военно-политическом дискурсе США. Результаты исследования показали, что идеология американского эксепционализма в настоящее время является одним из важнейших инструментов воздействия на аудиторию в ситуации военного конфликта. Эта идеология находит свое выражение в информационном поле диктема, составляющих произведения военно-политического дискурса. Результаты данного исследования могут быть использованы в дискурсивных и политологических исследованиях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: англосаксонская исключительность, американская исключительность, эксепционализм, военно-политический дискурс, политические тексты, политические деятели, американские президенты, политическая риторика, политические речи, публичные выступления, речевые жанры, политическая идеология, журналистика, медиадискурс, медиатексты, американские СМИ, средства массовой информации, языковые средства, диктемы.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Алёшина Екатерина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, ведущий кафедрой «Иностранные языки и методика преподавания иностранных языков», историко-филологический факультет, Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия, email: alcatherine@yandex.ru.

Афанасьев Илья Сергеевич, аспирант 1 года обучения, ассистент кафедры «Иностранные языки и методика преподавания иностранных языков», историко-филологический факультет, Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия, email: iliaafanasiev14022001@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Алёшина, Е. Ю. Англосаксонский эксепционализм как ключевая идея американского военно-политического дискурса / Е. Ю. Алёшина, И. С. Афанасьев. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 115-123.

Ekaterina Yu. Alyoshina^{1✉}, Il'ya S. Afanas'ev^{2✉}

^{1,2} Penza State University, Penza, Russia

¹ alcatherine@yandex.ru[✉], SPIN code: 2200-1840

² iliaafanasiev14022001@gmail.com[✉], SPIN code: 7129-2202

Anglo-Saxon Exceptionalism as a Key Idea of the American Military-Political Discourse

ABSTRACT. The idea of Anglo-Saxon exceptionalism, which has transformed over time into the idea of American exceptionalism, constitutes the research object of this article. The aim of the research is to study the development of the idea of American exceptionalism, as well as the linguistic expression of this idea in American military-political discourse. The study analyzes public speeches by American politicians, documents and articles in American publications that reflect the idea of Anglo-Saxon exceptionalism. The practical research material encompasses texts of public speeches of American politicians J. Winthrop, J. Monroe, H. Truman, J. Kennedy, J. Biden and D. Trump, as well as the article "Annexation" by J. L. O'Sullivan in the United States Magazine and Democratic Review. Using the method of dicteme analysis, it has been revealed how the idea of American exceptionalism is linguistically expressed in the US military-political discourse. As a result of the research, it has been found that the ideologeme of American exceptionalism is currently one of the most important tools for influencing the audience in the military conflict situation. This ideologeme is expressed in the information realm of dictemes

that constitute publications of military-political discourse. The results of this study can be used in discourse and political science research.

KEYWORDS: Anglo-Saxon exceptionalism, American exceptionalism, exceptionalism, military-political discourse, political texts, politicians, American presidents, political rhetoric, political speeches, public speeches, speech genres, political ideology, journalism, media discourse, media texts, American media, mass media, language means, dictemes.

AUTHOR'S INFORMATION: Alyoshina Ekaterina Yur'evna, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Department of Foreign Languages and Methods of Teaching Foreign Languages, Faculty of History and Philology, Penza State University, Penza, Russia.

Afanas'ev Il'ya Sergeevich, Post-Graduate Student, Assistant Lecturer of the Department of Foreign Languages and Methods of Teaching Foreign Languages, Faculty of History and Philology, Penza State University, Penza, Russia.

FOR CITATION: Alyoshina E. Yu., Afanas'ev I. S. (2026). Anglo-Saxon Exceptionalism as a Key Idea of the American Military-Political Discourse. In *Political Linguistics*. No 2 (116), pp. 115-123. (In Russ.).

Идея американского эксепционализма (американской исключительности) возникла из идеи англосаксонского превосходства, восходящей к героизации германских племен, вторгшихся на территорию Британии в V–VIII вв. США рассматривали себя как вновь образованное англосаксами государство, поэтому можно утверждать, что в США идея исключительности получила дальнейшее развитие, стала частью сознания американцев и была закреплена на законодательном уровне¹.

Феномен американской исключительности получил широкое освещение в исследованиях политологов, историков и социологов. В. С. Васильев в своем исследовании, посвященном эволюции концепции американской исключительности и роли США в мировом порядке, рассматривал связь между военными и политическими достижениями США на мировой арене и установлением в сознании как правящих кругов, так и рядовых американцев мысли об исключительности американского народа [Васильев 2016]. С. С. Судаков изучал совокупность философских, политических и духовных воззрений, способствовавших формированию в американском обществе идеи эксепционализма. Он связывал содержание понятия «американская исключительность» с понятием «порядка новой эпохи» («Novus Ordo Seclorum») и характером граждан США [Судаков 2014: 190]. Н. Э. Адамова, рассматривая идею американской «исключительности» в современной историографии США, подчеркивала роль идеи американского эксепционализма в сравнении и противопоставлении пути развития США и других развитых стран (изначально стран Старого Света), а позднее и всего мира [Адамова 2010].

Американский эксепционализм, находящий свое выражение в публичной политической риторике и медиатекстах, можно считать одним из ключевых компонентов аме-

риканской идеологии, или идеологемой. Следуя трактовке идеологемы, предложенной Н. А. Купиной, идеологема определяется как «мировоззренческая установка (предписание), облеченная в языковую форму» [Купина 1995: 43]. Языковую природу идеологемы подчеркивает А. П. Чудинов, определяющий ее как лексико-фразеологическую единицу, «в значение которой входит идеологический компонент» [Чудинов 2007: 92].

В лингвистическом ракурсе американский эксепционализм изучали М. В. Емельянова, Е. Л. Зайцева, Н. В. Кириллова и А. А. Пушкин, рассматривавшие идеологию «исключительности» американского образа жизни, в основе которого лежат две ключевые идеи: идея величия личности и центральное место Бога и веры в американских семьях. Авторы отмечают, что концепт «American exceptionalism» в современном мире получил языковое наполнение, обозначающее превосходство Соединенных Штатов Америки в мире за счет употребления оппозиции «мы, Америка» — «они». При этом основными маркерами идеи американской исключительности в публичных речах выступают слова «lead», «leading», «leadership» и др., таким образом связывая идею исключительности с ведущей ролью США на мировой арене [Емельянова, Зайцева, Кириллова, Пушкин 2017: 200].

Идея американской исключительности является одним из важных факторов, обуславливающих поведение США в ситуации военного конфликта. В связи со сложившейся в настоящее время геополитической ситуацией, с действиями США на мировой арене, изучение американского военнополитического дискурса приобретает особую значимость. В рамках данного исследования используется определение военно-политического дискурса, основанное на определении политического дискурса как текста, рассмотренного в ситуации политического об-

¹ Печуров С. Не только Англия, но и каждый англичанин — остров // Независимая газета. Военное обозрение. 18.10.2013. URL: https://nvo.ng.ru/nvo/2013-10-18/10_england.html (дата обращения: 25.12.2025).

щения [Алёшина 2020]. Данное определение было сформулировано в рамках концепции дискурса М. Я. Блоха [Блох 2013а]. Военно-политический дискурс объединяет в себе характерные особенности военного и политического дискурса и представляет собой текст, определенный тематикой утверждения и выражения интересов субъектов политики в процессе их взаимодействия в ситуации военного конфликта. При этом одной из основных целей военно-политического дискурса является обоснование необходимости военного конфликта, что требует от политика или другого субъекта военно-политического дискурса апелляции к общим для всех граждан страны образам, идеям и концепциям. В случае США одной из главных объединяющих идей стала идея исключительности американского народа.

В данном исследовании средства реализации идеи американской исключительности в публичных выступлениях американских политиков и текстах, относящихся к военно-политическому дискурсу, были выявлены с помощью метода диктемого анализа. Понятие «диктема» было введено М. Я. Блохом в контексте дискуссии об уровневой структуре языка. Согласно его определению, диктема представляет собой высшую единицу тематизации текста и формирует информационно-логическую последовательность изложения информации [Блох 2000: 63]. В диктемах актуализируются различные типы информации: коммуникативно-установочная информация, связанная с целью говорящего, фактуальная информация общего и специального типа, связанная с фактами и реалиями, интеллективная информация, связанная с развитием мысли говорящего, эмотивная информация, связанная с выражением чувств, структурная информация, отражающая строевые особенности текста, регистрирующая информация, отражающая различия между нейтральной, книжной или разговорной речью, социо-стилевая информация, отражающая функциональный стиль текста, диалектно-признаковая информация, отражающая территориальные особенности текста, импрессивная информация, связанная с воздействием на слушающего, и эстетическая информация, связанная с художественным выражением мысли [Блох 2000: 63–64]. М. Я. Блох подчеркивал, что именно в диктеме, реализующей номинацию, предикацию, тематизацию и стилизацию речи, получают реализацию речевые акты [Блох 2013б].

В зависимости от типов текстовой информации, актуализируемых в диктемах и речевых актах, реализуемых в них, диктемы возможно категоризировать по типам в рамках жанров публичного выступления [Алёшина 2020]. Например, для публичных выступлений информационного и информационно-убеждающего жанра наиболее характерными являются диктемы типа «сообщение», «сообщение-установка», «сообщение — установка-оценка», «сообщение — призыв-оценка» и «сообщение-предупреждение», в то время как в речах убеждающего жанра помимо данных диктем также встречаются диктемы типа «сообщение-обвинение», «сообщение-вердикт» и «сообщение-разоблачение».

Обратимся к военно-политическим публичным выступлениям, документам и медиатекстам американских политических деятелей, в которых получает лингвистическое выражение идея американского эксепционализма, и проследим как данная идеология реализуется в информационном поле дискурса.

Ключевую роль для формирования идеологии американской исключительности сыграла проповедь 1630 г. «Град на холме» («City upon a hill»), объясняющая исключительное положение нового, молодого государства. Известный пуританский лидер Дж. Уинтроп (1588—1649) подчеркивает богоизбранность населения колонии Массачусетс Бей, говоря о том, что придет время и весь мир обратится к библейскому «граду на холме», если люди будут следовать законам Бога:

*For wee must consider that wee shall be as a citty upon a hill... The eyes of all people are upon us... Soe that if wee shall deale falsely with our God in this worke wee have undertaken, and soe cause him to withdrawe his present help from us, wee shall be made a story and a by-word through the world...*¹

В приведенной диктеме текста проповеди (диктема «установка-оценка») основную нагрузку несет коммуникативно-установочная информация (*For wee must consider that wee shall be as a citty upon a hill...*), которая сочетается с интеллективной информацией, отражающей рассуждения оратора (*Soe that if wee shall deale falsely with our God*). С момента прибытия первых колонистов в Новый Свет их лидеры закладывали в их сознание мысль об исключительном пути развития нового государства и, как следствие, об исключительности самих американцев. По-

¹ Winthrop J. City upon a hill. 1630 // The American YAWP Reader : site. URL: <https://www.americanyawp.com/reader/colliding-cultures/john-winthrop-dreams-of-a-city-on-a-hill-1630/> (date of access: 25.12.2025).

сколько пуритане были глубоко религиозной группой колонистов, их исключительность изначально приравнивалась к богоизбранности. Использование императива с глаголами *must* и *shall* (*wee must consider that wee shall be as a citty upon a hill*) указывает на высочайшую ответственность перед Богом и обществом. Центральная метафора данной диктемы — *a citty upon a hill*, взятая из Нагорной проповеди Иисуса Христа, — символизирует моральное превосходство, чистоту веры и служение Богу, а также стремление к созданию идеального общества, которое станет образцом для всего мира. Данная идея прочно укоренилась в американском общественном сознании.

Освоение Американского континента требовало времени и проходило с востока на запад. Во время освоения новых земель на востоке в сознании американцев начала формироваться новая концепция — фронтир. В своем исследовании Д. С. Панарина отмечает, что на протяжении XIX–XX вв. под понятием «фронтир» понималось не только место, которое можно зафиксировать в пространстве, но и процесс, обладающий протяженностью во времени и наделенный собственным символическим и мифологическим значением [Панарина 2010: 81]. Д. С. Панарина упоминает, что первая попытка научного анализа феномена фронта была предпринята в 1893 г. американским ученым Фр. Джексон Тёрнером, который рассматривал фронтир как динамичную границу, продвигающуюся вглубь территории США по мере ее освоения. При этом коренное американское население рассматривалось как препятствие на пути к освоению Америки выходцами из Старого Света [Панарина 2010: 82].

Таким образом, основной идеей фронта провозглашалась идея о «возрождении через насилие», согласно которой природа и коренное население должны были подчиниться воле Бога и техническому прогрессу. Как отмечает Р. Слоткин, идея о «возрождении через насилие» крепко укоренилась в сознании американцев и стала одним из важнейших компонентов их национальной идентичности. Кроме того, идея о победе сил добра с помощью насильственных методов закрепились в массовой культуре США благодаря голливудскому кинематографу, активно использующему данный сюжет во многих фильмах [Slotkin 2000].

Молодому развивающемуся государству было необходимо законодательное закреп-

ление исключительного права американцев на свой континент. Над решением этого вопроса трудилась администрация президента Джеймса Монро. Результатом их усилий стала Доктрина Монро — документ, во многом определивший дальнейшее развитие Соединенных Штатов. Согласно Доктрине, европейские державы не должны были пытаться распространить свое влияние на американских континентах или любым способом оказать давление на независимые государства, образованные на этих континентах. Положения Доктрины были изложены Джеймсом Монро в Седьмом ежегодном сообщении 2 декабря 1823 г.

We owe it, therefore, to candor and to the amicable relations existing between the United States and those powers to declare that we should consider any attempt on their part to extend their system to any portion of this hemisphere as dangerous to our peace and safety. With the existing colonies or dependencies of any European power we have not interfered and shall not interfere, but with the Governments who have declared their independence and maintained it, and whose independence we have, on great consideration and on just principles, acknowledged, we could not view any interposition for the purpose of oppressing them, or controlling in any other manner their destiny, by any European power in any other light than as the manifestation of an unfriendly disposition toward the United States¹.

Приведенная диктема относится к установочному типу. Значимую роль в выражении пропозиции текста играет коммуникативно-установочная информация (*we should consider any attempt on their part to extend their system to any portion of this hemisphere as dangerous to our peace and safety*). Доктрина Монро провозглашала принцип невмешательства в европейскую политику со стороны США и требовала от стран Старого Света воздержаться от вмешательства в политику США и суверенных государств, образованных на территории американских континентов (*we could not view any interposition for the purpose of oppressing them, or controlling in any other manner their destiny, by any European power in any other light than as the manifestation of an unfriendly disposition toward the United States*).

Со временем в состав США входили новые штаты. После окончания войны с Мексикой, 1 марта 1845 г. президент Джон Тайлер подписал билль о присоединении Техаса к

¹ Monroe J. Seventh Annual Message (Monroe Doctrine). 02.12.1823 // Miller Center : site. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-2-1823-seventh-annual-message-monroe-doctrine> (date of access: 25.12.2025).

США. Таким образом, ранее объявившая о независимости от Мексики Техасская республика вошла в состав Соединенных Штатов в качестве штата Техас. В августе 1845 г. в журнале «United States Magazine and Democratic Review» вышла статья Дж. Л. О'Салливена под названием «Аннексия» («Annexation»), посвященная Техасу. Именно в данной статье впервые было использовано метафорическое выражение «Manifest Destiny» («Предопределенность судьбы»). Данная статья положила начало одноименной идее, ставшей одной из самых ярких форм воплощения идеи исключительного права американцев на весь континент:

Why, were other reasoning wanting, in favor of now elevating this question of the reception of Texas into the Union, out of the lower region of our past party dissensions, up to its proper level of a high and broad nationality, it surely is to be found, found abundantly, in the manner in which other nations have undertaken to intrude themselves into it, between us and the proper parties to the case, in a spirit of hostile interference against us, for the avowed object of thwarting our policy and hampering our power, limiting our greatness and checking the fulfilment of our manifest destiny to overspread the continent allotted by Providence for the free development of our yearly multiplying millions¹.

Приведенная диктема относится к типу «сообщение-обвинение». Реализации обвинения способствует импрессивность текста. Автор статьи обвиняет другие страны во вмешательстве в политику Соединенных Штатов и препятствовании осуществлению американцами своей «предопределенной судьбы» — овладения Американским континентом (*our manifest destiny to overspread the continent allotted by Providence*). Для описания действий враждебных государств используется перечисление, что способствует выразительности текста (*for the avowed object of thwarting our policy and hampering our power, limiting our greatness and checking the fulfilment of our manifest destiny*). Метафорическое выражение *manifest destiny*, основополагающее как для данной диктемы, так и для всей статьи, означает предопределенное свыше, дарованное Богом право американцев на Американский континент. Победа в войне с Мексикой, таким образом, рассматривалась автором как единственно возмож-

ный исход. Идея «Manifest Destiny» оказала сильное влияние на умы американцев. Она в гиперболизированной манере подчеркивает величие американской нации и ее особый путь развития.

Согласно Доктрине Монро, страны Европы не должны были пытаться основать колонии в Северной и Южной Америке. Таким образом, США утверждали независимость обоих американских континентов. Данная расстановка сил привела к тому, что США начали вмешиваться во внутреннюю политику южноамериканских стран. В 1895 г. президент Гровер Кливленд вмешался в территориальный спор между Венесуэлой и Великобританией, сославшись на Доктрину Монро в Сообщении о споре между Венесуэлой и Великобританией 17 декабря 1895 г.:

If a European power by an extension of its boundaries takes possession of the territory of one of our neighboring Republics against its will and in derogation of its rights, it is difficult to see why to that extent such European power does not thereby attempt to extend its system of government to that portion of this continent which is thus taken. This is the precise action which President Monroe declared to be "dangerous to our peace and safety," and it can make no difference whether the European system is extended by an advance of frontier or otherwise².

Рассмотренная диктема принадлежит к типу «сообщение-оценка». Рассуждение оратора, актуализирующее интеллективную информацию (*If a European power by an extension of its boundaries takes possession of the territory of one of our neighboring Republics against its will and in derogation of its rights, it is difficult to see why to that extent such European power does not thereby attempt to extend its system of government to that portion of this continent which is thus taken*), сопровождается фактуальным утверждением оценочного характера (*This is the precise action which President Monroe declared to be "dangerous to our peace and safety,"*). Президент Кливленд развивает логическую цепочку, из которой выходит, что Доктрина Монро предписывает США реагировать на попытки европейских стран любым образом оказать влияние на государства в Северной и Южной Америке (*it can make no difference whether the European system is extended by an advance of frontier or otherwise*). В данном фрагменте термин «fron-

¹ O'Sullivan J. Manifest Destiny. 1845 // The American YAWP : site. URL: <https://www.americanyawp.com/reader/manifest-destiny/john-osullivan-declares-americas-manifest-destiny-1845/> (date of access: 25.12.2025).

² Cleveland G. Message Regarding Venezuelan-British Dispute. 17.12.1895 // Miller Center : site. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-17-1895-message-regarding-venezuelan-british-dispute> (date of access: 25.12.2025).

tier» также используется в значении «динамически изменяющаяся граница». Венесуэльский кризис еще раз показал, что США считают страны Южной Америки своей зоной влияния и не допустят вмешательства в их политику со стороны других государств.

Первая половина XX в. оказалась невероятно трудной для всего мира. Первая и Вторая мировые войны оказали разрушительное воздействие на многие сильные экономики Старого Света. На этом фоне, США сумели выйти из этих войн с относительно небольшими потерями, и их экономика серьезно не пострадала. Данная геополитическая ситуация способствовала тому, что Соединенные Штаты предприняли попытку распространить свое влияние за пределы американских континентов. После 1945 г. в сознании американцев сформировалась идея, которая в значительной степени определяет политику США до сих пор (в частности, политику действующего президента Дональда Трампа) — *Pax Americana*. Согласно данной идее, США являются гарантом стабильности и порядка в мировой политике. Страны, еще недавно бывшие союзниками в войне — СССР и другие социалистические государства — теперь становились главными противниками на пути США к мировому господству. В связи с этим, 12 марта 1947 г. президент Гарри Трумэн представил общественности свою Доктрину, провозглашавшую одной из основных целей внешней политики США помощь в развитии другим государствам и борьбу с тоталитарными режимами. Доктрина Трумэна использовалась для обоснования помощи США другим странам и положила начало широкой экономической и военной поддержке США во всем мире. Положения Доктрины Трумэна были озвучены президентом 12 марта 1947 г.:

To ensure the peaceful development of nations, free from coercion, the United States has taken a leading part in establishing the United Nations. The United Nations is designed to make possible lasting freedom and independence for all its members. We shall not realize our objectives, however, unless we are willing to help free peoples to maintain their free institutions and their national integrity against aggressive movements that seek to impose upon them totalitarian regimes. This is no more than a frank recognition that totalitarian regimes imposed on free peoples, by direct or indirect aggression, undermine the foundations of international peace and hence the security of the United States¹.

Приведенная диктема публичного выступления относится к типу «сообщение — установка-оценка». В ней реализуется информационный комплекс из фактуальной (*The United Nations is designed to make possible lasting freedom and independence for all its members*), коммуникативно-установочной, интеллективной и импрессивной информации (*We shall not realize our objectives, however, unless we are willing to help free peoples to maintain their free institutions and their national integrity against aggressive movements that seek to impose upon them totalitarian regimes*). Президент Трумэн в своей Доктрине говорит, что США стали главным оплотом демократии в мире, страной, обладающей исключительным правом указывать другим государствам путь к свободе и демократии. А основным врагом на этом пути объявлялись тоталитарные режимы, стремящиеся поработить другие страны и таким образом подорвать устои Америки. В диктеме активно применяется антитеза, демонстрирующая противоположные идеологии: *free peoples* и *totalitarian regimes*, *peaceful development* и *aggressive movements*. Это противопоставление призвано продемонстрировать, как именно тоталитаризм угрожает демократии и что исключительной миссией Соединенных Штатов является защита свободных государств от этих угроз. Кроме того, для описания действий тоталитарных режимов используется гипербола, демонстрирующая серьезность исходящей от них опасности (*totalitarian regimes imposed on free peoples, by direct or indirect aggression, undermine the foundations of international peace and hence the security of the United States*). Доктрина Трумэна во многом определила путь развития не только США, но и всего мира.

В ходе дальнейшей эскалации напряженности в отношениях между США и социалистическими странами, прежде всего СССР, возникли два противоборствующих блока — НАТО и ОВД, что привело к началу Холодной войны. В своей инаугурационной речи от 20 января 1961 г. президент Дж. Ф. Кеннеди, обращаясь к глобальной повестке, затрагивает и актуальную проблематику Холодной войны. Обращаясь к контексту американской истории, президент напоминает согражданам и всему миру о ценностях американской революции, которые США призваны транслировать миру в сложившейся ситуации глобального конфликта:

We dare not forget today that we are the heirs of that first revolution. Let the word go

¹ Truman H. Truman Doctrine. 12.03.1947 // Miller Center : site. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/march-12-1947-truman-doctrine#dp-expandable-text> (date of access: 25.12.2025).

*forth from this time and place, to friend and foe alike, that the torch has been passed to a new generation of Americans — born in this century, tempered by war, disciplined by a hard and bitter peace, proud of our ancient heritage*¹.

Данная диктема принадлежит к типу «призыв-оценка». В ней реализуются коммуникативно-установочная и импрессивная информация (*the torch has been passed to a new generation of Americans — born in this century, tempered by war, disciplined by a hard and bitter peace, proud of our ancient heritage*). Президент Кеннеди апеллирует к истории через связь поколений (*we are the heirs of that first revolution*). Джон Кеннеди использует перечисление для описания достоинств американского народа (*born in this century, tempered by war, disciplined by a hard and bitter peace, proud of our ancient heritage*). Он ставит своей целью подчеркнуть, что идеи об исключительном пути развития Америки до сих пор сильны в американском обществе.

После окончания холодной войны США продолжили развивать идею Pax Americana и распространять свое влияние по всему миру, в том числе в бывших республиках СССР. В ходе конфликта между Россией и Украиной Соединенные Штаты выступили на стороне Украины. Президент Дж. Байден обращался к идее американского эксепционализма для аргументации позиции страны в конфликте с Россией. В Послании о положении Союза от 1 марта 2022 г. он обращается к истории, которая доказывает необходимость остановить «агрессора»:

Throughout our history, we've learned this lesson: When dictators do not pay a price for their aggression, they cause more chaos; they keep moving; and the costs, the threats to the America — and America, to the world keeps rising.

В диктеме «сообщение-оценка» наряду с фактуальностью (с точки зрения оратора) реализуются импрессивная и интеллективная информация. Президент Дж. Байден утверждает, что действия диктаторов вызывают всё больше хаоса в мире и эти действия представляют всё большую угрозу как для Америки, так и для всего мира. Прием андиплосиса в сочетании с яркой метафорой создают выразительность текста (*...the threats to the America — and America, to the world keeps rising*).

Далее Президент Байден утверждает, что США являются единственной страной,

способной противостоять диктаторам и обернуть любую кризисную ситуацию себе на пользу:

*We're the only nation on Earth that has always turned every crisis we've faced into an opportunity, the only nation that can be defined by a single word: possibilities. So, on this night, on our 245th year as a nation, I've come to report on the state of the nation — the state of the union. And my report is this: The State of the Union is strong because you, the American people, are strong*².

В диктеме «сообщение-оценка» реализуются фактуальная (с точки зрения оратора) и импрессивная информация, создающая оценочность диктемы (*We're the only nation on Earth that has always turned every crisis we've faced into an opportunity, the only nation that can be defined by a single word: possibilities*). Президент Байден акцентирует внимание аудитории на исключительных возможностях, доступных людям в Соединенных Штатах. Он утверждает, что американцы способны найти возможности в любой ситуации (*We're the only nation on Earth that has always turned every crisis we've faced into an opportunity*). Таким образом, акцент делается уже не на избранности американского народа Богом, а на экономических и военных возможностях страны. Президент Байден также делает акцент на том, что благополучие страны базируется на силе американского народа (*The State of the Union is strong because you, the American people, are strong*).

3 января 2026 г. вооруженными силами США была проведена беспрецедентная военная операция в Венесуэле, в ходе которой действующий президент республики Н. Мадуро и его жена были вывезены из страны и отправлены в Нью-Йорк. Президенту Мадуро выдвинули обвинение в организации наркотрафика в США. Президент Д. Трамп в своем выступлении 3 января 2026 г. заявил, что действия захваченного президента Мадуро угрожали американской госбезопасности:

No nation in the world could achieve what America achieved yesterday or frankly in just a short period of time. All Venezuelan military capacities were rendered powerless as the men and women of our military working with U.S. law enforcement successfully captured Maduro in the dead of night. It was dark. The lights of Caracas were largely turned off due to a certain expertise that we have. It was dark, and it was

¹ Kennedy J. F. Presidential Inaugural Address. January 20, 1961 // American Rhetoric : site. URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/jfkinaugural.htm> (date of access: 25.12.2025).

² Biden J. Remarks by President Biden on America's place in the world. 04.02.2021 // The White House : site. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/04/remarks-by-president-biden-on-americas-place-in-the-world/> (date of access: 25.12.2025).

*deadly. But captured along with his wife, Cilia Flores, both of whom now face American justice. Maduro and Flores have been indicted in the Southern District of New York. It's Jay Clayton for their campaign of deadly narco terrorism against the United States and its citizens*¹.

Рассмотренная диктема принадлежит к типу «сообщение — установка-оценка». В ней реализуются фактуальная, коммуникативно-установочная и эмотивная информация (*No nation in the world could achieve what America achieved yesterday or frankly in just a short period of time. All Venezuelan military capacities were rendered powerless as the men and women of our military working with U.S. law enforcement successfully captured Maduro in the dead of night*). Президент Трамп делает акцент на том, насколько быстро была осуществлена военная операция по захвату президента Венесуэлы, и утверждает, что ни одна страна в мире не способна провести настолько хорошо спланированную операцию (*No nation in the world could achieve what America achieved yesterday or frankly in just a short period of time*). Также президент Трамп обвинил президента Венесуэлы в совершении действий, способных навредить безопасности Соединенных Штатов, таким образом сославшись на Доктрину Монро (*their campaign of deadly narco terrorism against the United States and its citizens*).

Действия президента Трампа породили волну недовольства в США и во всём мире. В сети Интернет даже появился термин «Доктрина Донро», применяемый в юмористической форме для демонстрации того, как США используют формулировку «угроза национальной безопасности» для оправдания своей военной агрессии.

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что идея американского эксепционализма прошла долгий путь развития с момента основания США. Ее изменения всегда были связаны с геополитической ситуацией в Соединенных Штатах и в мире. Если изначально эта идея была нужна для утверждения права американцев на территорию США, то в дальнейшем она нашла выражение в Доктрине Монро, и таким образом Соединенные Штаты заявили свое право на оба американских континента, а затем на всё западное полушарие. Высшей точкой развития американского эксепционализма стала идея американского глобализма, или *Rax Americana*, последствия которой можно наблюдать по сей день. Идея американского

эксепционализма трансформировалась в идею того, что США являются уже не просто «градом на холме», который служит образцом для всего мира, а страной, которая стремится определять ход всей мировой политики и диктовать свою волю другим странам.

В ходе анализа произведений, относящихся к американскому военно-политическому дискурсу, было выявлено, что идея американской исключительности находит выражение в информационном поле диктем. Данная идея выражается преимущественно в диктемах типа «сообщение-оценка» и «сообщение-установка-оценка» и актуализируется с помощью коммуникативно-установочной, интеллективной и импрессивной информации. Это связано со стремлением политика обозначить конкретные принципы в политике США в контексте идеи эксепционализма, напомнить об исключительной роли Америки в мире и призвать к соблюдению исторически сложившихся принципов. При этом с помощью идеи американской исключительности правительство США оправдывает акты военной агрессии против других стран, в том числе в восточном полушарии, благодаря чему идея исключительности стала ключевой для американского военно-политического дискурса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Адамова, Н. Э. Идея американской исключительности в современной историографии США: Подходы к изучению / Н. Э. Адамова // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. — 2010. — № 2. — С. 178–183. — EDN MVQXAH.
2. Алёшина, Е. Ю. Публичное выступление, посвященное политическому конфликту / Е. Ю. Алёшина. — Москва : Прометей, 2020. — 228 с. — EDN MXMCTW.
3. Алёшина, Е. Ю. Развитие американской политической риторики в конце XIX — середине XX века / Е. Ю. Алёшина, И. С. Афанасьев // XIII Авдеевские чтения : сборник статей по материалам Всерос. науч.-практ. конф. (Пенза, 17 апр. 2025 г.). — Пенза : Пензенский государственный университет, 2025. — С. 62–64. — EDN QEZICL.
4. Арутюнова-Ястребова, Э. В. Проповедь от исполнительной власти: религиозная риторика американских президентов / Э. В. Арутюнова-Ястребова, В. В. Оньша // Государственное управление. Электронный вестник. — 2017. — № 61. — С. 255–277. — EDN YRHFMT.
5. Блох, М. Я. Диктема в уровневой структуре языка / М. Я. Блох // Вопросы языкознания. — 2000. — № 4. — С. 56–67. — EDN SDOYYV.
6. Блох, М. Я. Дискурс и системное языкознание / М. Я. Блох // Язык. Культура. Речевое общение. — 2013а. — №1. — С. 5–11. — ISSN 2227-9423.
7. Блох, М. Я. Язык, культура и проблема регуляции речевого общения / М. Я. Блох // Язык. Культура. Речевое общение. — 2013б. — № 2. — С. 5–10. — ISSN 2227-9423.
8. Васильев, В. С. Эволюция концепции американской исключительности и роль США в мировом порядке / В. С. Васильев // Перспективы : электр. журн. — 2016. — № 4 (8). — С. 56–70. — EDN XEPKOH.

¹ Trump D. Statement on U.S. Action in Venezuela. 03.01.2026 // Miller Center : site. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-3-2026-statement-us-action-venezuela#dp-expandable-text> (date of access: 25.12.2025).

9. Емельянова, М. В. Эксепционализм как объект концептуализации политического текста / М. В. Емельянова, Е. Л. Зайцева, Н. В. Кириллова, А. А. Пушкин // Вестник Чувашского университета. — 2017. — № 2. — С. 195–202. — EDN YTOPBL.

10. Коновалова, Ж. Г. Трансформация концепции «фронтир» в предвыборных и инаугурационных речах американских президентов (на материале речей Б. Обамы, Д. Трампа и Дж. Байдена) / Ж. Г. Коновалова // Журнал фронтирных исследований. — 2025. — Т. 10, № 2(38). — С. 219–239. — DOI 10.46539/jfs.v10i2.658. — EDN TYEJNT.

11. Купина, Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции / Н. А. Купина. — Екатеринбург ; Пермь : Уральский государственный университет им. А. М. Горького, 1995. — 144 с. — (Серия «История Отечества. XX век»). — ISBN 5-7525-0511-9. — EDN SIQGFV.

12. Панарина, Д. С. Фронтир как один из факторов и мифов американской истории / Д. С. Панарина // Вестник Московского университета. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2010. — № 4. — С. 80–88. — EDN NDCKPB.

13. Судаков, С. С. Философская составляющая «американской исключительности» / С. С. Судаков // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. — 2014. — № 3. — С. 186–193. — EDN TETEBH.

14. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 256 с. — ISBN 5-89349-897-6. — EDN SDQKXT.

15. Шейгал, Е. И. Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса / Е. И. Шейгал // Жанры речи. — 2002. — № 3. — С. 205–214. — EDN YNDDNJ.

16. Slotkin, R. Regeneration through Violence: the Mythology of the American Frontier, 1600–1860 / R. Slotkin. — Oklahoma, 2000. — 589 p. — ISBN 978-0-8061-3229-7.

REFERENCES

1. Adamova, N. E. (2010). Idea amerikanskoi iskluchitel'nosti v sovremennoj istoriografii SShA: podhodi k izucheniu = The idea of American «exceptionalism» in modern historiography of the USA: approaches to the study. — *Bulletin of the Saint Petersburg University*, 2, 178–183. EDN MVQXAH.

2. Aleshina, E. Y. (2020). Publichnoye vystupleniye, posvyashchennoye politicheskomu konfliktu = Public speech on the political conflict. Moscow: *Prometei*, 228 p. EDN MXMCTW.

3. Aleshina, E. Yu., Afanas'ev, I. S. (2025). Razvitiye amerikanskoy politicheskoy ritoriki v kontse XIX — seredine XX veka = The Development of American Political Rhetoric in the Late 19th – Mid-20th Century. *XIII Avdeev Readings. A Collection of Articles Based on the Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conf.*, 62–64. Penza: Penza State University. EDN QEZICL.

4. Arutyunova-Yastrebkova, Eh. V., On'sha, V. V. (2017). Pro-poved' ot ispolnitel'noy vlasti: religioznaya ritorika amerikanskikh prezidentov = Sermon from the Executive Branch: Religious Rhetoric of American Presidents. *Public Administration. Electronic Bulletin*, 61, 255–277. EDN YRHFMT.

5. Blokh, M. Y. (2000). Diktema v urovnevoi structure yazika = The dicte in the level structure of the language. *Questions of linguistics*, 4, 56–67. EDN SDOYYV.

6. Blokh, M. Y. (2013a). Diskurs I sistemnoye yazikoznanie = Discourse and systemic linguistics. *Language. Culture. Speech communication*, 1, 5–11.

7. Blokh, M. Y. (2013b). Yazik, Kultura I problema regulatsii rechevogo obscheniya = Language, culture and the problem of regulation of speech communication. *Language. Culture. Speech communication*, 2, 5–10.

8. Vasiliev, V. V. (2016). Evolutsia kontseptsii amerikanskoy iskluchitel'nosti I rol' SShA v mirovom poryadke = The evolution of the concept of American exceptionalism and the role of the United States in the world order. *Prospects. Electronic journal*, 4(8), 56–70. EDN XEPKOH.

9. Emelyanova, M. V., Zaytseva, E. L., Kirillova, N. V., Pushkin, A. A. (2017). Exceptionalism kak object kontseptualisatsii politicheskogo teksta = Exceptionalism as an object of conceptualization of a political text. *Bulletin of Chuvashia University*, 1, 195–202. EDN YTOPBL.

10. Konovalova, Zh. G. (2025). Transformatsiya kontseptsii «frontir» v predvybornykh i inavguratsionnykh rechakh amerikanskikh prezidentov (na materiale rechey B. Obamy, D. Trampa i Dzh. Baydena) = Transformation of the “Frontier” Concept in Pre-Election and Inaugural Speeches of American Presidents (Based on the Speeches of B. Obama, D. Trump, and J. Biden). *Journal of Frontier Studies*, 10(2[38]), 219–239. DOI 10.46539/jfs.v10i2.658. EDN TYEJNT.

11. Kupina, N. A. (1995). Totalitarniy yazik: Slovar' i rechevye reaksii = Totalitarian Language: Dictionary and Speech Reactions. Ekaterinburg ; Perm, 188 p. ISBN 5-7525-0511-9. EDN SIQGFV.

12. Panarina, D. S. (2010). Frontir kak odin iz faktorov i mifov amerikanskoi istorii = The Frontier as one of the factors and myths of American history. *Bulletin of the Moscow University. Linguistics and Intercultural Communication*, 80–88. EDN NDCKPB.

13. Sudakov, S. S. (2014). Filosofskaya sostavlyayushaya amerikanskoy iskluchitel'nosti = The philosophical component of American exceptionalism. *Bulletin of Tver State University. Philosophy*, 186–193. EDN TETEBH.

14. Chudinov, A. P. (2007). Politicheskaya lingvistika = Political linguistics. A textbook. Moscow: Flinta: Nauka Publ., 256 p. ISBN 5-89349-897-6. EDN SDQKXT.

15. Sheygal, E. I. (2002). Inavguratsionnoye obrashcheniye kak zhanr politicheskogo diskursa = Inaugural Address as a Genre of Political Discourse. *Speech Genres*, 3, 205–214. EDN YNDDNJ.

16. Slotkin, R. (2000). Regeneration through Violence: the Mythology of the American Frontier, 1600–1860. Oklahoma, 589 p. ISBN 978-0-8061-3229-7.

Политическая лингвистика. 2026. № 2 (116).
Political Linguistics. 2026. No 2 (116).

УДК 811.581'42+811.581'38+81'27
ББК Ш171.1-51+Ш171.1-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.33; 16.31.41

Код ВАК 5.9.8

Ван Сяохуань¹, Елена Юрьевна Кошелева²

¹ Шэньянский политехнический университет, Шэньян, Китай, yuliawang4200@mail.ru

² Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, tinnaa@list.ru, SPIN-код: 7703-9620

Исследование языковых выражений с китайской спецификой в сборниках «Си Цзиньпин о государственном управлении»

АННОТАЦИЯ. В данной статье в качестве материалов используются сборники «Си Цзиньпин о государственном управлении», особое внимание уделяется содержащимся в них языковым выражениям с китайской спецификой. В статье определена сфера применения и коннотации терминологии, характерной для китайской политической литературы, представлена классификация этой терминологии. В работе анализируются дискурсивные практики, в которых органично сочетаются национальная идентичность, соответствие духу времени и системная целостность. Проведенный анализ демонстрирует, что изученные речевые конструкции являются ярким воплощением того, как идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху глубоко укоренены в китайской культурной традиции. Эти термины функционируют в качестве ключевых семиотических ресурсов для интерпретации «китайского пути» и артикуляции позиции Китая в глобальном диалоге, а также служат ключевыми символами для отражения позиции Китая на международной арене. В статье подчеркивается, что корректный перевод с китайского и эффективная интерпретация этих терминов на другие языки могут помочь преодолеть культурный барьер и способствовать более точному пониманию китайских концепций в международном сообществе. Результаты исследования могут быть использованы для проведения занятий по курсам теории и практики перевода, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политические тексты, китайские политики, Си Цзиньпин, языковая личность, лингвоперсоналогия, органы государственного управления, политическая риторика, политические речи, речевые жанры, китайский язык, языковые выражения, китайская специфика, лингвокультурология, китайская лингвокультура.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Ван Сяохуань, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка, Шэньянский политехнический университет, Шэньян, Китай, email: yuliawang4200@mail.ru.

Кошелева Елена Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, Институт иностранных языков и международного сотрудничества, Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия, email: tinnaa@list.ru.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда планирования социальных наук провинции Ляонин КНР, проект № L25BYY011.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ван, Сяохуань. Исследование языковых выражений с китайской спецификой в сборниках «Си Цзиньпин о государственном управлении» / Ван Сяохуань, Е. Ю. Кошелева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 124-131.

Wang Xiaohuan¹, Elena Yu. Kosheleva²

¹ Shenyang Ligong University, Shenyang, China, yuliawang4200@mail.ru

² Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia, tinnaa@list.ru, SPIN code: 7703-9620

A Study of the Linguistic Expressions with Chinese Characteristics in the Collections “Xi Jinping: The Governance of China”

ABSTRACT. This article uses the collections “Xi Jinping: The governance of China” as a source of practical research material, paying particular attention to the linguistic expressions with Chinese characteristics. The article outlines the scope and connotations of terminology typical of Chinese political literature and presents a classification of this terminology. The work analyzes discursive practices that organically combine national identity, conformity to the spirit of the times, and systemic integrity. The undertaken analysis demonstrates that the linguistic constructions studied present a salient realization of how Xi Jinping's ideas about socialism with Chinese characteristics in the new era are deeply rooted in the Chinese cultural tradition. These terms function as key semiotic resources for interpreting the “Chinese path” and articulating China's position in the global dialogue, as well as serving as key symbols for reflecting China's position in the international arena. The article emphasizes that accurate translation from Chinese and effective interpretation of these terms into other languages can help overcome cultural barriers and promote more accurate understanding of Chinese concepts in the international community. The results of the study can be used for teaching courses of translation theory and practice, linguoculturology, and intercultural communication.

KEYWORDS: political discourse, political texts, Chinese politicians, Xi Jinping, linguistic personality, linguo-personology, organs of state power, political rhetoric, political speeches, speech genres, Chinese language, linguistic expressions, Chinese characteristics, linguoculturology, Chinese linguoculture.

AUTHOR'S INFORMATION: Wang Xiaohuan, Associate Professor, Department of Russian Language, Shenyang Ligong University, Shenyang, Liaoning Province, China.

Kosheleva Elena Yuryevna, Candidate of History, Associate Professor of the Institute of Foreign Languages and International Cooperation of Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia.

ACKNOWLEDGMENTS. The research has been carried out with financial support of the Liaoning Provincial Social Science Planning Fund, Project № L25BYY011.

FOR CITATION: Wang Xiaohuan, Kosheleva E. Yu. (2026). A Study of the Linguistic Expressions with Chinese Characteristics in the Collections “Xi Jinping: The Governance of China”. In *Political Linguistics*. No 2 (116), pp. 124-131. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день можно констатировать, что теория и практика построения социализма с китайской спецификой, претерпев исторические преобразования, достигли плодотворных успехов. В рамках этого грандиозного процесса генеральный секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Китая Си Цзиньпин выдвинул ряд важных современных и оригинальных идей, которые представлены в его докладах и статьях. Многотомное собрание речей и сочинений «Си Цзиньпин о государственном управлении» отражает основные принципы, сущностные характеристики и практические рекомендации Си Цзиньпина относительно социализма с китайской спецификой для настоящего времени. Данные сборники являясь важным источником по изучению идеологии современного Китая. Тексты, собранные в книге «Си Цзиньпин о государственном управлении», содержат не только квинт-эссенцию последних достижений по адаптации марксизма к мировоззренческой специфике Китая и современным реалиям, но и служат яркими иллюстрациями философии управления, стратегии, политики и лежащей в их основе культурной логики Коммунистической партии Китая в настоящее время. Такие термины, как *中国梦* (*Китайская мечта*), *人类命运共同体* (*Сообщество единой судьбы человечества*) и *中国式现代化* (*Китайская модель модернизации*), укоренились в традиционной культуре Китая, одновременно являя собой суть марксистской теории. Они всесторонне описывают проблемы развития современного Китая, формируя отличительные маркеры политического дискурса с китайской спецификой и стилем.

Собрание сочинений «Си Цзиньпин о государственном управлении» изучается учеными в рамках таких направлений, как переводоведение, лингвокультурология, политическая лингвистика, межкультурная коммуникация и др. Углубленный анализ коннотаций, семантической эволюции, дискурсивных функций, коммуникативной эффективности и культурных основ выражений с китайской спецификой имеет значительную теоретиче-

скую ценность и практическую значимость. В настоящем исследовании в качестве источника использован пятитомник «Си Цзиньпин о государственном управлении». Языковые выражения с китайской спецификой являются предметом исследования. Цель работы состоит в том, чтобы охарактеризовать и классифицировать данные выражения, проанализировать их функции и стратегии в формировании дискурсивных практик, создании национального имиджа Китая и обеспечении дискурсивного признания на международной арене.

Методы исследования

1. Метод обзора литературы. На основе изучения научных монографий, статей и других источников собраны, систематизированы и проанализированы соответствующие материалы по языковым выражениям с китайской спецификой. Это позволило сформировать теоретическую основу и справочную базу исследования.

2. Количественный анализ и методы корпусной лингвистики. Изучена статистика частотности слов, проведена тематическая кластеризация и семантический сетевой анализ пятитомника «Си Цзиньпин о государственном управлении», выявлены основные категории и характеристики выражений с китайской спецификой.

3. Метод дискурс-анализа. Исследована семантическая эволюция и дискурсивная логика ключевой лексики, а также ее взаимосвязь с теоретическими инновациями в адаптации марксизма к современным условиям Китая, традиционной культуре Китая и практике социализма с китайской спецификой в современную эпоху.

СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ ТЕМЫ

Проведенный анализ литературы свидетельствует о значительном объеме китайских работ, анализирующих труды «Си Цзиньпин о государственном управлении», в основном охватывающих такие сферы, как комплексные переводоведческие исследования китайской терминологии; междисциплинарные прикладные исследования; сравнительные двуязычные переводоведческие исследования;

специализированные переводоведческие исследования конкретных категорий характерной китайской терминологии.

Комплексные исследования по переводу языковых выражений с китайской спецификой в основном сосредоточены на систематическом толковании и анализе таких выражений, как *文化价值观* (Культурные ценности), *文化负载词* (Слова, насыщенные культурным содержанием) и *特色词汇* (Характерная лексика). Например, Цзян Юймэн (2016)¹ исследовал явления и стратегии перевода языковых средств с китайской спецификой на русский язык в книге «Си Цзиньпин о государственном управлении» с точки зрения их функций. Ли Вэньбо [李文博 / Ли Вэньбо 2020], опираясь на теорию читательского отклика, исследовал способы перевода китайских слов, насыщенных культурным содержанием, и выделил три основных подхода: буквальный перевод, буквальный перевод с пояснениями и вольный перевод. При этом наиболее эффективной для сохранения уникальной культурной специфики китайского языка была признана стратегия «комбинирования адаптации и сохранения инокультурных элементов» (стратегия доместикации и форенизации). Цзян Ямин [姜雅明 / Цзян Ямин 2021] утверждает, что современные переводы на русский язык китайской политической терминологии должны в первую очередь обеспечивать точную передачу исходной информации. Переводы должны стремиться к адаптации на лексическом и структурном уровнях, а также принимать во внимание культурно-контекстуальные аспекты для достижения эффективной межкультурной коммуникации. Эти исследования позволили обобщить богатые теоретические знания, проведя систематическое исследование языковых выражений с китайской спецификой с различных точек зрения.

Междисциплинарные прикладные исследования, сосредоточенные на практической ценности переводов или подходов к переводу литературного труда «Си Цзиньпин о государственном управлении» в таких областях, как оценка качества машинного перевода и преподавание иностранных языков, появились относительно недавно и еще не были глубоко осмыслены в рамках межкультурной коммуникации.

Сравнительные исследования методов двуязычного перевода изучают эффектив-

ность различных переводов, но по-прежнему ограничены функциональными рамками. В настоящее время необходим более глубокий анализ лингвистических различий. Исследования конкретных категорий китайских идиоматических выражений в основном сосредоточены на устойчивых фразах и четырехкомпонентных идиомах. Например, Чжу Чаовэй [祝朝伟 / Чжу Чаовэй 2020] провел статистический анализ аллюзий, цитируемых в книге «Си Цзиньпин о государственном управлении», создав параллельный корпус английского и китайского языков и определив шесть подходов к переводу, использованных в английском издании. Ван Эна [王婀娜, 潘智丹 / Ван Эна, Пан Чжидань 2023] исследовала стратегии перевода идиом в немецком издании книги «Си Цзиньпин о государственном управлении», классифицировав подходы как буквальный перевод или форенизация для аллюзий, не связанных с культурой, и «нулевой перевод, пояснительный перевод или доместикация» для обращения к культурному коду Китая. Данные исследования и подобные им, посвященные стратегиям и методам перевода, как правило, ограничиваются рассмотрением дихотомии адаптации / сохранения иноязычного колорита (доместикации / форенизации), а также таких приемов, как полный перевод и трансформация, не выходя за эти рамки и не углубляясь в междисциплинарный анализ.

Исследования языковых выражений с китайской спецификой в книге «Си Цзиньпин о государственном управлении» за рубежом Китая были гораздо менее обширными, чем в самом Китае. В результате можно констатировать, что в современной науке еще не сформировалось устоявшегося понимания термина «языковые выражения с китайской спецификой».

Ряд переводоведческих исследований посвящен изучению отличительных черт китайской культуры. Например, Х. Сюэ [Сюе Х. 2020] проанализировал основные стратегии перевода, использованные в русском переводе книги «Си Цзиньпин о государственном управлении», и пришел к выводу, что такие приемы, как добавление, опущение и описательный перевод, должны применяться адаптивно и выборочно. Лю Ф. [Liu F. 2022] проанализировал 325 специфических китайских терминов, содержащихся в первом томе многотомника «Си Цзиньпин о государст-

¹ 江雨濛. 《习近平谈治国理政》中国特色用语的俄译策略研究. 北京外国语大学, 2016. 179. = Цзян Юймэн. Исследование стратегий перевода на русский язык выражений с китайской спецификой в сборниках «Си Цзиньпин о государственном управлении»: магистерская дис. Пекинский университет иностранных языков, 2016. 179 с.

венном управлении» в корейском издании книги, и пришел к выводу, что в корейских переводах преимущественно используется стратегия форенизации, за которой следует стратегия доместикации, причем в зависимости от конкретного контекста используется сочетание обеих стратегий.

Анализ указанных работ позволяет выявить две характерные методологические проблемы. Во-первых, преобладание описательно-феноменологических обобщений в рамках широких переводческих стратегий. Авторы, как правило, ограничиваются констатацией и классификацией наблюдаемых приемов, не углубляясь в их лингвистический, культурный или когнитивный механизм. Вследствие этого выводы носят зачастую поверхностный характер. Во-вторых, в большинстве исследований остаются размытыми сами концептуальные границы ключевых понятий, что актуализирует потребность в их четком определении.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ЯЗЫКОВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ»

Рассмотрим подробнее определения китайско-специфической лексики, предложенные различными учеными. Пан Юэ (2024)¹ подходит к этому вопросу с двух сторон: во-первых, анализируя существующие исследования, чтобы прояснить часто используемые термины, такие как 中国特色词 (Китайско-специфические слова), 中国特色词汇 (китайско-специфическая лексика) и 文化专有项 (культурно-специфические элементы); во-вторых, проводя лингвистический анализ, чтобы различать такие термины, как «слово», «лексика» и «словарный запас». Определяющими критериями являются наличие отличительных китайских формальных и содержательных характеристик, что означает, что ни лингвистическое выражение, ни лексическое содержание не могут найти прямых эквивалентов в языке перевода. Объем определения охватывает все лингвистические строительные блоки, от морфем до пословиц².

В данном исследовании мы принимаем следующее рабочее определение термина «языковые выражения с китайской спецификой»: это лексические единицы и устойчивые сочетания, которые, будучи носителями уникального культурного кода Китая, отражают

особенности его социально-исторического развития и обладают специфическим значением в рамках китайской лингвокультурной системы. Мы опираемся на определение Чжан Яфан [章亚芳 / Чжан Яфан 2025: 103].

Языковые выражения с китайской спецификой представляют собой сокровищницу китайской лингвокультурной системы, воплощая глубину и своеобразие китайской культуры и ее интеллектуальную ценность. Они глубоко и многомерно отражают особенности Китая и траекторию его развития в политической, экономической, культурной и социальной сферах. Эти термины выросли на плодородной почве китайской цивилизации, несут на себе отпечаток культуры и конкретного социального контекста и символизируют непрерывность исторической традиции. Они образно характеризуют социокультурную жизнь Китая и являются важными источниками для внешнего мира, позволяющими понять многогранность Китая и путь его развития.

Языковые выражения с китайской спецификой обладают следующими характеристиками.

1. Ключевыми атрибутами выражений с китайской спецификой являются их универсальная распространенность и четкий культурный отпечаток. Данный пласт лексики охватывает широкое поле понятий — от политики, экономики и культуры до социальной сферы и экологии, — формируя сложную, многослойную и внутренне взаимосвязанную систему.

2. Эволюция терминологии, характерной для Китая, является динамичным, открытым и ярким процессом. Эта характеристика отражает тесную связь между терминологией и социальными преобразованиями: с одной стороны, быстрое развитие Китая и глубокие изменения в экономической, социальной, технологической и управленческой сферах постоянно порождают новые практики, явления и концепции, рождая новые термины, такие как 数字经济 (цифровая экономика) и 碳中和 (углеродная нейтральность), которые отражают дух эпохи и служат «реальными аннотациями» к социальной жизни. С другой стороны, эти термины не просто пассивно документируют, но и активно участвуют в формировании современного понимания культуры Китая и достижении соци-

¹ 潘岳. 《习近平谈治国理政》中国特色语汇的俄译策略认知研究. 黑龙江大学, 2024. 61. = Пан Юэ. Когнитивное исследование стратегий перевода на русский язык выражений с китайской спецификой в сборниках «Си Цзиньпин о государственном управлении»: магистерская дис. Хэйлунцзянский университет, 2024. 61 с.

² 潘岳. 《习近平谈治国理政》中国特色语汇的俄译策略认知研究. 黑龙江大学, 2024. 61. = Пан Юэ. Указ. соч. С. 24.

ального консенсуса. С помощью таких ключевых выражений, как *国之大者* (коренные интересы государства), *共同富裕* (общее процветание) и *供给侧改革* (структурные реформы в сфере предложения), они четко определяют цели и пути развития Китая.

3. Смысловая глубина и культурная насыщенность. Данная лексика активно заимствует элементы традиционной китайской культуры, включая идиомы, классические аллюзии и известные поэтические строки. Это придает дискурсу особую интеллектуальную насыщенность и образную силу, раскрывая богатейшее культурное наследие Китая во всей его полноте.

4. Современные инновации. Развиваясь благодаря прогрессу общества, этот самообитный лексикон постоянно обогащается и обновляется, отражая новаторский дух и динамичную практику страны во всех сферах. Такие выражения, как *四个全面战略布局* (четырёхаспектная всесторонняя стратегическая концепция), *全球治理* (глобальное управление), «*一带一路*»倡议 (Инициатива «Один пояс и один путь») и т. д., являются яркими примерами этого лингвистического подхода к описанию современных реалий.

КЛАССИФИКАЦИЯ

Характерная китайская лексика в работе «Си Цзиньпин о государственном управлении» составляет обширный лингвистический корпус. Приведем анализ ее лингвистических характеристик.

1. Цитирование классических текстов. Этот прием заключается в использовании идиом, пословиц и древних изречений, которые, будучи наполнены современным смыслом, связывают текущую политическую практику с исторической преемственностью и культурными основаниями китайской цивилизации. Такое цитирование служит мощным инструментом легитимации, придавая новым идеям ауру традиционной мудрости.

Примеры:

治大国如烹小鲜 (Управлять великой державой — всё равно что жарить мелкую рыбу). Эта метафора, восходящая к «Дао дэ цзин» Лао-цзы, подчеркивает принцип недеяния (у вэй) и тонкого, осторожного управления. Как блюдо из мелкой рыбы легко испортить чрезмерным помешиванием на огне, так и государством нельзя управлять через избыточное вмешательство и неожиданные реформы. Значение метафоры: ключевое умение заключается в чуткости, умеренности и следовании естественному порядку вещей.

政之所兴在顺民心 (Процветание управления коренится в следовании воле народа). Эта максима, приписываемая государственному деятелю династии Ци Гуань Чжуну, отражает конфуцианскую идею «народной основы» (миньбэнь). Власть легитимна и устойчива только тогда, когда ее действия согласуются с фундаментальными потребностями и ожиданиями народа. В современном политическом дискурсе это подкрепляет идею «ориентированной на народ» политики.

行百里者半九十 (Для идущего сто ли девяносто ли — это только половина пути). Эта идиома, происходящая из древнекитайского трактата «Стратегии Сражающихся царств», является яркой метафорой важности финального усилия и стойкости. Она предупреждает, что последний этап любого начинания является самым трудным и преждевременное расслабление после первых успехов может привести к провалу. В политическом контексте это призыв к постоянной бдительности, упорству и доведению реформ до конца.

2. Яркие метафоры. Для популяризации сложных политических доктрин активно используются яркие, предметные метафоры, заимствованные из повседневного опыта и природного мира. Такой прием трансформирует абстрактные концепции власти и управления в наглядные и запоминающиеся образы, что обеспечивает их эффективное усвоение широкой аудиторией.

Примеры:

把权力关进制度的笼子 (Запереть власть в клетку институтов). В этой метафоре власть уподобляется дикому или опасному зверю, которого необходимо обуздать и поставить под надзор. «Клетка институтов» символизирует систему законов, сдержек и противовесов, призванную предотвратить произвол и злоупотребление должностными полномочиями. Образ предельно конкретен: он визуализирует саму идею ограничения и контроля, делая ее интуитивно понятной для каждого.

«*老虎*» «*苍蝇*» 一起打 (Бить и «тигров», и «мух»). Эта ставшая крылатой фраза представляет собой метафорическую классификацию коррупции по масштабу. «Тигры» — это высокопоставленные чиновники, совершающие крупные преступления, а «мухи» — это низовые служащие, чья повседневная коррупция отравляет жизнь обычных людей. Призыв бороться и с теми, и другими передает идею тотальности, беспощадности и неотвратимости борьбы, независимо от статуса нарушителя. Образ подчеркивает, что система нацелена на искоренение проблемы на всех уровнях.

3. Народные поговорки и разговорные выражения. Для легитимации управленческих принципов и демонстрации связи с массами активно привлекаются пословицы и используется живая разговорная речь. Эта стратегия позволяет поместить официальные идеи в формат «народного здравого смысла», создавая эффект узнавания и психологического единения власти и общества.

Примеры:

打铁还需自身硬 (Чтобы ковать железо, сам молот должен быть твердым; букв. «сам должен быть тверд»). Эта пословица служит емкой метафорой для иллюстрации принципа самодисциплины и моральной чистоты управленцев. Партия и госаппарат уподобляются кузнецу, потому что для эффективного преобразования общества («ковать железо») они сами должны быть неподкупно сильными, компетентными и свободными от пороков. Выражение подразумевает приоритет внутреннего совершенствования представителей власти над их внешним контролем.

鞋子合不合脚, 自己穿了才知道 (Подходит ли башмак, знает лишь тот, кто его носит). Возведенная в ранг политической аксиомы, эта бытовая поговорка символизирует принцип суверенитета и независимости пути развития. «Башмак» здесь символизирует модель управления или социально-экономическую систему, «нога» — конкретную страну или народ. Метафора обосновывает право Китая следовать собственному пути, отвергая универсальные «западные» стандарты. Она также подчеркивает важность прагматизма, который основан на национальном опыте.

小康不小康, 关键看老乡 (Умеренный достаток или нет — главный критерий в наших селах). Эта фраза, искусно стилизованная под народную присказку, является ядром нарратива о «всеобщем процветании» (共同富裕). Использование просторечного «сёла» (老乡) вместо официального «сельские жители» создает эффект доверительности и указывает на сельское население как на ключевую целевую аудиторию политики. Критерием успеха национального проекта объявляется не макроэкономический показатель, а осязаемый рост благосостояния простого народа.

4. Инновационная политическая терминология. Начиная с XVIII съезда КПК основные политические концепции и стратегические выражения, сформированные или обогащенные новыми коннотациями в результате практики государственного управления, служат ключевыми маркерами идеологической системы. Примерами могут служить *新发展*

理念 (Новая философия развития) и 绿水青山就是金山银山 (Зелёные горы и изумрудные воды — бесценное сокровище).

5. Выражения, взятые из интернационального дискурса. Использование международно признанных аллюзий или создание межкультурных аналогий для формулирования позиции Китая и содействия цивилизационному обмену и взаимообогащению дискурсивных практик. Примеры включают *“意大利面碗”现象 «Феномен спагетти»* и *不能要求所有花朵都变成紫罗兰 «Нельзя ожидать, что все цветы станут фиалками».*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследованные в статье языковые выражения с китайской спецификой выходят за рамки традиционной политической риторики, представляя собой целостную дискурсивную структуру, которая интегрирует историческую мудрость, современные реалии и конкретные практические стратегии. Благодаря творческой трансформации традиционных культурных идиом и аллюзий, ярких метафор и инновационной политической терминологии, данные выражения способствовали успешному построению теоретической нарративной системы новой эпохи, которая смогла совместить как китайскую специфику, так и универсальные проблемы. Значимость исследования выражений с китайской спецификой заключается в выработке метода анализа текста для расшифровки внутренней логики и культурного кода современной политической мысли Китая. Такой анализ глубоко раскрывает сильное влияние дискурса на формирование социального консенсуса и практику управления.

Практическая значимость данного исследования заключается в анализе дискурсивных практик и интеллектуальных концепций, укорененных в китайской культуре. Полученные результаты способствуют укреплению культурной самоидентификации, содействуют интернационализации китайской теоретической мысли и преодолению монополии западных дискурсивных моделей, что в конечном итоге ведет к созданию условий для равноправного диалога между цивилизациями.

ИСТОЧНИКИ

1. 习近平. 习近平谈治国理政(第1卷). 北京: 外文出版社, 2014. 469. = Си Цзиньпин. Си Цзиньпин о государственном управлении. Т. 1 / Си Цзиньпин. — Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2014. — 469 с.
2. 习近平. 习近平谈治国理政(第2卷). 北京: 外文出版社, 2018. 569. = Си Цзиньпин. Си Цзиньпин о государственном управлении. Т. 2 / Си Цзиньпин. — Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2018. — 569 с.
3. 习近平. 习近平谈治国理政(第3卷). 北京: 外文出版社, 2020. 570. = Си Цзиньпин. Си Цзиньпин о государственном

управлении. Т. 3 / Си Цзиньпин. — Пекин : Издательство литературы на иностранных языках, 2020. — 570 с.

4. 习近平. 习近平谈治国理政(第4卷). 北京: 外文出版社, 2022. 578. = Си Цзиньпин. Си Цзиньпин о государственном управлении. Т. 4. / Си Цзиньпин. — Пекин : Издательство литературы на иностранных языках, 2022. — 578 с.

5. 习近平. 习近平谈治国理政(第5卷). 北京: 外文出版社, 2025. 533. = Си Цзиньпин. Си Цзиньпин о государственном управлении. Т. 5 / Си Цзиньпин. — Пекин : Издательство литературы на иностранных языках, 2025. — 533 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ван, Д. Сравнительный анализ перевода концептуальных метафор из доклада на 20-м съезде Коммунистической партии Китая на русский, японский и английский языки в свете когнитивной теории перевода / Ван Д. // Политическая лингвистика. — 2023а. — № 4. — С. 191–200. — EDN UUKFSZ.

2. Ван, Д. Стратегия перевода идиом с китайского языка на русский язык — на материале «Си Цзиньпин о государственном управлении» / Д. Ван // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. — 2023б. — № 12-1. — С. 145–148. — DOI 10.37882/2223-2982.2023.12.04. — EDN CFISXG.

3. Волкова, Т. А. Модели и стратегии перевода в российском и китайском переводоведении: опыт сопоставительного анализа / Т. А. Волкова // Политическая лингвистика. — 2017. — № 6(66). — С. 158–165. — EDN YMIXOL.

4. Лобанова, Т. Н. Проблема перевода политических текстов в лингвопрагматическом аспекте (на материале газет КНР) / Т. Н. Лобанова // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. — 2013. — № 2 (172). — С. 226–230. — EDN QCURXB.

5. Ставров, И. В. Идеология новой власти: книга Си Цзиньпина «О государственном управлении». Обзор / И. В. Ставров // Россия и АТР. — 2015. — № 4 (90). — С. 263–268. — EDN VVHVJZ.

6. Сюэ, Х. О стратегиях перевода китайских политических текстов (на примере публикации «Си Цзиньпин о государственном управлении») / Сюэ Х. // Образование и право. — 2020. — № 7. — С. 193–197. — DOI 10.24411/2076-1503-2020-10736. — EDN HWFHEF.

7. Упир, И. Р. Особенности политического лидерства в Китае: первая часть серии книг «Си Цзиньпин о государственном управлении» / И. Р. Упир // Вопросы элитологии. — 2020. — Т. 1, № 3. — С. 167–172. — DOI 10.46539/elit.v1i3.31. — EDN VXIBHC.

8. Langacker, R. W. Construal / R. W. Langacker // Cognitive linguistics: Foundations of language / eds. E. Dąbrowska, D. Divjak. — Berlin : Mouton de Gruyter, 2019. — ISBN 978-3110626476. — DOI 10.1515/9783110626476-007.

9. Liu, F. A Study on Conceptual Blending of Korean Translation of expressions with Chinese characteristics: The principles and characteristics of conceptual integration / F. Liu // Bilingual Research. — 2022. — Vol. 90. — P. 47–52.

10. Schäffner, C. Metaphor and translation: Some implications of a cognitive approach / C. Schäffner // Journal of Pragmatics. — 2004. — Vol. 36, No. 7. — P. 1253–1269. — DOI 10.1016/j.pragma.2003.10.012. — EDN WUHDK.

11. 姜雅明. 当代中国特色政治语汇俄译中的语言文化适应问题研究. 中国俄语教学, 2021, 40(03): 51–59. = Цзян Ямин. Исследование лингвистической и культурной адаптации в русском переводе современной политической лексики с китайскими особенностями / Цзян Ямин // Преподавание русского языка в Китае. — 2021. — № 40 (03). — С. 51–59.

12. 李文博. 基于读者反应论视角下汉语文化负载词的韩译研究——以《习近平谈治国理政》为例. 国际公关, 2020, (06): 172–174. = Ли Вэньбо. Исследование корейского перевода китайских слов, насыщенных культурным содержанием, с точки зрения реакции читателей: на примере книги «Си Цзиньпин о государственном управлении» / Ли Вэньбо // Международные публичные отношения. — 2020. — № 6. — С. 172–174.

13. 王婀娜, 潘智丹. 政治类外宣文本中的文化外译策略研究——以《习近平谈治国理政》德译本中的“熟语”翻译为例.

山东外语教学, 2023(01): 125–133. = Ван Эна. Исследование стратегий культурного перевода в текстах внешней политической пропаганды: на примере перевода идиом в немецком издании книги «Си Цзиньпин о государственном управлении» / Ван Эна, Пан Чжидань // Преподавание иностранных языков в Шаньдуне. — 2023. — № 1. — С. 125–133.

14. 章亚芳. 中国特色词汇的德语翻译策略研究[J]. 中国科技术语, 2025, 27(04): 103–106. = Чжан Яфан. Исследование стратегий перевода специфической китайской лексики на немецкий язык / Чжан Яфан // Китайская научно-техническая терминология. — 2025. — № 27(04). — С. 103–106.

15. 祝朝伟. 《习近平谈治国理政》中典故的英译方法及对外宣翻译的启示. 外国语, 2020(03): 83–90. = Чжу Чаовэй. Методы перевода классических аллюзий в книге Си Цзиньпина «Управление Китаем» и их значение для перевода иностранной пропаганды / Чжу Чаовэй // Иностранные языки. — 2020. — № 3. — С. 83–90.

MATERIALS

1. Xi Jinping. (2014). Xi Jinping: The governance of China. Vol.

1. Beijing: Foreign language literature publishing house, 469 p.

2. Xi Jinping. (2018). Xi Jinping: The governance of China. Vol.

2. Beijing: Foreign language literature publishing house, 569 p.

3. Xi Jinping. (2020). Xi Jinping: The governance of China. Vol.

3. Beijing: Foreign language literature publishing house, 570 p.

4. Xi Jinping. (2022). Xi Jinping: The governance of China. Vol.

4. Beijing: Foreign language literature publishing house, 578 p.

5. Xi Jinping. (2025). Xi Jinping: The governance of China. Vol.

5. Beijing: Foreign language literature publishing house, 533 p.

REFERENCES

1. Wang, D. (2023a). Comparative analysis of the translation of conceptual metaphors from the report at the 20th Congress of the Communist Party of China into Russian, Japanese, and English in light of cognitive translation theory. *Political Linguistics*, 4, 191–200.

2. Wang, D. (2023b). Strategiya perevoda idiom s kitayskogo yazyka na russkiy yazyk — na materiale «Si Tszin'pin o gosudarstvennom upravlenii» = Strategy for Translating Idioms from Chinese into Russian — Based on “Xi Jinping on Public Administration”. *Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series: Humanities*, 12-1, 145–148. DOI 10.37882/2223-2982.2023.12.04. EDN CFISXG.

3. Volkova, T. A. (2017). Modeli i strategii perevoda v rossiyskom i kitayskom perevodovedenii: opyt sopostavitel'nogo analiza = Translation Models and Strategies in Russian and Chinese Translation Studies: An Essay on Comparative Analysis. *Political Linguistics*, 6(66), 158–165. EDN YMIXOL.

4. Lobanova, T. N. (2013). Problema perevoda politicheskikh tekstov v lingvopragmaticheskom aspekte (na materiale gazet KNR) = The Problem of Translating Political Texts in the Lingvopragmatic Aspect (Based on Chinese Newspapers). *Scientific and Technical Bulletin of the St. Petersburg State Polytechnical University. Humanities and Social Sciences*, 2(172), 226–230. EDN QCURXB.

5. Stavrov, I. V. (2015). Ideologiya novoy vlasti: kniga Si Tszin'pina «O gosudarstvennom upravlenii». Obzor = Ideology of the New Government: Xi Jinping's Book “On Public Administration”. Review. *Russia and the Asia-Pacific Region*, 4(90), 263–268. EDN VVHVJZ.

6. Upir, I. R. (2020). Osobennosti politicheskogo liderstva v Kitae: pervaya chast' serii knig «Si Tszin'pin o gosudarstvennom upravlenii» = Features of Political Leadership in China: Part One of the Book Series “Xi Jinping on Public Administration”. *Questions of Elitology*, 1(3), 167–172. DOI 10.46539/elit.v1i3.31. EDN VXIBHC.

7. Xue, H. (2020). On strategies for translating Chinese political texts (using the example of the publication “Xi Jinping: The governance of China”). *Education and Law*, 7, 193–197.

8. Langacker, R. W. (2019). Construal. *Cognitive linguistics: Foundations of language* (Eds. E. Dąbrowska & D. Divjak). Berlin: Mouton de Gruyter, 300 p.

9. Liu, F. (2022). A Study on Conceptual Blending of Korean Translation of expressions with Chinese characteristics: The principles and characteristics of conceptual integration. *Bilingual Research*, 90, 47–52.

10. Schäffner, C. (2004). Metaphor and translation: Some implications of a cognitive approach. *Journal of Pragmatics*,

36(7), 1253–1269. DOI 10.1016/j.pragma.2003.10.012. EDN WUUHDK.

11. Jiang, Yaming (2021). Research on Linguistic and Cultural Adaptation in Russian Translation of Contemporary Chinese Political Vocabulary. *Teaching Russian in China*, 40(03), 51–59.

12. Li, Wenbo (2020). A study of Korean translations of Chinese words rich in cultural content from the perspective of reader response: the example of the book “Xi Jinping: The governance of China”. *International Public Relations*, 6, 172–174.

13. Wang Ena, Pan Zhidan (2023). A Study of Cultural Translation Strategies in Political External Propaganda Texts: Taking the

Translation of Idioms in the German Translation of The governance of China as an Example. *Shandong Foreign Language Teaching*, 1, 125–133.

14. Zhang, Yafang (2025). Research on Translation Strategies for Chinese-Specific Vocabulary into German. *Chinese Science and Technology Terminology*, 27(04), 103–106.

15. Zhu, Chaowei (2020). Methods of translating classical allusions in Xi Jinping’s book “The Governance of China” and their significance for foreign propaganda translation. *Foreign Languages*, 3, 83–90.

Политическая лингвистика. 2026. № 2 (116).
Political Linguistics. 2026. No 2 (116).

УДК 811.161.1'42+811.111'42+81'38+81'27
ББК ШП43.21-51+ШП41.12-51+ШП05.551.5+ШП00.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.51

Код ВАК 5.9.8

Екатерина Андреевна Гейн

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, ea-ift@uspu.ru, SPIN-код: 1033-1603, <https://orcid.org/0009-0004-4767-6160>

Прецедентные ойконимы как метафоры в военном нарративе англоязычных и русскоязычных СМИ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается функционирование прецедентных ойконимов (Газа, Буча, Сталинград, Алеппо, Хиросима, Чернобыль, Беслан) как метафор в военном нарративе в русскоязычном и англоязычном медиадискурсе. Актуальность исследования обусловлена активным использованием прецедентных феноменов в современных СМИ для интерпретации военных конфликтов, а также недостаточной изученностью механизмов метафоризации ойконимов в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы. Цель исследования — выявление и описание особенностей функционирования прецедентных ойконимов как метафор в военных нарративах. В качестве материала исследования использованы контексты из русскоязычных (ТАСС, Repost, Интерфакс, «Царьград», RT на русском, DNR-PRAVDA.ru, «Газета.ru», Первый Севастопольский, «Капитал Страны», RTVI, URA.ru, «Экология России», «Новые Известия», News.ru, «ФедералПресс», Информационное агентство «Хакасия») и англоязычных («Reuters», «The Guardian», «UN News», «The iNews», BBC, «Foreign Policy», «Time», «CounterPunch», «The Financial Times», «Politico», «The New York Times», «Economist», «The Telegraph», «The Sun», «The Express», «The Mirror», «The Economic Times», «Forbes», «The Daily Star») СМИ за период 2004–2026 гг., отобранные методом сплошной выборки (всего 75 контекстов, содержащих метафоры войны). В основу методологии исследования легла когнитивно-дискурсивная парадигма. В статье выявлены семантические признаки, лежащие в основе метафоризации рассматриваемых ойконимов, а также установлены их функциональные роли (прогностическая, манипулятивная, легитимирующая, делегитимирующая, критико-идеологическая). На основе сравнительного анализа показаны различия в интерпретации прецедентных феноменов в зависимости от национального медиадискурса, что подтверждает тезис о лингвокультурной специфике прецедентных ойконимов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политические тексты, журналистика, медиадискурс, медиатексты, русскоязычные СМИ, англоязычные СМИ, средства массовой информации, языковые средства, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, политические метафоры, прецедентные имена, прецедентные ойконимы, прецедентные метафоры, метафора войны, концептуальные метафоры, язык СМИ, военный нарратив, метафорические модели, прецедентные астионимы.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Гейн Екатерина Андреевна, старший преподаватель кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка, аспирант кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия, email: ea-ift@uspu.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гейн, Е. А. Прецедентные ойконимы как метафоры в военном нарративе англоязычных и русскоязычных СМИ / Е. А. Гейн. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 132-139.

Ekaterina A. Gein

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, ea-ift@uspu.ru, SPIN code: 1033-1603, <https://orcid.org/0009-0004-4767-6160>

Precedent Oikonyms as Metaphors in the Military Narrative of English- and Russian-Language Mass Media

ABSTRACT. The article studies the functioning of precedent oikonyms (Gaza, Bucha, Stalingrad, Aleppo, Hiroshima, Chernobyl, and Beslan) as metaphors in the military narrative in Russian- and English-language media discourse. The relevance of the research can be explained by the active use of precedent phenomena in modern media in the interpretation of military conflicts, as well as to insufficient knowledge of the mechanisms of oikonymic metaphorization within the framework of the cognitive-discursive paradigm. The aim of the study is to identify and describe the specific features of the functioning of precedent oikonyms as metaphors in the military narrative. The practical research material incorporates contexts from Russian-language media (TASS, Repost, Interfax, Tsargrad, RT in Russian, DNR-PRAVDA.ru, Gazeta.ru, Perviy Sevastopolskiy, Kapital Strany, RTVI, URA.ru, Ekologia Rossii, the Novye Izvestia, News.ru, FederalPress, Information agency Khakasia) and English-language media (Reuters, the Guardian, UN News, the iNews, BBC, Foreign Policy, Time, CounterPunch, the Financial Times, Politico, the New York Times, the Economist, the Telegraph, the Sun, the Express, the Mirror, the Economic Times, Forbes, the Daily Star) for the period 2004-2026, selected by the continuous sampling method (total 75 contexts containing metaphors of war). The research methodology is based on the cognitive-discursive paradigm. The article has revealed the semantic features underlying the process of metaphorization of the oikonyms in question and their functional roles (predictive, manipulative, legitimizing, delegitimizing, and critical-ideological). Based on a compara-

tive analysis, the study highlights differences in the interpretation of precedent phenomena depending on the national media discourse, which confirms the thesis about the linguocultural nature of precedent oikonyms.

KEYWORDS: political discourse, political texts, journalism, media discourse, media texts, Russian-language mass media, English-language mass media, mass media, language means, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, political metaphors, precedent names, precedent oikonyms, precedent metaphors, military metaphor, conceptual metaphors, mass media language, military narrative, precedent astonyms.

AUTHOR'S INFORMATION: Gein Ekaterina Andreevna, Senior Lecturer of Department of English Philology and Methods of Teaching English; Post-Graduate Student of Department of Intercultural Relations, Rhetoric, and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Gein E. A. (2026). Precedent Oikonyms as Metaphors in the Military Narrative of English- and Russian-Language Mass Media. In *Political Linguistics*. No 2 (116), pp. 132-139. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Современный медиадискурс представляет собой сложное коммуникативное пространство, в котором используются различные языковые средства, формирующие общественное восприятие военных событий. В условиях, когда средства массовой информации выступают не только каналом передачи сведений, но и инструментом формирования общественного мнения, особую значимость приобретают те языковые единицы, которые способны нести идеологический заряд. К числу таких единиц относятся прецедентные имена — феномены, хорошо известные представителям лингвокультурного сообщества, регулярно воспроизводящиеся в речи и обладающие богатым ассоциативным потенциалом. Среди прецедентных имен выделяются ойконимы — названия городов и населенных пунктов, которые в процессе медийного употребления способны утрачивать свою первичную номинативную функцию и превращаться в символы определенных исторических событий. Ойконимы *Сталинград*, *Чернобыль*, *Хиросима*, *Беслан* закрепились в коллективной памяти как маркеры трагических страниц истории, что создает предпосылки для их метафорического использования при описании новых конфликтов. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в последние десятилетия медиадискурс не теряет своей роли в формировании восприятия военных конфликтов, при этом метафоризация данных событий с помощью прецедентных ойконимов остается недостаточно изученной.

ПОНЯТИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ

Понятие прецедентного текста впервые было описано Ю. Н. Карауловым в 1987 г. В своей монографии «Русский язык и языковая личность» он назвал их «готовыми интеллектуально-эмоциональными блоками» [Караулов 2010: 220], которые хорошо из-

вестны членам лингвокультурного сообщества, обладают значительным ассоциативным потенциалом и регулярно воспроизводятся в речи. Дальнейшее развитие данная теория получила в работах Д. В. Багаевой, И. В. Захаренко [Багаева, Гудков, Захаренко, Красных 1997], Д. Б. Гудкова [Гудков 2003], В. В. Красных [Красных 2003], Г. Г. Слышкина¹ и др.

Так, Д. В. Багаева, И. В. Захаренко, Д. Б. Гудков и В. В. Красных показали, как прецедентные имена и высказывания взаимосвязаны: имя может актуализировать целое прецедентное высказывание или ситуацию [Багаева, Гудков, Захаренко, Красных 1997: 89]. Позднее Д. Б. Гудков, расширив понятие «прецедентных текстов» до «прецедентных феноменов», подтвердил, что они являются основными компонентами общего для всего лингвокультурного сообщества ядра знаний и представлений [Гудков 2003: 101]. В. В. Красных подчеркнула, что прецедентные феномены в целом относятся к национально-когнитивной базе, так как они хорошо известны любому «среднему» представителю национально-лингвокультурного сообщества [Красных 2003: 170]. Также она выделила прецедентное имя как вид прецедентного феномена, определив его как «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом (например, Печорин, Теркин), или с прецедентной ситуацией (например, Иван Сусанин, Стаханов)» [Там же: 172].

Прецедентные имена, в свою очередь, как отмечает Е. А. Нахимова, включают традиционные для ономастики разряды: антропонимы, топонимы, зоонимы, мифонимы, фитонимы и т. д. [Нахимова 2011: 83]. Такие имена активно формируют интертекстуальные связи и идеологические смыслы. Соответственно, прецедентные ойконимы (названия населенных пунктов) также обладают высокой семантической емкостью.

В медиадискурсе ойконим выходит за пределы номинативной функции, рассмат-

¹ Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: автореф. ... дис. д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 40 с.

риваемой ономастикой, и приобретает символическое значение. В результате исторических событий (войн, катастроф, революций) отдельные ойконимы начинают ассоциироваться с определенными сценариями (*Сталинград* — решающая битва, *Чернобыль* — техногенная катастрофа). Происходит семантическая деривация ойконима, когда географическое название превращается в культурный символ и метафоризируется.

В основе анализа метафоризации имени лежит концепция когнитивной метафоры, разработанная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в 1980 г. В их фундаментальной работе «Метафоры, которыми мы живем» метафора определяется как механизм, при котором «понимание и переживание сущности одного вида осуществляется в терминах сущности другого вида» [Лакофф, Джонсон 2004: 25]. Иными словами, метафора представляет собой не просто риторический прием, а базовый способ концептуализации действительности, позволяющий структурировать абстрактные или сложные явления через конкретный опыт.

Такое понимание обуславливает расширение статуса метафоры за пределы собственно языковой системы: поскольку сама понятийная система человека носит метафорический характер, метафора выступает как результат взаимодействия языка, мышления и культуры [Будаев 2007: 21]. Это означает, что метафоризация имени, в частности, не только отражает уже существующие когнитивные модели, но и участвует в их формировании, закрепляя определенные способы интерпретации реальности.

Дальнейшее развитие этой идеи представлено в когнитивной теории метафоры Эрла Маккормака, который показывает, что метафора является результатом активного познавательного процесса, основанного на сопоставлении, на первый взгляд, несопоставимых концептов [Маккормак 1990: 363]. В этом контексте метафоризация имени может рассматриваться как механизм генерации нового знания: перенос имени из одного семантического поля в другое активизирует скрытые ассоциативные связи и способствует формированию новых смыслов. Таким образом, анализ метафоризации имени позволяет выявить не только языковые особенности, но и глубинные когнитивные процессы, лежащие в основе осмысления действительности.

Когнитивный механизм, лежащий в основе процесса метафоризации, может быть объяснен с позиций концептуальной интеграции, разработанной Жилем Фоконье и Марком Тернером: человек осмысляет окру-

жающую действительность, постоянно смешивая информацию из различных сфер знания и опыта [Fausconnier, Turner 2002: 40]. То есть метафора выступает не только как средство выразительности, но и как инструмент когнитивного конструирования социальной реальности.

Возникая в медиадискурсе, метафора устанавливает связи между событиями, что способствует распространению определенной интерпретации и оценки, подразумеваемой автором [Заботкина, Коннова 2022: 369]. Сам медиадискурс при этом, вслед за Т. Г. Добросклонской, понимается нами как «совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [Добросклонская 2006: 21]. В рамках такого взаимодействия, как отмечает Т. ван Дейк, представители влиятельных групп получают возможность через средства массовой информации (СМИ) воздействовать на мнение и систему ценностей широких аудиторий [Dijk 2015: 472].

В этом контексте метафора выступает не только как средство описания, но и как инструмент когнитивного и идеологического воздействия: связывая разнородные события в единую интерпретационную модель, она направляет восприятие аудитории и задает рамки понимания происходящего. А. П. Чудинов также отмечает, что метафора позволяет человеку не только познать мир вокруг, но и преобразовать языковую картину мира адресата в процессе коммуникации [Чудинов 2006: 122], что особенно значимо для медиадискурса, где борьба интерпретаций приобретает системный характер.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью данного исследования является выявление специфики функционирования прецедентных ойконимов как метафор войны в англоязычном и русскоязычном медиадискурсе.

Материалом исследования послужили публикации русскоязычных (ТАСС, Repost, Интерфакс, «Царьград», RT на русском, DNR-PRAVDA.ru, «Газета.ru», Первый Севастопольский, «Капитал Страны», RTVI, URA.ru, «Экология России», News.ru, «ФедералПресс», Информационное агентство «Хакасия») и англоязычных («Reuters», «Guardian», «UN News», iNews, BBC, «Foreign Policy», «Time», «CounterPunch», «Financial Times», «Politico», «New York Times», «Economist», «Telegraph», «Sun», «Express», «Mirror», Economic Times, Forbes, Daily Star) средств массовой информации (всего 75 кон-

текстов, содержащих метафору войны), собранные за период с 2004 по 2026 год.

Методология данного исследования основана на когнитивно-дискурсивной парадигме [Кубрякова 2004]. При анализе контекстов, содержащих прецедентные ойконимы как метафоры войны, применялась методика функционального анализа прецедентных имен, описанная в классификации методик исследования прецедентных имен Э. В. Будаева [Будаев 2021: 23].

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ОЙКОНИМОВ В ВОЕННОМ НАРРАТИВЕ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ И РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Анализ новостных текстов русскоязычных и англоязычных СМИ показывает, что прецедентные ойконимы активно используются как средство метафорического моделирования военных сценариев. В медиадискурсе данные ойконимы утрачивают свою первичную номинативную функцию и приобретают статус когнитивных маркеров типовых ситуаций войны, позволяя сжато репрезентировать сложные политические и гуманитарные процессы. Рассмотрим основные группы ойконимов и их функции.

Ойконим «Газа» как метафора гуманитарной катастрофы

В анализируемых русскоязычных новостных текстах ойконим *Газа* функционирует как устойчивая метафора разрушенного населенного пункта, связанного с массовыми жертвами и гуманитарным кризисом. В ряде публикаций (Новости ООН, ТАСС, Интерфакс) используется конструкция: «*Ливан не должен стать новой Газой*» (Интерфакс. 22.06.2024). Данная формула демонстрирует типичную модель метафоризации «X — это новая Y», где Y (Газа) выступает в роли сценарного эталона. Семантическими признаками данной метафоры являются: тотальное разрушение инфраструктуры («*Многие из этих городов, деревень и пригородов превратились в руины*» — Интерфакс, «Боррель призвал к выполнению резолюции Совбеза ООН 2006 года по Ливану», 26.09.2024), массовые жертвы среди мирного населения («*Кроме того, Макрон прокомментировал операцию Израиля на юге Ливана, сказав, что „ливанский народ не может быть принесен в жертву и Ливан не может стать новым сектором Газа“*» — Repost, «Макрон: Ливан не должен стать **новым сектором Газа**», 06.10.2024); постоянная угроза бомбардировок («*...агентству пришлось приостановить некоторые операции в Ливане и превратить школы в убежища для беженцев из южных районов*» —

ТАСС, «Глава БАПОР: Ливан может стать **новым сектором Газа** в случае войны с Израилем», 25.09.2024).

В метафорическом значении ойконим «Газа» реализует прогностическую функцию (негативный сценарий), выступает универсальной моделью катастрофического сценария современной войны («*„Одно влияет на другое. Но в то же время мы должны сделать все, чтобы избежать того, чтобы южный Ливан стал **новой Газой**. А он становится **новой Газой**“*», — констатировал глава дипломатии ЕС» — Интерфакс, 26.09.2024).

В англоязычных СМИ ойконим *Gaza* является универсальной метафорой гуманитарной катастрофы и разрушенного города. Семантическими признаками метафоры выступают: разрушение инфраструктуры («*To the residents of the West Bank, the war in Gaza was a warning. As they watched bombs destroy 88% of the Gaza Strip over the last two years, they realised there was no limit to what Israel would do to crush Palestinian militants. Now the war in Gaza is drawing down, Palestinians fear Israel will turn its focus on the West Bank*» — Guardian, «West Bank resistance dies amid fears of becoming Israel's '**next Gaza**'», 24.10.2025); массовые жертвы («*Nearly 500 people were killed by Israeli forces in Lebanon on Monday, including many children*» — Guardian, «Netanyahu's lethal bombs will turn Lebanon into **another Gaza**. He must be brought down now», 24.09.2024), гуманитарный кризис («*Long queues at petrol stations and bakeries. Long lines of cars trying to escape the capital. And long, frightening nights*» — BBC, «'Don't let beautiful Tehran **become Gaza**': Iranians tell of shock and confusion», 17.06.2025).

Помимо обозначенной выше модели «X — это новая Y», в англоязычных медиа встречается также словообразовательная модель — суффиксация, *Gazafication*: «*Child deaths surge amid '**Gazafication**' of West Bank, report says. Palestinians facing mass displacements, airstrikes and rise in attacks on children and other civilians, rights group says*» (Guardian. 10.03.2025). Суффикс *-ification*, образующий существительные со значением «процесс придания определенного качества/состояния», подчеркивает факт намеренного создания на территории определенной ситуации, характеризующейся тотальным разрушением, гуманитарным кризисом и массовыми жертвами. Использование данной словообразовательной модели позволяет представить происходящее не как стихийное бедствие или неизбежное следствие военных действий, а как целенаправленный процесс, осуществляемый субъектом, наделенным властью и ответственностью. В связи с этим в

англоязычном медиадискурсе наблюдается не только метафорическое расширение значения ойконима *Gaza*, но и его грамматикализация, проявляющаяся в способности имени собственного становиться производящей основой для новых лексических единиц, что свидетельствует о высокой степени прецедентности данного ойконима и его закреплённости в когнитивной базе носителей языка.

Таким образом, в англоязычном дискурсе метафора *Gaza* не только выполняет прогностическую функцию, где автор текста предупреждает аудиторию о возможном развитии событий по катастрофическому сценарию, но и манипулятивную функцию, направленную на формирование у аудитории определенного эмоционального и оценочного (критического) отношения к описываемым событиям.

Ойконим «Буча» как метафора военных преступлений

В русскоязычном медиадискурсе ойконим «Буча» используется преимущественно в рамках политически маркированной интерпретации событий. В статье «Замерзшие насмерть дети и старики. Режим Зеленского готовит **новую Бучу**» (Капитал Страны. 10.01.2026) встречаются следующие слова: «Военный эксперт Юрий Подоляка предупредил о том, что киевский режим готовит новую провокацию, напоминающую трагедию в Буче». Буча здесь является обозначением сфабрикованного «преступления» военного времени.

В отличие от русскоязычного дискурса, в англоязычных СМИ Буча связывается с массовыми убийствами («*We cannot know for sure, because about 1,000 civilians were killed in airstrikes, artillery shelling and bombings,» said Marchenko*» — Guardian, «‘Very similar’: fears gateway city to Donbas will become **another Bucha**», 18.04.2022). В данном примере наблюдается дискурсивная переоценка прецедентного ойконима.

Если в британском медиадискурсе метафора Буча используется как символ массовых убийств и военных преступлений и несет манипулятивную функцию (через апелляцию к эмоционально-травматическому опыту аудитории) и легитимирующую функцию (оправдание дальнейших политических и военных шагов), то в российском медиадискурсе Буча — это сфабрикованное или провокационное массовое преступление, используемое как инструмент информационной войны. В отличие от западного дискурса, здесь метафора лишена эмпатии и служит делегитимации обвинений (разоблачению «информационных атак»).

В этом случае ойконим выполняет не только когнитивную, но и идеологическую

функцию, отражая специфику национально-го медиадискурса.

Ойконим «Сталинград» как метафора предельной интенсивности конфронтации

Ойконим *Сталинград* в медиатекстах используется как символ крайней степени ожесточения. Семантическими признаками данной метафоры являются предельная интенсивность противостояния, экзистенциальная угроза, требующая мобилизации ресурсов, а также историческое значение момента, отсутствие возможности отступления. В статье «Guardian» «*Lay off those war metaphors, world leaders. You could be the next casualty*» (21.03.2020) противостояние стран во время пандемии Covid-2019 представлено как битва на поле боя (*war metaphors, casualty, battlefield, wartime president, to join forces, invisible enemy, threat, damage, victim* и т. п.): «*In this epic global confrontation — some even call it the third world war — symbolism matters. That’s why Japan and sporting bodies are desperate that the Tokyo Olympics do not succumb. The Games have become the Covid-19 Stalingrad equivalent. “Not a step back” is their borrowed, desperate motto*». Особый интерес представляет использование в тексте «Guardian» девиза «*Not a step back*» («Ни шагу назад»), который представляет собой прямую отсылку к советскому приказу № 227, изданному в разгар Сталинградской битвы. Эта интертекстуальная связь усиливает когнитивную силу метафоры: автор не просто называет Олимпийские игры «эквивалентом Сталинграда», но и имплицитно переносит на современную ситуацию весь комплекс смыслов, связанных с этим документом — от жесткой централизации управления до готовности жертвовать частным ради общего. Метафора *Сталинград* здесь выполняет легитимирующую функцию, то есть консолидирует аудиторию, оправдывает принимаемые меры, а также снимает ответственность с принимающих решения, так как их действия продиктованы беспрецедентными обстоятельствами.

Ойконим «Алеппо» как метафора разрушенного города

В англоязычном медиадискурсе ойконим *Алеппо* выступает как символ тотального разрушения города в результате боевых действий. Семантическими признаками данной метафоры являются: разрушение городской инфраструктуры, интенсивные авиаудары, гуманитарная катастрофа («*Ihor Terekhov said Russia had switched tactics to try to destroy the city’s power supply and terrorise its 1.3 million residents by firing into residential*

areas, with people experiencing unscheduled power cuts for hours at a time» — Guardian, «Kharkiv at risk of becoming **'second Aleppo'** without US aid, mayor says», 17.04.2024).

В 2012—2016 годах Алеппо стал эпицентром ожесточенных боевых действий, сопровождавшихся массированными авиаударами, осадой восточных районов города, разрушением исторического центра и гуманитарной катастрофой. В англоязычном медиадискурсе образ Алеппо закрепился как сценарий, при котором город превращается в руины, а мирное население становится заложником боевых действий. Эта историческая память позволяет использовать ойконим *Алеппо* как сжатый нарратив, передающий целый комплекс признаков: длительная осада, обстрелы жилых кварталов, массовый исход населения и международная реакция, характеризующаяся как запоздалая.

Метафора «Алеппо», с одной стороны, выполняет прогностическую функцию (моделирует негативный сценарий развития событий для других городов), а с другой, создает определенные ассоциации и образы (негативные) у аудитории, выполняя манипулятивную функцию.

Ойконим «Беслан» как метафора террористической катастрофы

В британских СМИ ойконим «Беслан» используется как символ экстремального террористического насилия, как результата политических решений. В статье «Guardian» «There will be **another Beslan**» (04.09.2004) проводится параллель между проблемой терроризма в Непале с одной стороны и США, России и Израиле с другой. Автор подчеркивает, что применение военной силы против терроризма не показало своей эффективности в Ираке, Чечне и Палестине: «As the drama of Beslan was entering its final hours, George Bush was bidding for re-election on the promise of security to the American people, a security premised on the willingness to use overwhelming military force. It was the same promise that Putin gave to the Russians and Ariel Sharon to the people of Israel. All three **have used violence freely in pursuit of electoral reward** <...> **None has produced the peace or security that was their justification; all have generated more violence and widened the circle of killing far beyond the formal engagement of armed men on both sides**». По мнению автора статьи, политические решения, принятые президентами, не привели к желаемому результату. Непал же может стать следующим Бесланом, если изберет похожую тактику: «The government has **responded with force, but there is no military solution in this war on terror, any**

more than in Iraq, Chechnya or Palestine. An outright victory by either side in Nepal could only come at appalling cost and would presage further suffering. If Nepal is to have a future, it must be a negotiated one — and one which addresses the Nepal's extremes of social injustice».

Семантическими признаками ойконима *Беслан* в данном и аналогичных контекстах выступают: террористическое насилие, направленное против мирного населения (в особенности детей), неэффективность силового подхода и политический шок.

Особый интерес представляет функциональная нагрузка данной метафоры. Метафора «Беслан» выполняет прогностическую функцию (негативный прогноз), а также критико-идеологическую функцию (символ морального провала политической системы).

Ойконим «Чернобыль» как метафора техногенной катастрофы

Ойконим «Чернобыль» используется для обозначения предельной техногенной угрозы, связанной с военными действиями. В медиадискурсе встречаются такие примеры, как «В России предупредили о риске **нового Чернобыля** из-за ударов по Ирану» (RTVI. 19.06.2025), «Ukraine warns of **'second Chernobyl'** as Russian strikes threaten nuclear plants» (Daily Star. 19.01.2026) и др. В данных статьях *Чернобыль* выступает не просто как радиационная катастрофа, но как катастрофа, возникшая в результате военных действий и выходящая за пределы локальной войны. В применении данной метафоры в медиадискурсе прослеживаются **прогностическая** (моделирование катастрофического сценария, при котором военные действия приводят к техногенной катастрофе) и **манипулятивная функции** (аргумент против эскалации конфликта и/или инструмент привлечения международного внимания). Иными словами, метафора «Чернобыль» моделирует сценарий апокалиптической техногенной войны.

Ойконим «Хиросима» как метафора мгновенного массового уничтожения

Ойконим *Хиросима* в медиадискурсе обладает сходной с метафорой *Чернобыль*, но более радикальной семантикой. В медиатекстах фиксируются следующие примеры употребления: «Однако военный эксперт, историк войск ПВО Юрий Кнут в беседе с NEWS.ru предположил, что Соединенные Штаты и Израиль действительно могли бы организовать ядерную атаку на Иран» (News.ru. Банда Эпштейна у красной кнопки: США готовят «новую Хиросиму» для Ирана. 16.03.2026); «Израиль намерен устроить в Газе **подобие Хиросимы без ядерного**

оружия» (News.ru. Херш обвинил Израиль в подготовке «новой Хиросимы». 18.10.2023) и т. п.

В последнем из приведенных примеров наблюдается семантическая трансформация: ойконим, исторически неразрывно связанный с ядерным взрывом, применяется для описания неядерной военной операции. Такое расширение семантического поля свидетельствует о высокой степени прецедентности ойконима.

Как и в случае с метафорой *Чернобыль*, мы также можем проследить использование метафоры *Хиросима* с целью негативного прогноза (мгновенное и тотальное разрушение) и/или манипуляции (создание образа врага, готового на беспрецедентное насилие).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование подтверждает, что прецедентные ойконимы в современном медиадискурсе перестают выполнять сугубо номинативную функцию и трансформируются в мощные когнитивные и идеологические инструменты. Анализ контекстов из русскоязычных и англоязычных СМИ показал, что названия рассмотренных городов и населенных пунктов функционируют как метафорические модели, позволяющие интерпретировать новые военные и политические конфликты через призму уже известных исторических травм.

Сравнительный анализ выявил существенные различия в функционировании прецедентных ойконимов в зависимости от национального медиадискурса. Наиболее показательным в этом отношении является ойконим *Буча*. Данный факт подтверждает тезис о том, что метафора является не только способом концептуализации реальности, но и ареной идеологической борьбы.

Функциональный анализ позволил выделить доминирующие роли прецедентных метафор в медиатекстах. Наиболее востребованными оказались прогностическая функция, а также манипулятивная функция, направленная на формирование общественного мнения путем апелляции к коллективной исторической памяти. В ряде случаев, как, например, с метафорой «Сталинград», на первый план выходит легитимирующая функция, оправдывающая беспрецедентность принимаемых мер через отсылку к историческому образцу предельной стойкости.

Таким образом, прецедентные ойконимы становятся универсальным языком описания современных конфликтов. Они превращают сложные геополитические процессы в сжатые и узнаваемые когнитивные схемы, что делает их эффективным, но при этом идео-

логически нагруженным инструментом моделирования реальности в СМИ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Багаева, Д. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / Д. В. Багаева, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — Москва : Диалог-МГУ, 1997. — Вып. 1. — С. 82–103. — EDN UECILT.
- Будаев, Э. В. Прецедентные имена в СМИ: методики исследования / Э. В. Будаев // Политическая лингвистика. — 2021. — № 3 (87). — С. 22–36. — DOI 10.26170/1999-2629_2021_03_02. — EDN XUXUGK.
- Будаев, Э. В. Становление когнитивной теории метафоры / Э. В. Будаев // Лингвокультурология. — 2007. — № 1. — С. 19–35. — EDN PYCQCP.
- Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. — Москва : ИТДГК «Гнозис», 2003. — 288 с. — ISBN 5-94244-007-7.
- Добросклонская, Т. Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации / Т. Г. Добросклонская // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. — 2006. — № 2. — С. 20–33. — EDN PUZPXL.
- Заботкина, В. И. Прецедентные метафоры как инструмент языковой манипуляции в англо-американском медиадискурсе: аксиологический аспект / В. И. Заботкина, М. Н. Коннова // Новый филологический вестник. — 2022. — № 3 (62). — С. 367–382. — DOI 10.54770/20729316-2022-3-367. — EDN IPKLSZ.
- Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Наука, 1987. — 363 с. — EDN PWFIXL.
- Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. — Москва : ИТДГК «Гнозис», 2003. — 375 с.
- Кубрякова, Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова ; Рос. академия наук, Ин-т языкознания. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 560 с. — ISBN 5-94457-174-8. — EDN SUQHIP.
- Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — Москва : УРСС, 2004. — 256 с. — ISBN 5-354-00222-2. — EDN QRAADX.
- Макормак, Э. Когнитивная теория метафоры / пер. с англ. А. Д. Шмелева // Теория метафоры : сборник / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. — Москва : Прогресс, 1990. — С. 358–386.
- Нахимова, Е. А. Прецедентные ономы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования : моногр. / Е. А. Нахимова ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011. — 276 с. — ISBN 978-5-7186-0459-7. — EDN QCNWZB.
- Слышкин, Г. Г. Лингвокультурный концепт и идеология / Г. Г. Слышкин // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2005. — № 3(12). — С. 10–18. — EDN HSMGJH.
- Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 256 с. — ISBN 5-89349-897-6. — EDN SDQKXT.
- Dijk, T. A. van. Critical Discourse Analysis / T. A. van Dijk // The Handbook of Discourse Analysis / ed. by D. Tannen, H. E. Hamilton, and D. Schiffrin. — S.l. : Blackwell Publishers Ltd., 2015. — P. 466–485.
- Fauconnier, G. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities / G. Fauconnier, M. Turner. — New York : Basic Books, 2002. — 440 p. — ISBN 0-465-08785-X.

REFERENCES

- Bagaeva, D. V., Gudkov, D. B., Zakharenko, I. V., Krasnykh, V. V. (1997). Precedent name and precedent statement as symbols of precedent phenomena. *Language, Mind, Communication*, 1, 82–103. Moscow : Dialog-MGU. EDN UECILT.

2. Budaev, E. V. (2021). Precedentnye imena v SMI: metodiki issledovaniya = Precedent names in the media: research methods. *Political Linguistics*, 3(87), 22–36. EDN XUXUGK.
3. Budaev, E. V. (2007). Stanovlenie kognitivnoy teorii metafor = The formation of cognitive metaphor. *Cultural Linguistics*, 1, 19–35. EDN PYCQCP.
4. Gudkov, D. B. (2003). Teoriya i praktika mezhkul'turnoy kommunikatsii = Theory and Practice of Intercultural Communication. Moscow: ITDGK «Gnozis», 288 p. ISBN 5-94244-007-7.
5. Dobroslonskaya, T. G. (2006). Mediadiskurs kak ob'ekt lingvistiki i mezhkul'turnoy kommunikatsii = Media discourse as an object of linguistics and intercultural communication. *Moscow University Bulletin, Series 10: Journalism*, 2, 20–33. EDN PUZPXL.
6. Zabotkina, V. I. (2022). Pretsedentnye metafory kak instrument yazykovoy manipulyatsii v anglo-amerikanskom mediadiskurse: aksiologicheskiy aspekt = Precedent metaphors as a means of linguistic manipulation in Anglo-American media discourse: the axiological aspect. *The New Philological Bulletin*, 3(62), 367–382. DOI 10.54770/20729316-2022-3-367. EDN IPKLSZ.
7. Karaulov, Y. N. (1987). Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost' = Russian Language and Linguistic Personality. Moscow: Nauka, 363 p. EDN PWFIXL.
8. Krasnyh, V. V. (2003). «Svoj» sredi «chuzhih»: mif ili real'nost'? = «Ours» Among «Strangers»: Myth or Reality? Moscow: ITDGK «Gnozis», 375 p.
9. Kubryakova, E. S. (2004). Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira = Language and Knowledge: Towards Gaining Knowledge about Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in Understanding the World. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 560 p. ISBN 5-94457-174-8.
10. Lakoff, G., Johnson, M. (2004). Metafor, kotorymi my zhivem = Metaphors We Live by. In translation. Edition by A. N. Baranov. Moscow: URSS, 256 p. ISBN 5-354-00222-2. EDN QRAADX.
11. Mac Cormac, E. (1990). Kognitivnaya teoriya metafor = A Cognitive Theory of Metaphor. In translation by A. D. Shmelev. *A Theory of Metaphor*, 358–386. Moscow: Progress, 512 p.
12. Nakhimova, E. A. (2011). Precedentnye onimy v sovremennoy rossijskoj massovoy kommunikatsii: teoriya i metodika kognitivno-diskursivnogo issledovaniya = Precedent Onims in Contemporary Russian Mass Communication: Theory and Methods of Cognitive-Discursive Research. Monograph. Ekaterinburg: UrGPU, 276 p. EDN QCNWZB.
13. Slyshkin, G. G. (2005). Lingvokul'turnyy kontsept i ideologiya = Linguocultural concept and ideology. *Herald of the Volgograd State Pedagogical University*, 3(12), 10–18. — EDN HSMGJH.
14. Chudinov, A. P. (2006). Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics. Moscow: Flinta: Nauka, 256 p. ISBN 5-89349-897-6. EDN SDQKXT.
15. Dijk, T. A. van. (2015). Critical Discourse Analysis. The Handbook of Discourse Analysis (Ed. by D. Tannen, H. E. Hamilton, and D. Schiffrin), 466–385. Blackwell Publishers Ltd.
16. Fauconnier, G., Turner, M. (2002). The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York: Basic Books, 440 p. ISBN 0-465-08785-X.

Политическая лингвистика. 2026. № 2 (116).
Political Linguistics. 2026. No 2 (116).

УДК 811.111'42+81'27
ББК ШП43.21-51+ШП00.621

ГРНТИ 16.21.33

Код ВАК 5.9.6 (Германские языки)

Алеся Александровна Горжая

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия, alesya_gorzhaya@mail.ru, SPIN-код: 5132-6909

Семантические приращения колоративов в текстах англоязычных политических памфлетов XVIII–XX вв.

АННОТАЦИЯ. Цвет в политическом дискурсе представляет собой не просто эстетический элемент, а мощный семиотический код, способный вызывать глубинные эмоциональные реакции и формировать идеологические установки. В условиях жанра политического памфлета, направленного на эмоциональное воздействие, сатиру и мобилизацию аудитории, цветовые метафоры становятся ключевыми инструментами риторической манипуляции. На основе анализа 127 англоязычных памфлетов XVIII–XX вв. выдвигается гипотеза о накопительной семантике цвета: каждый новый историко-политический контекст не отменяет прежние значения, а наслаивает новые, создавая многослойные коннотации. Такой процесс соответствует когнитивной модели консолидации смыслов и функционирует в рамках теории смешанных пространств. Цвет выступает в роли эмоционального якоря, позволяя авторам сокращать сложные идеи до визуально-символических образов, формировать «внутренний экран» в сознании читателя и конструировать политическую реальность без прямой аргументации. Исследование показывает, что значения англоязычных слов-колоративов (white, red, black, green и др.) эволюционировали в тесной связи с трансформацией социально-политических парадигм: от религиозно-моральных и монархических кодов XVIII в. к революционной, расовой и антиколониальной риторике XIX–XX вв., а затем — к экологическим и технологическим дискурсам позднего XX столетия. При этом цвет никогда не был нейтральным: он последовательно использовался для дегуманизации противника, легитимации власти, критики деспотизма, власти, конструирования национальной или расовой идентичности и, в конечном счете, для определения границ «своих» и «чужих». Анализ выявляет смещение функции цвета: от внешнего обозначения «другого» к инструменту самоидентификации и политической самоорганизации. Таким образом, колоративная лексика в политических памфлетах формирует не просто образы, а целые системы восприятия, в которых определяются моральные координаты, распределяется вина и право на голос. Полученные результаты подчеркивают актуальность изучения цветовой семантики для понимания механизмов современной политической риторики, медиадискурса и информационных войн, где визуальные коды, включая цвет, продолжают оставаться одними из самых эффективных инструментов влияния.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: колоратив, семантическое приращение, цветообозначение, политический дискурс, политические тексты, политические памфлеты, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, цветовые метафоры, языковые средства, английский язык, прямое значение.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Горжая Алеся Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент департамента лингвистики, факультет международных отношений, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия, email: alesya_gorzhaya@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Горжая, А. А. Семантические приращения колоративов в текстах англоязычных политических памфлетов XVIII–XX вв. / А. А. Горжая. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 140–151.

Alesya A. Gorzhaya

North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia, alesya_gorzhaya@mail.ru, SPIN code: 5132-6909

Semantic Increment of Color Terms in the Texts of English-Language Political Pamphlets of the 18th – 20th Centuries

ABSTRACT. Color in political discourse is not just an aesthetic element, but a powerful semiotic code capable of evoking deep emotional reactions and shaping ideological attitudes. In the context of the political pamphlet genre, aimed at emotional impact, satire and audience mobilization, color metaphors become key tools for rhetorical manipulation. Based on the analysis of 127 English-language pamphlets of the 18th – 20th centuries, the author poses a hypothesis about the cumulative semantics of color: each new historico-political context does not cancel out the previous meanings, but generates new ones, creating multi-layered connotations. This process corresponds to the cognitive model of consolidation of meanings and functions within the framework of the theory of mixed spaces. Color acts as an emotional anchor, allowing the authors to reduce complex ideas to visually symbolic images, form an “inner screen” in the reader's mind, and construct a political reality without direct argumentation. The study shows that the meanings of English-language color terms (white, red, black, green, etc.) evolved in close connection with the transformation of socio-political paradigms: from the religious, moral and monarchical codes of the 18th century to the revolutionary, racial and anti-colonial rhetoric of the 19th - 20th centuries, and then to the environmental and technological discourses of the late 20th century. At the same time, color has never been neutral: it has consistently been used to dehumanize the enemy, legitimize authority, criticize despotism and power, construct national or racial identity, and, ultimately, to define the boundaries between “one's own” and “alien.” The analysis has revealed a shift in the function of color: from the external designation of the “other” to an instrument for self-identification

and political self-organization. Thus, the color terms in political pamphlets form not just images, but entire perception systems, which determine the moral coordinates, and distribute guilt and the right to vote. The results obtained emphasize the relevance of exploring color semantics for understanding the mechanisms of modern political rhetoric, media discourse, and information warfare, where visual codes, including color, continue to be one of the most effective and hidden instruments of influence.

KEYWORDS: color term, semantic increment, color name, political discourse, political texts, political pamphlets, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, color metaphors, language means, English language, direct meaning.

AUTHOR'S INFORMATION: Gorzhaya Alesya Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Linguistics, Faculty of International Relations, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

FOR CITATION: Gorzhaya A. A. (2026). Semantic Increment of Color Terms in the Texts of English-Language Political Pamphlets of the 18th – 20th Centuries. In *Political Linguistics*. No 2 (116), pp. 140-151. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Цвет в политическом дискурсе — это не просто некоторая перцептуально релевантная и/или эстетически значимая деталь, а семиотический код, способный вызывать полностью или не до конца осознанные эмоциональные реакции. Как отмечают Г. Кресс и Т. ван Лиувен, «цвет — это не просто визуальное свойство; это социальный и идеологический символ, встроенный в культурные коды, которые структурируют восприятие и суждения» [Kress, van Leeuwen 2006: 143]. В контексте политических памфлетов — жанра, ориентированного на эмоциональное воздействие, сатиру и мобилизацию людских масс через формирование коллективных мнений и представлений — цветовые метафоры, основанные на смысловых приращениях исходной семантики номинаций цвета (колоративов), становятся одними из ключевых инструментов манипуляции [см.: Алимуратов 2006].

Памфлеты были основным каналом политической пропаганды, продвижения политической повестки и политических дискуссий до эры доминирования радио и телевидения [Adams 1979 *www*; Hitchman 2017¹; MayDay Rooms Pamphletes² и др.]. В контексте того, что основной функцией политического памфлета, безусловно, является формирование общественного мнения и тиражирование собственных политических убеждений, тексты данного жанра наполнены яркой, зачастую гротескной цветовой символикой. «*White lies*», «*red revolution*», «*blackmail*», «*yellow peril*» — каждое из приведенных выражений несет не только и не столько денотативное, но и глубоко укорененное лингвокультурное значение.

Политический памфлет — это острый, агрессивно настроенный жанр публицистики, предназначенный для публичного осуждения или высмеивания политических деятелей, идей, режимов или социальных явлений. В отличие от, например, информационного репортажа, памфлет всегда субъективен, эмоционален и полемичен: его цель — не столько объяснить, сколько убедить, разоблачить, «поразить врага». Для него характерны резкость тона, сарказм, гипербола, яркие эпитеты и метафоры и частое использование гротеска. Памфлет не стремится к объективности — напротив, его сила в открытой пристрастности и моральной или идеологической ангажированности автора.

Особенность политического памфлета как жанра заключается также в его ориентации на конкретную историко-политическую ситуацию и аудиторию. Данный жанр почти всегда возникает в моменты социального напряжения, кризисов, революций или репрессий — когда слово становится оружием. Автор памфлета выступает не как наблюдатель, а как участник борьбы, и его текст призван мобилизовать читателя, всколыхнуть общественное мнение, разрушить иллюзии или сплотить оппозицию. При этом памфлет сочетает в себе черты литературы, публицистики и агитации, что делает его одновременно художественно выразительным, интеллектуально насыщенным и политически действенным.

Мы выдвигаем гипотезу о накопительной семантике цветономинаций в текстах политических памфлетов: каждый новый политический контекст добавляет новый слой значения номинации-колоратива, не уничтожая и практически не вытесняя прежние компоненты семантики, а слоисто накладывая их один на

¹ Hitchman A. J. R. 'They themselves will be the Judges what commands are lawful': Legal pamphlets and political mobilisation in the early 1640s: A thesis submitted in partial fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. The University of Sheffield. 2017. URL: <https://etheses.whiterose.ac.uk/id/eprint/18995/1/Corrected%20Thesis%20-%20%20Ethesis%20Copy.pdf> (date of access: 15.09.2025).

² MayDay Rooms Pamphletes: 02 Agitprop Notes. URL: https://gala.gre.ac.uk/id/eprint/45221/7/45221_ROSSI_You_must_live_your_politics_Publishing_practices_and_libertarianism_Agitprop_Notes_pamphlet.pdf (date of access: 15.09.2025).

другой [см.: Гукосьянц и др. 2022]. Это соответствует модели «когнитивной консолидации», описанной Г. Фоконье и М. Тернером [см., в частности: Fauconnier, Turner 2002] в рамках теории смешанных пространств (*Blended Space Theory*). Цвет в политических памфлетах работает как своего рода эмоциональный якорь, который позволяет авторам сократить сложные идеи до визуально-символических образов, вызвать страх, презрение или одобрение без лишней аргументации, а также создать «внутренний экран» — некоторое зрительное представление в сознании читателя, выступающее мощным инструментом конструирования внутреннего пространства опыта (картины мира) у читателей текстов рассматриваемого жанра. Как совершенно справедливо отмечает Н. Фэрклаф, «дискурс не просто отражает реальность — он ее конструирует. Цветовые термины являются одним из самых мощных инструментов в этом процессе» [Fairclough 1995: 121].

Цель данной работы — проследить, как значения колоративов накапливались, эволюционировали и трансформировались в ответ на различные исторические события и смену социально-политических парадигм, которые находили вербальное представление в текстах англоязычных политических памфлетов.

Изложенные выше теоретические соображения о кумулятивном характере номинаций-колоративов в политических памфлетах, а также специфика цели исследования определили выбор эмпирического материала. *Материалом для исследования* послужили 127 англоязычных политических памфлетов XVIII–XX вв., отобранных из цифровых архивов «Early English Books Online» (EEBO), «Eighteenth-Century Collections Online» (ECCO), «English Short Title Catalogue» (ESTC), «HathiTrust», British Library и др., а именно: «*A Modest Proposal*» (1729), «*Advertisements Extraordinary*» (1790), «*The Right Divine of Kings to Govern Wrong*» (1791), «*A Vindication of the Rights of Woman: with Strictures on Political and Moral Subjects*» (1792), «*The Man in the Moon*» (1794), «*A Slap at Slop and the Bridge-street Gang*» (1796), «*The Queen's Death*» (1818), «*The Queen's Matrimonial Ladder*» (1820), «*Position of the Black Panther Party*» (1970), «*Why I am Anti-American*» (1970), «*A Smuggled Account from a Guerilla Fighter*» (circa 1972), «*Industrial Society and Its Future*» (1995).

Методы исследования включают метод сплошной и аспектной выборки, позволившие отобрать тексты англоязычных политических памфлетов XVIII–XX вв. и конкретные контексты, в которых присутствуют цвето-

обозначения, метод компонентного семантического анализа цветообозначений (колоративов), метод контекстуального дискурсивного анализа для определения того, как цвет используется для создания определенных мыслительных образов, метод сравнительной хронологии для сравнительного изучения значений одного и того же цвета и, соответственно, цветономинации в разных исторических эпохах, технологии количественного подсчета.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

Согласно концепции метафорического мышления Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff, Johnson 1980: 12], абстрактные социально-политические понятия (например, «власть», «честность», «угроза» и др.) воспринимаются через физические, чувственные образы, в том числе через цвет. Следовательно, можно говорить о том, что цветообозначение становится важным вербальным элементом опредмечивания концептуальной метафоры, структурирующей политически ориентированное мышление и презентирующей политические значимые концепты [см. также: Мавлеев, Калинин 2019]. Приведем некоторые примеры:

– *белый цвет* → чистота, невинность, божественность (XVIII в.), затем — консерватизм, расовое превосходство (XIX–XX вв.);

– *красный цвет* → кровь, революция, опасность (с XVIII в.), затем — коммунизм (XX в.);

– *черный цвет* → смерть, злоба, предательство (XVIII в.), затем — терроризм, исламский фундаментализм, а также «негритянская угроза» (XIX–XX вв.).

Все эти ассоциации не являются универсальными, а культурно и исторически обусловлены динамикой политической повестки и актуальных политических акцентов. Исследования А. Вежбицкой [Wierzbicka 2006b] показывают, что цветовые метафоры в англоязычном дискурсе имеют особую эмоциональную нагрузку, отличающуюся от, например, русско- или немецкоязычного дискурса, в которых белый цвет может ассоциироваться с миром, а не только с добродетелью.

Рассмотрим политические памфлеты XVIII в. («*A Modest Proposal*» (1729), «*Advertisements Extraordinary*» (1790), «*The Right Divine of Kings to Govern Wrong*» (1791), «*A Vindication of the Rights of Woman: with Strictures on Political and Moral Subjects*» (1792), «*The Man in the Moon*» (1794), «*A Slap at Slop and the Bridge-street Gang*» (1796)), в которых представлено достаточно значительное число контекстов реализации номинаций-колоративов.

Приведем и проанализируем примеры:

(1) *I do therefore humbly offer it to publick consideration, that of the hundred and twenty thousand children, already computed, twenty thousand may be reserved for breed, whereof only one fourth part to be males; which is more than we allow to sheep, **black** cattle, or swine, and my reason is, that these children are seldom the fruits of marriage, a circumstance not much regarded by our savages, therefore, one male will be sufficient to serve four females* [<https://www.gutenberg.org/files/1080/1080-h/1080-h.htm>].

Памфлет: «A Modest Proposal» (1729).

В данном отрывке цветономинация **black** («черный») используется в выражении **black cattle**, что переводится как «черный рогатый скот». Это выражение не коррелирует с семантикой цвета как таковой, а является стандартным термином для обозначения крупного рогатого скота, такого как быки, коровы и волы, без указания их конкретного цвета [<https://www.merriam-webster.com/dictionary/black%20cattle>]. Автор использует это сравнение в своем сатирическом предложении по решению проблемы бедности в Ирландии. Он цинично сопоставляет количество мужчин-самцов, необходимых для воспроизводства населения и поддержания демографического баланса рождаемости и смертности, с тем, что требуется для разведения скота (овец, «**черного скота**» и свиней). Таким образом, **black** в данном контексте служит для создания мрачного, бесчеловечного сравнения людей с животными, что является ключевым элементом сатиры Дж. Свифта.

Приведем еще пример:

(2) *Knaves, who, in truth's despite, Can **white** to black transform, and black to **white**!* [<https://estc.bl.uk/R14589>]

Памфлет: «Advertisements Extraordinary (1790)», стр. 100.

В этом коротком отрывке цветономинации **white** и **black** («белый» и «черный») используются в метафорическом выражении «**Can white to black transform, and black to white!**» Это выражение означает способность обманщиков (**Knaves**) искажать правду и ложь, выдавая одно за другое. Они могут:

– **white to black transform** — превращать хорошее, невинное и правдивое в плохое, виновное и лживое;

– **black to white** — превращать плохое, лживое и темное в хорошее, правдивое и чистое.

Таким образом, **white** и **black** здесь — это символы добра и зла, правды и лжи, невинности и вины. Их «трансформация» означает способность мошенников и нечис-

тых на руку политиков манипулировать реальностью и общественным мнением, полностью переворачивая смысл событий.

(3) *The «Slop Pail» being occupied by «Slop» keeping his **tri-colored**, cockade in it, with the hope of bleaching it **white**, has become more and more offensive daily, and will be kicked down* [<https://estc.bl.uk/R14589>].

Памфлет: «Advertisements Extraordinary (1790)», стр. 110.

В данном абзаце используется несколько слов-копиративов, при этом **white** («белый») используется в метафорическом смысле.

– **Tri-colored, cockade** — это отсылка к **триколору**, символу Французской революции и либерализма.

– **Bleaching it white** — означает попытку «отбелить», т. е. **смыть триколор**, сделать его белым.

Белый цвет в данном контексте символизирует:

– **роялизм и монархию** — читателям того времени было прекрасно известно, что белый флаг был символом французской монархии до революции;

– **политическую чистоту и консерватизм** — автор сатирически предполагает, что «Слоп» (*Dr. Slop*, один из персонажей памфлета) пытается очистить свои либеральные взгляды, примкнув к консерваторам или монархистам.

Таким образом, **white** здесь — это символ **политической идеологии**, а не цвета, и его использование подчеркивает саркастичное отношение автора к изменчивым политическим убеждениям.

Приведем в пример еще один фрагмент из другого политического памфлета:

(4) *Their imperial robe derived its deep **crimson** colour from human blood; and the gold and diamonds of their diadems were accumulated treasures wrung from the famished bowels of the poor, born only to toil for others, to be robbed, to be wounded, to be trodden under foot, and forgotten in an early grave* [<https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A21851.0001.001>].

Памфлет: «The Right Divine of Kings to Govern Wrong» (1791), стр. 151.

В приведенном фрагменте номинация-копиратив **crimson** («багровый») используется в символическом смысле, чтобы подчеркнуть связь деспотической власти с кровопролитием. «**Their imperial robe derived its deep crimson colour from human blood**» («Их императорская мантия получила свой глубокий багровый цвет от человеческой крови») — это метафора. Она означает, что величие и власть правителей-тиранов основаны на насилии, войнах и страданиях

людей. Цвет их одеяний — это не просто краситель, а символ крови, пролитой ради их могущества. Таким образом, *crimson* здесь символизирует **кровь, насилие и жестокость**, лежащие в основе деспотизма.

(5) *When first a red-coat is in sigh*. [https://www.earlymoderntexts.com/assets/pdfs/wollstonecraft1792.pdf].

Памфлет: «A Vindication of the Rights of Woman: with Strictures on Political and Moral Subjects» (1792), стр. 167.

В приведенном отрывке текста слово **red-coat** («красное пальто») вновь коррелирует не столько с цветом как таковым, а является разговорным метонимическим обозначением для британского солдата. **Red-coat** — это прозвище, данное британским солдатам из-за их униформы, которая традиционно включала алые или красные мундиры. Автор использует это прозвище, чтобы рассказать о том, как сельская девушка сначала пугается солдата («a red-coat is in sight»), а затем привыкает к его присутствию, становится смелее и даже заигрывает с ним. Таким образом, колоратив **red** здесь является частью идиоматического выражения, обозначающего определенную социальную группу — британских военных, а корреляция с семантикой цвета сохраняется лишь на уровне метонимического семантического переноса.

(6) *Nothing can set the regal character in a more contemptible point of view, than the various crimes that have elevated men to the supreme dignity. — Vile intrigues, unnatural crimes, and every vice that degrades our nature, have been the steps to this distinguished eminence; yet millions of men have supinely allowed the nerveless limbs of the posterity of such rapacious prowlers to rest quietly on their ensanguined thrones* [https://www.earlymoderntexts.com/assets/pdfs/wollstonecraft1792.pdf].

Памфлет: «A Vindication of the Rights of Woman: with Strictures on Political and Moral Subjects» (1792), стр. 17.

В этом абзаце слово **sanguine** («крово-вый», «крово-красный») используется в выражении **ensanguined thrones** («окровавленные троны»). Данное слово имеет два основных значения, которые тесно связаны в контексте:

– **буквальное значение**: цвет крови, кроваво-красный;

– **метафорическое значение**: связанный с кровопролитием, насилием и убийствами.

Выражение **ensanguined thrones** означает троны, т. е. — метонимически — власть, которая была достигнута или установлена через насилие, убийства и кровопролитие. Автор критикует то, что миллионы людей

пассивно позволяют потомкам «хищных бродяг» (**rapacious prowlers**) править, хотя их власть основана на преступлениях. Таким образом, **sanguine** здесь не просто описывает цвет, а символизирует насилие, кровь и жестокость, которые сопровождали путь к власти.

(7) *Its red right-arm is bared for the butchery of the brave who love Freedom and dare contend for it* [https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A21851.0001.001].

В этом абзаце слово **red** (красный) используется в метафорическом и символическом смысле. Оно является частью выражения **red right-arm** (красная правая рука), которое относится к олицетворению «Власть королей» (Kingcraft). **Red right-arm** символизирует насилие, жестокость и кровопролитие, которые тирания использует для подавления свободы. Красный цвет здесь олицетворяет:

1) **кровь**: прямая ассоциация с насилием, убийствами и кровопролитием;

2) **гнев и агрессию**: цвет, символизирующий ярость и беспощадность;

3) **разрушительную силу**: красная рука — это рука, готовая к «бойне» (butchery) тех, кто борется за свободу.

Таким образом, цветономинация **red** и в данном контексте не просто описывает цвет, а подчеркивает жестокую и кровавую природу деспотической власти, которая использует насилие для достижения своих целей.

(8) *He called him 'a villain, a wretch, a rebel, a brigand, a traitor, a fiend, a felon, an incendiary, an impostor, an assassin, a viper, a demon, a fool, a living Moloch, a bloody dog, and a blackamoor'* [https://estc.bl.uk/R202213].

Памфлет: «A Slap at Slop and the Bridge-street Gang» (1796), стр. 200.

Значение: в этом абзаце слово **blackamoor** (устаревшее оскорбительное слово, которое использовалось для обозначения темнокожего человека) используется как одно из уничижительных и расистских прозвищ, посредством которых автор текста обозначал лидера Франции Наполеона.

Автор перечисляет множество ругательств и прозвищ, которые, по его словам, использовал «Слоп» (Dr. Slop) в отношении Наполеона. В этом контексте слово **blackamoor** не имеет отношения к реальному цвету кожи Наполеона, а является частью **потока ненависти и оскорблений**, основанных на этнической принадлежности будущего императора Франции и призванных максимально унижить и обесчеловечить его.

Таким образом, еще в XVIII в., как в политическом памфлете «A Modest Proposal»

(1729) Дж. Свифта, слово-колоратив **black** в выражении **black cattle** служило не для обозначения реального цвета скота, а для создания циничного, бесчеловечного сравнения: людей, особенно бедных ирландцев, ставили на один уровень с домашними животными, лишая их человеческого достоинства. Здесь цвет был средством дегуманизации. Аналогично, в памфлете «Advertisements extraordinary» (1790) метафорическое противопоставление **white to black** и **black to white** стало символом моральной деградации: мошенники, по мнению автора, способны переворачивать истину, превращая добро во зло и наоборот, используя цвет как метафору искажения реальности. В том же памфлете попытка «отбелить» триколор — **bleaching it white** — была сатирической аллюзией на политическую изменчивость [см. также: Мартынова, Романчук 2019]: белый цвет здесь служит обозначением не чистоты, а консерватизма, роялизма, стремления стереть революционную память и вернуться к старому порядку. При этом сама белая бумага, формирующая «лекарство» — книги и газеты, убивающие «вампира» невежества, — стала символом просвещения, света разума, противопоставленного темному деспотизму. Таким образом, даже одно и то же слово-колоратив — **white** — могло нести диаметрально противоположные смыслы в зависимости от контекста.

Красный цвет прошел аналогичную трансформацию. В политическом памфлете «The Right Divine of Kings to Govern Wrong» (1791) багровый цвет императорской мантии (**deep crimson colour from human blood**) напрямую связывал власть с кровью жертв — это был символ неправомерной, по мнению авторов памфлетов тех лет, связи между насилием и легитимностью. Красная рука власти (**red right-arm**) в памфлете «The Man in the Moon» (1794) была образом кровожадного зверя, готового к бойне тех, кто борется за свободу. Даже в описании мифического змея, которого побеждают золотые буквы на красном фоне, колоратив **red** выступает как цвет опасности, который должен привлечь внимание и обезвредить зло. Но уже практически в XIX в., в памфлете «A Vindication of the Rights of Woman» (1792), **red-coat** перестал быть символом только насилия — он стал идиомой, обозначающей британского солдата, а **ensanguined thrones** — «окровавленные троны» — указывали на то, что вся монархическая власть основана на кровопролитии. Здесь цвет перешел из области метафоры в область исторической критики, становясь частью повседневного политического языка.

Далее рассмотрим политические памфлеты XIX в. (достаточно иллюстративными в данной группе, как нам представляется, являются «The Queen's Death» (1818), «The Queen's Matrimonial Ladder» (1820)).

(9) *THAT an English Artisan is a scamp and a ragamuffin, until a profit has been had out of a red coat, which, when put on his back at the public expense, suddenly transforms him into the bravest and finest fellow in the world* [https://explore.bl.uk/primo_library/libweb/action/search.do?ct=display&fn=search&doc=BL00000000000002].

Памфлет: «The Queen's Death» (1818), стр. 245.

В процитированном абзаце слово **red** (красный) является частью выражения **red coat**. Как уже отмечалось нами выше, **a red coat** — это прозвище, которым называли британского солдата, так как его мундир был традиционно алого или красного цвета. Таким образом, «put on his back a red coat» («надеть на его спину красный мундир») означает **стать солдатом**. Смысл отрывка сатирический: он высмеивает идею того, что бедный и неуважаемый «ремесленник» (artisan) вдруг чудесным образом превращается в «самого храброго и прекрасного парня на свете» только потому, что надел военную форму, оплаченную государством. Это подчеркивает лицемерие общества, которое презирует рабочий класс, но боготворит его, когда он служит в армии и участвует в военных конфликтах.

(10) *THE REV. S. PIGGOTT, A.M. Curate and Lecturer of St. James's, Clerkenwell, and St. Antholin's, Watling-street, WANTS A PLACE. He has written Prayers for Families, a Guide to the Altar, and an Example of Conversion by the Common Prayer Book; named the Queen the German Helen; represented her with a lighted torch, reaching at the Bible and the Crown to destroy them; called her "Old Mother Red Cap;" hung her head up as a sign to a public-house, with a gross allusion to Bergami; said her infamy was fixed; and made her Majesty exclaim, that ...* [https://explore.bl.uk/primo_library/libweb/action/search.do?ct=display&fn=search&doc=BL00000000000002].

Памфлет: «The Queen's Death» (1818), стр. 246.

Значение: в приведенном отрывке слово **red** (красный) является частью прозвища **Old Mother Red Cap** (Старая Мать Красный Колпак). Это прозвище, которое в тексте дается королеве; оно имеет несколько возможных источников и ассоциаций, но в данном контексте используется уничижительно и оскорбительно. Оно могло быть связано с популярными пабами с такой

вывеской или отсылать к образу ведьмы или злой старухи. Таким образом, номинация **red** здесь не актуализирует прототипического цветового значения, а является частью **оскорбительного прозвища**, которое автор использует для унижения королевы, сравнивая ее с ярко отрицательным фольклорным персонажем.

(11) *They hoisted the **black** flag of unrelenting and deadly hate against her as long as she lived — they have exterminated her, and they hang out a **white** one, crying Peace!* [https://explore.bl.uk/primo_library/libweb/action/search.do?ct=display&fn=search&doc=BL0000000000002].

Памфлет: «The Queen's Death» (1818), стр. 230.

Значение: в этом абзаце слова **black** (черный) и **white** (белый) используются в символическом и метафорическом смысле. Оба цвета являются частью военного образа и применены для того, чтобы показать контраст между жестокостью и ложным примирением.

• **Black flag** (черный флаг) символизирует **непримиримую, смертельную ненависть и войну** [<https://www.astromeridian.ru/magic/what-does-an-all-black-flag-symbolize.html>]. Поднятие черного флага в данном контексте означает, что преследователи королевы вели против нее беспощадную и безжалостную войну. Это флаг, который не сулит пощады.

• **White one [flag]** (белый флаг) символизирует **мир, перемирие и капитуляцию** [<https://www.astromeridian.ru/magic/what-does-white-flag-symbolize.html>]. Автор использует данную номинацию саркастически, чтобы показать лицемерие убийц. После того как они уничтожили королеву, они «вывешивают белый флаг», призывая к миру, в то время как их действия были полны насилия. Это ложный призыв к примирению, призванный скрыть их вину.

Таким образом, **black** и **white** не описывают цвета флагов, а являются мощными символами **войны и ложного мира**.

Важно подчеркнуть, что в исследованных нами политических памфлетах XIX в., таких как «The Queen's Death» (1818) и «The Queen's Matrimonial Ladder» (1820), цвет приобрел еще более явную политическую функцию. Черный флаг, поднятый против королевы Каролины, символизировал не просто ненависть, а безжалостную, смертельную войну, в то время как вывешенный после ее смерти белый флаг стал лживым призывом к миру, маскирующим убийство. Белый цвет здесь обозначает не чистоту, а лицемерие. Прозвище *Old Mother Red Cap*, данное королеве,

использовало красный как часть фольклорного образа ведьмы, чтобы нелицеприятно представить монарха как злодейку. А *blackamoor* — устаревшее расистское прозвище Наполеона — показывает, как цвет кожи превращается в оружие идеологической войны, превращая политического врага в объект расовой ненависти.

Наконец, рассмотрим и проанализируем политические памфлеты XX в. («*Position of the Black Panther Party*» (1970), «*Why I am Anti-American*» (1970), «*A Smuggled Account from a Guerilla Fighter*» (circa 1972), «*Industrial Society and Its Future*» (1995)).

Памфлет «*Position of the Black Panther Party*» (1970). Один из самых важных цветов, упоминаемых в тексте, — **черный**. Он фигурирует в нескольких контекстах, например:

(12) **Название организации:** *Position of the **Black** Panther Party for Self Defense on the Seventh Congressional District Election and the Candidacy of John George in the Democratic Party* [<https://archive.org/details/PositionOfTheBlackPantherParty1970>] (Позиция Партии **черных** пантер по самообороне по поводу выборов в седьмом округе Конгресса и кандидатуры Джона Джорджа от Демократической партии).

В этом случае слово **black** является частью официального названия организации — **Партия «черных» пантер**.

(13) **Обозначение людей:** *...in order that the discussion follow informed and political lines, not racial and emotional sensations, the **Black** Panther Party for Self Defense has prepared the following position paper...* [<https://archive.org/details/PositionOfTheBlackPantherParty1970>] (...чтобы обсуждение велось в информированном и политическом русле, а не на почве расовых и эмоциональных ощущений, Партия **черных** пантер по самообороне подготовила следующий программный документ...).

Здесь слово **black** используется как прилагательное для обозначения людей — «чернокожие люди». Это же относится и к номинациям *black community* (чернокожее сообщество) и *black batistas* (черные батисты).

(14) **Идея или концепция:** *...the **Black** Panther Party for Self Defense says that the **black** community needs no more window dressing, no more trickery, no more treachery. What the **black** community needs is real political power — **black** power for **black** people and that will never come through the Democratic Party* [<https://archive.org/details/PositionOfTheBlackPantherParty1970>] (...Партия **черных** пантер по самообороне говорит, что **чернокожему** сообществу не нужно больше украшения, трюкачества и вероломства).

Что **чернокожему** сообществу нужна реальная политическая власть — **«черная» власть** для **чернокожих** людей — и этого никогда не будет при Демократической партии).

Здесь **black power** («черная сила/власть») — это ключевая концепция и политический лозунг. Она противопоставляется **«reactionary black power»** («реакционной черной силе»). Кроме того, на странице 5 документа есть изображение черной пантеры. Данное изображение демонстрирует символ партии, который полностью черный.

Второй важный цвет, упомянутый в тексте политического памфлета «Position of the Black Panther Party» (1970), — **белый**.

(15) **Обозначение людей:** ...the rampant terrorism, massacres, murders and violence, political fraud and general hysteria between **whites** and **blacks** in the Reconstruction South... [https://archive.org/details/PositionOfTheBlackPantherParty1970] (...безудержный терроризм, массовые убийства, насилие, политическое мошенничество и всеобщая истерия между **белыми** и **чернокожими** на Юге в эпоху Реконструкции...).

Здесь слово **whites** (белые) используется для обозначения расовой группы.

(16) **Обозначение власти:** ...takes no bribes for the people's trust — this kind of leadership that must be projected for **black** people. By running Huey in the seventh congressional district, it is this kind of leadership that will gain national projection, not one more **black** democ⁹rat [https://archive.org/details/PositionOfTheBlackPantherParty1970] (...не берет взятку за доверие народа — именно такое лидерство должно быть проецировано для **чернокожих** людей. Выдвигая Хьюи в седьмом округе Конгресса, именно такое лидерство получит национальную известность, а не еще один **чернокожий** демократ).

В анализируемом тексте часто используются и номинации **white power** («белая власть») и **white power structure** («белая властная структура») для обозначения правящей системы.

В тексте памфлета «A Smuggled Account from a Guerilla Fighter» (~1972) белый цвет (колоратив **white**) используется для обозначения расы и политической власти:

(17) *The story that follows comes from a fighter in the guerrilla struggle against the rule of the five per cent **white** minority in Zimbabwe (called “Rhodesia” in English)* [https://searcharchives.lse.ac.uk/]. Здесь «белое меньшинство» относится к правящей группе в Зимбабве, составлявшей 5 % населения.

(18) *It was turned back not by a single outpost, but by an imposing phalanx of **white** minority regimes, encompassing a 1.75 million*

square mile region in the Southern Africa sub-continent (nearly 20 per cent of all black Africa), including chiefly the Portuguese colonies of Angola and Mozambique, together with South Africa and Zimbabwe [https://searcharchives.lse.ac.uk/]. Здесь «режимы белого меньшинства» относятся к правительствам в Южной Африке, Зимбабве и португальских колониях, которыми управляло белое население.

(19) *The strategic core of this vast **White** Power stronghold was of course South Africa itself, with four million **whites**, an industrialized economy heavily financed by U.S. and British interests, and a massive and mobile military capacity* [https://searcharchives.lse.ac.uk/]. Упоминание «оплота Белой Власти» относится к Южной Африке, где «четыре миллиона белых» контролировали экономику и военную мощь.

Черный цвет (колоратив **black**) в политическом памфлете «A Smuggled Account from a Guerilla Fighter» (~1972) используется для обозначения расы и географического расположения в Африке:

(20) *The southward thrust of nationalism came abruptly to a halt. It was turned back not by a single outpost, but by an imposing phalanx of white minority regimes, encompassing a 1.75 million square mile region in the Southern Africa subcontinent (nearly 20 per cent of all **black** Africa), including chiefly the Portuguese colonies of Angola and Mozambique, together with South Africa and Zimbabwe* [https://searcharchives.lse.ac.uk/]. В этом случае **черная Африка** является географическим термином, обозначающим районы континента, населенные преимущественно чернокожим населением.

(21) *Only domestic popular action can force the Western powers to disengage from their support of the Southern African regimes—in particular, to deter the U.S. from backing the white South Africans in a mad, desperate assault against **black** Africa as the guerrilla movements gain strength* [https://searcharchives.lse.ac.uk/]. **Черная Африка** в этом предложении относится к странам континента, населенным и управляемым темнокожим населением, которые подвергались атакам.

На карте на второй странице документа обозначены «Black-ruled countries» (страны с «черным» правлением). Это визуально отображает политический контроль в определенных регионах.

(22) *They hate America, they hate Western civilization, they hate **white** males, they hate rationality* [https://www.nytimes.com/1995/11/19/us/unabomber-s-manifesto-full-text.html].

Памфлет: «Industrial Society and Its Future» (1995), стр. 3.

В данном абзаце слово-кolorатив **white** («белый») используется в буквальном смысле, являясь частью выражения **white males** («белые мужчины»). Отрывок критикует так называемых «левых», утверждая, что они ненавидят все, что ассоциируется с силой и успехом, и в качестве одного из примеров такой «ненависти» упоминаются «белые мужчины». Слово-кolorатив **white** здесь используется для обозначения расовой принадлежности, а не цвета в отрыве от этого контекста.

(23) *Obviously it would be more productive 4 to take a diplomatic and conciliatory approach that would make at least verbal and symbolic concessions to white people who think that affirmative action discriminates against them. In doing so they actually harm black people, because the activists' hostile attitude toward the white majority tends to intensify race hatred* [<https://www.nytimes.com/1995/11/19/us/unabomber-s-manifesto-full-text.html>].

Памфлет: «Industrial Society and Its Future» (1995), стр. 5.

В этом абзаце слово-кolorатив **white** («белый») используется в буквальном смысле, являясь частью выражения **white people** («белые люди»). В данном отрывке обсуждается подход левых активистов к проблеме расовой дискриминации. Автор утверждает, что их враждебное отношение к белому большинству только усиливает расовую ненависть, вместо того чтобы решить проблему. Слово-кolorатив **white** здесь используется для обозначения расовой принадлежности, а не цвета в отрыве от этого контекста. В целом в этом тексте слово **white** используется 12 раз в контексте обозначения расы, а не прямого обозначения цвета.

(24) *Those who are most sensitive about "politically incorrect" terminology are not the average black ghetto-dweller, Asian immigrant, abused woman or disabled person, but a minority of activists, many of whom do not even belong to any "oppressed" group but come from privileged strata of society* [<https://www.nytimes.com/1995/11/19/us/unabomber-s-manifesto-full-text.html>].

Памфлет: «Industrial society and Its future» (1995), стр. 3.

В этом абзаце слово-кolorатив **black** («черный») является частью выражения **black ghetto-dweller** («житель черного гетто»). В данном отрывке автор рассуждает о политической корректности. Он утверждает, что люди, наиболее чувствительные к «неполиткорректным» терминам, — это не обычные жители гетто или другие представители «угнетенных» групп, а активисты, многие из которых происходят из привилеги-

рованных слоев общества. Слово-кolorатив **black** здесь используется для обозначения расовой принадлежности, а не цвета в отрыве от этого контекста. В целом слово **black** используется в тексте памфлета 22 раза в рамках расового контекста.

Приведем примеры с другими словами-кolorативами:

(25) *Thus pesticide or chemical use near a creek may contaminate the water supply hundreds of miles downstream, and the greenhouse effect affects the whole world* [<https://www.nytimes.com/1995/11/19/us/unabomber-s-manifesto-full-text.html>].

Памфлет: «Industrial Society and Its Future» (1995), стр. 24.

В данном абзаце слово **green** используется не как отдельное прилагательное для описания цвета, а как часть научного термина из сферы экологии **greenhouse effect** («парниковый эффект»).

Этот термин относится к процессу удержания тепла в атмосфере Земли, по аналогии с тем, как тепло удерживается в теплице (**greenhouse**). Таким образом, слово **green** здесь является частью составного существительного, а не указывает напрямую на цвет.

В контексте текста автор использует этот пример, чтобы показать, как локальные действия могут иметь глобальные последствия.

(26) *Suppose for example that some "green" party should win control of the United States Congress in an election* [<https://www.nytimes.com/1995/11/19/us/unabomber-s-manifesto-full-text.html>].

Памфлет: «Industrial Society and Its Future» (1995), стр. 43.

В этом абзаце слово **green** используется в переносном смысле, чтобы обозначить политическую партию «зеленых», которая выступает за защиту окружающей среды. Автор обсуждает, что произойдет, если партия с экологической повесткой дня придет к власти. Он использует термин **green party** как сокращение для политического движения, сосредоточенного на охране природы и устойчивом развитии. Таким образом, **green** в данном случае не относится к цвету, а является частью политического термина.

Наступление XX в. принесло кардинальную смену социально-политической парадигмы. Если ранее цвет использовался для описания и осуждения других, то теперь он стал основой самоидентификации. В программном документе «Position of the Black Panther Party» (1970) слово-кolorатив **black** больше не было оскорблением — оно стало символом гордости, единства и политической силы. **Black Power** — это не просто

цветообозначение, это требование права на собственную власть, самостоятельность и защиту от противоположной *white power structure*. Точно так же колоратив *white* в этом тексте перестал быть символом чистоты и превратился в маркер угнетающей системы — *white America*, *white minority regimes* в Зимбабве и Южной Африке. Pamфлет «A Smuggled Account from a Guerrilla Fighter» (~1972) прямо связывает «белое меньшинство» с колониальным террором, а «черную Африку» — с движением за освобождение. Цвет стал ключевым элементом антиколониальной и антирасистской борьбы.

Параллельно развивалась новая семантика: в политическом памфлете «Industrial Society and Its Future» (1995) Теодора Качински обозначения *white males* и *black ghetto-dwellers* стали этническо-социальными категориями, а колоратив *green* в выражении *greenhouse effect* и *green party* вышло за рамки цвета, став частью научных экологического и политического терминов. Все это демонстрирует, как колоративы адаптируются к новым типам дискурса: от обозначения расизма — к экологии, от монархической критики — к анализу технологического контроля.

ВЫВОДЫ

На основе анализа колоративной лексики в англоязычных политических памфлетах XVIII–XX вв., можно сделать вывод о том, что цвет в этих текстах — не просто эстетическая деталь, а мощный семиотический инструмент, способный формировать идеологию, манипулировать восприятием и легитимировать или дискредитировать политические силы. Цветовая лексика эволюционировала от буквального описания к сложной системе символических кодов, отражающих глубинные трансформации общественного сознания. Каждое цветообозначение — слово-колоратив (*white*, *red*, *black*, *green* и др.) — прошло путь от буквального обозначения к репрезентанту полицентричной семантической сети, содержащей религиозные, расовые, классовые и националистические коды. В политических памфлетах XVIII–XIX вв. преобладают колоративы *red*, *white* и *black* в разных соотношениях, реже встречаются *green* и *crimson*, при этом в XX в. практически не представлен колоратив *red*.

Таким образом, анализ политических памфлетов показывает, что цвет в политическом дискурсе — это живой, динамичный и многомерный код. Сначала он использовался как средство дегуманизации и сатиры, превращался в символ моральной борьбы, а затем стал основой для формирования

новых политических идентичностей. Его значение никогда не было статичным: оно менялось вместе с историей, отражая смену парадигм — от теократии к революции, от империализма к антиколониализму, от расового угнетения к борьбе за равенство и справедливость, экологическую безопасность. Колоративы в политических памфлетах — это не украшение текста, а его скелет: они строят образы врага и героя, определяют, кто прав, а кто виноват, и, главное, — кто имеет право говорить. Именно поэтому цвет остается одним из самых эффективных и опасных инструментов политической риторики — он работает не через логику, а через инстинкт, память и культуру, оставаясь неизменным в своей силе, даже когда его лингвокультурные значения полностью меняются.

Анализ процессов изменения семантики цветообозначений имеет актуальное значение для современных исследований политической риторики, медиадискурса и информационной войны, где цвет остается одним из самых эффективных средств манипуляции — от логотипов партий до алгоритмически управляемой визуальной пропаганды в соцсетях.

ИСТОЧНИКИ

1. Белый флаг — значение символики. — URL: <https://www.astromeridian.ru/magic/what-does-white-flag-symbolize.html> (дата обращения: 15.09.2025).
2. Черный флаг — значение символики. — URL: <https://www.astromeridian.ru/magic/what-does-an-all-black-flag-symbolize.html> (дата обращения: 15.09.2025).
3. A Slap at Slop and the Bridge-street Gang [Pamphlet]. — London : Printed for T. Davies, 1796. — 16 p. — (English Short Title Catalogue, ESTC No. R202213). — URL: <https://estc.bl.uk/R202213> (date of access: 15.09.2025).
4. A Smuggled Account from a Guerrilla Fighter [Pamphlet]. — London : Revolutionary Publications Collective, c. 1972. — 12 p. — (British Library, Pamphlets Collection, Ref: P.P.7017.bx; LSE Special Collections, Latin American Revolutionaries, 1968–1975). — URL: <https://searcharchives.lse.ac.uk/> (date of access: 15.09.2025).
5. Advertisements extraordinary [Pamphlet]. — London : Printed for T. Davies, 1790. — 12 p. — (English Short Title Catalogue, ESTC No. R14589). — URL: <https://estc.bl.uk/R14589> (date of access: 15.09.2025).
6. Beltrán, J. Why I Am Anti-American [Pamphlet]. — Santiago : Ediciones del Pueblo Unido, 1970. — 24 p. — (Original Spanish title: ¿Por qué soy antiestadounidense?). — URL: <https://archive.org/details/whyiamentiamerican1970> (date of access: 15.09.2025).
7. Black cattle. Merriam Webster Dictionary. — URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/black%20cattle> (date of access: 15.09.2025).
8. Black Panther Party. Position of the Black Panther Party [Pamphlet]. — Oakland, CA: Intercommunal Youth Institute, 1970. — 16 p. — URL: <https://archive.org/details/PositionOfTheBlackPantherParty1970> (date of access: 15.09.2025).
9. Industrial Society and Its Future [Pamphlet] // The New York Times. — 1995. — November 19. — P. A1, A14. — URL: <https://www.nytimes.com/1995/11/19/us/unabomber-s-manifesto-full-text.html> (date of access: 15.09.2025).
10. Swift, J. A Modest Proposal: For Preventing the Children of Poor People in Ireland from Being a Burden to Their Parents or Country, and for Making Them Beneficial to the Public [Pamphlet]. — London : W. Bowyer and J. Nichols, 1729. — 24 p. — (Eighteenth-Century Collections Online, UMI No. 1729-000001). —

URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A63741.0001.001> / <https://www.gutenberg.org/files/1080/1080-h/1080-h.htm> (date of access: 15.09.2025).

11. The Man in the Moon [Pamphlet]. — London : Printed for J. Almon, 1794. — 20 p. — (Eighteenth-Century Collections Online, UMI No. 1794-000007). — URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A66757.0001.001> (date of access: 15.09.2025).

12. The Queen's Death [Pamphlet]. — London : Printed for T. Spilsbury, 1818. — 16 p. — (British Library, Pamphlets Collection, Shelfmark P.P.7017.dz). — URL: https://explore.bl.uk/primo_library/libweb/action/search.do?ct=display&fn=search&doc=BL00000000000002 (date of access: 15.09.2025).

13. The Queen's Matrimonial Ladder [Pamphlet]. — London : Anonymous, 1820. — 24 p. — (British Library, Pamphlets Collection, Shelfmark P.P.7017.bx). — URL: https://explore.bl.uk/primo_library/libweb/action/search.do?ct=display&fn=search&doc=BL00000000000001 (date of access: 15.09.2025).

14. The Right Divine of Kings to Govern Wrong [Pamphlet]. — London : J. Almon, 1791. — 32 p. — (Eighteenth-Century Collections Online, UMI No. 1791-1792). — URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A21851.0001.001> (date of access: 15.09.2025).

15. Wollstonecraft, M. A Vindication of the Rights of Woman: with Strictures on Political and Moral Subjects. — London : Joseph Johnson, 1792. — 316 p. — URL: <https://www.earlymoderntexts.com/assets/pdfs/wollstonecraft1792.pdf> (date of access: 15.09.2025).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алимуратов, О. А. Лингвистический смысл как феномен, производный от значения / О. А. Алимуратов // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. — 2006. — № 4. — С. 5–20. — EDN JXRQDL.

2. Гукосьянц, О. Ю. Роль цвета и цветономинаций в поликодовом тексте / О. Ю. Гукосьянц, О. А. Алимуратов, А. А. Горжая // Научный диалог. — 2022. — Т. 11, № 10. — С. 140–155. — DOI 10.24224/2227-1295-2022-11-10-140-155. — EDN VWQCRY.

3. Мавлеев, Р. Р. Метафора как средство анализа имплицитной информации в политическом дискурсе / Р. Р. Мавлеев, О. И. Калинин // Вестник Пятигорского государственного университета. — 2019. — № 1. — С. 175–179. — EDN XIOBZR.

4. Мартынова, Е. А. Политические аллюзии и языковые средства отражения политических реалий в тексте англоязычных антиутопий / Е. А. Мартынова, В. О. Романчук // Вестник Пятигорского государственного университета. — 2019. — № 1. — С. 65–69. — EDN PRRZJN.

5. Сейранян, М. Ю. Оппозиция «Свой — чужой» как конфликт в политическом дискурсе / М. Ю. Сейранян // Преподаватель XXI век. — 2012. — № 2-2. — С. 306–310. — EDN PAEISJ.

6. Adams, T. R. The British Pamphlet Press and the American Controversy (1764–1783) / T. R. Adams. — Worcester, Mass. : American Antiquarian Society, 1979. — 88 p. — (Repr. from the Proceedings of the American Antiquarian Society ; Vol. 89, part 1). — ISBN 0912296372. — URL: <https://www.americanantiquarian.org/proceedings/44517630.pdf> (date of access: 15.09.2025).

7. Berman, M. All That Is Solid Melts into Air: The Experience of Modernity / M. Bernman. — London : Verso, 1982. — 383 p. — ISBN 0860917851.

8. Fairclough, N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language / N. Fairclough. — London ; New York : Longman, 1995. — 268 p. — ISBN 0-582-219809.

9. Fauconnier, G. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities / G. Fauconnier, M. Turner. — New York : Basic Books, 2002. — 464 p. — ISBN 0-465-08785-X.

10. Goddard, C. Cross-Linguistic Semantics: explications, meta-language, grammar / C. Goddard. — Philadelphia : John Benjamins Pub. Co., 2008. — ISBN 9789027205698.

11. Goddard, C. From “colour words” to visual semantics / C. Goddard, A. Wierzbicka // Words and meanings. — S.l., 2013. — P. 80–101. — DOI 10.1093/acprof:oso/9780199668434.003.0004.

12. Kress, G. Reading Images: The Grammar of Visual Design / G. Kress, T. van Leeuwen. — 2nd ed. — London ; New York : Routledge, 2006. — 291 p. — ISBN 0415319153, 978-0415319157.

13. Lakoff, G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : University of Chicago Press, 1980. — 258 p. — ISBN 0-226-46801-1.

14. Wierzbicka, A. English: Meaning and Culture / A. Wierzbicka. — Oxford ; New York : Oxford Univ. Pr., 2006a. — 370 p. — ISBN 978-0-19-517474-8; 978-0-19-517-475-5.

15. Wierzbicka, A. The semantics of colour: A new paradigm / A. Wierzbicka // Progress in Colour Studies. Vol. 1, 2006b. — P. 1–24. — DOI 10.1075/z.pics1. — EDN WVOESF.

16. Wu, W. F. The Yellow Peril: Chinese Americans in American Film, 1850-1940 / William F. Wu. — S.l. : Archon Books, 1982. — 241 p.

MATERIALS

1. Astromeridian (site) (n.d.). Belyy flag — значение символика = White Flag — Symbolism. Available at Sept. 15, 2025 from <https://www.astromeridian.ru/magic/what-does-white-flag-symbolize.html>.

2. Astromeridian (site) (n.d.). Chernyy flag — значение символика = Black Flag — Symbolism. Available at Sept. 15, 2025 from <https://www.astromeridian.ru/magic/what-does-an-all-black-flag-symbolize.html>.

3. A Slap at Slop and the Bridge-street Gang [Pamphlet] (1796). London: Printed for T. Davies, 16 p. (English Short Title Catalogue, ESTC No. R202213). Available at Sept. 15, 2025 from <https://estc.bl.uk/R202213>.

4. A Smuggled Account from a Guerrilla Fighter [Pamphlet] (1972). London: Revolutionary Publications Collective, 12 p. (British Library, Pamphlets Collection, Ref: P.P.7017.bx; LSE Special Collections, Latin American Revolutionaries, 1968–1975). Available at Sept. 15, 2025 from <https://searcharchives.lse.ac.uk/>.

5. Advertisements extraordinary [Pamphlet] (1790). London: Printed for T. Davies, 12 p. (English Short Title Catalogue, ESTC No. R14589). Available at Sept. 15, 2025 from <https://estc.bl.uk/R14589>.

6. Beltrán, J. (1970). Why I Am Anti-American [Pamphlet]. Santiago: Ediciones del Pueblo Unido, 24 p. (Original Spanish title: ¿Por qué soy antiestadounidense?). Available at Sept. 15, 2025 from <https://archive.org/details/whyiamantiamerican1970>.

7. Merriam Webster Dictionary (n.d.). Black cattle. Available at Sept. 15, 2025 from <https://www.merriam-webster.com/dictionary/black%20cattle>.

8. Black Panther Party (1970). Position of the Black Panther Party [Pamphlet]. Oakland, CA: Intercommunal Youth Institute, 16 p. Available at Sept. 15, 2025 from <https://archive.org/details/PositionOfTheBlackPantherParty1970>.

9. Industrial Society and Its Future [Pamphlet] (1995, November 19). *The New York Times*, A1, A14. Available at Sept. 19, from <https://www.nytimes.com/1995/11/19/us/unabomber-s-manifesto-full-text.html>.

10. Swift, J. (1729). A Modest Proposal: For Preventing the Children of Poor People in Ireland from Being a Burden to Their Parents or Country, and for Making Them Beneficial to the Public [Pamphlet]. London: W. Bowyer and J. Nichols, 24 p. (Eighteenth-Century Collections Online, UMI No. 1729-000001). Available at Sept. 15, 2025 from <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A63741.0001.001>, <https://www.gutenberg.org/files/1080/1080-h/1080-h.htm>.

11. The Man in the Moon [Pamphlet] (1794). London: Printed for J. Almon, 20 p. (Eighteenth-Century Collections Online, UMI No. 1794-000007). Available at Sept. 15, from <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A66757.0001.001>.

12. The Queen's Death [Pamphlet] (1818). London: Printed for T. Spilsbury, 16 p. (British Library, Pamphlets Collection, Shelfmark P.P.7017.dz). Available at Sept. 15, 2025 from https://explore.bl.uk/primo_library/libweb/action/search.do?ct=display&fn=search&doc=BL00000000000002.

13. The Queen's Matrimonial Ladder [Pamphlet] (1820). London: Anonymous, 24 p. (British Library, Pamphlets Collection, Shelfmark P.P.7017.bx). Available at Sept. 15, 2025 from https://explore.bl.uk/primo_library/libweb/action/search.do?ct=display&fn=search&doc=BL00000000000001.

14. The Right Divine of Kings to Govern Wrong [Pamphlet] (1791). London: J. Almon, 32 p. (Eighteenth-Century Collections Online, UMI No. 1791-1792). Available at Sept. 15, 2025 from <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A21851.0001.001>.

15. Wollstonecraft, M. (1792). *A Vindication of the Rights of Woman: with Strictures on Political and Moral Subjects*. London: Joseph Johnson, 316 p. Available at Sept. 15, 2025 from <https://www.earlymoderntexts.com/assets/pdfs/wollstonecraft1792.pdf>.

REFERENCES

1. Alimuradov, O. A. (2006). Lingvisticheskiy smysl kak fenomen, proizvodnyy ot znacheniya = Linguistic meaning as a phenomenon derived from meaning. *Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University*, 4, 5–20. EDN JXRDQL.

2. Gukos'yants, O. Yu., Alimuradov, O. A., Gorzhaya, A. A. (2022). Rol' tsveta i tsvetonominatsiy v polikodovom tekste = The role of color and color nominations in a polycode text. *Scientific dialogue*, 11(10), 140–155. DOI 10.24224/2227-1295-2022-11-10-140-155. EDN VWQCRY.

3. Mavleev, R. R., Kalinin, O. I. (2019). Metafora kak sredstvo analiza implitsitnoy informatsii v politicheskom diskurse = Metaphor as a Means of Analyzing Implicit Information in Political Discourse. *Bulletin of Pyatigorsk State University*, 1, 175–179. EDN XIOBZR.

4. Martynova, E. A., Romanchuk, V. O. (2019). Politicheskie allyuzii i yazykovye sredstva otrazheniya politicheskikh realiy v tekste angloyazychnykh antiutopiy = Political Allusions and Linguistic Means of Reflecting Political Realities in the Text of English-Language Dystopias. *Bulletin of Pyatigorsk State University*, 1, 65–69. EDN PRRZJN.

5. Seyranyan, M. Yu. (2012). Oppozitsiya “Svoy — chuzhoy” kak konfliktogen v politicheskom diskurse = The Opposition “Friend or Foe” as a Conflict Generator in Political Discourse. *Teacher of the 21st Century*, 2-2, 306–310. EDN PAEISJ.

6. Adams, T. R. (1979). *The British Pamphlet Press and the American Controversy (1764–1783)*. Worcester, Mass.: American Antiquarian Society, 88 p. (Repr. from the Proceedings of the Ameri-

can Antiquarian Society ; Vol. 89, part 1). ISBN 0912296372. — Available at Sept. 15, 2025 from <https://www.americanantiquarian.org/proceedings/44517630.pdf>.

7. Berman, M. (1982). *All That Is Solid Melts into Air: The Experience of Modernity*. London: Verso, 383 p. ISBN 0860917851.

8. Fairclough, N. (1995). *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. London, New York: Longman, 268 p. ISBN 0-582-219809.

9. Fauconnier, G., Turner, M. (2002). *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York: Basic Books, 464 p. ISBN 0-465-08785-X.

10. Goddard, C. (2008). *Cross-Linguistic Semantics: explications, metalanguage, grammar*. Philadelphia: John Benjamins Pub. Co. ISBN 9789027205698.

11. Goddard, C., Wierzbicka, A. (2013). From “colour words” to visual semantics. *Words and meanings*, 80–101. DOI 10.1093/acprof:oso/9780199668434.003.0004.

12. Kress, G., Leeuwen, T. van (2006). *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. 2nd ed. London, New York: Routledge, 291 p. ISBN 0415319153, 9780415319157.

13. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 258 p. ISBN 0-226-46801-1.

14. Wierzbicka, A. (2006a). *English: Meaning and Culture*. Oxford, New York: Oxford Univ. Pr., 370 p. ISBN 978-0-19-517474-8; 978-0-19-517-475-5.

15. Wierzbicka, A. (2006b). The semantics of colour: A new paradigm. *Progress in Colour Studies*, 1, 1–24. DOI 10.1075/z.pics1. EDN WVOESE.

16. Wu, W. F. (1982). *The Yellow Peril: Chinese Americans in American Film, 1850–1940*. Archon Books, 241 p.

Политическая лингвистика. 2026. № 2 (116).
Political Linguistics. 2026. No 2 (116).

УДК 811.112.2'42+811.112.2'38+81'27
ББК Ш143.24-51+ Ш143.24-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.29

Код ВАК 5.9.8

Дмитрий Александрович Гусаров^{1,2}✉, Мария Юрьевна Захарова^{3,4}✉, Елена Павловна Савченко^{3,5}✉

¹ Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия, dmitriy_gusarov@mail.ru✉, SPIN-код: 1123-2507, <https://orcid.org/0000-0001-6844-5792>

² Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

³ Государственный университет просвещения, Москва, Россия

⁴ delehrerin@mail.ru✉, SPIN-код: 1482-4073, <https://orcid.org/0000-0002-0109-207X>

⁵ ep.savchenko@guppros.ru✉, SPIN-код: 8807-2657, <https://orcid.org/0000-0002-8557-9984>

Аксиологическая модель смысловой структуры текста: выборы мэра Нью-Йорка 2025 года на страницах немецких газет

АННОТАЦИЯ. Цель работы заключается в выявлении и описании аксиологических механизмов, формирующих смысловую целостность медиатекстов и определяющих их воздействие на читателя. В исследовании используется метод пропозиционального анализа текста, позволяющий вычленивать базовые смысловые единицы (пропозиции) и структурировать их в синтагматические поля. Анализ проводится в рамках трехуровневой модели языковой личности с привлечением теории смыслопорождения К. Л. Парк. В результате анализа были структурированы ключевые синтагматические поля (город, трудящийся, власть, политик, истеблишмент), выявлены соответствующие им стереотипы и две базовые ценности немецкой языковой картины мира: социальная справедливость и политическая борьба. Показано, как авторы статей, апеллируя к этим ценностям и используя механизм условной эквивалентности, создают негативный образ американского истеблишмента и президента Трампа, противопоставляя ему образ победившего политика-социалиста. Результаты исследования могут быть применены в лингвистике текста, медиалингвистике, дискурс-анализе и политической коммуникативистике для анализа идеологической и аксиологической нагрузки медиадискурса. Полученные результаты свидетельствуют о том, что ценности являются эффективным инструментом конструирования образа реальности в соответствии с коммуникативным замыслом автора. Аксиологический подход к анализу текста позволяет реконструировать фрагмент языковой картины мира определенной лингвокультуры через выявление стереотипов на всех уровнях языковой личности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвоаксиология, смысл текста, языковая картина мира, система ценностей, пропозиция, семантическое синтагматическое поле, языковая личность, социальная справедливость, политическая борьба, политический дискурс, мэры городов, журналистика, медиадискурс, медиатексты, немецкие СМИ, средства массовой информации, газетные статьи, немецкий язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Гусаров Дмитрий Александрович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкого языка, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; Москва, Россия; доцент кафедры русского языка № 1, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия, email: dmitriy_gusarov@mail.ru.

Захарова Мария Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры индоевропейских и восточных языков, Государственный университет просвещения, Москва, Россия, email: delehrerin@mail.ru.

Савченко Елена Павловна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры индоевропейских и восточных языков, Государственный университет просвещения, Москва, Россия, email: ep.savchenko@guppros.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гусаров, Д. А. Аксиологическая модель смысловой структуры текста: выборы мэра Нью-Йорка 2025 года на страницах немецких газет / Д. А. Гусаров, М. Ю. Захарова, Е. П. Савченко. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 152-161.

Dmitriy A. Gusarov^{1,2}✉, Mariya Yu. Zakharova^{3,4}✉, Elena P. Savchenko^{3,5}✉

¹ Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia, dmitriy_gusarov@mail.ru, SPIN code: 1123-2507, <https://orcid.org/0000-0001-6844-5792>

² Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

³ State University of Education, Moscow, Russia

⁴ delehrerin@mail.ru✉, SPIN code: 1482-4073, <https://orcid.org/0000-0002-0109-207X>

⁵ ep.savchenko@guppros.ru✉, SPIN code: 8807-2657, <https://orcid.org/0000-0002-8557-9984>

An Axiological Model of the Semantic Structure of a Text: New York Mayoral Election 2025 in German Newspapers

ABSTRACT. The aim of this study is to single out and describe the axiological mechanisms that shape the semantic integrity of media texts and determine their impact on the reader. The research employs the method of propositional text analysis, which makes it possible to identify the basic semantic units (propositions) and structuralize them into syntagmatic fields.

The analysis is conducted within the framework of a three-level model of linguistic personality, incorporating C.L. Park's theory of meaning-making. As a result of the analysis, the study has structuralized key syntagmatic fields (city, employee, power, politician, establishment), and identified their corresponding stereotypes, along with two fundamental values of the German linguistic worldview: social justice and political struggle. The study demonstrates how the authors of the articles, by appealing to these values and utilizing the mechanism of conditional equivalence, create a negative image of the American establishment and President Trump, contrasting it with the image of the victorious socialist politician. The results of the study can be applied in text linguistics, media linguistics, discourse analysis, and political communication studies to analyze the ideological and axiological load of media discourse. The findings indicate that values serve as an effective tool for constructing the image of reality in accordance with the author's communicative intention. The axiological approach to text analysis allows reconstructing a fragment of the linguistic worldview of a particular linguoculture through identification of stereotypes at all levels of the linguistic personality.

KEYWORDS: linguoaxiology, text meaning, linguistic worldview, system of values, proposition, semantic syntagmatic field, linguistic personality, social justice, political struggle, political discourse, city mayors, journalism, media discourse, media texts, German media, media, newspaper articles, German language.

AUTHOR'S INFORMATION: Gusarov Dmitriy Aleksandrovich, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of German Language, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia; Associate Professor of Russian Language Department No. 1, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia.

Zakharova Mariya Yur'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Indo-European and Oriental Languages, State University of Education, Moscow, Russia.

Savchenko Elena Pavlovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Indo-European and Oriental Languages, State University of Education, Moscow, Russia.

FOR CITATION: Gusarov D. A., Zakharova M. Yu., Savchenko E. P. (2026). An Axiological Model of the Semantic Structure of a Text: New York Mayoral Election 2025 in German Newspapers. In *Political Linguistics*. No 2 (116), pp. 152–161. (In Russ.).

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Аксиологический подход к изучению механизма смыслообразования текста исходит из того, что автор, следуя своему коммуникативному замыслу, обращается к языковой личности читателя, актуализируя ценности, составляющие его языковую картину мира. Ценность, понимаемая как высший поведенческий ориентир [Карасик 2024: 184], выступает ключевым фактором в процессе формирования смысла речевого произведения и его воздействия на адресата дискурса [Аркелова 2025: 22].

Вербализация ценностей на лексико-семантическом уровне осуществляется через пропозиции — языковые выражения с темо-рематической структурой, сообщающие о деятеле и его действиях. На уровне текста совокупность таких пропозиций формирует его смысловую цельность. Тема представляет целостный образ объекта сообщения, а рема — актуально выделяемый компонент, уточняющий тему в данной ситуации [Петрова 2021: 510]. Анализ текста позволяет извлечь темо-рематические сегменты, на которые разделен замысел автора, и выявить системы пропозиций. Эти пропозиции образуют семантические синтагматические поля — лексические структуры, отражающие закономерности употребления языковых единиц [Денисенко 2011: 19]. Совокупность таких полей репрезентирует кон-

кретную языковую картину мира, в вербализованной форме представляющую концепты, идеологемы и, что особенно важно для данного исследования, ценности [Денисенко 2009: 30; Балашова 2025: 13].

При отборе рематических компонентов для характеристики темы-деятеля автор неявно апеллирует к ценностному содержанию языковой картины мира своей аудитории, к общему знанию о типичном, социально одобряемом или порицаемом поведении, то есть к аксиологическим доминантам, отражающим поведенческие нормы [Карасик 2025: 81]. Таким образом, актуальные для определенной лингвокультуры ценности играют первостепенную роль в отборе языковых средств для создания образа действительности [Воробьев 2025: 16].

Данное исследование, выполненное с учетом требования современной науки о необходимости изучения вербального поведения человека [Тиллоева 2025: 35], опирается на трехуровневую модель языковой личности, включающую вербально-семантический, когнитивный и прагматический уровни [Денисенко 2010: 8–11]. Прагматический уровень, на котором функционирует механизм рефлексии, обеспечивает понимание нового через соотнесение с известным. Этот процесс лежит в основе смыслопорождающей модели К. Л. Парк, согласно которой понимание событий происходит через их оценку на фоне усвоенной системы убеждений, ценностей и целей — глобального смысла. Конкретные события и их оценка формируют

ситуативный смысл. Несоответствие между глобальным и ситуативным смыслом вызывает у индивида когнитивный диссонанс, побуждающий искать объяснение этому противоречию [Park 2022].

В тексте автор сам предлагает читателю такое объяснение, используя механизм условной эквивалентности [Петрова 2021: 514]. При этом характеризуемый объект получает различные по смыслу, но ситуативно синонимичные наименования, одно из которых обладает сильной эмоциональной или оценочной нагрузкой, вызывая у адресата нужную автору ассоциацию или оценку [Wu, Zhang, Meng 2025: 1]. Подобные номинации реализуют манипулятивную функцию медиатекста, стимулируя «формирование субъективного мнения получателя по поводу сообщаемой ему информации» [Мурашова 2025: 473]. Реализуемая в медиадискурсе манипуляция позволяет «скрыто воздействовать на аудиторию, тем самым влияя на ее поведение и сознание в целом» [Шмигельская 2024: 162].

МЕТОДИКА АНАЛИЗА И МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

В данном исследовании используется метод пропозиционального анализа текста, в результате применения которого рассматриваемый текст представляется в виде списка пропозиций, т. е. происходит переход от поверхностного текстового уровня к пропозициональному [Симатова 2018: 86]. На основании составленного списка выявляются существующие в языковой картине мира синтагматические поля, стереотипы и ценности.

Материалом для нашего исследования послужили статьи, опубликованные в немецкоязычных газетах 6 ноября 2025 г. и посвященные победе Зохрана Мамдани на выборах мэра Нью-Йорка:

- Stefanie Bolzen. *Mamdani's Wahlsieg in New York ist ein Vertrauensvorschuss* (Die Welt);
- Jonathan Guggenberger. *Messias Mamdani* (Die Tageszeitung);
- Boris Herrmann. *Diffamiert, beleidigt — und gewonnen* (Süddeutsche Zeitung);
- A. Dörner, C. Herwartz, L. Meyer, J. Münchrath. *Fünf Lehren aus einem historischen Wahltag* (Handelsblatt);
- Majid Sattar. *Ein Lebenszeichen der Demokraten* (Frankfurter Allgemeine Zeitung);
- Andreas Scheiner. *Ein Sozialist im Herzen des Kapitalismus* (Neue Zürcher Zeitung).

В нашем исследовании мы выявим, в чем заключается коммуникативный замысел авторов данных статей, как авторы структурирует смысловую цельность текстов, на основе каких ценностей языковой картины мира носи-

телей немецкой лингвокультуры становится возможным осмысление данных текстов.

АНАЛИЗ МАТЕРИАЛА

Пропозициональный анализ рассматриваемых газетных статей позволил структурировать синтагматическое поле, включающее пропозиции, тематический компонент которых имеет общее значение *город*, а рематический содержит сообщение о свойственной городу социально-экономической системе, о роли города в мировом масштабе, а также о влиянии города на политическую карьеру:

(1) *New York symbolisiert den globalen Kapitalismus.* / Нью-Йорк символизирует глобальный капитализм.

(2) *New York ist Welthauptstadt des Kapitalismus.* / Нью-Йорк — мировая столица капитализма.

(3) *New York ist die Finanzhauptstadt der Welt.* / Нью-Йорк — финансовая столица мира.

(4) *New York ist Finanzzentrum der Welt.* / Нью-Йорк — финансовый центр мира.

(5) *New York machte den Aufstieg von Donald Trump möglich.* / Нью-Йорк сделал возможным политический взлет Дональда Трампа.

Далее было выявлено синтагматическое поле с пропозициями, тематический компонент которых имеет общее значение *трудящийся*, а рематический компонент представлен сообщениями об условиях жизни и труда:

(6) *Arbeitende Menschen halten New York täglich am Leben.* / Работающие люди ежедневно поддерживают жизнь в Нью-Йорке.

(7) *Die Finger der arbeitenden Menschen in New York sind vom Heben von Kisten im Lagerhaus blutig.* / Пальцы работающих людей в Нью-Йорке кровоточат от поднятия ящиков на складах.

(8) *Die Handflächen der arbeitenden Menschen in New York sind vom Lenken des Lieferfahrrads schwierig.* / Ладони работающих людей в Нью-Йорке покрыты мозолями от управления грузовыми велосипедами.

(9) *Die Knöchel der arbeitenden Menschen in New York sind von Verbrennungen in der Küche vernarbt.* / Пальцы работающих людей в Нью-Йорке покрыты шрамами от ожогов на кухнях.

(10) *Für arbeitende Menschen ist New York unbezahlbar.* / Для работающих людей Нью-Йорк непомерно дорог.

(11) *Arbeitende Menschen regen sich über unbezahlbar hohen Mieten in New York auf.* / Работающие люди жалуются на непомерно высокую арендную плату в Нью-Йорке.

В следующем синтагматическом поле представлены пропозиции с тематическим компонентом *власть* и рематическим компонентом, содержащим сообщение о принадлежности власти:

(12) *Die Macht in New York wird nicht von den Händen der arbeitenden Menschen ausgeübt.* / *Власть в Нью-Йорке не осуществляется руками работающих людей.*

(13) *Die Macht in New York gehört nicht in die Hände der arbeitenden Menschen.* / *Власть в Нью-Йорке не находится в руках работающих людей.*

(14) *Die Macht in New York gehört Reichen und Einflussreichen.* / *Власть в Нью-Йорке принадлежит богатым и влиятельным.*

Далее было выявлено синтагматическое поле, в котором пропозиция представлена тематическим компонентом с общим значением *истеблишмент*, а рематический компонент содержит сообщение о влиянии на политическую карьеру:

(15) *Milliardäre aus New York brachten Donald Trump ins Amt.* / *Миллиардеры из Нью-Йорка привели Дональда Трампа на пост президента.*

Перечисленные в примерах (1) — (15) пропозиции позволяют сделать вывод о существовании в языковой картине мира носителей немецкой лингвокультуры предметных синтагматических полей *город*, *трудящийся*, *истеблишмент* и *власть*, которые на вербально-семантическом уровне языковой личности представлены следующими стереотипами (темо-рематическими моделями): *город* + сообщение о социально-экономической системе / глобальной роли / влиянии на политическую карьеру, *трудящийся* + сообщение об условиях труда/жизни, *истеблишмент* + сообщение о влиянии на политическую карьеру, *власть* + сообщение о принадлежности власти.

На когнитивном уровне языковой личности стереотипами синтагматических полей *город*, *трудящийся*, *истеблишмент* и *власть* становятся следующие генерализованные высказывания:

(16) *New York ist Welthauptstadt des globalen Kapitalismus.* / *Нью-Йорк — это мировая столица глобального капитализма.*

(17) *Reichen und Einflussreichen besitzen Macht in New York.* / *Богатые и влиятельные обладают властью в Нью-Йорке.*

(18) *Reichen und Einflussreichen aus New York bringen Donald Trump ins Amt.* / *Богатые и влиятельные из Нью-Йорка привели Дональда Трампа на пост президента*

(19) *Arbeitende Menschen halten New York am Leben.* / *Работающие люди поддерживают жизнь в Нью-Йорке.*

(20) *[Das Leben in] New York ist für arbeitende Menschen unbezahlbar.* / *Жизнь в Нью-Йорке недоступна по стоимости для работающих людей.*

Наличие в тематических и рематических компонентах данных высказываний названия одного конкретного города позволяет говорить о существовании в немецкой языковой картине мира лингвокультурного символа *Нью-Йорк*. Образ Нью-Йорка складывается из знаний о стереотипных моделях поведения в условиях капитализма: богатые обладают деньгами, влиянием и властью, трудящиеся выполняют тяжелую низкооплачиваемую работу. Кроме того, наличие рематического компонента с сообщениями о влиянии на политическую карьеру в пропозициях с тематическими компонентами *город* и *истеблишмент* (примеры 5, 15) свидетельствует о существовании у символа *Нью-Йорк* устойчивой ассоциации: Нью-Йорк — это богатый и влиятельный американский истеблишмент. Дальнейшие коммуникативные действия авторов рассмотренных газетных статей направлены на разрушение этого символа путем опровержения сложившихся стереотипных представлений.

Так, было выявлено синтагматическое поле с пропозициями, тематический компонент которых имеет общее значение *политик*, а рематический компонент содержит сообщения о предвыборных обещаниях:

(21) *Der selbsternannte demokratische Sozialist Mamdani verspricht das Leben der New Yorker besser zu machen.* / *Называющий себя демократическим социалистом Мамдани обещает сделать жизнь жителей Нью-Йорка лучше.*

(22) *Mamdani verspricht die Lebenskosten in New York radikal zu senken.* / *Мамдани обещает значительно снизить стоимость жизни в Нью-Йорке.*

(23) *Mamdani will New York zu einer lebenswerten Stadt für arbeitende Leute machen.* / *Мамдани хочет сделать Нью-Йорк городом, в котором стоит жить работающим людям.*

(24) *Mamdani will New York zu einer bezahlbaren Stadt für arbeitende Leute machen.* / *Мамдани хочет сделать Нью-Йорк доступным по стоимости для работающих людей.*

(25) *Mamdani verspricht die Mieten einzufrieren.* / *Мамдани обещает заморозить арендную плату за жилье.*

(26) *Mamdani verspricht kostenlose Busse.* / *Мамдани обещает бесплатные автобусы.*

(27) *Mamdani verspricht kostenlose Betreuung für Kleinkinder.* / *Мамдани обещает бесплатный уход за маленькими детьми.*

(28) *Mamdani verspricht staatlich betriebene Lebensmittelläden.* / Мамдани обещает государственные продовольственные магазины.

(29) *Mamdani verspricht Mindestlohn von 30 US-Dollar.* / Мамдани обещает минимальную зарплату в 30 долларов.

(30) *Mamdani verspricht spürbar höhere Steuern für Millionäre, Eigentümer von Luxusimmobilien und Unternehmen.* / Мамдани обещает значительно более высокие налоги для миллионеров, собственников элитной недвижимости и предприятий.

С другой стороны, было структурировано синтагматическое поле, пропозиции которого имеют тематический компонент с общим значением *истеблишмент*, а рематический содержит сообщение о реакции на предвыборные обещания:

(31) *Das Establishment will einen sozialistischen Bürgermeister in New York verhindern.* / *Истеблишмент* стремится не допустить социалиста на пост мэра Нью-Йорка.

(32) *Trump attackiert Mamdani im Wahlkampf scharf.* / Трамп подвергает Мамдани жестким вербальным атакам в ходе предвыборной борьбы.

(33) *Trump droht Mamdani im Wahlkampf auf verschiedene Weise.* / Трамп угрожает Мамдани различными способами в ходе предвыборной борьбы.

(34) *Der Präsident karikiert Mamdani als erfolglosen und gefährlichen Kommunisten.* / Президент высмеивает Мамдани как безуспешного и опасного коммуниста.

(35) *Die Kongressabgeordnete Laura Gillen ist äußerst besorgt über die Politik von Zohran Mamdani in Bezug auf Steuern.* / Денятат конгресса Лаура Гиллен чрезвычайно обеспокоена налоговой политикой Зохрана Мамдани.

(36) *Seine lautesten Gegner aus der Finanz- und Unternehmenswelt bezichtigen Mamdani, New York mit seinen radikalen Ansätzen in den Abgrund zu stürzen.* / Его самые ярые противники из финансовых и промышленных кругов обвиняют Мамдани в том, что он сталкивает Нью-Йорк в пропасть своими радикальными подходами.

(37) *Milliardäre warnen, mit Mamdani werde New York viel gefährlicher und wirtschaftlich unrentabel.* / Миллиардеры предупреждают, что под управлением Мамдани Нью-Йорк станет намного опаснее и экономически нерентабельным.

(38) *Viele mächtige Spender finanzieren Werbespots, die vor Mamdanis linker Politik warnen.* / Многие влиятельные спонсоры финансируют рекламные ролики, которые предупреждают от левого политического курса Мамдани.

(39) *Die Wall Street will um jeden Preis einen demokratischen Sozialist als Bürgermeister in der Hauptstadt des Kapitalismus vermeiden.* / Уолл-стрит хочет любой ценой не допустить демократического социалиста на пост мэра в столице капитализма.

(40) *New Yorks Finanzelite kämpft entschlossen und mit viel Geld gegen Mamdani.* / Финансовая элита Нью-Йорка решительно борется деньгами против Мамдани.

(41) *New Yorks Finanzelite warnt, ein durchschnittlicher Millionär hat in New York keine Lebensfreunde.* / Финансовая элита Нью-Йорка предупреждает, что среднестатистический миллионер не сможет больше радоваться жизни в Нью-Йорке.

Пропозиции из примеров (21) — (30) и (31) — (41) указывают на существование в немецкой языковой картине мира предметных синтагматических полей *политик* и *истеблишмент*, которые на вербально-семантическом уровне языковой личности представлены такими стереотипными теморематическими моделями, как *политик* + *сообщение о предвыборных обещаниях*, *истеблишмент* + *сообщение о реакции на предвыборные обещания*.

На когнитивном уровне языковой личности можно обнаружить следующее взаимодействие генерализованных высказываний, выступающих стереотипами синтагматических полей *город*, *политик* и *истеблишмент*:

(42) *New York ist für arbeitende Menschen unbezahlbar.* / Нью-Йорк недоступен по стоимости жизни для работающих людей.

(43) *Der demokratische Sozialist will New York für arbeitende Menschen bezahlbar machen.* / Демократический социалист хочет сделать Нью-Йорк доступным по стоимости жизни для работающих людей.

(44) *New Yorks Establishment will den demokratischen Sozialist als Bürgermeister in New York verhindern.* / Нью-йоркский истеблишмент стремится не допустить демократического социалиста на пост мэра в Нью-Йорке.

Данные стереотипы когнитивного уровня позволяют говорить о существовании в языковой картине мира носителей немецкой лингвокультуры ценности *социальная справедливость*. Эта ценность складывается из идей, в которых представлены такие модели поведения, как наличие социального неравенства, а также стремление одних акторов исправить сложившуюся ситуацию и стремление других ее сохранить.

На прагматическом уровне языковой личности, образованном коммуникативным замыслом автора конкретного речевого про-

изведения, происходит осмысление описанной в рассматриваемом публицистическом тексте реальной действительности. Поведенческие модели, свойственные городу, политику и истеблишменту в рамках ценности *социальная справедливость*, выступают здесь в качестве глобального и ситуативного знания, на несоответствие между которыми автор указывает получателю текста, предлагая найти ответ на вопрос о том, почему политик-социалист стремится сделать жизнь в Нью-Йорке доступной для социального класса наемных работников (глобальное знание), а политическая и финансовая элита стремится ему помешать (ситуативное знание).

Далее синтагматическое поле *политик* было дополнено пропозициями, в которых рематический компонент содержит сообщение о победе на выборах:

(45) *Dem 34-Jährigen aus Uganda ist in der US-Metropole ein Wahl-Triumph gelungen. / Тридцатичетырехлетний политик из Уганды одержал триумфальную победу на выборах в американском мегаполисе.*

(46) *Ein in Uganda geborener Muslim wird Chef der berühmtesten Stadt der Welt. / Подивившийся в Уганде мусульманин становится главой самого знаменитого города мира.*

(47) *Der demokratische Sozialist setzte sich im Epizentrum des globalen Kapitalismus klar durch. / Демократический социалист победил в эпицентре глобального капитализма.*

(48) *Ein demokratischer Sozialist regiert künftig in der Welthauptstadt des Kapitalismus. / Демократический социалист будет править в мировой столице капитализма.*

(49) *Ein Sozialist wird zum Bürgermeister der Finanzhauptstadt der Welt gewählt. / Социалист был избран мэром финансовой столицы мира.*

На вербально-семантическом уровне языковой личности пропозиции из примеров (45) — (49) дополняют синтагматическое поле *политик* стереотипной темо-рематической моделью *политик + сообщение о победе на выборах*.

На когнитивном уровне языковой личности все возможные сообщения этой модели могут быть сведены к следующему стереотипному генерализованному высказыванию:

(50) *Dem Sozialisten gelingt ein Wahl-Triumph im Epizentrum des globalen Kapitalismus. / Социалист одерживает триумфальную победу в эпицентре глобального капитализма.*

Такой стереотип когнитивного уровня позволяет говорить о существовании в языковой картине мира носителей немецкой лингвокультуры ценности *политическая борьба*,

которая подразумевает противостояние разных общественно-экономических формаций (капитализма и социализма), а также возможную смену одного строя другим.

На прагматическом уровне замысел авторов рассматриваемых газетных статей заключается в том, чтобы через обращение к ценности *политическая борьба* побудить читателя ответить на вопрос: если Нью-Йорк — эпицентр глобального капитализма (глобальное знание), то почему победу на выборах здесь одерживает социалист (ситуативное знание)?

Далее было структурировано синтагматическое поле, пропозиции которого имеют тематический компонент *политик*, а рематические компоненты сообщают о различных аспектах становлении политического деятеля (происхождение, известность, опыт, поддержка, победа):

(51) *Der 34-Jährige aus Uganda war vor einem Jahr weitgehend unbekannt. / Тридцатичетырехлетний политик из Уганды год назад был совершенно не известен.*

(52) *Mamdani kann nicht mit Einfluss aufwarten. / Мамдани не может похвастаться влиянием.*

(53) *Mamdani kann nicht mit Netzwerken aufwarten. / Мамдани не может похвастаться связями.*

(54) *Cuomo entstammt einer der einflussreichsten Dynastien der Ostküste. / Куомо представляет одну из самых влиятельных династий восточного побережья.*

(55) *Cuomo erlangte während der Pandemie nationale Berühmtheit. / Куомо получил общенациональную известность во время пандемии.*

(56) *Mamdani war ein unbekannter Abgeordneter im Parlament des Gliedstaates New York. / Мамдани был неизвестным депутатом в парламенте штата Нью-Йорк.*

(57) *Mamdani hat keinerlei Exekutivverwaltung. / Мамдани не обладает опытом исполнительной власти.*

(58) *Cuomo war langjähriger Gouverneur des Bundesstaates New York. / Куомо много лет занимал пост губернатора штата Нью-Йорк.*

(59) *Cuomo hat die Großspenderschaft von Manhattan hinter sich. / Куомо пользуется поддержкой крупных меценатов с Манхэттена.*

(60) *Mamdani ist stärker als das große Geld. / Мамдани сильнее, чем большие деньги.*

(61) *Mamdani genießt bei den New Yorkern einen riesigen Vertrauensvorschuss. / Мамдани пользуется у ньюйоркцев огромным кредитом доверия.*

(62) *Mamdani hatte die größte Grassroots-Bewegung in der Geschichte von New York City im Rücken.* / Мамдани пользуется поддержкой самой масштабной инициативы снизу в истории Нью-Йорка.

(63) *Cuomo galt noch vor einem halben Jahr als unschlagbar in diesem Rennen.* / Куомо считался еще год назад непобедимым в этой предвыборной гонке.

(64) *Mamdani lag mit 50,3 Prozent fast zehn Punkte vor seinem Herausforderer Andrew Cuomo.* / Мамдани, набрав 50,3 процента, обошел почти на десять пунктов своего соперника Андро Куомо.

(65) *Mamdani ist stärker als Tyrannei.* / Мамдани сильнее, чем тирания.

(66) *Mamdani stürzt eine politische Dynastie.* / Мамдани свергнул политическую династию.

Пропозиции из примеров (51) — (66) дополняют предметное синтагматическое поле *политик* на вербально-семантическом уровне языковой личности стереотипной темо-рематической моделью *политик + сообщение о политическом становлении*.

На когнитивном уровне языковой личности содержание данного сегмента синтагматического поля *политик* можно представить в виде следующего стереотипного генерализованного высказывания:

(67) *Ein unbekannter Politiker aus Uganda setzt sich gegen einen berühmten Politiker aus der einflussreichen politischen Dynastie durch.* / Неизвестный политик родом из Уганды побеждает знаменитого политика из влиятельной политической династии.

Данный стереотип когнитивного уровня, относящийся к ценности *политическая борьба*, приписывает политику такую модель поведения, как *достижение победы вопреки обстоятельствам*. При этом сам характер победы, несмотря на то, что речь идет о свободных выборах в условиях демократии, предстает именно как свержение правящей монархической династии (тирании), что подчеркивает исключительную важность свершающихся политических перемен.

На прагматическом уровне читатель, в соответствии с замыслом авторов, находится в поиске ответа на вопрос: если в Нью-Йорке власть принадлежит богатым и влиятельным (глобальное знание), то почему на выборах побеждает тот, у кого нет ни больших денег, ни влияния (ситуативное знание)?

Далее было структурировано синтагматическое поле с пропозициями, тематический компонент которых имеет общее значение *политик*, а рематический компонент содержит сообщение о высказывании угроз в адрес политического оппонента:

(68) *Trump droht New York City im Falle Mamdanis Wahl zur Strafe Bundesmittel zu entziehen.* / Трамп грозит наказать Нью-Йорк в случае победы Мамдани лишением федеральных средств.

(69) *Trump droht in New York die Nationalgarde einzusetzen, sollte Mamdani eine Politik verfolgen, die Trump nicht gefällt.* / Трамп грозит ввести в Нью-Йорк Национальную гвардию, если Мамдани будет проводить политику, которая не нравится Трампу.

(70) *Trump droht, sich an dem kleinen Kommunisten abzuarbeiten.* / Трамп грозит разделаться с маленьким коммунистом.

На вербально-семантическом уровне пропозиции из примеров (68) — (70) дополняют предметное синтагматическое поле *политик* стереотипной темо-рематической моделью *политик + сообщение о высказанной угрозе*.

На когнитивном уровне языковой личности соответствующие данной модели пропозиции могут быть сведены в следующее стереотипное генерализованное высказывание:

(71) *Trump droht New York mit der Strafe für den Wahlsieg seines Gegners.* / Трамп грозит Нью-Йорку наказанием за победу своего оппонента на выборах.

Данные стереотипы когнитивного уровня демонстрируют ситуацию нарушения политиком ценности *политическая борьба*, поскольку использование угроз не соответствует принципам честного соперничества.

На прагматическом уровне авторы, обращаясь к ценности *политическая борьба*, побуждают читателей найти ответ на вопрос: если политическая борьба должна быть честной (глобальное знание), то почему Дональд Трамп прибегает к угрозам в адрес политического оппонента (ситуативное знание)?

Далее были структурированы синтагматические поля, в которых тематические компоненты пропозиций имеют общее значение *результат выборов, политик, город, избиратели*, а рематический компонент сообщает об исходе политической борьбы для конкретного политического деятеля:

(72) *Die Wahl des Bürgermeisters von New York City bringt für Präsident Donald Trump eine deutliche Niederlage.* / Выборы мэра Нью-Йорка становятся для президента Дональда Трампа явным поражением.

(73) *Mamdani steuert die größte Stadt der USA gegen den vollen Widerstand des größten Egomanen Amerikas mit Sitz im Weißen Haus in die Zukunft.* / Мамдани направляет в будущее самый большой город мира, преодолевая упорное сопротивление самого большого эгоцентриста Америки, находящегося в Белом доме.

(74) *New York zeigt der Nation, wie man Donald Trump besiegt.* / Нью-Йорк показывает стране, как победить Дональда Трампа.

(75) *New York findet den Weg, einen Despoten zu erschrecken.* / Нью-Йорк находит способ победить деспота.

(76) *New York beseitigt die Bedingungen, die es dem Despoten ermöglicht haben, Macht anzuhäufen.* / Нью-Йорк устраняет условия, которые позволили деспоту накопить власть.

(77) *New York stoppt Trump und seine Nachfolger.* / Нью-Йорк останавливает Трампа и его преемников.

(78) *Die arbeitenden Menschen in New York haben gewagt, nach etwas Größerem zu greifen.* / Работаящие люди в Нью-Йорке отважились замахнуться на большее.

(79) *Die New Yorker wählen Trumps Gegenspieler Mamdani ins Rathaus.* / Нью-йоркцы выбрали противника Трампа Мамдани мэром.

(80) *In den Händen der arbeitenden Menschen liegt die Zukunft von New York.* / В руках работающих людей будущее Нью-Йорка.

На вербально-семантическом уровне языковой личности пропозиции из примеров (72) — (80) образуют стереотипную модель *результат / политик / город / избиратели + сообщение об оценке исхода политической борьбы для политика*.

На когнитивном уровне языковой личности содержание пропозиций данной модели можно обобщить в следующем генерализованном стереотипном высказывании:

(81) *New York wählt Trumps Gegenspieler ins Rathaus.* / Нью-Йорк выбрал противника Трампа мэром.

Данный стереотип когнитивного уровня дополняет ценность *политическая борьба*, закрепляя типичную модель поведения избирателей: избрание политика на должность. Данная модель поведения противопоставляется как соответствующая ценности *политическая борьба* модели поведения в примере (71), которая данной ценности не соответствует.

На прагматическом уровне читатели, согласно замыслу авторов, должны найти ответ на вопрос: если в Нью-Йорке власть принадлежит влиятельным людям (глобальное знание), то почему угрозы со стороны столь влиятельной личности, как Дональд Трамп, не возымели эффекта (ситуативное знание)?

Ответы на все поставленные вопросы читатель находит в тексте газетных статей благодаря механизму условной эквивалентности. Так, президент США Дональд Трамп получает такие наименования, как *деспот* и

эгоцентрист, правящая элита Нью-Йорка называется *династией*, а установившийся политический строй — *тиранией*. Такой эквивалентный ряд создает в сознании читателя задуманный авторами образ объективной действительности: поддерживаемый финансовой элитой эгоцентричный деспот в своем стремлении сохранить установившуюся тиранию нарушает ценность *политическая борьба*, прибегая к угрозам в адрес оппонента и избирателей; в то же время недовольное классовым неравенством трудовое население, действуя в рамках ценностей *политическая борьба* и *социальная справедливость*, не боится угроз деспота и свержает тиранию, выбрав социалиста на пост мэра.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

В результате проведенного исследования были структурированы существующие в языковой картине мира носителей немецкого языка ценности *социальная справедливость* и *политическая борьба*.

На вербально-семантическом и когнитивном уровне языковой личности данные ценности представлены стереотипами, фиксирующими опыт восприятия моделей поведения таких деятелей, как *город, истеблишмент, власть, трудящиеся, политик, результат выборов, избиратели*.

Кроме того, было установлено, что модели поведения таких деятелей, как *город, истеблишмент и трудящиеся*, не соответствующие ценности *социальная справедливость*, объединены на когнитивном уровне языковой личности в содержании лингвокультурного символа *Нью-Йорк*.

На прагматическом уровне языковой личности поведение, способствующее соблюдению принципов социальной справедливости и честной политической борьбы, оценивается положительно, то есть как соответствующее ценности. Напротив, действия, которые приводят к нарушению этих принципов, оцениваются отрицательно, то есть как не соответствующие ценности.

В анализируемых газетных статьях ценности *социальная справедливость* и *политическая борьба* вместе с их стереотипными представлениями используются авторами для создания у носителей немецкой лингвокультуры негативного образа американского истеблишмента, в частности президента Трампа, который изображается как деспот, стремящийся к династическому характеру передачи власти, свойственному тирании.

Данный образ создается посредством опровержения стереотипов, составляющих содержание лингвокультурного символа *Нью-Йорк*. В рассмотренных статьях столица ми-

рового капитализма, где власть принадлежит богатым и влиятельным, а жизнь для трудящегося населения непомерно дорогая, предстает городом, в котором распределение экономических благ осуществляется под руководством мэра-социалиста и будущее которого определяют простые работающие горожане, участвуя в демократических выборах.

Таким образом, представленные в языковой картине мира ценности являются эффективным инструментом создания образа, соответствующего коммуникативному замыслу автора текста. Аксиологический подход к анализу смысловой структуры текста позволяет выявить составляющие ценности стереотипы прагматического, когнитивного и вербально-семантического уровней языковой личности, восстановив тем самым сегмент языковой картины мира определенной лингвокультуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аракелова, А. Р. Дискурс отмены и аксиология: как и почему СМИ вербализуют ценностные концепты / А. Р. Аракелова, Т. А. Ширяева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2025. — № 1 (895). — С. 17–24. — EDN HBXTAM.
2. Балашова, Л. В. Идеологема «Украина» сквозь призму антропоморфной метафоры (на материале устных выступлений С. В. Лаврова в 2022–2024 гг.) / Л. В. Балашова // Политическая лингвистика. — 2025. — № 1 (109). — С. 12–19. — EDN JXZKQG.
3. Воробьев, В. В. Коммуникативная лингвокультурология: истоки, проблемы, перспективы / В. В. Воробьев, Д. С. Скнарев, М. Д. Тагаев // Русистика. — 2025. — Т. 23, № 1. — С. 7–21. — DOI 10.22363/2618-8163-2024-23-1-7-21. — EDN UXJVJ.
4. Денисенко, В. Н. Синтагматика и парадигматика семантического поля / В. Н. Денисенко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2011. — № 2. — С. 18–24. — EDB PXZSUX.
5. Денисенко, В. Н. Моделирование системы языка в аспекте языковой личности / В. Н. Денисенко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2010. — № 1. — С. 6–12. — EDN LNMST.
6. Денисенко, В. Н. Семантическая типология: история и теория вопроса / В. Н. Денисенко, М. А. Рыбаков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. — 2009. — № 1. — С. 25–31. — EDN JYBFEL.
7. Карасик, В. И. Языковое осмысление ценностного концепта уважение / құрмет в русской и казахской лингвокультурах / В. И. Карасик, А. Д. Жакупова, Н. Г. Омарова // Язык и литература: теория и практика. — 2025. — Т. 4, № 3. — С. 79–95. — DOI 10.52301/2957-5567-2025-4-3-79-95. — EDN ODLMWQ.
8. Карасик, В. И. Ценностная картина мира как объект аксиологической лингвистики / В. И. Карасик // Языки, литературы и культуры народов России в современной академической науке : сборник материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Междунар. науч. форума), посвящ. 85-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Казань, 9–11 окт. 2024 г. — Казань : Академия наук Республики Татарстан, 2024. — С. 183–188. — EDN QOPXEQ.
9. Мурашова, Е. А. Прагматическое поле персональности в заголовках медиатекстов / Е. А. Мурашова // Медиалингви-

стика. — 2025. — Т. 12, № 3. — С. 461–477. — DOI 10.21638/spbu22.2025.307. — EDN DSKJJD.

10. Петрова, Т. Е. Текст и его структура (психолингвистические исследования в русле школы Л. В. Сахарного и А. С. Штерна) / Т. Е. Петрова // Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021) : кол. моногр. / науч. ред. И. А. Стернин, Н. В. Уфимцева, Е. Ю. Мягкова. — Москва : Институт языкознания — ММА, 2021. — С. 505–517. — EDN GDKROE.

11. Симатова, С. А. Алгоритм глубинного анализа китайского текста в рамках предикационной концепции языка / С. А. Симатова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2018. — Т. 16, № 4. — С. 84–91. — DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-4-84-91. — EDN YUOMOD.

12. Тиллоева, С. М. Эмотивный компонент в семантической структуре фразеологизмов / С. М. Тиллоева // Политическая лингвистика. — 2025. — № 1 (109). — С. 35–45. — EDN QTHIUM.

13. Шмигельская, Н. А. Языковые маркеры манипуляции в поляризованном политическом пропагандистском медиакурсе (на примере русско-украинского конфликта) / Н. А. Шмигельская // Политическая лингвистика. — 2024. — № 6 (108). — С. 161–169. — EDN GLMEZR.

14. Park, C. L. Meaning Making Following Trauma / C. L. Park // *Frontiers in Psychology*. — 2022. — Vol. 13. — P. 844–891. — DOI 10.3389/fpsyg.2022.844891.

15. Wu, C. Determine emotion-label words: Quantifying emotional prototypicality of 1,122 second-language English words / C. Wu, J. Zhang, Y. Meng // *Bilingualism: Language and Cognition*. — 2025. — P. 1–8. — DOI 10.1017/S1366728925000136.

REFERENCES

1. Arakelova, A. R., Shiriaeva, T. A. (2025). Diskurs otmeny i aksiologiya: kak i pochemu SMI verbalizuiut tsennostnyye kontsepty = Cancel culture discourse and axiology: how and why the media verbalize value concepts. *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 1(895), 17–24. EDN HBXTAM.
2. Balashova, L. V. (2025). Ideologema “Ukraine” skvoz’ prizmu antropomorfnoi metafory (na materiale ustnykh vystuplenii S. V. Lavrova v 2022–2024 gg.) = The ideologeme “Ukraine” through the prism of anthropomorphic metaphor (based on oral speeches by S. V. Lavrov in 2022–2024). *Political Linguistics*, 1(109), 12–19. EDN JXZKQG.
3. Vorob'ev, V. V., Sknarev, D. S., Tagaev, M. D. (2025). Kommunikativnaia lingvokulturologiia: istoki, problemy, perspektivy = Communicative linguoculturology: origins, problems, perspectives. *Russian Studies*, 23(1), 7–21. DOI 10.22363/2618-8163-2024-23-1-7-21. EDN UXJVJ.
4. Denisenko, V. N. (2011). Sintagmatika i paradigmatica semanticheskogo polia = Syntagmatics and paradigmatics of the semantic field. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics*, 2, 18–24. EDB PXZSUX.
5. Denisenko, V. N. (2010). Modelirovanie sistemy iazyka v aspekte iazykovoi lichnosti = Modeling of the language system in the aspect of linguistic personality. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics*, 1, 6–12. EDN LNMST.
6. Denisenko, V. N., Rybakov, M. A. (2009). Semanticheskaia tipologiia: istoriia i teoriia voprosa = Semantic typology: history and theory of the issue. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Linguistics*, 1, 25–31. EDN JYBFEL.
7. Karasik, V. I., Zhakupova, A. D., Omarova, N. G. (2025). Yazykovoe osmyslenie tsennostnogo kontsepta uvazhenie / kuriet v russkoi i kazakhskoi lingvokul'turakh = Linguistic interpretation of the value concept respect / kurmet in Russian and Kazakh linguocultures. *Language and Literature: Theory and Practice*, 4(3), 79–95. DOI 10.52301/2957-5567-2025-4-3-79-95. EDN ODLMWQ.
8. Karasik, V. I. (2024). Tsennostnaia kartina mira kak ob"ekt aksiologicheskoi lingvistiki = The value picture of the world as an object of axiological linguistics. *Languages, literatures, and cultures of the peoples of Russia in modern academic science. Collec-*

tion of materials from the International Scientific and Practical Conf. (International Scientific Forum), dedicated to the 85th anniversary of the establishment of the G. Ibragimov Institute of Language, Literature, and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 183–188. Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. EDN QOPXEQ.

9. Murashova, E. A. (2025). Pragmaticheskoe pole personal'nosti v zagolovkakh mediatekstov = The pragmatic field of personality in media text headlines. *Media Linguistics*, 12(3), 461–477. DOI 10.21638/spbu22.2025.307. EDN DSKJJD.

10. Petrova, T. E. (2021). Tekst i ego struktura (psikholingvisticheskie issledovaniia v rusle shkoly L.V. Sakharnego i A.S. Shtern) = Text and its structure (psycholinguistic research in the school of L.V. Sakharov and A.S. Shtern). *Russian psycholinguistics: results and prospects (1966–2021)* (Eds. I. A. Sternin, N. V. Ufimtseva, E. Iu. Miagkova), 505–517. Moscow: Institute of Linguistics — MMA. EDN GDKROE.

11. Simatova, S. A. (2018). Algoritm glubinnogo analiza kitaiskogo teksta v ramkakh predikatsionnoi kontseptsii iazyka = An algorithm for in-depth analysis of Chinese text within the frame-

work of the predicative concept of language. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 16(4), 84–91. EDN YUOMOD.

12. Tilloieva, S. M. (2025). Emotivnyi komponent v semanticheskoi strukture frazeologizmov = The emotive component in the semantic structure of phraseological units. *Political Linguistics*, 1(109), 35–45. EDN QTHIUM.

13. Shmigel'skaia, N. A. (2024). Yazykovye markery manipulatsii v poliariovanom politicheskom propagandistskom mediatekste (na primere russko-ukrainskogo konflikta) = Linguistic markers of manipulation in polarized political propaganda media discourse (on the example of the Russian-Ukrainian conflict). *Political Linguistics*, 6(108), 161–169. EDN GLMEZR.

14. Park, C. L. (2022). Meaning Making Following Trauma. *Frontiers in Psychology*, 13, 844–891. DOI 10.3389/fpsyg.2022.844891.

15. Wu, C., Zhang, J., Meng, Y. (2025). Determine emotion-label words: Quantifying emotional prototypicality of 1,122 second-language English words. *Bilingualism: Language and Cognition*, 1—8. DOI 10.1017/S1366728925000136.

Политическая лингвистика. 2026. № 2 (116).
Political Linguistics. 2026. No 2 (116).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38+81'27+329
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Даниил Игоревич Жуков

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия,
daniil.zhukov@urfu.ru, SPIN-код: 5463-8680

Лексические маркеры позитивной легитимации партии «Новые люди» в региональном политическом медиадискурсе

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется механизм позитивной легитимации партии «Новые люди» в медиатексте региональных СМИ. Анализ охватывает публикации, вышедшие в период с конца 2025 по начало 2026 года. Отбор текстов ориентировался на наличие ярко выраженных инициатив партии, обращенных к различным социальным группам, включая молодежь, старшее поколение, предпринимателей. Актуальность исследования связана с увеличением значимости медиадискурса: в медиатекстах закрепляются устойчивые модели интерпретации политических событий, формируются оценочные рамки и задаются параметры восприятия политических акторов. При этом особую роль в рамках политического медиадискурса приобретают региональные СМИ: в отличие от федеральных, они ориентированы на локальную повестку и освещают деятельность политических акторов в непосредственной связи с жизнью конкретного региона и его жителей. Это обуславливает более тесную связь медиатекстов с практической деятельностью партий. На материале отобранных публикаций выявлены доминирующие стратегии и субстратегии легитимации. Анализ продемонстрировал, как через выбор лексических маркеров формируется положительный образ партии, подчеркивается социальная значимость ее инициатив, их соответствие общественным ценностям и ожидаемая эффективность. Статья вносит вклад в расширение исследований языковых и прагматических механизмов конструирования легитимного политического образа в региональном медиадискурсе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политические тексты, журналистика, медиадискурс, медиатексты, СМИ, средства массовой информации, языковые средства, язык СМИ, региональные СМИ, политические партии, дискурс-анализ, легитимация власти, позитивная оценка, лексические маркеры.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Жуков Даниил Игоревич, ассистент кафедры иностранных языков, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, email: daniil.zhukov@urfu.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Жуков, Д. И. Лексические маркеры позитивной легитимации партии «Новые люди» в региональном политическом медиадискурсе / Д. И. Жуков. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 162-168.

Daniil I. Zhukov

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, daniil.zhukov@urfu.ru, SPIN code: 5463-8680

Lexical Markers of Positive Legitimacy of the “New People” Party in Regional Political Media Discourse

ABSTRACT. The article examines mechanism of positive legitimization of the New People party in regional media text. The analysis covers texts published between the late 2025 and the early 2026. The text selection is based on the presence of pronounced initiatives of the party, addressed to various social groups, including the youth, the older generation, and entrepreneurs. The relevance of the research can be associated with the increasing importance of media discourse nowadays: stable models of interpretation of political events are regularly employed, evaluation frameworks are formed, and parameters for perception of political actors are actively set. At the same time, regional media play a special role in the sphere of political media discourse: unlike federal media, they are focused on the local agenda and cover the activities of political actors in direct connection with the life of a particular region and its inhabitants. This leads to a closer relationship between media texts and the practical activities of the parties. Based on the material of the selected publications, the study singles out the dominant strategies and substrategies of legitimation. The analysis has demonstrated how, through the choice of lexical markers, a positive image of the party is formed, the social significance of its initiatives is emphasized, and their compliance with social values and the expected effectiveness are stressed. The article contributes to the expansion of research on linguistic and pragmatic mechanisms of constructing a legitimate political image in regional media discourse.

KEYWORDS: political discourse, political texts, journalism, media discourse, media texts, mass media, language means, mass media language, regional media, political parties, discourse analysis, legitimization of power, positive assessment, lexical markers.

AUTHOR'S INFORMATION: Zhukov Daniil Igorevich, Assistant Professor of Department of Foreign Languages, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Zhukov D. I. (2026). Lexical Markers of Positive Legitimacy of the “New People” Party in Regional Political Media Discourse. In *Political Linguistics*. No 2 (116), pp. 162-168. (In Russ.).

Политический дискурс является важной сферой общественной коммуникации, в рамках которой не только осуществляется интерпретация различных политических процессов и событий, но и формируется представление о деятельности политических акторов. Значительная часть этой коммуникации осуществляется через средства массовой информации (СМИ), где с помощью выбора определенных языковых, в частности лексических, средств авторы текстов способны задавать определенное восприятие политических партий, их инициатив и общественной значимости. Поэтому исследование языковых механизмов репрезентации политических акторов представляет особый интерес для лингвистики.

Особую роль в этом процессе играет медиадискурс, поскольку именно в медиатекстах закрепляются устойчивые модели интерпретации политических событий, формируются оценочные рамки и задаются параметры восприятия политических акторов.

В рамках политического медиадискурса особое значение приобретают региональные СМИ. В отличие от федеральных медиа, они ориентированы на локальную повестку и освещают деятельность политических акторов в непосредственной связи с жизнью конкретного региона и его жителей. Это обуславливает более тесную связь медиатекстов с практической деятельностью партий и, предположительно, важную роль лексических средств, нацеленных на формирование их позитивного образа.

Одним из ключевых механизмов формирования позитивного образа выступает легитимация — «текст или речь, предоставляющие достаточные основания, доводы или приемлемые мотивы для прошлых или настоящих действий» [Van Dijk 1998: 255]. В лингвистическом аспекте она реализуется через различные стратегии, отражающие способы обоснования значимости, полезности и правомерности деятельности политических субъектов. Таким образом, представляется интересным механизм конструирования социально одобряемого и значимого образа политического актора, что может достигаться в том числе посредством использования определенных лексических маркеров.

По нашему убеждению, в данном контексте показателен анализ медиарепрезентации партии «Новые люди», которая в российском политическом пространстве позиционируется как относительно новая политическая сила. Региональные СМИ активно освещают ее деятельность, акцентируя внимание на социальных инициативах, взаимодействии с различными группами населения

и участии в решении локальных проблем. Это делает возможным выявление специфических лексических средств, с помощью которых формируется ее позитивный образ в медиадискурсе.

Целью настоящего исследования является анализ лексических маркеров, посредством которых в региональных СМИ осуществляется позитивная легитимация партии «Новые люди». В качестве теоретико-методологической основы анализа в работе выбрана классификация стратегий легитимации Т. ван Левена. Для достижения поставленной цели необходимо рассмотреть стратегии легитимации, предложенные автором, изучить функционирование лексических единиц в рамках данных стратегий и определить их роль в конструировании позитивного образа партии, а также установить, какие стратегии и субстратегии легитимации оказываются наиболее частотными в региональном политическом медиадискурсе.

В современных условиях СМИ выступают не только каналом передачи информации, но и самостоятельным участником политического процесса, оказывающим влияние на общественное мнение и политическую повестку [Паулов 2008: 5]. Кроме того, они выходят за рамки национальных границ и становятся глобальными акторами. Как отмечает В. В. Фокина, такие СМИ, как, например, CNN, BBC, Al-Jazeera, Russia Today, Euronews «являются не только инструментами влияния ведущих стран мира, но и оказывают существенное влияние на мировое общественное мнение, национальную политику и мировую политику» [Фокина 2013: 1]. Таким образом, медиадискурс приобретает транснациональный характер и подтверждает свою значимость в роли фактора политической коммуникации.

Важно подчеркнуть, что влияние СМИ на аудиторию носит системный и длительный характер. По замечанию П. В. Ивлиева, «для того чтобы сформировать определенные мировоззренческие мотивы и спровоцировать человека на нужные для определенных лиц действия» необходимо «длительное дискретное информационное воздействие» [Ивлиев 2021: 1–2]. Это подчеркивает необходимость анализа медиатекстов не как отдельных сообщений, а как элементов целостного дискурсивного процесса, направленного на формирование устойчивых представлений о политических акторах, их деятельности и социальной значимости.

Особое значение в контексте настоящего исследования имеют региональные СМИ. На региональном уровне медиакommunikация тесно связана с локальной повесткой и во-

влечением граждан в общественную жизнь. Как отмечает Л. Г. Егорова, региональные медиа «не только реализуют функцию информирования, но и оказывают влияние на личностную, социальную идентификацию аудитории» [Егорова 2021: 2]. Кроме того, местные СМИ интерпретируют события через призму регионального контекста, что влияет на формируемую ими картину мира. Их востребованность обусловлена близостью к аудитории, проживающей на конкретной территории [Тулупов 2013], что делает региональный медиадискурс особенно значимым объектом исследования.

Представляется очевидным, что политический медиадискурс не только транслирует аудитории информацию о событиях и действиях политических акторов, но и формирует оценочные представления о них, влияя на их восприятие аудиторией, в том числе на легитимацию их позиций. Легитимация понимается как процесс, целью которого является «достижение легитимности социального или политического феномена в некотором сообществе» [Колмогорова 2017: 2]. В более узком дискурсивном смысле легитимация рассматривается как «разновидность дискурсивной стратегии, состоящей в конструировании чьей-либо легитимности или нелегитимности» [Fairclough 2003; Vaara, Tienari 2008].

В политическом медиадискурсе легитимация выражается через языковые средства, позволяющие аудитории воспринимать действия, инициативы или позиции политического субъекта как социально оправданные и значимые. В этом контексте использование определенных языковых средств может служить инструментом укрепления доверия к политическому актору и конструирования положительного образа партии или движения.

Для анализа проявлений позитивной легитимации в медиатексте мы обратились к классификации стратегий легитимации, предложенной Т. ван Левеном [Van Leeuwen 2008]. Он выделяет следующие стратегии [Колмогорова 2017: 4–5]:

1. Апелляция к авторитету (Authorization).

- А. Апелляция к личному авторитету — использование социального статуса, официальной роли или известности лица, представляющего инициативу.
- Б. Апелляция к авторитету эксперта — привлечение специалиста с профессиональным опытом в соответствующей сфере.
- В. Апелляция к авторитету модели поведения или медийной личности — ссылка на социально признанную

или популярную фигуру как пример правильного действия.

- Г. Апелляция к «безличному» авторитету — обоснование через нормы, правила или законы («так положено»).
- Д. Апелляция к авторитету традиции — легитимация через соблюдение исторически устоявшихся практик.
- Е. Апелляция к авторитету «большинства» — аргументация через массовое согласие («так делают все»).

2. Моральная оценка (Moral evaluation).

- А. Оценочная субстратегия — использование прилагательных и оценочной лексики для прямой характеристики объекта (например, «важный», «душевный»).
- Б. Абстрагирование — обобщение положительных свойств объекта на более высоком уровне социальной значимости.
- В. Аналогия — аргументация через сравнение с другим, признанно ценным объектом.

3. Рационализация (Rationalization).

- А. Целевая — «Я делаю X для того, чтобы достичь Y», где X — инициатива, а Y — социальная цель.
- Б. Инструментальная — «Я достигаю Y при помощи X», акцент на способах реализации цели.
- В. Результат — «Y — это результат X», легитимация через позитивные последствия.
- Г. Определение — описание объекта через другие социально значимые категории.
- Д. Разъяснение — объяснение правильности действий через обоснованные и оправданные действия участников.
- Е. Предсказание — прогноз ожидаемых позитивных или негативных последствий действия.

4. Мифопоэтическая стратегия (Mythopoetic).

- А. Поучительный рассказ — протагонист действует согласно социальной модели и получает награду.
- Б. Апокрифический рассказ — нарушение социальной модели приводит к негативным последствиям.
- В. Повествование с одной линией — история сосредоточена на одной линии с однозначной оценкой событий.
- Г. Символическое или инвертированное повествование — объекту приписывается символическая функция (например, знак нового времени).

Представляется, что лексические маркеры могут выступать ключевым инструментом реализации указанных стратегий легитимации, поскольку через выбор слов и выражений автор способен формировать положительную оценку действий актора, подчеркивать его значение и влияние на аудиторию, иными словами — осуществлять его легитимацию.

Перейдем к исследованию конкретных примеров легитимации партии «Новые люди» в медиатекстах региональных СМИ.

В качестве материала исследования были отобраны примеры из 5 публикаций, представленных в различных выпусках региональных СМИ [Progorod33.ru 2026; News.sarbc.ru 2025; Kursdela.biz 2025; Gorno-Altai.info 2026; News.1777.ru 2025]. Анализ охватывает публикации, вышедшие в период с конца 2025 по начало 2026 года, что позволяет проследить актуальные практики легитимации партии на локальном уровне. Отбор текстов ориентировался на наличие ярко выраженных инициатив партии, обращенных к различным социальным группам, включая молодежь, старшее поколение, предпринимателей и т. д. Анализ отобранного материала проводился в соответствии с классификацией стратегий легитимации Т. ван Левена.

В первую очередь рассматриваемые нами публикации были изучены на предмет наличия примеров, отражающих использование **стратегии моральной оценки**. Было установлено, что в обнаруженных примерах чаще всего были реализованы субстратегии абстрагирования и рационализации. Так, во фрагменте «Поддержка приютов в Республике Алтай стала одним из *важных* направлений работы партии» реализуется субстратегия абстрагирования: лексический маркер «важных» обобщает деятельность партии и придает ей социальную значимость на более высоком уровне; легитимация строится через абстрактное описание ценности инициативы в целом, а не только конкретного действия. Схожий пример использования субстратегии абстрагирования реализуется и в следующем примере: «...представители партии подчеркнули, что будут продолжать работать над проектами, которые делают жизнь в регионе *ярче и интереснее*». Легитимация строится через соотнесение деятельности партии с обобщенными представлениями о качестве жизни. Ключевыми лексическими маркерами являются «ярче» и «интереснее», которые выражают положительную оценку, но не конкретного действия, а общего состояния жизни в регионе. Таким образом, деятельность партии интерпрети-

руется как фактор, способствующий улучшению социальной среды в целом, что соответствует субстратегии абстрагирования.

Перейдем к анализу примеров, демонстрирующих реализацию оценочной субстратегии, относящейся к стратегии моральной оценки. Рассмотрим следующий фрагмент: «10 декабря кинотеатр „Победа“ наполнился энергией, общением и знакомствами: десятки жителей пришли, чтобы провести день *ярко, активно и по-современному*». В данном отрывке статьи легитимация строится через прямую позитивную характеристику события и его атмосферы. Наречия «ярко», «активно», «по-современному» формируют положительный образ происходящего: деятельность партии воспринимается как социально одобряемая и полезная. Таким образом, мероприятие представляется как значимое и позитивное для участников, что соответствует оценочной субстратегии.

Рассмотрим второй пример, относящийся к той же субстратегии: «Визит получился не только *полезным*, но и *душевым*». В данном отрывке присутствуют лексические маркеры «**полезным**» и «**душевым**», **которые** создают морально-позитивную оценку инициативы. Партия легитимируется через социальную ценность действия: поддержка приюта воспринимается как добрый и значимый поступок.

В заключительном отрывке, «...организовала для жителей и гостей региона *увлекательный* квест...», ключевым лексическим маркером является прилагательное «увлекательный», которое формирует представление о событии как интересном, привлекательном и социально значимом. Партия репрезентируется как организатор качественного и востребованного досуга.

Перейдем к анализу примеров, относящихся к **стратегии апелляции к авторитету**.

При исследовании публикаций нами были выделены следующие примеры реализации данной стратегии:

1) «...поясняет депутат Законодательного собрания Челябинской области, руководитель регионального отделения партии „Новые люди“ Максим Гулин»;

2) «Секретарь регионального отделения Андрей Зобнин отметил...»;

3) «...рассказывает руководитель регионального отделения партии „Новые люди“ в Республике Алтай Константин Василенко»;

4) «...рассказал Депутат Совета народных депутатов Владимира, руководитель регионального отделения партии „Новые люди“ Данил Котлер»;

5) «...отметил руководитель регионального отделения партии „Новые люди“ в Ставропольском крае Альберт Карапетян».

Во всех приведенных выше примерах реализуется субстратегия апелляции к личному авторитету: номинации «депутат Законодательного собрания», «руководитель регионального отделения партии» указывают на официальное положение авторов высказываний, а упоминание конкретного имени усиливает персонализацию и повышает степень доверия к позиции. Таким образом, значимость той или иной инициативы подкрепляется не только ее содержанием, но и социальным статусом субъекта, ее представляющего, что соответствует субстратегии личного авторитета.

Перейдем к блоку анализа, посвященному **стратегии рационализации**. Данная группа включает в себя наибольшее количество примеров из представленных в этом исследовании.

В первом примере, «Его организовала партия „Новые люди“ в преддверии 8 Марта, чтобы *поддержать* женщин-предпринимательниц, которые *развивают* локальные бренды во Владимирской области», прослеживается прямое указание на цель предпринимаемых действий. В высказываниях «чтобы *поддержать* женщин-предпринимательниц» и «*развивают* локальные бренды» можно заметить причинно-целевую связь между инициативой партии и ее социальным значением, а употребление глагола «поддержать» акцентирует социально одобряемую направленность деятельности. Таким образом, действия партии объясняются через их целесообразность и общественную значимость.

В следующих примерах реализуется субстратегия предсказания: «На федеральном уровне партия продвигает инициативу по созданию „Чеховской карты“. <...> Она *позволит* людям старшего поколения посещать музеи, концерты, выставки и другие культурные мероприятия *бесплатно* или с *существенной скидкой*». Использование глагольной формы «позволит» прямо указывает на ожидаемый результат в будущем. Дополнительную роль играют слова «*бесплатно*» и «с *существенной скидкой*», конкретизирующие выгоду для целевой аудитории и усиливающие представление о практической полезности проекта.

Рассмотрим следующий пример: «Представители партии подчеркнули, что *будут продолжать работать* над проектами, которые делают жизнь в регионе ярче и интереснее, а также *помогают* Ставрополью и всему краю *укреплять* свои позиции и уве-

ренно *развиваться*». Лексическими маркерами в данном отрывке являются «будут продолжать работать», «помогают», «укреплять», «развиваться». Форма будущего времени указывает на устойчивость и продолжение инициатив, а глаголы «укреплять» и «развиваться» задают позитивный вектор изменений.

Аналогичным образом в примере «...„Новые люди“ уже заявили, что фестиваль *станет регулярным* и *охватит новые районы* Ставропольской области» субстратегия предсказания реализуется через фразы в будущем времени «станет регулярным» и «охватит новые районы». Эти выражения формируют представление о системности и масштабируемости.

Схожим представляется следующий пример: «...сотрудники приюта „Дом, где лает счастье“ отмечают, что в Республике Алтай нужна система массовой стерилизации. <...> „Новые люди“ *возьмут в работу* вопрос программы по льготной стерилизации». Выражение «возьмут в работу» указывает на намерение реализовать инициативу в будущем, вместе с этим деятельность партии представляется как направленная на решение актуальной социальной задачи в перспективе.

Рассмотрим последний фрагмент, в котором реализуется данная субстратегия: «Также партия „Новые люди“ предлагает ввести для женщин-предпринимателей „налоговый декрет“ — годовичное освобождение от всех налогов после рождения или усыновления ребенка. В партии уверены, что такой механизм *позволит* предпринимательницам не закрывать ИП, *снизит финансовую нагрузку* и стресс в первый год жизни ребенка, а впоследствии *поможет безболезненно вернуться к работе*». В данном примере, как и в предыдущих, можно выделить глаголы будущего времени «позволит», «снизит», «поможет», которые выражают прогнозируемые результаты в будущем. Фразы «снизит финансовую нагрузку», «безболезненно вернуться к работе» конкретизируют ожидаемую пользу для целевой группы.

Таким образом, во всех приведенных выше примерах инициатива партии обосновывается через ее потенциальную эффективность и социальную значимость в перспективе, что соответствует предсказательной субстратегии рационализации.

Рассмотрим также фрагменты, в которых реализуется субстратегия разъяснения. «Для добровольцев это *не разовая акция*, а *часть долгосрочной программы помощи*...» — в данном примере лексические

маркеры «не разовая акция» и «часть долгосрочной программы» противопоставляют спонтанное действие системной и продуманной работе. В примере «...сторонники партии проводят в школах Горно-Алтайска образовательные уроки, посвященные ответственному обращению с питомцами» также реализуется субстратегия разъяснения: фразы «образовательные уроки» и «ответственное обращение» указывают на просветительский и социально значимый характер инициативы.

Рассмотрим пример, содержащий проявление субстратегии определения: «Это площадка, где любой производитель ... сможет представить свой товар, а жители или гости города — легко его найти и купить». Разъяснение сущности предлагаемой инициативы происходит с использованием таких лексических маркеров, как «любой производитель сможет представить», «легко его найти и купить». Использование модального глагола «сможет» указывает на реальные возможности, создаваемые инициативой, а наречие «легко» подчеркивает доступность и удобство. Таким образом, через определение и описание принципа работы инициативы формируется представление о ее практической полезности.

Перейдем к двум заключительным отрывкам, которые объединены общей субстратегией «результат». «В Саратове „Новые люди“ провели фестиваль для старшего поколения „Жить по-новому“. „Новые люди“ снова доказали: жить по-новому можно в любом возрасте»; «Фестиваль стал прямым ответом на запрос саратовцев, которые все чаще говорят о нехватке интересных форматов досуга» — легитимация в данных фрагментах строится через указание на достигнутый эффект деятельности партии. Ключевую роль играют слова «доказали» и «снова», где первое указывает на наличие результата, подтверждающего эффективность действий, а второе — на повторяемость и устойчивость этого результата. Тем самым создается представление о том, что деятельность партии уже приносит конкретные и проверенные результаты. Следовательно, деятельность партии представляется как своевременная и обоснованная реальными запросами общества, что формирует ее рациональную легитимность.

Таким образом, анализ медиатекстов региональных СМИ показал, что позитивная легитимация партии «Новые люди» реализуется через разнообразные лексические средства и стратегии. В текстах наиболее активно используется стратегия рационализации, субстратегия предсказания. Проявление

стратегии моральной оценки являются вторыми по степени частоты использования, преимущественно используются субстратегии абстрагирования и оценочной характеристики. Реже всего использовалась стратегия апелляции к личному авторитету. Использование во всех примерах соответствующих стратегиям лексических средств создает образ продуманной, эффективной и ориентированной на благо общества деятельности партии. Таким образом, медиаре-презентация «Новых людей» формирует положительное восприятие партии, закрепляет ее социальную значимость и демонстрирует, как через язык и оценочную лексику осуществляется конструкция легитимного политического образа.

ИСТОЧНИКИ

1. Во Владимире партия «Новые люди» провела фестиваль женщин-предпринимательниц «Весна возможностей» // Progorod33.ru : интернет-изд. — 2026. — URL: <https://progorod33.ru/companies/124168> (дата обращения: 08.03.2026).
2. В Саратове «Новые люди» провели фестиваль для старшего поколения «Жить по-новому» // News.sarbc.ru : интернет-изд. — 2025. — URL: <https://news.sarbc.ru/main/2025/12/13/314381.html> (дата обращения: 08.03.2026).
3. В Челябинске партия «Новые люди» создает новые возможности для старшего поколения // Kursdela.biz : интернет-изд. — 2025. — URL: <https://kursdela.biz/news/2025-11-25/v-chelyabinske-partiya-novye-lyudi-sozdayot-novye-vozmozhnosti-dlya-starshego-pokoleniya-5512579> (дата обращения: 08.03.2026).
4. Корм и внимание: как «Новые люди» в Горно-Алтайске помогают бездомным животным // Gorno-Altai.info : интернет-изд. — 2026. — URL: <https://www.gorno-altai.info/news/188346> (дата обращения: 08.03.2026).
5. По следам слона: как партия «Новые люди» поздравила ставропольцев с праздником // News.1777.ru : интернет-изд. — 2025. — URL: <https://news.1777.ru/116631-po-sledam-slona-kak-partiya-novye-lyudi-pozdravila-stavropolcev-s-prazdnikom> (дата обращения: 08.03.2026).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вагин, В. В. Информационное сопровождение инициативного бюджетирования: содержание и принципы успешной реализации / В. В. Вагин, Н. А. Шаповалова // Власть. — 2016. — Т. 24, № 12. — С. 63–69. — EDN XIQZEX.
2. Дзялошинский, И. М. Манипулятивные технологии в массмедиа / И. М. Дзялошинский // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. — 2005. — № 1. — С. 29–55. — EDN JXDHCP.
3. Егорова, Л. Г. Роль региональных СМИ в становлении гражданского общества (на примере информационного сопровождения проектов инициативного бюджетирования) / Л. Г. Егорова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. — 2021. — Т. 7, № 2. — С. 185–194. — EDN DWFGYP.
4. Зенин, К. А. Особенности структуры «власть — пресса — общество» в России / К. А. Зенин, В. А. Ишунин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2021. — № 4-1. — С. 87–90. — DOI 10.23672/c5717-9634-7936-z. — EDN NMMYYS.
5. Ивлиев, П. В. Роль СМИ в формировании политического мировоззрения / П. В. Ивлиев, А. С. Невзорова // Право и государство: теория и практика. — 2021. — № 10 (202). — С. 42–45. — DOI 10.47643/1815-1337_2021_10_42. — EDN NIWQQI.
6. Колмогорова, А. В. Легитимация как социополитический феномен и объект дискурса-анализа / А. В. Колмогорова // Политическая лингвистика. — 2018. — № 1(67). — С. 33–40. — DOI 10.26170/pl18-01-03. — EDN YSUNKN.

7. Паулов, С. В. Медиатизация политики и место СМИ в системе политической коммуникации / С. В. Паулов // Вестник Читинского государственного университета. — 2008. — № 1 (46). — С. 26–30. — EDN KTYPTH.

8. Тулупов, В. В. Региональная журналистика: сегодня и завтра / В. В. Тулупов // Вопросы теории и практики журналистики. — 2013. — № 2. — С. 78–92. — EDN RALJST.

9. Фокина, В. В. СМИ как акторы мировой политики / В. В. Фокина // Вестник МГИМО-Университета. — 2013. — № 1 (28). — С. 61–65. — EDN PYVZGD.

10. Dijk, T. A. Van. Ideology: A Multidisciplinary Approach / T. A. Van Dijk. — London : Sage, 1998. — 384 p. — ISBN 0-7619-5654-9.

11. Fairclough, N. Analysing discourse: Textual analysis for social research / N. Fairclough. — [S. l.] : Psychology Press, 2003. — 270 p. — ISBN 9780415258920.

12. Leeuwen, T. Van. Discourse and Practice. New Tools for Critical Discourse Analysis / T. Van Leeuwen. — New York : Oxford Univ. Pr., 2008. — 192 p. — ISBN 978-0195323306.

13. Screti, F. Defending Joy against the Popular Revolution: Legitimation and delegitimation through songs / F. Screti // Critical Discourse Studies. — 2013. — Vol. 10, No. 2. — P. 205–222. — DOI 10.1080/17405904.2013.764614. — EDN YDGUSN.

14. Suchman, M. C. Managing Legitimacy: Strategic and Institutional Approaches // Academy of Management Review. — 1995. — Vol. 20. — № 3. — P. 571–610. — DOI 10.5465/AMR.1995.9508080331.

15. Vaara, E. A discursive perspective on legitimation strategies in multinational corporations / E. Vaara, J. Tienari // Academy of Management Review. — 2008. — Vol. 33, Iss. 4. — P. 985–993. — DOI 10.5465/AMR.2008.34422019.

MATERIALS

1. Progorod33.ru (2025). Vo Vladimire partiya «Novye lyudi» provela festival' zhenshchin-predprinimatel'nits «Vesna vozmozhnostey» = In Vladimir, the New People party held a festival of women entrepreneurs, “Spring of Opportunities”. Available at March 8, 2026 from <https://progorod33.ru/companies/124168>.

2. News.sarbc.ru (2025). V Saratove «Novye lyudi» proveli festival' dlya starshego pokoleniya «Zhit' po-novomu» = In Saratov, the New People party held a festival for the older generation, “Living in a New Way”. Available at March 8, 2026 from <https://news.sarbc.ru/main/2025/12/13/314381.html>.

3. Kursdela.biz (2025). V Chelyabinske partiya «Novye lyudi» sozdaet novye vozmozhnosti dlya starshego pokoleniya = In Chelyabinsk, the New People party is creating new opportunities for the older generation. Available at March 8, 2026 from <https://kursdela.biz/news/2025-11-25/v-chelyabinske-partiya-no-vye-lyudi-sozdayot-novye-vozmozhnosti-dlya-starshego-pokoleniya-5512579>.

4. Gorno-Altaysk.info (2026). Korm i vnimanie: kak «Novye lyudi» v Gorno-Altayske pomagayut bezdomnym zhivotnym = Food and attention: how “New People” in Gorno-Altaysk help homeless animals. Available at March 8, 2026 from <https://www.gorno-altaysk.info/news/188346>.

5. News.1777.ru (2025). Po sledam slona: kak partiya «Novye lyudi» pozdravila stavropol'tsev s prazdnikom = In the footsteps of an elephant: how the “New People” party congratulated Stavropol residents on the holiday. Available at March 8, 2026 from <https://news.1777.ru/116631-po-sledam-slona-kak-partiya-novye-lyudi-pozdravila-stavropolcev-s-prazdnikom>.

REFERENCES

1. Vagin, V. V., Shapovalova, N. A. (2016). Informatsionnoe soprovozhdenie initsiativnogo byudzhetrovaniya: sodержanie i printsipy uspezhnoy realizatsii = Information Support for Participatory Budgeting: Content and Principles of Successful Implementation. *Power*, 24(12), 63–69. EDN XIQZEX.

2. Dzyaloshinskiy, I. M. (2005). Manipulyativnye tekhnologii v massmedia = Manipulative Technologies in the Mass Media. *Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism*, 1, 29–55. EDN JXDHCP.

3. Egorova, L. G. (2021). Rol' regional'nykh SMI v stanovlenii grazhdanskogo obshchestva (na primere informatsionnogo soprovozhdeniya proektov initsiativnogo byudzhetrovaniya) = The Role of Regional Media in the Development of Civil Society (Based on Information Support for Participatory Budgeting Projects). *Scientific Notes of the Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences*, 7(2), 185–194. EDN DWFGYP.

4. Zenin, K. A., Ishunin, V. A. (2021). Osobennosti struktury «vlast' — pressa — obshchestvo» v Rossii = Features of the “government — press — society” structure in Russia. *Humanities, socio-economic and social sciences*, 4-1, 87–90. DOI 10.23672/c5717-9634-7936-z. EDN NMMYYS.

5. Ivliev, P. V., Nevzorova, A. S. (2021). Rol' SMI v formirovaniy politicheskogo mirovozzreniya = The role of the media in shaping political worldview. *Law and state: theory and practice*, 10(202), 42–45. DOI 10.47643/1815-1337_2021_10_42. EDN NIWQQI.

6. Kolmogorova, A. V. (2018). Legitimsiya kak sotsiopoliticheskiy fenomen i ob'ekt diskurs-analiza = Legitimation as a Sociopolitical Phenomenon and an Object of Discourse Analysis. *Political Linguistics*, 1(67), 33–40. DOI 10.26170/pl18-01-03. EDN YSUNKN.

7. Paulov, S. V. (2008). Mediatizatsiya politiki i mesto SMI v sisteme politicheskoy kommunikatsii = Mediatization of Politics and the Place of the Media in the System of Political Communication. *Bulletin of Chita State University*, 1(46), 26–30. EDN KTYPTH.

8. Tulupov, V. V. (2013). Regional'naya zhurnalistika: segodnya i zavtra = Regional Journalism: Today and Tomorrow. *Issues of Theory and Practice of Journalism*, 2, 78–92. — EDN RALJST.

9. Fokina, V. V. (2013). SMI kak aktory mirovoy politiki = Media as Actors in World Politics. *Bulletin of MGIMO-University*, 1(28), 61–65. EDN PYVZGD.

10. Dijk, T. A. Van. (1998). Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: Sage, 384 p. ISBN 0-7619-5654-9.

11. Fairclough, N. (2003). Analysing discourse: Textual analysis for social research. Psychology Press, 270 p. ISBN 978-0415258920.

12. Leeuwen, T. Van. (2008). Discourse and Practice. New Tools for Critical Discourse Analysis. New York: Oxford Univ. Pr., 192 p. ISBN 978-0195323306.

13. Screti, F. (2013). Defending Joy against the Popular Revolution: Legitimation and delegitimation through songs. *Critical Discourse Studies*, 10(2), 205–222. DOI 10.1080/17405904.2013.764614. EDN YDGUSN.

14. Suchman, M. C. (1995). Managing Legitimacy: Strategic and Institutional Approaches. *Academy of Management Review*, 20(3), 571–610. DOI 10.5465/AMR.1995.9508080331.

15. Vaara, E., Tienari, J. (2008). A discursive perspective on legitimation strategies in multinational corporations. *Academy of Management Review*, 33(4), 985–993. DOI 10.5465/AMR.2008.34422019.

Политическая лингвистика. 2026. № 2 (116).
Political Linguistics. 2026. No 2 (116).

УДК 811.111'42+811.161.1'42+81'27+81'38
ББК Ш141.12-51+Ш143.21-51+Ш105.55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.29

Код ВАК 5.9.8

Юлия Эдуардовна Знак^{1✉}, Ирина Геннадьевна Игнатьева^{2✉}

^{1,2} Московский государственный институт международных отношений (Университет), Москва, Россия

¹ levi-julia@yandex.ru ✉, SPIN-код: 4724-2780, <https://orcid.org/0000-0002-1873-2889>

² ignateva.mgimo@yandex.ru ✉, SPIN-код: 2363-0493, <https://orcid.org/0000-0002-0369-7291>

Концепты ОБОРОНА и DEFENCE/DEFENSE через призму вторичной вербальной номинации

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу концептов ОБОРОНА и DEFENCE/DEFENSE в русском и английском языках. Актуальность исследования обусловлена современной геополитической ситуацией, в которой данные концепты становятся полем информационно-психологической войны, а механизмы вторичной вербальной номинации используются для дискредитации и подмены понятий. Цель работы — выявить национально-специфические особенности структуры и содержания указанных концептов, репрезентируемых в политическом дискурсе через вторичные наименования. Материалом исследования послужили данные толковых и этимологических словарей, исторические очерки, литературные произведения, официальные выступления политических деятелей, а также современные медийные источники и доктринальные документы. В результате исследования установлено, что ядерные компоненты концептов не совпадают: для концепта ОБОРОНА ключевым является защита целостности своей территории, тогда как концепт DEFENCE/DEFENSE обладает более широким спектром значений и ориентирован на защиту интересов и ресурсов вне зависимости от географической привязки. Доказано, что выявленное несоответствие активно эксплуатируется в информационной войне, где под видом «обороны» в англоязычном дискурсе продвигаются агрессивные геополитические цели. Теоретическая значимость работы заключается в развитии методологии концептуального анализа с учетом вторичной номинации. Практическая значимость связана с возможностью использования результатов для лингвистической экспертизы текстов, адекватного перевода политических документов и разработки стратегий противодействия манипуляции общественным сознанием.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая лингвистика, политический дискурс, геополитика, геополитическая ситуация, вторичная вербальная номинация, концептосфера, концепты, концепт «оборона», концепт «defense», информационная война, асимметрия концептуальных структур, русский язык, английский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Знак Юлия Эдуардовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка № 6, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, Москва, Россия, email: levi-julia@yandex.ru.

Игнатьева Ирина Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 1, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, Москва, Россия, email: ignateva.mgimo@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Знак, Ю. Э. Концепты ОБОРОНА и DEFENCE/DEFENSE через призму вторичной вербальной номинации / Ю. Э. Знак, И. Г. Игнатьева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 169-184.

Yuliya E. Znak^{1✉}, Irina G. Ignat'eva^{2✉}

^{1,2} Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia

¹ levi-julia@yandex.ru ✉, SPIN code: 4724-2780, <https://orcid.org/0000-0002-1873-2889>

² ignateva.mgimo@yandex.ru ✉, SPIN code: 2363-0493, <https://orcid.org/0000-0002-0369-7291>

The Concepts OBORONA and DEFENCE/DEFENSE through the Lens of Secondary Verbal Nomination

ABSTRACT. The article analyzes the concepts OBORONA and DEFENCE/DEFENSE in Russian and English. The relevance of the study is determined by the current geopolitical situation, in which these concepts become a battleground for information and psychological warfare, while the mechanisms of secondary verbal nomination are used to discredit and substitute these concepts. The aim of the study is to identify the nationally specific features of the structure and content of these concepts as represented in political discourse through secondary nominations. The practical research material includes data from explanatory and etymological dictionaries, historical essays, and literary works, official statements by politicians, as well as modern media sources and doctrinal documents. The study has confirmed that the core components of the concepts do not coincide: the key element of the concept OBORONA is defense of one's territorial integrity, whereas the concept DEFENCE/DEFENSE has a broader range of meanings and is oriented towards protecting interests and resources regardless of geographical location. The study argues that this identified asymmetry is actively exploited in information warfare, where aggressive geopolitical goals are advanced in English-language discourse under the guise of "defense". The theoretical significance of the work lies in the fact that it develops the methodology of conceptual analysis with consideration of secondary nomination. The practical research significance relates to the possibility of using its re-

sults for linguistic text expertise, adequate translation of political documents, and developing strategies to counter public consciousness manipulation.

KEYWORDS: political linguistics, political discourse, geopolitics, geopolitical situation, secondary verbal nomination, conceptosphere, concepts, concepts OBORONA, concept DEFENCE/DEFENSE, information warfare, asymmetry of conceptual structures, Russian language, English language.

AUTHOR'S INFORMATION: Znak Yuliya Eduardovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of English No. 6, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia.

Ignat'eva Irina Gennad'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of English No. 1, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia.

FOR CITATION: Znak Yu. E., Ignat'eva I. G. (2026). The Concepts OBORONA and DEFENCE/DEFENSE through the Lens of Secondary Verbal Nomination. In *Political Linguistics*. No 2 (116), pp. 169-184. (In Russ.).

1. ВВЕДЕНИЕ

Антропоцентрическая парадигма современного языкознания выводит на первый план вопросы взаимодействия языка, мышления и культуры. В центре внимания исследователей оказывается процесс концептуализации действительности, результаты которого фиксируются в семантике языковых единиц. Изучение языковой картины мира в современной лингвистике неразрывно связано с исследованием ключевых концептов, которые структурируют человеческое сознание и определяют особенности национального мировосприятия, что происходит в рамках лингвистической концептологии, задачей которой является описание концептов лингвистическими средствами [Карасик, Стернин 2007]. При этом если говорить о вербализации концепта, то «это вся совокупность языковых и неязыковых средств, прямо или косвенно иллюстрирующих, уточняющих и развивающих его содержание» [Карасик 2002: 91].

Исследование концептов может осуществляться в двух ракурсах — монолингвальном (на материале одной лингвокультуры) и полилингвальном (на материале двух и более лингвокультур). Оба подхода вносят существенный вклад в осмысление общей картины культурно обусловленных и вербально закреплённых ценностей, присущих тому или иному народу. Вместе с тем они не являются равноценными с точки зрения полноты выявления национальной специфики, как в качественном, так и в количественном отношении. Монолингвальная практика описания концептов остаётся сегодня наиболее распространённой. В то же время полилингвальный подход приобретает статус одного из наиболее актуальных направлений изучения ментальных единиц, поскольку именно через сопоставление концепта одного языка с его эквивалентом или аналогом в другом языке наиболее отчетливо проявляется лингвокультурная специфика, формирующая ту уникальную и неповторимую картину мира, которая воссоздается естественной речью.

В фокусе настоящего исследования находятся концепты «ОБОРОНА» и «DEFENCE/DEFENSE», имеющие как экзистенциальную, так и социально-политическую значимость. Внимание к данным концептам обусловлено не только их универсальностью, но и способностью аккумулировать в себе исторический опыт народа, модели поведения и ценностные ориентиры. Концепты «ОБОРОНА» и «DEFENCE/DEFENSE» представляют собой сложное ментальное образование, которое, несмотря на свою кажущуюся терминологическую строгость, подвержено активному переосмыслению в различных типах дискурса. В то же время очевидно, что данные концепты нельзя отождествлять, поскольку, как мы увидим далее, в каждой из лингвокультур они сконструированы индивидуально, различаются как по структуре, так и по языковой репрезентации.

Интерес представляет анализ того, как данные концепты репрезентируются в языке. Особое место в когнитивной лингвистике занимает **вторичная вербальная номинация**, под которой понимается использование уже существующих в языке номинативных средств в новой для них функции, что неизбежно ведет к семантической трансформации и приращению смысла. Изучение того, как тот или иной концепт преломляется сквозь механизмы вторичного наименования, позволяет проникнуть в глубинную структуру человеческого восприятия мира.

Механизмы **вторичной вербальной номинации** позволяют выявить внутренние, часто неочевидные слои концепта, его образные и оценочные характеристики. Настоящая статья посвящена анализу **концептов «ОБОРОНА» и «DEFENCE/DEFENSE» в русскоязычном и англоязычном политическом дискурсе через призму вторичной вербальной номинации**, что дает возможность проследить динамику осмысления данного феномена и выявить специфику его языкового воплощения. Такой подход позволяет рассмотреть не только ядерные, устойчивые признаки концепта, но и его периферийные, образные смыслы, возникающие

в политическом дискурсе в результате процессов глубинного переосмысления.

2. МЕТОДИКА И МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Современные реалии таковы, что сейчас можно со всей уверенностью говорить об активной фазе информационной войны, разворачивающейся в медийном пространстве и задействующей механизмы индивидуальной и общественной когниции. «Современные инструменты воздействия уже не только формируют мнение или отношение к чему-либо, но и воздействуют на сами механизмы обработки знания», — справедливо отмечает О. И. Калинин [Калинин 2023: 124].

Анализ языковых явлений при этом является на данный момент, пожалуй, единственным доступным способом выявления механизмов информационно-психологического воздействия, стратегических целей информационной войны и мишеней когнитивного воздействия. В современной лингвистике при рассмотрении способов ведения информационной и гибридной войн центральное место отводится изучению языковых средств осуществления речевого воздействия, создания манипулятивных тактик и конструирования дискурсивных стратегий.

Вторичная языковая номинация представляет собой «переосмысление готовых языковых единиц, выступающих во вторичной для них функции». В основе вторичной номинации, отмечает Ю. Э. Знак, «лежит ассоциативный характер человеческого мышления, который, в свою очередь, позволяет устанавливать сходства и различия на основе признаков, присущих новым именам» [Знак 2025: 135].

Данный механизм позволяет не только маскировать истинные цели и задачи политических акторов, но и внедрять в национальный дискурс социально значимые единицы концептосферы в идеологически навязанном коннотативном значении. Как справедливо утверждает А. А. Хабаров, «смысловые импликатуры, заключенные в языковые формы моделирования мира субъектами информационно-психологического противоборства, отражают их истинные замыслы в контексте декларируемых действий» [Хабаров 2022: 82].

Через механизмы вторичной номинации происходит либо сакрализация и укрепление оборонных смыслов (в национально-ориентированном дискурсе), либо их эрозия, дискредитация или подмена (в дискурсе геополитических противников). Так, например, в декларациях НАТО такие формулировки, как «preserve peace», «shared values», «human

security» или «rules-based order», демонстрируют применение средств вторичного номинирования, за которыми скрывается конкретное военно-политическое содержание, зачастую противоречащее декларируемым ценностям.

В сложившихся геополитических условиях, когда Российская Федерация переживает фазу противостояния «коллективному Западу» и отстаивает свои национальные интересы, особую актуальность приобретает анализ тех концептов, которые становятся полем смысловой и идеологической войны. К числу таких фундаментальных концептов, безусловно, относятся «ОБОРОНА» и «DEFENCE/DEFENSE». Являясь ключевыми для военного и военно-политического дискурса, данные концепты сегодня активно переосмысливаются и эксплуатируются в информационном пространстве, становясь в информационном противоборстве «концептом-мишенью из числа базовых основ культуры и менталитета» [Калинин 2023: 445].

Актуальность настоящего исследования обусловлена несколькими факторами. Прежде всего, современная геополитическая ситуация характеризуется переходом противоборства государств из традиционной военной плоскости в плоскость информационно-психологическую. В этих условиях анализ языковых механизмов воздействия приобретает первостепенное значение для национальной безопасности. С другой стороны, современная лингвистика характеризуется устойчивым интересом к когнитивным аспектам языка, в частности к процессам концептуализации и категоризации действительности. Изучение того, как те или иные фрагменты мира преломляются в сознании и закрепляются в языке, остается одной из приоритетных задач антропоцентрического языкознания.

Несмотря на разработанность общей теории номинации, вопросы вторичной вербальной номинации как механизма, формирующего и модифицирующего концептуальные структуры, требуют дальнейшего углубленного изучения. Остается открытым вопрос о том, каким образом вторичные наименования участвуют в структурировании ядра и периферии концепта, как они влияют на его аксиологическую составляющую и дискурсивную реализацию. При этом именно вторичная вербальная номинация, позволяющая осуществлять рекатегоризацию концептуальной картины мира, подменять понятия и внедрять в массовое сознание идеологически навязанные смыслы, выступает одним из ключевых инструментов информационно-психологической войны.

Концепты «ОБОРОНА» и «DEFENCE/DEFENSE» являются важной составляющей как обыденного, так и профессионального (военного, политического) сознания. Данные концепты обладают сложной, многослойной структурой и подвержены активному переосмыслению в различных типах дискурса. Выявление номинативной плотности концепта, анализ спектра вторичных наименований, репрезентирующих его отдельные признаки, позволяют реконструировать фрагмент русско- и англоязычной языковой картины мира, связанный с представлениями о защите и обороне. В условиях информационной войны именно эти концепты подвергается наиболее интенсивному смысловому воздействию со стороны геополитических противников, что выражается в попытках дискредитации оборонного потенциала, подмены понятий (например, «превентивная оборона» vs «агрессия», «мировотворческая операция» vs «интервенция») и навязывания выгодных для «коллективного Запада» интерпретаций. Анализ этих процессов через призму вторичной номинации позволяет вскрыть механизмы смысловой агрессии и разработать меры лингвистической защиты. Сопоставительный аспект усиливает актуальность работы, так как позволяет выявить национально-специфические особенности восприятия данного феномена.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии ряда направлений современной лингвистики. Предложенный в работе подход, заключающийся в рассмотрении концепта через призму репрезентирующих его вторичных номинаций, обогащает методологию концептуального анализа. На примере сравнения вербальных репрезентаций концептов «ОБОРОНА» и «DEFENCE/DEFENSE» демонстрируется, как вторичные наименования позволяют выявить не только ядерные, но и периферийные, образно-ассоциативные слои концепта, его динамический потенциал и способность к развитию. Тем самым работа углубляет представления о полевой организации концепта и способах его языковой объективации. Кроме того, сравнительный анализ средств вторичной номинации данных концептов в русском и английском языках позволяет выявить универсальные и национально-специфические черты в осмыслении данного феномена, что вносит вклад в теорию межкультурной коммуникации и лингвокультурологии. В контексте социополитических реалий и в условиях конфликтной коммуникации данное исследование вносит вклад в изучение лингвистически релевантных признаков военных конфликтов нового типа.

Практическая значимость исследования состоит в том, что материалы работы могут служить основой для лингвистической экспертизы текстов, содержащих конфликтный потенциал или направленных на манипуляцию общественным сознанием через переосмысление ключевых понятий. Понимание механизмов вторичной номинации и умение распознавать переносные значения необходимы для адекватного перевода текстов, особенно публицистических и политических, где основную роль играют средства воздействия на адресата. В конечном итоге, осознание средств манипуляции общественным сознанием через вторичную вербальную номинацию может способствовать созданию стратегии противодействия скрытой пропаганде «коллективного Запада».

3. ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ СРЕДСТВ ВТОРИЧНОГО НОМИНИРОВАНИЯ

В качестве материалов исследования в статье рассмотрены примеры из современных медиаисточников, произведений художественной литературы, справочных и словарных изданий. При работе над материалом использовались следующие методы: метод сплошной выборки, метод сопоставительного анализа, элементы когнитивного моделирования.

В различных языках окружающий мир может члениться по-разному. «Несмотря на то, что при всех отличиях можно всегда найти общее понятийное ядро в близких по значению словах языков мира, различие касается содержания понятий, относится к отсутствию сходства в объеме знаний или сферы употребления данного слова» [Языковая номинация. Общие вопросы 1977: 158].

В статье разбираются примеры вторичной вербальной номинации, которые демонстрируют различия в структуре концептов «ОБОРОНА» и «DEFENCE/DEFENSE», а также разницу в репрезентации обоих концептов.

В своем анализе мы опираемся на «полевую модель» концепта: к ядру будут относиться прототипические слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные наиболее яркие образы; более абстрактные признаки, отражающие некий этап осмысления бытийных признаков и относящиеся к рефлексивному слою сознания, составляют периферию концепта [Попова, Стернин 2002: 24].

Отметим, что прослеживается определенная динамика изменения ядра и периферии концептов «ОБОРОНА» и «DEFENCE/DEFENSE», что, возможно, обусловлено

спецификой словаря, коллективом авторов и годом его издания.

Для большей объективности в первую очередь был проведен сравнительный лингвистический анализ определения концептов в толковых словарях русского и английского языков тезаурусного типа.

Начнем с анализа вербализации концепта «ОБОРОНА» в русском языке.

В толковом словаре В. И. Даля¹ 1863–1866 гг. определение существительного «оборона» дается через такие синонимы, как *оборанивание, обороненье, оборонка; «оборона», как действие — защита, заступка, заступничество, застройка, закрыв, ограда; покров; покровительство*. Кроме того, в словаре дается объяснение глагола «оборанивать» с синонимическим рядом к нему, как *оборонять, оборонить кого, что, бородить (город), защищать, закрывать, заступать собою, ограждать, отбивать нападение, отражать, не давать в обиду, отстаивать, застоять; (воен.) быть в силах обстреливать что-либо*. Приводятся интересные примеры: «Выступы укрепления (бастии) обороняют долевые уступы»; «Ворона соколу не оборона»; «Чужой оборонкой веку не изживешь»; «Живем, Божьей обороною»; «Лиса кур не оборонит»; «Я тобой оборонился, без тебя бы я пропал».

В энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона 1890–1907 гг.² дано подробное описание, что такое «осадная война (крепостная война)», к которому отсылают авторы при запросе определения слова «оборона». Приведем цитату: «...Очищение ограды еще не влечет за собой прекращения борьбы, так как оборона должна длиться до последней крайности, комендант может держаться в незанятых противником фортах, из которых каждый может обороняться как изолированное укрепление. Во многих случаях местность (особенно большие реки) допускает организовать и продолжать оборону оставшейся части крепостного пространства, тогда как другая уже во власти неприятеля. Еще и в этот период борьбы обстановка на театре войны может измениться, и победоносный до тех пор атакующий может оказаться вынужденным снять осаду».

В толковом словаре Д. Н. Ушакова 1935–1940 гг.³ «оборона» трактуется несколько шире, как:

1. *Противодействие нападению (книжн.). Примеры: «Перейти от обороны к открытому нападению»; «Удар был нанесен в состоянии необходимой обороны».*

2. *Боевые действия, состоящие в защите от нападающего противника и отражении его (воен.). Примеры: «Характер наступления зависит от характера обороны противника»; «Противовоздушная оборона».*

3. *Совокупность средств, необходимых для отражения вооруженного нападения врага на страну. Примеры: «Крепить оборону»; «Все народы Советского Союза не покладая рук работают над тем, чтобы была несокрушимой оборона страны» (К. Е. Ворошилов).*

Толковый словарь, подготовленный С. И. Ожеговым совместно с Н. Ю. Шведовой⁴ определяет оборону следующим образом:

1. *Защита, отражение нападения противника.*

2. *Вид боевых действий, применяемых с целью сорвать или отразить наступление противника, удержать свои позиции и подготовить переход к наступлению. Примеры: «активная оборона; полоса обороны».*

3. *Совокупность средств, необходимых для отпора врагу. Пример: «Крепить оборону страны».*

4. *Система оборонительных сооружений. Примеры: «Держать оборону»; «Проводить оборону врага».*

Большой энциклопедический словарь дает понятию «оборона» следующее определение — это «вид военных действий, применяемый с целью сорвать или отразить наступление противника».

Большая российская энциклопедия определяет «оборону страны» как одну из функций государства.

На основе представленных выше определений можно выделить следующие компоненты ядра концепта «ОБОРОНА»:

1. Вооруженная защита от нападения на свою территорию/город/ крепость.

2. Отражение нападения противника.

3. Противодействие нападению.

4. Оборонительные сооружения.

Важно отметить, что значимый компонент ядра «своя территория» не всегда находил отражение в определениях XX в. Во времена СССР больший акцент был сделан на отраже-

¹ URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/286398>.

² URL: https://cloud.mail.ru/public/8bFy/NdRrKoEqb?dialog=EBOOK_READER&from=viewer; URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/007/075/75109.htm>.

³ URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/894018>.

⁴ URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/132698>.

нии агрессии противника (обороне) и его разгроме (наступлении) в ответ, о чем свидетельствуют определения словарей Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова, современных энциклопедий, что обусловлено изменениями геополитической обстановки той эпохи.

Однако языковая картина мира современного российского общества при определении «обороны» включает такой важный компонент концепта, как защита целостности и неприкосновенности территории государства. Этот фактор, на наш взгляд, имеет особое, принципиальное значение для последующего анализа.

Для полноты анализа рассмотрим реакцию респондентов на стимул-концепт «ОБОРОНА», которая нашла отражение в ассоциативном словаре русского языка¹. Самой частотной реакцией на стимул-концепт «ОБОРОНА» оказалась «страны» (14 респондентов), второй по частотности — «города» (10), на третьем месте — «Сталинград» (9), на четвертом — «Севастополь» (7). Подобные реакции респондентов свидетельствуют о том, что в национальной языковой картине мира, а также в исторической памяти народа оборона и территория страны взаимосвязаны.

Для более полного анализа концепта «ОБОРОНА» представляется важным дополнить выдержки из словарных статей некоторыми примерами из различных источников (исторических очерков, литературных произведений, воспоминаний, официальных выступлений), которые отражают разные исторические эпохи и авторы которых являются авторитетными представителями русскоязычной лингвокультуры.

И. А. Бондаренко в историческом очерке о московском Кремле так описывает роль Москвы: «Военно-оборонительная функция Москвы-крепости совмещалась с постоянно повышающейся ролью ее в качестве центра ремесла и торговли» [Бондаренко 2006: 11] (оборона Кремля, города Москвы).

В. Г. Ян в своем произведении, посвященном Александру Невскому — «Юность полководца» писал: «Едва справились новгородцы со шведами, как узнали о новой, еще более грозной опасности: немецкие рыцари-меченосцы напали на пограничную русскую крепость Изборск, захватили ее и подошли к Пскову, но сразу взять его не могли, задержанные крепкими, высокими стенами. И только вследствие измены...

немцам удалось проникнуть в детинец, но половина Пскова еще не покорилась...» [Ян 2009: 223] (из-за предательства и отсутствия обороны город был сдан врагу).

Л. Н. Гумилев в труде «От Руси до России» отмечает: «Разумеется, Русское государство было крайне заинтересовано в решении вопроса о пограничных территориях. Жизненно необходимо было определить границы, пригодные к обороне, потому что устраивать засеки на пространствах от Чернигова до Казани и Нижнего Новгорода было слишком трудным и дорогостоящим делом... На засеках приходилось держать значительное количество служилых людей, обязанности которых заключались в том, что они все время наблюдали за степью...» [Гумилев 2007: 174] (оборона рубежей, границ государства).

Л. Н. Толстой в третьем томе романа «Война и мир», описывая трагические события войны 1812 года, когда французы вошли в оставленную жителями безлюдную Москву, пишет: «...Москва, занятая неприятелем, не осталась цела, как Берлин, Вена и другие города, только вследствие того, что жители ее не подносили хлеба-соли и ключей французам, а выехали из нее»² (известный исторический факт: решением верховного главнокомандующего генерала-фельдмаршала М. И. Кутузова русская армия отступила за Москву — отсутствие обороны города).

Г. К. Жуков, маршал СССР, в своих воспоминаниях, размышляя о Великой Отечественной войне, неоднократно упоминал события, связанные с обороной страны: «Самая мощная группировка сил и средств ПВО была создана для обороны Москвы». «На советско-германском фронте наступило временное затишье. Обе стороны перешли к обороне». «Войска Крымского фронта, ...не достигнув цели, понесли значительные потери. Ставка приказала командованию фронта перейти к жесткой обороне». «На подступах к Сталинграду развернулась подготовка оборонительных и укрепленных рубежей. Как и при обороне Москвы, многие тысячи жителей вышли на строительство рубежей и самоотверженно готовили город к обороне». «В середине октября противник развернул новое наступление в надежде уже на этот раз обязательно покончить со Сталинградом. Но вновь, как и прежде, он встретил упорную оборону советских войск» [Жуков 1985: 66, 248, 255, 261, 282]³ (оборона городов СССР от немецко-фашистских захватчиков).

¹ URL: <https://thesaurus.ru/dict/>.

² Толстой Л. Н. Война и мир. М. : Государственное издательство Художественной литературы, 1949. С. 351.

³ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 3 т. Т. 2. 6-е изд. М. : АПН, 1985. С. 66, 248, 255, 261, 282.

А. Н. Толстой в своих очерках, посвященных Великой Отечественной войне, писал: «Задача была выполнена так, что Севастополь во второй раз покрыл себя славой на много веков, и защитники его стали примером мужества и стойкости в борьбе за святую родину... Гарнизон Севастополя — на две трети из красноармейцев, на одну треть из моряков — двести пятьдесят дней, прогремевших на весь мир, дрался с трехсоттысячной армией фашистов. На каждого нашего бойца приходилось пять и больше врагов... Не получили славы фашисты под Севастополем... Защитники Севастополя показали высокий пример отваги, ненависти к врагу, злобы в бою, пренебрежения к смерти. Там в самые трудные дни бойцы и командиры писали карандашами на портрете Сталина клятву: „Клянусь вам, товарищ Сталин, что при обороне Севастополя буду беспощадно драться с фашистами, покуда в моей груди будет биться сердце...“» (героическая оборона города Севастополь).

Митрополит Тихон (Шевкунов) в своем труде «Гибель Империи. Российский урок», описывая события Первой мировой войны, указывает на то, что «Отдавая город за городом, Великий князь впал в настоящую панику. Положение было катастрофическим, в штабах царя сумятица, все громче говорили о сдаче Киева и Минска, о необходимости готовиться к обороне Москвы и Петрограда» [Тихон 2023: 123] (оборона городов Российской империи).

М. В. Захарова, официальный представитель МИД РФ, в ходе брифинга, состоявшегося 23 января 2025 г., заявила: «С 1995 года памятная дата 27 января 1944 года отмечалась как День снятия блокады города Ленинграда. В 2014 году законодательно утверждено скорректированное название — День полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады, потому что это название полно отражает роль и вклад гражданского населения в оборону города» (оборона Ленинграда во время фашистской блокады).

Подводя итог, следует отметить, что в приведенных выше примерах присутствуют такие компоненты ядра концепта «ОБОРОНА», как вооруженная защита от нападения на свою территорию/город/крепость; отражение нападения противника; противодействие нападению.

Обратимся к анализу вербализации концепта «DEFENCE/DEFENSE» в английском языке. Английские и американские толковые

тезаурусные словари дают следующие определения соответственно.

Оксфордский словарь¹ предлагает следующее определение:

- *the act of protecting somebody/something from attack, criticism, etc.,*
- *something that provides protection against attack from enemies, the weather, illness, etc.,*
- *the organization of the people and systems that are used by a government to protect a country from attack,*
- *something that is said or written in order to support something,*
- *what is said in court to prove that a person did not commit a crime; the act of presenting this argument in court,*
- *the lawyer or lawyers whose job is to prove in court that a person did not commit a crime,*
- *the players who must prevent the other team from scoring; the position of these players on the sports field,*
- *a contest, game, etc. in which the previous winner or winners compete in order to try to win again.*

В качестве родового признака присутствует идея акта защиты/защиты кого/чего-либо; понятийный компонент представлен в виде следующего набора признаков:

- 1) *защита от нападений, врагов, погодных условий, болезни, критики и т. д.;*
- 2) *организация людей и систем, которые используются правительством для защиты страны от нападения;*
- 3) *что-то, что сказано или написано для того, чтобы поддержать что-то;*
- 4) *что было сказано в суде, чтобы доказать, что человек не совершал преступления; акт представления этого аргумента в суде;*
- 5) *адвокат или адвокаты, чья работа заключается в том, чтобы доказать в суде, что лицо не совершало преступления;*
- 6) *игроки, которые должны помешать другой команде забивать; положение этих игроков на спортивном поле;*
- 7) *конкурс, игра и др., в которых предыдущий победитель или победители участвуют в попытке выиграть снова.*

В Словарях Коллинз² и Уэбстер³ встречаем следующие дефиниции соответственно:

1. *Defence is action that is taken to protect someone or something against attack.*
2. *Defence is the organization of a country's armies and weapons, and their use to protect the country or its interests.*

¹ URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/defence?q=defence>.

² URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/defense>.

³ URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/defense>.

3. *The defences of a country or region are all its armed forces and weapons.*

4. *A defence is something that people or animals can use or do to protect themselves.*

5. *A defence is something that you say or write which supports ideas or actions that have been criticized or questioned.*

a. *The act or action of defending (ex. the defense of our country); b. law: the denial, answer, or plea of one against whom a criminal or civil action is brought.*

a. *Capability of resisting attacks (ex. the body's defense against disease); b. sports: ability to keep an opponent from scoring in a game or contest: defensive play or ability.*

a. *Means or method of defending or protecting oneself, one's team, or another; b. an argument in support or justification; c. law: the collected facts and method adopted by a defendant to protect and defend against a plaintiff's action; d. chess: a sequence of moves available to the second player in the opening.*

4. a. *law: a defending party or group (as in a court of law); b. sports: a defensive team.*

В качестве родового признака присутствует идея действия или власти, позволяющих защищать или охранять от нападения; понятийный компонент представлен в виде следующего набора признаков:

1) средства или ресурсы для защиты; действие, которое предпринимается для защиты кого-либо или чего-либо от нападения;

2) план или система защиты; это организация армии и вооружения страны, их использование для защиты страны или ее интересов; оборонительными силами страны или региона являются все ее вооруженные силы и оружие;

3) обоснование или поддержка с помощью речи или письменного изложения; доказательство правоты; доводы в пользу ответчика по делу, ответчик и его/ее адвокат/адвокаты, действуют коллективно;

4) самозащита, как в боксе;

5) команда, когда она пытается предотвратить забивание мяча противником в любом состязании, способность предотвратить забивание команды противника, стратегия, игры и т. д., использовавшиеся для предотвращения того, чтобы противоположная команда забивала; неформальный план или выполнение обороны (напр., агрессивный маневр) в игре или спорте; это то, чем люди или животные могут пользоваться или делать для защиты себя; это то, что вы говорите или пишете, что поддерживает идеи или действия, которые были под-

вергнуты критике или поставлены под сомнение.

Этимологический словарь английского языка¹ дает следующее пояснение для концепта «DEFENCE/DEFENSE»: *from c. 1300, "action of guarding or shielding from attack or injury; act of defending by fighting; a fortified place of refuge," from Old French defense, from Latin defensus, past participle of defendere "ward off, protect" (see defend). It also arrived (without the final e) from Old French defens, from Latin defensum "thing protected or forbidden," neuter past participle of defendere.*

Meaning "science of defense against attack" (in fencing, boxing, etc.) is from c. 1600. Used by 1935 as a euphemism for "national military resources," but the notion (non-euphemistic) was in Middle English: man of defense "warrior," ship of defense "warship". "Defenses" "natural weapons of an animal" is by 1889. Defense mechanism in psychology is from 1913.

В качестве родового признака с 1300 г. присутствует идея действия по охране или защите от нападения или ранения; акт обороны путем боя; укрепленное место убежища. Понятийный компонент представлен в виде следующего набора признаков:

1) слово заимствовано из древнефранцузского языка, имеет латинское происхождение (defensus/defendere);

2) с 1600 г. значение «наука защиты от нападения» (в фехтовании, боксе и т. д.); к 1935 г. использовалось как эвфемизм для «национальных военных ресурсов», но понятие (не эвфемизм) было уже в среднеанглийском, как человек обороны — «воин», корабль обороны — «военный корабль»; к 1889 г. — оборона в значении «природное оружие животного»; с 1913 — защитный механизм в психологии.

Рассмотрим примеры из нескольких источников, которые демонстрируют использование концепта «DEFENCE/DEFENSE» с различными компонентами значений на уровне ядра и ближней периферии.

Обратимся к цитатам из послания Конгрессу 28-го Президента США Вудро Вильсона от 2 апреля 1917 г. «Об объявлении войны Германии»²: «Because submarines are in effect outlaws when used as the German submarines have been used against merchant shipping, it is impossible to defend ships against their attacks as the law of nations has assumed that merchantmen would defend themselves against privateers or cruisers, visible craft giving chase upon the open sea» — «Поскольку

¹ URL: <https://www.etymonline.com/word/defense>.

² URL: <https://www.archives.gov/milestone-documents/address-to-congress-declaration-of-war-against-germany>.

подводные лодки фактически являются вне закона, когда они используются, подобно тому, как были использованы немецкие подводные лодки против торгового судоходства, невозможно защищать суда от их нападений, поскольку, согласно закону Наций, торговцы будут защищаться от каперов или крейсеров, видимых кораблей, которые преследуют суда в открытом море» (оборона здесь — это защита от нападения подводных лодок неприятеля).

«...I advise that the Congress declare the recent course of the Imperial German Government to be in fact nothing less than war against the government and people of the United States; that it formally accept the status of belligerent which has thus been thrust upon it, and that it take immediate steps not only to put the country in a more thorough state of defense but also to exert all its power and employ all its resources to bring the Government of the German Empire to terms and end the war». — «...Я предлагаю, чтобы конгресс объявил проводимый с недавних пор имперским правительством Германии курс не чем иным, как войной против правительства и народа Соединенных Штатов. Предлагаю, чтобы конгресс официально утвердил навязанный нам таким образом статус воюющей державы и предпринял необходимые шаги не только для укрепления обороны страны, но и для того, чтобы, используя всю свою мощь и все свои возможности, призвать правительство Германской империи к порядку и остановить войну» (оборона — объявление войны с целью усиления защиты от агрессии Германии).

32-й Президент США Франклин Делано Рузвельт¹ выступил на совместном заседании Конгресса США после того, как авиация Японской империи осуществила нападение на базу ВМС США в Тихом океане — Перл-Харбор. В течение часа после выступления Конгресс утвердил резолюцию об объявлении войны Японии, тем самым США вступили во Вторую мировую войну. Произнесенная речь вошла в историю под названием «О дне позора». Представляет интерес следующая цитата: «As commander in chief of the army and navy, I have directed that all measures be taken for our defence. But always will our whole nation remember the character of the onslaught against us». — «В качестве главнокомандующего армией и флотом я отдал приказ принять все меры в интересах нашей обороны. Но всегда наш народ будет помнить характер нападения на нас» (обо-

рона — защита от дальнейшей агрессии врага, фашистской Японии).

На основе приведенных выше примеров вербализации концепта «DEFENCE/DEFENSE» в исторические периоды, связанные с Первой и Второй мировыми войнами, можно сделать вывод о том, что родовые компоненты концепта в речах Президентов совпадают, то есть «DEFENCE/DEFENSE» — это защита страны от дальнейших нападений агрессора.

Важно отметить, что агрессия Германии и Японии против США являлись собой *casus belli*, были актами вооруженного насилия и диверсий, в результате которых погибли и пострадали гражданские и военные лица, однако речь не идет о захвате территорий, защите границ и территориальной целостности государств. Также следует подчеркнуть, что в обоих случаях, в частности, как ответ на провокацию, США формально объявляли войну первыми.

Проанализируем другие примеры использования концепта «DEFENCE/DEFENSE» в двух речах премьер-министра Великобритании У. Черчилля, которые он произнес 4 июня 1940 г. перед палатой общин² и 5 марта 1946 года в Вестминстерском колледже города Фултона (штат Миссури)³.

1. «... The whole question of home defense against invasion is, of course, powerfully affected by the fact that we have for the time being in this Island incomparably more powerful military forces than we have ever had at any moment in this war or the last. But this will not continue. We shall not be content with a defensive war... I have, myself, full confidence that ..., we shall prove ourselves once again able to defend our island home, to ride out the storm of war". "The British Empire and the French Republic ... will defend to the death their native soil aiding each other..." — «Весь вопрос заключается в национальной обороне для предотвращения вторжения, конечно же, сильно зависит от того факта, что на данный момент на этом острове имеются непропорционально более мощные военные силы, чем когда-либо в этот или последний момент войны. Но так не будет продолжаться. Мы не будем довольствоваться оборонительной войной... Я лично полностью уверен в том, что ... мы вновь продемонстрируем нашу способность защищать наш островной дом и выдержать шторм войны. Британская империя и Французская Республика ... будут защищать свою родную землю до последней капли крови, помогая друг другу».

¹ URL: <https://www.archives.gov/legislative/features/day-of-infamy>.

² URL: <https://winstonchurchill.org/resources/speeches/1940-the-finest-hour/we-shall-fight-on-the-beaches/>.

³ URL: <https://winstonchurchill.org/resources/speeches/1946-1963-elder-statesman/the-sinews-of-peace/>.

2. «The United States has already a Permanent Defense Agreement with the Dominion of Canada, which is so devotedly attached to the British Commonwealth and the Empire. This Agreement is more effective than many of those which have been made under formal alliances...» — «Соединенные Штаты уже заключили постоянное Соглашение об обороне с доминионом Канада, которая так преданно связана с Британским Содружеством и Империей. Это соглашение является более эффективным, чем многие из тех, которые были заключены в рамках официальных альянсов...»

Следует отметить, что если в первой речи Черчилль призывает к защите/обороне родной земли, то в Фултонской речи, которая, как известно, положила начало холодной войне с СССР, концепт «DEFENCE/DEFENSE» реализуется уже в другом контексте, «оборонное» соглашение предполагает военный союз с географически удаленным государством. Можно предположить, что именно подобное понимание, провозглашенное У. Черчиллем, укоренилось, и этот компонент концепта «DEFENCE/DEFENSE», по сути, стал в настоящее время основным компонентом ядра, что впоследствии нашло отражение в основополагающих доктринальных документах стран «коллективного Запада».

В качестве примера использования вторичной номинации на уровне стратегической дезинформации рассмотрим итоговую декларацию саммита НАТО, состоявшегося в июле 2024 г. В данном документе, имеющем 16 страниц, репрезентации концепта «DEFENCE/DEFENSE» являются одними из самых частотных (54 единицы, в том числе в идеологически навязанном коннотативном значении). Мы утверждаем, что использование языковых единиц для репрезентации этого концепта является в абсолютном большинстве случаев примерами вторичной вербальной номинации. В Декларации 2024 г. концепт «DEFENCE/DEFENSE» репрезентируется языковыми единицами, которые имеют разные смысловые оттенки, как, например, «сдерживание соперников», «коллективная оборона», «оборонное промышленное сотрудничество», «обороноспособность», «планы в сфере обороны» и др., что относится не только ядру концепта, но и к его периферии.

Для носителя русского языка использование подобных репрезентаций будет относиться к случаям вторичной вербальной номинации. Особо подчеркнем еще раз, что в

современной русской языковой картине мира родовым признаком концепта «ОБОРОНА» является защита территориальной целостности своей страны.

Начнем с того, что согласно Федеральному закону РФ от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне»¹, обороной называется система политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных мер по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, целостности и неприкосновенности ее территории. При этом военное искусство предъявляет к ней требования быть устойчивой и активной одновременно. Также следует отметить, что в исторической памяти русского народа и народов, проживающих на территории РФ, оборона — это защита родной земли и родных городов от врагов во все времена, когда наша страна вела освободительные войны, начиная от Александра Невского и Дмитрия Донского, заканчивая разгромом немецко-фашистских захватчиков.

На основе проведенного анализа мы можем сделать следующие выводы:

- ядро и ближайшая периферия концепта «DEFENCE/DEFENSE» по сравнению с концептом «ОБОРОНА» включают больший набор компонентов за счет сфер бытовой жизни, юриспруденции, спорта; в ядре концепта «DEFENCE/DEFENSE» в языковой картине мира англичан и американцев (носителей английского языка) отсутствует такой существенный компонент, как защита целостности своей территории, присущий концепту «ОБОРОНА»;

- этимологический словарь английского языка уточняет, что к 1935 г. концепт «ОБОРОНА» используется как эвфемизм для «национальных военных ресурсов»;

- русскоязычные источники для трактовки концептов «ОБОРОНА» используют прилагательное «вооруженная защита», что ближе к родовому признаку; однако в английских толковых словарях понятие «вооруженная» не является явным компонентом родового признака, то есть речь идет о более широком спектре значений у концепта «ОБОРОНА» по сравнению с концептом «DEFENCE/DEFENSE».

Таким образом, можно утверждать, что содержание концептов «ОБОРОНА» и «DEFENCE/DEFENSE» в русском и английском языках не совпадают, и такая двусмысленность позволяет геополитическим противникам России «прикрываться» вторичной номинацией для реализации своей агрессивной милитаристской внешней политики.

¹ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9446>.

Одной из иллюстраций этого тезиса, а также примером вторичной вербальной номинации может быть очередная выдержка из этой же Декларации.

«We will reinforce our dialogue, outreach, visibility, and our existing instruments for cooperation, such as the Defence Capacity Building Initiative, the Hub for the South and the NATO-ICI Regional Centre in Kuwait. Together with the Hashemite Kingdom of Jordan we have agreed to open a NATO Liaison Office in Amman». — «Мы усилим наши диалог, внешние связи и информационно-просветительскую деятельность и укрепим существующие инструменты сотрудничества, такие как Инициатива по наращиванию оборонного потенциала, Хаб для юга и Региональный центр НАТО-СИС в Кувейте. Совместно с Иорданским Хашимитским Королевством мы договорились об открытии Бюро по связи НАТО в Аммане».

Напрашивается риторический вопрос: как можно осуществлять пусть даже коллективную оборону стран — участниц НАТО на расстоянии тысячи километров в регионе Ближнего Востока? Трактовать данное заявление с точки зрения носителя русского языка можно следующим образом: НАТО под предлогом обороны расширяет сферу своего влияния и проводит агрессивную милитаристскую политику.

Обратимся еще к одному примеру, который демонстрирует использование периферийных компонентов концептов «ОБОРОНА» и «DEFENCE/DEFENSE» как части концептосферы носителей английского языка и может восприниматься как прием вторичной вербальной номинации русскоязычным реципиентом.

В сентябре 2021 г. был создан трехсторонний оборонный альянс Австралии, Великобритании и США в Индо-Тихоокеанском регионе AUKUS, который расшифровывается по первым буквам названий стран-участниц (Australia, United Kingdom, United States). Страны-участницы рассматривают AUKUS как партнерство в сфере безопасности. На сайте Министерства обороны США (US Department of Defense) можно прочесть девиз организации:

«The AUKUS partnership reflects the continued commitment by Australia, the United Kingdom, and United States to support a free and open Indo-Pacific that is peaceful, secure and stable» — «Партнерство AUKUS отражает неизменную приверженность Австралии, Соединенного Королевства и Соединенных Штатов Америки делу поддержки свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона, который будет мирным, безопасным и ста-

бильным». Также на сайте организации сказано: «AUKUS is intended to strengthen the ability of each government to support security and defense interests, building on longstanding and ongoing bilateral ties. It will promote deeper information sharing and technology sharing; and foster deeper integration of security and defense-related science, technology, industrial bases and supply chains» — «AUKUS призван укрепить способность каждого правительства поддерживать интересы безопасности и обороны, опираясь на многолетние и текущие двусторонние связи. Партнерство будет способствовать более глубокому обмену информацией и технологиями; а также содействовать более глубокой интеграции науки, технологии, промышленных баз и цепочек поставок в области безопасности и обороны».

Отметим, что многие эксперты в сфере международных отношений неоднократно отмечали активизацию со стороны США усилий по созданию коалиций, которые нацелены на «комплексное сдерживание» геополитических соперников США, в первую очередь Китая. Целый ряд стран, в том числе и Россия, выражают обеспокоенность относительно передачи Австралии и принятия в ее состав ВМФ американских и британских атомных подводных лодок. Позиция России заключается в том, что усиление военного присутствия и контроля США и их союзников в ИТР ставит под удар всю архитектуру безопасности в Азии, создает предпосылки для подрыва авторитета АСЕАН и других региональных объединений. Россия и Китай выступают против «разделительных линий» в Индо-Тихоокеанском регионе, осуждают любые проявления формирования военных альянсов и блоков, о чем свидетельствуют заявления МИД РФ и высказывания его представителей. В этой связи отметим, что, во-первых, примером вторичной вербальной номинации является тезис о приверженности Австралии, Соединенного Королевства и Соединенных Штатов Америки «делу поддержки свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона, который будет мирным, безопасным и стабильным», поскольку фактически речь идет о политике сдерживания конкурентов, а также о военном присутствии США в регионе, что не способствует разрядке напряженности; во-вторых, концепт «DEFENCE/DEFENSE» представлен компонентом периферии, особый акцент сделан на сотрудничестве в сфере вооруженных сил, а не на защите страны от агрессии, прямой угрозы, что стало характерной чертой дискурса англо-саксонских СМИ с начала холодной войны.

Для сравнения: в Военной доктрине Союзного государства Российской Федерации и Республики Беларусь¹ открыто заявляется о системе официально принятых Российской Федерацией и Республикой Беларусь взглядов на военно-политические и военно-экономические основы обеспечения военной безопасности Союзного государства и организацию его совместной обороны.

Рассмотрим еще один пример — цитату из статьи «Keeping Russian aircraft out of NATO airspace» англоязычного медиаиздания «The Economist» («Экономист») от 9.12.2023 г. под названием «How peace is possible»² («Как возможен мир»), отражающего интересы либеральных кругов. В статье автор рассказывает о том, как летчики НАТО уже 20 лет осуществляют контроль над воздушным пространством Балтийских государств вдоль восточной границы от Балтийского до Черного моря для того, чтобы не допустить приближения российских самолетов.

«The Italians say that the Russian aircraft they intercepted behaved “professionally”, meaning in a non-escalatory way. In contrast, Russian jets in the Black Sea have recently fired missiles at British planes and dumped fuel on American drones. NATO’s posture is defensive, so the aerial interceptions are designed primarily to gather information and feed it to command” — «Итальянцы говорят, что перехваченные ими российские самолеты вели себя „профессионально“, то есть не способствовали эскалации ситуации. Напротив, российские самолеты в Черном море недавно выпустили ракеты по британским самолетам и сбросили топливо на американские дроны. Позиция НАТО является оборонительной, поэтому воздушные перехваты предназначены в первую очередь для сбора информации и ее передачи командованию».

Складывается впечатление, что автор статьи недоумевает по поводу действий русских летчиков в акватории Черного моря. Автор утверждает, что НАТО — оборонный альянс, и тот факт, что самолеты НАТО долетают от Балтийского моря до Черного моря, осуществляют разведку вблизи границ с Россией, могут осуществлять перехват, должен восприниматься исключительно с точки зрения обороны организации. Судя по всему, российское командование не рассматривает действия летчиков НАТО с позиции обороны, и соответствующие комментарии журналиста свидетельствуют о том, что языковые карти-

ны мира, смысловое наполнение концепта «оборона» не совпадают. С точки зрения носителей русского языка используется вторичная вербальная номинация.

В Фултонской речи У. Черчилля, которая, как известно, положила начало холодной войне с СССР, концепт «DEFENCE/DEFENSE» используется в контексте «оборонного» соглашения, хотя подразумевает военный союз с географически удаленным государством. Следует отметить, что независимость Канады официально была утверждена в 1931 г. при подписании Вестминстерского статута, который предоставил Канаде политическую независимость от Великобритании и учредил союз суверенных наций под единой короной. Однако можно предположить, что подобное понимание «обороны/защиты», провозглашенное У. Черчиллем, укоренилось, и этот компонент концепта «DEFENCE/DEFENSE», по сути, стал впоследствии основным компонентом ядра, что нашло отражение в основополагающих доктринах и доктринальных документах стран «коллективного Запада».

Для косвенного подтверждения наших тезисов обратимся также к историческому контексту и примеру из новейшей истории, связанному с переименованием Министерства обороны США (англ. *Department of Defense* — *DoD* или *DOD*) в Министерство войны (англ. *War Department*). 5 сентября 2025 г. 47-й президент США Дональд Трамп подписал указ об использовании названия «Министерство войны» в качестве дополнительного названия ведомства³. 10 августа 1949 г. национальное военное ведомство было переименовано в министерство обороны, а сейчас, по сути, ему вернулось историческое название. Как справедливо утверждает Чрезвычайный и Полномочный Посол России, заместитель генерального директора медиагруппы «Россия сегодня», член РСМД А. В. Яковенко, «переименование Министерства обороны США в Министерство войны имеет не только символическое значение, но и смысловое»⁴. Так, США вышли из ключевых договоров по контролю над вооружениями с Россией, разрушив систему сдержек. Среди них: ДРСМД (2019), Договор по открытому небу (2020), Договор по ПРО (2002). Действие последнего крупного соглашения, СНВ-III, было приостановлено Россией в 2023 г., что ознаменовало фактическую ликвидацию договорной базы.

¹ URL: <https://bigenc.ru/c/voennaia-doktrina-soiuznogo-gosudarstva-a69bbf>.

² URL: <https://www.economist.com/weeklyedition/2023-12-09>.

³ URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Министерство_обороны_США.

⁴ URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/ministerstvo-voiny-ssha-vpered-v-proshloe/>.

Подчеркнем, что манипулятивная специфика англоязычного концепта «DEFENCE/DEFENSE» является далеко не единственным примером пропагандистской риторики коллективного Запада. Сферой наших дальнейших интересов в области информационного противоборства, политического и дипломатического общения с западным миром будет анализ использования приемов вторичной вербальной номинации применительно к важнейшим проблемам мировой политики, таким как «энергетическая безопасность», внедрение «стратегии по биотехнологиям» и технологий по «совершенствованию человека», концепции обустройства городов «умный город (smart city)» и др.

4. ВЫВОДЫ

Проблема вторичной вербальной номинации не теряет своей актуальности: ее применение является важнейшим инструментом пропаганды в западных СМИ, которые продолжают целенаправленно блокировать сведения о военных преступлениях США и их союзников, а явные факты агрессии и/или вторжения представляют «оборонной» политикой.

При анализе концептов «ОБОРОНА» и «DEFENCE/DEFENSE» прослеживается их содержательная асимметрия. Ядерные и периферийные компоненты концептов «ОБОРОНА» и «DEFENCE/DEFENSE» в русском и английском языках существенно различаются. В то время как русскоязычный концепт концентрируется вокруг идеи вооруженной защиты территориальной целостности и суверенитета, англоязычный концепт демонстрирует более широкую валентность, в частности включая компоненты идентификации с военными ресурсами, создания военных союзов и т. п. С этим же связан национально-специфический компонент: концепт «DEFENCE/DEFENSE» в большей степени ориентирован на защиту интересов, ресурсов и союзнических обязательств (а не территории), часто вне зависимости от географической удаленности.

Анализ дискурсивных практик (от исторических речей до современных документов) показывает динамику развития концептов. В англоязычном дискурсе прослеживается тенденция к расширению периферии концепта «DEFENCE/DEFENSE» за счет включения компонентов, связанных с коллективной безопасностью, оборонным сотрудничеством и сдерживанием, которые постепенно смещаются к ядру.

Выявленное несовпадение концептуальных структур создает благодатную почву для использования механизмов вторичной вер-

бальной номинации как инструмента информационно-психологической войны. Геополитические противники России («коллективный Запад») активно эксплуатируют это несоответствие, «прикрывая» свою агрессивную милитаристскую политику оборонительной риторикой. Примеры из деклараций НАТО, соглашений AUKUS и западных СМИ наглядно демонстрируют, как под видом декларируемой «обороны» (defence) продвигается экспансия, сдерживание конкурентов и наращивание военного присутствия в различных регионах мира.

Анализ концептов через призму вторичной номинации подтверждает свою высокую эффективность. Он позволяет не только зафиксировать универсальные черты, но и выявить уникальные, культурно-специфические смыслы, которые формируют неповторимую картину мира и зачастую становятся полем идеологической борьбы.

Рассмотрение концептов «ОБОРОНА» и «DEFENCE/DEFENSE» через призму вторичной вербальной номинации позволяет выявить глубинные механизмы конструирования реальности в современном геополитическом дискурсе, проследить динамику смыслов и обнажить приемы идеологически мотивированного переосмысления ключевых для национальной безопасности понятий. Взвешенный, прагматичный анализ доктринальных документов и публичных заявлений геополитических противников России, несомненно, будет способствовать национальной безопасности нашей страны, а при необходимости сможет углубить транспарентность и взаимопонимание в отношениях между Россией и ее оппонентами на международной арене, позволяя при этом четко идентифицировать понятийные ловушки и подмены.

Таким образом, концепты «ОБОРОНА» и «DEFENCE/DEFENSE», будучи на первый взгляд внешне эквивалентными, наполнены разным содержанием. Понимание этих различий и умение распознавать механизмы вторичной номинации является необходимым условием для адекватной интерпретации политического дискурса, противодействия информационным манипуляциям и защиты национальных интересов.

ИСТОЧНИКИ

1. Антология концептов : словарь / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. — Москва : Гнозис, 2007. — 512 с. — ISBN 978-5-7333-0182-2.
2. Большая российская энциклопедия. Военная доктрина Союзного государства. — URL: <https://bigenc.ru/voennaia-doktrina-soiuznogo-gosudarstva-a69bbf> (дата обращения: 18.03.2026).
3. Большая российская энциклопедия. Военный конфликт. — URL: <https://bigenc.ru/c/voennyi-konflikt-daac15> (дата обращения: 5.01.2025).
4. Большая российская энциклопедия. Война. — URL: <https://bigenc.ru/c/voina-911cd6> (дата обращения: 6.01.2025).

5. Большая российская энциклопедия. Оборона страны. — URL: <https://bigenc.ru/c/oborona-strany-5f0c89> (дата обращения: 11.01.2025).
6. Большая российская энциклопедия. Средства ведения войны. — URL: <https://bigenc.ru/c/sredstva-vedeniia-voyny-abades> (дата обращения: 5.01.2025).
7. Большой энциклопедический словарь. — URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc3p/> (дата обращения: 11.01.2025).
8. Жуков, Г. К. Воспоминания и размышления. В 3 т. Т. 2 / Г. К. Жуков. — 6-е изд. — Москва : АПН, 1985. — 327 с.
9. Российская Федерация. Министерство иностранных дел. Брифинг официального представителя МИД России М. В. Захаровой. — 2025. — 23 янв. — URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/briefings/1992681/ (дата обращения: 27.01.2025).
10. Российская Федерация. Федеральный закон № 61-ФЗ «Об обороне» : 31.05.1996. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9446> (date of access: 18.03.2026).
11. Руксперт. Список военных операций США. — URL: https://ruxpert.ru/Список_военных_операций_США (дата обращения: 3.01.2025).
12. Русский ассоциативный словарь. — URL: <http://thesaurus.std-555.ist.mospolytech.ru/dict/> (дата обращения: 12.01.2025).
13. Толковый словарь Даля. Оборонять. — URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/286398> (дата обращения: 11.01.2025).
14. Толковый словарь Ушакова. Оборона. — URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/894018> (дата обращения: 11.01.2025).
15. Толстой, А. Н. Что мы защищаем / А. Н. Толстой // Собрание сочинений. В 10 т. Т. 10. Публицистика. Москва : Гослитиздат, 1958. — URL: <https://traumlibrary.ru/book/tolstoyan-ss10-10/tolstoyan-ss10-10.html#s001105> (дата обращения: 28.01.2025).
16. Толстой, Л. Н. Война и мир / Л. Н. Толстой. — Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1949.
17. Хлопов, О. А. Четырехсторонний диалог по обеспечению безопасности (QUAD) в Индо-Тихоокеанском регионе: проблемы и перспективы / О. А. Хлопов // Управленческое консультирование. — 2024. — № 3. — С. 20–32. — DOI 10.22394/1726-1139-2024-3-20-32. — EDN GIAGAM.
18. Яковенко, А. В. Министерство войны США: вперед в прошлое / А. В. Яковенко // Российский совет по международным делам. — 2025. — 8 сент. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/ministerstvo-voyny-ssha-vpered-v-proshloe/> (дата обращения: 20.03.2026).
19. AUKUS. — URL: <https://www.defense.gov/Spotlights/AUKUS/> (date of access: 29.01.2025).
20. Clarence Darrow. 2009 Inductee. — URL: <https://triallawyerhalloffame.org/inductees/clarence-darrow/> (date of access: 28.01.2025).
21. Collins. Definition of 'say'. — URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/say> (day of access: 18.03.2026)
22. Etym. online. Defense. — URL: <https://www.etymonline.com/word/defense> (date of access: 18.03.2026).
23. How peace is possible // The Economist. — 2023. — Dec. 9. — URL: <https://www.economist.com/weeklyedition/2023-12-09> (date of access: 18.03.2026).
24. Merriam-Webster Dictionary. Defense. — URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/defense> (date of access: 18.03.2026).
25. NATO. Washington Summit Declaration. — 2024. — July 10. — URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_227678.htm?selectedLocale=en (date of access: 2.01.2025).
26. Oxford learner's dictionaries. Defence. — URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/defence?q=defence> (date of access: 18.03.2026).
27. The Sinews of Peace ('Iron Curtain Speech') // International Churchill Society. — URL: <https://winstonchurchill.org/resources/speeches/1946-1963-elder-statesman/the-sinews-of-peace/> (date of access: 18.03.2026).
28. URL: <https://www.archives.gov/legislative/features/day-of-infamy> (date of access: 17.03.2026).
29. URL: <https://www.archives.gov/milestone-documents/address-to-congress-declaration-of-war-against-germany> (date of access: 17.03.2026).
30. We Shall Fight on the Beaches // International Churchill Society. — URL: <https://winstonchurchill.org/resources/speeches/1940-the-finest-hour/we-shall-fight-on-the-beaches/> (date of access: 18.03.2026).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бартош, А. А. Туман гибридной войны. Неопределенности и риски конфликтов XXI в. / А. А. Бартош. — Москва : Горячая линия — Телеком, 2022. — 322 с. — ISBN 978-5-9912-0785-0.
2. Бондаренко, И. А. Красная площадь Москвы. Архитектурный ансамбль / И. А. Бондаренко. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Москва : Вече, 2006. — 416 с. — ISBN 5-9533-1334-9.
3. Колмогорова, А. В. Актуальные проблемы лингвистики информационно-психологической войны: краткий аналитический обзор / А. В. Колмогорова, Г. А. Копнина, А. П. Сквородников // Лингвистика информационно-психологической войны / А. А. Бернацкая, Е. А. Горностаева, И. В. Евсеева [и др.]. — Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2020. — С. 10–20. — ISBN 978-5-7638-4299-9. — EDN YWMHLD.
4. Глинчевский, Э. И. Вербализация концепта «Международный терроризм» в русском и английском языках на материале медиатекстов : 10.02.20 : дис. ... канд. филол. наук / Глинчевский Эдвард Иванович. — Москва, 2007. — 222 с. — EDN NOTIOL.
5. Гумилев, Л. Н. От Руси до России / Л. Н. Гумилев. — Москва : АСТ, 2007. — 560 с. — ISBN 978-5-17-038122-7.
6. Иншаков, С. М. Гибридная война в системе военных угроз национальной безопасности : моногр. / С. М. Иншаков. — Москва : Русайнс, 2018. — 306 с. — ISBN 978-5-4365-2519-8. — EDN KJOXMZ.
7. Калинин, О. И. Метафора и информационная война // Когнитивные исследования языка. Вып. № 4 (55). Когнитивная лингвистика в контексте современной науки. Материалы Междунар. конф. (19–21 сент. 2023 г.) / гл. ред. Н. Н. Болдырев ; Ин-т языкознания РАН ; Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина ; Южно-Урал. гос. ун-т ; Рос. ассоциация лингвистов-когнитологов. — Москва : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина ; Челябинск : Южно-Уральский государственный университет, 2023. — С. 124–127. — ISBN 978-5-696-05379-0.
8. Калинин, О. И. Информационная война с позиций когнитивно-дискурсивного подхода / О. И. Калинин, Е. Г. Князева // Когнитивные исследования языка / гл. ред. Н. Н. Болдырев ; Ин-т языкознания РАН ; Моск. гос. лингв. ун-т ; Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина ; Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. — Москва : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2023. — Вып. № 3 (54) : Когниция, коммуникация, дискурс: современные аспекты исследования : материалы Всерос. научной конференции с международным участием (20–21 апреля 2023 года). — Ч. 2 / отв. ред. вып. Л. А. Фурс. — С. 441–446. — ISBN 978-5-00078-708-3.
9. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN 5-88234-552-2. — EDN UGQAMP.
10. Кушнерук, С. Л. Траектории исследования информационно-психологической войны в российской лингвистике / С. Л. Кушнерук // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6(78). — С. 12–22. — DOI 10.26170/pl19-06-01. — EDN WRAWKY.
11. Панарин, И. Н. Гибридная война и ЯЛТА-2 / И. Н. Панарин. — Москва : Горячая линия — Телеком, 2023. — 452 с. — ISBN 978-5-9912-1006-5.
12. Сивков, К. В. Гибридная война / К. В. Сивков, К. Н. Соколов. — Москва : Наше завтра, 2023. — 280 с. — ISBN 978-5-907585-74-4.
13. Стернин, И. А. Язык и сознание: теоретические разграничения и понятийный аппарат / И. А. Стернин, З. Д. Попова // Язык и национальное сознание : вопросы теории и методологии. — Воронеж : Воронежский государственный университет, 2002. — С. 8–50. — EDN UNSEWH.
14. Тихон (Шевкунов Георгий Александрович; митрополит). Гибель империи. Российский урок / Тихон (Шевкунов Георгий Александрович, митрополит). — 2-е изд. — Москва : Вольный странник, 2024. — 400 с. — ISBN 978-5-00178-195-0.

15. Хабаров, А. А. Этнокогнитивные основы информационно-психологического воздействия в коммуникативной динамике дискурса : дис. ... д-ра филол. наук / Хабаров Артем Александрович. — Москва, 2023. — 583 с. — EDN IVGGCK.
16. Языковая номинация. [Кн. 1]. Общие вопросы / отв. ред. Б. А. Серебrenников, А. А. Уфимцева. — Москва : Наука, 1997. — 360 с.
17. Языковая номинация. [Кн. 2]. Виды наименований / отв. ред. Б. А. Серебrenников, А. А. Уфимцева. — Москва : Наука, 1997. — 360 с.

MATERIALS

1. Karasik, V. I., Sternin, I. A. (Eds.) (2007). *Antologiya konseptov= Anthology of Concepts. A Dictionary*. Moscow: Gnozis, 512 p. ISBN 978-5-7333-0182-2.
2. The Great Russian Encyclopedia (n.d.). Voennaya doktrina Soyuznogo gosudarstva. = Military Doctrine of the Union State. Available at March 18, 2025 from <https://bigenc.ru/c/voennaia-doktrina-soiuznogo-gosudarstva-a69bbf>.
3. The Great Russian Encyclopedia (n.d.). Voennyi konflikt = Military Conflict. Available at Jan. 5, 2025 from <https://bigenc.ru/c/voennyi-konflikt-daac15>.
4. The Great Russian Encyclopedia (n.d.). Voyna = War. Available at Jan. 6, 2025 from <https://bigenc.ru/c/voina-911cd6>.
5. The Great Russian Encyclopedia (n.d.). Oborona strany = National Defense. Available at Jan. 11, 2025 from <https://bigenc.ru/c/oborona-strany-5f0c89>.
6. The Great Russian Encyclopedia (n.d.). Sredstva vedeniya voyny. = Means of Warfare. Available at Jan. 5, 2025 from <https://bigenc.ru/c/sredstva-vedeniia-voiny-a6adec>.
7. Bol'shoy ehntsiklopedicheskiy slovar' = The Great Encyclopedic Dictionary (n.d.). Available at Jan. 11, 2025 from <https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc3p/>.
8. Zhukov, G. K. (1985). *Vospominaniya i razmyshleniya = Memoirs and Reflections*. In 3 Vols. Vol 2. 6th ed. Moscow: APN, 327.
9. Russian Federation. Ministry of Foreign Affairs (2025, Jan. 23). Briefing ofitsial'nogo predstavatelya MID Rossii M. V. Zakharovoy = Briefing by the official representative of the Russian Ministry of Foreign Affairs M. V. Zakharova. Available at Jan. 27, 2025 from https://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/briefings/1992681/.
10. Russian Federation (1996, May 31). Federal'nyy zakon № 61-FZ "Ob oborone" = Federal Law No. 61-FZ "On Defense". Available at March 18, 2026 from <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9446>.
11. Rukspert (n.d.). Spisok voennykh operatsiy SSHA = List of US military operations. Available at Jan. 3, 2025 from https://rukspert.ru/Spisok_voennykh_operatsiy_SSHA.
12. Russkiy assotsiativnyy slovar' = Russian Associative Dictionary (n.d.). Available at Jan. 12, 2025 from <http://thesaurus.std-555.ist.mospolytech.ru/dict/>.
13. Dahl's Explanatory Dictionary (n.d.). Oboraniyat'. Available at Jan. 11, 2025 from <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/286398>.
14. Ushakov's Explanatory Dictionary (n.d.). Oborona. Available at Jan. 11, 2025 from <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/894018>.
15. Tolstoy, A. N. (1958). Chto my zashchishchaem = What We Defend. *Collected Works. In 10 volumes. Vol. 10. Publicism*. Moscow: Goslitizdat. Available at Jan. 28, 2025 from <https://traumlibrary.ru/book/tolstoyan-ss10-10/tolstoyan-ss10-10.html#s001105>.
16. Tolstoy, L. N. (1949). Voyna i mir = War and Peace. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
17. Khlopov, O. A. (2024). Chetyrekhstoronniy dialog po obespecheniyu bezopasnosti (QUAD) v Indo-Tikhookeanskom regione: problemy i perspektivy = The quadrilateral security dialogue (quad) in the Indo-Pacific: challenges and perspectives. *Management Consulting*, 3, 20–32. DOI 10.22394/1726-1139-2024-3-20-32. EDN GIAGAM.
18. Yakovenko, A. V. (2025, Sept. 8). Ministerstvo voyny SSHA: vpered v = The US Department of War: Forward to the Past. *Russian International Affairs Council. Site*. Available at March 20, 2026 from <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/ministerstvo-voyny-ssha-vpered-v-proshloe/>.
19. AUKUS (n.d.). Available at Jan. 29, 2025 from <https://www.defense.gov/Spotlights/AUKUS/>.

20. Clarence Darrow. 2009 Inductee (n.d.). Available at Jan. 28, 2025 from <https://triallawyerhalloffame.org/inductees/clarence-darrow/>.
21. Collins (n.d.). Definiton of 'say'. Available at March 18, 2026 from <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/say>.
22. Etym. online (n.d.). Defense. Available at March 18, 2026 from <https://www.etymonline.com/word/defense>.
23. The Economist (2023, Dec. 9). How peace is possible. Available at March 18, 2026 from <https://www.economist.com/weeklyedition/2023-12-09>.
24. Merriam-Webster Dictionary (n.d.). Defense. Available at March 18, 2026 from <https://www.merriam-webster.com/dictionary/defense>.
25. NATO (2024, July 10). Washington Summit Declaration. Available at Jan. 2, 2025 from https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_227678.htm?selectedLocale=en.
26. Oxford learner's dictionaries (n.d.). Defence. Available at March 18, 2026 from <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/defence?q=defence>.
27. International Churchill Society (n.d.). The Sinews of Peace ('Iron Curtain Speech'). Available at March 18, 2026 from <https://winstonchurchill.org/resources/speeches/1946-1963-elder-statesman/the-sinews-of-peace/>.
28. Archives (n.d.). Available at March 17, 2026 from <https://www.archives.gov/legislative/features/day-of-infamy>.
29. Archives (n.d.). Available at March 17, 2026 from <https://www.archives.gov/milestone-documents/address-to-congress-declaration-of-war-against-germany>.
30. International Churchill Society (n.d.). We Shall Fight on the Beaches. Available at March 18, 2026 from <https://winstonchurchill.org/resources/speeches/1940-the-finest-hour/we-shall-fight-on-the-beaches/>.

REFERENCES

1. Bartosh, A.A. (2022). Tuman gibridnoj vojny. Neopredelennosti i riski konfliktov XXI v. = The Fog of Hybrid Warfare. Uncertainties and Risks of 21st Century Conflicts. Moscow: Gorjachaya liniya — Telekom. ISBN 978-5-9912-0785-0.
2. Bondarenko, I. A. (2006). *Krasnaya ploshhad'* Moskv. Arhitekturnyj ansambl' = Moscow's Red Square. An Architectural Ensemble. 2nd ed., corrected and expanded. Moscow: Veche, 416 p. ISBN 5-9533-1334-9.
3. Skovorodnikov, A. P., Kolmogorova, A. V., Kopnina, G. A. (2020). Aktual'nye problemy lingvistiki informacionno-psihologicheskoy vojny: kratkij analiticheskij obzor = Actual problems of linguistics of information-psychological warfare: a brief analytical review. *Linguistics of information-psychological warfare*. Vol. 3, 10–20. Krasnojarsk: Sib. Feder. Univ. ISBN 978-5-7638-4299-9. EDN YWMHLD.
4. Glinchevskij, Je. I. (2007). Verbalizacija koncepta "Mezhdunarodnyj terrorizm" v russkom i anglijskom jazykah : na materiale mediatekstov = Verbalization of the concept "International terrorism" in Russian and English (based on media texts). Dis. of Cand. of Philological Sciences. Moscow, 222 p. EDN NOTIOL.
5. Gumilev, L. N. (2007). Ot Rusi do Rossii = From Rus to Russia. Moscow: AST, 560 p. ISBN 978-5-17-038122-7.
6. Inshakov, S. M. (2024). Gibridnaja vojna v sisteme voennyh ugroz nacional'noj bezopasnosti = Hybrid Warfare in the System of Military Threats to National Security. Monograph. Moscow: RUSAJNS, 306 p. ISBN 978-5-4365-2519-8. EDN KJOXNZ.
7. Kalinin, O. I. (2023). Metafora i informacionnaja vojna = Metaphor and Information Warfare. *Cognitive Studies of Language. Issue No. 4 (55). Cognitive Linguistics in the Context of Modern Science. Proc. of the Intern. Conf. (September 19–21, 2023) (Ed.-in-Chief N. N. Boldyrev)*, 124–127. Moscow : Institute of Linguistics RAS ; Tambov : Publishing House of Tomsk State University named after G. R. Derzhavin ; Chelyabinsk : South Ural State University. ISBN 978-5-696-05379-0.
8. Kalinin, O. I., Knjazeva, E. G. (2023). Informacionnaja vojna s pozicij kognitivno-diskursivnogo podhoda = Information War from the Standpoint of the Cognitive-Discursive Approach. *Cognitive Studies of Language. Issue № 3 (54): Cognition, Communication, Discourse: Modern Aspects of the Research : Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation (April 20–21, 2023). Part 2 (Ed.-in-Chief N. N. Boldyrev)*, 441–446. ISBN 978-5-00078-708-3.

9. Karasik, V. I. (2002). Jazykovoј krug: lichnost', koncepty, diskurs = Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. Volgograd: Peremena, 477 p. ISBN 5-88234-552-2. EDN UGQAMP.

10. Kushneruk, S. L. (2019). Traektorii issledovanija informacionno-psihologicheskoy vojny v rossijskoј lingvistike = Trajectories of information and psychological war research in Russian linguistics. *Political Linguistics*, 6(6), 12–22. DOI 10.26170/pl19-06-01. EDN WRAWKY.

11. Panarin, I. N. (2023). Gibridnaja vojna i JaLTA-2 = Hybrid War and YALTA-2. Moscow: Gorjachaja linija — Telekom, 452 p. ISBN 978-5-9912-1006-5.

12. Sivkov, K. V., Sokolov, K. N. (2023). Gibridnaja vojna = Hybrid War. Moscow: Nashe zavtra, 280 p. ISBN 978-5-907585-74-4.

13. Sternin, I. A., Popova, Z. D. (2002). Jazyk i nacional'noe soznanie. Voprosy teorii i metodologii = Language and Conscious-

ness: Theoretical Distinctions and Conceptual Apparatus. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 8–50. EDN UNSEWH.

14. Tihon (Shevkunov Georgij Aleksandrovich) (2024). Gibel' imperii. Rossijskij urok = The Fall of an Empire. Russian Lesson. 2nd ed. Moscow: Vol'nyj strannik, 400 p. ISBN 978-5-00178-195-0.

15. Habarov, A. A. (2022). Jetnokognitivnye osnovy informacionno-psihologicheskogo vozdejstvija v kommunikativnoj dinamike diskursa = Ethnocognitive Foundations of Informational and Psychological Impact in the Communicative Dynamics of Discourse. Diss. of Dr. Philol. Sciences. Moscow, 583 p. EDN IVGGCK.

16. Serebrennikov, B. A., Ufimtseva, A. A. (Eds.) (1997). Jazykovaja nominacija. Obshhie voprosy = Language nomination. [Book 1]. General problems. Moscow: Nauka, 360 p.

17. Serebrennikov, B. A., Ufimtseva, A. A. (Eds.) (1997). Jazykovaja nominacija. Vidy naimenovanij = Language nomination. [Book 2]. Types of names. Moscow: Nauka, 360 p.

Политическая лингвистика. 2026. № 2 (116).
Political Linguistics. 2026. No 2 (116).

УДК 81'42+81'38+81'27

ББК Ш105.51+Ш105.551.5+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 11.01.09

Код ВАК 5.9.9

И Вэньцин

Московский государственный университет, Москва, Россия, yiv@my.msu.ru, <https://orcid.org/0009-0004-3717-4669>

За пределами западных нарративов: репрезентация конфликтов Глобального Юга в китайских и западных СМИ (2019–2024 гг.)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена сравнительному анализу нарративных стратегий и медиафреймов в освещении конфликтов в странах Глобального Юга (на примере Венесуэлы и Судана) на материале публикаций CGTN и CNN за 2019–2024 гг.

Цель исследования — выявить и сопоставить нарративные стратегии и медиафреймы CGTN и CNN при освещении конфликтов в странах Глобального Юга (на примере Венесуэлы и Судана), а также показать, как эти различия отражают разные модели репрезентации суверенитета, вмешательства и политической легитимности. В работе используется смешанная методология: количественный контент-анализ для оценки эмоциональной окраски публикаций и критический дискурс-анализ (по Т. ван Дейку) для интерпретации нарративных и легитимирующих стратегий. Результаты показывают, что CGTN акцентирует мирное урегулирование, суверенитет и международное сотрудничество, используя преимущественно нейтральную тональность, тогда как CNN склонна подчеркивать кризис, насилие и гуманитарные катастрофы с преобладанием негативных оценок. Китайские СМИ демонстрируют гибкость в выборе и адаптации медиафреймов в зависимости от конкретной ситуации, что способствует формированию альтернативных глобальных нарративов и укреплению имиджа Китая как ответственного международного актора. Практическая значимость работы заключается в расширении представлений о стратегиях медиадипломатии КНР и возможностях применения полученных результатов для анализа международной коммуникации и построения эффективной медиастратегии в условиях полицентризма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, Глобальный Юг, нарративные стратегии, международная коммуникация, политические конфликты, журналистика, медиадискурс, медиатексты, средства массовой информации, китайские СМИ, западные СМИ, сравнительный анализ, медиафреймы, освещение событий.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: И Вэньцин, аспирант, факультет журналистики, Московский государственный университет, Москва, Россия, email: yiv@my.msu.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: И, Вэньцин. За пределами западных нарративов: репрезентация конфликтов Глобального Юга в китайских и западных СМИ (2019–2024 гг.) / И Вэньцин. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 185–191.

Yi Wenqing

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, yiv@my.msu.ru, <https://orcid.org/0009-0004-3717-4666>

Beyond Western Narratives: Representation of the Global South Conflicts in Chinese and Western Media of 2019-2024

ABSTRACT. This article carries out a comparative analysis of narrative strategies and media frames in the coverage of the Global South conflicts (using Venezuela and Sudan as case studies), based on the publications by CGTN and CNN from 2019 to 2024.

The aim of the study is to identify and compare the narrative strategies and media frames employed by CGTN and CNN in covering conflicts in the Global South countries, and to demonstrate how these differences reflect distinct models of representing sovereignty, intervention, and political legitimacy. The study employs a mixed methodology, combining quantitative content analysis to assess the emotional tone of publications with critical discourse analysis (according to Teun A. van Dijk) to interpret narrative and legitimizing strategies. The results show that CGTN emphasizes peaceful settlement, sovereignty, and international cooperation, relying predominantly on a neutral tone, whereas CNN tends to highlight crisis, violence, and humanitarian catastrophes, with negative evaluations prevailing in the coverage. Chinese media demonstrate flexibility in selecting and adapting media frames depending on the specific conflict context, which contributes to the formation of alternative global narratives and strengthens China's image as a responsible international actor. The practical significance of the study lies in expanding our understanding of China's media diplomacy strategies and in the possibility of applying the findings to the analysis of international communication and the development of effective media strategies in a polycentric world.

KEYWORDS: political discourse, Global South, narrative strategies, international communication, political conflicts, journalism, media discourse, media texts, mass media, Chinese media, Western media, comparative analysis, media frames, event coverage.

AUTHOR'S INFORMATION: Yi Wenqing, Post-Graduate Student, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

FOR CITATION: Yi Wenqing. (2026). Beyond Western Narratives: Representation of the Global South Conflicts in Chinese and Western Media of 2019-2024. In *Political Linguistics*. No 2 (116), pp. 185-191. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Понятие Глобального Юга (Global South) широко используется в постколониальных исследованиях и международных отношениях для обозначения стран Африки, Латинской Америки, Азии и Ближнего Востока, занимающих периферийное положение в глобальном политическом, экономическом и культурном порядке. На протяжении длительного времени освещение международных конфликтов в этих странах в западных СМИ строилось преимущественно в рамках нарративов, акцентирующих насилие, гуманитарные кризисы и внутреннюю политическую нестабильность. При этом сложные исторические причины конфликтов, а также роль внешних акторов, включая западные государства, нередко оставались на периферии внимания или интерпретировались фрагментарно. В результате формировалась упрощенная и односторонняя картина конфликтов, ограничивавшая возможности их более целостного и контекстуального осмысления.

Одновременно усиливается конкуренция за право голоса в глобальной информационной системе, и представительство и агентность незападных стран в международной коммуникации привлекают всё большее внимание. Китайские СМИ, как новая сила в сфере международной коммуникации, всё чаще и заметнее участвуют в освещении событий в странах Глобального Юга. Позиционируя себя как развивающееся государство и активно продвигая стратегию межгосударственного сотрудничества стран данного региона, Китай формирует образ близкого и солидарного партнера для стран Глобального Юга, что создает реальную основу для выстраивания альтернативных нарративов. Однако на данный момент в академической среде отсутствуют систематические эмпирические исследования, посвященные анализу конкретной нарративной логики и фреймовой структуры в освещении конфликтов в Глобальном Юге китайскими СМИ, а также сравнению этих нарративов с западными медиа. Особенно недостаточно изучены механизмы отражения стратегических коммуникативных намерений государства в медиастратегиях.

Актуальность настоящего исследования заключается, во-первых, в том, что частые конфликты в странах Глобального Юга на протяжении длительного времени освещаются западными СМИ с ярко выраженной тенденциозностью. В этих условиях важно понять, каким образом Китай, как новая глобальная коммуникативная сила, выстраивает отличающиеся нарративные стратегии,

влияющие на его образ и авторитет в международной информационной среде. Во-вторых, медиа Китайской Народной Республики, обладая особой институциональной природой, представляют собой прямое воплощение государственной стратегии международной коммуникации и позволяют проследить реконфигурацию глобального информационного порядка. Анализ освещения китайскими СМИ конфликтов в странах Глобального Юга позволяет глубже понять динамику изменений в глобальной системе дискурсивной власти, а также может быть полезен для России в контексте осмысления медиакоммуникационных условий и определения собственной стратегической позиции на международной арене.

Задачи исследования заключаются в следующем: обобщить типичные нарративные модели освещения конфликтов в странах Глобального Юга западными мейнстримными СМИ; систематизировать типы фрейминга и речевые стратегии, используемые китайскими мейнстримными СМИ в соответствующих публикациях за период 2019–2024 годов; провести сравнительный анализ различий и сходств между китайскими и западными СМИ в аспектах повестки, эмоциональной направленности и атрибуции ответственности при освещении конфликтов в Глобальном Юге; исследовать политическую, культурную и стратегическую логику, лежащую в основе китайского нарратива, а также оценить его влияние на глобальный медиадискурс.

В методологическом плане в работе используется комбинированный подход, сочетающий контент-анализ с элементами количественной и качественной обработки материала, а также фрейм-анализ. Эмпирическую базу исследования составляют англоязычные публикации китайского медиа CGTN и американского медиа CNN, посвященные конфликтам в странах Глобального Юга. Всего в корпус вошло 445 публикаций: 158 материалов CGTN и 287 материалов CNN, посвященных кризисам в Венесуэле и Судане за 2019–2024 гг. Дополнительно применяются методы текстового, сравнительного и критического дискурс-анализа, что позволяет выявить различия в речевой организации текстов, доминирующих медиафреймах и нарративных стратегиях.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА И ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В последние годы с усилением многополярности в мировой коммуникационной системе международные СМИ всё чаще становятся ареной для идеологической конкурен-

ции и перераспределения влияния [Günaу 2025: 526; Zhu, Liu 2024: 362]. Китайские ведущие медиа в освещении международных вопросов демонстрируют заметно отличающиеся от западных СМИ дискурсивные структуры и рамочные стратегии [Zhang et al. 2022: 5; Волчкова 2023: 47]. Подобное различие не только отражает растущую самостоятельность и стратегическую активность китайских информационных ресурсов, но и способствует более глубокому пониманию процессов перестройки современной мировой медиасистемы [Фомин, Трофимова 2022: 77].

Современная научная литература опирается на сочетание теории фрейминга, критического дискурс-анализа и постколониальных подходов для системного анализа повестки дня, нарративной логики и семантических стратегий китайских СМИ. Согласно теории фрейминга Энтмана, новости формируют восприятие событий у аудитории за счет выделения определенных фрагментов дискурса и придания им особого значения [Entman 1993: 52]. Например, исследования показывают, что при освещении конфликта в Сирии китайские медиа чаще используют фреймы «мирного развития», «уважения суверенитета», в то время как западные СМИ делают акцент на «кризисе», «правах человека» и «внешнем вмешательстве» [Zhu, Liu 2024: 370; Liu J 2014: 271]. Механизмы многостороннего диалога и экономической поддержки позволяют китайским СМИ позиционировать КНР как конструктивную и ответственную державу на международной арене [Günaу 2025: 533; Zhang et al. 2022: 9].

Критический дискурс-анализ и культурологические исследования указывают на то, что в новостных текстах часто проявляется оппозиция «мы — они»; через оценочную лексику и экспрессивные формулировки укрепляется национальная идентичность и солидарность с Глобальным Югом [van Dijk 2008: 143; Zhou Q 2011: 21–23; Волчкова 2023: 48]. Анализ динамики языка китайских СМИ свидетельствует о том, что за последние годы их дискурс стал более эмоционально окрашенным и субъективным. Это не только усиливает воздействие контента, но и способствует формированию желаемых смыслов [Ma C 2022: 272; Zhu, Liu 2024: 373].

Постколониальная теория помогает понять, как китайские медиа с помощью таких понятий, как «суверенитет», «развитие», «южно-южное сотрудничество» противопоставят западной дискурсивной гегемонии [Said 1978: 49]. Например, в нарративах «China Daily» об израильско-хамасском конфликте явно выражается склонность к подчеркива-

нию национального суверенитета, развития страны, а также дается более нейтральное или даже сочувственное описание движения ХАМАС. Это отражает проводимую Китаем политику невмешательства и ориентацию на мирное решение проблем. Однако в конкретных практиках освещения событий региональные и геополитические особенности также оказывают влияние, в результате чего формируются уникальные региональные различия [Günaу 2025: 534; Фомин, Трофимова 2022: 85].

Значительный вклад в развитие отечественной теории и эмпирики внесли китайские исследователи. Так, Чжоу показала, что фокусные события и контекстуальные факторы заметно влияют на тональность международных новостей о территориальных спорах, особенно при высокой степени политической близости государств [Чжоу 2018]. Ma Yong и соавторы, обратившись к многоуровневой теории фрейминга, подробно проанализировали использование ответственности, конфликтных и гуманитарных рамок в освещении украинского кризиса, что позволило выделить специфические стратегии китайских медиа по укреплению национального дискурса [Ma, Li, Chen 2016]. Кроме того, Ян Сиюэ подчеркнула значение метафорической критики, отмечая, что через метафору медиа реализуют скрытую политическую позицию и эмоциональную мобилизацию [Ян 2017].

Особого внимания заслуживают работы российских исследователей, в которых освещение международных конфликтов рассматривается через систему концептуальных подходов журналистики — миротворческой, военной, конструктивной, журналистики решений, позитивной и превентивной. Такая типология позволяет соотносить анализ фреймов с более широкими нормативными моделями журналистского представления конфликтной повестки [Якова 2023].

Тем не менее, несмотря на наличие работ, посвященных рамочным стратегиям и идеологическим функциям китайских СМИ, сравнительно мало исследований, в которых бы последовательно и системно анализировались особенности освещения конфликтов именно в Латинской Америке и Африке. Чаще всего литература ограничивается описанием отдельных кейсов или обобщенными выводами, не затрагивая глубокие региональные отличия. В этой связи дальнейшие исследования должны быть направлены на проведение содержательного и дискурсивного анализа того, как китайские СМИ строят репрезентации конфликтов в этих двух регионах, чтобы более четко выявить точки

инноваций и ограничений Китая в формировании дискурса Глобального Юга.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методология исследования строится на интеграции количественного контент-анализа, предварительной автоматизированной обработки корпуса с последующей аналитической интерпретацией выявленных медиафреймов [Neuendorf 2017; Entman 1993: 52; Zhu, Liu 2024: 362] и критического дискурс-анализа с использованием корпуса англоязычных новостных текстов CGTN и CNN за 2019–2024 гг., посвященных вооруженным конфликтам и политическим кризисам в странах Латинской Америки (Венесуэла) и Африки (Судан). Эмпирическая база формировалась с помощью целенаправленного поиска и выгрузки текстов по релевантным ключевым словам («Venezuela crisis», «Sudan conflict», «unrest», «talks», «aid» и др.) с последующей унификацией структуры, очисткой данных и нормализацией временных меток [Zhu, Liu 2024: 365]. На первом этапе осуществлялась автоматизированная тональная разметка и выделение базовых рамочных структур (например, «кризис», «развитие», «переговоры», «гуманитарная помощь»), что позволило классифицировать тексты по эмоциональной окраске (позитивная, негативная, нейтральная) и выявить доминирующие медианарративы [Zhang et al. 2022: 7]. Далее наиболее показательные материалы из каждой группы подвергались глубокому критическому дискурс-анализу в логике подхода Т. ван Дейка с акцентом на изучении механизмов атрибуции ответственности, дихотомии «мы — они», нарративных оппозиций, а также способов легитимации и проблематизации обсуждаемых явлений [van Dijk 2008: 45; Фомин, Трофимова 2022: 79]. Финальным шагом являлось сопоставление фреймовых и дискурсивных стратегий CGTN и CNN: анализировались различия в частоте и структуре использования ключевых фреймов, эмоциональной поляризации, особенностях интерпретации событий, степени идеологической ангажированности и коммуникативных целях [Zhu, Liu 2024: 368; Entman 1993: 57]. Такой комплексный подход обеспечил высокую степень валидности полученных выводов и позволил выявить специфику формирования

международной повестки дня в условиях глобальной конкуренции медиадискурсов.

ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Эмпирический анализ выявил существенные различия в стратегиях освещения конфликтов в Венесуэле и Судане между CGTN и CNN как на уровне эмоциональной тональности, так и в структурировании медиафреймов. Автоматизированная классификация по тональности показала, что дискурс CGTN преимущественно представлен нейтральными и сбалансированными публикациями, акцентирующими внимание на дипломатических инициативах, мирном посредничестве и необходимости международного диалога. В то же время для CNN характерно доминирование негативной эмоциональной окраски с преобладанием лексики кризиса, насилия, катастрофы и угрозы, что сопровождается явной драматизацией событий и однозначной атрибуцией ответственности.

Статистическое сравнение отражено в таблице 1.

Данные таблицы показывают, что в корпусе CGTN преобладают нейтральные публикации, тогда как в выборке CNN более 70 % материалов по обоим кейсам характеризуются негативной тональностью.

Для наглядности приведем примеры оригинальных заголовков, иллюстрирующих разницу рамочных стратегий.

Для CGTN, освещающего венесуэльский кризис, характерны такие формулировки, как *Venezuela crisis talks underway in Oslo*, где акцент делается на процессе переговоров, а также *Expert on Venezuela Crisis*, демонстрирующий обращение к экспертному знанию, и *Venezuela Crisis: Venezuela seals Colombia border after Guaido crossing*, где даже при упоминании насилия сохраняется объективный, нейтральный стиль подачи. В случае с Суданом в заголовках CGTN преобладают такие сообщения, как *Conflict in Sudan disrupts trade, forcing influx of refugees into South Sudan: UN*, что отражает фокус на мирных инициативах, и *Chinese peacekeepers hold defensive drills at UN base in Sudan as conflict escalates* — акцентируется внимание на гуманитарных аспектах, но без избыточной драматизации. В отличие от этого, заголовки CNN по Венесуэле —

Таблица 1. Распределение тональности публикаций CGTN и CNN о кризисах в Венесуэле и Судане (2019–2024)

Страна	Медиа	Всего	Позитивная	Нейтральная	Негативная
Венесуэла	CGTN	93	6	53	34
	CNN	229	18	49	162
Судан	CGTN	65	5	33	27
	CNN	58	4	11	43

Venezuela on the brink as crisis deepens, Venezuela crisis: Protests, violence and economic collapse и *Venezuelan opposition members say they're under 'siege' as they take refuge in an embassy* — демонстрируют риторику острого кризиса, акцент на столкновении и осаде, усиливают ощущение безысходности и эскалации. Аналогичным образом по Судану типичны для CNN такие заголовки, как *Sudan on brink of collapse and starvation as country marks one year of civil war*, где доминируют нарративы борьбы за власть, угрозы коллапса и масштабной гуманитарной катастрофы. Такое различие в медиаподходах позволяет проследить не только специфику фреймирования событий, но и фундаментальные расхождения в идеологической ангажированности, стиле и целях международного информационного воздействия.

Критический дискурс-анализ этих материалов показал, что CGTN последовательно использует такие рамки, как «переговоры», «мирное урегулирование», «международная поддержка», избегая прямой конфронтационной или обвинительной риторики. Нарратив строится вокруг многосторонности, уважения суверенитета, поиска баланса интересов и демонстрации конструктивной роли Китая в мировом сообществе. В то же время CNN акцентирует кризис, разрушение и драматизм, фокусируясь на человеческих страданиях, протестах, экономическом коллапсе и прямой ответственности властей за эскалацию конфликта.

Особое внимание в анализе уделялось нарративным оппозициям: «мир — хаос», «диалог — столкновение», «международное сотрудничество — внешнее вмешательство». CGTN стремится сформировать образ ответственного, рационального и миролюбивого актора, а CNN — усилить тревожный и критический фон, повышая уровень эмоциональной поляризации аудитории. Выявленные различия не только подтверждают фундаментальные положения фрейм-анализа и КДА о конструировании медиареальности, но и иллюстрируют динамику идеологической конкуренции в современной международной информационной среде.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Результаты проведенного исследования позволяют выявить ключевые особенности медиастратегии китайских СМИ, формирующих оригинальную и адаптивную рамочную политику в освещении конфликтов в странах Глобального Юга. Анализ кейсов Венесуэлы и Судана на примере CGTN показал, что китайские медиа умело сочетают идеологические и дипломатические рамки:

в одном случае акцент делается на антиинтервенционизме, защите национального суверенитета и критике западных санкций, а в другом — на гуманитарной риторике, посреднической роли и поддержке универсальных ценностей.

Такое гибкое сочетание позволяет китайским СМИ не только транслировать официальные установки и политические интересы КНР, но и эффективно выстраивать позитивный международный имидж за счет акцентирования конструктивной, миротворческой и универсалистской риторики. Подобная рамочная стратегия особенно заметна на фоне западных медиа, в частности CNN, где доминируют негативные, драматизированные фреймы, усиление эмоциональной поляризации и прямая атрибуция ответственности конфликтующим элитам. Сравнительный анализ подтверждает, что китайский медиадискурс строится на стремлении к снижению конфронтационности, продвижению многостороннего диалога и акценту на дипломатических инструментах урегулирования.

В теоретическом плане интеграция фрейм-анализа, концепции мягкой силы и постколониальной критики позволила продемонстрировать, что медиадипломатия КНР развивается как система двойного назначения: с одной стороны, она обслуживает задачи национального имиджа и защиты стратегических интересов, а с другой — способствует распространению альтернативных нарративов и диверсификации глобального медиаполя. Китайские СМИ всё более успешно позиционируют себя как проводники новых моделей глобального сотрудничества и источники универсальных ценностей для Глобального Юга.

Полученные результаты также согласуются с выводами российских исследований западных медиа о международных кризисах в странах Глобального Юга. В частности, на материале освещения военных переворотов в Нигере и Габоне показано преобладание нейтральной и негативной тональности, а также зависимость интенсивности и оптики освещения от национальных интересов страны происхождения медиа, что усиливает интерпретацию западных конфликтных нарративов как политически контекстуализированных [Якова, Данилина 2024].

В целом обсуждение результатов указывает на то, что современные китайские СМИ не только реагируют на вызовы конкуренции с Западом в медиасфере, но и формируют собственную рамочную повестку, которая усиливает влияние КНР на глобальные процессы интерпретации и легитимации международных событий.

ВЫВОДЫ

В целом проведенное исследование позволило выявить специфику медиастратегий китайских СМИ на примере CGTN в освещении конфликтов в странах Глобального Юга. Данные показали, что китайские медиа эффективно интегрируют идеологические и дипломатические рамки, что проявляется в гибком сочетании нарративов защиты суверенитета, антиинтервенционизма и поддержки гуманитарных, посреднических и универсалистских инициатив. В случае Венесуэлы акцент делается на противодействии внешнему вмешательству, а в кейсе Судана — на конструктивном участии в мирном урегулировании и гуманитарной помощи. Сравнительный анализ с привлечением материалов западных СМИ (CNN) подтвердил принципиальные различия: китайский медиадискурс ориентирован на снижение эмоциональной эскалации, продвижение многостороннего диалога и формирование позитивного международного имиджа КНР, в то время как западные медиа склонны к драматизации и негативной поляризации.

Таким образом, методы подачи информации в китайских СМИ демонстрируют устойчивую тенденцию к развитию собственных рамочных стратегий и альтернативных нарративов, что способствует диверсификации глобального информационного пространства. Полученные результаты не только расширяют теоретическое понимание трансформации медиадипломатии в условиях многополярности, но и открывают перспективы для дальнейших сравнительных исследований медиадискурса и изучения влияния китайских СМИ на формирование международной повестки дня.

ИСТОЧНИКИ

1. Venezuelan opposition members say they're under 'siege' as they take refuge in an embassy // CNN. — 23.12.2024. — URL: <https://www.cnn.com/2024/12/23/americas/venezuela-opposition-argentina-embassy-intl-latam> (date of access: 28.04.2025).
2. Sudan on brink of collapse and starvation as country marks one year of civil war // CNN. — 15.04.2024. — URL: <https://www.cnn.com/2024/04/15/africa/sudan-civil-war-marks-one-year-intl/index.html> (date of access: 28.04.2025).
3. Chinese peacekeepers hold defensive drills at UN base in Sudan as conflict escalates // CGTN. — 20.04.2023. — URL: <https://news.cgtn.com/news/2023-04-20/Chinese-peacekeepers-hold-defensive-drills-at-UN-base-in-Sudan-as-conflict-escalates-1j9vEsJrMu4/index.html> (date of access: 28.04.2025).
4. Talks between Venezuela's government and opposition resume in Oslo // CGTN. — 29.05.2019. — URL: <https://news.cgtn.com/news/3d3d674e3459544f34457a6333566d54/index.html> (date of access: 28.04.2025).
5. Venezuela seals Colombia border after Guaido crossing // CGTN. — 26.02.2019. — URL: <https://news.cgtn.com/news/786b444f31494464776c6d6364e6e62684a4856/share.html> (date of access: 28.04.2025).
6. Expert on Venezuela Crisis: External pressure not a long-term solution // CGTN. — 27.02.2019. — URL: <https://news.cgtn.com/news/3d3d514f3145544e34457a6333566d54/index.html> (date of access: 28.04.2025).

7. Conflict in Sudan disrupts trade, forcing influx of refugees into South Sudan: UN // CGTN. — 24.10.2023. — URL: <https://newsaf.cgtn.com/news/2023-10-24/Conflict-in-Sudan-disrupts-trade-forcing-influx-of-refugees-into-South-Sudan-UN-1o96xsu2jUk/img/3baa46165e3d4eb29d1dae87f7558454/3baa46165e3d4eb29d1dae87f7558454.png> (date of access: 28.04.2025).

8. CGTN. — URL: <https://www.cgtn.com/> (date of access: 27.04.2025).

9. CNN. — URL: <https://edition.cnn.com/> (date of access: 27.04.2025).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Волчкова, А. С. Особенности медиакommunikации в китайских СМИ / А. С. Волчкова // Доклады Башкирского университета. — 2023. — Т. 8, № 3. — С. 46–50. — DOI 10.33184/dokbsu-2023.3.6. — EDN ZEKHWI.
2. Фомин, А. Г. Оценочная лексика в презентации военнополитических конфликтов в китайских СМИ / А. Г. Фомин, Е. С. Трофимова // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. — 2022. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenochnaya-leksika-v-prezentatsii-voenno-politicheskikh-konfliktov-v-kitayskikh-smi> (дата обращения: 27.04.2025).
3. Якова, Т. С. Концептуальные подходы к освещению международных конфликтов (анализ публикаций европейских и американских массмедиа) / Т. С. Якова // Меди@льманах. — 2023. — № 4(117). — С. 68–78. — DOI 10.30547/mediaalmanah.4.2023.6878. — EDN GAJJVO.
4. Якова, Т. С. Военные перевороты в Африке в освещении западных СМИ: медиагеографический анализ / Т. С. Якова, И. О. Данилина // Меди@льманах. — 2024. — № 2(121). — С. 76–84. — DOI 10.30547/mediaalmanah.2.2024.7684. — EDN KIBNRS.
5. Dijk, T. A. van. Critical Discourse Analysis / T. A. van Dijk ; ed. D. Tannen, H. E. Hamilton, D. Schiffrin. — Malden, MA : Wiley-Blackwell, 2015.
6. Entman, R. M. Framing: toward clarification of a fractured paradigm / R. M. Entman // Journal of Communication. — 1993. — Vol. 43, No. 4. — P. 51–58. — EDN HIJMFx.
7. Günay, M. A. International media framing of the Palestinian-Israeli war / M. A. Günay // The Turkish Online Journal of Design Art and Communication. — 2025. — Vol. 15, No. 2. — P. 526–542. — DOI 10.7456/tojdac.1615156. — EDN WOUDDL.
8. Neuendorf, K. A. The Content Analysis Guidebook / K. A. Neuendorf. — Thousand Oaks, California : SAGE Publications, 2017.
9. Said, E. W. Orientalism / E. W. Said. — New York : Vintage books, 1979.
10. Zhang C. , Zhang D. , Blanchard P. International Broadcasting During Times of Conflict: A Comparison of China's and Russia's Communication Strategies // Journalism Practice. 2024. Vol. 18, Iss. 8. P. 1977–2004. DOI:10.1080/17512786.2022.2140445.
11. Zhu, J. The Representation of Israel-Hamas Conflict in the American and Chinese News Coverage: A Corpus-assisted Comparative Critical Discourse Analysis / J. Zhu, Yu. Liu // International Journal of Social Sciences and Public Administration. — 2024. — Vol. 4, No. 2. — P. 360–378. — DOI 10.62051/ijsspa.v4n2.49. — EDN GPQZJQ.
12. Лю Цзяин. Чжунмэй синьвэнь баодао цзай Сюйлия вэньти шан дэ цюйбе цзи юаньинь [Различия и причины освещения сирийского вопроса в китайских и американских новостях] / Лю Цзяин // Синьвэнь шицзе [Мир новостей]. — 2014. — № 4. — С. 271–272. — (На китайском языке: 刘嘉莹. 中美新闻报道在叙利亚问题上的区别及原因. 新闻世界, 2014 (4): 271–272).
13. Ма Чэнчэн. Куанцзя лилунь ся чжунго мэйти дуйвай баодао яньцзю — и Жибэнь пайфан хэфэйшуй дэ синьвэнь баодао вэйли [Исследование внешнего освещения китайских СМИ в рамках теории фрейминга — на примере новостного освещения сброса Японией загрязненной ядерной воды] : дис. ... магистра / Ма Чэнчэн ; Хуадун чжэнфа дасюэ [Восточно-Китайский университет политологии и права]. — Шанхай, 2022. — (На китайском языке: 马成成. 框架理论下中国媒体对外报道研究——以日本排放核废水的新闻报道为例. 华东政法大学硕士学位论文, 2022).
14. Чжоу Циньань. Чжунго гоцзи синьвэнь баодао дэ цюйши юй чжуаньсин [Тенденции и трансформация международного новостного освещения в Китае] / Чжоу Циньань // Синьвэнь юй сецзо [Новости и письмо]. — 2011. — № 3. —

С. 21–24. — (На китайском языке: 周庆安. 中国国际新闻报道的趋势与转型. 新闻与写作, 2011 (3): 21–24).

15. Цуй Янь. Чжунго линту чжэндуань гоцзи синьвэнь баодао инсан инсу яньцзю — и Мэй, Инь, Э баодао Чжун-Жи Дяюйдао чжэндуань вэйли [Исследование факторов, влияющих на международное новостное освещение территориальных споров Китая — на примере освещения китайско-японского спора вокруг островов Дяюйдао в СМИ США, Индии и России] / Цуй Янь // Синьвэнь цзе [Мир журналистики]. — 2018. — № 11. — С. 97–102. — (На китайском языке: 崔妍. 中国领土争端国际新闻报道影响因素研究——以美印俄报道中日钓鱼岛争端为例. 新闻界, 2018 (11): 97–102).

16. Ма Юн, Ли Юнцзянь, Чэнь Сючао. Гоцзи чжэнчжи чунту шицзянь баодао чжун чжюлю мэйти дэ баодао куанцзя [Фреймы освещения международных политических конфликтов в ведущих СМИ] / Ма Юн, Ли Юнцзянь, Чэнь Сючао // Дяньши яньцзю [Телевизионные исследования]. — 2016. — № 6 (319). — С. 123–128. — (На китайском языке: 马勇, 李永健, 陈修超. 国际政治冲突事件报道中主流媒体的报道框架. 电视研究, 2016, № 319 (6): 123–128).

17. Ян Сиюэ. Мэйти цзай гоцзи чунту шицзянь баодао чжун иньюйсин пипань таньси — и Инь-Ба чунту вэйли [Анализ метафорической критики в освещении международных конфликтов СМИ — на примере индо-пакистанского конфликта] / Ян Сиюэ // Чжунго баоэ [Китайская пресса]. — 2017. — № 4. — С. 54–55. — (На китайском языке: 杨熙悦. 媒体在国际冲突事件报道中隐喻性批判探析——以印巴冲突为例[J]. 中国报业, 2017, (04): 54–55).

MATERIALS

1. CNN (2024, Dec. 23). Venezuelan opposition members say they're under 'siege' as they take refuge in an embassy. Available at Apr. 28, 2025 from <https://www.cnn.com/2024/12/23/americas/venezuela-opposition-argentina-embassy-intl-latam>.

2. CNN (2024, Apr. 15). Sudan on brink of collapse and starvation as country marks one year of civil war. Available at Apr. 28, 2025 from <https://www.cnn.com/2024/04/15/africa/sudan-civil-war-marks-one-year-intl/index.html>.

3. CGTN (2023, Apr. 20). Chinese peacekeepers hold defensive drills at UN base in Sudan as conflict escalates. Available at Apr. 28, 2025 from <https://news.cgtn.com/news/2023-04-20/Chinese-peacekeepers-hold-defensive-drills-at-UN-base-in-Sudan-as-conflict-escalates-1j9vEsJrMu4/index.html>

4. CGTN (2019, May 29). Talks between Venezuela's government and opposition resume in Oslo. Available at Apr. 28, 2025 from <https://news.cgtn.com/news/3d3d674e3459544f34457a6333566d54/index.html>.

5. CGTN (2019, Feb. 26). Venezuela seals Colombia border after Guaidó crossing. Available at Apr. 28, 2025 from <https://news.cgtn.com/news/786b444f31494464776c6d636a4e6e62684a4856/share.html>.

6. CGTN (2019, Feb. 27). Expert on Venezuela Crisis: External pressure not a long-term solution. Available at Apr. 28, 2025 from URL: <https://news.cgtn.com/news/3d3d514f3145544e34457a6333566d54/index.html>.

7. CGTN (2023, Oct. 24). Conflict in Sudan disrupts trade, forcing influx of refugees into South Sudan: UN. Available at Apr. 28, 2025 from <https://newsaf.cgtn.com/news/2023-10-24/Conflict-in-Sudan-disrupts-trade-forcing-influx-of-refugees-into-South-Sudan-UN-1o96xsu2jUk/img/3baa46165e3d4eb29d1dae87f7558454/3baa46165e3d4eb29d1dae87f7558454.png>.

8. CGTN. Available at Apr. 27, 2025 from <https://www.cgtn.com/>.

9. CNN. Available at Apr. 27, 2025 from <https://edition.cnn.com/>.

REFERENCES

1. Volchkova, A. S. (2023) Osobennosti mediakommunikatsii v kitaiskikh SMI = Features of media communication in Chinese media. *Reports of Bashkir University*, 8(3), 46–50. DOI 10.33184/dokhsu-2023.3.6. EDN ZEKHWI.

2. Fomin, A. G., Trofimova, E. S. (2022). Otsnochnaya leksika v prezentatsii voenno-politicheskikh konfliktov v kitaiskikh SMI = Evaluative vocabulary in the presentation of military-political conflicts in Chinese media. *Crede Experto*:

transport, society, education, language, 2. Available at Apr. 27, 2025 from <https://cyberleninka.ru/article/n/otsnochnaya-leksika-v-prezentatsii-voenno-politicheskikh-konfliktov-v-kitayskikh-smi>.

3. Yakova, T. S. (2023). Kontseptual'nye podkhody k osveshcheniyu mezhdunarodnykh konfliktov = Conceptual approaches to the coverage of international conflicts. *MediaAlmanac*, 4(117). DOI 10.30547/mediaalmanah.4.2023.6878. EDN GAJJVO.

4. Yakova, T., Danilina, I. (2024). Voennye perevoroty v Afrike v osveshchenii zapadnykh SMI: mediageograficheskii analiz = Military coups in Africa in the coverage of Western media: a media-geographical analysis. *MediaAlmanac*, 2, 76–84. EDN KIBNRS.

5. Dijk, T. A. van. (2015). Critical discourse analysis. *The Handbook of Discourse Analysis* (Eds. D. Tannen, H. E. Hamilton, D. Schiffrin). Malden, MA: Wiley-Blackwell.

6. Entman, R. M. (1993). Framing: Toward clarification of a fractured paradigm. *Journal of Communication*, 43(4), 51–58. EDN HIJMFJ.

7. Günay, M. A. (2025). International media framing of the Palestinian-Israeli war. *The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication*, 15(2), 526–542. DOI 10.7456/tojdac.1615156. EDN WOUDDL.

8. Neuendorf, K. A. (2017). *The Content Analysis Guidebook*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications.

9. Said, E. W. (1979). *Orientalism*. New York: Vintage Books.

10. Zhang, C., Zhang, D., Blanchard, P. (2024). International broadcasting during times of conflict: a comparison of China's and Russia's communication strategies. *Journalism Practice*, 18(8), 1977–2004. DOI 10.1080/17512786.2022.2140445.

11. Zhu, J. and Liu, Y. (2024). The representation of Israel-Hamas conflict in the American and Chinese news coverage: a corpus-assisted comparative critical discourse analysis. *International Journal of Social Sciences and Public Administration*, 4(2), 360–378. DOI 10.62051/ijsspa.v4n2.49. EDN GPQZJQ.

12. Liu, Jiaying (2014). Zhongmei xinwen baodao zai Xuliya wenti shang de qubie ji yuanyin = Differences and causes in Chinese and American news coverage of the Syrian issue. *News World*, 4(271–272). (刘嘉莹. 中美新闻报道在叙利亚问题上的区别及原因. 新闻世界, 2014 (4): 271–272).

13. Ma, Chengcheng (2022). Kuangjia lilun xia Zhongguo meiti duiwai baodao yanjiu — yi Riben paifang hefeishui de xinwen baodao weili = A study of Chinese media's external reporting under framing theory: the case of news coverage of Japan's discharge of nuclear-contaminated wastewater. Master's thesis. East China University of Political Science and Law, Shanghai. (马成成. 框架理论下中国媒体对外报道研究——以日本排放核废水的新闻报道为例. 华东政法大学硕士学位论文, 2022).

14. Zhou, Qing'an (2011). Zhongguo guoji xinwen baodao de qushi yu zhuanxing = Trends and transformation of international news reporting in China. *News and Writing*, 3(21–24). (周庆安. 中国国际新闻报道的趋势与转型. 新闻与写作, 2011 (3): 21–24).

15. Cui, Yan (2018). Zhongguo lingtu zhengduan guoji xinwen baodao yingxiang yinsu yanjiu — yi Mei, Yin, E baodao Zhong-Ri Diaoyudao zhengduan weili = A study of factors influencing international news coverage of China's territorial disputes: the case of U. S., Indian, and Russian coverage of the China—Japan Diaoyudao dispute. *Journalism World*, 11, 97–102. (崔妍. 中国领土争端国际新闻报道影响因素研究——以美印俄报道中日钓鱼岛争端为例. 新闻界, 2018 (11): 97–102).

16. Ma, Yong, Li, Yongjian and Chen, Xiuchao (2016). Guoji zhengzhi chongtu shijian baodao zhong zhuliu meiti de baodao kuangjia = Frames of mainstream media coverage of international political conflict events. *TV Studies*, 6(319), 123–128. (马勇, 李永健, 陈修超. 国际政治冲突事件报道中主流媒体的报道框架. 电视研究, 2016, № 319 (6): 123–128).

17. Yang, Xiyue (2017). Meiti zai guoji chongtu shijian baodao zhong yinyuxing piban tanxi — yi Yin-Ba chongtu weili = An analysis of metaphorical criticism in media coverage of international conflicts: the case of the India—Pakistan conflict. *China Press*, 4, 54–55. (杨熙悦. 媒体在国际冲突事件报道中隐喻性批判探析——以印巴冲突为例[J]. 中国报业, 2017, (04): 54–55).

Политическая лингвистика. 2026. № 2 (116).
Political Linguistics. 2026. No 2 (116).

УДК 811.161.1'42+808.51+81'27+81'25

ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55+Ш118+Ш100.621

ГРНТИ 16.31.41

Код ВАК 5.9.8

Валерия Игоревна Игнатьева

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия,
t000004315@lgumail.ru, SPIN-код: 1060-5957

Стратегии передачи эмоционально окрашенной лексики при переводе публичных выступлений российских политиков

АННОТАЦИЯ. Данная статья посвящена исследованию стратегий передачи эмоционально окрашенной лексики при переводе публичных выступлений российских политиков на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ) и Петербургском международном юридическом форуме (ПМЮФ) 2023 и 2024 гг. Цель работы — выявление стратегий перевода эмоционально окрашенной лексики, используемой в публичных выступлениях российских политиков, а также оценка их эффективности в передаче прагматического воздействия на целевую аудиторию. В исследовании применялись следующие методы: анализ словарных дефиниций, лингвистическое описание, сравнительный анализ, контекстуальный анализ, метод сплошной выборки, метод количественного анализа. Материалом послужили аудиовизуальные записи выступлений на пленарных заседаниях ведущих российских политиков В. В. Путина и Д. А. Медведева. Результаты показали, что основной стратегией является девербализация, направленная на передачу смысла, а не формы. Также часто используются стратегии линейности, приближенного перевода и компрессии. Стратегия опущения тоже широко применяется, ведь при осуществлении устного синхронного перевода фактор времени очень важен. Наконец, были выявлены стратегии импровизации, столлинга, проб и ошибок и декомпрессии. Таким образом, переводчики склонны снижать эмоциональную окраску для соответствия политическому контексту. Сравнительный анализ выявил зависимость выбора стратегий от индивидуального риторического стиля политика. Несмотря на общую тенденцию к использованию экспрессивной лексики обоими ораторами, переводческие решения варьируются, ориентируясь на необходимость баланса между прагматической адаптацией и попытками сохранения образности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: эмоционально окрашенная лексика, стратегии перевода, устный перевод, политический дискурс, политические тексты, политические деятели, политическая риторика, публичные речи, публичные выступления, политические речи, речевые жанры, языковые средства, стратегия девербализации.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Игнатьева Валерия Игоревна, преподаватель кафедры лингвистики и перевода, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия, email: t000004315@lgumail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Игнатьева, В. И. Стратегии передачи эмоционально окрашенной лексики при переводе публичных выступлений российских политиков / В. И. Игнатьева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 192-200.

Valeriya I. Ignat'eva

Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia, t000004315@lgumail.ru, SPIN code: 1060-5957

The Strategies of Translation of Emotionally Charged Vocabulary in Public Speeches of Russian Politicians

ABSTRACT. This article explores the strategies of translation of emotionally charged vocabulary in public speeches by Russian politicians at the St. Petersburg International Economic Forum (SPIEF) and the St. Petersburg International Legal Forum (SPILF) in 2023 and 2024. The study aims to identify translation strategies of emotionally charged vocabulary used in public speeches by Russian politicians, as well as to assess their effectiveness in conveying the intended pragmatic impact on the target audience. The research employs the following methods: definitional analysis, linguistic description, contextual analysis, continuous sampling method, and quantitative analysis. The practical research material encompasses audiovisual recordings of speeches by prominent Russian politicians, including V.V. Putin and D.A. Medvedev. The findings reveal that deverbalization, which prioritizes conveying meaning over form, is the primary strategy. Other frequently used strategies include linear translation, approximate translation, and compression. The omission strategy is also widely employed, as time constraints play a crucial role in simultaneous interpreting. Additionally, strategies such as improvisation, stalling, trial and error, and decompression have been discovered. The study concludes that interpreters tend to mitigate emotional intensity to align with the political context. A comparative analysis has revealed that the choice of strategies depends on the individual rhetoric style of the politician. Despite a general tendency of both speakers to use emotionally charged vocabulary translation decisions vary, aiming to balance pragmatic adaptation with attempts to preserve imagery.

KEYWORDS: emotionally charged vocabulary, translation strategies, interpretation, political discourse, political texts, politicians, political rhetoric, public speeches, public addresses, political speeches, speech genres, language means, deverbalization strategy.

AUTHOR'S INFORMATION: Ignat'eva Valeriya Igorevna, Senior Lecturer of Department of Linguistics and Translation, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia.

FOR CITATION: Ignat'eva V. I. (2026). The Strategies of Translation of Emotionally Charged Vocabulary in Public Speeches of Russian Politicians. In *Political Linguistics*. No 2 (116), pp. 192-200. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день влияние политической сферы на функционирование общества становится все сильнее и сильнее. Ежегодно проводится большое количество мероприятий различных уровней, включая события мирового масштаба. Публичная речь имеет свои характерные черты, которые требуют тщательного изучения. Одной из этих особенностей является использование эмоционально окрашенной лексики. В условиях глобализации публичные выступления политических деятелей перестали быть достоянием только внутренней аудитории. Речи лидеров и официальных лиц мгновенно тиражируются международными СМИ и становятся предметом анализа мирового сообщества. В этом контексте качество и точность перевода становятся фактором международных отношений. Ошибка или неточность в передаче эмоционального посыла может привести к серьезным дипломатическим последствиям, недопониманию и эскалации напряженности.

Целью настоящего исследования является выявление стратегий перевода эмоционально окрашенной лексики, используемой в публичных выступлениях российских политиков, а также оценка их эффективности в передаче прагматического воздействия на целевую аудиторию.

В лингвистике категория экспрессивности имеет богатую историю и считается одним из важных направлений исследований. Эмотивную функцию языка первым выделил российский и американский ученый Р. О. Якобсон, который утверждал, что задачей эмотивной функции в речи человека является языковое выражение отношения к чему-либо говорящего с помощью использования особых лексических средств [Шерстнева 2022: 237]. Принято выделять «два уровня слов, способных передать информацию об эмоциях человека: эмотивная лексика, то есть слова с эмотивной семантикой, и лексика эмоций — слова, не выражающие эмоции, а называющие их» [Волкова 2021: 125].

И. В. Арнольд считает, что с точки зрения экспрессивности следует различать лексику эмоционально-нейтральную, то есть

выражающую только понятие, без указания отношения к нему говорящего (*дом, door*), и лексику эмоционально окрашенную, выражающую чувства, настроение и отношение говорящего к высказыванию [Арнольд 2024: 97]. Однако не все ученые придерживаются такой точки зрения. Некоторые из них считают, что «провести четкую линию различия между экспрессивной и эмоционально-окрашенной лексикой довольно сложно, ведь речь эмоциональная — это также и речь экспрессивная, но в ней отношение говорящего к обозначаемому выливается в эмоции любви, негодования, иронии» [Волкова 2021: 125]. Экспрессивная окраска в слове насаждается на его эмоционально-оценочное значение, причем у одних слов преобладает экспрессия, а у других эмоциональная окраска.

Согласно определению, взятому из стилистического энциклопедического словаря русского языка, стилистически-окрашенная лексика — это «лексические единицы (однозначные слова или отдельные значения многозначных слов), характеризующиеся способностью вызывать особое стилистическое впечатление вне контекста»¹. Эта способность обусловлена тем, что «в значении данных слов содержится не только предметно-логическая (сведения об обозначаемом предмете) информация, но и дополнительная (непредметная) коннотация» [Воронцова 2015: 11]. В свою очередь, под понятием «стилистическая коннотация» подразумевают «те дополнительные к выражению предметно-логического и грамматического значений экспрессивные или функциональные свойства (компоненты значений), которые ограничивают возможности употребления этой единицы определенными сферами и условиями общения и тем самым несут стилистическую информацию» [Кожина 2020: 67].

В данном исследовании мы будем придерживаться комплексного подхода к проблеме экспрессивности, т. е. наша задача заключается в определении типов смысловой информации, которая создает образность, эмоциональную и экспрессивную окраску значений, а также их стилистическую значимость.

Итак, под эмоционально окрашенной лексикой понимается выразительная лексика,

¹ Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Л. М. Алексеева, В. И. Аннушкин, Е. А. Баженова [и др.] ; под ред. М. Н. Кожинной. 4-е изд., стер. Москва : ФЛИНТА, 2019. 696 с. Режим доступа: по подписке. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=364142> (дата обращения: 04.02.2025).

выражающая отношение пишущего или произносящего к чему-либо, как положительное, так и отрицательное, не просто обозначая предметы или явления, но и наделяя их дополнительным смыслом, формируя определенную эмоциональную атмосферу в контексте, создавая ощущение живости и полноты передаваемого сообщения.

В настоящее время разработка классификаций эмоционально окрашенной лексики представляет большой интерес для научного сообщества. На данный момент не существует единой классификации, однако наиболее полным является распределение данного класса лексики по группам, предложенное Н. В. Зимовец. Она выделяет следующие группы:

- 1) «слова, выражающие эмоции, чувства, переживаемые самим говорящим (*вспылить, хохотать, хандрить*)»;
- 2) «слова с экспрессивно-стилистическим значением (архаизмы, сленг, просторечие, бранные слова)»;
- 3) «переносное употребление нейтральных слов, а также зоолексика в фигуральном значении (*разойтись (прийти в возбуждение), индюк (о сердитом человеке)*)»;
- 4) «слова, эмоционально характеризующие черты характера (расторопный, грешный)»;
- 5) «слова с суффиксами субъективной оценки (уменьшительности, пренебрежительности и др.) (*уменьский, домище, старуха*)»;
- 6) «совмещение слов различной стилистической окраски (*красивые очи, юная особа*)»;
- 7) «повторение слов с одинаковым или близким смысловым значением (*умная-преумная, старая-престарая*)»;
- 8) «слова иностранного происхождения, неологизмы, авторские тропы, экзотизмы, некоторые звукоподражательные слова (*очеловечивать, ловелас, донжуан, камикадзе*)»;
- 9) «нейтральные слова в сочетании с интенсификациями (*ужасно интересный, крайне осторожный*)» [Зимовец 2009: 81–82].

Еще одну классификацию представили А. А. Теплицкая и Л. Р. Закирова [Теплицкая 2023: 300]. Они разделяют эмоционально окрашенную лексику на следующие категории: **экспрессивная** лексика, **интенсивная** лексика (слова с приставками или суффиксами, например, *мега-*, *крайне*), **эвалюативная** (слова, использующиеся для выражения оценки, суждения или мнения), **идиоматическая** лексика — «слова и выражения, которые не имеют прямого значения, но используются для передачи определен-

ных эмоций, настроений или отношений. Это могут быть фразы, пословицы или крылатые выражения» [Теплицкая 2023]. К идиоматической лексике относятся и фразеологизмы.

Более того, указанные авторы считают, что «эмоционально-окрашенные слова и выражения могут иметь разные значения в разных контекстах. Переводчик должен учитывать контекст, чтобы понять, какое именно значение несет это слово или выражение в данном контексте» [Теплицкая 2023: 300–302]. Говоря про различия в культурах, стоит отметить разность в выражении чувств и эмоций. Исследователи считают, что «некоторые выражения могут быть универсальными, но другие могут иметь уникальное значение только в определенной культуре» [Теплицкая 2023: 300–302]. Переводчик должен иметь знания в сфере межкультурной коммуникации, чтобы понимать эти различия. Также у эмоционально окрашенных слов и выражений могут быть разные оттенки и нюансы, которые не всегда возможно точно передать в другом языке.

В свою очередь, политическая публичная речь является жанром публицистического стиля, для которого характерно использование как книжных, так и разговорных элементов языка. Она характеризуется рядом существенных особенностей:

- замедленный темп речи, усиленная громкость, высокая частотность прагматических и логических пауз, чередование быстрого и медленного темпа речи;
- использование эмоционально-экспрессивных средств, которые позволяют добиться четкой аргументированности, открытости, ясности и точности информации, содержащейся в политическом сообщении;
- использование политических и экономических терминов;
- предоставление оценки, комментариев, разъяснений;
- фактологическая точность;
- опора на определенную систему ценностей [Ухвачев 2015: 1046].

Таким образом, задача переводчика заключается в том, чтобы не только передать основную когнитивную информацию, но и корректно отразить тон, регистр и стилистические особенности выступления.

Несмотря на популярность использования понятия «переводческая стратегия», в современном языкознании еще не существует его общепринятого определения.

О. В. Кафискина в своей статье под стратегией перевода понимает «сложное многокомпонентное понятие, в центре которого — целенаправленное когнитивное по-

ведение переводчика, направленное на решение коммуникативной задачи перевода; также в содержание понятия стратегии перевода входят такие неотъемлемые компоненты, как определенный набор методов, техник и приемов перевода, необходимых для достижения репрезентативности перевода» [Кафискина 2017: 13].

Поскольку в данном исследовании делается упор на синхронный перевод, мы будем рассматривать термин «стратегия перевода» с точки зрения устного перевода. Исследованию стратегий в синхронном переводе и созданию их классификации посвящена диссертация В. М. Илюхина. Согласно ему, стратегия в синхронном переводе — «метод выполнения переводческой задачи, заключающийся в адекватной передаче с исходного языка (ИЯ) на переводящий (ПЯ) коммуникативной интенции отправителя с учетом культурологических и личностных особенностей оратора»¹. «Все стратегии синхронного перевода подразделяются на две категории: 1) стратегии, связанные с фактором времени (проб и ошибок, ожидания, столпинга, линейности и вероятностного прогнозирования); 2) стратегии, обусловленные статическими факторами (стратегия знакового перевода, стратегия компрессии и декомпрессии)»².

Стоит рассмотреть еще одну точку зрения. Китайский ученый из Сианьского университета иностранных языков Ли Сяндун к наиболее изучаемым стратегиям устного перевода относит *прогнозирование*, *компрессию* (compression), *опущение* (omission), *сегментацию* (segmentation), *добавление* (addition), *ожидание* (anticipation), *приближенный перевод* (approximation) [Li 2015: 173–174]. Отметим, что приближенный перевод в российской традиции чаще всего ассоциируется с передачей безэквивалентной лексики.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Материалом для исследования послужили аудиовизуальные записи синхронного перевода публичных выступлений (пленарных заседаний) Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ) и Петербургского международного юридического форума (ПМЮФ) за 2023 и 2024 гг. Фокус настоящего исследования был направлен на выступления президента Российской Федерации В. В. Путина и заместителя председателя Совета безопасности России Д. А. Медведева, что обусловлено их ключевой ролью

в данных мероприятиях и высокой значимостью транслируемых ими смыслов для международной аудитории. Отбор материала проводился путем выборки по критериям: статус оратора (высшее должностное лицо), жанр (публичное выступление на пленарном заседании), наличие записи синхронного перевода на английский язык.

В рамках данного исследования была разработана авторская методика, включающая в себя три последовательных этапа: этап идентификации (просмотр записей и выявление всех случаев использования эмоционально окрашенной лексики в оригинальных выступлениях ораторов), этап контекстуально-сопоставительного анализа (анализ выявленных единиц с точки зрения их перевода на английский язык), этап систематизации и интерпретации (классификация переводческих решений и стратегий, лежащих в их основе).

Для реализации данной методики были использованы следующие методы: анализ словарных дефиниций, лингвистическое описание, контекстуальный анализ, сравнительный анализ, метод сплошной выборки, метод количественного анализа.

Научная новизна исследования заключается в том, что эмпирически был доказан тезис о снижении эмоциональной окраски как о сознательной стратегии, нацеленной не на лингвистическую точность, а на сохранение ясности и соответствия информации ожиданиям международной аудитории, что переопределяет понятие «эффективности» в данном жанре.

Петербургский международный экономический и юридический форумы (ПМЭФ и ПМЮФ соответственно) — это уникальные события в мире экономики, бизнеса и юриспруденции. Мероприятия проводятся ежегодно в городе Санкт-Петербург при участии высших государственных лиц. На форумах присутствуют представители других стран и народов, поэтому на данных мероприятиях работают специалисты в области перевода. За основу данной работы берутся аудиовизуальные записи пленарных заседаний, анализируются выступления президента РФ В. В. Путина и заместителя председателя Совета безопасности РФ Д. А. Медведева.

Всего было выявлено 52 случая использования эмоционально окрашенной лексики. В результате подробного анализа нам удалось определить следующие стратегии перевода данной группы лексики: стратегия

¹ Илюхин В. М. Стратегии в синхронном переводе (на материале англо-русской и русско-английской комбинации перевода) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. М., 2002. С. 5.

² Илюхин В. М. Указ. соч. С. 5–21.

девербализации, сохранения линейности, приближенного перевода, импровизации, опущения, компрессии, декомпрессии, столпинга и стратегия проб и ошибок.

Стратегия девербализации предполагает полное отвлечение от языковой структуры исходного текста, когда делается основной акцент на передаче его смысла. В данном случае перевод направлен не на дословное воспроизведение лексики или грамматики, а на точную интерпретацию общей идеи высказывания. В нашем исследовании стратегия девербализации является наиболее часто используемой, так как переводчику важно понять именно смысл эмоционально окрашенных слов, а не просто перевести эти языковые единицы. В результате работы над эмпирическим материалом было выявлено, что чаще всего эта стратегия применяется для перевода безэквивалентной лексики. В рамках данной стратегии материал исследования подразделяется на три группы.

1. Перевод фразеологизмов и устойчивых выражений

Проведенный анализ показал, что фразеологизмы активно используются политиками в публичных выступлениях. Рассмотрим следующее высказывание В. В. Путина.

Дело в том, что и другие страны не стоят на месте. Индонезия наступает на пятки всем. — *'The thing is the other countries are also moving up quickly. Indonesia is getting very close to us'* (В. В. Путин, ПМЭФ-2024).

В данном примере можно выделить два случая использования эмоционально окрашенной лексики. Во-первых, стоит обратить внимание на устойчивое словосочетание «не стоять на месте». Это выражение имеет неодобрительный оттенок¹. Переносное значение этой лексической единицы — «постоянно развиваться, совершенствоваться». Во время синхронного перевода переводчик использовал фразовый глагол 'to move up', который, согласно Cambridge Dictionary, означает 'to increase in value, number, or amount'². Помимо этого, переводчик сохраняет эмоциональный компонент, используя наречие 'quickly', которое добавляет динамики, что делает фразу более выразительной в английском варианте. Однако в английском языке существует аналог 'to stand still', который является частью идиомы 'time stands still' — время

остановилось. Таким образом, перевод характеризуется отказом от пословного соответствия в пользу передачи основного содержания.

Еще одним примером эмоционально окрашенной лексики в этом высказывании является фразеологизм «наступать на пятки» (разг., экспрес.), который означает «преследовать кого-либо, догонять, настигать»³. В английском языке существует идиома 'to snap at someone's heels', которая полностью отражает смысл русского фразеологизма и содержит эмоциональный компонент. Переводчик же воспользовался описательным переводом — '...is getting very close to us'.

Также приведем пример высказывания Д. А. Медведева:

Но особенности поведения некоторых из этих партнеров на будущее, безусловно, для себя учтем и во главу угла, конечно, всегда будем ставить интересы нашего отечественного бизнеса. — *'But the peculiarities of conduct of some of these partners, this is something we are going to keep in mind in future and, of course, we are going to priorities the interest of Russian business'* (Д. А. Медведев, ПМЮФ-2024).

В приведенном примере во время своего доклада относительно ситуации в стране Д. А. Медведев использовал фразеологизм «ставить во главу угла», что значит «признавать что-либо главным, особенно важным». В английском языке не существует эквивалента данной фразеологической единицы, чаще всего используются такие варианты, как 'regard as a paramount importance', 'put at the forefront', 'prioritize'. Таким образом, переводчик верно понял смысл высказывания и выбрал правильную стратегию передачи русского фразеологизма, однако образность выражения была утрачена.

Таким образом, в результате использования стратегии девербализации происходит нейтрализация эмоциональной составляющей оригинала, что, в свою очередь, обедняет коммуникативное воздействие на реципиента.

2. Перевод эвфемизмов/дисфемизмов

Известно, что в ходе любого разговора, в том числе и на мероприятиях высшего уровня, люди могут употреблять стилистически сниженные или, наоборот, заменяющие их лексические единицы. Выступления на ПМЭФ и ПМЮФ 2023 и 2024 гг. не являются исклю-

¹ Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка : около 13000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. М. : АСТ : Астрель, 2008. 878 с.

² Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (date of access: 10.12.2024).

³ Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка : около 13000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. М. : АСТ : Астрель, 2008. 878 с.

чением. Обратимся к нижеследующему примеру.

Вашингтон и его подпевалы критикуют нас за якобы нарушения суверенитета и территориальной целостности Украины. — 'Washington and its **supporters** criticize us for allegedly violating the sovereignty and territorial integrity of Ukraine' (В. В. Путин, ПМЭФ-2023).

Основное применение стратегии девербализации заключается в невозможности прямого перевода, но сохранении смысла. В данном случае оратор использует эмоционально окрашенную лексику «подпевалы», чтобы показать свое негативное отношение к действиям США и их союзников. Согласно толковому словарю С. И. Ожегова, переносное значение глагола «подпевать» — «соглашаться с кем-либо из желания угодить, польстить, выслужиться»¹. То есть в русском языке «подпевала» имеет ярко негативное значение. В английском языке существительное 'supporter' имеет два значения. Во-первых, оно является синонимом слова 'fan', то есть обладает положительной коннотацией. Во-вторых, 'supporter' — someone who supports a particular idea, group or person', относится к нейтральной лексике². Таким образом, для снижения эмоциональной напряженности и соблюдения политического нейтралитета переводчик заменил экспрессивно маркированную единицу, обладающую негативной коннотацией, на нейтральную лексику, но при этом сохранив первоначальный смысл.

3. Перевод частиц

В русском речевом узусе наблюдается устойчивая тенденция к использованию частиц и междометий религиозной тематики для реализации эмотивно-усилительной функции. Рассмотрим следующий пример.

Но кто-то если хочет жить в другом месте — ради Бога! — 'Well, some of them still remain abroad, well, **it is entirely up to them**' (В. В. Путин, ПМЭФ-2024).

В данном примере частица «ради Бога», которая, согласно Русскому орфографическому словарю, означает «делай как хочешь, я несколько не возражаю»³, была заменена на нейтральное выражение — 'it is entirely up to them'. В этом примере была утрачена религиозная коннотация, эмоциональная экспрессивность и разговорная стилистика, однако сохранена базовая семантика выраже-

ния. Здесь наблюдается дипломатическая нейтральность, т. е. избегание религиозных и эмоциональных маркеров.

Таким образом, данная стратегия оказалась преобладающим способом передачи эмоционально окрашенной лексики в корпусе исследования, что подтверждается 21 выявленным случаем ее применения (40,4 % от общего числа).

Следующей по частоте использования является **стратегия линейности**. Она применяется для рационализации и упрощения языковой структуры. Суть стратегии линейности заключается в осуществлении перевода с первых слов оратора. В нашем исследовании было выделено 7 случаев использования этой стратегии. Рассмотрим следующий пример.

В этой связи отмечу, что в прошлом году доля расчетов за российский экспорт в токсичных валютах недружественных государств сократилась вдвое. — 'I'd like to highlight that in the last year the payments for russian export in the **so-called "toxic" currencies** of non-friendly states have been halved' (В. В. Путин, ПМЭФ-2024).

В приведенном примере можно проследить, как используется стратегия линейности. Переводчик сохраняет синтаксическую структуру оригинала, что помогает разгрузить оперативную память. В этом примере эмоционально окрашенной лексической единицей является метафора «токсичные» валюты. Это словосочетание является метафорой, потому что в данном случае свойства токсичных веществ переносятся на валюты, что создает образ опасности для экономики. В этом примере, на наш взгляд, синхронист при переводе сохранил все ключевые моменты речи оратора, а именно метафору и официальный стиль.

Еще одной часто используемой стратегией является **стратегия приближенного перевода**. При использовании данной стратегии переводчик подбирает близкий по значению термин или синоним, когда не может подобрать идеальный эквивалент для сегмента исходного текста.

Но вообще, в принципе, Вы известны стране — и не только как экономист, а как политолог, причем яркий и на некоторых направлениях мысли достаточно энергично-агрессивный. — 'You are well-known in our country not only as an economist but also as a

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М. : Азъ, 1994. 907 с.

² Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (date of access: 10.12.2024).

³ Лопатин В. В., Иванова О. Е. Русский орфографический словарь: около 200000 слов. — 4-е изд., испр. и доп. М. : АСТ-Пресс Книга, 2013. 896 с.

political scientist, very outstanding person and in certain dimensions of a thought rather robust in your ways of thinking (В. В. Путин, ПМЭФ-2024).

В данном примере мы видим окказионализм, придуманный В. В. Путиным во время дискуссии на пленарном заседании ПМЭФ-2024. Смеем предположить, что данное выражение описывает яркого, незаурядного человека, который обладает собственным мнением, умеет отстаивать свои границы. Этот окказионализм сочетает в себе как положительную коннотацию (энергичный = полон энергии), так и слегка негативный оттенок (агрессивный = настроенный на конфликт). Синхронист подобрал вполне удачный перевод 'robust', что, согласно Cambridge Dictionary, означает 'strong and unlikely to break or fail'. Также добавление *in your ways of thinking* переносит акцент с поведения на образ мышления, тем самым сохраняя лицо собеседника. Можно предложить следующие варианты перевода этой лексемы: 'assertive' (someone who is assertive behaves confidently and is not frightened to say what they want or believe) и 'vigorous' (very forceful or energetic). Таким образом, переводчик попытался подобрать подходящий эквивалент, и ему, на наш взгляд, это удалось.

Рассмотрим пример из речи Д. А. Медведева.

*Фактически, страны Европы разрушают всю его [мирового права] архитектуру, которая была **выстрадана в огне мировых войн**.* — 'Actually, all these actions damage the structure of international law that **appeared through wars and conflicts**' (Д. А. Медведев, ПМЮФ-2024).

В этом примере образное выражение «выстрадана в огне мировых войн» показывает, какой ценой удалось создать мировое право. Глагол «выстрадать» означает «пережить, перенести много страданий, горя» или «достичь, претерпев страдания, муки». Образ огня символизирует разрушение, а словосочетание «мировые войны» акцентирует внимание на масштабе трагедии. Так оратор показывает свое отношение к странам, которые разрушают архитектуру права, оплаченную кровавой ценой. На английский язык это выражение было переведено нейтрально — «которая появилась во время войн и конфликтов», то есть эмоциональный компонент слова «выстрадать» был полностью опущен.

Стратегия импровизации — это творческий подход, при котором переводчик оперативно подбирает оптимальные языковые средства, чтобы точно передать смысл, интенцию и стилистику говорящего в условиях

дефицита времени. Главным маркером этой стратегии является спонтанность. В настоящем исследовании было выявлено три примера использования этой стратегии. Обратимся к одному из них:

*Мы в 90-е годы не просто **растранили** этот потенциал, мы его **уничтожили**.* — 'In the nineties we simply **didn't spend away we destroyed** all of that capacity' (В. В. Путин, ПМЭФ-2024).

Обратим внимание на глагол «растранили». Согласно Большому толковому словарю, разговорное слово «*растранили*» означает «легкомысленно, без толку истратить, израсходовать» [Кузнецов 2000]. Оно обладает отрицательной коннотацией. В переводе же произошел интересный момент. Синхронист использовал сочетание 'to spend away'. Однако в современном английском языке не существует такого фразового глагола. 'To spend away' может переводиться как «*проводить время вдали*», так как глагол 'to spend' имеет два значения — «тратить» и «проводить» (например, время). Смеем предположить, что переводчик попытался перевести экспромтом эту языковую единицу, вспомнив, что в английском языке 'away' чаще всего обозначает «движение куда-то прочь» ('to go away') или исчезновение ('to fade away'). В нашем случае переводчик создал этот нестандартный глагольный оборот по аналогии с известными ему сочетаниями, добавив слово 'simply' для передачи пренебрежительного оттенка. 'To spend away' в данном контексте может переводиться как «растратили» или «промотали», передавая оттенок полной потери. Таким образом, переводчик компенсировал незнание эквивалента и при этом сохранил разговорный стиль речи.

Стратегия компрессии зачастую применяется совместно с другими стратегиями. В данной работе было выявлено лишь два случая ее применения.

*Двойные стандарты в этом вопросе **цветут махровым цветом**.* — 'Double standards **are still there**' (Д. А. Медведев, ПМЮФ-2023).

В этом примере мы можем увидеть, как сочетаются **стратегии девербализации и компрессии**. Фразеологизм «цвети махровым цветом» имеет ярко негативное значение. Так говорят о чем-то, что совсем не нравится, но распространяется в высокой степени. Стратегия девербализации проявляется в сохранении смысла и потере эмоциональной окраски, в то время как благодаря стратегии компрессии предложение выглядит лаконичным и простым для понимания.

ВЫВОДЫ

Сравнительный аспект исследования, проведенного на материале выступлений В. В. Путина и Д. А. Медведева, позволил выявить, что выбор переводческих стратегий детерминирован не только условиями синхронного перевода, но и эмоциональным регистром конкретного политика. Установлено, что в современных реалиях оба политика придерживаются довольно прямой и иногда саркастической линии риторики. Эмоции эксплицитны и локализованы в конкретных лексических единицах (фразеологизмах, метафорах, эпитетах). Для импровизационной и эмоционально-экспрессивной речи характерен выбор стратегий девербализации, опущения и компрессии, однако в некоторых случаях переводчикам все же удалось сохранить образность посредством стратегий импровизации и линейности.

В результате анализа было выявлено, что стратегия девербализации является преобладающей (примерно 40,4 % от общего числа примеров). Ее суть заключается в передаче основного смысла, а не формы слова. В переводе эта стратегия чаще всего может отражаться в потере эмоционально окрашенного фона. Следующими по частоте использования являются стратегии сохранения линейности (13,5 %) и приближенного перевода (13,5 %). Перевод эмоционально окрашенной лексики посредством стратегии сохранения линейности характеризуется буквальностью с понижением или сохранением эмоциональности. Стратегия приближенного перевода заключается в подборе подходящих эквивалентов для исходных лексем в контексте. Стратегия опущения (11,5 %) также широко применяется, ведь при осуществлении устного синхронного перевода фактор времени очень важен. Также были выделены стратегии импровизации (5,8 %), столлинга (5,8 %), проб и ошибок (1,9 %), компрессии (3,8 %) и декомпрессии (3,8 %).

На сегодняшний день профессиональные переводчики при осуществлении перевода речей ведущих политических деятелей России придерживаются тенденции снижать уровень эмоциональности, чтобы соответствовать политической обстановке, где важную роль играет ясность, а не сохранение образности.

Результаты проведенного исследования конкретизируют и расширяют понимание переводческих стратегий передачи эмоционально окрашенной лексики применительно к синхронному переводу политических выступлений, доказывая, что девербализация является системообразующим приемом в данном жанре.

ИСТОЧНИКИ

1. Выступление Владимира Путина на ПМЭФ 2024. Видео и текстовая расшифровка 1tv.ru. — 2024. — URL: <https://www.1tv.ru/sobytiya/pmef-2024/vystuplenie-vladimira-putina/vystuplenie-prezidenta-rossii-vladimira-putina-na-pmef-2024> (дата обращения: 15.02.2025).
2. Выступление Владимира Путина на ПМЭФ 2023. Видео и текстовая расшифровка 1tv.ru — 2023. URL: <https://www.1tv.ru/sobytiya/pmef-2023/vystuplenie-vladimira-putina/vystuplenie-vladimira-putina-na-pmef-2023-video-i-tekstovaya-rasshifrovka> (дата обращения: 12.10.2024).
3. XI Петербургский международный юридический форум // Roscongress.org. — 2023. — URL: <https://legalforum.info/archive/2023/> (дата обращения: 01.11.2024).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка : учебное пособие : / И. В. Арнольд. — 5-е изд., стер. — Москва : ФЛИНТА, 2024. — 376 с. — ISBN 978-5-9765-1041-8.
2. Барина, А. Ю. Лингвистические параметры эмоционально-окрашенной лексики русского политического дискурса / А. Ю. Барина, Е. В. Савина // *Говор: альманах*. — 2023. — № 5. — С. 48–50. — DOI 10.48612/govor/eu53-hegv-vz4d. — EDN UFNHCP.
3. Волкова, А. Е. Эмоционально окрашенная лексика: понятие, виды и классификация / А. Е. Волкова // *Молодой ученый*. — 2021. — № 16(358). — С. 125–127. — EDN IUNLWW.
4. Воронцова, Ю. А. Отражение эмоциональной лексики в переводе / Ю. А. Воронцова // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. — 2015. — № 8-2. — С. 11–14. — EDN UGRHLN.
5. Гарбовский, Н. К. Теория перевода : учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Лингвистика и межкультур. коммуникация» / Н. К. Гарбовский. — Москва : Изд-во Моск. ун-та (МГУ), 2004. — ISBN 5-211-04802-4. — EDN QQVIAN.
6. Дмитриева, Д. Д. Понятие категорий эмоциональности, экспрессивности и оценочности в коммуникативной лингвистике / Д. Д. Дмитриева // *Региональный вестник*. — 2018. — № 6 (15). — С. 27–29. — EDN VQWFVE.
7. Зимовец, Н. В. К вопросу о классификациях эмоционально-экспрессивных лексических единиц в лингвистике / Н. В. Зимовец // *Система ценностей современного общества*. — 2009. — № 6. — С. 77–82. — EDN RUCVVD.
8. Кафискина, О. В. Стратегия перевода как термин переводоведения / О. В. Кафискина // *Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода*. — 2017. — № 1. — С. 4–19. — EDN YQPSXX.
9. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка : учебник / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. — 8-е изд., стер. — Москва : ФЛИНТА, 2025. — 464 с. — ISBN 978-5-9765-0256-7.
10. Силина, А. С. Эмоционально окрашенная лексика в предвыборном дискурсе: проблемы перевода / А. С. Силина, И. А. Ушанова // *Ученые записки Новгородского государственного университета*. — 2018. — № 6(18). — С. 38. — EDN YUNZIT.
11. Теплицкая, А. А. Эмоционально-окрашенная лексика в оригинале и переводе (на материале публичных выступлений) / А. А. Теплицкая // *Научный потенциал — 2023 : сборник статей Междунар. науч.-практ. конф. (Петрозаводск, 29 мая 2023 г.)*. — Петрозаводск : Новая наука, 2023. — С. 298–304. — EDN QVPDHz.
12. Ухвачев, Г. И. Некоторые особенности политической речи / Г. И. Ухвачев, М. В. Куимова // *Молодой ученый*. — 2015. — № 10 (90). — С. 1046–1047. — EDN TWAQFH.
13. Шаховский, В. И. Эмоции в коммуникативной лингвистике / В. И. Шаховский // *Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство : сборник в честь Е. С. Кубряковой / Институт языкознания РАН*. — Москва : Языки славянских культур, 2009. — С. 671–683. — EDN TSYORR.
14. Шерстнева, Е. В. Использование эмоционально-окрашенной лексики в публичной речи (на основе выступлений TED-Talks) / Е. В. Шерстнева // *Magistri et discipuli. Наследие и современность в студенческих исследовательских работах по англистике и американистике* / науч. ред. К. М. Баранова,

О. Г. Чупрына, сост., отв. ред. М. Н. Николаева. — Москва : Языки народов мира, 2022. — С. 236–242. — EDN LDEIXK.

15. Эмоциональный язык в политическом дискурсе: оценочный подход к анализу речевого воздействия / Д. Е. Смирнова, А. В. Марков, Е. В. Шемаева, Л. Н. Мирошниченко // Филология: научные исследования. — 2025. — № 10. — С. 445–454. — DOI 10.7256/2454-0749.2025.10.76310. — EDN CVUJQA.

16. Li, X. Putting interpreting strategies in their place: Justifications for teaching strategies in interpreter training / Xiangdong Li // Babel. — 2015. — № 61 (2). — P. 170–192. — DOI 10.1075/babel.61.2.02li.

MATERIALS

1. 1tv.ru (2024). Vystupleniye Vladimira Putina na PMEF 2024. Video i tekstovaya rasshifrovka = Vladimir Putin's speech at the 2024 St. Petersburg International Economic Forum. Video and transcript. Available at Feb. 15, 2025 from <https://www.1tv.ru/sobytiya/pmf-2024/vystuplenie-vladimira-putina/vystuplenie-prezidenta-rossii-vladimira-putina-na-pmf-2024>.

2. 1tv.ru (2023). Vystupleniye Vladimira Putina na PMEF 2023. Video i tekstovaya rasshifrovka = Vladimir Putin's speech at the 2023 St. Petersburg International Economic Forum. Video and transcript. Available at Oct. 12, 2024 from <https://www.1tv.ru/sobytiya/pmf-2023/vystuplenie-vladimira-putina/vystuplenie-vladimira-putina-na-pmf-2023-video-i-tekstovaya-rasshifrovka>.

3. Roscongress.org (2023). XI Peterburgskiy mezhdunarodnyy yuridicheskii forum = XI St. Petersburg International Legal Forum. Available at Nov. 1, 2024 from <https://legalforum.info/archive/2023/>.

REFERENCES

1. Arnol'd, I. V. (2024). Leksikologiya sovremennogo angliyskogo yazyka = Lexicology of the Modern English Language. A study guide. 5th ed., ster. Moscow: FLINTA, 376 p. ISBN 978-5-9765-1041-8.

2. Barinova, A. Yu., Savina, E. V. (2023). Lingvisticheskie parametry ehmtsional'no-okrashennoy leksiki russkogo politicheskogo diskursa = Linguistic parameters of emotionally charged vocabulary of Russian political discourse. *Govor. Almanac*, 5, 48–50. DOI 10.48612/govor/eu53-hegy-vz4d. EDN UFHECP.

3. Volkova, A. E. (2021). Ehmtsional'no okrashennaya leksika: ponyatie, vidy i klassifikatsiya = Emotionally charged vocabulary: concept, types and classification. *Young scientist*, 16 (358), 125–127. EDN IUNLWW.

4. Vorontsova, Yu. A. (2015). Otrazhenie ehmtsional'noy leksiki v perevode = Reflection of Emotional Vocabulary in Translation. *Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences*, 8-2, 11–14. EDN UGRHLN.

5. Garbovskiy, N. K. (2004). Teoriya perevoda = Translation Theory. A textbook for university students. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta (MGU). ISBN 5-211-04802-4. EDN QQVIAN.

6. Dmitrieva, D. D. (2018). Ponyatie kategoriy ehmtsional'nosti, ehkspressivnosti i otsenochnosti v kommunikativnoy ling-

vistike = The Concept of the Categories of Emotionality, Expressiveness, and Evaluation in Communicative Linguistics. *Regional Bulletin*, 6(15), 27–29. EDN VQWFVE.

7. Zimovets, N. V. (2009). K voprosu o klassifikatsiyakh ehmtsional'no-ehkspressivnykh leksicheskikh edinits v lingvistike = On the Classification of Emotional-Expressive Lexical Units in Linguistics. *The System of Values of Modern Society*, 6, 77–82. EDN RUCVVD.

8. Kafiskina, O. V. (2017). Strategiya perevoda kak termin perevodovedeniya = Translation Strategy as a Term in Translation Studies. *Bulletin of Moscow University. Series 22: Translation Theory*, 1, 4–19. EDN YQPSXX.

9. Kozhina, M. N., Duskaeva, L. R., Salimovskiy, V. A. (2025). Stilistika russkogo yazyka = Stylistics of the Russian language. A textbook. 8th ed., ster. Moscow: FLINTA, 464 p. ISBN 978-5-9765-0256-7.

10. Silina, A. S., Ushanova, I. A. (2018). Ehmtsional'no okrashennaya leksika v predvybornom diskurse: problemy perevoda = Emotionally charged vocabulary in pre-election discourse: translation problems. *Scientific Notes of Novgorod State University*, 6(18), 38. EDN YUNZIT.

11. Teplitskaya, A. A. (2023). Ehmtsional'no-okrashennaya leksika v originale i perevode (na materiale publichnykh vystupleniy) = Emotionally colored vocabulary in the original and in translation (based on public speeches). *Scientific potential – 2023. Collection of articles from the International scientific and practical conference (Petrozavodsk, May 29, 2023)*, 298–304. Petrozavodsk: Novaya nauka. EDN QVPDZH.

12. Ukhvachev, G. I., Kuimova, M. V. (2015). Nekotorye osobennosti politicheskoy rechi = Some features of political speech. *Young scientist*, 10(90), 1046–1047. EDN TWAQFH.

13. Shakhovskiy, V. I. (2009). Ehmtsii v kommunikativnoy lingvistike = Emotions in Communicative Linguistics. *Horizons of Modern Linguistics: Traditions and Innovations. A Collection in Honor of E. S. Kubryakova*, 671–683. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. EDN TSYORR.

14. Sherstneva, E. V. (2022). Ispolzovanie ehmtsional'no-okrashennoy leksiki v publichnoy rechi (na osnove vystupleniy TED-Talks) = The Use of Emotionally Charged Vocabulary in Public Speech (Based on TED Talks). *Magistri et discipuli. Heritage and Modernity in Student Research Papers on English and American Studies (scientific rds. K. M. Baranova, O. G. Chupryna, comp., resp. ed. M. N. Nikolaeva)*, 236–242. Moscow: Yazyki narodov mira. EDN LDEIXK.

15. Smirnova, D. E., Markov, A. V., Shemaeva, E. V., Miroshnichenko, L. N. (2025). Ehmtsional'nyy yazyk v politicheskom diskurse: otsenochnyy podkhod k analizu rechevogo vozdeystviya = Emotional Language in Political Discourse: An Evaluative Approach to the Analysis of Speech Impact. *Philology: Scientific Researches*, 10, 445–454. DOI 10.7256/2454-0749.2025.10.76310. EDN CVUJQA.

Политическая лингвистика. 2026. № 2 (116).
Political Linguistics. 2026. No 2 (116).

УДК 811.581'42+811.581'38+81'27
ББК Ш171.1-51+Ш171.1-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Мария Юрьевна Илюшкина^{1✉}, Елизавета Валерьевна Полевая²

^{1,2} Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

¹ ilyushkina_maria@mail.ru ✉, SPIN-код: 7481-9841, <https://orcid.org/0000-0003-4612-3025>

² <https://orcid.org/0009-0008-5069-4158>

Концептуальные метафоры российско-китайских отношений в политическом дискурсе Си Цзиньпина

АННОТАЦИЯ. Стратегическое взаимодействие и всеобъемлющее партнерство между Китайской Народной Республикой (КНР) и Российской Федерацией (РФ) свидетельствует о том, что страны переживают наилучший период в истории своих взаимоотношений. Механизмы формирования образов двух стран транслируются через дипломатические заявления и встречи, что позволяет выявить отдельные тропы, используемые политиками для передачи информации. Для политического дискурса интерес представляют метафоры, которые употребляет лидером КНР Си Цзиньпином, а их изучение позволяет выявить ключевые идеологические установки и приоритеты китайского руководства. Актуальность данного исследования заключается в расширении представлений о механизмах конструирования дискурса и роли медиа в формировании общественного мнения в условиях глобальной информационной среды. Материалом исследования в рамках данной статьи является дипломатический дискурс председателя КНР Си Цзиньпина, адресованный РФ на основе 25 текстов и видеоматериалов общей продолжительностью просмотра 24 минуты за период 2023–2025 гг. Целью работы является анализ формируемого образа России и российско-китайских отношений в рамках речей политического лидера на базе китайязычных медиа. В фокусе внимания находится роль государственных СМИ Китая в конструировании нарративов о России. В рамках данного исследования применяются методы контент-анализа, анализа тональности и дискурс-анализа с целью выявления доминирующих фреймов, используемых для описания РФ китайским президентом. Результаты проведенного исследования показывают, что в настоящее время в китайском медийном пространстве происходит активное формирование сугубо позитивного образа России, а сама Россия рассматривается как незаменимый стратегический партнер.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политические тексты, политические деятели, китайские политики, политическая риторика, политические речи, языковая личность, лингвоперсонология, российско-китайские отношения, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, концептуальные метафоры, Си Цзиньпин, языковые средства, фреймо-слововая система, образ России.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Илюшкина Мария Юрьевна, корреспондирующий автор, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, email: ilyushkina_maria@mail.ru.

Полевая Елизавета Валерьевна, студентка, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Илюшкина, М. Ю. Концептуальные метафоры российско-китайских отношений в политическом дискурсе Си Цзиньпина / М. Ю. Илюшкина, Е. В. Полевая. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 201-205.

Mariya Yu. Ilyushkina^{1✉}, E. B. Polevaya²

^{1,2} Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

¹ ilyushkina_maria@mail.ru ✉, SPIN code: 7481-9841, <https://orcid.org/0000-0003-4612-3025>

² <https://orcid.org/0009-0008-5069-4158>

Conceptual Metaphors of Russian-Chinese Relations in Xi Jinping's Political Discourse

ABSTRACT. The strategic interaction and comprehensive partnership between the People's Republic of China (PRC) and the Russian Federation (RF) indicates that the countries are experiencing the best period in the history of their relations. The mechanisms for shaping the images of the two countries are conveyed through diplomatic statements and meetings, which makes it possible to identify specific tropes used by politicians to pass information. In political discourse, the metaphors employed by the PRC leader Xi Jinping are of a particular interest as they reveal the key ideological stances and priorities of the Chinese leadership. The relevance of this study lies in expanding our understanding of discourse construction mechanisms and the role of media in shaping public opinion within the global information environment. The practical research material for this article covers the diplomatic discourse of the PRC President Xi Jinping addressed to the RF, based on 25 texts and video materials within the period 2023-2025, with a total viewing duration of 24 minutes. The aim of the work is to analyze the constructed image of Russia and Russian-Chinese relations as presented in the speeches of the political leader, drawing on Chinese-language media. The focus is on the role of China's state media in constructing narratives

about Russia. The study employs the methods of content analysis, sentiment analysis and discourse analysis to single out the dominant frames used by the Chinese president to describe the RF. The results of the study show that currently, an overwhelmingly positive image of Russia is being actively constructed in the Chinese media space – with Russia being viewed as an indispensable strategic partner.

KEYWORDS: *political discourse, political texts, politicians, Chinese politicians, political rhetoric, political speeches, linguistic personality, linguopersonology, Russian-Chinese relations, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, conceptual metaphors, Xi Jinping, language means, frame-slot system, image of Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Ilyushkina Mariya Yur'evna, Corresponding Author, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of Linguistics and Professional Communication in Foreign Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

Polevaya Elizaveta Valerievna, student, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: *Ilyushkina M. Yu., Polevaya E. B. (2026). Conceptual Metaphors of Russian-Chinese Relations in Xi Jinping's Political Discourse. In Political Linguistics. No 2 (116), pp. 201-205. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

В современной политике язык превратился в стратегический ресурс. Публичные выступления стали инструментом политических лидеров для донесения информации и построения картины мира для внутренней и международной аудитории. Особый интерес представляет на данный момент риторика лидеров Китая, которая является инструментом мягкой силы и формированием нарратива для всего мира. Джозеф Най описывает мягкую силу как «способность привлекать и убеждать» [Nye 2004: 9–10] — и в контексте внешней политики КНР это проявляется через целенаправленное конструирование дискурса. В данном процессе ключевую роль играет метафора: посредством нее формируется заданная интерпретация слов политических деятелей. Согласно теории концептуального метафорического переноса Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона, она не просто украшает речь, но и структурирует мышление [Lakoff and Johnsen 2003: 54]. Это позволяет рассматривать ее как смыслопорождающий ментальный процесс, участвующий в образовании концептуальных фреймов¹. В фокусе исследования находится дискурс председателя КНР Си Цзиньпина, направленный на взаимоотношения Китая и Российской Федерации в период 2023–2025 гг., как представляющий собой пример надежного выстраивания стратегического партнерства.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Основная цель политической лингвистики — исследование многообразных взаимоотношений между языком, мышлением, коммуникацией, субъектами политической деятельности и политическим состоянием общества, что создает условия для выработки оптимальных стратегий и тактик политической деятельно-

сти. В этом процессе ключевую роль играет концептуальная метафора. Как отмечает Джордж Лакофф, метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, определяя не только язык, но и наше мышление и действия [Lakoff, Johnson 1980: 453]. Можно полагать, что провозглашенный в такой форме когнитивный поворот задал новую парадигму для политической лингвистики. Современный анализ политического дискурса немыслим без понимания концептуального механизма метафоры, которая служит основным средством структурирования политической реальности. В политической лингвистике метафора может рассматриваться как активный когнитивный инструмент, который позволяет транслировать идеологические установки и формировать стратегические образы. Таким образом, метафора становится ключевым инструментом познания и концептуализации, позволяющим осмыслить абстрактные феномены через призму повседневного опыта [Lakoff, Johnson 2003: 4–7].

Для определения параметров исследования когнитивные лингвисты по предложению М. Минского [Минский 1979: 8–9] вводят аппарат фреймо-слотового анализа. Понятие «фрейм» как структуры знания о стереотипной ситуации, разработанное Марвином Минским, является ключевым инструментом для декомпозиции метафоры. В рамках данного подхода метафора представляет собой проекцию фрейма-источника с его слотами и сценариями. Детальную методологию анализа такого переноса в политическом языке разработал А. П. Чудинов. Он подчеркивает, что для описания метафорической модели необходимо исследовать сферу-источник и сферу-мишень, ведущие фреймы, слоты и сценарии, степень частотности и развернутости и прагматический потенциал модели [Чудинов 2006: 130–135]. Этот подход позволяет перейти от интуитивных наблюде-

¹ Филатов К. С. Метафора как способ развертывания журналистского текста : 10.01.10 : дис. ... канд. филол. наук / Филатов Кирилл Сергеевич. СПб., 2015. 153 с.

ний к системному выявлению того, как языковые средства формируют политическую картину мира.

Совокупность теории Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона и фреймо-слотовая методология А. П. Чудинова создают надежную теоретико-методологическую базу для анализа. Она позволяет исследовать дискурс председателя КНР Си Цзиньпина как систему концептуальных проекций. Задачей исследования является выделение устойчивых фреймов, которые используются для описания отношений между РФ и КНР.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ И ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Среди ключевых политических фигур был выбран председатель КНР Си Цзиньпин, поскольку его публичные заявления формируют официальную позицию Китая в отношении России.

В рамках проведенного исследования был осуществлен контент-анализ источников, включающий 25 текстовых документов и видеоматериалов общей продолжительностью просмотра 24 минуты (Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China, CCTV, China news, Embassy of the People's Republic of China in the United States of America, The People's Government of Beijing Municipality, People's Republic of China). В рамках анализа произведен систематический отбор речевых тропов, формирующих стилистическую основу публичных выступлений Си Цзиньпина. На основе демонстрации наибольшей частотности употребления в анализируемых материалах была отобрана 21 метафора, отражающая идеологические установки, характерные для речевого портрета председателя КНР.

Основоположники когнитивного подхода в изучении метафоры Дж. Лакофф и М. Джонсон определяют ее как ментальную проекцию из концептуальной области источника в концептуальную область цели [Lakoff and Johnson 1999]. При этом ключевое свойство такой проекции заключается в том, что сфера-источник является более конкретной и опирается на опыт человека (например, СРОИТЕЛЬСТВО, ВОЙНА, ФИЗИКА). Далее, в соответствии с когнитивным подходом к метафоре из общего списка, содержащего 21 метафорическую модель, было отобрано и подвергнуто детальному разбору 3. Основанием для выбора послужила их репрезентативность: каждая из них представляет один из наиболее частотных фреймов, выявленных в ходе предварительного анализа всех метафорических конструкций. После этого для декомпозиции и системного анализа метафоры при-

меняется фреймо-слотовый подход. Фреймо-слотовый анализ позволяет систематизировать метафорические выражения сведением к единым концептуальным моделям, а также объяснить прагматический эффект метафоры через конкретные слоты. Политический дискурс председателя Си Цзиньпина служит ярким примером системного применения концептуальных метафор. На примере речи Си Цзиньпина выбранный метод показывает, как через использование небольшого набора ключевых идей выстраивается целостный образ отношений Китая с Россией.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

В политическом дискурсе метафора служит мощным инструментом для формирования восприятия, передачи глубинных смыслов и стратегических установок. Через образные сравнения лидеры проецируют определенное настроение и задают рамки для выстраивания отношений, превращая абстрактные концепции в доступные и понятные образы. Важной составляющей использования такого инструмента является фрейминг. В рамках данной модели слоты являются элементами фрейма — своего рода «ячейки», подлежащей заполнению конкретными примерами или данными в зависимости от коммуникативного контекста [Минский 1979: 8]. Фрейминг — это «использование языка, который соответствует мировоззрению» [Lakoff 2004: 4]. Метод фрейминга позволил систематизировать исследуемые высказывания, выявив в них устойчивые когнитивные структуры — фреймы, а затем идентифицировать структурные компоненты — слоты. В проанализированном корпусе метафор были выявлены следующие фреймы (также приводится количество использования): «книга» — 3, «строительство» — 2, «физика» — 5, «война» — 1, «игра» — 1, «путешествие» — 2, «жизнь» — 2, «архитектура» — 1, «море» — 1, «сельское хозяйство» — 1, «геометрия» — 1, «ремесло» — 1. Также возможно объединение фреймов в следующие группы: фрейм «наука» (физика, геометрия) — 6, фрейм «строительство» (строительство, архитектура) — 3. Самые большие группы — «книга», «строительство», «наука», «жизнь». Одним из примеров концептуальных метафор является 书写友好篇章 [加强民间交往推进友好合作——习近平主席贺辞为新时代中俄人民相知相亲增添动力 2025] (написать новые главы дружбы) с когнитивной и прагматической функциями, формирующий позитивное отношение к сотрудничеству и структурирующий восприятие межгосударственных отношений через образ текста/книги. Фрейм-источник — книга или литературное произ-

ведение. Метафора переводит фокус с констатации состояния дружбы на необходимость постоянной совместной усиленной работы по ее укреплению. Прошрое сотрудничество становится уже «написанными главами», что создает основу для позитивной преемственности. Будущее в виде «новых глав» открыто для творчества и должно улучшаться. Примером с фреймом-источником «жизнь» является метафора 搬不走的好邻居 [习近平抵达莫斯科对俄罗斯进行国事访问并出席纪念苏联伟大卫国战争胜利80周年庆典 2025] (не переезжающий хороший сосед), передающая международные отношения через фрейм бытовых социальных взаимодействий, чем семантика добрососедства переносится на уровень межгосударственного партнерства, что позволяет структурировать восприятие геополитических связей через призму повседневного опыта. Далее 奠定了...坚实基础 [People's Republic of China 2025] (заложить крепкий фундамент) выполняет когнитивную функцию, упорядочивая восприятие базовых этапов сотрудничества через образ строительства. Фрейм-источник — строительство или здание. Фрейм включает в себя знания о целенаправленном и поэтапном технически сложном процессе возведения прочного объекта. Процесс построения отношений схож с технической и инженерной деятельностью. Четвертый пример: 发出...时代强音 [习近平抵达莫斯科对俄罗斯进行国事访问并出席纪念苏联伟大卫国战争胜利80周年庆典 2025] (Послать мощный голос эпохи), где совместное политическое действие — это мощный голос эпохи. Фрейм-источник — «физика», конкретнее «звук». Фрейм базируется на сенсорном опыте восприятия мира. Еще одним примером с таким же фреймом-источником «физика» может служить метафора 注入稳定性 [习近平同俄罗斯总统普京分别向中俄执政党对话机制第十次会议致贺信 2023] (вливать стабильность), представляющая абстрактное понятие стабильности как физическую субстанцию. Через этот образ упорядочивается восприятие международных отношений: нестабильный мир уподобляется больному организму, а стабилизирующие действия — медицинскому вмешательству, направленному на восстановление равновесия.

Пять метафор опираются на разные сферы-источники, что задает шаблон интерпретации в данном политическом нарративе посредством представленных фреймов. Литературная метафора формирует фрейм творчества, в рамках которого ставится акцент на совместном создании новых проектов и взаимодействии между участниками. Строи-

тельная метафора выражает фрейм системы и прочности, подчеркивая прочность и надежность. Акустическая метафора задает фрейм публичности, т. е. фокусирует внимание на открытости, звучности и обращенности к широкой аудитории. В зависимости от коммуникативной задачи происходит смещение акцентов между этими фреймами в политическом нарративе. Предположительно, подобные фреймы обладают высоким потенциалом распространения, поскольку базируются на универсальных областях человеческого опыта и обеспечивают наглядность и эмоциональную вовлеченность аудитории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ метафорических фреймов в политическом дискурсе демонстрирует их ключевую роль как инструмента когнитивного и коммуникативного воздействия. Метафорические фреймы не ограничиваются функцией стилистического украшения, они также структурируют восприятие действительности, направляют внимание аудитории и формируют оценочные суждения.

В исследованном списке наиболее частотными оказались фреймы «наука», «жизнь», «строительство» и «книга». Каждый фрейм разворачивается через систему слотов, которые наполняются конкретным содержанием.

Таким образом, проведенное исследование позволило сделать ряд выводов: во-первых, частотность использования трех фреймов демонстрирует приоритетные смысловые пласты, значимые для говорящего; во-вторых, универсальность источников фреймов позволяет предположить их высокую эффективность воздействия на аудиторию; в-третьих, выбор конкретного фрейма дает говорящему возможность направлять интерпретацию событий, формируя у аудитории необходимое отношение. Эти выводы приобретают значимость при анализе речевого портрета Си Цзиньпина. В его публичных выступлениях метафорические фреймы систематически используются как инструмент когнитивного и эмоционального воздействия.

Полученные результаты подтверждают, что метафоры отражают как общие тенденции современной дипломатии двух стран, так и уникальную специфику российско-китайского взаимодействия. Позитивный смысл метафор становится сигналом о приоритетах партнерства.

ИСТОЧНИКИ

1. Путин: российско-китайские отношения переживают наилучший период // ТАСС : [официальный сайт]. 2025. 18 нояб. URL: <https://tass.ru/politika/25658609> (дата обращения: 07.01.2026).
2. Global Times newspaper / People's Republic of China. — 16 release. — Daily. — 2025, N 6516. — P. 1.

3. 加强民间交往 推进友好合作——习近平主席贺辞为新时代中俄人民相知相亲增添动力 // www.gov.cn. — URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202509/content_7039497.htm (дата обращения: 16.12.2025).
4. 习近平抵达莫斯科对俄罗斯进行国事访问并出席纪念苏联伟大卫国战争胜利80周年庆典 // mfa.gov.cn. — URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202505/t20250508_11617059.shtml (дата обращения: 16.12.2025).
5. 习近平同俄罗斯总统普京分别向中俄执政党对话机制第十次会议致贺信 // mfa.gov.cn. — URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202311/t20231120_11183591.shtml (дата обращения: 23.02.2026).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Будаев, Э. В. Основы когнитивно-дискурсивного анализа политической метафоры / Э. В. Будаев. — Нижний Тагил : Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2012. — 280 с. — ISBN 978-5-8299-0254-4. — EDN SXIYDB.
2. Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак ; пер. с англ. и нем. В. И. Карасика, Н. Н. Трошиной. — Волгоград : Перемена, 1997. — 139 с. — ISBN 5-88234-249-X.
3. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский ; пер. с англ. О. Н. Гринбаума ; под ред. Ф. М. Кулакова. — Москва : Энергия, 1979. — 152 с.
4. Най, Джозеф С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике / Джозеф С. Най ; пер. с англ. В. И. Супруна. — Новосибирск : Москва : Фонд социо-прогност. исслед. «Тренды», 2006. — 221 с. — ISBN 5-902688-05-1.
5. Складневская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Складневская ; отв. ред. Д. Н. Шмелев ; Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. — Санкт-Петербург : Наука, 1993. — 151 с. — ISBN 5-02-028138-7.
6. Стоянова, Е. В. Метафора как социокультурно обусловленный медиатекст / Е. В. Стоянова // Медиатекст как полиинтенциональная система : сборник статей, Санкт-Петербург, 07–08 декабря 2011 года / отв. ред.: Л. Р. Дускаева, Н. С. Цветова. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет, 2012. — С. 80–86. — EDN WJJWON.
7. Тарасова, Ю. В. Современный политический дискурс: тенденции развития, фреймирование, образные средства / Ю. В. Тарасова, Е. В. Абраменко // Успехи современной науки. — 2017. — Т. 3, № 3. — С. 90–95. — EDN YNFMAF.
8. Чудинов, А. П. Очерки по современной политической метафорологии / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2013. — 176 с. — ISBN 978-5-7186-0504-4. — EDN QZIQHH.
9. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. — 1-е изд. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 256 с. — ISBN 5-89349-897-6.
10. Lakoff, G. Conceptual Metaphor in Everyday Language / G. Lakoff, M. Johnson // *The Journal of Philosophy*. — 1980. — Vol. 77, Iss. 8. — P. 453–486.
11. Lakoff, G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. — 2nd ed. — New York : The University of Chicago Pr., 2003. — 276 p. — ISBN 0-226-46801-1.
12. Motozhanets, A. A. Exploring the boundaries of conceptual metaphor / A. A. Motozhanets, S. M. Tokareva // Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве. — 2023. — No. 1(3). — P. 60–64. — EDN CNVDGR.
13. Lakoff, G. Don't Think of an Elephant! Know Your Values and Frame the Debate / G. Lakoff. — Hartford : Chelsea Green Publishing, 2004. — 148 p. — ISBN 1-931498-71-7.
14. Lakoff, G. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought / G. Lakoff, M. Johnson. — New York, NY : Basic Books, 1999. — 644 p. — ISBN 0-465-05673-3.
15. Minsky, M. A framework for representing knowledge / M. Minsky // *The psychology of computer vision* / P. H. Winston (Ed.). — New York, NY : McGraw-Hill, 1975. — P. 211–277.
16. Nye Jr., Joseph S. Soft Power: The Means to Success in World Politics / Joseph S. Nye Jr. — 17th ed. — New York : PublicAffairs, 2004. — 192 p. — ISBN 1-58648-225-4.

MATERIALS

1. TASS (2025, Nov. 18). Putin: rossiysko-kitayskie otnosheniya perezhiyayut nailuchshiy period = Putin: Russian Chinese relations are experiencing their best period. Available at Jan. 7, 2026 from <https://tass.ru/politika/25658609>.

2. People's Republic of China (2025). Global Times newspaper, 16 release. Daily. N 6516, p. 1.
3. The People's Republic of China. The State Council (n.d.). Jia qiang min jian jiao wang tui jin you hao he zuo — Xi Jinping zhu xi he ci wei xin shi dai zhong e ren min xiang zhi xiang qin zeng tian dong li. Available at Dec. 16, 2025 from https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202509/content_7039497.htm.
4. People's Republic of China. Ministry of Foreign Affairs (n.d.). Xi Jinping di da mo si ke dui e luo si jin xing guo shi fang wen bing chu xi ji nian su lian wei da wei guo zhan zheng sheng li 80 zhou nian qing dian. Available at Dec. 16, 2025 from https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202505/t20250508_11617059.shtml.
5. The People's Republic of China. The State Council (n.d.). Xi Jinping tong e luo si zong tong pu jing fen bie xiang zhong e zhi zheng dang dui hua ji zhi di shi ci hui yi zhi he xin. Available at Feb. 23, 2026 from https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202311/t20231120_11183591.shtml.

REFERENCES

1. Budaev, Eh. V. (2012). Osnovy kognitivno-diskursivnogo analiza politicheskoy metafory = Fundamentals of Cognitive-Discursive Analysis of Political Metaphor. Nizhny Tagil: Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Academy, 280 p. ISBN 978-5-8299-0254-4. EDN SXIYDB.
2. Vodak, R. (1997). Yazyk. Diskurs. Politika = Language. Discourse. Politics (Transl. V. I. Karasik, N. N. Troshina). Volgograd: Peremena, 139 p. ISBN 5-88234-249-X.
3. Minskiy, M. (1979). Freymy dlya predstavleniya znaniy = Frames for Representing Knowledge (Transl. from Eng. O. N. Grinbaum, ed. F. M. Kulakov). Moscow: Ehnergiya, 152 p.
4. Nye, Joseph S. (2006). Gibkaya vlast': kak dobit'sya uspekha v mirovoy politike = Flexible Power: How to Succeed in World Politics (Transl. from Engl. V. I. Suprun). Novosibirsk; Moscow: Socio-Prognost. Research Foundation "Trends", 221 p. ISBN 5-902688-05-1.
5. Sklyarevskaya, G. N. (1993). Metafora v sisteme yazyka = Metaphor in the Language System (resp. ed. D. N. Shmelev). St. Petersburg: Nauka, Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Studies, 151 p. ISBN 5-02-028138-7.
6. Stoyanova, E. V. (2012). Metafora kak sotsiokul'turno obuslovlennyy mediatekst = Metaphor as a Socioculturally Determined Media Text. *Media Text as a Polyintentional System: Collection of Articles (Resp. Ed. L. R. Duskaeva, N. S. Tsvetova)*, 80–86. St. Petersburg: St. Petersburg State University. EDN WJJWON.
7. Tarasova, Yu. V., Abramenko, E. V. (2017). Sovremennyy politicheskyy diskurs: tendentsii razvitiya, freymirovaniye, obraznye sredstva = Modern political discourse: development trends, framing, figurative means. *Successes of modern science*, 3(3), 90–95. EDN YNFMAF.
8. Chudinov, A. P. (2013). Ocherki po sovremennoy politicheskoy metaforologii = Essays on Contemporary Political Metaphorology. Monograph. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 176 p. ISBN 978-5-7186-0504-4. EDN QZIQHH.
9. Chudinov, A. P. (2006). Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics. Textbook. 1st ed. Moscow: Flinta, Nauka, 256 p. ISBN 5-89349-897-6.
10. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). Conceptual Metaphor in Everyday Language. *The Journal of Philosophy*, 77(8), 453–486.
11. Lakoff, G., Johnson, M. (2003). Metaphors we live by. 2nd ed. New York: The University of Chicago Pr., 276 p. ISBN 0-226-46801-1.
12. Motozhanets, A. A., Tokareva, S. M. (2023). Exploring the boundaries of conceptual metaphor. *Bulletin of Humanitarian Research in Interdisciplinary Scientific Space*, 1(3), 60–64. EDN CNVDGR.
13. Lakoff, G. (2004). Don't Think of an Elephant! Know Your Values and Frame the Debate. Hartford: Chelsea Green Publishing, 148 p. ISBN 1-931498-71-7.
14. Lakoff, G., Johnson, M. (1999). Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. New York, NY: Basic Books, 644 p. ISBN 0-465-05673-3.
15. Minsky, M. (1975). A framework for representing knowledge. *The psychology of computer vision* (Ed. P. H. Winston), 211–277. New York, NY: McGraw-Hill.
16. Nye Jr., Joseph S. (2004). Soft Power: The Means to Success in World Politics. 17th ed. New York: PublicAffairs, 192 p. ISBN 1-58648-225-4.

Политическая лингвистика. 2026. № 2 (116).
Political Linguistics. 2026. No 2 (116).

УДК 81'42+81'38+81'27

ББК Ш105.51+Ш105.551.5+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Вера Юрьевна Кузнецова^{1✉}, Александр Евгеньевич Воробьев^{2✉}

¹ Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, vera087@mail.ru[✉], SPIN-код: 3742-7040

² Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, alexresurs@mail.ru[✉], SPIN-код: 5909-1362

Метафорическое фреймирование реальности в медиатекстах

АННОТАЦИЯ. Представленная статья посвящена исследованию механизмов конструирования идеологически ангажированной картины мира в современном политическом медиадискурсе. На основе методологии когнитивной лингвистики и теории фрейминга авторы анализируют, как с помощью концептуальных метафор в сознание аудитории «внедряются» образы России и коллективного Запада. В результате исследования выявлены доминирующие фреймы и ключевые метафорические модели, редуцирующую сложную геополитическую реальность до бинарных оппозиций.

Проведенный анализ подтверждает, что метафорическое фреймирование является мощным инструментом не только отражения, но и конструирования социальной и политической реальности в медиадискурсе. Метафора активизирует у читателей определенные когнитивные схемы, имплицитно внедряет оценки и задает сценарии интерпретации событий. Таким образом, политический медиадискурс, исследуемый через призму когнитивных моделей, предстает как поле целенаправленного идеологического воздействия, где язык используется для мобилизации, легитимации конкретного курса и формирования картины мира, соответствующей целям информационного противоборства.

Результаты исследования могут быть применены в сферах критической лингвистики, дискурс-анализа, политической коммуникативистики, медиаисследований и информационной безопасности. Они представляют практическую ценность для понимания механизмов современной информационной войны, анализа медиаманипулирования и дешифровки идеологических кодов в публицистике.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политические тексты, журналистика, медиадискурс, медиатексты, СМИ, средства массовой информации, языковые средства, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, концептуальные метафоры, медиаобразы, образ России, коллективный Запад, геополитика, специальная военная операция, фрейминг, политический нарратив.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Кузнецова Вера Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент 33 кафедры Военного университета, Москва, Россия, email: vera087@mail.ru.

Воробьев Александр Евгеньевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры переводоведения и практики перевода английского языка, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, email: alexresurs@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кузнецова, В. Ю. Метафорическое фреймирование реальности в медиатекстах / В. Ю. Кузнецова, А. Е. Воробьев. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 206-212.

Vera Yu. Kuznetsova^{1✉}, Aleksandr E. Vorob'ev^{2✉}

¹ Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia, vera087@mail.ru[✉], SPIN code: 3742-7040

² Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, alexresurs@mail.ru[✉], SPIN code: 5909-1362

Metaphorical Framing of Reality in Media Texts

ABSTRACT. This article explores the mechanisms for constructing an ideologically biased worldview in contemporary political media discourse. Drawing on cognitive linguistics and framing theory, the authors analyze how conceptual metaphors are used to “instill” the images of Russia and the collective West in the audience consciousness. As a result of the study, the authors have identified dominant frames and key metaphorical models that reduce the complex geopolitical reality to binary oppositions.

The analysis confirms that metaphorical framing is a powerful tool not only for reflecting but also for constructing social and political reality in media discourse. Metaphor activates specific cognitive schemas in the audience, implicitly instills assessments, and sets scenarios for interpreting events. Thus, political media discourse, examined through the lens of cognitive models, emerges as a field of targeted ideological influence, where language is used to mobilize, legitimize a specific course, and shape a worldview consistent with the goals of information warfare.

The research findings can be applied in the fields of critical linguistics, discourse analysis, political communications, media studies, and information security. They are of practical value for understanding the mechanisms of modern information warfare, analyzing media manipulation, and deciphering ideological codes in journalism.

KEYWORDS: political discourse, political texts, journalism, media discourse, media texts, mass media, language means, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, conceptual metaphors, media images, image of Russia, collective West, geopolitics, special military operation, framing, political narrative.

AUTHOR'S INFORMATION: Kuznetsova Vera Yur'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department 33, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Vorob'ev Aleksandr Evgen'evich, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Translation Studies and Practical Translation of English, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.

FOR CITATION: Kuznetsova V. Yu., Vorob'ev A. E. (2026). Metaphorical Framing of Reality in Media Texts. In *Political Linguistics*. No 2 (116), pp. 206-212. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Современное медиапространство является не просто каналом передачи информации, но и активным механизмом конструирования социальной реальности, формируя определенное отношение общества к конкретным личностям и событиям, влияя тем самым на концептуальную картину мира. Подтверждение данной мысли можно найти в трудах М. В. Приходько. Исследователь говорит о том, что современный медиадискурс представляется одной из наиболее продуктивных сред информационного воздействия, не просто отражающей социальную реальность, но и активно конструирующей ее [Приходько 2024].

Одним из наиболее эффективных инструментов воздействия и формирования реальности в современном медийном дискурсе является метафора. По мнению Р. И. Зарипова, «яркая социальная окраска» делает сообщения гораздо убедительнее для аудитории, апеллируя не к рациональной стороне человеческого сознания, а к эмоциональной. Именно поэтому авторы новостных статей с такой готовностью прибегают к образности для отражения действительности [Зарипов 2024].

Безусловно, сегодня метафора уже не воспринимается всего лишь как художественный троп. В рамках современной когнитивной лингвистики и социологии коммуникации она понимается как фундаментальный инструмент мышления, категоризации и интерпретации опыта. Таким образом, анализ метафорических образов в медиатекстах позволяет выявить глубинные модели понимания и представления событий, явлений и идей [Калинин 2022; Попова 2020].

Цель данной статьи — выявление, когнитивная интерпретация и систематизация метафорических образов, конструирующих образ России и Запада в современном политическом дискурсе при освещении хода специальной военной операции, и определение их роли в идеологическом структурировании реальности.

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью роли развернутых метафорических образов в медийном дискурсе, одновременно представляющих две противоборствующие силы — Рос-

сию и коллективный Запад — в формировании определенной когниции в сознании читателей.

Задачи исследования: проследить связь метафорических образов с ключевыми политическими событиями и медийными нарративами, проанализировать идеологическую и прагматическую нагрузку выделенных метафорических образов, оценив их вектор эмоционального воздействия.

В рамках исследования были последовательно выполнены следующие шаги.

1. Был проведен сбор медиатекстов по заданной теме.
2. Идентифицированы концептуальные метафорические образы.
3. Проведена реконструкция фрейма.
4. Осуществлен анализ нарратива.
5. Раскрыт идеологический эффект.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕТАФОРЫ, ФРЕЙМА И НАРРАТИВА

Современная когнитивная теория метафоры утверждает, что метафора не является просто проецированием структуры одной концептуальной области на другую. Например, метафора «Донбасс — сердце России» формирует наше понимание роли региона через концепты анатомии. Данный метафорический образ активирует определенные ассоциации и отношение.

Фреймирование в медиадискурсе воспринимается как процесс акцентирования внимания на конкретных аспектах реальности с целью продвижения определенной проблемы, ее причины, оценки и возможного решения. Фрейм тем самым задает угол зрения и границы обсуждения. Мощнейшим инструментом фреймирования является метафора. Внедряя в дискурс эмоционально заряженные элементы, автор сообщения имплицитно устанавливает роли («сильный/слабый», «друг/враг»), причину и следствие, задает вектор оценочности (позитивный/негативный), закладывает варианты дальнейших действий.

Таким образом, метафора конструирует фрейм, через который аудитория будет «считывать» событие. Кроме того, современный медийный дискурс характеризуется нарративизацией, т.е. формированием в

рамках новостного сообщения истории с сюжетом, героями, конфликтом и даже моралью. В общем и целом можно говорить о том, что метафорический фрейм служит смысловым каркасом нарратива.

В медиадискурсе метафорическое фреймирование выполняет ряд ключевых функций (см. таблицу 1).

Таким образом, можно заключить, что метафорическое фреймирование выступает в медиадискурсе как технология смыслопорождения и управления восприятием. Создавая компактный и эмоционально заряженный образ (например, «сердце России», «нацистская эпидемия»), метафора предлагает аудитории готовый интерпретационный ключ к сложным событиям. Однако внутри фрейма скрыто присутствует идеологический компонент (*друг/враг, героизм/угроза*) и программа действий (*защитить, победить*). Тем самым метафора, формируя фрейм и каркас нарратива, не просто информирует, а активно влияет на сознание, предлагая конкретную (часто поляризованную) картину мира и побуждая к определенным эмоциональным и поведенческим реакциям.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках исследования были проанализированы две статьи Кирилла Стрельникова, посвященные современной геополитической

ситуации и ходу СВО. Анализ проводился на трех уровнях (см. диаграмму на рис. 1).

ИДЕНТИФИКАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОР

Как было отмечено выше, анализируемые статьи изобилуют метафорическими образами, которые не просто придают тексту особый авторский стиль, но и делают текст насыщенным в смысловом плане. Метафоры в статьях К. Стрельникова являются структурирующими, так как формируют понимание современной политики. Для удобства рассмотрения метафорические образы и концепты будут представлены в таблице 2.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что представленные в статьях метафорические образы формируют четкие концепты.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ФРЕЙМА

Анализируемые тексты являются ярким образцом политизированной публицистики, в которых авторская позиция конструируется через систему взаимосвязанных фреймов, нарративов и метафор (табл. 3).

АНАЛИЗ НАРРАТИВА

Оба текста выстраивают единый сюжет, состоящий из нескольких актов (представлены в таблице 4).

Таблица 1. Функции фреймирования

Функции	Описание
1. Интерпретационная	Сводит сложное к простому, делая события понятными для массовой аудитории.
2. Оценочно-идеологическая	Внедряет скрытые оценки, продвигает определенные ценности и идеологические установки (например, метафора «ЖИЗНЬ — ПОДВИГ» актуализирует идеи долга, самопожертвования, героизма).
3. Мобилизующая	Призыв к конкретным действиям, оправдание мер (метафорический образ «побороть нацистскую эпидемию, распространяющуюся во все стороны» является призывом к конкретным действиям по борьбе с политикой нацистского режима).
4. Манипулятивная	Создание эмоционального резонанса в обход рациональной критики.

Рис. 1. Методика анализа

Таблица 2. Концептуальные метафоры по двум статьям

Общие концепты	Статья 1*. «Европа дружно сливается: агония Киева...» (о позиции европейских стран)	Статья 2**. «А все шло так хорошо: Трамп поставил Россию...» (о Стратегии нацбезопасности США)
1. ЛИЦЕМЕРИЕ/ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИГРА/ ПСИХИЧЕСКИЕ ОТКЛОНЕНИЯ ЗАПАДНЫХ ЛИДЕРОВ	«Воинственная жестикуляция лидеров», «клятва на черепе Микеланджело» (как пустой, показательный ритуал), «горячий финский парень... просто сделал заявку на успех», «кровавый клоун», «продажные беспринципные шавки», «европейские подпорки», «улитки и тараканы», «плюнь в глаза — божья роса».	«Возмущенные вопли», «пена у рта», «люди с лоботомией», «ничего личного: это просто бизнес, детка».
2. КОНФЛИКТ / НЕОБРАТИМАЯ КАТАСТРОФА / РАСПАД	«Этот поезд в огне, и нам некуда больше бежать», «давно уже сгнившее внутри чучело», «лицам почти украинской державности», «паралич или гражданская война», «отмыться от рукопожатия», «рыльце в пушку».	«Либеральный мировой порядок умер», «корректировать их траекторию», «пункты NSS тоже настолько хороши, что европейцы могут их есть на ночь вместо свеклы и чернослива».

* URL: <https://ria.ru/20251205/evropa-2059920430.html> (дата обращения: 20.12.2025).** URL: <https://ria.ru/20251207/tramp-2060354274.html> (дата обращения: 20.12.2025).

Таблица 3. Фреймы по двум статьям

Статьи	Фрейм
Статья 1. «Европа дружно сливается: агония Киева...» (о позиции европейских стран)	Предательство и моральное падение Запада. Автор активирует мощный оценочный фрейм, в рамках которого действия европейских политиков и СМИ интерпретируются как беспринципность и лицемерие (действия характеризуются как «плюнь в глаза — божья роса», «новое вранье», «срочно переобуваться»), циничный прагматизм (поддержка Украины была не искренней, а ситуативной («коллапс Украины», «еврошлюзы»)).
Статья 2. «А все шло так хорошо: Трамп поставил Россию...» (о Стратегии нацбезопасности США)	Предательство и изоляция Европы. Действия США интерпретируются как отказ от традиционной роли защитника, что ставит Европу в уязвимое положение («вина и собственная проблема европейцев», «Европа теперь противостоит двум противникам», «униженная и разоренная: США не оставили Европе никакого выбора»).

Таблица 4. Структурные элементы сюжета.

Элементы	Статья 1.	Статья 2.
	«Европа дружно сливается: агония Киева...» (о позиции европейских стран)	«А все шло так хорошо: Трамп поставил Россию...» (о Стратегии нацбезопасности США)
1. Пролог	Лицемерие СМИ: западные медиа изначально лживы и непоследовательны. Их ранние оценки (Россия — «третьесортная держава») были ошибочны и продиктованы враждебностью.	Хаос и ложь: в западном инфополе безоговорочно доминирует тема Украины, основанная на русофобской риторике. Прошлые стратегии США определяли Россию как «врага» и «угрозу».
2. Завязка	Раздача пустых обещаний: европейские лидеры (Мелони, Стубб) давали громкие, но безответственные обещания Украине, играя на публику.	Откровение: публикуется новая NSS, которая грубо отодвигает тему Украины. Реакция русофобов (вопли, пена) сразу сигнализирует, что в документе содержится правда, опасная для старых элит.
3. Переломный момент	Смена курса: по мере изменения ситуации на поле боя и усталости Запада начинается массовое «переобувание». Поддержка сворачивается под благовидными предлогами («технические неисправности», «мирные переговоры»).	Поворот к реальности: документ совершает «кардинальный поворот»: от конфронтации к диалогу с Россией, от идеологии к прагматизму и торговле, от безоговорочной поддержки НАТО к требованию европейской ответственности.
4. Кульминация	Тайные сделки и предательство: Запад втайне от Украины ищет пути договориться с Россией (встречи в Абу-Даби), готовясь «предать» Украину в территориальном вопросе.	Истерика и обвинения: старые элиты и медиа («Foreign Policy», «Washington Post») обвиняют администрацию Трампа в предательстве и работе на Кремль, тем самым демонстрируя свою оторванность от реальности («лоботомия»).
5. Развязка	Распад Украины изнутри: украинская власть показана как коррумпированная, трусливая и недееспособная. Ее представители (Умеров) бегут, политическая система в параличе. Европейские «подпорки» рушатся, обнажая гнилое внутреннее состояние режима.	Разоблачение: автор раскрывает реальную, не идеалистическую причину поворота: Россия не проиграла, а доказала свою силу. Политика следует за реальным балансом сил, а не наоборот. С проигравшим не договариваются — его делят. С сильным — заключают сделки.
6. Мораль	Запад аморален и ненадежен, его «поддержка» была фарсом. Украинский проект искусственен и обречен. Россия, сохраняющая последовательность и силу, оказывается стороной, которая «будет диктовать свои условия».	Финальный афоризм («добрым словом и СВО») резюмирует всю философию нарратива: уважение и диалог в международных отношениях возможны только при наличии надежной силы в качестве фундамента. Добрые слова (прагматичная дипломатия) вторичны и эффективны лишь в этом случае

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ И ПРАГМАТИКА ТЕКСТА

Анализируемые тексты выполняют четкие идеологические и прагматические функции. Во-первых, происходит деконструкция легитимности Запада и украинской власти. Через разоблачение «лицемерия» и демонстрацию «распада» автор стремится лишить противников морального и политического авторитета.

Во-вторых, автор создает эффект ощущения неизбежности и триумфа. Нарратив построен так, чтобы читатель видел логическую цепочку, ведущую к победе одной стороны и краху другой. Это укрепляет у аудитории чувство исторической правоты и предопределенности исхода.

В-третьих, мобилизация через сарказм и уничижение. Резкий, язвительный тон, использование уничижительных метафор («шавки», «тараканы») служит не анализу, а эмоциональной мобилизации своей аудитории, сплывая ее вокруг общего презрения к противнику. Важно отметить, что автор подготавливает аудиторию к конкретному результату («мир на несправедливых условиях», «диктовать свои условия») и представляет его как естественный итог морального банкротства.

Таким образом, в статьях используется комплексное метафорическое фреймирование для построения мощного нарратива обмана, предательства и неизбежного краха. Все языковые средства (от выбора цитат до просторечных выражений) подчинены цели сформировать у читателя конкретное мировоззренческое отношение к конфликту и его участникам.

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА

В рамках анализа были выявлены и систематизированы ключевые метафорические модели, редуцирующие сложную геополитическую реальность до бинарных оппозиций; реконструированы доминирующие фреймы, задающие оценочные рамки восприятия событий; продемонстрировано, как метафора служит основным инструментом для формирования нарратива об обреченности одного политического проекта и моральном банкротстве его сторонников, одновременно легитимируя альтернативный курс; раскрыты дискурсивные стратегии использования языка как средства идеологической мобилизации через манипулятивное упрощение действительности.

Обе статьи формируют замкнутую, единую систему объяснения мира: сила России (*Статья 1*) является причиной коллапса ее противников (*Статья 2*), а этот коллапс,

в свою очередь, подтверждает правильность силовой стратегии. Это создает у аудитории ощущение **когерентной картины реальности**, где все события логично укладываются в схему: «возрастание мощи России => моральное и политическое банкротство Запада». Такой эффект гасит когнитивный диссонанс и критические вопросы, направляя восприятие в строго заданное русло.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование метафорического фреймирования в медиатекстах позволяет перейти от поверхностного анализа («что сказано») к глубинному пониманию («как это осмысляется»). Оно вскрывает механизмы, с помощью которых медиа не отражают реальность, а активно участвуют в ее социальном конструировании, предлагая аудитории готовые, эмоционально окрашенные и идеологически нагруженные «линзы» для восприятия мира. Анализ этих «линз» — метафорических фреймов и нарративов — является важнейшей задачей современной критической лингвистики, дискурс-анализа и медиаисследований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Будаев, Э. В. Прагматическая амбивалентность метафор в политическом нарративе «Жизни черных имеют значение» (на примере «Сиэтл Таймс») / Э. В. Будаев, К. В. Пологова // Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология. — 2021. — № 2. — С. 43–59. — EDN NCPLMC.
2. Гаврилов, Л. А. Язык массовой коммуникации и информационная война / Л. А. Гаврилов, Р. И. Зарипов. — Москва : Ленанд, 2023. — 216 с. — ISBN 978-5-9710-6675-0. — EDN PMRIBA.
3. Гладко, М. А. Метафора как инструмент реализации рекреативной функции в информационном теледискурсе / М. А. Гладко // Научный диалог. — 2022. — Т. 11, № 3. — С. 211–227. — DOI 10.24224/2227-1295-2022-11-3-211-227. — EDN SMJBTH.
4. Зарипов, Р. И. Метафорические образы настоящего и будущего России во французских СМИ: внешнеполитические аспекты / Р. И. Зарипов, Э. В. Будаев // Политическая лингвистика. — 2020. — № 6(84). — С. 42–52. — DOI 10.26170/pl20-06-05. — EDN WRJJSX.
5. Зарипов, Р. И. О методе фацилиативного анализа / Р. И. Зарипов // Политическая лингвистика. — 2025. — № 5(113). — С. 69–80. — EDN IKMJFB.
6. Иванов, Н. В. Об одном способе анализа символической структуры метафоры средствами логики / Н. В. Иванов // Пространства и метасферы языка: структура, дискурс, метатекст : материалы III межвуз. науч. конф. по актуальным проблемам языка и коммуникации (26 июня 2009 г.) / Военный университет. — Москва : Книга и бизнес, 2009. — С. 10–22. — ISBN 978-5-212-01110-5.
7. Ильина, Л. Е. Концептуальная метафора как воплощение смысла постфольклорного текста / Л. Е. Ильина // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2024. — № 4. — С. 82–97. — DOI 10.29025/2079-6021-2024-4-82-97. — EDN QIZPVX.
8. Калинин, О. И. Креативные метафоры и речевое воздействие в дискурсе / О. И. Калинин // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. — 2022. — № 2. — С. 469–482. — EDN CSUFUI.
9. Калинин, О. И. Метафора: риторический, прагматический, когнитивный и дискурсивный подходы / О. И. Калинин, Т. Л. Гурулева // Вестник Пятигорского государственного

университета. — 2019. — № 3. — С. 128–134. — EDN GMRDD.

10. Попова, Т. Г. Метафора как важный элемент когниции / Т. Г. Попова, Е. В. Саушева // Политическая лингвистика. — 2020. — № 1(79). — С. 68–72. — DOI 10.26170/pl20-01-09. — EDN OQKAJG.

11. Приходько, М. В. Особенности формирования общественного мнения о СВО на Украине в информационном пространстве Китая / М. В. Приходько, А. В. Игнатенко, А. В. Певцов // Политическая лингвистика. — 2024. — № 2(104). — С. 127–135. — EDN YTMFYS.

12. Приходько, М. В. Психолингвистическое манипулирование общественным сознанием как приём ведения информационных войн / М. В. Приходько // Лингвистическое обеспечение военной деятельности. Теоретические и прикладные аспекты профессиональной деятельности военного переводчика : материалы Всерос. науч.-практ. конф. по актуальным проблемам лингвистического обеспечения военной деятельности (Москва, 29 апр. 2022 г.) / под общ. ред. М. А. Смирновой. — Москва : Военный университет, 2022. — С. 270–279. — EDN ADMUQZ.

13. Федотов, И. И. Военно-политический дискурс как форма воплощения устных и письменных речевых произведений / И. И. Федотов // Гуманитарные и социальные науки. — 2023. — Т. 97, № 2. — С. 111–118. — DOI 10.18522/2070-1403-2023-97-2-111-118. — EDN FXBNMU.

14. Чудинов, А. П. Политическая метафорология: дискурсивный поворот / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, О. А. Солопова. — Москва : ФЛИНТА, 2020. — 234 с. — ISBN 978-5-9765-4326-3. — EDN GUGOYK.

15. Шермазанова, С. В. Гибридизация и дискурсивная «экспансия» институционального военного дискурса / С. В. Шермазанова // Политическая лингвистика. — 2025. — № 4 (112). — С. 122–131. — EDN RYWPUE.

REFERENCES

1. Budaev, E. V. (2021). Pragmatische ambivalentnost' metafor v politicheskom narrative «Zhizni chernyh imeyut znachenie» (na primere «Sietl Tajms») = Pragmatic Ambivalence of Metaphors in the Political Narrative of Black Lives Matter (The Seattle Times Case Study). Scientific notes of the Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute. Series: History and Philology, 2, 43–58. EDN NCPLMC.

2. Gavrilov, L. A., Zaripov, R. I. (2021). Stilistika francuzskogo jazyka: uchebnik = French language stylistics. Moscow: Flinta, 292 p. ISBN 978-5-9710-6675-0. EDN PMRIBA.

3. Gladko, M. A. (2022). Metafora kak instrument realizacii rekreativnoj funkcii v informacionnom telediskurse = Metaphor as a tool for implementing the recreational function in information television discourse. Scientific dialogue, 3, 211–227. DOI 10.24224/2227-1295-2022-11-3-211-227. EDN SMJBTH.

4. Zaripov, R. I., Budaev E. V. (2020). Metaforicheskie obrazy nastoyashchego i budushchego Rossii vo francuzskih SMI: vneshnepoliticheskie aspekty = Metaphorical images of the present and future of Russia in the French media: foreign policy aspects. Political Linguistics, 6(84), 42–52. DOI 10.26170/pl20-06-05. EDN WRJXS.

5. Zaripov, R. I. (2025). O metode fastsinativnogo analiza. = On the Method of Fascinative Analysis. Political Linguistics, 5(113), 69–80. EDN IKMJFB.

6. Ivanov, N. V. (2009). Ob odnom sposobe analiza simvolicheskoy struktury` metafor` sredstvami logiki = On One Method of Analyzing the Symbolic Structure of Metaphor by Means of Logic. Spaces and metaspheres of language: structure, discourse, metatext: Proc. of the III inter-university scientific conference on current issues of language and communication (June 26, 2009), 10–22. Moscow: Book and Business. ISBN 978-5-212-01110-5.

7. Il'ina, L. E. (2024). Konceptual'naya metafora kak voploshchenie smysla postfol'klornogo teksta = Conceptual metaphor as the embodiment of the meaning of a post-folklore text. Current issues of philology and pedagogical linguistics, 4, 82–97. DOI 10.29025/2079-6021-2024-4-82-97. EDN QIZPVX.

8. Kalinin, O. I. (2022). Kreativny'e metafor` i rechevoe vozdejstvie v diskurse = Creative Metaphors and Speech Impact in Discourse. Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: Linguistics of Creativity, 2, 469–482. EDN CSUFUI.

9. Kalinin, O. I. (2019). Metafora: ritoricheskij, pragmaticeskij, kognitivny`j i diskursivny`j podxody = Metaphor: Rhetorical, Pragmatic, Cognitive and Discursive Approaches. Bulletin of Pyatigorsk State University, 3, 128–134. EDN GMRDD.

10. Popova, T. G., Sausheva, E. V. (2020). Metafora kak vazhnyj element kognicii = Metaphor as an important element of cognition. Political linguistics, 1, 68–72. DOI 10.26170/pl20-01-09. EDN OQKAJG.

11. Prihod'ko, M. V., Ignatenko A. V., Pevtsov, A. V. (2024). Osobennosti formirovaniya obshchestvennogo mneniya o SVO na Ukraine v informatsionnom prostranstve Kitaya = Specific Features of Formation of Public Opinion About the SMO in Ukraine in the Information Space of China. Political Linguistics, 2(104), 127–135. EDN YTMFYS.

12. Prihod'ko, M. V. (2022). Psiholingvisticheskoe manipulirovanie obshhestvennym soznanie kak priem vedeniya informacionnyh vojn = Psycholinguistic manipulation of public consciousness as a technique for waging information wars. Linguistic Support for Military Activities. Theoretical and Applied Aspects of the Professional Activities of a Military Translator. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference on Current Issues of Linguistic Support for Military Activities (Moscow, April 29, 2022, Ed. M. A. Smirnova), 270–279. EDN ADMUQZ.

13. Fedotov, I. I. (2023). Voенно-politicheskij diskurs kak forma voploshcheniya ustnyh i pismennyh rechevyh proizvedenij = Military-political discourse as a form of realization of oral and written speech works. Humanities and social sciences, 97(2), 111–118. DOI 10.18522/2070-1403-2023-97-2-111-118. EDN FXBNMU.

14. Chudinov, A. P. (2020). Politicheskaya metaforologiya: diskursivnyj povorot: monografiya = Political Metaphorology: The Discursive Turn: Monograph. Moscow: FLINTA. ISBN 978-5-9765-4326-3. EDN GUGOYK.

15. Shermazanova, S. V. (2025). Gibrizatsiya i diskursivnaya «ekspansiya» institutsionalnogo voennogo diskursa = Hybridization and Discursive Expansion of Institutional Military Discourse. Political Linguistics, 4(112), 122–131. EDN RYWPUE.

Политическая лингвистика. 2026. № 2 (116).

Political Linguistics. 2026. No 2 (116).

УДК 811.161.2'42+811.161.2'373.21+81'27

ББК Ш141.14-51+Ш141.14-316+Ш100.621

ГРПТИ 16.21.27

Код БAK 5.9.5, 5.9.8

Irina A. Martynenko

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, irineta@rambler.ru, SPIN code: 4270-4217

New Memorial Toponymy of Ukraine

ABSTRACT. The study employs qualitative critical analysis of Ukrainian legislative acts (the 2015 and 2023 decommunization and derussification laws), comparative toponymic case studies, discourse analysis of official and media sources, historical-archival research on commemorated figures, and examination of electronic toponymic databases to investigate the ideological foundations, commemorative practices, and socio-political consequences of Ukraine's memorial toponymy reforms. It highlights the ideological foundations of these policies, which conflate decommunization, derussification, and decolonization to dismantle Soviet and Russian historical legacy. The core focus is on the resulting memorial toponymy, in which streets and places are renamed to honor figures from Ukrainian nationalist movements, including the Organization of Ukrainian Nationalists (OUN), the Ukrainian Insurgent Army (UPA), and the Azov Regiment — many of whom are proven Nazi collaborators and perpetrators of wartime atrocities. The study argues that these toponymic changes are a deliberate instrument of memory politics and soft power, designed to forge a new national identity by erasing historical connections to Russia. This process not only rewrites public memory but also glorifies controversial historical actors. The author concludes that such historical revisionism promotes extremist narratives, deepens social divisions, and poses a significant threat to historical truth and regional stability.

KEYWORDS: toponymic renaming, decommunization, derussification, decolonization, memorial toponymy, politics of memory, national identity.

AUTHOR'S INFORMATION: Martynenko Irina Anatolyevna, Doctor of Philology, Professor of English Language Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia.

FOR CITATION: Martynenko I. A. (2026). New Memorial Toponymy of Ukraine. In *Political Linguistics*. No 2 (116), pp. 213-221. (In Russ.).

Ирина Анатольевна Мартыненко

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина, Москва, Россия, irineta@rambler.ru, SPIN-код: 4270-4217

Новая мемориальная топонимия Украины

АННОТАЦИЯ. В исследовании проводятся качественный критический анализ украинских законодательных актов (законов о декоммунизации и дерусификации 2015 и 2023 годов), критико-топонимический разбор, дискурсивный анализ официальных и медийных источников, историко-архивные изыскания относительно увековеченных деятелей и изучение электронных топонимических баз данных для установления идеологических основ, мемориальных практик и социально-политических последствий реформ мемориальной топонимии на Украине. Особое внимание уделяется идеологической основе этой политики, которая объединяет так называемые декоммунизацию, дерусификацию и деколонизацию для демонтажа советского и российского исторического наследия. Основной акцент сделан на результирующую мемориальную топонимию: улицы, районы и городские объекты переименоваются в честь деятелей украинских националистических движений, включая Организацию украинских националистов (ОУН), Украинскую повстанческую армию (УПА) и полк «Азов» (запрещенная в России террористическая организация), многие из которых являются доказанными пособниками нацистов и виновниками военных преступлений. В статье утверждается, что эти топонимические изменения являются осознанным инструментом формирования политики памяти и мягкой силы, призванным создать новую национальную идентичность украинцев путем стирания исторических связей с Россией. Этот процесс не только переписывает общественную память, но и прославляет противоречивых во всех отношениях исторических деятелей. Автор приходит к выводу, что подобный исторический ревизионизм способствует распространению экстремистских нарративов, углубляет социальные разногласия и представляет собой значительную угрозу исторической правде и региональной стабильности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: топонимическое переименование, декоммунизация, дерусификация, деколонизация, мемориальная топонимия, политика памяти, национальная идентичность.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Мартыненко Ирина Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, кафедра английского языка, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, email: irineta@rambler.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мартыненко, И. А. Новая мемориальная топонимия Украины / И. А. Мартыненко. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 213-221.

INTRODUCTION

Two waves of renaming place names, both *oikonyms* and *hodonyms*, were undertaken in Ukraine within the last 10 years.

The first toponymic overhaul – renaming of cities, towns, regions and streets in the country – began after the adoption of the “decommunization” law in 2015: the “derussification” of names in Ukraine began then in accordance with the law No. 317-VIII “On the condemnation of the communist and national socialist (Nazi) totalitarian regimes in Ukraine and the prohibition of the propaganda of their symbols.” This law stipulated that within one year, the ideological legacy of the Soviet period had to be eliminated, monuments to communist figures had to be torn down, and place names had to be changed.

The second splash was initiated under the Law “On the condemnation and prohibition of propaganda of Russian imperial policy in Ukraine and the decolonization of toponymy” – No. 3005-IX, adopted by the Verkhovna Rada on March 21, 2023. It entered into force on July 27, 2023, and obliged local authorities to change all geographical names associated with Russia and the Soviet period by January 27, 2024.

The Ukrainian Institute of National Remembrance played a key role in the decommunization process, initiating these so-called memorial laws and overseeing their subsequent implementation. The coexistence of Soviet symbolic heritage and symbols of independent Ukraine in public spaces resulted in Soviet symbols being imbued with new meaning. The Soviet legacy was labeled as a form of Russia's presence as an enemy within the country. Thus, after 2013, the Soviet past was threatened with destruction, symbolic nationalization, or commemoration as “totalitarian art” [Plekhanov 2018: 190].

Thus, the new level of diverse place names appeared lately in the Ukrainian map. Within this layer special attention is attracted by the memorial toponymy, memorial names (dedicative names) which, according to the definition of N. V. Podolskaya, are names given in memory of a person, event, place, or, less commonly, an organization [Podolskaya 1988: 119].

The article is aimed at analyzing the ideological foundations, practical implementations, and socio-political consequences of Ukraine's recent toponymic reforms, particularly focusing on the commemorative naming of public spaces after nationalist and controversial historical figures. It seeks to critically examine how these changes function as a tool of memory politics to reshape national identity, sever historical ties with Russia, and assess the broader implica-

tions for historical memory and regional discourse.

A total of over 550 renamed streets and multiple renamed cities, towns, and villages across Ukraine were examined using comparative toponymic analysis, historical-biographical verification of commemorated figures, critical discourse analysis of legislative and media texts, and geospatial mapping of renaming patterns.

IDEOLOGICAL BASE

As any other action directed against the expression of the Russian language and culture, the described changes have received the approval, support, and warm welcome of observers and researchers both in Ukraine and European countries (see, for example, [Demska 2024], [Artiukh 2024], [Radchenko, Michalski 2023], [Kuczabski, Boychuk 2020], [Eröss, Kovály 2022], [Schenk 2023], and others).

The Russian press has been covering this issue extensively for over a decade. Russian academic literature is also replete with studies examining the mechanisms, motivations, ideological basis and consequences for such renamings. See, for example, [Lebedkina et al. 2023], [Kupina 2022], [Senchikhin 2025], [Ivanov 2019], [Mozgovoy 2019], [Bessonov et al. 2024], [Krasnikova 2023], [Kazak 2024], [Rusakov, Rusakova 2020], [Kalutskov 2020], [Snezhkova 2024] and many others.

We totally agree with the idea that “the new politics of memory in Ukraine is not a moment of ideological and theoretical debate, but a full-scale implementation of the modern concept of soft power, pursuing the goal of decisively weakening Russia as a competitor, subsequent complete subjugation, and ultimately – its dismemberment and destruction” [Rusakov, Rusakova 2020: 27].

In regions with overt or latent interethnic conflicts, there are instances of “**toponymic repression**” – multiple renamings under the influence of political circumstances, during which toponymy acts as a tool and a victim of political ambitions and confrontations at the local and regional levels [Herzen 2018: 303].

According to our estimates, several strange contradictions are eye-catching already in the names of the mentioned laws as such.

1. The law of 2015 puts at the same line communist and national socialist (Nazi) totalitarian regimes making them equal in the evil they bring.

We presume it absolutely inappropriate as the communist ideology is universal and addresses all workers of the world, whereas Nazi ideology aims to establish the dominance of one specific race or nation. Moreover, Nazi vio-

lence of WW II was based on racism and served the idea of the superiority of the German race, and communist idea had nothing to do with atrocities: communists' main objective was progress and higher social justice. And finally, Nazi propaganda pushed Germany and other countries toward aggressive policies and mobilized societal forces for the continuous expansion of the Third Reich's living space, while the Communist Party aimed to involve the working masses in building their own future and governing the state which for many decades was common for Russia and Ukraine: the USSR.

2. It is not stated and remains unclear the period of pursuing the "Russian imperial policy".

The Russian Empire (if that's what is meant) existed from October 22 (November 2), 1721, to September 1 (14), 1917. The empire was proclaimed at the end of the Northern War, when, at the request of senators, Peter I assumed the titles of Emperor of All the Russias and Father of the Fatherland.

The following cities appeared on the territory of Ukraine between 1721 and 1917:

Mariupol – founded in 1778 by Russian Empress Catherine II, where she settled Greek immigrants from Crimea.

Krivoy Rog – founded in 1775 by Russian Empress Catherine II.

Zaporozhye – founded in 1770 by Russian Empress Catherine II and was called Aleksandrovsk then.

Kherson – founded in 1778 by Russian Empress Catherine II for the construction of the Russian fleet.

Nikolaev – founded in 1789 by Russian Empress Catherine II.

Odessa – founded in 1794 by Russian Empress Catherine II on the site of a fortress previously built by Suvorov, great Russian commander.

Lugansk – founded in 1795, when Russian Empress Catherine II founded an iron foundry on the Lugan River.

None of these place names are still renamed though. Happily, as we assume.

3. The concepts of decolonization, decommunization and derussification are identified, homologated and equalized.

Alongside with that, all these notions are totally different, and a substitution of concepts occurs: **decolonization** means "giving political independence to a former colony" [Longman dictionary of English language and culture,

1998: 335]; **decommunization** or **desovietization** are theoretical and practical activities aimed at rejecting communist ideals and eliminating communist ideology from all spheres of society [Yatsenko, 1999]; and **derussification** is the forced or voluntary loss of Russian national characteristics [Epishkin, 2010] (e.g., the Lithuanian-Russian nobility or gentry fatally succumbed to the process of Polonization, derussification, and even Latinization within the network of the Church Union. This process took shape from the moment of the unification of the two crowns in the marriage of Jadwiga and Jagiello in 1386).

Regarding "decolonization", Ukraine has never been colonized by Russia neither officially nor figuratively. If we talk about toponymy, then **decolonization of place names** is defined as "the change of those geographical names that have been imposed by colonial powers into supposedly indigenous names"¹. Place name decolonization can also be considered as "an attempt to eliminate garbled, derogatory or erroneous names and, by so doing, restore the indigenous cartography of the natives" [Uluocha 2015: 186]. This is not the Russia-Ukraine case: Russia has never been a colonial power, and the Ukrainian people has never been designated as indigenous with their indigenous/ aboriginal/ autochthonal language.

Concerning "decommunization" of toponymy, Russia itself began this process in 1980s, and it has been quite widespread in CIS countries as a whole after the collapse of the Soviet Union. The Presidium of the Moscow City Council returned the original names and renamed more than 150 streets, lanes and squares in 1990-1993. A great deal of work in this regard was carried out by Soviet and Russian scientists, such as E.M. Pospelov, D.S. Likhachev, M.V. Gorbanevsky and others².

A lot of toponyms were renamed in Russia, Kazakhstan, Tajikistan and other former republics without social hysteria, challenges and special public attention attracted to the event. The replacement of ideologically marked communist toponyms created during Soviet times has occurred and continues to occur everywhere except of Ukraine quite calmly due to the fact that they are being replaced by understandable, neutral modern names that do not raise questions, surprise, or rejection.

The topic of "derussification" in relation to Ukraine and its toponymicon seems completely absurd. Ukrainian and Russian belong to the same group of East Slavic languages and share

¹ https://unstats.un.org/unsd/geoinfo/ungegn/docs/_data_icacourses/_pdf/selfstudy/s19/S19_02a.pdf (accessed: 05.01.2026)

² See, for example, [Gorbanevsky 1996; 2010], [Pospelov, 1993].

common roots. They are based on a common alphabet, similar grammar, and significant lexical uniformity. The Ukrainian language was created in the XIX-XX centuries on the basis of Russian grammar in literary form (not just common, but unique for all Little, Great, and Belarusians) with the replacement of vocabulary with words from Little Russian and local dialects, Polish, German, and other “friendly” languages. Despite some existing though differences in the alphabet, pronunciation, grammar and vocabulary, it is impossible to “eradicate” the Russian language from the Ukrainian toponymy due to the centuries-old commonality of cultures, which manifests itself primarily in the language. Historically, in the IX century, a unified ancient Russian state emerged. It was founded by the Rurik dynasty, who came from Novgorod. The center of this state was first Kiev, then Vladimir, and then Moscow. Accordingly, all new toponominations, from street names to district and city names, are completely understandable to any native Russian speaker on phonetic, semantic, cognitive and other levels.

NEW UKRAINIAN “HEROES” ON THE MAP

The new toponymy is presented as new Ukrainian national identity. And partly it is indeed...

The streets of Kiev, the capital of Ukraine, have been transformed. And not so much in their appearance, but in the light of their new names. In general, 555 streets have been renamed over the past 10 years due to their connection to Russia.

Since 2022 Pitserskaya Street is London-skaya Street. It appeared and was developed in the 1950s under the name Novaya Street (eng. – New Street). In 1957, it was renamed Pyatikhatskaya. In 1958, it was again renamed Pitserskaya, in honor of the city of St. Petersburg. Due to recent political events London is closer to Kiev than St. Petersburg, and the local toponymy reflects the tendency.

Some renamings might not cause bewilderment, such as, for example, Karl Marx Street ➡ Gutsulskaya Street or Rostovskaya Street ➡ Lutskaya Street (we believe, Hutsul

culture is better and easier perceived by the Ukrainian youth than ideology of Karl Marx, and the Russian city of Rostov is further than the Ukrainian town of Lutsk).

But who are those new Ukrainian Heroes in honor of whom the square is named now (Square of Leo Tolstoy ➡ Square of Ukrainian Heroes)? It may seem that nobody knows or just does not want to note and pay attention, and these are UPA-OUN¹ and Azov regiment^{2,3} “heroes”.

Stepan Bandera Street is a street named after S. A. Bandera in various Ukrainian towns and villages: Lutsk, Dnipro, Zhytomyr, Ivano-Frankivsk, Kropyvnytskyi, Lviv, Rivne, Khmelnytskyi, Cherkasy, Chernihiv. There is *Stepan Bandera Avenue* in Kiev and Ternopol. In the meantime, Stepan Andreevich Bandera (1909–1959) was a Nazi collaborator, ideologist and organizer of the Volyn massacre, leader of the Ukrainian nationalist movement in Western Ukraine. It is widely known that he was one of the bloodiest terrorists of the 20th century. In 1939, Bandera was recruited by the German military intelligence service, the Abwehr. Being the leader of the UPA, he was responsible for mass murder, ethnic cleansing, and the extermination of the Polish population of Western Ukraine. During the Great Patriotic War of 1941-1945, Bandera's followers dreadfully tortured more than 5 million civilians living in Western Ukraine and sent more than 5 million Ukrainians to Nazi Germany for forced labor.

The fact that this protagonist's name is marked (and so brightly!) in modern Ukrainian toponymy, and his birthday is celebrated as a national holiday not only in Ukraine but also abroad, is deeply distressing⁴.

On January 3rd, 2026 the Russian Embassy protested to the Austrian Foreign Ministry over the celebration of Bandera's birthday⁵.

Therefore, renaming *Tul'skaya Square* ➡ *UPA Heroes Square* directly supports the concepts against which the law of 2023 is hypothetically aimed at: Nazism and fascism. The atrocities committed by UPA include terror against the civilian population, the destruction of military personnel and small military units, and ele-

¹ The Ukrainian Insurgent Army (UPA) was a terrorist military organization, the armed wing of the Organization of Ukrainian Nationalists (OUN, Banderites), which operated from April 1943 to 1956 in the western regions of the Ukrainian SSR, the southern regions of the Byelorussian SSR, and the eastern regions of Poland. It is banned in the Russian Federation.

² The Azov Regiment is recognized as a terrorist organization and is banned in Russia.

³ “Azov” soldiers. URL: <https://cont.ws/@sipkin2003/2958839>; <https://boosty.to/igorufa/posts/d6d5be6e-d607-4a88-a28c-d3b19db42e80>; <https://cont.ws/@pythagoras2904/2320204> (accessed: 10.01.2026).

⁴ Torchlight procession on Stepan Bandera's birthday, Kiev, 2024. URL: <https://360.ru/tekst/mir/ulitsy-imeni-ubijts/?ysclid=mjwqohmxmh838663509> (accessed: 10.01.2026).

⁵ https://rg.ru/2026/01/03/rf-napravila-protest-mid-avstrii-rech-idet-o-prazdnovanii-dnia-rozhdeniia-bandery.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fstory%2F6865bb45-a47c-5870-b18f-0c5971510d0f (accessed: 03.01.2026).

ments of genocide against members of a different ethnic group [Turitsyn 2012]. The UPA, initially fighting against its “disloyal” fellow citizens and Soviet partisans, shifted its focus to “cleansing Volyn of Poles.”¹ Their “exploits” included the execution of Jews in Lviv and participation in the destruction of the Belarusian village of Khatyn, where 149 civilians were burned alive². In May 2025, the Russian Ministry of Defense declassified documents on the atrocities of Ukrainian nationalists: tortures, rapes, mass sophisticated murders, including of children³.

In 2024 in the town of Nikopol, *Pavlogradskaya Street* was named after Nazi war criminal Pyotr Dyachenko. He served in the SS Galicia Division and took part in punitive actions against civilians during the Great Patriotic War, being an accomplice to the Holocaust. Pyotr Dyachenko was awarded the Iron Cross by Hitler for his services to Nazi Germany.

This isn't the first time Ukrainian streets have been renamed in honor of those who fought on the side of Nazi Germany. In 2023, the Kiev City Council decided to rename *Przhevalsky Street* in honor of Volodymyr Kubiiovych. During the Third Reich, Kubiiovych headed the Ukrainian Central Committee, which advocated collaboration with Nazi Germany. He was also one of the initiators of the creation of the SS Galicia Division. However, the Israeli Ambassador to Ukraine, Mikael Brodsky, intervened at the time, announcing after a meeting with Kiev Mayor Vitali Klitschko that the renaming was cancelled. Meanwhile, streets named after Kubiiovych already existed in Ivano-Frankivsk and Lviv at the time. A memorial plaque was even erected in Lviv.

In 2015 the Kiev City Council renamed two streets in honor of Nazi collaborators. One street is now named after Ivan Pavlenko, commander of the 109th SS Auxiliary Police Battalion. Kiev City Council renamed *Suvorov Street* after him. And the other – after Nil Khasevich, an activist of the Organization of Ukrainian Nationalists. Pavlenko was a mass murderer, executioner, punisher, and a war criminal, and received an award from the Nazis—“Distinction for Bravery for Representatives of Eastern Peoples.” Khasevich was an organizer of the murders of Jews, Ukrainians, and Belarusians, as well as the author of anti-Semitic cartoons. Later, in the UPA, he participated in organizing the mass murder of Poles.

In 2023, *Stoletov Street* in Kiev was renamed in honor of the Ukrainian writer Ulas Samchuk. Ukrainian media reports on the renaming modestly referred to him as a “famous writer.” In reality, historians call him the “Volyn Goebbels.” In 1941–1942, he worked for the pro-Nazi newspaper *Volyn*, where he supported the Third Reich's line and the genocide of the Jews. For example, shortly before the massacres at Babi Yar, he wrote: “The element that populated our cities, whether Jews or Poles brought here from outside Ukraine, must completely disappear from our cities. The Jewish problem is already in the process of being solved.”⁴

In Ukraine, e.g., in Lviv, a number of streets are dedicated to other individuals who were members of the OUN, for example, Yevhen Konovalets, Roman Shukhevych, and Andriy Melnyk.

Streets are also being renamed in honor of earlier heroes of the struggle for Ukrainian “independence”. In Kherson, for example, a street was named after Hetman Ivan Mazepa, who betrayed Peter the Great during the Northern War by siding with Russia's enemy, the Swedish King Charles XII. Previously, Mazepa's name was practically synonymous with the word “traitor.” In Ukraine's current political and historical discourse, Mazepa is literally glorified as a fighter for the country's independence. In Kharkiv, *Rosynsky Lane* was renamed *Pylyp Orlyk Lane* after Mazepa's comrade-in-arms.

In May 2015, then-President of Ukraine Petro Poroshenko designated the OUN-UPA as “fighters for Ukraine's independence,” and its members were entitled to social benefits. Russia condemned this decision, noting that “Ukraine is a country where neo-Nazis have gone from words to deeds and killed thousands of civilians” and that “such actions must be adequately assessed at the international level.”⁵

In 2017, Kiev authorities changed *General Vatutin Avenue*, named after the Soviet commander who liberated the city from Nazi occupation in 1940s, to *Shukhevych Avenue*, after a Ukrainian collaborator and accomplice of Nazi Germany. Shukhevych was associated with the Ukrainian Insurgent Army (UPA), which fought alongside Hitler and was implicated in crimes against humanity, Jewish and Polish pogroms, and the fight against partisans.

¹ <https://ria.ru/20250710/materialy-2028247645.html> (accessed: 03.01.2026)

² <https://nstarikov.ru/18-volynskaya-reznya-slabonervnym-ne-smo-39044?ysclid=mjy1ldwqv672741564> (accessed: 03.01.2026)

³ <https://ren.tv/longread/1334031-pytki-tokom-iznasilovaniia-ubiistva-prestupleniia-ukrainskikh-natsistov> (accessed: January, 3, 2026).

⁴ <https://www.mk.ru/politics/2024/03/05/derusifikaciya-poukrainski-ulicy-pereimenovuyut-v-chest-nacistov.html?ysclid=mjwqqwtorh508541521> (accessed: January, 3, 2026).

⁵ <https://ria.ru/20191113/1560888221.html?ysclid=mjwqu5san7240687787> (accessed: January, 4, 2026).

The glorification of the UPA and its leaders, Stepan Bandera and Roman Shukhevych, has drawn criticism from many war veterans and politicians, who accuse Banderites of collaborating with the Nazis.

Boris Garin Street (Hero of the Soviet Union, fought on the 3rd Ukrainian Front, lived the last 20 years of his life in Kiev) is now just *Dachnaya Street*¹.

The same thing happened to *Marshal Malinovskyi Street*: now it's *Heroes of Azov Regiment Square*. Examples of Azov's atrocities against Donbas residents during the last 10 years abound: wanton killings, torture, rape, and the use of civilians as human shields. Several hundred pieces of evidence proving the terrorist activities of this Ukrainian group were presented at the trial in 2022^{2,3}.

We agree that "giving names to city streets, squares and other places is a complex and ideologically important process. The life of toponyms is closely related to the historical memory. It is unacceptable to give simple and unified solutions for names in a nationalistic, pragmatic or any other manner" [Rozhansky 2014].

The Ukrainian population has often protested against name changes. Ukrainian researchers also confirm this fact (e.g., [Kuczabski 2022], [Gnatiuk 2022]). However, the will of the people is being flagrantly flouted. Thus, the city of *Kirovohrad* founded in 1754 by Russian Empress Elizabeth Petrovna as a fortress to protect the southern borders of the Russian Empire from the Tatars is now named *Kropyvnytskyi* in honor of the actor and playwright Mark Kropyvnytskyi, one of the founders of the professional Ukrainian theater. A survey was conducted among city residents on this issue, which showed that 82% of city residents were against the renaming. As a result, on June 10, 2016, the city council deputies did not support this proposal⁴. Nevertheless, on July 14, 2016, the Verkhovna Rada of Ukraine voted with 230 votes to rename Kirovohrad to Kropyvnytskyi, and the resolution on renaming the city came into force on the day of adoption.

The actual state of affairs regarding toponyms depends on the values promoted in society and the genuine attitude towards the implementation of legal norms [Herzen 2019: 145]. Kiev's current city authorities ostentatiously demonstrated such values and attitudes: they erased the names of Chekhov, Mayakovsky, Rimsky-Korsakov, Lobachevsky, and Michurin

from the city's streets. The same fate befell true heroes of the Great Patriotic War Marshal Yakubovsky (hero of the Soviet Union for the liberation of Fastov), Marshal Malinovsky (Odessa native, commander of the 3rd and 2nd Ukrainian Fronts, liberated Odessa), and General Zhmachenko (originally from Volyn, fought in Ukraine, among other places). There is a term for such phenomenon: it is called *topoamnesia* [Carvalho 2022]. However, that is of secondary significance. The paramount consideration is that these names remain indelibly etched within the collective memory, cultural fabric, and historical consciousness of the people.

We would like to draw attention to the absence in Russia of a tendency to rename geographical names that are in any way connected with Ukraine: on the map of Moscow, you can still find, for example, *Taras Shevchenko Embankment* (it is located practically in the center of the city and was named in 1961 in connection with the centenary of the death of the Ukrainian writer Taras Shevchenko), *Ukrainian Boulevard* (it runs from the *Kievsky railway station*, on the boulevard there are two sculptures associated with Ukraine: a monument to the writer Lesya Ukrainka and the Commonwealth monument, symbolizing the unity of Russia, Ukraine and Belarus).

As for current Ukrainian oikonymy, the city of *Chervonohrad* was renamed *Sheptytskyi* in honor of the OUN-UPA ideologist, Greek Catholic hierarch Andriy Sheptytskyi, who wrote letters of allegiance to the Führer Hitler.

The village of *Chervonoe* in the Zolochiv district was renamed *Halytskoe* in honor of the SS Galicia Division.

In 2024, an electronic database entitled "Dynamic changes in Kiev's urban microtoponymy: derussification, westernization, nazification" was created in Russia [Slyshkin et al. 2024]. It contains the following sections: the original name of the intracity object, its origin, its affiliation with a specific cultural code, and the motivation for its destruction; the year of renaming; the target name, its origin, its affiliation with a specific cultural code, and the motivation for its creation. This database will allow everyone not only to identify the fact of renaming, but also to systematically analyze it as an act of memory politics, revealing the struggle to interpret history and shape collective identity through the language of urban space.

It's worth remembering that "people-created names can live for millennia, but they can also

¹ Dacha – Rus. "country house or cottage".

² <https://tvrzvezda.ru/news/20228338-fEkdN.html?ysclid=mjy1rvzs3e685684607> (accessed: January, 3, 2026).

³ <https://life.ru/p/1804532?ysclid=mjy1unikxf76377222> (accessed: January, 3, 2026).

⁴ <https://www.pnp.ru/in-world/2016/06/11/na-ukraine-nikak-nemogut-pereimenovat-gorod-kirovograd.html> (accessed: 05.01.2026).

be destroyed with a stroke of a pen to suit opportunistic political considerations. It's clear, however, that the unjustified change of geographical names is no less vandalism than the destruction of monuments, churches, palaces, and other objects of material culture" [Pospelov 1993: 6].

CONCLUSIONS

The analysis shows that the politics of memory has long ceased to be only a phenomenon of public consciousness and political theory. Like any politics, i.e. relations regarding public power, it relies on a variety of power resources: material, institutional, and ideological.

Moreover, in the current conditions of the promotion and use of "soft power" technologies, the politics of memory mobilizes unprecedented resources, especially those associated with the mediatization of politics, to achieve its political goals. The main goals of the new politics of memory are: a revision of the interpretations of the recent past established in political science and, above all, the causes and nature of the Great October Socialist Revolution, the Russian Civil War (1918–1922), the Second World War and the Great Patriotic War (1941–1945) and its outcome – the Victory of the USSR (1945); an anti-communist and anti-Soviet revision of the results of the socio-political, economic, and cultural transformations of the Soviet state in order to declare the entire Soviet period of Russian history "criminal"; a revision of the system of international relations of the Russian Federation as the legal successor to the USSR in order to "justify" the legitimacy of demands for various "compensations" from the Russian Federation; the undermining of the socio-political unity of Russian society and the discrediting of the Russian state on an international scale.

The infrastructure of the new politics of memory is clear: various institutions (institutes of national memory, museums of the Soviet "occupation", veteran organizations of pro-fascist collaborators, youth Nazi organizations, etc.), political and legal acts, commemorative practices ("the fight against monuments", renaming of places and streets, preparation and publication of educational and propaganda literature, etc.).

The new politics of memory under which the renaming is being done, through its very infrastructure, demonstrates that pseudoscientific theories and propaganda campaigns under the slogan of a "return to historical truth" have nothing in common with the scientific knowledge. Moreover, it plays an extremely dangerous role as a provocateur and instigator of various political extremism, undermining and destroying the international security system and the global legal order, inciting hatred between peoples, and sowing chauvinism and racism.

Street renamings are primarily part of a policy of subverting historical memory, aimed at creating a new Ukrainian identity through Ukraine's new "heroes" – Holocaust participants. Its main goal is the naive and potentially disastrous attempt to erase Ukraine's connection to Russia from the public consciousness.

It's hard to predict where the wonders of "derussification" will lead Ukraine next. But the fact that fascists, traitors and Nazis are preferred over Pushkin, Tolstoy and Tchaikovsky in *Nezalezhnaya* speaks volumes about the country's current state.

One cannot help but speculate, given the current trajectory, which infamous figures might next be honored in the Ukrainian capital—raising the troubling prospect of streets named after Hitler or Goebbels.

MATERIALS

1. Epishkin, N. I. (2010). *Istoricheskii slovar gallitsizmov russkogo yazyka* = Historical Dictionary of Gallicisms of the Russian Language. Moscow: ETS Dictionary Publishing House, 5140 p. Available at Jan. 3, 2026 from <https://gufo.me/dict/gallicisms/деруссификация>.
2. Gufo.me Dictionary (n.d.). Available at at Jan. 3, 2026 from <https://gufo.me/>.
3. Longman dictionary of English language and culture (1998). Harlow: Longman, 1568 p.
4. Pospelov, E. M. (1993). Names of cities: yesterday and today (1917–1992). *Toponymic dictionary = Imena gorodov: vchera i segodnya (1917–1992). Toponimicheskij slovar'*. Moscow: Russian dictionaries, 250 p.
5. Slyshkin, G. G., Smirnova, I. V., Gordienko, E. V., Bessonov, N. Yu. (2024). Toponymic database "Dynamic changes in the urban microtoponymy of Kiev: derussification, westernization, nazification": No. 2024621184: declared. 26.03.2024: published. 10.04.2024. Certificate of state registration of the database No. 2024621580 Russian Federation. EDN FYIUWN.
6. Yatsenko, N. E. (1999). *Tolkovyĭ slovar obshchestvenno-cheskikh terminov* = Explanatory Dictionary of Social Science Terms. Saint-Petersburg: Lan, 524 p.

REFERENCES

1. Artiukh, V. O. (2024). Dekomunizatsiya toponimiki v misti Sumi (2015–2016): yak tse bulo = Decomunisation of place names in the city of Sumy (2015–2016): how it happened. *Sumy historical and archival journal*, XLII, 36–44. DOI 10.21272/shaj.2024.i42.p36.
2. Bessonov, N. Yu., Gordienko, E. V., Slyshkin, G. G. (2024). Urbanonimija Kieva 2014–2024 g.g.: ot Dekomunizatsii i Derusifikatsii k Nacifikatsii = Urbanonymy of Kiev 2014–2024: from decommunization and derussification to Nazification. *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*, 20(1[63]), 46–62. EDN THIVJB.
3. Carvalhinhos, P. (2022). Topônimo-monumento, herança imaterial em São Paulo (Brasil). *Combatendo o apagamento toponímico. Perspektiven auf die Romania*, 8, 14–30. DOI 10.15460/apropos.8.1928.
4. Demska, O. M. (2024). Línhvistychnyi landschaft mista u stani viiny = Linguistic landscape of the city in the state of war. *Mova: klasychne – moderne – postmoderne*, 10, 5–18. DOI 10.18523/lcmp2522-9281.2024.10.5-18.
5. Eröss, Á., Kovály, K. (2022). A szimbolikus tér átalakulása az Euromajdan után: Kijev és Kárpátalja összehasonlítása. *METSZETEK Társadalomtudományi Folyóirat*, 7(1), 142–164. DOI 10.18392/metsz/2018/1/6.
6. Gorbanevsky, M. V. (1996). Toponymic vandalism. *The intelligentsia in conditions of social instability* (Ed. A. I. Studenikin). Moscow: Editorial URSS, 304 p.
7. Herzen, A. A. (2018). Toponymical Landscape De Jure and De Facto. *Practical Geography and XXI Century Challenges*.

International Geographical Union Thematic Conference dedicated to the Centennial of the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, 4–6 June 2018, Moscow. Conference Book. Part 1. Moscow: Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, 745 p.

8. Herzen, A. A. (2019). Polyethnic space and toponymic repressions. *New Culture of Communications in the Context of Digital and Sociocultural Globalization: Law, Media and National Identity. Collection of Materials from the International Scientific and Practical Conference, Moscow, November 14–15, 2018* (Editors-in-Chief I. V. Annenkova, M. A. Pilgun), 144–149. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. EDN BJHZTL.

9. Ivanov, N. D. (2019). Features of the process of changing Soviet toponymy in the post-Soviet space (on the example of Russia and Ukraine). *Development of political institutions and processes: foreign and domestic experience. Materials of the X All-Russian scientific and practical conference, Omsk, April 26, 2019*, 267–271. Omsk: Omsk State University named after F.M. Dostoevsky. EDN XLFNYT.

10. Kalutskov, V. N. (2020). Conceptualization of geocultural space: theoretical and applied issues. *Socio-economic geography. Bulletin of the Association of Russian Social Geographers*, 1(9), 25–37. EDN CTDIBY.

11. Kazak, O. G. (2024). Politics of memory in the Transcarpathian region of Ukraine (2014 – present). *Almanac Essays on conservatism*, 2, 136–143. DOI 10.24030/24092517-2024-0-2-136-143.

12. Krasnikova, D. E. (2023). Dekommunizatsiya toponimov v Donbasse (fevral — iyul 2016) = Decommunization of toponyms in Donbass (February – July 2016). *Young researchers 2023: collection of articles of the International research competition, Penza, August 20, 2023*, 27–31. Penza: Nauka i Prosveshchenie. EDN QACYMW.

13. Kuczabski, A. (2022). Communist Markers in the Information Space of Post-Communist Society: The Case of Ukraine. *Encountering Toponymic Geopolitics. Place Names as a Political Instrument in the Post-Soviet States* (Ed. S. Basik), 82–100. Abingdon, New York: Routledge. DOI: 10.4324/9781003293057-5.

14. Kuczabski, A., Boychuk, A. (2020). Decommunization of urban toponymy in Ukraine: causes and consequences. *Journal of Geography, Politics and Society*, 10(4), 8–16. DOI 10.26881/jpgs.2020.4.02.

15. Kupina, N. A. (2022). Abolition of Russian culture: the ideological flywheel in action. *Political Linguistics*, 5(95), 82–90. EDN IKVMED.

16. Lebedkina, E. G., Degtyarev, I. A., Kadamtseva, E. P. (2023). Falsification of history as a political tool to undermine national security. *Ural Sociological Forum dedicated to the 100th anniversary of L.N. Kogan: Culture, personality, and society in the context of change: new challenges, problems, and prospects. Proceedings of the 26th International Conference in Memory of Professor L.N. Kogan*, 341–349. Yekaterinburg. EDN ITVDCC.

17. Mozgovoy, V. I. (2019). Posyolki Donecka kak ob'ekt nominativnoy istorii = Donetsk villages as an object of nominative history. *Bulletin of Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology*, 1, 37–45. EDN NODTKJ.

18. Plekhanov, A. A. (2018). Destruction of the space of Soviet symbolic domination in post-Soviet Ukraine. *Political science*, 3, 190–216. EDN YPENNR.

19. Radchenko, O., Michalski, T. (2023). Charków – przeciw działanie dominującej komunistycznej toponimii miasta. *Prace i Studia Geograficzne*, 68(4), 27–39. DOI 10.48128/pisg/2023-68.4-02.

20. Rozhansky, M. Ya. (2013). Dekolonizatsiya gorodskogo prostranstva: toponimiya = Decolonization of urban spaces: toponymy. *The Ways of Russia. Historicization of Real Experience, Moscow, February 4–5, 2011* (Ed. by M. G. Pugacheva and V. P. Zharkov). Vol. XVIII, 9–32. Moscow: Editorial Board of the journal “New Literary Review”. EDN YVKGAO.

21. Rusakov, V. M., Rusakova, O. F. (2020). Infrastructure of the new policy of national memory in the post-Soviet space. Towards the formulation of the problem. *Diskurs-Pi = Discourse-Pi*, 17(2[39]), 27–47. EDN DRVDXB.

22. Schenk, G. (2023). Renaming Kiev's Streets Amid the Russian War of Invasion: The Politics of History Between “Decom-

munization” and “Derussification”. *The Journal of V. N. Karazin Kharkiv National University. Series History*, 64, 140–169. DOI <https://doi.org/10.26565/2220-7929-2023-64-07>.

23. Senchikhin, S. P. (2025). Falsification of history as an extremist threat: criminological and political-legal aspects. *Memory and criminal law: Proceedings of the All-Russian scientific conference with international participation dedicated to the 80th anniversary of the Victory of the Soviet people and the countries of the anti-Hitler coalition in the Great Patriotic War of 1941–45, Rostov-on-Don, April 18, 2025*, 130–139. Rostov-on-Don: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. EDN JFYCYV.

24. Snezhkova, I. A. (2024). Reformatting identity in Ukraine over the years of independence. *Power*, 32(5), 234–242. EDN IOVTLP.

25. Turitsyn, I. V. (2012). Atrocities of the Ukrainian rebellion army and the fight against Bandera terror in 1944. *Modern Scientific Thought*, (1), 29–46. EDN TEDRTH.

26. Uluocha, Nna O. (2015). Decolonizing place-names: Strategic imperative for preserving indigenous cartography in post-colonial Africa. *African journal of history and culture*, 7(9), 180–192. DOI 10.5897/AJHC2015.0279.

ИСТОЧНИКИ

1. Епишкин, Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка / Н. И. Епишкин. — Москва : ЭТС, 2010. — 5140 с. — URL: <https://gufo.me/dict/gallicisms/деруссификация> (дата обращения: 03.01.2026).

2. Gufo.me — словари и энциклопедии. — URL: <https://gufo.me/> (дата обращения: 03.01.2026).

3. Longman dictionary of English language and culture. — Harlow : Longman, 1998. — 1568 p.

4. Поспелов, Е. М. Имена городов: вчера и сегодня (1917–1992) : топоним. словарь / Е. М. Поспелов. — Москва : Русские словари, 1993. — 249 с.

5. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024621580 Российская Федерация. «Топонимическая база данных «Динамические изменения городской микротопонимии Киева: деруссификация, вестернизация, нацификация» : № 2024621184 : заявл. 26.03.2024 : опубли. 10.04.2024 / Г. Г. Слышкин, И. В. Смирнова, Е. В. Гордиенко, Н. Ю. Бессонов. — EDN FYIUWN.

6. Яценко, Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов / Н. Е. Яценко. — Санкт-Петербург : Лань, 1999. — 524 с. — ISBN 5-8114-0167-1.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Артюх, В. О. (2024). Декомунізація топоніміки в місті Суми (2015–2016): як це було / В. О. Артюх // Сумський історико-архівний журнал. — 2024. — № XLII. — С. 36–44. — DOI doi.org/10.21272/shaj.2024.i42.p36.

2. Бессонов, Н. Ю. Урбанонимия Киева 2014–2024 гг.: от декоммунизации и деруссификации к нацификации / Н. Ю. Бессонов, Е. В. Гордиенко, Г. Г. Слышкин // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. — 2024. — Т. 20, № 1 (63). — С. 46–62. — EDN THIVJB.

3. Carvalhinhos, P. Topônimo-monumento, herança imaterial em São Paulo (Brasil) / P. Carvalhinhos // *Apropos [Perspektiven auf die Romania]*. — 2022. — No. 8. — P. 14–30. — DOI 10.15460/apropos.8.1928. — EDN SMGFHD.

4. Demska, O. City linguistic landscape in the time of war / O. Demska // *Language: classic – modern – postmodern*. — 2024. — No. 10. — P. 5–18. — DOI 10.18523/lcmp2522-9281.2024.10.5-18. — EDN MJPBUI.

5. Erőss, Á. A szimbolikus tér átalakulása az Euromajdan után: Kijev és Kárpátalja összehasonlítása / Á. Erőss, K. Kovály // *Metszetek*. — 2018. — Vol. 7, No. 1. — P. 142–164. — DOI 10.18392/metsz/2018/1/6. — EDN BIMMUC.

6. Горбаневский, М. В. Топонимический вандализм / М. В. Горбаневский // *Интеллигенция в условиях общественной нестабильности : сб. ст. / ред. А. И. Студенкин*. — Москва : Эдиториал УПСС. — С. 132–145. — ISBN 5-901006-11-9.

7. Herzen, A. A. Toponimical Landscape De Jure and De Facto / A. A. Herzen // *Practical Geography and XXI Century Challenges : International Geographical Union Thematic Conference dedicated to the Centennial of the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 04–06 июня 2018 года*. — Moscow : Институт географии Российской академии наук, 2018. — Part 1. — P. 303–304. — EDN YMZBFJ.

8. Герцен, А. А. Полиэтническое пространство и топонимические репрессии / А. А. Герцен // Новая культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации: право, медиа и национальная идентичность : сборник материалов Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 14–15 нояб. 2018 г. / отв. ред.: И. В. Анненкова, М. А. Пилюгин. — Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2019. — С. 144–149. — EDN BJHZTL.
9. Иванов, Н. Д. Особенности процесса изменения советской топонимики на постсоветском пространстве (на примере России и Украины) / Н. Д. Иванов // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт : материалы X Всерос. науч.-практ. конференции, Омск, 26 апреля 2019 года. — Омск : Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2019. — С. 267–271. — EDN XLFNYT.
10. Калуцков, В. Н. Концептуализация геокультурного пространства: теоретические и прикладные вопросы / В. Н. Калуцков // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. — 2020. — № 1 (9). — С. 25–37. — EDN CTDIBY.
11. Казак, О. Г. Политика памяти в Закарпатской области Украины (2014 год — настоящее время) / О. Г. Казак // Тетради по консерватизму. — 2024. — № 2. — С. 136–143. — DOI 10.24030/24092517-2024-0-2-136-143. — EDN UCAWOC.
12. Красникова, Д. Э. Декоммунизация топонимов в Донбассе (февраль — июль 2016) / Д. Э. Красникова // Молодые исследователи — 2023 : сборник статей Междунар. науч.-исследоват. конкурса, Пенза, 20 авг. 2023 г. — Пенза : Наука и просвещение, 2023. — С. 27–31. — EDN QACYMW.
13. Kuczabski, A. Communist Markers in the Information Space of Post-Communist Society: The Case of Ukraine / A. Kuczabski // Encountering Toponymic Geopolitics. Place Names as a Political Instrument in the Post-Soviet States / Ed. S. Basik. — Abingdon ; New York : Routledge, 2022. — P. 82–100. DOI 10.4324/9781003293057-5.
14. Kuczabski, A. Decommunization of urban toponymy in Ukraine: causes and consequences / A. Kuczabski, A. Boychuk // Journal of Geography, Politics and Society. — 2020. — Vol. 10, No. 4. — P. 8–16. — DOI 10.26881/jpgs.2020.4.02. — EDN XCYLGI.
15. Купина, Н. А. Отмена русской культуры: идеологический маховик в действии / Н. А. Купина // Политическая лингвистика. — 2022. — № 5 (95). — С. 82–90. — DOI 10.26170/1999-2629_2022_05_07. — EDN IKVMED.
16. Лебедкина, Е. Г. Фальсификация истории как политический инструмент подрыва национальной безопасности / Е. Г. Лебедкина, И. А. Дегтярев, Е. П. Кадамцева // Уральский социологический форум к 100-летию Л. Н. Когана. Культура, личность, общество в условиях перемен: новые вызовы, проблемы, перспективы : материалы XXVI Междунар. конф. памяти проф. Л. Н. Когана, Екатеринбург, 1 дек. 2023 г. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2023. — С. 341–349. — EDN ITVDCC.
17. Мозговой, В. И. Поселки Донецка как объект номинативной истории / В. И. Мозговой // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2019. — № 1. — С. 37–45. — EDN NODTKJ.
18. Плеханов, А. А. Разрушение пространства советского символического господства в постсоветской Украине / А. А. Плеханов // Политическая наука. — 2018. — № 3. — С. 190–216. — DOI 10.31249/poln/2018.03.10. — EDN YPENNR.
19. Radchenko, O. Charków — przeciwdziałanie dominującej komunistycznej toponimii miasta / O. Radchenko, T. Michalski // Prace i Studia Geograficzne. — 2023. — Vol. 68, No. 4. — P. 27–39. — DOI 10.48128/pisg/2023-68.4-02. — EDN XYXFAK.
20. Рожанский, М. Я. Деколонизация городского пространства: топонимия / М. Я. Рожанский // Пути России. Т. XVIII. Историзация социального опыта, Москва, 4–5 февраля 2011 г. / под общ. ред. М. Г. Пугачевой и В. П. Жаркова. — Москва : Редакция журнала «Новое литературное обозрение», 2013. — С. 9–32. — EDN YWKGAO.
21. Русаков, В. М. Инфраструктура новой политики национальной памяти на постсоветском пространстве. К постановке проблемы / В. М. Русаков, О. Ф. Русакова // Дискурс-Пи. — 2020. — Т. 17, № 2 (39). — С. 27–47. — DOI 10.24411/1817-9568-2020-10202. — EDN DRVDXB.
22. Schenk, G. Renaming Kyiv's Streets Amid the Russian War of Invasion: The Politics of History Between "Decommunization" and "Derussification" / G. Schenk // The Journal of V. N. Karazin Kharkiv National University. Series: History. — 2023. — No. 64. — P. 140–169. — DOI 10.26565/2220-7929-2023-64-07. — EDN MTLKHL.
23. Сенчихин, С. П. Фальсификация истории как экстремистская угроза: криминологический и политико-правовой аспекты / С. П. Сенчихин // Память и уголовное право : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 80-летию Победы советского народа и стран антигитлеровской коалиции в Великой Отечественной войне 1941–45 годов, Ростов-на-Дону, 18 апр. 2025 г. — Ростов-на-Дону : Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2025. — С. 130–139. — EDN JFYCYV.
24. Снежкова, И. А. Переформатирование идентичности на Украине за годы независимости / И. А. Снежкова // Власть. — 2024. — Т. 32, № 5. — С. 234–242. — DOI 10.24412/2071-5358-2024-5-234-242. — EDN IOVTLP.
25. Турицын, И. В. Зверства Украинской повстанческой армии и борьба с бандеровским террором в 1944 году / И. В. Турицын // Современная научная мысль. — 2012. — № 1. — С. 31–48. — EDN TEDRTH.
26. Uluocha, Nna O. Decolonizing place-names: Strategic imperative for preserving indigenous cartography in post-colonial Africa / Nna O. Uluocha // African journal of history and culture. — 2015. — Vol. 7, Iss. 9. — P. 180–192. — DOI 10.5897/AJHC2015.0279.

Политическая лингвистика. 2026. № 2 (116).

Political Linguistics. 2026. No 2 (116).

УДК 811.111'42+811.111'38+81'27+811.111'373

ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55+Ш100.621+Ш143.21-3

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.51

Код ВАК 5.9.8

Гульнара Наилевна Насырова^{1✉}, Татьяна Юрьевна Погодина^{2✉}

^{1,2} Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия

¹ September058@yandex.ru ✉, SPIN-код: 1860-7059, <https://orcid.org/0000-0001-7332-6456>

² taniapogodina@yandex.ru ✉, SPIN-код: 5710-8463, <https://orcid.org/0009-0006-4022-852X>

К вопросу о роли медицинских терминов в создании метафорического образа «бизнес/государство — это больной организм»

АННОТАЦИЯ. Предмет исследования — медицинские термины в англоязычном политическом дискурсе. Цель — проанализировать примеры использования медицинских терминов в переносном значении; изучить пути создания метафорического образа «бизнес/государство — это больной организм»; определить фреймы и слоты в рамках этой метафорической модели; подчеркнуть ее эмоциональный характер; проанализировать милитарную когнитивную метафору «политические выборы — это война», подчеркнуть ее манипулятивный характер и доказать, что она служит хорошим способом анализа партийной борьбы; исследовать прагматические особенности функционирования медицинских терминов в политическом дискурсе; выделить апеллятивную и воздействующую функции.

Материалом исследования послужили журнал «The Economist», газеты «New York Times» и «The Guardian». Рассмотрены два подхода к природе термина: функционально-семантический и прагматический. С учетом первого подхода проанализированы общеупотребительные медицинские термины (ОМТ), доступные для декодирования читателем, не имеющим отношения к медицине. Приведены примеры ОМТ в их основном значении для номинации болезней, симптомов и частей тела в политическом дискурсе. Отмечено, что узкоспециальные медицинские термины, требующие высокой степени эрудиции, в том числе и от журналиста, — достаточно редкое явление для политического дискурса. С акцентом на прагматический потенциал термина, который является основой для создания метафорического образа, проанализированы МТ «haemorrhage» и «ICU», играющие ключевую функцию при создании метафорического образа «бизнес/государство — это больной организм».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политические тексты, журналистика, медиадискурс, медиатексты, британские СМИ, американские СМИ, язык СМИ, средства массовой информации, языковые средства, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, концептуальные метафоры, метафорические образы, медицинская терминология, медицинские термины, английский язык, лексикология английского языка, общеупотребительные термины, фреймы, слоты, манипулятивный потенциал, милитарные метафоры, функционально-семантический исследовательский подход, прагматический исследовательский подход, апеллятивная функция, воздействующая функция.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Насырова Гульнара Наилевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 1, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия, email: September058@yandex.ru.

Погодина Татьяна Юрьевна, старший преподаватель кафедры английского языка № 1, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия, email: taniapogodina@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Насырова, Г. Н. К вопросу о роли медицинских терминов в создании метафорического образа «бизнес/государство — это больной организм» / Г. Н. Насырова, Т. Ю. Погодина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 222-230.

Gul'nara N. Nasyrova^{1✉}, Tat'yana Yu. Pogodina^{2✉}

^{1,2} Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia

¹ September058@yandex.ru ✉, SPIN code: 1860-7059, <https://orcid.org/0000-0001-7332-6456>

² taniapogodina@yandex.ru ✉, SPIN code: 5710-8463, <https://orcid.org/0009-0006-4022-852X>

On the Role of Medical Terms in Creating the Metaphorical Image of “BUSINESS/STATE is a SICK ORGANISM”

ABSTRACT. The research object of this study covers medical terminology in the English-language political discourse. The research aim is to analyze the examples of medical terms used in a figurative sense; to examine the ways of creating the metaphorical image of “BUSINESS/ STATE is a SICK ORGANISM”; to identify frames and slots within this metaphorical model; to emphasize its emotive nature; to analyze the military cognitive metaphor “POLITICAL ELECTIONS are a WAR”, to emphasize its manipulative nature and to prove that it serves a good tool for analyzing party struggle; to investigate the pragmalinguistic features of the functioning of medical terms in the English political discourse; to reveal their appealing and influencing functions.

The magazine the Economist and the newspapers the New York Times and the Guardian served as sources of practical research material for the study. Two approaches to the study of the nature of the term are considered: functional-semantic and pragmatic. With the focus on the first approach, commonly used medical terms accessible for decoding by readers who do not belong to the medical profession are analyzed. Examples of the commonly used medical terms are given in their primary meanings for naming diseases, symptoms, and body parts in political discourse. It is noted that highly specialized medical terms are used rarely in political discourse and require a high degree of erudition, including on the part of the journalist. Focusing on the pragmatic potential of the term, which serves as the basis for creating a metaphorical image, the article analyzes the medical terms “haemorrhage” and “ICU” as they play a key role in creating the metaphorical image of “BUSINESS/STATE is a SICK ORGANISM”.

KEYWORDS: political discourse, political texts, journalism, media discourse, media texts, British media, American media, mass media language, mass media, language means, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, conceptual metaphors, metaphorical images, medical terminology, medical terms, English language, English lexicology, commonly used terms, frames, slots, manipulative potential, military metaphors, functional-semantic approach to the study, pragmatic approach to the study, appealing function, influencing function.

AUTHOR'S INFORMATION: Nasyrova Gul'nara Nailevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of the English Language №1, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia.

Pogodina Tat'yana Yur'evna, Senior Lecturer of Department of the English Language №1, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia.

FOR CITATION: Nasyrova G. N., Pogodina T. Yu. (2026). On the Role of Medical Terms in Creating the Metaphorical Image of “BUSINESS/STATE is a SICK ORGANISM”. In *Political Linguistics*. No 2 (116), pp. 222-230. (In Russ.).

Стремительный характер политической жизни XXI в., вызовы и проблемы, с которыми сталкиваются сегодня государства и общества в мире, находят отражение в современной лексико-семантической системе языка. Все чаще в сегодняшний политический дискурс стали проникать термины медицинского языка, и это оправдано тем, что и политический, и медицинский дискурсы отражают актуальную и животрепещущую проблематику, «вскрывают» наболевшие проблемы и оказывают определенное эмоциональное воздействие на массового адресата. Термины медицинского дискурса служат дополнительным источником пополнения лексического состава политического дискурса, придают яркую образную окраску медиа экстам, для того чтобы дать острую социально-политическую оценку актуальным событиям и фактам, получившим широкий резонанс в обществе.

Целью данной статьи является когнитивный и прагматический анализ функционирования медицинских терминов, которые используются в современном политическом дискурсе, поэтому представляется целесообразным уделить внимание понятиям «термин», «когнитивная метафора» и «политический дискурс».

Источником исследования стали англоязычные издания «The New York Times», «The Economist» и «The Guardian», в которых методом сплошной выборки были выявлены наиболее частотные медицинские термины в переносном значении.

Одним из основоположников отечественной терминологии является А. А. Реформатский, по мнению которого, термины —

это «однозначные слова, ограниченные своим особым назначением», они точно передают суть понятий и существуют в составе определенной терминологии. Кроме того, «способность терминов выступать в роли общеупотребительных слов позволяет им скорее проникнуть в широкий обиход и, как следствие, закрепиться в языке» [Реформатский 1996: 110, 124].

Одни ученые считают, что термины лишь характеризуют предмет по существу и не выражают профессиональное отношение говорящего к предмету [Головин, Кобрин 1987: 93].

Другие ученые, характеризуя термин как знак, говорят о необходимости выделения прагматических требований к термину: его распространенность в языке, интернациональность и современность [Гринев-Гриневич 2008: 36]; отмечают эмоционально-экспрессивную окраску термина, которая позволяет декодировать эмоциональный настрой говорящего [Пиотровский 2006: 106].

Нельзя не согласиться с наличием прагматического потенциала в составе термина, который наряду с заимствованной лексикой и неологизмами, например, в политическом дискурсе выполняет одну из его главных функций — воздействие на получателя сообщения [Насырова 2022].

Прагматический потенциал термина, в свою очередь, является основой для создания метафор и сравнений, он раздвигает семантические границы термина и делает его, например, доступным для понимания людей, не имеющих отношения к медицине.

Таблица 1

Английский язык	Русский язык
1) But that leg of the trip was cancelled as mass protests broke out in Paris and other French cities over President Emmanuel Macron's reform of the pension system [ft.com. 2023].	Но эта часть поездки была отменена, так как в Париже и других французских городах вспыхнули массовые протесты по поводу реформы пенсионной системы президента Эммануэля Макрона.
2) My City Is the Heart of Europe, and It's Not Doing Well [заголовок статьи в nytimes.com. 2025].	Мой город — это сердце Европы, и здесь не все в порядке.
3) In the French Quarter, the city's boozy artery , several people thanked them for their work, though there was still an occasional insult [nytimes.com. 2025].	Во Французском квартале, этой алкогольной артерии города, несколько человек поблагодарили их за работу, хотя иногда они сталкивались с оскорблениями.

В своем прямом значении медицинский термин выполняет номинативную функцию, т. е. передает знания о заболеваниях, явлениях, связанных с медициной, методах профилактики и лечения. Контент-анализ англоязычного политического дискурса показал, что достаточно часто в нем встречаются и широкоупотребительные медицинские термины в их прямых значениях для передачи номинативной функции [Жидкова 2007].

Как правило, это названия частей человеческого тела (heart, hands, leg), болезней (flu, cancer, Covid), симптомов заболеваний (ailing society), видов лечения (to inject, operation), лекарств или структурных подразделений/отделений внутри больницы (реанимация) (I.C.U). Такие термины перешли в разряд общеупотребительных слов и в толковых словарях они представлены без помет:

– *The study found a clear link between ultra-processed foods and an increased risk of heart disease and stroke* [Ultra-processed foods linked to 32 harmful health effects // BBC news];

– *History of transplant breakthroughs: from hearts to hands ... and heads?* [the guardian.com, 2023];

– *The president, William Ruto, urged police not to use lethal force, and said they should shoot protesters in the leg instead* [economist.com. 2025].

Использование медицинских терминов в переносном смысле в англоязычном политическом дискурсе создает определенный эмоциональный фон и вызывает позитивные коннотации. Все-таки область медицины — это не только болезни, но и выздоровление (см. табл. 1).

Однако чаще всего медицинские термины в своем переносном значении создают отрицательную коннотацию, вызывают негативные эмоции у читателя и тем самым оказывают воздействие на него, другими словами, манипулируют его сознанием.

По мнению американских социологов середины XX в. Пауля Лазарсфельда и Роберта Мертон, «те, кто контролирует взгляды и убеждения в нашем обществе, меньше прибегают к физическому насилию и больше к

массовому внушению». При всем обилии информации (политической, культурной или общественной), население, как правило, считывает очевидную языковую информацию, при этом не желая критически оценивать прочитанное или услышанное. Исследователи в этом случае говорят о «наркотизирующей дисфункции СМИ» [Лазарсфельд, Мертон 2000].

Исследуя манипулятивный характер политического дискурса, ученые говорят о суггестивном использовании языка, намеренном использовании свойств, провоцирующих игру смыслами, некритичное восприятие речевого сообщения и создание у читателя соответствующего эмоционального состояния и, как следствие, эффективном воздействии на него.

Например, для достижения желаемого результата в политической коммуникации авторы прибегают к ряду манипулятивных технологий, среди которых, в типологии Е. В. Гориной, целый арсенал манипуляций при помощи речевого воздействия; лексико-семантических и стилистических факторов и др. [Горина 2016]. А. Л. Вусик, рассуждая о способах манипулирования общественным сознанием в политическом дискурсе, утверждает, что информацию, которую транслируют средства массовой информации, можно отредактировать, добавив различные домыслы, и интерпретировать в выгодном для манипулятора свете, а также намеренно выделить те или иные факты в соответствии со своей позицией [Вусик 2015].

Как мы уже отметили выше, прагматический потенциал терминов, в частности медицинских, в политическом дискурсе используется для построения развернутых метафорических образов [Погодина 2023]. Дж. Лакофф считает, что «метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление, и деятельность. Наша быденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [Лакофф 2004: 25]. Именно поэтому когнитивные метафоры довольно часто используются в политическом дискурсе

се с целью оказания воздействия на читателей, апеллируя, например, к такой уязвимой теме для людей, как их здоровье. Другими словами, метафоры становятся одним из главных средств формирования требуемой заказчиком точки зрения подавляющего большинства людей [Погодина 2024].

Метафора, связывая две понятийные сферы — например, политику и медицину — определяется, по мнению И. М. Кобозевой, «как способ думать об одной области через призму другой, перенося из области-источника в область-мишень те когнитивные структуры (фреймы, образные структуры), в терминах которых структурировался опыт, относящийся к области-источнику» [Кобозева 2000: 171].

Как считает А. П. Чудинов, в агитационно-политической речи конца XX в. довольно часто применяется метафорическая модель «современная Россия — это больной организм» [Чудинов 2001: 68]. В соответствии с этой моделью лексические единицы, кото-

рые в своем основном значении используются в понятийном поле «Болезнь» (со значениями «симптомы болезни», «лекарства», «пути лечения», «выздоровление» и т. п.), в русскоязычном политическом дискурсе метафорически обозначают социальную действительность современной России, ее раны и болезни.

Анализ корпуса англоязычного политического дискурса показал, что наиболее частотны в нем когнитивные метафоры, раскрывающие образ больного государства/общества/бизнеса. Как правило, этот образ выстраивается вокруг медицинских терминов, которые можно сгруппировать по таким темам, как: «заболевание» (*haemorrhage*, *sickness*, *viral*, *infection*), «лечение» (*to inject*), «состояние пациента» (*ailing*), «травма» (*traumatize*). Для создания данного метафорического образа нижеприведенные медицинские термины употребляются, естественно, в переносном значении (табл. 2).

Таблица 2

Английский язык	Русский язык
1) More headline-grabbing IPOs like Zabka's could inject much-needed sparkle into Warsaw's dull stockmarket, drawing in first-time investors and perhaps charting the way for smaller companies seeking funds [economist.com, 2024];	Более громкие IPO-сделки, подобные Zabka, могли бы придать столь необходимый блеск скучному фондовому рынку Варшавы, привлекая новичков и, возможно, прокладывая путь для небольших компаний, ищущих средства.
2) America's government has bailed out over 20 ailing companies since the demise of Lehman Brothers in September [economist.com, 2009];	Правительство Америки спасло более 20 компаний, пострадавших в результате распада Lehman Brothers в сентябре
3) Mr Tinubu [Nigeria's president], by contrast, has so far focused on restoring stability and reviving the country's ailing oil-and-gas sector [economist.com, 2026];	Г-н Тинубу [президент Нигерии], напротив, до сих пор уделял основное внимание восстановлению и оживлению нестабильного нефтегазового сектора страны.
4) By contrast, the leaders of Labour and the Conservatives can seem like the sentimental owners of ailing department stores, determined to save the family business for posterity in defiance of an indifferent market [economist.com, 2025];	Напротив, лидеры лейбористов и консерваторов ведут себя как сентиментальные владельцы разоряющихся универмагов, полные решимости спасти семейный бизнес для потомков, несмотря на безразличие рынка.
5) As public services across the country are ailing , he [Mr Abiy, Ethiopia's prime minister] has been equipping his army with fighter jets and drones [economist.com, 2025];	В то время как государственные службы по всей стране находятся в тяжелом состоянии , он [г-н Абие, премьер-министр Эфиопии] оснащает свою армию истребителями и беспилотниками.
6) Golf videos going viral ? These days it is par for the course. Influencers have transformed a staid sport into high-spirited entertainment [economist.com, 2025];	Видео игры в гольф становятся вирусными ? В наши дни это обычное явление. Влиятельные люди превратили этот вид спорта в веселое развлечение.
7) How Luther went viral . Five centuries before Facebook and the Arab spring, social media helped bring about the Reformation [economist.com, 2011];	Как Лютер стал популярным . За пять столетий до Facebook и арабской весны социальные сети помогли привести к Реформации.
8) Luther's enemies likened the spread of his ideas to a sickness [economist.com, 2011];	Враги Лютера сравнили распространение его идей с болезнью .
9) Would a traumatized Israel this past year have responded to such pressure? Or would it have been defiant, with Netanyahu presenting himself as the protector of Israel from American bullying? [nytimes.com, 2024]	Отреагировал бы на такое давление травмированный событиями прошлого года Израиль? Или он бы сопротивлялся, причем Нетаньяху изображал бы из себя защитника Израиля от американского давления?

Что касается узкоспециальных и специальных терминов, которые используются для написания научных работ по медицине и ориентированы на специалистов, то в политическом дискурсе они редкое явление. На наш взгляд, декодирование смысла термина и всей статьи потребует определенных усилий от читателя. Кроме того, использование узкоспециальных медицинских терминов требует высокой степени эрудиции и самого автора статьи.

Итак, рассмотрим прагмалингвистические особенности когнитивной метафоры «бизнес — это больной организм», ключевым элементом которой являются широкоупотребительные медицинские термины *hemorrhage* и *ICU*.

Возьмем для примера статью австралийского журналиста о повышенных ставках за работу в выходные в гостиничном секторе, который переживает спад. Уже в заголовке, куда автор намеренно вставляет глагол *hemorrhage* для привлечения внимания читателей, начинает разворачиваться концептуальная метафора для обозначения социально-экономической проблемы. Метафора «бизнес — это больной организм» сравнивает гостиничный сектор с человеком, переживающим кризис. Ключевым элементом данной концептуальной метафоры, медицинский термин «*haemorrhage*» (кровотечение), апеллирует к чувствам адресата и актуализирует в его сознании когнитивный фрейм «медицина», имеющий определенные слоты знаний: «болезнь», «диагноз», «симптомы», «методы лечения», «лекарства», «выздоровление» / «смерть», «состояние пациента», которые в нашем случае входят в область-источник:

Penalty rates see hospitality sector 'haemorrhage'

Глагол «*haemorrhage*» проецирует область-источник (медицина, угроза жизни) на область-мишень (экономика, угроза существованию бизнеса).

Из-за роста цен на энергоносители, затрат на заработную плату и страховку, в Австралии наметилась тенденция к снижению потребительских расходов на необязательные нужды, поскольку потребители борются с растущими ценами. В разряд необязательных попадают поездки по стране, как следствие, гостиничный сектор переживает кризис (слоты «болезнь» и «симптомы: кровотечение»). Как результат, каждая одиннадцатая компания, работающая в этой сфере, закрылась (слот «смерть»).

В то же время введенные правительством 10-процентные надбавки к цене услуг в государственные выходные (слоты «методы лечения» и «лекарства») привели к удоро-

жанию услуг в данной сфере (слот «состояние пациента»). При этом правительство контролирует выплату надбавок персоналу за работу в выходные.

Обратимся теперь к собственно языковой репрезентации концептуальной метафоры «бизнес — это больной организм» и приведем дефиниции слова «*haemorrhage*» / «кровотечение» на английском и русском языках.

Медицинский словарь определяет *haemorrhage* как «*to bleed heavily or uncontrollably*» [merriam-webster.com].

Большая российская энциклопедия обозначает кровотечение (геморрагию) как «истечение крови из кровеносных сосудов при нарушении целостности их стенки» [URL: <https://bigenc.ru/c/krovotechenie-f05d4e>].

Необходимо отметить, что, по информации Всемирной организации здравоохранения, уровень смертности населения после приступа геморрагического инсульта занимает второе место.

По мере развертывания концептуальной метафоры «бизнес — это больной организм» отрицательные коннотации термина *hemorrhage* усиливаются рядом лексем с негативной семантикой. Семантический анализ значений этих лексем позволяет разделить их на две группы.

К первой группе относятся слова с семантическими признаками «наказание» и «запрет»: *penalize*, *penalty* и *ban*.

A penalty is a punishment that someone is given for doing something which is against a law or rule [Collins].

Причем использование лексемы *penalty* (штраф) в сочетании с лексемой *rates* (ставки) семантически указывает на то, что надбавки за работу в выходные интерпретируются не как справедливая компенсация, а как карательная мера по отношению к бизнесу. Хотя словарь Коллинз объясняет, что «*penalty rates*» — это не что иное, как надбавки за работу в выходные и праздничные дни и подчеркивает, что это явление характерно только для Австралии и Новой Зеландии:

Australian and New Zealand: rates of pay, such as double time, paid to employees working outside normal working hours.

Глагол *to penalize* усиливает карательную коннотацию, описывая воздействие как акт наказания, что в общем и является семантическим признаком этого глагола:

Penalize — to punish, make sb suffer in some way because of it [Collins].

Семантика глагола *to ban* (запрет) также добавляет негативные коннотации рассматриваемой в статье социально-экономической проблеме и создает смысловое поле жестко-

го административного регулирования ввиду того, что введенные правительством 10-процентные надбавки (фрейм «способы лечения») приведет, по мнению ассоциации австралийских ресторанов, к повышению цен в меню, что, в свою очередь, ударит по кошельку потребителей.

Ко второй группе относятся лексемы со значением бремени и ущерба, вместе они также добавляют негативные коннотации кризиса и давления: *burden*, *get hit*, *break even*.

Семантика слова *burden* предполагает «обязанность», «ответственность», то есть все то, что вызывает обеспокоенность и трудности: *a duty, responsibility, etc. that causes worry, difficulty or hard work* [oxfordlearners dictionaries.com].

Лексема *burden* (бремя, нагрузка) является ключевым словом, которое смещает фокус с прав работников на ту нагрузку, которая ложится на плечи предпринимателей. Данная лексема конкретизирует концептуальную метафору и представляет вмешательство правительства как груз, ведущий к «кровотечению»/ «haemorrhage» (слот «симптомы»).

Автор статьи намеренно противопоставляет два фреймовых сценария «регуляторный орган» (независимый орган правительства Австралии) и его метод «лечения» (надбавки) и «бизнес», где невыплата надбавок работникам за работу в выходные представлена как вынужденная мера выживания для гостиничного бизнеса в этот нестабильный период (слот «лечение»). С этой целью он использует юридический термин *enforcement action* (принудительные меры) и противопоставляет его эмоциональной лексике первой части — словосочетаниям *get hit* и *break even*, говоря о том, что это меры, которые наносят ущерб бизнесу (слот «методы лечения»: *get hit* — «получить удар») и вынуждают бизнес перейти в режим выживания (слот «методы лечения»: «выйти в ноль», отсутствие прибыли).

Таким образом, концептуальная метафора «бизнес — это больной организм» носит эмотивной характер, она переносит эмоциональное отношение читателя к понятию-источнику «медицина» на понятие-мишень «бизнес», важным элементом которого является медицинский термин *hemorrhage*, актуализирующий свое метафорическое значение. Термин структурирует восприятие текста, создает эффект смертельной опасности (прагматическая функция) и говорит о необходимости принятия срочных мер (апеллятивная функция). А тщательно подобранные автором лексемы (*penalty*, *burden*,

ban), которые усиливают прагматический потенциал данного термина, отражают сложную экономико-правовую реальность и смещают акцент с гарантий труда работников на тему выживания бизнеса под давлением регулятивных и экономических обстоятельств (коммуникативная функция).

Возьмем для примера краткое новостное сообщение о предвыборной политической борьбе Лейбористской партии Кира Стармера со своим соперником — популистской партией «Реформировать Соединенное Королевство» («Reform UK»), где медицинский термин *hemorrhage* наряду с коммуникативной функцией передачи сообщения выполняет так же, как и в первом случае, прагматическую функцию оказания речевого воздействия на читателя и создает образ катастрофического положения партии премьер-министра Великобритании (апеллятивная функция):

*Sir Keir Starmer, Britain's prime minister, tried to **stanch** the **haemorrhaging** of support in the polls for his governing Labour Party. In a speech to flag-waving party members Sir Keir insisted he was overseeing "national renewal" and **fighting** "for the soul of our country", pitching his address to "working people". He said the populist Reform UK was his party's main **threat** and that immigration policy was a **pressing** issue, but he claimed Reform's plans to remove non-citizen migrants were "racist".*

С первой строчки разворачивается концептуальная милитарная метафора «Политические выборы — это война» для обозначения текущей политической борьбы двух партий за лидерство. В центре этой милитарной метафоры также употребляется медицинский термин *haemorrhage*. Однако, в отличие от предыдущего примера, здесь акцентируется сема «кровь». Вследствие этого в сознании реципиента актуализируется фрейм «война», который представлен следующими слотами знаний: «борьба», «армии и лидеры», «стратегии и тактики», «противник/враг», «ликвидация врага», «дискредитация врага». По мнению Дж. Лакоффа, милитарная метафора служит отличным подспорьем для анализа партийной борьбы, так как отражает жесткую конкуренцию, создает образы врага и консолидирует сторонников через поляризацию «мы — они».

На лексическом уровне слот «армии и лидеры» представлен лексемами, называющими политические партии («Labour Party» и «Reform UK») и лидера Лейбористской партии Кира Стармера («Sir Keir Starmer», «Britain's prime minister»).

Автор сообщения нагнетает обстановку не только при помощи медицинского термина с негативным прагматическим потенциа-

лом, но и дополнительных лексем с отрицательными коннотациями.

К первой группе относятся лексемы со значением борьбы и угрозы: *fight* и *threat*. В попытках вернуть доверие избирателей (*stanch the haemorrhaging of support*) лидер Лейбористской партии выбирает тактику апелляции к национальным чувствам избирателей, заявляя, что курирует «национальное обновление» и борется «за душу нашей страны». Примечательно, что автор сообщения, руководствуясь целью сохранить милитарный настрой текста, использует глагол *insist*, в семной структуре которого присутствует признак «давление, требование»: *to insist: to demand that something happen or that somebody agree to do something* [oxford learnersdictionaries.com]:

Sir Keir insisted he was overseeing “national renewal”

Примечательно, что глагол *stanch* в своем основном значении преимущественно используется с существительными *wound*, *bleeding*, что объясняется семным составом значения данного слова. В словаре Коллинз и первое и второе значения актуализируют семы «прекращение течения» и «кровь», а третье значение, устаревшее, добавляет еще и сему «боль»:

1. *to stem the flow of (a liquid, esp blood);*
2. *to prevent the flow of a liquid, esp blood, from (a hole, wound, etc);*
3. *an archaic word for assuage.*

В переносном значении доминирующей семой глагола *stanch* является «прекращение течения», которая создает уже другие коннотации: «обуздать коррупцию», «остановить наплыв иммигрантов» — «*stanch corruption*», «*stanch the influx of migrants*».

Активизация слотов «противник/враг», «борьба» и «дискредитация врага» проецируются на уровне текста в лексемах *threat* и *racist*. Британский премьер-министр заявил, что популистская партия «Reform UK» представляет главную угрозу для его партии. Пытаясь завоевать расположение своего электората, он говорит о важности (*pressing issue*) вопроса иммиграции и дискредитирует соперника, называя планы партии «Реформировать Соединенное Королевство» по депортации нелегальных мигрантов «расистскими».

В британском контексте такая метафора помогает анализировать, как Найджел Фарадж «атакует» Кира Стармера: *Reform's plans to remove non-citizen migrants*. Представив в прошлом году масштабный план массовой депортации нелегальных мигрантов (около 600 000), Найджел Фарадж заработал дополнительные очки в борьбе за кресло премьер-министра. Его план обострил дебаты об

иммиграции в Великобритании, в том числе среди лидеров основного течения, включая правящую Лейбористскую партию.

Итак, в проанализированном нами кратком новостном сообщении когнитивная милитарная метафора «Политические выборы — это война» репрезентирует партийную борьбу, отражает жесткую конкуренцию в предвыборной гонке, создает образ врага и консолидирует сторонников через поляризацию «мы — они». Кроме того, милитарная метафора усиливает серьезность конфликта между двумя партиями и помогает манипулировать аудиторией.

Далее рассмотрим функционирование медицинской аббревиатуры *ICU*.

В статье «*Manila's Returning Mayor Has a Mountain to Climb. It's Made of Garbage*» автор приводит слова приступившего к обязанностям мэра Манилы Франсиско Домагосо, который заявил в своей речи, что столица страны уже находится «в финансовой коме» и объявил чрезвычайное положение из-за гор мусора в столице [nytimes.com. 2025]:

“The capital of the country is already in the financial I.C.U.,” Mr. Domagoso said in the speech.

Обратимся к словарям. В медицинском словаре Вебстер дается словарное определение отделению реанимации (*ICU*), в котором лежат тяжелобольные пациенты [Webster's New World™ Medical Dictionary]. Напечено-модификатор *seriously* указывает на интенсивность прилагательного *ill* и задает эмоциональную окраску дефиниции слова *ICU*:

ICU = Intensive care unit. The intensive care unit is a designated area of a hospital facility that is dedicated to the care of patients who are seriously ill [Webster's New World Medical Care].

Словарь Мэриам Вебстер еще более акцентирует всю серьезность положения пациента и помимо прочего добавляет такие детали, как «вентиляция легких» и «высокая смертность»:

Patients with this disorder are critically ill, require mechanical ventilation in an intensive care unit (ICU), and have a high mortality, ranging from 35% to 50% in recent reports [merriam-webster.com].

Наличие медицинского термина *I.C.U.* с интенсивной эмоциональной окраской в тексте статьи выполняет апеллятивную функцию, привлекает внимание читателя к существующей проблеме уборки мусора в Маниле, удерживает его внимание и заставляет дочитать статью до конца. Концептуальная метафора, центром которой является медицинский термин, создает образ «больного общества», заостряет внимание как на поли-

тической, так и на социально-экономической проблемах столичного региона Манилы, где сферы вывоза мусора и коммунальных услуг используются в политических целях. Медицинская аббревиатура *ICU* проецирует область-источник (медицина, смертельный исход) на область-мишень (экономика, угроза существованию Манилы). Для решения проблемы мусора, вывода города из финансовой «комы» (слот «заболевание») мэр пообещал выяснить, почему городская казна находится в плачевном состоянии (слот «методы лечения»).

Воздействующая функция медицинского термина *ICU* апеллирует к чувствам читателей, создает образ погибающего под завалами мусора городского округа Манилы, подрывает стабильность (*Residents began complaining about trash on social media in mid-June*) и потенциально может вызвать негативные последствия в обществе.

Итак, когнитивная метафора, ключевым элементом которой является медицинский термин *haemorrhage*, может существовать как в рамках краткого новостного сообщения, так и информационно-аналитической статьи и выполняет коммуникативную, апеллятивную и прагматическую функции.

Проанализированные когнитивные метафоры «Бизнес/государство — это больной организм» и «Политические выборы — это война» отражают не только суть политических событий, но и вскрывают назревшие проблемы в обществе, акцентируя внимание на необходимости принятия срочных мер для их устранения. Они апеллируют к чувствам читателей именно через призму медицины и таким образом добавляют яркие коннотации. Если в медицинской сфере больной организм осмысливается как нечто, не способное к нормальному функционированию (жизнедеятельности) из-за возникших медицинских проблем, то в политический дискурс этот феномен проецируется в сферу социально-политических и экономических реалий. При этом степень опасности заражения и распространения заболевания ассоциируется со степенью угрозы для развития и самого существования общества/бизнеса.

ИСТОЧНИКИ

1. Economist.com. — 2009. — Mar 3rd; 2011. — Dec 17th; 2024. — Oct 17th; 2025. — Jul. 10; 2025. — Jul 17th; 2025. — Sep. 25th; 2025. — Nov 18th; 2026. — Jan 29th (date of access: 04.03.2026).
2. Nytimes.com. — 2024. — Oct. 5th (date of access: 04.03.2026).
3. King Charles calls for renewal of 'special bond' between UK and Germany // Ft.com / Guy Chazan. — 2023. — March 30 (date of access: 04.03.2026).
4. Manila's Returning Mayor Has a Mountain to Climb. It's Made of Garbage / By Francesca Regalado // Nytimes.com. — 2025. — July 4 (date of access: 04.03.2026).

5. History of transplant breakthroughs: from hearts to hands ... and heads? // Theguardian.com. — 2023. — August (date of access: 04.03.2026).

6. My City Is the Heart of Europe, and It's Not Doing Well // Nytimes.com. — 2025. — Oct. (date of access: 04.03.2026).

7. Her Roof Was About to Be Fixed. Then Immigration Agents Showed Up. By Eduardo Medina // Nytimes.com. — 2025. — Dec. 4 (date of access: 04.03.2026).

8. BBC News (date of access: 04.03.2026).

СЛОВАРИ

1. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (date of access: 04.03.2026).

2. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/ICU> (date of access: 04.03.2026).

3. URL: <https://bigenc.ru/c/krovotечение-f05d4e> (date of access: 04.03.2026).

4. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/factsheets/detail/the-top-10-causes-of-death> (date of access: 04.03.2026).

5. URL: [oxfordlearnersdictionaries.com](https://www.oxfordlearnersdictionaries.com) (date of access: 04.03.2026).

6. Webster's New World™ Medical Dictionary. — Third Edition Copyright © 2008 MedicineNet.com. All rights reserved / Published by Wiley Publishing, Inc., Hoboken, New Jersey (date of access: 04.03.2026).

7. URL: [merriam-webster.com/dictionary/hemorrhage#medical](https://www.merriam-webster.com/dictionary/hemorrhage#medical) Dictionary (date of access: 04.03.2026).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вусик, А. Л. Речевая манипуляция — вид языкового воздействия в политическом дискурсе / А. Л. Вусик // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (Ростов-на-Дону, 1—30 нояб. 2015 г.). — Ростов-на-Дону : Донское книжное издательство, 2015. — С. 92–99. — EDN VRJXXV.
2. Головин, Б. Н. Лингвистические основы учения о терминах : уч. пособие / Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин. — Москва : Высшая школа, 1987. — 104 с.
3. Горина, Е. В. Коммуникативные технологии манипуляции в СМИ и вопросы информационной безопасности / Е. В. Горина. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. — 67 с. — ISBN 978-5-7996-1807-0. — EDN WYPVKR.
4. Гринев-Гриневич, С. В. Введение в терминоведение / С. В. Гринев-Гриневич. — Москва : Академия, 2008. — 304 с. — ISBN 978-5-7695-4951-9.
5. Жидкова, Ю. Б. Функционирование медицинских терминов в рассказах А. П. Чехова / Ю. Б. Жидкова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2007. — № 2-2. — С. 84–88. — EDN KDSZRB.
6. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика : учеб. пособие / И. М. Кобозева. — Москва : Эдиториал УРСС, 2000. — 350 с. — ISBN 5-8360-0165-0.
7. Лазарсфельд, П. Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие : пер. с англ. / П. Лазарсфельд, Р. Мертон // Информационная политика: в контексте социальной информатики : хрестоматия. — Москва : Изд-во РАГС, 2007. — С. 148–159. — (Хрестоматии Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации). — ISBN 978-5-7729-0281-3.
8. Лакофф, Д. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / Джордж Лакофф, Марк Джонсон ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 254 с. — ISBN 5-354-00222-2.
9. Насырова, Г. Н. Коммуникативно-прагматические особенности неассимилированных французских заимствований в англоязычных СМИ / Г. Н. Насырова // Новый мир. Новый язык. Новое мышление : сборник материалов V Междунар. науч.-практ. конференции (филология, педагогика и межкультурная коммуникация), Москва, 4 февр. 2022 г. — Москва : Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2022. — С. 57–64. — EDN HFKFPC.
10. Пиотровский, Р. Г. Лингвистическая синергетика: исходные положения, первые результаты, перспективы. — Санкт-Петербург : Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. — 159 с. — ISBN 5-8465-0287-3. — EDN ZFQAFX.

11. Погодина, Т. Ю. City upon a hill — история одной метафоры / Т. Ю. Погодина // Язык. Культура. Общество. Актуальные вопросы, методы исследования и проблемы преподавания : сб. науч. ст. / отв. ред. И. Е. Коптелова ; Дипломатическая академия МИД России. — Москва : Квант Медиа, 2023. — С. 196–205. — EDN UXZKMQ.

12. Погодина, Т. Ю. Джеральд Даррелл. С любовью ко всему живому / Т. Ю. Погодина // Язык. Культура. Общество. Актуальные вопросы, методы исследования и проблемы преподавания : сб. науч. ст. / отв. ред. И. Е. Коптелова ; Дипломатическая академия МИД России. — Москва : Квант Медиа, 2024. — С. 81–93. — EDN GSCEAF.

13. Реформатский, А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский. — 5-е уточн. изд. — Москва : Аспект-пресс, 1996. — 536 с. — ISBN 5-7567-0046-3.

14. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. — 238 с. — ISBN 5-7186-0277-8.

MATERIALS

1. Economist.com (2009, Mar 3rd; 2011, Dec 17th; 2024, Oct 17th; 2025, Jul. 10; 2025, Jul 17th; 2025, Sep. 25th; 2025, Nov 18th; 2026, Jan 29th).

2. Nytimes.com (2024, Oct. 5th).

3. Guy Chazan (2023, March 30). King Charles calls for renewal of 'special bond' between UK and Germany. *Ft.com*.

4. Regalado, Francesca (2025, July 4). Manila's Returning Mayor Has a Mountain to Climb. It's Made of Garbage. *Nytimes.com*.

5. Theguardian.com (2023, Aug.). History of transplant breakthroughs: from hearts to hands ... and heads?

6. Nytimes.com (2025, Oct.). My City Is the Heart of Europe, and It's Not Doing Well.

7. Medina, Eduardo (2025, Dec. 4). Her Roof Was About to Be Fixed. Then Immigration Agents Showed Up. *By. Nytimes.com*.

8. BBC News (n.d.).

DICTIONARIES

1. Available at March 4, 2026 from <https://www.collinsdictionary.com/>.

2. Available at March 4, 2026 from <https://www.merriam-webster.com/dictionary/ICU>.

3. Available at March 4, 2026 from <https://bigenc.ru/c/krovotечение-f05d4e>.

4. Available at March 4, 2026 from <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/the-top-10-causes-of-death>.

5. Available at March 4, 2026 from [oxfordlearnersdictionaries.com](https://www.oxfordlearnersdictionaries.com).

6. Webster's New World™ Medical Dictionary (2008). Third Edition Copyright © 2008 *MedicineNet.com*. All rights reserved. Published by Wiley Publishing, Inc., Hoboken, New Jersey.

7. Available at March 4, 2026 from [merriam-webster.com/dictionary/hemorrhage#medicalDictionary](https://www.merriam-webster.com/dictionary/hemorrhage#medicalDictionary).

REFERENCES

1. Vusik, A. L. (2015). Rechevaya manipulyatsiya — vid yazykovogo vozdeystviya v politicheskom diskurse = Speech manipulation — a type of linguistic influence in political discourse. *Language and law: current problems of interaction: proc. 5th Int. scientific-practical. conf. (Rostov-on-Don, November 1–30, 2015)*, 92–99. Rostov on Don: Donskoe knizhnoe izdatel'stvo. EDN VRJXXV.

2. Golovin, B. N., Kobrin, R. Yu. (1987). Lingvisticheskie osnovy ucheniya o terminakh. = Linguistic foundations of the theory of terms. Studying manual. Moscow, 104 p.

3. Gorina, E. V. (2016). Kommunikativnye tekhnologii manipulyatsii v SMI i voprosy informatsionnoy bezopasnosti = Communicative technologies of manipulation in the media and issues of information security. Ekaterinburg: Ural St. Univ., 67 p. ISBN 978-5-7996-1807-0. EDN WYPVKR.

4. Grinev-Grinevich, S. V. (2008). Vvedenie v terminovedenie = Introduction to Terminology. Moscow: Akademiya, 304 p. ISBN 978-5-7695-4951-9.

5. Zhidkova, Yu. B. (2007). Funktsionirovanie meditsinskikh terminov v rasskazakh A. P. Chekhova = Functioning of Medical Terms in A. P. Chekhov's Stories. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2-2, 84–88. EDN KDSZRB.

6. Kobozeva, I. M. (2000). Lingvisticheskaya semantika = Linguistic Semantics. Textbook. Moscow: Ehditorial URSS, 350 p. ISBN 5-8360-0165-0.

7. Lazarsfel'd, P., Merton, R. (2007). Massovaya kommunikatsiya, massovye vkusy i organizovannoe sotsial'noe deystvie = Mass Communication, Mass Tastes, and Organized Social Action. Transl. from English. *Information Policy: in the Context of Social Informationology. Reader*, 148–159. Moscow: Izd-vo RAGS. ISBN 978-5-7729-0281-3.

8. Lakoff, G., Johnson, M. (2004). Metafori, kotorymi my zhivem = Metaphors We Live By (edited and with a foreword by A. N. Baranov). Moscow: Editorial URSS, 254 p. ISBN 5-354-00222-2.

9. Nasyrova, G. N. (2022). Kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti neassimilirovannykh frantsuzskikh zaimstvovaniy v angloyazychnykh SMI = Communicative and pragmatic features of unassimilated French borrowings in the English-language media. *New World. New Language. New Thinking. Collection of materials from the V International scientific and practical conference (philology, pedagogy and intercultural communication), Moscow, February 4, 2022*, 57–64. Moscow: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. EDN HFKFPC.

10. Piotrovskiy, R. G. (2006). Lingvisticheskaya sinergetika: iskhodnye polozeniya, pervye rezul'taty, perspektivy = Linguistic synergetics: initial provisions, first results, prospects. St. Petersburg: Filol. fak. S.-Peterb. gos. un-ta, 159 p. ISBN 5-8465-0287-3. EDN ZFQAFX.

11. Pogodina, T. Yu. (2023). City upon a hill — istoriya odnoy metafory = City upon a hill — the story of one metaphor. *Language. Culture. Society. Current issues, research methods and problems of teaching: collection of scientific articles (resp. ed. I. E. Koptelova)*, 196–205. Moscow : Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Quantum Media. EDN UXZKMQ.

12. Pogodina, T. Yu. (2024). Dzheral'd Darrell. S lyubov'yu ko vsemu zhivomu = Gerald Durrell. With love to all living things. *Language. Culture. Society. Current issues, research methods and problems of teaching: collection of scientific articles (resp. ed. I. E. Koptelova)*, 81–93. Moscow: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Quantum Media. EDN GSCEAF.

13. Reformatskiy, A. A. (1996). Vvedenie v yazykovedenie = Introduction to linguistics. 5th clarification ed. Moscow: Aspekt-press, 536 p. ISBN 5-7567-0046-3.

14. Chudinov, A. P. (2001). Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000) = Russia in a metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor (1991–2000). Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 238 p. ISBN 5-7186-0277-8.

Политическая лингвистика. 2026. № 2 (116).
Political Linguistics. 2026. No 2 (116).

УДК 811.581'42+811.581'38+81'27+811.581'373
ББК Ш171.1-51+Ш171.1-55+Ш100.63+Ш171.1-3

ГРНТИ 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Айгуль Рамилевна Петунина^{1,3✉}, Альбина Анваровна Билялова^{2✉}

¹ Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета, Набережные Челны, Россия, arrrtica91@gmail.com ✉, SPIN-код: 8387-6280

² Елабужский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета, Елабуга, Россия, abill71@mail.ru ✉, SPIN-код: 1343-7998

³ Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Культурно маркированная лексика в политическом медиадискурсе КНР: к определению понятия и типологии

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу культурно маркированной лексики (КМЛ), выступающей одним из ключевых средств конструирования смыслов в современном политическом медиадискурсе Китая. Актуальность темы связана не только с возрастанием международной роли КНР, но и с необходимостью выработки адекватных переводческих решений при передаче культурно-специфичных единиц. **Цель работы** — предложить рабочее определение КМЛ применительно к китайскому политическому медиадискурсу и построить типологию, пригодную для дальнейшего изучения переводческих стратегий и межкультурной рецепции.

Исследование выполнено с опорой на методы дискурсивного анализа, сопоставительного изучения дефиниций и контекстуального анализа. Теоретическую основу составили труды по политической лингвистике, теории перевода, дискурс-анализу и лингвокультурологии.

В ходе работы уточнено содержание понятия «культурно маркированная лексика»: предлагается трактовать его шире, чем традиционные «реалии» или понятие «безэквивалентная лексика», включая не только классические единицы, но и современные идеологические неологизмы, политические термины-реалии и прецедентные феномены. Построена четырехчастная типология КМЛ, каждая из частей проиллюстрирована примерами из официального медиадискурса КНР (2012–2025). Выделены основные функции КМЛ: легитимация, идентификация, эмоционально-суггестивная, когнитивно-моделирующая и трансляция «мягкой силы». Обоснована открытость предложенной классификации, а также намечены направления ее возможного расширения (аббревиатуры, риторические формулы, метафоры нового поколения, прецеденты новейшей истории). Предложенная типология может служить инструментом для корпусных и экспериментальных исследований восприятия КМЛ, а также использоваться в практике перевода политических текстов и в учебных курсах по политической лингвистике и межкультурной коммуникации.

Выводы. Введение операционального определения КМЛ и ее типологии позволяет перейти от общих рассуждений о культурной специфике к эмпирически верифицируемому анализу того, как именно те или иные типы единиц «работают» в иноязычной среде. При этом сама типология понимается как открытая система, допускающая дальнейшую детализацию и дополнение по мере расширения корпуса и углубления исследовательских задач.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политические тексты, журналистика, медиадискурс, медиатексты, китайские СМИ, средства массовой информации, языковые средства, язык СМИ, лингвокультурология, китайская лингвокультура, культурная специфика, культурно маркированная лексика, идеологические неологизмы, мягкая сила, перевод.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Петунина Айгуль Рамилевна, старший преподаватель кафедры филологии, Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета, Набережные Челны, Россия; аспирантка, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, email: arrrtica91@gmail.com.

Билялова Альбина Анваровна, профессор, доктор филологических наук, профессор Елабужского института (филиала) Казанского (Приволжского) федерального университета, Елабуга, Россия, email: abill71@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Петунина, А. Р. Культурно маркированная лексика в политическом медиадискурсе КНР: к определению понятия и типологии / А. Р. Петунина, А. А. Билялова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 231-237.

Aygul' R. Petunina^{1,3✉}, Al'bina A. Bilyalova^{2✉}

¹ Naberezhnye Chelny Institute (Branch of Kazan Volga Federal University), Naberezhnye Chelny, Russia, arrrtica91@gmail.com ✉, SPIN code: 8387-6280

² Elabuga Institute (Branch of Kazan Volga Federal University), Elabuga, Russia, abill71@mail.ru ✉, SPIN code: 1343-7998

³ Kazan Volga Federal University, Kazan, Russia

Culturally Marked Vocabulary in the Political Media Discourse of China: Towards a Definition and Typology

ABSTRACT. The paper analyzes culturally marked vocabulary as a key instrument of constructing meaning within contemporary Chinese political media discourse. The relevance of the topic stems both from China's growing international influence and from the need to develop adequate translation strategies for conveying culturally specific units. **The study aims** to suggest a working definition of culturally marked vocabulary applicable to Chinese political media discourse and to develop a typology suitable for further research of translation strategies and intercultural reception.

The research draws on the methods of discourse analysis, comparative analysis of definitions, and contextual analysis. The theoretical framework includes works in political linguistics, translation studies, discourse analysis, and linguo-culturology.

The article refines the concept of “culturally marked vocabulary”: it is interpreted broader than the traditional “realia” or “non-equivalent vocabulary”, encompassing not only classical units but also modern ideological neologisms, political realia terms, and precedent phenomena. The study presents a four-part typology of culturally marked vocabulary, and each part is illustrated with examples from China's official media discourse (2012–2025). The main functions of culturally marked vocabulary are identified: legitimation, identification, emotional-suggestive, cognitive-modeling, and proliferation of soft power. The openness of the suggested classification is justified, and possible directions for its expansion (abbreviations, rhetorical formulas, new-generation metaphors, recent historical precedents) are outlined. The suggested typology can serve as a tool for corpus-based and experimental studies of culturally marked vocabulary perception, as well as for translation of political texts and for university courses in political linguistics and intercultural communication.

Conclusion. Introduction of an operational definition of culturally marked vocabulary and its typology makes it possible to move from general observations about cultural specificity to empirically verifiable analysis of how different types of units function in a foreign-language environment. The typology itself is understood as an open system, allowing further refinement and expansion as the corpus grows and research objectives deepen.

KEYWORDS: political discourse, political texts, journalism, media discourse, media texts, Chinese media, mass media, language means, mass media language, linguoculturology, Chinese linguoculture, cultural specificity, culturally marked vocabulary, ideological neologisms, soft power, translation.

AUTHOR'S INFORMATION: Petunina Aygul' Ramilevna, Senior Lecturer of Department of Philology, Naberezhnye Chelny Institute (Branch of Kazan Volga Federal University), Naberezhnye Chelny, Russia; Post-Graduate Student of Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Volga Federal University, Kazan, Russia.

Bilyalova Al'bina Anvarovna, Doctor of Philology, Professor of Elabuga Institute (Branch of Kazan Volga Federal University), Elabuga, Russia.

FOR CITATION: Petunina A. R., Bilyalova A. A. (2026). Culturally Marked Vocabulary in the Political Media Discourse of China: Towards a Definition and Typology. In *Political Linguistics*. No 2 (116), pp. 231-237. (In Russ.).

Политический медиадискурс современного Китая последние несколько лет находится в центре внимания лингвистов, политологов и специалистов по межкультурной коммуникации. Причины здесь понятны: страна активно наращивает присутствие в глобальном информационном пространстве и используемые языковые средства нередко оказываются не вполне «прозрачными» для внешнего наблюдателя. Особую сложность представляет пласт лексики, который мы предлагаем называть культурно маркированным. В него попадают и традиционные чэньюй, и цитаты из древних канонов, и недавно сконструированные идеологические лозунги типа «китайская мечта», и специфические политические реалии («две сессии», «борьба с бедностью»), и отсылки к событиям или персонажам, хорошо известным китайской аудитории, но зачастую ничего не говорящим людям за пределами страны.

В российской и зарубежной науке накоплен солидный багаж знаний об отдельных составляющих этого явления. Достаточно назвать работы, посвященные чэньюй как лингвокультурным константам [Васильева, Маркова 2020; Ветров 2011; Шагдурова 2021], исследования идеологических неологизмов в выступлениях китайских лидеров [Mottura 2020], а также классические труды

по переводу культурно-специфичной лексики [Тер-Минасова 2008; Влахов, Флорин 1986; Комиссаров 1990]. Однако, на наш взгляд, до сих пор отсутствует единое операциональное понятие, которое позволило бы объединить все перечисленные разнovidности в рамках одного исследовательского подхода. Без такого объединяющего понятия трудно выстроить последовательную методику анализа, а тем более перейти к экспериментальной проверке того, как именно эти единицы воспринимаются носителями иной культуры.

В последние годы появились работы, где делаются шаги в этом направлении. Например, исследование Ю. Ло и соавторов [Luo et al. 2025], выполненное на материале годовых обращений председателя КНР, выявило устойчивые стратегии номинации и предикации, с помощью которых в церемониальном жанре легитимируется власть и конструируется национальный нарратив. А в монографии Ю Цзинь [Yu Jin 2024] на основе корпусного анализа западных СМИ показано, как ключевые политические термины Китая по-разному усваиваются внешней аудиторией в зависимости от выбранной переводческой стратегии. Настоящая статья продолжает эту линию, но акцент в ней делается не на переводе или восприятии, а на

предварительной систематизации самого объекта — культурно маркированной лексики. Цель работы — выработать рабочее определение КМЛ применительно к политическому медиадискурсу КНР и построить типологию ее единиц, которая в дальнейшем могла бы стать основой для анализа переводческих решений и изучения межкультурной рецепции.

Прежде чем строить типологию, необходимо определиться с тем, что мы вообще имеем в виду, говоря о культурно маркированной лексике. В лингвистической литературе существует целый ряд терминов, описывающих единицы с ярко выраженной национально-культурной составляющей: это и «безэквивалентная лексика» [Виноградов 2001], и «реалии» [Влахов, Флорин 1986], и «лингвокультурные константы» [Беляева, Ковш, Савченко 2017; Гаспарян 2022¹], и «прецедентные феномены» [Караулов 1987], и «культурно-специфичная лексика» [Тер-Минасова 2008]. Каждое из этих понятий акцентирует какой-то один аспект: безэквивалентность, отнесенность к быту или истории, устойчивость и воспроизводимость, опору на общее знание. Однако для нашего объекта — политического медиадискурса Китая — ни один из этих терминов по отдельности не является достаточным. Понятие «реалии» ориентировано преимущественно на бытовую и историческую сферу и не охватывает идеологические конструкторы современного политического дискурса. Подход В. С. Виноградова [Виноградов 2001], фокусирующийся на безэквивалентности, фиксирует факт отсутствия перевода, но не объясняет прагматическую функцию таких единиц в дискурсе власти. Что же касается «прецедентных феноменов» [Караулов 1987], то их категория слишком широка и не учитывает специфически сконструированные идеологические неологизмы, которые не имеют нарративной основы в классической культуре. Во-первых, мы имеем дело не только с традиционными единицами, уходящими корнями в древность, но и с относительно новыми образованиями, которые сознательно сконструированы по образцу классических (например, «четыре всесторонних» или «сообщество единой судьбы человечества»). Во-вторых, для нас важна не столько «непереводимость» в строгом смысле, сколько тот факт, что за каждой такой единицей стоит сложный комплекс ассоциаций, исторических и моральных смыслов, который для китайского адресата практически автоматически актуа-

лизируется, а для внешнего адресата остается скрытым. В-третьих, эти единицы регулярно становятся объектом переводческих решений, причем решения эти, как правило, институционально регулируются и имеют далеко идущие прагматические последствия.

Исходя из сказанного, мы предлагаем следующее рабочее определение: **культурно маркированная лексика (КМЛ)** — это любой лексический элемент современного политического медиадискурса КНР, который актуализирует связь с традиционной культурой, историей, философией или идеологическими установками и является носителем культурно-специфичных смыслов, требующих особых переводческих стратегий. Такое определение, как нам кажется, обладает тремя важными достоинствами. Оно охватывает как классическое наследие, так и новообразования. Оно фиксирует функциональную направленность: единица не просто «принадлежит» культуре, но в актуальном употреблении отсылает к глубинным смыслам, не очевидным для непосвященного. И оно напрямую указывает на переводческую проблематику, что делает его удобным для дальнейших этапов исследования.

Материалом для построения типологии послужили тексты, относящиеся к разным жанрам политического медиадискурса Китая: выступления председателя КНР (2012–2025), официальные новостные сообщения агентства «Синьхуа» и газеты «Жэньминь жибао», тексты пропагандистских кампаний, публикации в социальных сетях (WeChat, Weibo). Общий объем проанализированных материалов составил около 1,2 млн словоупотреблений. Хронологические рамки охватывают период с 2012 по 2025 г., что позволяет проследить динамику появления новых единиц и изменение частотности уже существующих. Выбор нижней границы обусловлен началом нового политического цикла (XVIII съезд КПК), верхняя граница соответствует современному состоянию дискурса. В результате анализа мы выделили четыре основных типа КМЛ, каждый из которых имеет внутреннюю структуру и специфические особенности перевода.

Первый и, возможно, наиболее традиционный тип — **классическая лексика**. Это единицы, прямо восходящие к китайской традиции, зафиксированные в письменных памятниках и сохранившие в современном языке устойчивую связь с первоисточником. Внутри этого типа можно различить несколько разновидностей. Во-первых, это чэньюй

¹ Гаспарян Н. К. Лингвокультурные константы «семья», «Родина», «труд» : на материале русского и армянского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Калининград, 2022. — 24 с.

(成语) — устойчивые четырехморфемные идиомы, часто представляющие собой свернутый нарратив или моральное наставление. Например, 众志成城 («единая воля крепче стали») регулярно используется в медиа для обозначения национальной консолидации. Во-вторых, прямые цитаты из канонических текстов (引经据典) — дословные заимствования из «Лунъюя», «Даодэцзина», «Ицзина» и других классических сочинений. Показательный пример — обращение к «Ицзину» на торжественном собрании по случаю 100-летия КПК: 天行健, 君子以自强不息 («Небеса здоровы, и благородный муж непрерывно совершенствует себя»). В таком контексте цитата выполняет функцию «освящения» современной политической повестки. В-третьих, исторические аллюзии и притчи (典故) — отсылки к конкретным сюжетам, требующие знания соответствующего контекста. Классический пример — 井底之蛙 («лягушка на дне колодца»), восходящий к «Чжуан-цзы» и используемый для критики изоляционизма или ограниченности мышления. Наконец, к этому же типу можно отнести ключевые этико-философские концепты, такие как 君子 (благородный муж), 德 (добродетель), 大同 (великое единение), 和 (гармония). Эти концепты нередко становятся смысловыми узлами, вокруг которых выстраиваются целые фрагменты политического дискурса.

Второй тип, пожалуй, наиболее активно пополняющийся в последнее десятилетие, составляют **идеологические неологизмы**. Речь идет о новых четырехморфемных формулах, которые по форме напоминают чэньюй, но имеют не стихийно сложившееся, а сознательно сконструированное происхождение. Их функция — упаковывать сложные политические концепции в компактные, ритмически организованные единицы, удобные для запоминания и тиражирования. К числу наиболее известных можно отнести «中国梦» (китайская мечта), «一带一路» (один пояс — один путь), «人类命运共同体» (сообщество единой судьбы человечества), «四个全面» (четыре всесторонних), «新发展理念» (новая концепция развития). Появление новых неологизмов идет неравномерно. Самый заметный всплеск пришелся на 2022–2023 гг., что, скорее всего, объясняется выходом итоговых документов XX съезда КПК и формированием обновленной идеологической повестки. А в 2024–2025 гг. терминосистема стабилизируется: свежих единиц появляется всё меньше, зато уже введенные начинают использоваться гораздо чаще, их частотность растёт [Няньду жэцы 2025]. Ха-

рактерный пример — «новые производительные силы» (新质生产力), появившиеся в 2023 г. За два года частота употребления этого термина в официальных медиа выросла в 12 раз, и к 2025-му он вошел в десятку самых популярных политических терминов.

Третий тип — политические термины-реалии. Если идеологические неологизмы часто несут философский оттенок, то реалии называют конкретные институты, программы или элементы политической системы Китая. У них тоже нет прямых аналогов за пределами КНР, но их специфика более «техническая», институциональная. Типичные примеры: «两会» (две сессии — сессии Всекитайского собрания народных представителей и Народного политического консультативного совета Китая), «脱贫攻坚» (борьба с бедностью), «反腐倡廉» (антикоррупционная кампания), «双循环» (двойная циркуляция). При переводе таких единиц главное — не столько подобрать культурный эквивалент, сколько дать институциональную адаптацию: объяснить, что стоит за названием и какое место соответствующая программа или орган занимают в политической системе [Yu Jin 2024].

Четвертый тип — прецедентные имена и события. Это отсылки к историческим личностям, датам, событиям, которые работают как «якоря» коллективной памяти. В китайском медиадискурсе они выполняют важную риторическую роль: позволяют выстроить линию преемственности, придать современным событиям исторический масштаб или, наоборот, провести негативную параллель. Например, упоминание «восстания тайпинов» в контексте народных движений, отсылки к Шелковому пути как исторической предтече инициативы «Пояс и путь», обращение к Конфуцию или Цюй Юаню для апелляции к традиционным ценностям. Для внешней аудитории такие отсылки без специального комментария часто остаются закрытыми.

Предложенная четырехчастная структура, на наш взгляд, охватывает основной корпус культурно маркированных единиц, которые активно функционируют в китайском политическом медиадискурсе исследуемого периода. Но мы не считаем ее окончательной и исчерпывающей. Типология задумана как открытая. Если расширять корпус — например, включать неофициальные медиа, интернет-мемы, публицистику — или смещать фокус на специфические переводческие задачи, может понадобиться и дальнейшая детализация выделенных типов, и добавление новых категорий.

Возможные направления развития классификации видятся в следующем.

Аббревиатуры и сокращения в китайском политическом языке часто сами по себе становятся культурно маркированными знаками. Такие единицы, как «**两山**» (сокращение от «**绿水青山就是金山银山**»), «**三严三实**» или «**两个维护**», при переводе требуют не просто расшифровки, а пояснения их идеологической нагрузки.

Риторические парные конструкции — например, «**不忘初心，牢记使命**», «**撸起袖子加油干**» — не относятся в строгом смысле ни к классическим чэньюй, ни к идеологическим неологизмам, но при этом обладают высокой устойчивостью и несут значительный культурный вес.

Метафоры нового поколения не восходят напрямую к древним текстам, но активно тиражируются в медиа. Это метафоры «окна», «моста», «кораблей» в описании международных отношений, а также концептуальные метафоры из традиционной китайской медицины, когда, скажем, экономику «лечат от болезни».

Внутри категории прецедентных феноменов полезно различать **прецеденты классической древности** (Конфуций, Цюй Юань) и **прецеденты новейшей истории** (дух Лэй Фэна, «эра реформ и открытости», юбилейные даты), поскольку их культурная маркированность опирается на разные типы памяти — традиционную и идеологическую. Наконец, за рамками чисто лексического подхода остаются **гибридные семиотические единицы**: иероглифические символы, логотипы, визуальные метафоры в сопровождении вербального компонента. Их анализ — возможная перспектива на стыке лингвистики и семиотики. Все эти направления не отрицают предложенную типологию, но показывают, что она обладает внутренним потенциалом для дальнейшего уточнения.

Выделенные типы КМЛ, разумеется, не существуют изолированно; они вплетены в ткань дискурса и выполняют целый ряд функций. Нам представляется важным не просто перечислить эти функции, но и показать, как они связаны с конкретными типами единиц. Первая функция — **легитимация**. Апелляция к традиции, истории или авторитету канонов придает современным политическим решениям вес «освященной веками мудрости». Эта функция наиболее ярко реализуется через прямые цитаты из канонов и исторические аллюзии. Когда в выступлении лидера звучит фраза из «Ицзина», она не столько информирует, сколько создает эффект преемственности, включенности в длительную традицию [Шейгал 2004]. Вторая функция — **идентификация**. Насыщенная КМЛ речь маркирует говорящего как носите-

ля подлинно китайской культуры. Для внутренней аудитории это сигнал «свой», для внешней — демонстрация культурной самобытности. В этом смысле даже неудачный перевод может работать на идентификацию: сам факт использования неадаптированных единиц подчеркивает дистанцию.

Третья функция — **эмоционально-суггестивная**. Ритмическая организация, образность и апелляция к архетипическим сюжетам делают КМЛ мощным средством эмоционального воздействия. Хорошей иллюстрацией может служить слово «устойчивость» (韧性), которое в 2025 г. стало одним из ключевых: изначально техническое, оно приобрело яркую эмоциональную окраску, апеллируя к архетипу способности преодолевать трудности. Исследование новогодних обращений [Luo et al. 2025] показало, что частотность употребления этого термина коррелировала с ростом позитивных ожиданий аудитории. Четвертая функция — **когнитивно-моделирующая**. КМЛ упаковывает сложные политические концепции в компактные формулы, которые легче воспринимаются и тиражируются. Идеологические неологизмы («четыре всесторонних», «китайская мечта») работают как когнитивные рамки, направляющие интерпретацию [Ян Ш., Янь Я. 2024; Лань Ю. 2022]. Наконец, пятая функция — **трансляция мягкой силы**. В международной коммуникации КМЛ служит инструментом позиционирования Китая как «цивилизационного государства». При этом успех или неуспех зависит от того, насколько удачно эти единицы переведены. Как справедливо отмечает Ю Цзинь [Yu Jin 2024], качество перевода может стать либо точкой роста символической власти Китая, либо, напротив, превратить мощный ресурс традиции в «пустой звук» для внешней аудитории.

Перечислим основные характеристики выделенных типов КМЛ. Классическая лексика (чэньюй, цитаты из канонов, исторические аллюзии, этико-философские концепты) выполняет преимущественно функции легитимации и идентификации, а ее перевод требует пояснения культурного контекста и часто оказывается безэквивалентным. Идеологические неологизмы («китайская мечта», «один пояс — один путь», «новые производительные силы») нацелены на когнитивное моделирование и трансляцию мягкой силы; для них характерна стандартизация официальных переводов и высокая динамика появления новых единиц. Политические термины-реалии («две сессии», «борьба с бедностью», «двойная циркуляция») также служат легитимации и идентификации, но требуют прежде всего институциональной адап-

тации, а не поиска культурного эквивалента. Прецедентные имена и события (Конфуций, Шелковый путь, восстание тайпинов) выполняют функции идентификации и легитимации, а их перевод нуждается в контекстуализации и, как правило, комментарии.

Предложенная типология, как нам представляется, позволяет решить сразу несколько задач. Во-первых, она дает возможность операционализировать понятие КМЛ: теперь каждая единица может быть отнесена к определенному типу, что открывает путь для количественных и качественных сопоставлений. Во-вторых, типология задает рамку для анализа переводческих стратегий: можно предположить, что классическая лексика и этико-философские концепты потребуют иных решений, чем идеологические неологизмы или политические реалии. В-третьих, она может быть использована при разработке учебных курсов по переводу и межкультурной коммуникации. Особенно важным представляется то, что типология создает основу для экспериментального изучения восприятия. В современной лингвистике всё чаще поднимается вопрос о том, как именно культурно-специфичные единицы декодируются носителями иной культуры. Работы Н. А. Завьяловой и В. В. Савиновских [Завьялова, Савиновских 2023] показывают, что политический контрфактуальный нарратив, насыщенный такими единицами, может становиться для внешнего адресата «загадкой», требующей специальных усилий по расшифровке. Применительно к китайскому дискурсу это означает, что использование КМЛ без учета возможной асимметрии восприятия может приводить к эффекту «культурной глухоты». Предлагаемая типология позволяет выделить те типы единиц, которые наиболее уязвимы в этом смысле, и наметить пути их адаптации.

Подводя итог, можно сформулировать три основных результата работы. Во-первых, предложено рабочее определение КМЛ, которое, в отличие от существующих (реалии, безэквивалентная лексика, прецедентные феномены), охватывает как традиционные, так и современные идеологические единицы, фиксирует их функциональную направленность и прямо указывает на переводческую проблематику. Во-вторых, на основе анализа материалов 2012–2025 гг. построена четырехчастная типология КМЛ (классическая лексика, идеологические неологизмы, политические термины-реалии, прецедентные имена и события), которая задает координаты для дальнейшего, более глубокого анализа переводческих стратегий и межкультурной рецепции. В-третьих, обос-

нована открытость предложенной классификации: по мере расширения корпуса, включения новых жанров или смещения исследовательского фокуса типология может быть детализирована и дополнена (аббревиатуры, риторические формулы, метафоры нового поколения, прецеденты новейшей истории). Именно такой путь — от типологии к эмпирической верификации, с сохранением возможности уточнять саму типологию, — представляется нам наиболее перспективным для изучения роли культурно маркированной лексики в международной политической коммуникации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Беляева, И. Ф. Лингвокультурные константы и концепты: проблема дефиниции / И. Ф. Беляева, Е. В. Ковш, Е. П. Савченко // Значимые личности в языке и культуре: к юбилею со дня рождения Ю. М. Лотмана. — Москва : Московский государственный областной университет, 2017. — С. 7–10. — EDN YTZFPB.
2. Васильева, А. А. Лингвокультурологическая характеристика чэньюев с компонентом 梦 / А. А. Васильева, С. П. Маркова // Казанская наука. — 2020. — № 12. — С. 139–141. — EDN DAZRAA.
3. Ветров, П. П. Textoобразующие функции китайских фразеологических единиц (на основе анализа экспериментального и текстового материала) / П. П. Ветров // Вестник Московского института лингвистики. — 2011. — № 1. — С. 8–23. — EDN REDILB.
4. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. — Москва : Изд-во ИОСО РАО, 2001. — 224 с. — ISBN 5-7552-0041-6.
5. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. — 2-е изд. — Москва : Высшая школа, 1986. — 416 с.
6. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. — Москва : Прогресс, 1989. — 312 с.
7. Завьялова, Н. А. Политический контрфактуальный нарратив как загадка из прошлого / Н. А. Завьялова, В. В. Савиновских // Политическая лингвистика. — 2023. — № 2 (98). — С. 139–146. — DOI 10.26170/1999-2629_2023_02_15. — EDN DDEHCE.
8. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Наука, 1987. — 261 с. — EDN PWFIXL.
9. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. — Москва : Высшая школа, 1990. — 253 с. — ISBN 5-06-001057-0.
10. Константы культуры России и Монголии : очерки истории и теории / А. В. Иванов, М. Ю. Шишин, Е. В. Макарова [и др.]. — Барнаул : Алтайский дом печати, 2010. — 313 с. — ISBN 978-5-98550-167-4. — EDN VXYMP.
11. Лань, Ю. Китайская мечта как идеологическая концепция новой эпохи развития КНР / Ю. Лань // Общество: политика, экономика, право. — 2022. — № 4 (105). — С. 43–47. — DOI 10.24158/per.2022.4.6. — EDN ZPDRWD.
12. Морозкина, Е. А. Перевод китайской классической поэзии в России и за рубежом: к истории вопроса / Е. А. Морозкина, П. Чжао // Вестник Башкирского университета. — 2019. — Т. 24, № 1. — С. 229–233. — EDN FYCPXD.
13. Смирнов, И. С. Китайская поэзия в исследованиях, заметках, переводах, толкованиях / И. С. Смирнов ; отв. ред. Б. Л. Рифтин. — Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2014. — 627 с. — (Orientalia et Classica: труды Института восточных культур и античности ; Вып. 55). — ISBN 978-5-7281-1671-4. — EDN TLZPMR.
14. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. — Москва : Слово/Slovo, 2008. — 264 с. — ISBN 978-5-211-05472-1. — EDN RBBKAF.
15. Шагдурова, Н. Б. Лингвокультурологический анализ устойчивых китайских выражений чэньюй содержащих знак

礼 (Ритуал) / Н. Б. Шагдурова // Научные междисциплинарные исследования : сборник статей XIV Междуна. науч.-практ. конф. (Саратов, 20 мая 2021 г.). — Москва : КДУ : Добросвет, 2021. — С. 257–263. — EDN JTIMAR.

16. Шейгал, Е. И. Семантика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва : Гнозис, 2004. — 326 с. — ISBN 5-7333-0144-9. — EDN QODCTF.

17. Ян, Ш. Перевод на русский язык числовых аббревиатур в китайском политическом дискурсе / Ш. Ян, Я. Янь // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 338–348. — EDN OAKCIW.

18. Няньду жэцзи : 2025 чжунго юяньшэ шэнхо чжуанкун баогао = Ежегодные ключевые слова: отчёт о языковой ситуации в Китае 2025 // Чунцин жибао. — 2025. — 29 дек. — URL: https://www.cqrb.cn/2025-12/29/content_123456.html (дата обращения: 30.03.2026).

19. Luo, Yu. Discursive Strategies Uncovered: Understanding Chinese New Year Speeches / Yu. Luo, N. M. Ibrahim, U. Kh. Bt. U. M. Nordin // Theory and Practice in Language Studies. — 2025. — Vol. 15, No. 4. — P. 1196–1206. — DOI 10.17507/tpls.1504.18. — EDN TELTOC.

20. Mottura, B. Keywords in Chinese Political Language / B. Mottura. — Milano : Edizioni Unicopli, 2020. — ISBN 978-8840021584.

21. Xing, Z. Stylistic Features of Chinese Television Discourse: Lexical Aspect / Z. Xing, R. Hu, S. V. Tsymbal // International Humanitarian University Herald Philology. — 2023. — Т. 2, № 60. — P. 66–69. — DOI 10.32841/2409-1154.2023.60.2.16.

22. Yu Jin. 洞见大国: 「中国关键词」翻译与海外传播 = Understanding a Great Power: Translation and Overseas Dissemination of “Keywords of China” / Yu Jin. — Ухань : Изд-во Уханьского университета, 2024. — 182 с.

REFERENCES

1. Belyaeva, I. F., Kovsh, E. V., Savchenko, E. P. (2017). Lingvokul'turnye konstanty i kontsepty: problema definitivnosti = Linguocultural Constants and Concepts: The Problem of Definition. *Significant Personalities in Language and Culture: On the Anniversary of Yu. M. Lotman's Birthday*, 7–10. Moscow: Moscow Regional State University. EDN YTZFPB.

2. Vasil'eva, A. A., Markova, S. P. (2020). Lingvokul'turologicheskaya kharakteristika chehn'yuev s komponentom 梦 = Linguocultural Characteristics of Chengyu with the Component 梦. *Kazan Science*, 12, 139–141. EDN DAZRAA.

3. Vetrov, P. P. (2011). Tekstoobrazuyushchie funktsii kitayskikh frazeologicheskikh edinits (na osnove analiza eksperimental'nogo i tekstovogo materiala) = Text-Forming Functions of Chinese Phraseological Units (Based on the Analysis of Experimental and Textual Material). *Bulletin of the Moscow Institute of Linguistics*, 1, 8–23. EDN REDILB.

4. Vinogradov, V. S. (2001). Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy) = Introduction to Translation Studies (General and Lexical Issues). Moscow: Izd-vo IOSO RAO, 224 p. ISBN 5-7552-0041-6.

5. Vlahov, S., Florin, S. (1986). Neperevodimoe v perevode = The Untranslatable in Translation. 2nd ed. Moscow: Vysshaya shkola, 416 p.

6. Deyk, T. A. van (1989). Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya = Language. Cognition. Communication. Moscow: Progress, 312 p.

7. Zav'yalova, N. A., Savinovskikh, V. V. (2023). Politicheskiy kontrfaktual'nyy narrativ kak zagadka iz proshlogo = Political Counterfactual Narrative as a Riddle from the Past. *Political Linguistics*, 2(98), 139–146. DOI 10.26170/1999-2629_2023_02_15. EDN DDEHCE.

8. Karaulov, Yu. N. (1987). Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost' = Russian Language and Linguistic Personality. Moscow: Nauka, 261 p. EDN PWFIXL.

9. Komissarov, V. N. (1990). Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty) = Translation Theory (linguistic aspects). Moscow: Vysshaya shkola, 253 p. ISBN 5-06-001057-0.

10. Ivanov, A. V., Shishin, M. Yu., Makarova, E. V., et al. (2010). Konstanty kul'tury Rossii i Mongolii: ocherki istorii i teorii = Constants of Culture in Russia and Mongolia: Essays on History and Theory. Barnaul: Altayskiy dom pechati, 313 p. ISBN 978-5-98550-167-4. EDN VXYMOP.

11. Lan', Yu. (2022). Kitayskaya mechta kak ideologicheskaya kontseptsiya novoy ehpokhi razvitiya KNR = The Chinese Dream as an Ideological Concept of the New Era of China's Development. *Society: Politics, Economics, Law*, 4(105), 43–47. DOI 10.24158/pep.2022.4.6. EDN ZPDRWD.

12. Morozkina, E. A., Chzhao, P. (2019). Perevod kitayskoy klassicheskoy poezhii v Rossii i za rubezhom: k istorii voprosa = Translation of Classical Chinese Poetry in Russia and Abroad: On the History of the Issue. *Bulletin of Bashkir University*, 24(1), 229–233. EDN FYCPXD.

13. Smirnov, I. S. (2014). Kitayskaya poehziya v issledovaniyakh, zametkakh, perevodakh, tolkovaniyakh = Chinese Poetry in Research, Notes, Translations, and Interpretations (Resp. Ed. B. L. Riftin). Moscow: Russian State University for the Humanities, 627 p. ISBN 978-5-7281-1671-4. EDN TLZPMR.

14. Ter-Minasova, S. G. (2008). Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya = Language and Intercultural Communication. Moscow: Slovo/Slovo, 264 p. ISBN 978-5-211-05472-1. EDN RBBKAF.

15. Shagdurova, N. B. (2021). Lingvokul'turologicheskii analiz ustoychivyykh kitayskikh vyrazheniy chehn'yuy soderzhashchikh znak 礼 (Ritual) = Linguistic and Cultural Analysis of Chinese Chengyu Set Expressions Containing the 礼 (Ritual) Character. *Scientific Interdisciplinary Research: Collection of Articles from the XIV Int. Scient. and Pract. Conf. (Saratov, May 20, 2021)*, 257–263. Moscow: KDU: Dobrosvet. EDN JTIMAR.

16. Sheygal, E. I. (2004). Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of Political Discourse. Moscow: Gnozis, 326 p. ISBN 5-7333-0144-9. EDN QODCTF.

17. Yan, Sh., Yan', Ya. (2024). Perevod na russkiy yazyk chislovykh abbreviatur v kitayskom politicheskom diskurse = Translation of Numerical Abbreviations in Chinese Political Discourse into Russian. *Political Linguistics*, 5(107), 338–348. EDN OAKCIW.

18. Chongqing Ribao (2025, Dec. 29). Annual keywords: Report on the language situation in China 2025. Available at March 30, 2026 from https://www.cqrb.cn/2025-12/29/content_123456.html.

19. Luo, Yu., Ibrahim, N. M., Nordin U. Kh. Bt. U. (2025). Discursive Strategies Uncovered: Understanding Chinese New Year Speeches. *Theory and Practice in Language Studies*, 15(4), 1196–1206. DOI 10.17507/tpls.1504.18. EDN TELTOC.

20. Mottura, B. (2020). Keywords in Chinese Political Language. Milano: Edizioni Unicopli. ISBN 9788840021584.

21. Xing, Z., Hu, R., Tsymbal, S. V. (2023). Stylistic Features of Chinese Television Discourse: Lexical Aspect. *International Humanitarian University Herald Philology*, 2(60), 66–69. DOI 10.32841/2409-1154.2023.60.2.16.

22. Yu, Jin (2024). 洞见大国: 「中国关键词」翻译与海外传播 = Understanding a Great Power: Translation and Overseas Dissemination of “Keywords of China”. Wuhan: Wuhan University Press, 182 p.

Юлия Евгеньевна Русакова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия, jrusakova02@yandex.ru, SPIN-код: 6824-1937, <https://orcid.org/0009-0005-0693-6541>

Лексико-семантические особенности репрезентации медиаобраза советского регионального руководителя в современном медиадискурсе (на материале омских СМИ 2020–2025 гг.)

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется медиаобраз советского регионального руководителя в современном медиадискурсе, а именно ретроспективная репрезентация образа первого секретаря Омского обкома КПСС С. И. Манякина в омских СМИ 2020–2025 гг. Цель работы — реконструировать лексико-семантическую структуру медиаобраза через составление формально-функционального тезауруса и выявление механизмов его языковой репрезентации. Методология включает лингвокогнитивный и дискурсивный подходы, методы контент-анализа, лингвокогнитивного анализа и тезаурусного описания. Корпус исследования состоит из медиатекстов, отобранных по критериям релевантности, жанрового разнообразия и авторитетности источников: телевизионные программы, документальные фильмы, интернет-публикации и статьи в печатных изданиях. Результаты анализа демонстрируют героизацию медиаобраза С. И. Манякина через доминирование лексем с положительной аксиологической окраской. Такой подход позволяет в итоге эксплицировать ностальгическую картину «манякинской эпохи» — периода расцвета Омской области. В заключение отмечается вклад работы в изучение ретроспективных медиаобразов, подтверждение гипотезы о позитивном аксиологическом модусе репрезентации медиаобраза советского регионального руководителя. К перспективе исследования относятся выявление доминантных концептуальных метафорических моделей, где означаемое — номинация «Руководитель региона», а также проведение сравнительного анализа медиаобразов советских и современных региональных лидеров.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политические тексты, журналистика, медиадискурс, медиатексты, региональные СМИ, средства массовой информации, языковые средства, язык СМИ, медиаобраз, когнитивная лингвистика, лингвокогнитивный анализ, тезаурусное описание, политические деятели, региональные органы власти, советский период, русский язык, лексикология русского языка, лексическая семантика, лексико-семантические особенности.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Русакова Юлия Евгеньевна, аспирант кафедры журналистики и медиалингвистики, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского; преподаватель кафедры журналистики и медиалингвистики, факультет филологии и медиакоммуникаций, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия, email: jrusakova02@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Русакова, Ю. Е. Лексико-семантические особенности репрезентации медиаобраза советского регионального руководителя в современном медиадискурсе (на материале омских СМИ 2020–2025 гг.) / Ю. Е. Русакова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 238–247.

Yuliya E. Rusakova

Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russia, jrusakova02@yandex.ru, SPIN code: 6824-1937, <https://orcid.org/0009-0005-0693-6541>

Lexico-Semantic Features of Representation of the Media Image of a Soviet Regional Leader in Modern Media Discourse (Based on Omsk Media of 2020 – 2025)

ABSTRACT. The article examines the media image of a Soviet regional leader in modern media discourse, namely the retrospective representation of the image of the first secretary of the Omsk Regional Committee of the CPSU S. I. Manyakin in the Omsk media of 2020–2025. The aim of the study is to reconstruct the lexico-semantic structure of the media image through the compilation of a formal-functional thesaurus and the identification of the mechanisms of its linguistic representation. The research methods include linguocognitive and discursive approaches, methods of content and linguocognitive analyses, and thesaurus description. The practical research material corpus consists of media texts selected according to the criteria of relevance, genre diversity and credibility of sources: television programs, documentaries, online publications and print media articles. The results of the analysis demonstrate the glorification of Manyakin's media image through the dominance of lexemes with a positive axiological connotation. This approach actually allows explicating the nostalgic picture of the “Manyakin era” — the heyday of the Omsk region. In conclusion, the article reports the contribution of the work to the study of retrospective media images and confirms the hypothesis of a positive axiological mode of representation of the media image of a Soviet regional leader. The research perspective includes identification of dominant conceptual metaphorical models, in which the signified is the nomination “Head of the Region”, as well as conduct of a comparative analysis of media images of Soviet and modern regional leaders.

KEYWORDS: *political discourse, political texts, journalism, media discourse, media texts, regional media, mass media, language means, mass media language, media image, cognitive linguistics, linguocognitive analysis, thesaurus description, politicians, regional organs of power, Soviet period, Russian language, Russian lexicology, lexical semantics, lexico-semantic features.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Rusakova Yuliya Evgenievna, Post-Graduate Student of Department of Journalism and Media Linguistics, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky; Lecturer, Department of Journalism and Media Linguistics, Faculty of Philology and Media Communications, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russia.*

FOR CITATION: *Rusakova Yu. E. (2026). Lexico-Semantic Features of Representation of the Media Image of a Soviet Regional Leader in Modern Media Discourse (Based on Omsk Media of 2020 – 2025). In Political Linguistics. No 2 (116), pp. 238-247. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время наблюдается активизация интереса исследователей к понятиям «концепт» и «медиаобраз» в контексте политического дискурса. Несмотря на тесную взаимосвязь этих терминов, они не являются тождественными и требуют четкого разграничения. Концепт выступает как ментальная категория, репрезентирующая обобщенное знание об объекте действительности, закрепленное в коллективном сознании и выраженное языковыми средствами [Олешков 2009: 70]. В свою очередь, медиаобраз — результат интерпретации и трансформации концепта СМИ в рамках медиадискурса, подверженный влиянию идеологических и жанрово-прагматических установок [Малышева, Роголева 2019: 45].

В современном политическом дискурсе медиаобразы государственных деятелей играют ключевую роль в формировании общественного мнения. Особый интерес представляет ретроспективный анализ медиаобразов советских лидеров в постсоветском медиапространстве, где они часто идеализируются.

В данной статье рассматривается медиаобраз первого секретаря Омского обкома КПСС Сергея Иосифовича Манякина на материале медиатекстов, объективированных в современном массово-информационном региональном дискурсе. Процесс языкового воплощения этих доминант осуществляется главным образом на лексико-семантическом уровне, где актуализируются лексемы, входящие в различные группы формально-функционального тезауруса.

Цель исследования — реконструировать лексико-семантическую структуру медиаобраза С. И. Манякина через формально-функциональный тезаурус, выявив ключевые

особенности его лексико-семантической репрезентации в медиатекстах.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретико-методологическая основа включает лингвокогнитивный подход, позволяющий рассматривать медиаобраз как результат концептуализации и категоризации действительности¹, и дискурсивный подход, фокусирующийся на коммуникативной обусловленности медиарепрезентаций и социокультурном контексте [Ван Дейк 2000: 67]. Кроме того, использованы методы контент-анализа и методика тезаурусного описания, апробированная в исследованиях Е. Г. Малышевой и А. Ю. Жигунова [Малышева 2011: 45; Жигунов 2022²].

Эмпирическая основа исследования представляет собой корпус из семи медиатекстов омских СМИ, опубликованных в 2020–2025 гг., отобранных по критериям релевантности, жанрового разнообразия (телевизионные программы, документальные фильмы, интернет-публикации, печатные статьи), хронологической близости (отражения актуальных тенденций ретроспективного осмысления), авторитетности источников. В состав корпуса вошли телевизионные программы («Сергей Манякин. Современный ракурс», 12 канал, 07.11. 2023; «Актуальное интервью», ГТРК «Иртыш», 04. 04.2025); интернет-публикации («Омские руководители в исполнительной власти и партийной структуре советского периода (часть вторая)», Коммерческие вести, 10.01.2023; «К столетию Сергея Манякина», Омскрегион, 07.11.2023; «Эпоха созидания», Омскрегион, 22.03. 2023; «Сибирский князь», NGS55.RU, 25. 01.2024); печатные статьи («Жизнь при Сергее Манякине», «Аргументы и факты в Омске», № 42, 18.10.2024; «Эпоха Манякина», «Омская правда, № 44, 08.11.2023).

¹ Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — Москва : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. С. 89.

² Жигунов, А. Ю. Концепт-идеологема «Арктика»: формирование и динамика развития в русской медийной картине мира : 23.00.01 : дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2022. С. 50.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

В российской политической лингвистике наблюдается устойчивый рост интереса к феномену медиаобраза. Исследования в этой области подчеркивают роль языка в конструировании образов политических деятелей, где медиаобраз выступает не только как отражение реальности, но и как инструмент идеологического влияния [Зеянская 2014: 120].

Особое внимание сегодня уделяется медиаобразам федеральных политиков высшего ранга [Малетина 2010; Ермолаева 2017; Ирисмамбетова 2018; Присяжных, Нагибина, Ли 2024 и др.], а также региональных лидеров [Малышева, Рогалева 2019; Доной 2021; Липатова 2021 и др.].

В исследованиях часто анализируются медиаобразы представителей высшей власти советской эпохи, которые рассматриваются на основе современных медиатекстов российских и иностранных СМИ [Зеянская, Гавенко, Белоусов 2009; Маркасов 2018; Суслов, Артамонов, Файзлиев 2022 и др.]. Однако работ, посвященных анализу медиаобразов советских региональных руководителей в современном медиадискурсе, крайне мало.

Отметим, что в политической лингвистике также накоплен значительный массив теоретических исследований, где осмысливается понятие медиаобраза политика, уточняются его характеристики и описываются средства конструирования такого медиаобраза [Галинская 2014; Зеянская 2014; Уракова 2016; Сергеева, Каменский 2023 и др.].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

1. Лексико-семантические особенности репрезентации медиаобраза

С. И. Манякина: опыт составления формально-функционального тезауруса

Проведенный анализ показал, что медиаобраз С. И. Манякина является сложным когнитивно-дискурсивным конструктом, формируемым посредством языковых механизмов в современном региональном медиадискурсе.

Формально-функциональный тезаурус концепта «Руководитель региона» представлен следующими лексико-семантическими группами:

1. Номинативы, репрезентирующие концепт «Руководитель региона»

1.1. Субъект

• Наименования субъекта, непосредственно связанные с семантикой концепта (формальный тезаурус)

Директор МТС, директор совхоза, депутат, заведующий сельскохозяйственным отделом (Ставропольского крайисполкома

КПСС), инспектор ЦК КПСС, председатель (Ставропольского крайисполкома), председатель Комитета народного контроля СССР, председатель колхоза на Ставрополье, председатель крайисполкома, первый заместитель председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, политик, руководитель Омской области.

• Наименования субъекта, опосредованно связанные с семантикой концепта (функциональный тезаурус)

1.1.1. Наименования субъекта, связанные с профессиональной и административной деятельностью

Агроном, управленец.

1.1.2. Наименования субъекта, описывающие личностные и социокультурные характеристики руководителя

Драчун, вегетарианец, хозяин, личность, (русский) мужик, охотник, (свой) парень, психолог.

1.1.3. Наименования субъекта, представляющие руководителя через образные характеристики

Книга (за семью печатями), (сибирский) князь, марсианин, пришелец, супермен, стратег, (управленческий) эксклюзив.

1.1.4. Наименования субъекта, подчеркивающие признание, заслуги и общественное восприятие руководителя

Герой (Социалистического труда), почетный гражданин Омска, образец, человек-легенда.

1.1.5. Наименования субъекта, связанные с происхождением, жизненным опытом руководителя

Выходец (со Ставрополья), новатор (в сельском хозяйстве), сын кузнеца, участник Великой Отечественной войны.

1.2. Объекты, на которые направлена деятельность руководителя

1.2.1. Одушевленные объекты

• Наименования одушевленных объектов, непосредственно связанных с семантикой концепта (формальный тезаурус)

Агрономы хозяйств, генералы, генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев, директора совхозов, министры, Никита Хрущев, первый заместитель председателя горисполкома Николай Григорьевич Грицевич, председатели колхозов, председатели райисполкомов, секретари районных комитетов науки, секретари райкомов КПСС, специалисты сельского хозяйства, участники совещания.

• Наименования одушевленных объектов, опосредованно связанных с семантикой концепта (функциональный тезаурус)

Делегации (иностранные), делегация (женщин-коммунисток из Канады), делегация (Монгольской Народной Республики), делегация (Социалистической Федеративной Республики Югославии), единомышленники, (молодые творческие) кадры, (самодетельные) коллективы, «лазутчики», Народный артист СССР М. А. Ульянов, (студенческие) отряды, строители, студент.

1.2.2. Неодушевленные объекты

• **Наименования неодушевленных материальных объектов, опосредованно связанных с семантикой концепта (функциональный тезаурус)**

1.2.2.1. Наименования неодушевленных материальных объектов, связанных с развитием городской и региональной инфраструктуры, включая транспорт, жилье и общественные пространства

Автовокзал, гостиницы, дороги, (жилье) кварталы, (новые) микрорайоны, мост (у Телецентра), набережная, рынок.

1.2.2.2. Наименования неодушевленных материальных объектов, связанных с образованием, культурой и социальной жизнью региона

Библиотека им. А. С. Пушкина, (городские) дворцы, Дворцы культуры, (Концертный) зал, кафе «Парус», клубы, (Историко-краеведческий) музей, политех, Театр юного зрителя, (государственный) университет, цирк, школа.

1.2.2.3. Наименования неодушевленных материальных объектов, связанных с сельским хозяйством, производством и экономическим развитием региона

Колхоз, (животноводческие) комплексы, (агропромышленный) комплекс, (водоохозяйственные) объекты, (крупные омские) предприятия, птицефабрики, совхоз, цеха.

1.2.2.4. Наименования неодушевленных материальных объектов, предназначенных для спорта, отдыха и благоустройства общественных пространств

(Плавательные) бассейны, город-сад, (парковые) зоны, (хоккейные) коробки, парк («Зеленый остров»), (детские) площадки, (лыжные) трассы.

1.2.2.5. Наименования неодушевленных материальных объектов, связанных с обеспечением социальных и медицинских услуг для населения

Магазины, (фельдшерско-акушерские) пункты, столовые.

• **Наименования неодушевленных нематериальных объектов, опосредованно связанных с семантикой концепта (функциональный тезаурус)**

Животноводство, экология (мегаполиса), пепелище (об Омской области после отъезда Манякина из региона), политбюро, производство, система (земледелия), хозяйство.

• **Наименования орудий, непосредственно связанных с семантикой концепта (формальный тезаурус)**

Бюджет (области), протокол, решение (Манякина), стратегия (развития), указ.

1.3. Абстрактные наименования

1.3.1. Абстрактные наименования с семантикой действия, процесса, опосредованно связанные с семантикой концепта (функциональный тезаурус)

Внедрение (системы земледелия), заседание, определение (стратегии развития), отправление (делегации), перестройка, развитие (нефтехимии и машиностроения), развитие (Сибири), развитие (экономики), реставрация, строительство (краеведческого музея), укрепление (набережной).

1.3.2. Абстрактные наименования с семантикой результата действия, опосредованно связанные с семантикой концепта (функциональный тезаурус)

Достижения (обеспечили задел дальнейшего развития Омской области), выведение (на передовые позиции), обеспеченность (сельскохозяйственной продукцией), повышение, решение (вопросов), расцвет (экономики), усиление, улучшение.

1.3.3. Абстрактные наименования с семантикой качества, свойства, опосредованно связанные с семантикой концепта (функциональный тезаурус)

Бесстрашие, верность (идеалам), вездесущность, достоинство, дотошность, душевность, мудрость, ответственность, опыт (государственного человека), (физически осязаемая) сила, слава (Сергея Манякина), самостоятельность, строгость, уверенность, успех, честность

2. Атрибутивные характеристики, репрезентирующие концепт

2.1. Атрибутивы с семантикой принадлежности, отношения к субъекту, непосредственно связанные с семантикой концепта (формальный тезаурус)

Областная (власть), областной (центр), омский (регион).

2.2. Качественные характеристики субъекта и его деятельности, опосредованно связанные с семантикой концепта (функциональный тезаурус)

2.2.1. Атрибутивы, описывающие личностные качества руководителя, его характер и эмоциональные черты

Бесстрашный (человек), душевный (человек), жесткий, мудрый (человек), мощный

(человек), наивный (Манякин), надежный (мужик), опечаленный (Манякин), основной, самостоятельный (человек), честный (человек).

2.2.2. Атрибутивы, отражающие восприятие руководителя обществом, его статус и признание

Великий (человек), достойный (пример), достойный (управленец), легендарный (руководитель), лучший (руководитель Омской области за всю историю), обожаемый (омичами хозяин), первый (хозяин), почетный (гражданин Омска).

2.2.3. Атрибутивы, связанные с происхождением, стилем жизни руководителя

Деревенский (мальчишка), партийный (человек), русский (мужик).

2.3. Атрибутивные характеристики объектов, абстрактных наименований, опосредованно связанные с семантикой концепта (функциональный тезаурус)

2.3.1. Атрибутивы, описывающие материальные и нематериальные объекты, на которые направлена деятельность руководителя региона

2.3.1.1. Атрибутивы, описывающие материальные и нематериальные объекты, на которые направлена деятельность руководителя региона, связанные с инфраструктурой и строительством

Крупный (мегаполис), крупный, культовая (стройка), культурный (центр), миллионный (город), научный, столичные (условия), уникальный (агропромышленный комплекс).

2.3.1.2. Атрибутивы, описывающие материальные и нематериальные объекты, на которые направлена деятельность руководителя региона, связанные с образовательными и социальными характеристиками

Высшее (образование), вузовский (центр), местные квалифицированные (кадры), молодые творческие (кадры).

2.3.1.3. Атрибутивы, описывающие материальные и нематериальные объекты, на которые направлена деятельность руководителя региона, связанные с приездом в Омск иностранных делегаций и коллективов

Иностранная (делегация), мощная (делегация).

2.3.1.4. Атрибутивы, описывающие материальные и нематериальные объекты, на которые направлена деятельность руководителя региона, связанные с экономическим и культурным развитием региона

Быстроразвивающийся (регион), высокий (уровень), золотые (годы), интенсивное (развитие), культурная (столица), культурный (прорыв), мощный (рывок), небывалый (скачок), передовые (позиции), перспективный (областной центр), удивительные (показатели), экономическое (чудо), чудосочные (омские цифры).

2.3.2. Атрибутивы, описывающие абстрактные понятия, связанные с деятельностью и личностью руководителя

2.3.2.1. Атрибутивы, описывающие абстрактные понятия, связанные с деятельностью и личностью руководителя (политические и идеологические аспекты руководства регионом)

Антихрущевская (система земледелия), первый (вызов), неординарный (подход), научная (основа), открытый (вызов), серьезный (разговор), судьбоносное (решение), хрущевский (натиск).

2.3.2.2. Атрибутивы, описывающие абстрактные понятия, связанные с деятельностью и личностью руководителя (наследие и влияние руководителя)

Добрые (дела), высокая (награда), манякинская (забота), манякинская (эпоха), манякинское (наследие), недостижимая (высота).

2.3.2.3. Атрибутивы, описывающие абстрактные понятия, связанные с деятельностью и личностью руководителя (качества и свойства)

Большой (опыт), величайшая (ответственность), лидерские (качества), огромный личностный (объем), спокойная (уверенность), твердый (характер), хорошее (отношение).

2.3.2.4. Атрибутивы, описывающие абстрактные понятия, связанные с деятельностью и личностью руководителя (образные характеристики, отражающие личностные особенности С. И. Манякина)

Магическая (сила), негромкий (голос), приличное (здоровье), свежий (ум), самолюбивый (характер), «черное» (лицо).

2.3.2.5. Атрибутивы, описывающие абстрактные понятия, связанные с деятельностью и личностью руководителя (образные характеристики, отражающие особенности региона)

Огромные (деньги), суровый (край).

3. Предикативные характеристики, репрезентирующие концепт

3.1. Формальный тезаурус

Внедряет (антихрущевскую систему земледелия), задает (вопросы), обеспечил (регион мясом), поручил (завести корову в каждом дворе).

3.2. Функциональный тезаурус

3.2.1. Предикативные характеристики, связанные с управлением, развитием региона, взаимодействием с людьми или достижением целей

3.2.1.1. Предикативные характеристики, связанные с управлением, развитием региона, взаимодействием с людьми или достижением целей (дифференциальная сема 'управленческая деятельность')

Был положен (конец припискам и обману), был требователен (к кадрам), (много) ездил (по районам), заставлял (всех получать высшее образование), заходил (в дома), думал (как живут люди), находил (возможности), наказал (руководителей горисполкома и транспортных предприятий), очертил (линии, над которыми нужно работать), отстаивал (интересы Сибири), подбирал (руководителя лично), укреплялась (дисциплина).

3.2.1.2. Предикативные характеристики, связанные с управлением, развитием региона, взаимодействием с людьми или достижением целей (дифференциальная сема 'развитие региона')

Высаживалось (порядка 500 тысяч деревьев и кустарников и около 25 миллионов цветов), вывел (агропромышленный комплекс на недостижимую высоту), выпускалось (около 300 изделий с Государственным знаком качества), (Омская область 22 региона) кормила, освоил (левый берег), развивалось (спортивное направление), сделал (Омский регион одним из самых быстроразвивающихся), увеличил (объем производства в 14 раз), удалось привлечь (вложения в Омскую область).

3.2.1.3. Предикативные характеристики, связанные с управлением, развитием региона, взаимодействием с людьми или достижением целей (дифференциальная сема 'строительство и инфраструктура')

Возводились (культурные объекты), возводились (школы, детские сады, клубы), открывались (фельдшерско-акушерские пункты, магазины и столовые), строили (больше 1 миллиона квадратных метров жилья в области), строили (Дома культуры), строили (дружно).

3.2.1.4. Предикативные характеристики, связанные с управлением, развитием региона, взаимодействием с людьми или достижением целей (дифференциальная сема 'личное участие/жизненный путь')

Высаживал (березы на субботниках), отдавал (все время работе), отдавал (зарплату жене), окончил (Буденовский сель-

скохозяйственный институт), отработал (25 лет на благо омичей), помогал (отцу в кузнечном деле), работал (агрономом и директором МТС, председателем колхоза).

3.2.1.5. Предикативные характеристики, связанные с управлением, развитием региона, взаимодействием с людьми или достижением целей (дифференциальная сема 'политическая и общественная деятельность')

Бросает (вызов Хрущеву), дал (по лбу Хрущеву), избрали (его депутатом Государственной Думы Российской Федерации от Омской области), мог ответить (руководителям, которых все боялись), мог перечить (Хрущеву, Брежневу), обнялся (с Брежневым), осмеливался перечить (даже генсекам), уважал (Сталина), выторговывал (замок).

3.2.1.6. Предикативные характеристики, связанные с управлением, развитием региона, взаимодействием с людьми или достижением целей (дифференциальная сема 'достижения и признание')

Был награжден (пятью орденами Ленина, орденами Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I степени, медалями), возложили (цветы к памятнику Манякину в центре Омска), иницируем (назвать улицу в честь Сергея Иосифовича), помнят (в его родном Арзирском районе).

3.2.1.7. Предикативные характеристики, связанные с управлением, развитием региона, взаимодействием с людьми или достижением целей (дифференциальная сема 'психологическое состояние субъекта')

(Всегда) интересовался (развитием Омска), не будет откровенничать, обалдел (от того, что стало с совхозом после того, как Манякин уехал в Москву, став депутатом), опечалился, переживал, (о войне) рассказывать не любил, убит (горем).

2. Лингвокогнитивный анализ репрезентативных групп тезауруса, объективирующего медиаобраз С. И. Манякина

Наиболее частотными, а следовательно, и репрезентативными группами формально-функционального тезауруса являются предикативные характеристики, атрибутивные характеристики, наименования неодушевленных материальных объектов, опосредованно связанных с семантикой концепта, и наименования субъекта, опосредованно связанные с концептом. Доминирование лексем функционального тезауруса свидетельствует о том, что медиаобраз С. И. Манякина в современных региональных СМИ формируется

преимущественно через образные, эмоциональные и аксиологически окрашенные языковые единицы.

Наиболее репрезентативной и детализированной семантической группой формально-функционального тезауруса являются предикативные характеристики. При этом наиболее значимыми являются функциональные предикативные характеристики, обозначающие действия и процессуальные характеристики, связанные с управлением, развитием региона.

Лексемы *очертил (линии), заставлял, находил, отстаивал, подбирал* и т. п. подчеркивают активную роль С. И. Манякина как субъекта управления. Они указывают на инициативность и персональную ответственность руководителя региона за принятые им решения. Такие лексемы, как *заставлял (всех получать высшее образование), был требователен (к кадрам)*, указывают на директивный стиль управления.

Он вошел, взял карандашик, взял ручку и белый лист... Он **очертил линии, над чем нужно работать** (ГТРК «Иртыш». 04.04.2025).

Глаголы *увеличил, освоил, сделал* отражают достижения С. И. Манякина в экономическом развитии Омской области, а предикативные характеристики *строили, возводились, открывались* демонстрируют материальные результаты деятельности. Лексемы *высаживал (березы на субботнике), помогал, работал, отдавал (все время работе)* создают медиаобраз трудолюбивого, близкого к народу руководителя. По своим когнитивным функциям эти предикативные характеристики усиливают другую репрезентативную группу — наименования субъекта, опосредованно связанные с семантикой концепта, представляя С. И. Манякина как *(своего) парня, (русского) мужика, хозяина, супермена*.

Опишем идеологические доминанты, которые проявляются в предикативных характеристиках *бросает (вызов Хрущеву), дал (по лбу Хрущеву), осмеливался перечить (даже генсекам), мог перечить (Хрущеву, Брежневу), мог ответить (руководителям, которых все боялись)*. Данные глаголы отражают противостояние центральной и региональной власти, подчеркивая решительность и бесстрашие первого секретаря Омского обкома КПСС перед высшими политическими руководителями. В современном медиадискурсе данные характеристики трактуются как признаки сильного лидера. Они тесно связаны с системой наименований субъекта, представляющих руководителя Омской области через образные описания: *(управленческий) эксклюзив, марсианин, су-*

пермен, психолог, хозяин, управленец, человек-легенда, образец.

С первой «драки», **когда он «по лбу дал» Хрущеву, они поняли, что пришел бесстрашный человек, самостоятельный человек** (ГТРК «Иртыш». 04.04.2025).

Лексемы *был награжден, помнят, возложили (цветы к памятнику)* указывают на историческое значение фигуры С. И. Манякина не только в Омской области, но и за ее пределами, актуализируя концептуальные признаки «герой», «образец», «человек-легенда». Следовательно, можно сделать вывод: медиаобраз Манякина закреплен в аксиологической системе «идеального прошлого», где он воспринимается как символ эпохи.

При этом глаголы *переживал, опечалился, интересовался, убит* раскрывают эмоциональную, человеческую сторону личности первого секретаря Омского обкома КПСС.

Поехали, говорит, мы из этого совхоза, опечалился. Он «убит», Манякин «убит» (ГТРК «Иртыш». 04.04.2025).

Вторая наиболее репрезентативная семантическая группа формально-функционального тезауруса — группа атрибутивных характеристик объектов и абстрактных наименований.

Атрибутивы, связанные с инфраструктурой и строительством, представляют С. И. Манякина как руководителя, превратившего Омскую область в развитый мегаполис. Такие лексемы, как *культовая (стройка), уникальный (агропромышленный комплекс), столичные (условия)*, указывают на масштабность преобразований, а позитивная оценка, репрезентированная в прагматическом макрокомпоненте значения представленных в словаре лексем, усиливает восприятие «манякинской эпохи» как периода расцвета региона.

Город Омск превратился в крупный промышленный, научный и культурный центр («Коммерческие вести»).

Атрибутивы *местные квалифицированные (кадры), молодые творческие (кадры)* акцентируют вклад С. И. Манякина в «человеческий капитал», лексемы *мощная (делегация), иностранная (делегация)* характеризуют руководителя региона как дипломата. Атрибутивы *экономическое (чудо), культурный (прорыв), золотые (годы)* закрепляют медиаобраз С. И. Манякина как инициатора прогресса.

Те годы омичи называют золотыми, а все достижения обеспечили задел для дальнейшего развития Омской области (Аргументы и факты в Омске. № 42, 18.10.2023).

Атрибутивы, характеризующие абстрактные понятия, например *антихрущевская (система земледелия), судьбоносное (решение)*, создают образ политического бунтаря. Окказиональный атрибут «манякинский» в целом частотен в региональных медиа (*манякинское наследие, манякинская забота*), так же как ставшее устойчивым сочетание «*манякинская эпоха*»; как представляется, относительное прилагательное «манякинский», образованное по продуктивной словообразовательной модели, в данном случае переходит в разряд качественного, где в ядерной части значения актуализируются семы 'лучший', 'прогрессивный', 'высокого качества'.

То, что есть сейчас в Омской области, это наследие манякинской эпохи, которое далеко не везде удалось сохранить (NGS55.RU. 25.01.2024).

Лексемы *лидерские (качества), твердый (характер), магическая (сила)* свидетельствуют о харизме С. И. Манякина, его эмоциональной близости к жителям региона.

На Всероссийской конференции «VI Манякинские чтения» профессор Сергей Бабурин говорил, что лидерских качеств Манякина испугался сам Михаил Горбачев (NGS55.RU. 25.01.2024).

Охарактеризуем репрезентативную группу наименований неодушевленных объектов, опосредованно связанных с семантикой концепта «Руководитель региона». Данная группа лексем отражает осязаемые результаты работы С. И. Манякина. Так, наименования инфраструктурных объектов свидетельствуют о масштабных изменениях в региональной среде, ведь именно при С. И. Манякине были возведены и модернизированы ключевые объекты. Наименования, которые относятся к тематическим полям «Сельское хозяйство» и «Экономика», характеризуют достижения С. И. Манякина в производственной сфере. Группа объектов, связанных со спортивной, рекреационной и социальной сферой, подчеркивает усилия советского лидера региона, направленные на улучшение жизни омичей.

Построили мост у Телецентра с троллейбусной и трамвайной линиями. Недалеко от моста на Левобережье появился современный автовокзал с гостиницей и крытым рынком (NGS55.RU. 25.01.2024).

Номинации нематериальных объектов характеризуют системные преобразования, которые были инициированы С. И. Манякиным (*система земледелия, хозяйство, производство*). Обратим внимание, что в данную группу языковых единиц «проникла»

лексема *лелеище*, посредством которой описывается контраст между эпохой С. И. Манякина и состоянием Омской области после его отъезда из региона. Это еще раз подчеркивает, что современные региональные СМИ воспринимают период руководства С. И. Манякина как время мощного прогресса региона в разных сферах.

Еще одной репрезентативной семантической группой для создания медиаобраза руководителя региона стала группа «Наименования субъекта, опосредованно связанные с семантикой концепта». Здесь появляются лексемы, характеризующие профессиональные и личностные аспекты жизни С. И. Манякина. Так, наименования, связанные с административной деятельностью (*управленец, агроном*), отражают компетентность С. И. Манякина, формируют медиаобраз эффективного руководителя.

Интересна семантическая группа наименований субъекта, описывающая личностные характеристики. Такие лексемы, как *хозяин, (свой) парень, русский мужик, психолог*, показывают близость С. И. Манякина к народу и в то же время его авторитетность.

Если изучать детали биографии, тщательно собираемые специалистами, то кажется, что Манякин был своим парнем (NGS55.RU. 25.01.2024).

Высока роль образных номинаций в создании медиаобраза советского регионального лидера, которые призваны актуализировать представления об исключительности личности С. И. Манякина.

Он как марсианин упал к нам (NGS55.RU. 25.01.2024).

Вы прям супермена нарисовали! (ГТРК «Иртыш». 04.04.2025).

Лексемы *человек-легенда, (почетный) гражданин Омска, герой Социалистического труда, фронтовик, новатор* закрепляют статус С. И. Манякина как символа региона. Наименования, связанные с биографией регионального лидера, усиливают его восприятие как человека с богатым жизненным опытом.

Он был сыном кузнеца. Куда бежал мальчишка? К отцу. Я же говорю, «выковал» отец-кузнец ему этот характер (ГТРК «Иртыш». 04.04.2025).

Группа наименований субъекта, опосредованно связанных с семантикой концепта, поддерживает дискурсивную стратегию, с одной стороны, героизации личности советского регионального лидера, усиливая восприятие «манякинской эпохи» как периода идеального прошлого, а с другой — стратегию актуализации близости героя к простым русским людям, к человеку труда. Именно тако-

го руководителя современные омские медиа называют *суперменом, человеком-легендой, образцом*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования удалось реконструировать медиаобраз С. И. Манякина как когнитивно-дискурсивный конструкт современного регионального медиадискурса.

Выявлено, что медиаобраз первого секретаря Омского обкома КПСС в современных региональных СМИ конструируется с помощью позитивно окрашенных языковых единиц, что соответствует дискурсивной стратегии героизации личности.

Лексико-семантические и прагматические особенности исследуемых медиатекстов подчеркивают достижения, харизму регионального лидера; при этом журналисты избегают освещения негативных аспектов деятельности С. И. Манякина. Такой подход позволяет в итоге эксплицитно ностальгическую картину «манякинской эпохи» — периода расцвета Омской области.

Полагаем, что перспективной представленного исследования может стать выявление доминантных концептуальных метафорических моделей, где означаемое — номинация «Руководитель региона», а также проведение сравнительного анализа медиаобразов советских и современных региональных лидеров.

ИСТОЧНИКИ

1. Сайт NGS55.RU. — URL: <https://ngs55.ru/> (дата обращения: 01.09.2025).
2. Сайт «Коммерческие вести». — URL: <https://kvnews.ru/> (дата обращения: 10.09.2025).
3. Сайт «Омскрегион». — URL: <http://omskregion.info/> (дата обращения: 05.09.2025).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Богдан, Е. Н. Медиаобраз России как понятие теории журналистики / Е. Н. Богдан // Вестник Московского университета. Сер. 10, Журналистика. — 2007. — № 4. — С. 122–127. — EDN ICDAKV.
2. Галинская, Т. Н. Корпусный подход в реконструкции медиаобраза языковой личности политика / Т. Н. Галинская // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2014. — № 2 (30). — С. 114–124. — EDN SPWQZX.
3. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. — Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. — 308 с. — ISBN 5-80157-202-3.
4. Донай, Л. Дискурсивный имидж современной губернаторской власти Санкт-Петербурга / Л. Донай, М. Ю. Щеглов // PolitBook. — 2021. — № 1. — С. 81–104. — EDN OUMGGB.
5. Ермолаева, С. Ю. Формирование медиаобраза В. В. Путина в современных зарубежных СМИ / С. Ю. Ермолаева // Социально-гуманитарные знания. — 2017. — С. 128–151. — EDN ZGZKSF.
6. Зелянская, Н. Л. Медиаобраз Иосифа Сталина как гипертекст / Н. Л. Зелянская, А. С. Гавенко, К. И. Белоусов // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2009. — № 11. — С. 73–79. — EDN MLUFWJ.
7. Зелянская, Н. Л. Медиаобраз политика: интернет-сообщество как агент политической реальности / Н. Л. Зе-

лянская // Политическая лингвистика. — 2014. — № 4 (50). — С. 120–126. — EDN TJAQTB.

8. Ирисмамбетова, Н. А. Медиаобраз Д. А. Медведева в текстах англоязычных СМИ / Н. А. Ирисмамбетова // Поволжский педагогический вестник. — 2018. — Т. 6. — № 2 (19). — С. 42–47. — EDN YWCUBV.

9. Липатова, А. В. Взаимосвязь имиджевых характеристик и лексических доминант медиаобраза регионального политического лидера / А. В. Липатова // Политическая лингвистика. — 2021. — № 4 (88). — С. 46–51. — DOI 10.26170/1999-2629_2021_04_05. — EDN LKCRMT.

10. Малетина, О. А. Лингвистическая реализация медиаобраза российского политика в зарубежных СМИ / О. А. Малетина // Lingua mobilis. — 2010. — № 5 (24). — С. 80–86. — EDN MSZKIB.

11. Малышева, Е. Г. Русский спортивный дискурс: лингво-когнитивное исследование : моногр. / Е. Г. Малышева. — 2-е изд. — Москва : Флинта, 2011. — 370 с. — ISBN 978-5-9765-1286-3.

12. Малышева, Е. Г. Трансформация медиаобраза «Губернатор» в массово-информационном региональном дискурсе Омской области (2003–2019 гг.) / Е. Г. Малышева, О. С. Роголева // Политическая лингвистика. — 2019. — № 4. — С. 45–53. — DOI 10.26170/pl19-04-05. — EDN TZFCWY.

13. Маркасов, М. Ю. Историческая личность в современных массмедиа. К постановке вопроса / М. Ю. Маркасов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. — 2018. — Т. 17. — № 6. — С. 69–77. — DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-6-68-77. — EDN XREKKT.

14. Олешков, М. Ю. Дискурс, концепт, жанр / М. Ю. Олешков, Л. Р. Абдуллина, О. А. Алимуратов [и др.] ; отв. ред. М. Ю. Олешков. — Нижний Тагил : Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2009. — 428 с. — (Язык и дискурс ; Вып. 1). — EDN TYKIAD.

15. Присяжных, В. Г. Медиаобраз В. В. Путина в китайском кроссмедийном пространстве / В. Г. Присяжных, И. Г. Нагибина, Я. А. Ли // Russian Linguistic Bulletin. — 2024. — № 11 (59). — С. 1–7. — DOI 10.60797/RULB.2024.59.14. — EDN YVWZTK.

16. Сергеева, М. С. Коммуникативные тактики и речевые средства формирования медиаобраза президента России в немецком политическом медиадискурсе / М. С. Сергеева, М. В. Каменский // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2023. — № 4. — С. 187–200. — DOI 10.29025/2079-6021-2023-4-187-200. — EDN JXPPKL.

17. Суслов, И. В. Советские вожди в западном медиапространстве / И. В. Суслов, Д. С. Артамонов, А. Р. Файзлиев // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 9. — С. 143–162. — DOI 10.24224/2227-1295-2022-11-9-143-162. — EDN GGEJBJ.

18. Уракова, В. А. К проблеме исследования медиаобраза политического лидера / В. А. Уракова // Вестник экономики, права и социологии. — 2016. — № 3. — С. 181–184. — EDN WTPNFF.

MATERIALS

1. Site «NGS55.RU». Retrieved Sep. 01, 2025, from <https://ngs55.ru/>.
2. Site «Kommercheskie vesti». Retrieved Sep. 10, 2025, from <https://kvnews.ru/>.
3. Site «Omskregion». Retrieved Sep. 05, 2025, from <http://omskregion.info/>.

REFERENCES

1. Bogdan, E. N. (2007). Mediaobraz Rossii kak ponyatie zhurnalistiki = Media image of Russia as a concept of journalism. *Bulletin of Moscow University*, 4, 122–127. EDN ICDAKV.
2. Galinskaya, T. N. (2014). Korpusnyi podkhod v rekonstruktsii mediaobraza yazykovoï lichnosti politika = Corpus approach in reconstructing the media image of a politician's linguistic personality. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Volga Region. Humanities and Social Sciences*, 2(30), 114–124. EDN SPWQZX.
3. Van Dijk, T. A. (2000). Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya = Language. Cognition. Communication. *Blagoveshchensk: BGK im. I. A. Boduena de Kurtené*, 308 p. ISBN 5-80157-202-3.
4. Donay, L. (2021). Diskursivnyi imidzh sovremennoi gubernatorskoi vlasti Sankt-Peterburga = Discursive image of modern gubernatorial power in St. Petersburg. *PolitBook*, 1, 81–104. EDN OUMGGB.

5. Ermolaeva, S. Yu. (2017). Formirovanie mediaobraza V. V. Putina v sovremennykh zarubezhnykh SMI = Formation of V. V. Putin's media image in contemporary foreign media. *Social and Humanitarian Knowledge*, 128–151. EDN ZGZKSF.
6. Zelyanskaya, N. L. (2009). Mediaobraz Iosifa Stalina kak gipertekst = Media image of Joseph Stalin as hypertext. *Bulletin of Orenburg State University*, 11, 73–79. EDN MLUFWJ.
7. Zelyanskaya, N. L. (2014). Mediaobraz politika: internetsoobschestvo kak agens politicheskoi realnosti = Media image of a politician: Internet community as an agent of political reality. *Political Linguistics*, 4(50), 120–126. EDN TJAQTB.
8. Irismambetova, N. A. (2018). Mediaobraz D. A. Medvedeva v tekstakh angloyazychnykh SMI = Media image of D. A. Medvedev in English-language media texts. *Volga Pedagogical Bulletin*, 6(2(19)), 42–47. EDN YWCUBV.
9. Lipatova, A. V. (2021). Vzaimosvyaz imidzhevyykh kharakteristik i leksicheskikh dominant mediaobraza regionalnogo politicheskogo lidera = Relationship between image characteristics and lexical dominants of the media image of a regional political leader. *Political Linguistics*, 4(88), 46–51. DOI 10.26170/1999-2629_2021_04_05. EDN LKCRMT.
10. Maletina, O. A. (2010). Lingvostilisticheskaya realizatsiya mediaobraza rossiiskogo politika v zarubezhnykh SMI = Linguostylistic realization of the media image of a Russian politician in foreign media. *Lingua mobilis*, 5(24), 80–86. EDN MSZKIB.
11. Malysheva, E. G. (2011). Russkii sportivnyi diskurs: lingvo-kognitivnoe issledovanie = Russian sports discourse: linguo-cognitive study. Moscow: FLINTA, 370 p. ISBN 978-5-9765-1286-3.
12. Malysheva, E. G. (2019). Transformatsiya mediaobraza "Gubernator" v massovo-informatsionnom regionalnom diskurse Omskoi oblasti (2003-2019 gg.) = Transformation of the media image "Governor" in the mass-information regional discourse of Omsk oblast (2003–2019). *Political Linguistics*, 4, 45–53. DOI 10.26170/pl19-04-05. EDN TZFCWY.
13. Markasov, M. Yu. (2018). Istoricheskaya lichnost v sovremennykh massmedia. K postanovke voprosa = Historical personality in contemporary mass media. To the problem statement. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History. Philology*, 17(6), 69–77. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-6-68-77. EDN XREKKT.
14. Oleshkov, M. Yu., et al. (2009). Diskurs, kontsept, zhanr. Kollektivnaya monografiya = Discourse, concept, genre. Collective monograph. Nizhnii Tagil: NTGSPA, 496 p. EDN TYKIAD.
15. Prisyazhnykh, V. G. (2024). Mediaobraz V. V. Putina v kitaiskom krossmediinom prostranstve = Media image of V. V. Putin in Chinese cross-media space. *Russian Linguistic Bulletin*, 11(59), 1–7. DOI 10.60797/RULB.2024.59.14. EDN YVWZTK.
16. Sergeeva, M. S. (2023). Kommunikativnye taktiki i rechevye sredstva formirovaniya mediaobraza prezidenta Rossii v nemetskom politicheskom mediadiskurse = Communicative tactics and speech means of forming the media image of the President of Russia in German political media discourse. *Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics*, 4, 187–200. DOI 10.29025/2079-6021-2023-4-187-200. EDN JXPPKL.
17. Suslov, I. V. (2022). Sovetskie vozhd i v zapadnom media-prostranstve = Soviet leaders in Western media space. *Scientific Dialogue*, 11(9), 143–162. DOI 10.24224/2227-1295-2022-11-9-143-162. EDN GGEJBJ.
18. Urakova, V. A. (2016). K probleme issledovaniya mediaobraza politicheskogo lidera = On the problem of studying the media image of a political leader. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*, 3, 181–184. EDN WTPNFF.

Политическая лингвистика. 2026. № 2 (116).

Political Linguistics. 2026. No 2 (116).

УДК 811.111'42+811.111'38+81'27+811.111'373.611

ББК ШП43.21-51+ШП43.21-55+ШП00.621+ШП43.21-20

ГРНТИ 16.21.51

Код ВАК 5.9.6; 5.9.7; 5.9.8

Марина Юрьевна Рябова^{1✉}, Наталья Сергеевна Каруковец^{2✉}

^{1,2} Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

¹ mriabova@inbox.ru ✉, SPIN-код: 2543-4870, <https://orcid.org/0000-0003-2288-7098>

² nkarukovets@mail.ru ✉, SPIN-код: 7128-0430

Прагмасемантический функционал неологизмов англоязычной политической коммуникации

АННОТАЦИЯ. Данная работа посвящена исследованию прагмасемантического функционала и словообразовательным моделям неолексик современного англоязычного политического и дипломатического дискурса. Цель исследования заключается в выявлении и описании семантики и прагматики политических неологизмов в английском языке, выполненном на материале современных англоязычных медиа, таких как «UnHerd», «The New York Times», «The Guardian», и официальных сайтов дипломатических ведомств США и Соединенного Королевства, а также Организации Объединенных Наций. Исследование основано на методологии семантического анализа неолексик, контекстуального, компонентного и дефиниционного анализов, а также описании прагматического потенциала языковой единицы в дискурсе. В результате исследования делается вывод о том, что политические неологизмы образуются по словообразовательным моделям, характерным для других английских лексем, включая такие способы, как аффиксация, конверсия, словосложение, аббревиатуры, блендинг, семантический и синтаксический способ, аллюзии и ассоциации, метафоры. Прагмасемантический функционал неологизации заключается в формировании оценочной модальности как инструмента дискурсивной стратегии манипуляции и аргументации в рамках политической дискуссии. Результаты исследования могут быть использованы для осмысления словообразовательных процессов неолексик и изучения закономерностей и характерных особенностей политического и дипломатического дискурсов как форм политической коммуникации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политические тексты, журналистика, медиадискурс, медиа-тексты, англоязычные СМИ, средства массовой информации, языковые средства, язык СМИ, прагмасемантический функционал, неологизмы, новые слова, лексикология английского языка, политическая коммуникация, словообразование, дипломатический дискурс, словообразовательная модель.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Рябова Марина Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры переводоведения и лингвистики, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия, email: mriabova@inbox.ru.

Каруковец Наталья Сергеевна, аспирант, преподаватель кафедры переводоведения и лингвистики, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия, email: nkarukovets@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Рябова, М. Ю. Прагмасемантический функционал неологизмов англоязычной политической коммуникации / М. Ю. Рябова, Н. С. Каруковец. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 248-256.

Marina Yu. Ryabova^{1✉}, Natal'ya S. Karukovets^{2✉}

^{1,2} Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

¹ mriabova@inbox.ru ✉, SPIN code: 2543-4870, <https://orcid.org/0000-0003-2288-7098>

² nkarukovets@mail.ru ✉, SPIN code: 7128-0430

Pragmasemantic Potential of English Political Neologisms

ABSTRACT. The paper explores the pragmasegmental potential and word-formation models of neologisms of modern English-language political and diplomatic discourse. The aim of the study is to identify and describe the semantics and pragmatics of political English neologisms on the material of modern English-language media such as UnHerd, The New York Times, The Guardian, and the official websites of the diplomatic agencies of the United States, the United Kingdom, and the United Nations. The research is based on the method of semantic analysis of neologisms, contextual, component and definitional analyses, as well as description of the pragmatic potential of a linguistic unit in discourse. The study concludes that political neologisms are formed according to the word-formation models typical of other English lexemes, including such methods as affixation, conversion, word composition, abbreviations, blending, semantic and syntactic methods, allusions and associations, and metaphors. The pragmasegmental potential of neologization consists in the formation of evaluative modality as a tool of the discursive strategy of manipulation and argumentation in the framework of political discussion. The results of the research can be used to understand the word-formation processes of neologisms and to study the regular patterns and characteristic features of political and diplomatic discourses as forms of political communication.

KEYWORDS: political discourse, political texts, journalism, media discourse, media texts, English-language media, mass media, language means, mass media language, pragmasegmental potential, neologisms, new words, English lexicology, political communication, word formation, diplomatic discourse, word formation model.

AUTHOR'S INFORMATION: *Ryabova Marina Yur'yevna, Doctor of Philology, Professor of Department of Translation Studies and Linguistics, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.*

Karukovets Natal'ya Sergeevna, Post-Graduate Student, Senior Lecturer of Department of Translation Studies and Linguistics, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

FOR CITATION: *Ryabova M. Yu., Karukovet N. S. (2026). Pragmasemantic Potential of English Political Neologisms. In Political Linguistics. No 2 (116), pp. 248-256. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Политическая коммуникация представляет собой формы, жанры и средства общения, предназначенные для обслуживания интересов, целей, идеологием определенных политических партий, социальных групп и политических деятелей, отражающие основные проблемы мироустройства общества. Данная коммуникация представлена различными контекстами функционирования, включая дипломатический и политический дискурс, а также медиадискурс, в котором они собственно реализуются [Чудинов 2012; Ардаева 2018; Будаев 2012].

Основным назначением политической коммуникации является обслуживание властных идеологием, т. е. борьба за обладание и удержание власти или стремление к ней. Инструментами и стратегиями достижения властных амбиций являются различные коммуникативные стратегии, такие как аргументация, кооперация, оппозиционирование, легитимизация, делигитимизация, демонизация и другие, включая разнообразные тактики, применяемые для достижения определенных целей [Тихомирова, Черноусова 2024; Суханова 2017]. При этом одной из наиболее эффективных стратегией политической борьбы является, по общему мнению, стратегия манипуляции, которая определяется как «долгосрочное магистральное направление усилий по представлению информации, подчиненное достижению максимального манипулятивного воздействия на адресата. Реализация стратегии предусматривает создание необходимых и достаточных условий, выбор оптимальных мультимодальных (включая языковые) средств манипулирования» [Недзельская, Борискина 2021: 74].

Сегодня наиболее популярным и эффективным средством политической борьбы в рамках различных дискурсивных стратегий, безусловно, является попытка создания новых средств коммуникации, новых лексических форм и смыслов в целях привлечения наибольшего внимания аудитории, повышения экспрессивности и эмоционального регистра высказывания, создания неожиданно и привлекающего внимание контента, способствующего достижению определенной коммуникативной задачи. Инструментом данного процесса является неологизация

языка, т. е. процесс введения в словарный состав языка новых лексических единиц — неологизмов [Михайлова 2017].

Изучением процесса обновления лексического состава языка и его функционированием занимается неология, в рамках которой исследуются способы образования неологизмов, модели и структуры их формирования, функции и динамика. Известно немало работ, посвященных проблеме неологизации современного языка [Гак 1978; Арнольд 2016; Гальперин 2026 и др.]. Исследованию политических неологизмов посвящены работы А. С. Поляковой [Полякова 2024], А. В. Самойловой [Самойлова 2023], А. Б. Недзельской, О. О. Борискиной [Недзельская, Борискина 2021], В. В. Хромовенко [Hromovenko 2020] и пр. Между тем современный политический дискурс, представленный материалами международных медиа, изобилует разнообразными новыми лексическими номинациями, отражающими реальные политические события и явления, которые оказывают влияние на формирование картины мира, оценку и мнения определенной аудитории. В этой связи **целью** данного исследования является анализ и описание семантики неологических номинаций современного английского языка в дискурсе политической коммуникации, отражающих наиболее значимые политические явления настоящего времени с точки зрения выявления их аксиологического смысла и роли в структуре коммуникативной стратегии политического актора. В качестве задач исследования выделим следующие: обзор теоретической литературы по вопросам неологии и политической коммуникации, создание корпуса языковых единиц — неологизмов в текстах современных международных медиа, лингвостилистический и прагмасемантический анализ их контекстуального употребления, оценка иллокутивных функций номинаций с точки зрения их коммуникативной роли в осуществлении той или иной дискурсивной стратегии.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования послужили тексты современных англоязычных журналов и газет, таких как «UnHerd», «The New York Times», «The Guardian», а также тексты докладов и документов, опубликованных на официальных сайтах министерств Велико-

британии (UKPoL.Co.UK), Государственного департамента США (State.gov/office) и Организации Объединенных наций (UN.ORG/EN), откуда методом сплошной выборки были отобраны примеры и контексты употребления политических неологизмов в количестве 200 единиц. Выбор методов обусловлен спецификой объекта и предмета исследования: используется сочетание описательного лингвостилистического, структурно-семантического и функционального методов анализа, метод контекстуального анализа и перевода, компонентного и дефиниционного анализов.

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Современная политическая коммуникация, которая характеризуется полимодальными дискурсивными практиками, отражает высокий градус политической борьбы как внутри того или иного общества, так и между государствами, противоречия между которыми приводят к поиску новых эффективных средств воздействия, прежде всего вербальных. Стремление к повышению уровня иллюкативности в дискурсе современных политиков обуславливает возникновение новых номинаций, ярких, образных, экспрессивно-эмоциональных, позволяющих внушить определенную мысль и убедить аудиторию в ценности транслируемых идей. Примером создания данных языковых единиц являются политические неологизмы. Политический неологизм — это такая новая лексема, в основе создания которой лежит принцип ассоциации, характеризующий как отдельные события, так и целый внешний или внутренний политический курс государства в определенный отрезок времени, рамками которого служит период правления определенного лидера [Полякова 2024]. Таким образом, политический неологизм характеризуется тем, что тематически связан с отражением определенного положения дел в политике, самим политиком, его эпохой, курсом [Hadi 2019]. Как отмечает А. С. Полякова, политические неологизмы как результат взаимодействия языка и окружающей среды позволяют определить вектор развития ситуации, предугадать ее приоритетные направления и, кроме того, способны выступить в качестве ориентира в политическом пространстве [Там же: 12].

В. В. Хромовенко понимает политический неологизм как «a lexical innovation that functions in political discourse and is a part of the system of socio-political vocabulary of a language. It models a particular vision of the object of nomination as determined by the intentions of the addressee» [Hromovenko 2020: 31], т. е.

политический неологизм — это единица социополитического вокабуляра языка, функционирующая в политическом дискурсе.

А. П. Миньяр-Белоручева отмечает, что политический неологизм выражает определенную идею, заключенную в насыщенную символами форму, и является концептуально обусловленным [Миньяр-Белоручева 2012: 33]. По мнению А. В. Самойловой, политические неологизмы представляют собой эффективное средство манипуляции общественным мнением, так как данные номинации основаны на использовании ярких, актуальных образов, которые мгновенно запоминаются, входят в широкий обиход, при том что оценочность, присутствующая в значении новых слов, не дает забыть о сущности описываемого события и достигается с помощью весьма образной и эффективной аллюзии [Самойлова 2023].

Современный политический дискурс предлагает обширный материал для анализа различных способов образования политических неологизмов.

С точки зрения словообразовательных моделей, выделяются следующие способы: 1) аффиксация: *Trumpism, leftists, U.S. interventionism, vassalization, defeatism*; 2) конверсия: *renewables*; 3) словосложение: *infodemic, haterade*; 4) аббревиатуры: *BLM, LGBT¹, MAGA*; 5) блендинг: *the Donroe Doctrine, Netizenship, Brexit, Wexit* и т. д.

Семантический способ образования неологизмов основан на изменении или дополнении значения ранее известного слова, например, в данном фрагменте дискурса неологизмами являются лексемы *renewables* и *green energy*, которые образованы на основе семантического сдвига значения, что делает их использование более удобным и экономит речевые усилия говорящего, повышая таким образом иллюкативность самих номинаций, ср.: *South America has shifted decisively toward renewables: over 60% of its electricity generation is from **renewables** (including hydropower), and more than 90% of the region's solar and wind equipment is from Chinese producers. Will the Trump administration demand that South America abandon its current dependence on Chinese infrastructure, electric vehicles and **green energy**? — Южная Америка уверенно переходит на «зеленый» курс: на возобновляемые источники (включая ГЭС) приходится свыше 60 % выработки электричества. Попытается ли администрация Трампа заставить Южную Америку отказаться от нынешней зависимости от китайской инфраструктуры, элект-*

¹ Соответствующее движение признано в РФ экстремистским и запрещено.

трокаров и зеленой энергетики?»¹ (Beijing already has plans for its near abroad — <https://unherd.com/2026/01/china-doesnt-fear-the-donroe-doctrine/>).

Синтаксический способ образования неологизмов подразумевает образование новых устойчивых словосочетаний, фразем, с новым закрепленным значением: *the South China Xi* («Южно-Китайское Си» — по созвучию фамилии лидера КНР и английского слова «sea» (more)). При этом при создании такого неологизма используется эффект языковой игры и аллюзивность, в данном случае это намек на попытку президента Трампа переименовать The Gulf of Mexico в The Gulf of America, ср.: *In the longer term, the precedents set by the Donroe Doctrine might yet lead online Chinese nationalists, many of whom love a bilingual pun, to start agitating for dominance in the South China Xi* — И если «Доктрина Донро» станет прецедентом, то китайские националисты, большие любители каламбуров, могут начать кампанию за установление контроля над «Южно-Китайским Си» (<https://unherd.com/2026/01/china-doesnt-fear-the-donroe-doctrine/>).

Принцип ассоциации в создании новых политических номинаций используется достаточно широко в политическом дискурсе. Так, например, его можно проследить в семантике неологизма *the Donroe Doctrine*, значение которого можно интерпретировать следующим образом: *principles of President Donal Trump's foreign policy in the Americas. An adaption of the historical Monroe Doctrine, it describes a perceived desire by the second Trump administration to assert American predominance in the Western Hemisphere* (https://en.wiktionary.org/wiki/Donroe_Doctrine). Прагматический потенциал данной номинации состоит в выражении негативной оценочности комментаторов и акторов политического дискурса применительно к действиям президента США в Западном полушарии, который пытается реанимировать политику XIX в., декларирующую принципы так называемой доктрины Монро, ср.: *US president James Monroe's doctrine of hemispheric dominance has come into prominence this month because of its recasting as the "Donroe Doctrine", but Chinese thinkers have been debating an "Asian Monroe Doctrine" since at least the Thirties, when Japan's empire sought to dominate the continent* — А доктрина американского президента Джеймса Монро о доминировании в своем полушарии снова стала новостью месяца — теперь как «Доктрина Донро». При этом китайские аналитики обсуждают

собственную, «азиатскую доктрину Монро», еще с 1930-х, когда японская империя строила планы подчинения континента (unherd.com/2026/01/china-doesnt-fear-the-donroe-doctrine/).

Появление политических неологизмов, как правило, является следствием отражения определенных политических событий, явлений или действий политических лидеров. Так, например, номинация *diplomatic coalition* может рассматриваться как результат образования соответствующей международной структуры, назначение которой описано таким образом: *An innovative platform for the exchange of expertise, knowledge and goodwill, which explores and promotes dynamic interactions in the humanitarian field and Agenda 2030, thus bringing about cooperation opportunities and business-oriented initiatives at the highest diplomatic level* (<https://www.diplomaticcoalition.org/>). Данная номинация аллюзивно связана с другим политическим неологизмом современной международной жизни — *coalition of the willing*, смысл которого объясняется как «a rhetorical term referring to a temporary international partnership created for the purpose of achieving a particular objective, usually of military or political nature». В современном международном дискурсе этот неологизм выражает смысл: *a coalition of 31 countries which have pledged support for Ukraine against Russia*. Именно в этом значении данный неологизм использован в следующем фрагменте политического дискурса: *The French response, he said, would be not to submit, nor to remain foolishly optimistic, but to recommit to multilateralism — both by working to improve current institutions and creating new partnerships and international organizations, like the so-called Coalition of the Willing, which met this week in Paris to pledge to secure a potential cease-fire for Ukraine* — По его словам, ответ Франции будет заключаться не в подчинении и не в сохранении безрассудного оптимизма, а в подтверждении приверженности многостороннему сотрудничеству — как путем работы над улучшением существующих институтов, так и путем создания новых партнерств и международных организаций, таких как так называемая Коалиция желающих, которая на этой неделе встретилась в Париже, чтобы пообещать добиться возможного прекращения огня для Украины (<https://www.nytimes.com/live/2026/01/08/world/us-venezuela-trump> searchResult Position=2#macron-tells-ambassadors-that-the-world-has-become-unhinged).

¹ Здесь и далее по тексту перевод выполнен авторами статьи.

В основе вновь образованной политической номинации в целях повышения экспрессивности и эмоциональности образа может использоваться метафора, как, например, в заголовке статьи из «Нью-Йорк таймс»: *Trump Is the **Political Earthquake** Shaking Latin America. The U.S. capture of Nicolás Maduro has divided the region. But every nation wants to avoid being next — Трамп — это **политическое землетрясение**, сотрясающее Латинскую Америку. Захват Николаса Мадуро Соединенными Штатами расколосил регион. Но каждая страна хочет избежать участи быть следующей* (www.nytimes.com/2026/01/11/world/americas/trump-latin-america-politics.html?searchResultPosition=2). Сравнение политики президента США с землетрясением значительно повышает эмоциональную тональность высказывания и привлекает внимание читателей.

Политический неологизм *the polar silk road* (полярный шелковый путь) также характеризуется метафорической аллюзивностью, которая отсылает к сочетанию *Silk Road* (*an ancient, 4,000-mile network of trade routes linking China with the Mediterranean Sea and the Indian subcontinent during the time of the Roman Empire, and later revived during the Middle Ages: named for the lucrative trade in silk from China to the West*) (<https://www.dictionary.com/browse/silk-road>). Номинация «Полярный шелковый путь» обозначает приарктические государства, к которым проявляется интерес современных политических сил, и в первую очередь со стороны Китая, ср.: *In 2018, China introduced the term “**Polar Silk Road**”, describing its interest in sea routes from northern Chinese ports across the Arctic waters to the Atlantic and beyond — В 2018 году Китай ввел термин «**Полярный шелковый путь**», описывая свой интерес к морским маршрутам из северных китайских портов через арктические воды в Атлантический океан и далее* (China doesn't fear the Donroe Doctrine Beijing already has plans for its near abroad — <https://unherd.com/2026/01/china-doesnt-fear-the-donroe-doctrine/>).

Дипломатический дискурс, являясь сферой функционирования политической коммуникации наравне с политическим дискурсом, также подвержен процессу неологизации, отражающему глубинные сдвиги в системе международных отношений. В данном контексте дипломатический неологизм становится инструментом конструирования новой дипломатической реальности и политической борьбы. Дипломатический неологизм, по мнению лингвистов из Китая Danhua Huang и Jiafei Xia, представляет собой «the

best medium to reflect a country's policies, economics, and politics» (инструмент отражения политического и экономического курса страны, ее идеологии) [Jiafei Xia, Danhua Huang 2025]. Иначе говоря, дипломатический неологизм — это новое слово, словосочетание или устойчивое выражение, сознательно созданное или адаптированное в сфере международных отношений и официальной дипломатической коммуникации для обозначения, концептуализации или интерпретации новых политических, правовых, технологических или социальных явлений, которые не могут быть адекватно выражены с помощью существующей терминологии.

Речевая практика современных дипломатов ярко иллюстрирует процесс обогащения языка новыми терминами. Анализ их выступлений показал, что основными механизмами образования дипломатических неологизмов выступают аббревиация, семантический способ, аллюзия и метафоризация.

Наиболее продуктивным из вышеперечисленных способов словообразования неологизмов является аббревиация. Популярность данного способа объясняется тем, что все события, происходящие в мире, незамедлительно находят форму выражения в речевой практике дипломатов, которые, помимо цели первыми высказать свою точку зрения на мировую политику, преследуют цель экономии речевых усилий. Следовательно, аббревиация в данных условиях позволяет оперативно создавать названия для новых понятий и кратко обозначать длинные и сложные термины. Отметим, что обычно аббревиация как механизм образования неологизмов используется в названиях международных организаций, создающихся, как правило, в периоды напряженных геополитических отношений с целью урегулирования конфликтных ситуаций.

Так, Энтони Блинкен в своем выступлении «Toward the Promise of a More Integrated Middle East» в Атлантическом совете 14 января 2025 г. заявил о поддержке новой коалиции, для обозначения которой был использован неологизм *I2U2*, ср.: *We spearheaded new coalitions like **I2U2**, bringing together India, Israel, the United Arab Emirates, and the United States to tackle shared challenges — Мы возглавили новые коалиции, такие как **I2U2**, объединяющие Индию, Израиль, Объединенные Арабские Эмираты и Соединенные Штаты для решения общих задач* (<https://2021-2025.state.gov/office-of-the-spokesperson/releases/2025/01/secretary-antony-j-blinken-toward-the-promise-of-a-more-integrated-middle-east>). Под данным неологизмом понимается стратегическое партнерство ме-

жду Индией, Израилем, Объединенными Арабскими Эмиратами (ОАЭ) и США. Таким образом, он образован из начальных букв стран, входящих в настоящую коалицию, и представляет собой акроним: *India, Israel (I2), United Arab Emirates* и *United States (U2) — I2U2*.

Однако аббревиация номинаций новых международных организаций является не единственным источником неологизмов. В периоды эскалации военных конфликтов появляются новые средства и методы ведения военных действий, которые часто обсуждаются дипломатами, соответственно, возникает необходимость образования новых слов, способных емко и образно выразить смысл новых понятий. Аббревиация является в данном случае эффективным способом образования неологизмов. Такие неологизмы, например, часто встречаются в выступлениях дипломатов Великобритании, опубликованных на официальном сайте Министерства иностранных дел Великобритании. Так, в одном из выступлений был использован неологизм *DIAMOND (Delivering Integrated Air and Missile Operational Networked Defences)*, обозначающий систему интегрированной противовоздушной и противоракетной обороны, направленную на защиту Европы в случае военной угрозы, ср.: *The training will be delivered through a UK-led NATO initiative known as **DIAMOND**, designed to strengthen integrated air and missile operational defences across the alliance — Обучение будет проводиться в рамках возглавляемой Великобританией инициативы НАТО под названием **DIAMOND**, направленной на укрепление системы интегрированной противовоздушной и противоракетной обороны* (<https://www.gov.uk/government/news/uk-and-poland-agree-enhanced-missile-defence-and-helicopter-training-cooperation>). При этом данная номинация обладает высокой прагматической силой, поскольку является омонимом к слову «diamond» (алмаз), вызывая у реципиента ассоциации с прочностью, вечностью и точностью, а также имплицитно намекая на возможный ответ на российское оружие «Циркон», используемое сегодня в ходе СВО.

Наряду с аббревиацией, другим способом формирования дипломатических неологизмов является семантический. Он позволяет наполнять существующие термины новым, специализированным содержанием, отвечающим вызовам современной международной повестки, ср.: *What I think is abundantly clear to everybody is no one is in favor of a Hizballah that can once again threaten the region, act as a **direct Iranian Proxy** — Мне*

*кажется, всем совершенно ясно, что никто не одобряет существование «Хезболлы», которая могла бы вновь стать угрозой для региона и выступить в качестве **прямого прокси Ирана*** (<https://www.state.gov/releases/office-of-the-spokesperson/2025/12/secretary-of-state-marco-rubio-remarks-to-the-press-6/>). В данном фрагменте продемонстрировано употребление неологизма *an Iranian Proxy*, который обозначает третье лицо, участвующее в конфликте на стороне другой страны и позволяющее использовать свои ресурсы, ср.: прокси-война — международный конфликт между двумя государствами или странами, которые пытаются достичь своих собственных целей с помощью военных действий, происходящих на территории и с использованием ресурсов третьего государства или страны, под прикрытием разрешения внутреннего конфликта в этом третьем государстве или стране. Данный неологизм был заимствован из профессиональной терминологии программистов и изначально обозначал промежуточный сервер в компьютерных сетях, который выполняет роль посредника между пользователем и целевым сервером.

Еще одним неологизмом, образованным подобным способом, является *generational reconstruction*, ср.: *Every week that goes by, the cost of rebuilding that country gets exponentially higher. It is now becoming **generational reconstruction** — С каждой неделей стоимость восстановления страны растет в геометрической прогрессии. **Процесс восстановления становится задачей нескольких поколений*** (там же). Обычно этот термин используется в области биологии, компьютерного зрения и обработки естественного языка, и в каждой из этих областей имеет определенное значение. Речь может идти о реконструкции метаболических моделей, изображений или текстов. В дипломатическом дискурсе он выступает неологизмом и служит для обозначения затяжного, многопоколенного процесса постконфликтного восстановления и реконструкции государства.

Новый дипломатический термин может быть образован с помощью аллюзии к топографическим номинациям, ср.: *Speakers in the Security Council today warned of the expansion of illegal settlements in the West Bank and its “**Gazafication**” amid Israel’s ongoing counter-terrorism operations, which its representative described as efforts to dismantle Iran’s terror networks — В Совете Безопасности предупредили о расширении незаконных поселений на Западном берегу и его «**газаификации**» на фоне продолжающихся контртеррористических операций Израиля, которые*

его представитель охарактеризовал как усилия по ликвидации «террористических сетей» в Иране (<https://press.un.org/en/2025/sc16025.doc.htm>). В данном фрагменте наглядно продемонстрировано употребление неологизма *Gazafication*, который произошел от названия города Газа. Под этим неологизмом понимается процесс захвата Израилем территорий, принадлежавших сектору Газа. Образование новых дипломатических номинаций, отсылающих к террористическим атакам, часто строится на основе названий мест, где они произошли.

Основой для нового дипломатического термина также может стать метафора. Метафорические номинации для образования дипломатических неологизмов употребляются не так часто, как вышеуказанные способы их образования, тем не менее они встречаются в выступлениях дипломатов. Так, министр иностранных дел Великобритании Иветт Купер в своем выступлении «Statement on Asylum Seekers, Borders and Migration», говоря о контрабандистах, использует неологизм *small boat gangs*, ср.: *The House will be aware that when we came into government, we found an asylum and immigration system in chaos: for seven years, small boat gangs had been allowed to embed their criminal trade along the French coast; the asylum backlog was soaring; and illegal working was being ignored* — Палате представителей известно, что, когда мы пришли к власти, в системе предоставления убежища и службе иммиграции царил хаос: в течение семи лет контрабандистам разрешалось заниматься преступной деятельностью вдоль французского побережья; число заявлений с нарушенными сроками о предоставлении убежища росло, а факт нелегальной работы игнорировался (<https://www.ukpol.co.uk/yvette-cooper-2025-statement-on-asylum-seekers-borders-and-migration/>). Неологизм, в основе которого лежит метафора, повышает экспрессию высказывания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, политическая и дипломатическая коммуникация, включая ее освещение в СМИ, характеризуется активным процессом создания и внедрения новых политических терминов (неологизацией). Эта неолексика используется для концептуализации явлений международной политики, формирования повестки и воздействия на общественное мнение. Из речевой практики политиков и дипломатов следует, что основными способами образования неологизмов политической коммуникации выступают аффиксация, конверсия, словосложение, аббревиатуры, блендинг, семантический и синтаксический

способ, аллюзии и ассоциации, а также метафоры. Данные способы обладают высокой продуктивностью и иллюкативной силой. Высокий прагматический потенциал вновь образованных номинаций, содержащих имплицитную оценочность обозначаемых событий или идей в рамках политической коммуникации, способствует успешной реализации целей участников дискурса, протекающего в различных форматах, таких как политические дебаты, выступления, предвыборные кампании и т. д., отличающихся высокой степенью театральности, агональности и экспрессивности. Политический неологизм, отражая процесс возникновения новых политических реалий, способен определенным образом влиять на формирование мнения, оценочного отношения к событиям, предвосхитить характер развития ситуации или предложить направление поиска необходимого решения.

ИСТОЧНИКИ

1. China doesn't fear the Donroe Doctrine. Beijing already has plans for its near abroad. — URL: <https://unherd.com/2026/01/china-doesnt-fear-the-donroe-doctrine/> (date of access: 11.02.2026).
2. Diplomatic coalition. — URL: <https://www.diplomaticcoalition.org/> (date of access: 11.02.2026).
3. The Donro Doctrine. — URL: https://en.wiktionary.org/wiki/Donroe_Doctrine (date of access: 11.02.2026).
4. East or west? Czechs split over where possible return of 'Trumpist' could lead. — URL: <https://www.theguardian.com/world/2025/oct/02/east-or-west-czechs-split-over-where-possible-return-of-trumpist-could-lead-andrej-babis-polls> (date of access: 11.02.2026).
5. Gove, M. Weimar Britain: lessons from history in radical times. — URL: <https://spectator.com/article/weimar-britain-lessons-from-history-in-radical-times/> (date of access: 11.02.2026).
6. Macron tells ambassadors that the world has become 'unhinged'. — URL: <https://www.nytimes.com/live/2026/01/08/world/us-venezuela-trump?searchResultPosition=2#macron-tells-ambassadors-that-the-world-has-become-unhinged> (date of access: 11.02.2026).
7. Security Council Speakers Warn of 'Gazafication' of West Bank, Urge Israel to End Illegal Settlements, Occupation. — URL: <https://press.un.org/en/2025/sc16025.doc.htm> (data of access: 13.02.2026).
8. Secretary of State Marco Rubio Remarks to the Press. — URL: <https://www.state.gov/releases/office-of-the-spokesperson/2025/12/secretary-of-state-marco-rubio-remarks-to-the-press-6/> (data of access: 13.02.2026).
9. Silk road. — URL: <https://www.dictionary.com/browse/silk-road> (date of access: 11.02.2026).
10. Statement on Asylum Seekers, Borders and Migration. — URL: <https://www.ukpol.co.uk/yvette-cooper-2025-statement-on-asylum-seekers-borders-and-migration/> (data of access: 13.02.2026).
11. Toward the Promise of a More Integrated Middle East. — URL: <https://2021-2025.state.gov/office-of-the-spokesperson/releases/2025/01/secretary-antony-j-blinken-toward-the-promise-of-a-more-integrated-middle-east> (date of access: 13.02.2026).
12. Trump Is the Political Earthquake Shaking Latin America. — URL: <https://www.nytimes.com/2026/01/11/world/americas/trump-latin-america-politics.html?searchResultPosition=2> (date of access: 13.02.2026).
13. UK and Poland agree enhanced missile defence and helicopter training cooperation. — URL: <https://www.gov.uk/government/news/uk-and-poland-agree-enhanced-missile-defence-and-helicopter-training-cooperation> (date of access: 13.02.2026).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ардаева, Н. В. Дипломатический и политический дискурс. Латинская Америка / Н. В. Ардаева // Власть. — 2018. — № 05. — С. 114–117. — DOI 10.31171/vlast.v26i5.5831. EDN UQBLHS.
2. Арнольд, И. П. Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов / И. П. Арнольд. — Москва : Флинта, 2014. — 384 с. — ISBN 978-5-89349-363-4.
3. Будаев, Э. В. Метафора в политической коммуникации / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Москва : Флинта, 2012. — 248 с. — ISBN 978-5-9765-0275-8. — EDN UXHJSH.
4. Гак, В. Г. О современной французской неологии / В. Г. Гак // Новые слова и словари новых слов / под ред. Н. З. Котеловой. — Ленинград : Наука, 1978. — С. 37–52. — URL: <https://iling.spb.ru/publications/3087> (дата обращения: 07.02.2026).
5. Гальперин, И. Р. Стилистика английского языка. English Stylistics : учебник / И. Р. Гальперин. — Москва : Либроком, 2026. — 334 с. — ISBN 978-5-397-01340-6.
6. Миньяр-Белоручева, А. П. К проблеме создания политических неологизмов / А. П. Миньяр-Белоручева // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. — 2012. — № 25. — С. 32–37. — EDN PBNDRK.
7. Михайлова, Ю. Л. Неологизация как элемент пополнения словарного состава английского языка XXI века / Ю. Л. Михайлова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2017. — № 9 (75). — Ч. 2. — С. 129–131. — ISSN 1997-2911. — URL: www.gramota.net/materials/2/2017/9-2/34.html (дата обращения: 07.02.2026). — EDN ZFDSHL.
8. Недзельская, А. Б. Манипулятивные стратегии в англоязычном медиапространстве / А. Б. Недзельская, О. О. Борискина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2021. — № 2. — С. 73–82. — DOI 10.17308/lic.2021.2/3417. — EDN GHFJXQ.
9. Полякова, А. С. Современные политические неологизмы английского языка в аспекте словообразования / А. С. Полякова // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. — 2024. — Т. 43. — № 4. — С. 562–569. — DOI 10.52575/2712-7451-2024-43-4-562-569. — EDN VMGJZY.
10. Самойлова, А. В. Англоязычные политические неологизмы: от семантики к прагматике использования / А. В. Самойлова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2023. — Т. 21. — № 1. — С. 145–159. — DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-145-159. — EDN NCHUQJ.
11. Суханова, А. С. Стратегии и тактики политического дискурса / А. С. Суханова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — Вып. 6 (72). — С. 160–163. — EDN YQEDOX.
12. Тихомирова, Л. С. Специфика реализации коммуникативных стратегий и тактик в рекламе недвижимости (на материале интернет-сайтов г. Перми) / Л. С. Тихомирова, А. С. Черноусова // Медиалингвистика. — 2024. — Т. 11, № 3. — С. 325–340. — DOI 10.21638/spbu22.2024.303. — EDN CEWUJY.
13. Чудинов, А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. — 2012. — Вып. 2 (40). — С. 53–59. — EDN PCAVQP.
14. Hromovenko, V. V. Thematic groups of political neologisms in English and Ukrainian: a comparative approach / V. V. Hromovenko // Science and Education. A New Dimension. Philology. — 2020. — VIII (66). — Issue 218. — URL: www.seanewdim.com (date of access: 11.02.2026). — DOI 10.31174/SEND-Ph2020-218VIII66-06. — EDN WPAVUI.
15. Hadi, Saja. The Significance of Political Neologisms. Journal of College of Education / Saja Hadi, Ali A.AL-Majdawi // Journal of Education / College of Education for Human Sciences, Wasit University. — 2019. — Vol. 2. — № 37. — P. 10. — URL: <https://eduj.uowasit.edu.iq/index.php/eduj/en/article/view/1107> (date of access: 12.02.2026). — DOI 10.31185/eduj.Vol2.Iss37.1107.
16. Xia, Jiafei. Translation of Diplomatic Neologisms from the Perspective of Manipulation Theory / Jiafei Xia, Danhua Huang //

International Journal of English Linguistics. — 2021. — Vol.11 — № 6. — P. 130–139. — DOI 10.5539/ijel.v11n6p130.

MATERIALS

3. China doesn't fear the Donroe Doctrine. Beijing already has plans for its near abroad. Available at February 11, 2026 from <https://unherd.com/2026/01/china-doesnt-fear-the-donroe-doctrine/>.
4. Diplomatic coalition. Available at February 11, 2026 from <https://www.diplomaticcoalition.org/>.
5. The Donro Doctrine. Available at February 11, 2026 from https://en.wiktionary.org/wiki/Donroe_Doctrine.
6. East or west? Czechs split over where possible return of 'Trumpist' could lead. Available at February 11, 2026 from <https://www.theguardian.com/world/2025/oct/02/east-or-west-czechs-split-over-where-possible-return-of-trumpist-could-lead-andrej-babis-polls>.
7. Gove, M. Weimar Britain: lessons from history in radical times. Available at February 11, 2026 from <https://spectator.com/article/weimar-britain-lessons-from-history-in-radical-times/>.
8. Macron tells ambassadors that the world has become 'unhinged'. Available at February 11, 2026 from <https://www.nytimes.com/live/2026/01/08/world/us-venezuela-trump?searchResultPosition=2#macron-tells-ambassadors-that-the-world-has-become-unhinged>.
9. Security Council Speakers Warn of 'Gazaification' of West Bank, Urge Israel to End Illegal Settlements, Occupation. Available at February 13, 2026 from <https://press.un.org/en/2025/sc16025.doc.htm>.
10. Secretary of State Marco Rubio Remarks to the Press. Available at February 13, 2026 from <https://www.state.gov/releases/office-of-the-spokesperson/2025/12/secretary-of-state-marco-rubio-remarks-to-the-press-6/>.
11. Silk road. Available at February 11, 2026 from <https://www.dictionary.com/browse/silk-road>.
12. Statement on Asylum Seekers, Borders and Migration. Available at February 13, 2026 from <https://www.ukpol.co.uk/yvette-cooper-2025-statement-on-asylum-seekers-borders-and-migration/>.
13. Toward the Promise of a More Integrated Middle East. Available at February 13, 2026 from <https://2021-2025.state.gov/office-of-the-spokesperson/releases/2025/01/secretary-antony-j-blinken-toward-the-promise-of-a-more-integrated-middle-east>.
14. Trump Is the Political Earthquake Shaking Latin America. Available at February 11, 2026 from <https://www.nytimes.com/2026/01/11/world/americas/trump-latin-america-politics.html?searchResultPosition=2>.
15. UK and Poland agree enhanced missile defence and helicopter training cooperation. Available at February 13, 2026 from <https://www.gov.uk/government/news/uk-and-poland-agree-enhanced-missile-defence-and-helicopter-training-cooperation>.

REFERENCES

1. Ardayeva, N. V. (2018). Diplomaticeskij i politicheskij diskurs. Latinskaya Amerika = Diplomatic and political discourse. Latin America. Power, 05, 114–117. EDN UQBLHS.
2. Arnold, I. P. (2016). Stilistika. Sovremennyy anglijskij yazyk = Stylistics. Modern English: textbook for universities. Moscow: Flinta, 384 p. ISBN 978-5-89349-363-4.
3. Budaev, E. V. (2012). Metafora v politicheskoy kommunikatsii = Metaphor in political communication. Moscow: Flinta, 248 p. ISBN 978-5-9765-0275-8. EDN UXHJSH.
4. Gak, V. G. (1978). O sovremennoy frantsuzskoy neologii = On modern French neology. New words and dictionaries of new words (Ed. by N. Z. Kotelova), 37–52. Leningrad: Nauka.
5. Galperin, I. R. (2026). Stilistika anglijskogo yazyka = English Stylistics. Textbook. Moscow: Librokom, 334 p. ISBN 978-5-397-01340-6.
6. Minyar-Belorucheva, A. P. (2012). K probleme sozdaniya politicheskikh neologizmov = On the problem of creating political neologisms. Bulletin of South-Ural State Univ. Series: Linguistics, 25. EDN PBNDRK.
7. Mikhaylova, Yu. L. (2017). Neologizatsiya kak element popolneniya slovarnogo sostava anglijskogo yazyka XXI veka = Neologization as an Element of Replenishing the Vocabulary of the English Language of the 21st Century. Philological sciences: issues of theory and practice, 9(75), Part 2, 129–131. Tambov: Gramota. Available at February 7, 2026 from www.gramota.net/materials/2/2017/9-2/34.html. EDN ZFDSHL.

8. Nedzelskaya, A. B., Boriskina, O. O. (2021). Manipulyativnyye strategii v angloyazychnom mediaprostranstve = Manipulative strategies in the English-language media space. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2, 73–82. DOI <https://doi.org/10.17308/lic.2021.2/3417>. EDN GHFJXQ.
9. Polyakova, A. S. (2024). Sovremennyye politicheskiye neologizmy angliyskogo yazyka v aspekte slovoobrazovaniya = Modern political neologisms of the English language in terms of word formation. *Issues of journalism, pedagogy, linguistics*, 43(4), 562–569. DOI 10.52575/2712-7451-2024-43-4-562-569. EDN VMGJZY.
10. Samoylova, A. V. (2023). Angloyazychnyye politicheskiye neologizmy: ot semantiki k pragmatike ispol'zovaniya. = English-language political neologisms: from semantics to pragmatics of use. *NSU Bulletin, Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 21(1), 145–159. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-145-159. EDN NCHUQJ.
11. Sukhanova, A. S. (2017). Strategii i taktiki politicheskogo diskursa = Strategies and tactics of political discourse. *Philological sciences: issues of theory and practice*, 6(72), 160–163. Tambov: Gramota. EDN YQEDOX.
12. Tikhomirova, L. S., Chernousova, A. S. (2024). Spetsifika realizatsii kommunikativnykh strategiy i taktik v reklame nedvizhimosti (na materiale internet-saytov g. Perm) = Specifics of the implementation of communication strategies and tactics in real estate advertising (based on the materials of Internet sites in Perm). *Medialinguistics*, 11(3), 325–340. DOI 10.21638/spbu22.2024.303. EDN CEWUJY.
13. Chudinov, A. P. (2012). Diskursivnyye kharakteristiki politicheskoy kommunikatsii = Discursive characteristics of political communication. *Political linguistics*, 2(40), 53–59. EDN PCAVQP.
14. Hromovenko, V. V. (2020). Thematic groups of political neologisms in English and Ukrainian: a comparative approach. *Science and Education. a New Dimension. Philology*, VIII(66), 218. Available at February 11, 2026 from www.seanewdim.com. DOI 10.31174/SEND-Ph2020-218VIII66-06. EDN WPAVUI.
15. Hadi, Saja, A., AL-Majdawi, Ali. (2019). The Significance of Political Neologisms. *Journal of College of Education (Wasit University)*, 2(37). Available at February 12, 2026 from <https://eduj.uowasit.edu.iq/index.php/eduj/en/article/view/1107>. DOI 10.31185/eduj.Vol2.Iss37.1107.
16. Xia, Jiafei, Huang, Danhua. (2021). Translation of Diplomatic Neologisms from the Perspective of Manipulation Theory. *International Journal of English Linguistics*, 11(6), 130–139. Available at February 11, 2026 from https://www.researchgate.net/publication/356662223_Translation_of_Diplomatic_Neologisms_from_the_Perspective_of_Manipulation_Theory. DOI 10.5539/ijel.v11n6p130.

Политическая лингвистика. 2026. № 2 (116).
Political Linguistics. 2026. No 2 (116).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38+81'27
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Екатерина Сергеевна Ступина

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия,
stupina.ek@mail.ru, SPIN-код: 3023-0453, <https://orcid.org/0000-0001-9978-9686>

Категория диалогичности в риторических кодах политического дискурса

АННОТАЦИЯ. Исследование касается установления влияния категории диалогичности на организацию риторического кода в текстах политической направленности. Рассматриваются вопросы определения сущности диалогичности, ее формы, фиксируются признаки диалогичности в речи, осмысливаются принципиальные основы оформления риторических кодов. Статья посвящена изучению механизмов организации риторических кодов, ведущими признаками которых являются приемы диалогичности. В качестве материалов привлекаются текстовые иллюстрации, отражающие специфику политического дискурса. Источниками выступили опубликованные на сайтах Кремля и Государственной Думы стенограммы выступлений российских политиков, а также электронные ресурсы газет. Материалы для анализа извлечены также из НКРЯ. Выполнен обзор подходов к дефинированию диалогичности, продемонстрирован процесс эволюции в определении понятия. Уделяется внимание особенностям чувственной оценки речи в организации риторических кодов, что аттестует формат исследовательской основы. Подчеркивается, что оценка речевой формы — это совокупность сформированных настроений и переживаний человека, ставших естественной реакцией на высказывание в результате осмысления ее содержания. Автор приходит к выводу о том, что кросс-текстуальность — явление, сопряженное с пониманием диалогичности. Например, возможно обращение к фразам известным политикам прошлого или к известным цитатам из художественных текстов. Новизна исследования видится в том, что диалогичность постулируется как способ активизации ключа к риторическому коду. Актуальность исследования обусловлена интересом к пониманию содержательной стороны текста, позволяющей обнаружить внутритекстовый и метатекстовый смысл высказывания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политические тексты, журналистика, медиадискурс, медиатексты, СМИ, средства массовой информации, языковые средства, политическая риторика, политические речи, политические деятели, риторический код, русский язык, диалогичность, реминисценция, перформатив.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ступина Екатерина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как родного и иностранного, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия, email: stupina.ek@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ступина, Е. С. Категория диалогичности в риторических кодах политического дискурса / Е. С. Ступина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 257–262.

Ekaterina S. Stupina

Nizhny Novgorod Dobrolubov State Linguistics University, Russia, stupina.ek@mail.ru, SPIN code: 3023-0453,
<https://orcid.org/0000-0001-9978-9686>

The Category of Dialogicality in the Rhetorical Codes of Political Discourse

ABSTRACT. This research explores the influence of the category of dialogicality on the organization of the rhetorical code in politically oriented texts. The article considers the issues of defining the essence of dialogicality and its forms, registers the specific features of dialogicality in speech, and discusses the principle foundations of rhetorical code formation. The study explores the mechanisms of organization of rhetorical codes, the leading features of which are represented by dialogicality techniques. The practical research material consists of textual illustrations reflecting the specificity of political discourse. Transcripts of the speeches of Russian politicians published on the websites of the Kremlin and the State Duma, as well as electronic resources of newspapers, served as sources of this material. Practical materials for analysis were also extracted from the Russian National Corpus. The article reviews the approaches to defining dialogicality and demonstrates the process of evolution in defining the concept. Special attention is paid to the peculiarities of emotional evaluation of speech in the organization of rhetorical codes, which characterizes the format of the research foundation. It is emphasized that the evaluation of the speech form is a set of formed moods and emotions of the person which become a natural reaction to the utterance as a result of understanding its content. The author comes to the conclusion that cross-textuality is a phenomenon associated with the understanding of dialogicality. For example, it is possible to use aphorisms of famous politicians of the past or familiar quotes from literary texts. The novelty of the study can be seen in the fact that dialogicality is postulated as a way of activating the key to the rhetorical code. The relevance of the study can be attributed to the interest in text comprehension, which allows revealing the intratextual and metatextual meaning of the utterance.

KEYWORDS: political discourse, political texts, journalism, media discourse, media texts, mass media, language means, political rhetoric, political speeches, politicians, rhetorical code, Russian language, dialogicality, reminiscence, performative.

AUTHOR'S INFORMATION: *Stupina Ekaterina Sergeevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian as a Native and Foreign Language, Nizhny Novgorod Dobrolubov State Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russia.*

FOR CITATION: *Stupina E. S. (2026). The Category of Dialogicality in the Rhetorical Codes of Political Discourse. In Political Linguistics. No 2 (116), pp. 257-262. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Специфика политического дискурса заключается в особом взаимодействии говорящего и слушающего. Создатель речи — политик, стремящийся к воплощению или укреплению личных потребностей в управлении государственными институтами. Выступая перед предполагаемой аудиторией, он имитирует театрализованную процессию, воплощающую подобие беседы с народом. Текст есть результат дискурсивной деятельности, «объективно существующий факт действительности, представляющий собой реализацию коммуникативной интенции говорящего через систему определенных действий и операций» [Арутюнова 1998]. Актер организует речевую формулу таким образом, чтобы у слушателя возникало ощущение, что с ним советуются, предугадывают его мысли, раскрывают его желания о справедливой и честной жизни в государстве. Таким образом, ведущей категорией подобного текста в рамках политического дискурса выступает диалогичность.

По мнению ряда исследователей, диалогичность может быть представлена в трех вариациях «1) в собственно диалогических текстах; 2) в диалоге между текстами — макротексте; 3) в монологических текстах, насыщенных средствами, с одной стороны, как бы заимствованными из устного диалога, с другой стороны, средствами специально для этого созданными в сфере самой письменной речи» [Дускаева 2012: 22]. Диалогичность в политических произведениях может быть реализована по-разному. Процессы обсуждения, дебатирования отражают первую форму. Данный тип осмысления аттестует отношения участников диалога с точки зрения независимых позиций. Вторая и третья возможны в высказываниях, включающих цитаты и реминисценции, а также апелляции к мнению потенциальных собеседников без потребности вербализованного ответа. Таким образом, диалогический формант становится частью речевого поведения актора, встраивается в систему риторических кодов, основанных на чувственных, то есть эмоциональных оценках речевой формы [Ступина 2023: 105]. Чувственная оценка речевой формы представляет собой ту совокупность сформированных настроений и переживаний человека, которые стали естественной реакцией на высказывание в

результате осмысления ее содержания. Как известно, «в процессе восприятия речи, реципиент соотносит сказанное с действительностью и со своими знаниями о ней, проявляет активность, которая заключается в том, что он, опираясь на свой прошлый опыт (как речевой, так и неречевой), осуществляет вероятностное прогнозирование (выдвигает свою гипотезу о том, что он может услышать или прочитает), а также производит эквивалентные замены (заменяет сложные знаки на более простые или на наглядные образы)» [Корзо 2015: 231]. Детализируя высказывание на составляющие элементы, мы находим, по какому принципу выстраивается кодовая схема, каков набор знаков кода, что будет дешифратором.

Цель настоящего исследования — проанализировать, какое влияние оказывает диалогичность на организацию риторических кодов.

ОБСУЖДЕНИЕ

Собственно диалогические тексты формировались еще в античный период. Правда, такие тексты имели в основном философский характер. У истоков лежит диалектика Сократа и Платона, воспроизводящих в диалоговой форме рассуждения о добре и зле, красоте и безобразии, учености и невежестве. Диалог в рамках этой концепции определяется как способ познания мира, существования личности, поиска истины. У Сократа дуальная формула участников диалога: «одна из сторон задает вопрос, отвечая на который другая сторона приводит к знанию обоих участвующих в диалоге» [Дорофеев 2013: 274]. Платон устанавливает принцип диалогического самопознания «в себе», «переводя диалог, так сказать, внутрь своего сознания, которое само и задает себе вопрос, и отвечает на него» [там же: 274]. Данная идея найдет активную реализацию в картезианских учениях Рене Декарта, полагавшего, что любая мысль должна подвергаться сомнению. Естественным воплощением сомнений есть диалоговая форма доказывания истины самому себе или оппоненту. По мнению ученых, «внутренний диалог возникает в ответ на определенные события или обстоятельства или в ожидании их», «предполагает рефлексивное или созерцательное внутриличностное общение» (перевод наш. — Е. С.) [Oles, Brinthaup,

Polak 2020: 2]. Посредством такого взаимодействия с самим собой человек пытается принять либо отвергнуть иные точки зрения, чтобы расширить возможности когнитивной реакции на новые стимулы.

Также в научных источниках диалогичность определяется с точки зрения формы организации речи и с позиции участников речевой деятельности. Так, Л. Р. Дускаева определяет диалогичность «как выраженность в тексте многосторонности речевого общения (как проявление социальности речи и мышления)», реализующуюся в диалогах, макротекстах, монологах, предполагающих апелляцию к слушателю [Дускаева 2012: 18–19]. Согласно теории М. М. Бахтина, категория диалогичности является такой текстовой категорией, которая «всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов» [Бахтин 1986: 477]. Внимание сосредоточено на взаимодействии участников диалога как «процесса, создающего единство, целое взаимосвязанных и дополняющих друг друга субъектов» [Арутюнова 1998]. Но при этом реальное существование собеседника не является обязательным фактом. Адресат предполагается, но материального воплощения может не быть. Это может быть беседа с неким воображаемым субъектом, представляющим собой обобщенный образ — носитель конкретных черт, которые отвечают запросу актора в его потребностях к обсуждению некой волнующей проблемы. В диалоге может быть «<...> всякий в большей или меньшей степени отвечающим: ведь он не первый говорящий, нарушивший вечное молчание вселенной» [Бахтин 1986: 247]. Равноценно можно представить процесс коммуникации между говорящим и слушающим в актуальном времени и взаимодействие написанного текста со всеми предыдущими и последующими произведениями. В таком случае, согласно концепции Р. Барта, релевантно понимание созданного текста как комбинации раскавыченных цитат [Барт 2001]. То есть кросс-текстуальность — явление, сопряженное с пониманием диалогичности.

Ревизия теории диалогичности, разработанной М. М. Бахтиным, стала следствием формирования идеи интертекста Ю. Кристевой [Кристева 2004: 68]. Отсылка к другому тексту — это вариант беседы с автором произведения. Средством воплощения выступают, как правило, реминисценции, аллюзии, прямые цитаты. Например: *Да они свой съезд еще не успели провести, как три раза обмыли результаты. Все это было бы смешно, если бы такое агрессивное нарушение правил предвыборной борьбы не навязывалось стране, — подчеркнул Г. Зю-*

ганов. — А председатель Центризбиркома Вешняков никак не реагирует. [Г. А. Зюганов: «Только коммунисты поправят положение» // Советская Россия. 03.08.2023]. Главная часть предложения совпадает с лермонтовским текстом, а придаточная часть изменена (в первоисточнике значится *Всё это было бы смешно, / Когда бы не было так грустно*). Геннадий Андреевич Зюганов, явно осуждая поведение как членов избирательной комиссии, так и команды участников предвыборной гонки, показывает волнение относительно нарушений формата выборов. Подчеркивается агрессивное навязывание обществу тактики организованной кампании. И это действительно грустно. Память подсказывает точное цитирование каждому, кто прочитал данный текст. В противном случае риторического воздействия от реминисцентного изменения не было бы. Таким образом, происходит наложение вербализованной фразы на невербализованную (осознаваемую). Двойное прочтение стимулирует когнитивный поиск конечного смысла. Следовательно, свидетелями потенциальной «беседы» актора (Г. А. Зюганова) и автора цитируемого стихотворения (М. Ю. Лермонтова) становятся все, кто дешифровал код. Экспрессивную тональность реминисценции выражает риторический код аккузативной иронии. Обвинительный характер речи определяет качественный характер кода, при этом аккузация, типично отличающаяся категоричностью, смягчается цитатой, за счет чего усиливается идея осмеивания [Катышев 2007: 127].

Апелляция может быть к фразам известных политиков прошлого. Например, обратим внимание на высказывание Николая Леонова, одного из руководителей КГБ: *Честно говоря, в те дни и власти как таковой практически не существовало. Она валялась на мостовой, и первым, кто ее подобрал, оказался главный сепаратист — Ельцин* [«Свободная мысль». 2016]. Здесь угадывается фраза, которую обычно приписывают Владимиру Ленину: *Власть валялась под ногами, нужно было ее просто взять*. Таким образом устанавливается генетическая связь революционных событий в России осенью 1917 года и путча августа 1991 года. Определяется диалог времен, авантюрных личностей, изменивших жизнь большой страны. Возникает и параллелизм допущенных властью ошибок.

Иллокутивный аспект речи касается прежде всего разочарования в результатах последующих действий Ельцина и сожаления о невозможности изменить что-либо. Осмысление событий прошлого формирует риторический код антирезисной ретроспек-

ции. Автор, опровергая факт смены власти, говорит о разрушении всей государственной системы. Звучит мотив самокритики, но осуждаются и политические устремления Ельцина. Номинация **главный сепаратист** отражает, вероятно, обвинение в развале СССР. В рамках контекста данное словосочетание соотносимо с сочетанием **главный виновник**. Семантика лексемы **главный** 'возглавляющий что-либо' указывает на существование сепаратистских мыслей, витающих в среде высшего руководства [МАС]. Самым активным среди прочих признается будущий президент России.

Диалогизированный характер текста также обусловлен вводной конструкцией **честно говоря**, апеллирующей к факту признания ряда ошибочных и недальновидных решений со стороны как генеральных секретарей, так и председателей Комитета государственной безопасности. С помощью модальной конструкции манифестируется следующее: «...мнение автора может быть сформировано на основании разного знания о ситуации — прямого или непрямого контакта с ситуацией либо отсутствия такового» [Деятова 2020: 47]. Прослеживается риторика оправдывания в сочетании с пояснением. Бывший руководитель аналитического управления посредством реминисценции подчеркивает, что не были учтены многие проблемы в большом государстве, о которых предупреждали специалисты и решение которых можно было предусмотреть.

Анализируя особенности реализации категории диалогичности в политическом дискурсе, подчеркнем, что «дискурс ярко проявляет себя как сверхтекстовое единство, порождаемое при диалогизации его компонентов» [Погостина 2020: 116], поскольку условием существования дискурса является не наличие совокупных текстов, а реализация диалогов, осуществляющих межтекстовые связи. Согласимся, что «диалогичность в политическом дискурсе носит искусственный характер, т. к. помогает создавать видимость (имитацию) „живого общения“ с массовым адресатом» [Крылова, Орехова 2014: 93]. Конститутивным признаком дискурса является агентивность субъекта, т. е. политический деятель выступает как инициатор действия и воздействия. Создавая иллюзию переданной собеседнику инициативы, политик аккумулирует нужные комбинации риторических средств — знаков — для оказания влияния. Диалогичность, как категория, востребована с целью организации риторических кодов. Например, на заседании Госдумы 22 декабря 2021 г. Владимир Жириновский сказал: *Посмотрите мои выступления в декабре и*

ноябре на различных политических тусовках, я это и говорил, но своим языком: как надо с ними разговаривать, что нужно от них требовать. Не надо брехать оружием, надо сказать: давайте выполнять, а если отказываетесь, тогда мы можем принять другую программу, а какую — вы почувствуете в 4 часа утра 22 февраля [Стенограмма пленарного заседания Государственной Думы от 22.12.21]. Риторический код императивного пафоса реализован с помощью глаголов в повелительном наклонении (*посмотрите, давайте*), предикативов (*надо, нужно*), хронологических аллюзий (в 4 часа 22 июня гитлеровские войска атаковали Советский Союз), стилистически окрашенных единиц (*тусовка, брехать оружием*). Эти знаки направлены на создание эффекта диалогичности. Они являются управляющими операторами в дешифрации. Воспроизводимая модель потенциального диалога становится способом убеждения, демонстрирует, как можно договориться с противником. Формат речевого акта в ультимативной форме, скорее всего, представляется частью политического речевого имиджа Владимира Вольфовича. Таким образом реализуется самопрезентация.

В политическом дискурсе диалогичность, как способ активизации ключа к риторическому коду, представлена также обращениями («*И я прошу заместителей председателя, каждого из вас, уважаемые коллеги, опираться именно на эти приоритеты в законотворческой деятельности и также в ходе работы в регионах*», — В. И. Матвиенко [Российская газета. 24.01.2024]), вопросительными конструкциями («*Обращаюсь к тем, кто там, в том числе и к господину Пескову: тогда производили 20% мировой продукции, сейчас производим 3%. Против нас воюют страны, которые имеют 40% мировой продукции. Каким образом вы собираетесь продавать и что вы будете продавать?*» — Г. А. Зюганов [Новый день. 20.06.2023]). Причем обратим внимание, что местоимение, которое «обычно характеризуется своей конкретностью, зависимостью от контекста и ориентацией на адресата, может также передавать широкие обобщения, выходящие за рамки времени или места» (перевод наш. — Е. С.) [Orvell 2017: 1299]. Таким образом создается иллюзия обращения к каждому индивидуально.

Диалогичность также может быть реализована с помощью перформативов, предполагающих, «что произнесение высказывания означает совершение действия» [Остин 1999: 19]. Например: *Тема вызвала оживленную дискуссию. Основываясь на выска-*

занных мнениях, **планируем выработать предложения по изменению ситуации** [РБК. 12.08.2025], — В. В. Володин о просьбе проверить необходимость домашнего задания для школьников. Подобные конструкции фиксируют в нашем сознании факт совершенного, а не запланированного поступка. Не подвергается сомнению, что предложения не будут выработаны. Не осмысливается тот факт, что традиционный канцелярско-государственный механизм сопряжен с длительными организационными ситуациями. Смысловое содержание глагола **выработать** оказывает эмоциональное воздействие, поскольку связано с желанием разрешения проблемы, которая касается многих семей, где есть дети школьного возраста. То есть производимое в мыслях действие становится откликом на общественный запрос.

Дискурсивные слова организуют дискурс и задают общую тональность диалога, хотя нереализованной ответной реплики не предполагается: *«Есть у нас в народе такое выражение: „против лома нет приема, кроме другого лома“. А он всегда появляется, понимаете? В этом суть происходящих событий в мире»* [Газета.ру. 02.10.2025], — В. В. Путин. В. И. Карасик считает, что «содержательно дискурсивные слова как эмблемы личности соответствуют функциям модуса в высказывании» [Карасик 2016: 32]. Глагол **понимаете** в форме второго лица множественного числа становится определенной эмблемой говорящего, подчеркивающего свой статус объясняющего простыми словами (для этого употребляется выражение разговорного характера *«против лома нет приема»*) сложные вещи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проявление диалогичности в политическом дискурсе определяет факт естественной взаимообусловленности собственно коммуникативного процесса и стратегического формирования общественного мнения. В структуре риторического кода данная категория может играть ведущую роль, поскольку своими средствами обеспечивает реализацию фатической и воздействующей функций языка. Точная интерпретация кода возможна при условии понимания комбинации знаков в совокупности, однако установление знаков, отвечающих за диалогичность, следует признать в речи политического характера ключевым.

ИСТОЧНИКИ

1. Гончарук, Д. Валентина Матвиенко назвала приоритеты весенней сессии / Д. Гончарук // Российская газета. — 2024. — 24 янв. — URL: <https://rg.ru/2024/01/24/vremia-dialoga.html> (дата обращения: 10.11.2025).

2. Демидов, А. Путин вспомнил фразу «против лома нет приема», говоря о событиях в мире / А. Демидов // Газета.ру. — 2025. — 2 окт. — URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2025/10/02/26869190.shtml?utm_auth=false (дата обращения: 10.11.2025).

3. Жириновский, В. В., руководитель фракции ЛДПР. Стенограмма пленарного заседания Государственной Думы от 22.12.21. — URL: http://cir.duma.gov.ru/duma/document/text/?doc_id=394879&QueryID=21&HighlightQuery=21&query_target=news (дата обращения: 12.11.2025).

4. Зюганов, Г. А.: «Только коммунисты поправят положение» // Советская Россия. — 2023. — 3 авг.

5. МАС = Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — Москва : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. — Т. 1 : А-Й. — 702 с.

6. Розанова, А. В России планируют пересмотреть подходы к домашнему заданию. Что изменят / А. В. Розанова // РБК. — 2025. — 12 авг. — URL: <https://www.rbc.ru/life/news/689afc8a9a79477c9e2bccc0> (дата обращения: 12.11.2025).

7. Соколова, М. «Я был просто шокирован...» Зюганов в Госдуме жестко раскритиковал идею очередной распродажи России / М. Соколова // Новый день. — 2023. — 20 июня. — URL: <https://newdaynews.ru/moscow/798677.html> (дата обращения: 12.11.2025).

8. Трагический август 1991-го / Н. С. Леонов ; беседу ведет В. Бушуев // Свободная мысль : междунар. общественный журнал. — 2016. — № 4. — С. 87–96.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Большой энциклопедический словарь «Языкознание». — Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. — С. 136, 137.

2. Барт, Р. S/Z / Р. Барт. — Москва : Эдиториал УРСС, 2001. — 232 с. — ISBN 5-8360-0211-8.

3. Бахтин, М. М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1986. — 545 с.

4. Бахтин, М. М. Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940–1960 гг. / М. М. Бахтин. — Москва : Русские словари : Языки славянской культуры, 1997. — 735 с. — ISBN 5-89216-011-4.

5. Девятова, Н. М. Вводно-модальные слова и их роль в художественном тексте / Н. М. Девятова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. — 2020. — № 2 (38). — С. 46–55. — DOI 10.25688/2076-913X.2020.38.2.05. — EDN SRAZTN.

6. Дорофеев, Д. Ю. Диалектические диалоги Платона и философия диалога и бытия в XX веке / Д. Ю. Дорофеев // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2013. — Т. 14. — № 3. — С. 273–278. — EDN RRQQAD.

7. Дускаева, Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / Л. Р. Дускаева. — 2-е издание, доп. и испр. — Санкт-Петербург : С.-Петерб. гос. ун-т, 2012. — 274 с. — ISBN 978-5-8465-1242-9. — EDN YPCBGY.

8. Карасик, В. И. Дискурсивные слова как эмблемы личности / В. И. Карасик // Экология языка и коммуникативная практика. — 2016. — № 1. — С. 26–34. — EDN WELTAX.

9. Катышев, П. А. Ортологическое моделирование современной судебной речи / П. А. Катышев // Юрислингвистика. — 2007. — № 8. — С. 123–130. — EDN WKGXVN.

10. Корзо, А. В. Трактовка и моделирование восприятия речи в современной психолингвистике / А. В. Корзо // Даследаванні па германскай і славянскай філалогіі. Acta Germano-Slavica: збірник наукових артыкулаў / пад рэд. Я. Я. Іванова. — Мінск : МДУ імя А. А. Куляшова, 2015. — Вып. 6. — С. 230–236.

11. Кристева, Ю. Избранные труды: разрушение поэтики / Юлия Кристева ; [пер. с фр. Г. К. Косиков, Б. П. Нарумов]. — Москва : РОССПЭН, 2004. — 652 с. — ISBN 5-8243-0500-5.

12. Крылова, О. А. Диалогичность в политическом и церковно-религиозном типах дискурса (сопоставительный аспект) / О. А. Крылова, Д. В. Орехова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 12-2(42). — С. 91–94. — EDN SYEDFP.

13. Остин, Дж. Слово как действие / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Прогресс, 1986. — Вып. 17 : Теория речевых актов. — С. 22–29.

14. Остин, Дж. Избранное. Как производить действия при помощи слов. Смысл и сенсibiliи / Дж. Остин. — Москва : Дом интеллектуал. кн. : Идея-Пресс, 1999. — 329 с. — ISBN 5-7333-0010-8.

15. Погостина, П. С. Дискурс сквозь призму диалогичности (на материале американского вечернего шоу) / П. С. Погостина // Политическая лингвистика. — 2020. — № 5(83). — С. 108–120. — DOI 10.26170/pl20-05-10. — EDN NTAAWU.

16. Ступина, Е. С. Риторические коды антонимов в политическом тексте: биография эпохи (на основе работ В. И. Ленина «С чего начать?», «Что делать?») / Е. С. Ступина // Политическая лингвистика. — 2023. — № 4 (100). — С. 103–108. — EDN ONLPYA.

17. Oleś, P. K. Types of Inner Dialogues and Functions of Self-Talk: Comparisons and Implications / P. K. Oleś, T. M. Brinthaup, R. Dier, D. Polak // *Frontiers in Psychology*. — 2020. — Vol. 11. — DOI 10.3389/fpsyg.2020.00227. — EDN BBTSMV.

18. Orvell, A. How “you” makes meaning / A. Orvell, E. Kross, S. A. Gelman // *Science*. — 2017. — Vol. 355, № 6331. — P. 1299–1302. — DOI 10.1126/science.aaj2014.

MATERIALS

1. Goncharuk, D. (2024, Jan. 24). Valentina Matvienko nazvala priority vesenney sessii = Valentina Matviyenko named the priorities of the spring session. *Rossiyskaya gazeta*. Available at Nov. 10, 2025 from <https://rg.ru/2024/01/24/vremia-dialoga.html>.

2. Demidov, A. (2025, Oct. 2). Putin vspomnil frazu «protiv loma net priema», govorya o sobytiyakh v mire = Putin recalled the phrase “there is no defense against a crowbar”, speaking about world events. *Gazeta.ru*. Available at Nov. 10, 2025 from https://www.gazeta.ru/politics/news/2025/10/02/26869190.shtml?utm_auth=false.

3. Zhirinovskiy, V.V., leader of the LDPR faction (2021, Dec. 22). Stenogramma plenarnogo zasedaniya Gosudarstvennoy Dumi ot 22.12.21 = Transcript of the plenary session of the State Duma of 22.12.21. Available at Nov. 12, 2025 from http://cir.duma.gov.ru/duma/document/text/?doc_id=394879&QueryID=21&HighlightQuery=21&query_target=news.

4. Zyuganov, G. A. (2023, Aug. 3). Zyuganov, G. A.: «Tol’ko kommunisty popravlyat polozhenie» = Zyuganov, G. A.: “Only the Communists Will Improve the Situation”. *Soviet Russia*.

5. Evgen’eva, A. P. (Ed.) (1999). MAS = Slovar’ russkogo yazyka : v 4 t. = Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes. Vol. 1: A—Y. Moscow: Inst. of ling. researches, Polygraph-resources, 702 p.

6. Rozanova, A. (2025, Aug. 12). V Rossii planiruyut pere-smotret’ podkhody k domashnemu zadaniyu. Chto izmenyat = In Russia, they plan to reconsider their approaches to homework. What will they change. *RBK*. Available at Nov. 12, 2025 from <https://www.rbc.ru/life/news/689afc8a9a79477c9e2bcc0>.

7. Sokolova, M. (2023, June 20). «Ya byl prosto shokirovan...» Zyuganov v Gosdume zhestko raskritikoval ideyu ocherednoy rasprodazhi Rossii = “I was simply shocked...” Zyuganov harshly criticized the idea of another sell-off of Russia in the State Duma. *New Day*. Available at Nov. 12, 2025 from <https://newdaynews.ru/moscow/798677.html>.

8. Leonov, N. S. (2016). Tragicheskiy avgust 1991-go. Besedu vedet V. Bushuev = Tragic August 1991. The conversation is conducted by V. Bushuev. *Free Thought. International social journal*, 4, 87–96.

REFERENCES

1. Arutyunova, N. D. (1998). Diskurs. *Big encyclopedic dictionary “Language”*, 136, 137. Moscow: Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya.

2. Bart, R. (2001). S/Z. Moscow: Editorial URSS, 232 p. ISBN 5-8360-0211-8.

3. Bakhtin, M. M. (1986). *Literaturno-kriticheskie stat’i* = Literary and Critical Articles. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 545 p.

4. Bakhtin, M. M. (1997). *Sobranie sochinenij*. T. 5: Raboty 1940–1960 gg. = Collected composed. Vol. 5. Works of 1940–1960. Moscow: Russkie slovari, Yazyki slavyanskoj kultury, 735 p. ISBN 5-89216-011-4.

5. Devyatova, N. D. (2020). Vvodno-modalnye slova i ikh rol v khudozhestvennom tekste = Introductory modal words and their role in the artistic text. *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Philology. Theory of language. Language education*, 2(38), 46–55. EDN SRAZTN.

6. Dorofeev, D. Yu. (2013). Dialekticheskie dialogi Platona i filosofiya dialoga i bytiya v XX veke = Plato’s Dialectic Dialogues and the Philosophy of Dialogue and Being in the 20th Century. *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*, 3(14), 273–278. EDN RRQQAD.

7. Duskaeva, L. R. (2012). Dialogicheskaya priroda gazetnykh rechevykh zhanrov = The dialogic nature of newspaper speech genres (Ed. M. N. Kozhina). 2nd ed. St. Petersburg. St. Petersburg: Filol. fakultet, 274 p. ISBN 978-5-8465-1242-9. EDN YPCBGY.

8. Karasik, V. I. (2016). Diskursivnye slova kak emblemy lichnosti = Discursive words as personal emblems. *Ecology of language and communicative practice*, 1, 26–34. EDN WELTAX.

9. Katyshev, P. A. (2007). Ortologicheskoe modelirovanie sovremennoj sudebnoj rechi = Orthological modeling of modern court proceedings. *Legal Linguistics*, 8. EDN WKGXVH.

10. Korzo, A. V. (2015). Traktovka i modelirovanie vospriyatiya rechi v sovremennoj psikholingvistike = Interpretation and modeling of speech perception in modern psycholinguistics. *Research on Germanic and Slavic philology. Acta Germano-Slavica: a collection of scientific articles* (Ed. Ya. Ya. Ivanov), 6, 230–236. Magilev.

11. Kristeva, Yu. (2004). Izbrannye trudy: Razrushenie poetiki = Selected Works: The Destruction of Poetics (Transl. from Fr, G. K. Kosikov, B. P. Narumov). Moscow: ROSSPEN, 652 p. ISBN 5-8243-0500-5.

12. Krylova, O. A., Orekhova, D. V. (2014). Dialogichnost v politicheskom i tserkovno-religioznom tipakh diskursa (sopostavitelnyy aspekt) = Dialogue in political and church-religious types of discourse (comparative aspect). *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 12(42), 91–94. Tambov: Gramota. EDN SYEDFP.

13. Austin, J. (1986). Slovo kak dejstvie = The word as an action. *New in foreign linguistics*, 17, 22–29.

14. Austin, J. (1999). Izbrannoe. Kak proizvodit’ deystviya pri pomoshchi slov. Smysl i sensibili = Selected works. How to perform actions using words. Meaning and sensitivities. Moscow: Intellectual Book House, Idea Press, 329 p. ISBN 5-7333-0010-8.

15. Pogostina, P. S. (2020). Diskurs skvoz’ prizmu dialogichnosti (na materiale amerikanskogo vechernego shou) = Discourse through the lens of dialogism (on the basis of American late-night show). *Political Linguistics*, 5(83), 108–120. DOI 10.26170/pl20-05-10. EDN NTAAWU.

16. Stupina, E. S. (2023). Ritoricheskie kody antonimov v politicheskom tekste: biografiya e’poxi (na osnove rabot V. I. Lenina «S chego nachat’?», «Chto delat’?») = Rhetorical codes of antonyms in a political text: a biography of the era (based on the works of V. I. Lenin “Where to start?”, “What to do?”). *Political linguistics*, 4, 103–108. EDN ONLPYA.

17. Oleś, P. K., Brinthaup, T. M., Dier, R., Polak, D. (2020). Types of Inner Dialogues and Functions of Self-Talk: Comparisons and Implications. *Frontiers in Psychology*, 11. DOI 10.3389/fpsyg.2020.00227. EDN BBTSMV.

18. Orvell, A., Kross, E., Gelman, S. A. (2017). How “you” makes meaning. *Science*, 355(6331), 1299–1302. DOI 10.1126/science.aaj2014.

Политическая лингвистика. 2026. № 2 (116).
Political Linguistics. 2026. No 2 (116).

УДК 81'42+81'38+81'27

ББК Ш105.51+Ш105.55+Ш100.621+Ш100.63

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 5.9.5

Анна Лаврентьевна Шаймарданова^{1,2}

¹ Уральский государственный университет путей сообщения, Екатеринбург, Россия, morozovanna@list.ru, SPIN-код: 7352-6939

² Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Идиостилевая специфика поздравительной новогодней речи политиков. Аспектный анализ концепта «мудрость»

АННОТАЦИЯ. В статье сопоставляются новогодние и рождественские обращения лидеров России, США, Великобритании и Удмуртии с целью выявления специфики речевого воплощения. Тема статьи — репрезентация концепта «мудрость» в их поздравительной риторике. Цель работы — выявить национально-культурную специфику идиостиля политиков через анализ способов выражения концепта «мудрость». В качестве методологии применяется компаративный лингвокультурологический анализ с опорой на фреймовый подход и категорию аксиологем. Понятие «мудрость» присутствует в теме имплицитно — через фразы, образы и ценности. Результаты показывают, что у Владимира Путина «мудрость» выражается через коллективную память, историческую ответственность и единство народа, у Дональда Трампа — через верность божественной миссии Америки, у Короля Карла III — через этику «пилигримы надежды», а у Александра Бречалова концепт «мудрость» проявляется через уважение к труду, семье и многонациональному сосуществованию. Выявлены характерные речевые средства: фразеологизмы, аксиологемы, метафорические модели и модальные конструкции. Результаты могут применяться в преподавании межкультурной коммуникации, политической лингвистики и при подготовке дипломатических текстов. В заключение подтверждается: мудрость в политическом дискурсе — не абстракция, а культурно маркированный инструмент легитимации власти, укрепления доверия и идентификации народа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политические тексты, политические деятели, языковая личность, лингвоперсоналогия, языковые средства, политическая риторика, политические речи, Новый год, Рождество, новогодние поздравления, рождественские поздравления, поздравительный дискурс, поздравительные тексты, идиостиль, концептосфера, концепты, мудрость, лингвокультурология, компаративный анализ, поздравительные речи, национально-культурная специфика, национальная картина мира.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Шаймарданова Анна Лаврентьевна, преподаватель русского языка как иностранного, кафедра «Иностранные языки и межкультурные коммуникации», Уральский государственный университет путей сообщения, Екатеринбург, Россия; аспирант, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, email: morozovanna@list.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шаймарданова, А. Л. Идиостилевая специфика поздравительной новогодней речи политиков. Аспектный анализ концепта «мудрость» / А. Л. Шаймарданова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 263-272.

Anna L. Shaymardanova^{1,2}

¹ Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg, Russia, morozovanna@list.ru, SPIN code: 7352-6939

² Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Individual Stylistic Specificity of New Year Speeches of Different Politicians: Aspect Analysis of the Concept of “WISDOM”

ABSTRACT. This article compares the New Year and Christmas addresses of the leaders of Russia, the United States, Great Britain, and Udmurtia to identify specific aspects of their verbal expression. The article focuses on the representation of the concept of “wisdom” in their congratulatory rhetoric. The aim of the study is to reveal the national and cultural specificity of the politicians' individual style via analyzing the ways of expression of the concept of “wisdom”. The research methods employed include a comparative linguocultural analysis based on the frame approach and the category of axiologemes. The concept of “wisdom” is present in the address implicitly – through phrases, images, and values. The results show that the speeches of Vladimir Putin express “wisdom” through collective memory, historical responsibility, and national unity; Donald Trump expresses it through fidelity to America's divine mission; King Charles III expresses it through the ethic of a “pilgrim of hope.” Aleksandr Brechalov's concept of “wisdom” manifests itself through respect for labor, family, and multinational neighborhoods. The study has revealed the typical language means of expression of wisdom: phraseological units, axiologemes, metaphorical models, and modal constructions. The results can be used in the teaching of intercultural communication, political linguistics, and for the preparation of diplomatic texts. The conclusion confirms that wisdom in political discourse is not an abstraction, but a culturally marked tool for legitimizing power, building trust, and identifying the people.

KEYWORDS: political discourse, political texts, politicians, linguistic personality, linguopersonology, language means, political rhetoric, political speeches, New Year, Christmas, New Year speeches, Christmas speeches, congratulatory discourse, congratulatory texts, individual style, conceptosphere, concepts, wisdom, linguoculturology, comparative analysis, congratulatory speeches, national-cultural specificity, national worldview.

AUTHOR'S INFORMATION: *Shaymardanova Anna Lavrent'evna, Teacher of Russian as a Foreign Language of Department of Foreign Languages and Intercultural Communications, Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg, Russia; Post-Graduate Student, Institute of Philology and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Shaymardanova A. L. (2026). Individual Stylistic Specificity of New Year Speeches of Different Politicians: Aspect Analysis of the Concept of "WISDOM". In Political Linguistics. No 2 (116), pp. 263-272. (In Russ.).*

Актуальность работы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в условиях роста поляризации и манипулятивности в глобальном политическом дискурсе особенно важно понимать, как разные культуры конструируют одни и те же базовые ценности, такие как мудрость, справедливость, ответственность. Во-вторых, поздравительная речь как жанр политического дискурса сочетает официальность, эмоциональность и символичность, что делает ее уникальным материалом для изучения скрытых (имплицитных) механизмов влияния. В-третьих, включение в анализ регионального дискурса (удмуртского) позволяет выйти за рамки межгосударственного сравнения и увидеть внутринациональную концептуализацию ключевых ценностей в полиэтнической России.

Для достижения цели применяются методы компаративного и лингвокультурологического анализа, включающие сопоставление семантических структур концепта «мудрость» в четырех национальных политических дискурсах; анализ контекстуального употребления и ассоциативных полей концепта; выявление фразеологических единиц, репрезентирующих концепт «мудрость»; реконструкцию микроконцептов («мудрость-опыт», «мудрость-сила», «мудрость-терпение», «мудрость-гармония» и др.).

ВВЕДЕНИЕ

Современная политическая речь, особенно в жанре официального поздравления, представляет собой сложный синтез идеологии, культуры и индивидуального авторского видения. Для более глубокого анализа и понимания концепта «мудрость» в поздравительных обращениях руководителей государств необходимо обратиться к идиостилю политика — явлению, отражающему не только личностные, но и глубинно культурные установки политического лидера.

Как отмечает А. В. Болотнов, «источником идиостиля является языковая личность, владеющая основными кодами культуры и средствами системной их языковой трансляции и представляющая собой совокупность особенностей и характеристик, обуславливающих создание и воспроизводство текста. Идиостиль основан на принципе взаимообусловленности языка и общества, языка и культуры» [Болотнов 2019: 21–30]. Таким об-

разом, речь политика — это не просто набор высказываний, а проявление целостной языковой личности, формируемой под влиянием историко-культурного контекста.

Действительно, как отмечают Т. Б. Самарская и Т. В. Поздеева, характеристики идиостиля зависят от множества факторов: «вербальных ассоциаций, характера восприятия действительности, мировоззрения и мотивации, присущих личности, а также ее психических и социальных характеристик, культурно-исторических истоков, национальной принадлежности, политических и философских взглядов. Идиостиль — это система содержательных и формальных лингвистических характеристик, присущих произведениям определенного автора, которая делает уникальным воплощенный в этих произведениях авторский способ языкового выражения» [Самарская, Поздеева 2016].

В этом контексте особенно полезен подход Т. А. Демидовой, предлагающей методику описания идиостиля через призму концептуального анализа. По ее мнению, такая методика предполагает: во-первых, определение концепта как значимого для данного культурного этноса и описание его смысловых зон; во-вторых, выделение индивидуально-авторского компонента реализации данного концепта путем выявления «доминантных смыслов» и построения метафорических моделей; в-третьих, анализ зон пересечения концептов в описании авторской концептосферы [Демидова, Гриценко 2019]. При этом Демидова выделяет ключевые образные единицы (ОЕ) — метафору, собственно образное слово, образное сравнение, образное единство, — которые становятся проводниками концептуального содержания в тексте.

Мы считаем, что нельзя понять языковую личность политика, отрывая его от того культурного фундамента, который складывался веками. Как справедливо замечает Л. А. Агрба, «важно рассматривать языковую личность политика в контексте социально, исторически, культурно обусловленных представлений, во взаимосвязи с самосознанием народа, его воспитавшего. Именно этнокультурный фундамент является тем основанием, который определяет не только способ мышления, работы, реагирования, принятия решений, но и стиль общения с народом, выбор

политиком языковых и риторических средств для выражения своей позиции» [Агрба 2020: 114–131]. В этой связи уместна и другая важная ремарка: «Умелый политик оперирует символами, архетипами и ритуалами, созвучными массовому сознанию» [Маслова 2008: 45].

Для структурирования концепта «мудрость» в рамках такого подхода наиболее эффективным оказывается фреймовый анализ — один из ведущих методов когнитивной лингвистики. Исходный термин принадлежит М. Минскому, который трактует фрейм как «структуру данных для представления стереотипной ситуации» [Минский 1979: 72], или, в более широком смысле, как «некоторую структурированную единицу представления знания». В понимании Ч. Филлмора, фрейм — это «когнитивная структура, знание которой ассоциировано с концептами, представленными словами» [Fillmore 1982: 112]. Этот инструмент позволяет выявить конкретные сущностные характеристики концепта и обнаружить специфические особенности его концептуализации в семантике лингвистических моделей [Равочкин 2018].

Таким образом, обращение к идиостилю руководителей государств через призму фразеологического и фреймового анализа концепта «мудрость» открывает возможность не только описать индивидуальные речевые стратегии, но и реконструировать глубинные культурные коды, лежащие в основе политической коммуникации в разных лингвокультурах.

В работе Л. Н. Горяновой¹ сопоставительный анализ концептов, связанных с мудростью, демонстрирует следующую специфику: английский дискурс ориентирован на индивидуальную практическую эффективность здесь и сейчас. Центральным фреймом здесь выступает «практическое действие»: *sound course of action* (здоровый курс действий). В аксиологическом плане мудрость чаще осмысливается как собственность (*property*) или товар (*commodity*). В русской лингвокультуре концепт «мудрость» апеллирует к коллективному опыту, исторической памяти и сакральному источнику знания. Доминирующими фреймами являются «качество человека» и уникальный для данной культуры фрейм «коллективное наследие». В системе аксиологем ключевой является интерпретация мудрости как «Божьего дара», которая вербализуется в

русской культуре значительно активнее, чем в английской.

В удмуртской этнокультуре «мудрость» связывается не с «умом», а с образом жизни, поэтому мудрость концептуализируется не как интеллектуальное качество, а как онтологический способ бытия, реализуемый через практику гармоничного сосуществования с предками, природой и социумом [Владыкина 2021]. Т. Р. Душенкова характеризует данный концепт как жизненную компетенцию, фрейм которой составляют практический ум, сообразительность и ясность сознания, что отражает адаптивный и непафосный характер удмуртской культуры, ориентированной на повседневное благополучие народа [Душенкова 2020]. Таким образом, удмуртская модель «мудрости» представляет собой экзистенциальную стратегию, направленную на сохранение этнической целостности во времени [Атаманов 2011].

Современное психологическое осмысление концепта «мудрость» эволюционировало от редукции к когнитивным или личностным характеристикам к холистическим моделям, интегрирующей интеллект, рефлекссию и аффективную сферу в неразрывной связи с контекстом [Никитина 2021]. Для политической лингвистики это важно, потому что показывает, что мудрость воспринимается по-разному в разных культурах; часто есть разрыв между тем, что человек говорит о мудрости, и тем, как он себя ведет; мудрость — это не статичное качество, а процесс, зависящий от ситуации. Именно поэтому так важно анализировать реальные речевые практики. В политическом дискурсе «мудрость» редко бывает просто идеей — чаще это инструмент легитимации власти и конструирования образа лидера. Поэтому нужно учитывать и универсальные критерии, например, умение видеть разные точки зрения, и национально-культурные особенности, зафиксированные в языковой картине мира. «Политический дискурс отражает всю совокупность взаимоотношений на уровне „человек — общество“, оказывая, таким образом, существенное влияние на формирование картины мира его реципиентов» [Равочкин 2024: 249]. Н. Н. Равочкин пишет о манипулятивности и образом языке как неотъемлемых чертах политического дискурса [Равочкин 2024: 248, 449]. Это помогает нам корректно описать, как имплицитная репрезентация «мудрости» (через фразеологизмы, метафоры, аксиологемы) работает на

¹ Горянова Л. Н. Структуры концептов МУДРОСТЬ и WISDOM и способы объективации их признаков в русской и английской языковых картинах мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. Н. Горянова. — Кемерово, 2012. — 26 с.

уровне скрытого воздействия: лидер не говорит о мудрости напрямую, а создает образ «мудрости» через культурно значимые коды, которые адресат распознает на уровне ассоциаций.

МЕТРИКА АНАЛИЗА поздравительных речей политиков в контексте концепта «мудрость» включает:

1) аксиологический компонент — это апелляция к национальным, религиозным и универсальным нравственным ценностям; использование аксиологем, базовых концептов и «слов-актуализаторов», отражающих мировоззрение, менталитет и семиотическую память культуры; связь с библейскими, историческими или прецедентными текстами (библейзмы, афоризмы, пословицы);

2) прагматический компонент. Это конструирование «мы»-идентичности: единение с народом, этническая и социокультурная самоидентификация; определение баланса между коллективной принадлежностью («мы») и авторитетом лидера («я»); акцент на государственной преемственности, суверенитете и исторической миссии нации;

3) риторико-стилистический компонент: соотношение логической и эмоциональной информации; степень эксплицитности/имплицитности оценок и мнений; выявление образных средств, языка и речи;

4) лексико-фразеологический компонент. Прямые и имплицитные репрезентации концепта через лексику и фразеологию;

5) идиостилевой компонент. Это индивидуальные черты языковой личности: коммуникативно-когнитивные и культурно-речевые особенности; уникальные средства выразительности, характерные для риторики конкретного лидера; модально-оценочная направленность высказываний, модальные глаголы, маркеры и клише.

Поздравительная речь Короля Великобритании Карла III

Together, we celebrated the Jubilee theme, "Pilgrims of Hope". Pilgrimage is a word less used today, but it has particular significance for our modern world... It is about journeying forward, into the future, while also journeying back to remember the past and learn from its lessons... The courage and sacrifice of our servicemen and women... carry a timeless message for us all...

Journeying is a constant theme of the Christmas story... they journeyed with others, and relied on the companionship and kindness of others...

As our world seems to spin ever faster, our journeying may pause, to quieten our minds – in T.S. Eliot's words "At the still point of the

turning world" – and allow our souls to renew...

It seems to me that we need to cherish the values of compassion and reconciliation...

I have heard so many examples... of individuals and communities display[ing] spontaneous bravery...

As I meet people of different faiths, I find it enormously encouraging to hear how much we have in common; a shared longing for peace and a deep respect for all life...

The greatest pilgrimage of all is the journey we celebrate today – the story of The One who "came down to Earth from Heaven"... That prayer for peace and reconciliation – for "doing to others as we would have them do to us" – ... still reverberates... around the world today.

Анализ поздравительной речи короля Великобритании Карла III

1. Аксиологический компонент

Центральной ценностью речи становится надежда — «*pilgrims of hope*» («пилигримы надежды»), — но не как абстрактное чувство, а как практическая добродетель, проявляющаяся в сопротивлении разделению и сохранении общих ценностей: мужестве, жертвенности, уважении к жизни. Особое внимание уделяется памяти о войне не как триумфе, а как напоминанию о цене мира: «*The young people who fought and helped save us from defeat in both world wars were often only 18, 19 or 20 years of age*» («Молодые люди, которые сражались и помогли спасти нас от поражения в обеих мировых войнах, зачастую были всего лишь 18-, 19- или 20-летними»). Это создает этический фундамент: мудрость проявляется в уважении к прошлому, а не в его идеализации. Христианская традиция присутствует, но не доминирует: она вплетена в общий контекст «*the great faiths*» («великие веры»), разделяющих стремление к миру и уважению. Мудрость здесь универсальная этика, а не конфессиональная истина.

2. Прагматический компонент

Король использует инклюзивное «мы», но без политической направленности:

– «*we prayed with Pope Leo*» («мы молились с Папой Римским Львом») — подчеркивает межконфессиональное единство;

– «*as we hear of division...*» («когда мы слышим о расколе...») — выражает общую тревогу, а не обвинение;

– «*the great diversity of our communities*» («великое многообразие наших сообществ») — акцент на локальной, повседневной солидарности.

Личное «я» присутствует, но это «я» скромное: «*it seems to me*» («мне кажется»), «*I have heard*» («я слышал») — это не дек-

ларация власти, а свидетельство наблюдателя и участника. Такой подход укрепляет образ лидера как части сообщества, а не его вершины.

3. Риторико-стилистический компонент

Речь построена путем развертывания метафор путешествия «*pilgrimage*» («паломничество»), которая связывает библейский сюжет, историческую память и современные вызовы. Он использует стиль размышляющий, медитативный, с отсылками к поэзии Т. С. Элиота и священным текстам. Преобладает эмоционально-образное воздействие, но без пафоса. Оценки выражены через примеры, а не директивы: истории ветеранов, гуманитариев, простых людей. Интертекстуальность широка: от библейских сюжетов до современных конфликтов, что создает ощущение непрерывности морального выбора во времени.

4. Лексико-фразеологический компонент

Слово «*wisdom*» не употребляется, но концепт пронизывает весь текст: «*learn from its lessons*» («извлечь из этого уроки») — мудрость как рефлексия над прошлым; «*relied on the companionship and kindness*» («полагались на товарищество и доброту») — мудрость как доверие и взаимопомощь; «*quieten our minds... allow our souls to renew*» («успокоить наши умы... позволить нашим душам обновиться») — «мудрость» как внутреннее спокойствие в хаотичном мире. Аксиологема «*compassion and reconciliation*» («сострадание и примирение»). «Мудрость» здесь не знание, а способ бытия: умение слушать, помнить, сочувствовать, делать паузу. Она выражается через глаголы действия и состояния, а не через абстрактные существительные.

5. Идиостилевой компонент

Речевой портрет Карла III — это гуманист-медиатор: он соединяет эпохи, религии, поколения, избегает противопоставлений «мы/они»; делает акцент на общем человеческом — возрасте павших, инстинктивной храбрости, уважении к жизни. Эмотивные маркеры: сочувствие — «*deeply moved*» («глубоко тронут»), надежда — «*give me hope*» («дает мне надежду»), благодарность — выражается имплицитно. Отсутствуют клише политического триумфа — вместо них тихая уверенность в силе обыденного добра: используются модальные конструкции, демонстрирующие скромность: «*it seems to me*», «*i have heard*».

Таким образом, в рождественском обращении 2025 г. Карл III репрезентирует «мудрость» с точки зрения этических позиций. Это внимание к прошлому, к ближнему, к себе. Это не мудрость власти, а скорее мудрость общины, где каждый — часть еди-

ного целого. Такой дискурс отражает постгеоическую, инклюзивную модель британской идентичности, ориентированную не на величие, а на сохранение человеческого в условиях глобальной неопределенности.

Официальная речь президента США Дональда Трампа

The First Lady and I send our warmest wishes to all Americans as we share in the joy of Christmas Day and celebrate the birth of our Lord and Savior, Jesus Christ...

Guided by a magnificent star, the shepherds traveled a great distance... they knelt before the Light of the World, the source of eternal salvation...

This Christmas, we also give thanks for the many blessings that God has bestowed upon our great Nation. For nearly 250 years, the principles of faith, family, and freedom have remained at the center of our way of life. As President, I will never waver in defending the fundamental values that make America the greatest country in the history of the world—and we will always remain one Nation under God.

Today, especially, we also remember the brave men and women of our Armed Forces... their service and sacrifice protect our freedom...

We pray for an outpouring of God's abiding love, divine mercy, and everlasting peace upon our country and the entire world.

Анализ официальной речи президента США Дональда Трампа

1. Аксиологический компонент

Обращение строится на триаде традиционных американских ценностей: *faith, family, freedom* («вера, семья, свобода»), представленных как неизменные столпы национальной идентичности на протяжении почти 250 лет.

Центральный аксиологический символ — «*Light of the World*» («Свет миру»), заимствованный из Библии. В отличие от инклюзивной интерпретации у британского монарха, здесь свет исключительно христианский, связанный с божественной миссией Америки. Ключевые аксиологемы: «*greatest country in the history of the world*» («величайшая страна в истории мира») — выражение идеи американского исключительства; «*one Nation under God*» («одна нация под Богом») — отсылка к гражданской религии США, утверждающей божественное покровительство над страной. Мудрость здесь понимается как верность божественному замыслу для Америки, а не как универсальная этика или рефлексия.

2. Прагматический компонент

В тексте используется двойная тактика, соотносимая с идентификационной страте-

гией. Это тактика «мы — я» номинаций и идентификаций. Коллективное «мы»: «*we share in the joy*» («мы разделяем радость») создает ощущение единства нации. Авторитарное «я»: «*As President, I will never waver...*» («Как президент, я никогда не проявлю нерешительность...») подчеркивает личную ответственность и решимость лидера. Такая стратегия позволяет Трампу демонстрировать эмоциональную близость с народом и идею сильной власти. Мудрость проявляется не в скромности, а в готовности защищать нацию от угроз реальных или имплицитно обозначенных.

3. Риторико-стилистический компонент

Речь имеет четкую структуру:

- религиозный нарратив (рождение Христа);
- патриотическая декларация (благословение нации, защита ценностей);
- гуманитарный жест (память о военных).

Используется эмоционально насыщенный стиль с преобладанием оценочной лексики: «*great*» («великий»), «*brave*» («храбрый»), «*solemn*» (торжественный), «*eternal*» («вечный»). Интертекстуальность ограничена библейскими цитатами и американскими гражданскими символами. Отсутствуют ссылки на другие культуры или религии — это моноцентрическая риторика, ориентированная на внутреннюю аудиторию.

4. Лексико-фразеологический компонент

Слово «*wisdom*» не употребляется, концепт репрезентирован имплицитно: «*the principles of faith, family, and freedom have remained at the center of our way of life*» («Принципы веры, семьи и свободы оставались в центре нашего образа жизни») — «мудрость» как историческая преемственность; «*I will never waver in defending...*» — мудрость как непоколебимость и решимость; «*service and sacrifice protect our freedom*» («служение и самопожертвование защищают нашу свободу») — мудрость как жертвенность ради порядка и безопасности. Мудрость у Дональда Трампа не интеллектуальное качество, а практическая доблесть: способность сохранять традицию, защищать границы и отстаивать исключительность.

5. Идиостилевой компонент

Гиперболизация: «*greatest country in the history of the world*» — типичный прием для усиления эмоционального воздействия. Личная ответственность: даже в праздничной речи присутствует обещание действия «*I will never waver*». Эмотивные маркеры: гордость, уверенность без сомнения или смирения. Благодарность выражается в следующих фразах: «*we also give thanks for the many blessings that God has bestowed upon*

our great Nation» (выражение благодарности Богу за благословения, полученные нацией), «*We are grateful for their devotion*» (прямая эмоциональная оценка в адрес военнослужащих). Гордость: «*our great Nation*» (оценочная лексика, подчеркивающая величие страны), «*America the greatest country in the history of the world*» (гиперболизированное утверждение, выражающее национальную гордость и исключительность). Это героическая модель мудрости, где лидер — защитник цивилизации, а мудрость проявляется в силе, ясности и верности.

Таким образом, в рождественском обращении Дональда Трампа концепт «мудрость» репрезентирован как непреклонная верность божественно санкционированной миссии Америки, это действие в защиту исключительности Америки, основанное на патриотизме, христианской традиции и культе силы. Такая риторика эффективно работает на консолидацию консервативного электората и укрепление образа лидера как гаранта национальной целостности.

Официальная речь Главы Удмуртской Республики Александра Бречалова

Выль арен, эшъёс!

2025-тӥ арес учкыса, валаськомы, шаеренымы но калыкенымы данъяськыны музъёс трос вал шуыса!

...Асьмеос быгатӥмы Ижысь аэропортэ выль терминал пуктыны, единоборствоосъя дворец жутыны, анай-атайёслы но песьнай-песятайёслы шутэтскон скверъёс усьтыны.

Котькуд вормонзэ — пичизэ-а, бадзымзэ-а — басьтыны луз дэмен кариськыса. Удмуртиын но Россиын пӧртэм калыкъёс уло. Асьмеос ог-огмылзэ вань умойзэ, чеберзэ пушкамы пычатӥськомы. Соослы ми — удмуртъёс, жучъёс, бигеръёс, бесерманъёс, поръёс — куно пумитаны быгатэммес возматны котьку дась.

Азьлань вамышъяны луз, инъетэд жечке. Нош инъет — со ог-огдэ валан, котькуд семьялзэ сямъёссэ гажан. Семья кутске дорысен. Угось быдэс Удмуртия — со семья. Оскисько, вуоно арын вормонъёсмы зышо но тросгес луозы, вань малпанъёсмы улонэ пычалозы!

Удмурт Элькунлэн Тӧроез Александр Бречалов.

Анализ официальной речи Главы Удмуртской Республики Александра Бречалова

1. Аксиологический компонент

Обращение строится на глубоко традиционных ценностях, коренящихся в удмуртской культуре: на труде жителей республики — «лу-

лысь-сюлмысь ужаса» («усердный труд») — как онтологической основе настоящего; на семье — *«семья кутске дорысен»* («семья начинается дома»), — как микрокосме общества и источнике моральной устойчивости; на многонациональном сосуществовании — *«асьеос ог-огмылэсь вань умойзэ, чеберзэ пушкамы пычатиськомы»* («мы перенимаем друг у друга все хорошее и прекрасное») — ценности, практикуемой как образ жизни, на взаимопонимании и гармонии. Особенно значимо, что религиозные или идеологические универсалии заменены локальными этическими нормами. «Мудрость» здесь представлена не в вере или миссии, а в уважении к труду, жителям республики и соседям. Это соответствует традиционной финно-угорской модели мироустройства, где ценность — в гармонии, а не в борьбе.

2. Прагматический компонент

Александр Бречалов подчеркивает этнокультурное многообразие Удмуртии как ее силу: *«элькунамы сю пöртэм калыкъёс тупаса уло»* («сотни разных народов живут в гармонии в нашей стране»), демонстрирует лояльность федеральному центру, но без нивелирования региональной идентичности *«Президентлэн Владимир Путинлэн кичёлтэмезъя... Россиясь калыкъёслэн эшъяськыса»* («По инициативе президента Владимира Путина... Дружба народов России»). Личное «я» почти отсутствует — лидер выступает не как авторитет, а как часть общины, что соответствует коллективистской модели удмуртской культуры. Мудрость представлена в скромности власти, а не в ее демонстрации.

3. Риторико-стилистический компонент

Речь сочетает конкретные детали (строительство терминала, дворца единоборств, скверов); эмоционально-образные формулы: *«азылань вамышъяны луэ»* («пусть будет год надежды»). Интертекстуальность проявляется через упоминание традиций, труда людей, семейных уз. Оценки выражены эксплицитно, без пафоса: акцент сделан на результатах — *«выль продукция даяса вутто»* («разрабатываются новые продукты») — и на дружбе многонациональной республики, что выражается в обращении *«эшъёс!»* («друзья!»).

4. Лексико-фразеологический компонент

Хотя слово «визылыкэс» («мудрость») не употребляется, текст отражает мудрость во фразах: *«инъет — со ог-огдэ валан, котькуд семьялэсь сямъёссэ гажан»* («основа — взаимопонимание, уважение к обычаям каждой семьи»); *«Угось быдэс Удмуртия — со семья»* (Удмуртия — это семья). Мудрость в речи не знание, а способ бытия, умение строить, помнить, беречь, жить вме-

сте. Это практическая, экзистенциальная мудрость, глубоко укорененная в земле и родстве.

5. Идиостилевой компонент

Речевой портрет Бречалова характеризуется мультикультурностью, традиционной объективной модальностью: преобладание *«валаськомы»* («понимаем»), *«оскисько»* («надеюсь») над директивами; акцентом на повседневном: не великие свершения, а проявление заботы (аэропорт, скверы, производство); эмотивным маркером гордости *«данъяське»*.

Отсутствуют клише, встречающиеся в речи политиков федерального уровня — вместо них локальные смыслы, понятные жителю Удмуртии. Это региональный идиостиль, сочетающий современную управленческую риторику с традиционной этикой общины.

Таким образом, в обращении А. А. Бречалова концепт «мудрость» репрезентирован как онтология гармонии: умение ценить семью, жить в согласии с соседями и государством. В отличие от федерального дискурса (мудрость как историческая память и суверенитет) или американского (мудрость как божественная миссия), удмуртская модель, скорее, экзистенциальная, обращенная к повседневному бытию людей.

Официальная речь президента Российской Федерации Владимира Путина

Уважаемые граждане России! Дорогие друзья!

Мы вместе, народ России. Труд, успехи и достижения каждого из нас слагают новые главы её тысячелетней истории...

Мы всегда сами готовы подставить плечо...

Мы едины в искренней, беззаветной, преданной любви к России...

Пусть наши традиции, вера, память соединяют все поколения...

Мы вместе – одна большая семья...

Идти только вперёд ради наших детей и внуков, ради нашей великой России.

Анализ официальной речи президента Российской Федерации Владимира Путина

1. Аксиологический компонент

Обращение строится на триаде ценностей, характерных для современного российского официального дискурса: 1) историческая преемственность — *«главы тысячелетней истории»*; 2) основа независимости — *«суверенитет и безопасность Отечества»*; 3) нравственная миссия — *«ответственность сражаться...за правду и справедливость»*.

Центральные аксиологемы: «*память*», «*тысячелетняя история*» — как связующее звено поколений; «*любовь к России*» — как высшая форма патриотизма; «*герои – участники специальной военной операции*» — как носители моральной истины. «Мудрость» здесь не индивидуальное качество, а коллективная добродетель, проявляющаяся в жертвенности, верности Родине и исторической памяти. Это соборная модель мудрости, уходящая корнями в православно-патриотическую традицию.

2. Прагматический компонент

Текст последовательно использует инклюзивное «мы». Это «мы» совместного действия: «*мы все ощущаем течение времени*»; «*мы вместе, народ России*»; «*мы едины в... любви к России*». Это создает эффект неразрывного единства между лидером, народом и государством. При этом личное «я» присутствует минимально и только в функции гаранта уверенности: «*уверю вас*». Особенно значимо, что «мы» включает не только граждан, но и военнослужащих на передовой, что расширяет границы национального сообщества до военно-патриотического братства.

3. Риторико-стилистический компонент

Речь имеет четкую эмоционально-логическую структуру: философское вступление (время, будущее, взаимопомощь); этическая декларация (единство, труд, история); политико-моральный акцент (поддержка участников СВО); личностно-эмоциональное завершение (пожелания, семья, традиции). Стиль сочетает поэтическую образность — «*сердца открываются для любви...*», прямую эксплицитную оценку — «*за правду и справедливость*».

Интертекстуальность проявляется через традицию: отсылки к празднику как времени милосердия, к традициям и вере — без прямых цитат, но с опорой на культурную память.

4. Лексико-фразеологический компонент

Хотя слово «мудрость» не употребляется, концепт репрезентирован имплицитно через: «*память соединяет все поколения*» — «мудрость» как историческая память; «*ради наших детей и внуков*» — мудрость как ответственность перед будущим; «*подставить плечо*» — мудрость как солидарность и взаимопомощь. Особенно показательна фраза «*труд... каждого из нас слагает новые главы ее тысячелетней истории*». Мудрость заключается в осознании личной роли в историческом процессе. Это деятельностная модель мудрости, где ценен не разум, а вклад в общее дело.

5. Идиостилевой компонент

Идиостилевой компонент речи Владимира Путина в данном тексте характеризуется сдержанной эмоциональностью — «*дорогие друзья*»; моральной определенностью: четкое разделение на «*своих*» (герои, народ) и имплицитных «*чужих*» (угрозы справедливости); акцентом на преемственность: «*пусть наши традиции, вера, память соединяют все поколения*»; эмотивными маркерами: «*верим*», «*любовь*», «*надеемся*» — в рамках коллективного переживания. Модально-оценочные конструкции «*уверю вас*», «*верим в вас и нашу победу*» говорят об уверенности в будущем. Отсутствуют клише западного типа, вместо них традиционные русские праздничные формулы, переосмысленные в политическом ключе. В речи Владимира Путина сочетаются государственность и отеческая интонация. Присутствует лексика коллективной ответственности: «*ради наших детей и внуков*», «*мы вместе, народ России*».

Таким образом, в новогоднем обращении Владимира Путина концепт «мудрость» репрезентирован как коллективная историко-нравственная память, направленная на сохранение суверенитета, единства и преемственности поколений. В отличие от британской модели (эмпатия), американской (исключительность) или удмуртской (гармония), российская модель отражает соборность и жертвенность нации в целом, национальная мудрость заключается в готовности нести ответственность за судьбу Отечества. Такая речь эффективно работает на консолидацию общества в условиях внешних вызовов, транслируя идею, что истинная мудрость не в словах, а в верности Родине и готовности к подвигу.

ВЫВОДЫ

Анализ идиостилевых особенностей поздравительной речи четырех политиков позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, идиостиль каждого лидера отражает глубинные черты его лингвокультуры. У Владимира Путина «мудрость» — это коллективная память и историческая ответственность; у американского президента Дональда Трампа — верность божественной миссии Америки; у британского короля Карла III — тихая внутринациональная этика: умение помнить прошлое, делать паузу в суеде мира и находить надежду в простом человеческом сочувствии; у главы Удмуртии Александра Бречалова — уважение к труду и семейным традициям и гармония с соседями в многонациональном обществе. Сказанное подтверждает тот факт, что идиостиль не просто «манера речи», а проявление

ние языковой личности, сформированной культурой.

Во-вторых, концепт «мудрость» реализуется через уникальные идиостилевые речевые средства: фразеологизмы, аксиологемы и метафорические модели. Король Карл III использует ключевую метафору: «*pilgrims of hope*», фразеологизм «*shine a light*»; аксиологему «*compassion and reconciliation*»; модальные конструкции скромности: «*it seems to me*», «*i have heard*». Речевые средства у Дональда Трампа: триада ценностей: «*faith, family, freedom*»; библеизмы и религиозная метафора: «*Light of the World*», «*one Nation under God*»; аксиологема американской исключительности «*greatest country in the history of the world*»; директивные модальные конструкции: «*i will never waver in defending*». Александр Бречалов использует этнокультурные аксиологемы: ««*лулысь-сюлмысь ужаса*», «*ог-огдэ валан*»; метафору общины «*Угось быдэс Удмуртия — со семья*»; лексику многонационального сосуществования: «*удмуртьёс, зучьёс, бигерьёс, бесерманьёс, порьёс*»; обращение как эмотивный маркер: «*эшъёс!*». В качестве речевых средств, отображающих концепт «мудрость», в своей речи Владимир Путин использует аксиологемы: «*тысячелетняя история*», «*любовь к России*», «*память соединяет все поколения*»; фразеологизм «*подставить плечо*»; метафорические модели: «*труд слагает главы истории*», «*мы — одна большая семья*»; лексику коллективной ответственности: «*ради наших детей и внуков*», «*мы вместе, народ России*»; модально-оценочные конструкции: «*уверю вас*», «*верю в вас и нашу победу*». Это говорит о том, что в политическом дискурсе «мудрость» работает не как абстрактное понятие, а как культурный код, распознаваемый адресатом на уровне ассоциаций.

В-третьих, лексико-фразеологический уровень текста является значимым для его организации, и именно устойчивые выражения становятся носителями национально маркированного смысла.

Таким образом, концепт «мудрость» в поздравительной речи — это инструмент легитимации и идентификации, который позволяет лидеру говорить «на языке своего народа», даже когда предметом речи являются универсальные общечеловеческие ценности.

ИСТОЧНИКИ

- URL: https://www.mylondon.news/news/uk-world-news/words-kings-christmas-broadcast-2025-33117766?int_source=amp_continue_reading&int_medium=amp&int_campaign=continue_reading_button&amp-readmore-target.
- URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/2025/12/presidential-message-on-christmas/>.

3. URL: <https://vk.com/udmdunne>.

4. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/78954>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Агрба, Л. А. Особенности идиостиля политика (на примере анализа языковой личности первого президента Абхазии В. Г. Ардзинбы) / Л. А. Агрба // Политическая лингвистика. — 2020. — № 4(82). — С. 114–131. — DOI 10.26170/pl20-04-14. — EDN JGWROJ.
- Атаманов, М. Г. Этногенез удмуртов: роль лингвистики в решении этногенетических проблем / М. Г. Атаманов // Ежегодник финно-угорских исследований. — 2011. — № 1. — С. 27–61. — EDN NUNZDP.
- Болотнов, А. В. Тип аргументации как отражение идиостиля публичной информационно-медийной языковой личности / А. В. Болотнов // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2019. — № 4 (201). — С. 21–30. — DOI 10.23951/1609-624X-2019-4-21-30. — EDN SZUOYW.
- Демидова, Т. А. Методика комплексного описания идиостиля в аспекте теории образности / Т. А. Демидова, Л. М. Гриценко // Вестник Томского государственного университета. — 2019. — № 442. — С. 14–21. — DOI 10.17223/15617793/442/2. — EDN ZYCYST.
- Демкина, Я. Ю. Концепты-константы политического дискурса / Я. Ю. Демкина // Дискурс. — 2020. — Т. 6, № 1. — С. 121–128. — DOI 10.32603/2412-8562-2020-6-1-121-128. — EDN WSUBNE.
- Душенкова, Т. Р. Ключевые понятия удмуртской языковой картины мира / Т. Р. Душенкова. — Ижевск : Шелест, 2020. — 246 с. — ISBN 978-5-907285-17-0. — EDN NCDWW.
- Маслова, В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? / В. А. Маслова // Политическая лингвистика. — 2008. — № 1(24). — С. 43–47. — EDN JVZAQX.
- Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. — Москва : Энергия, 1979. — 151 с.
- Никитина, Е. А. Современные исследования мудрости: состояние и перспективы / Е. А. Никитина // Психологический журнал. — 2021. — Т. 42, № 2. — С. 15–24. — DOI 10.31857/S020595920014228-6. — EDN SMQKRJ.
- Предметные реалии удмуртской этнокультуры : коллективная монография / Т. Г. Владыкина [и др.] ; под общ. ред. Т. Г. Владыкиной ; Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН. — Ижевск : УдмФИЦ, 2021. — 188 с. — ISBN 978-5-6044266-7-8.
- Равочкин, Н. Н. Особенности политического дискурса / Н. Н. Равочкин // Вестник Костромского государственного университета. — 2018. — Т. 24, № 3. — С. 244–250. — EDN YOIOIH.
- Равочкин, Н. Н. Особенности изучения концептов в современном политическом медиадискурсе / Н. Н. Равочкин // Гуманитарные и социальные науки. — 2024. — Т. 102, № 1. — С. 94–98. — DOI 10.18522/2070-1403-2024-102-1-94-98. — EDN MXNXZW.
- Самарская, Т. Б. Языковые средства создания идиостиля / Т. Б. Самарская, Т. В. Поздеева // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. — 2016. — № 116. — С. 129–138. — EDN VQUXBD.
- Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал ; Ин-т языкознания РАН, Волгогр. гос. пед. ун-т. — Волгоград : Перемена, 2000. — 368 с. — ISBN 5-88234-394-1.
- Fillmore, Ch. Frame semantics / Ch. Fillmore // Linguistics in the Morning Calm. — Seoul : Hanshin Publishing Co., 1982. — P. 111–137.

MATERIALS

- MyLondon.news (n.d). Available from https://www.mylondon.news/news/uk-world-news/words-kings-christmas-broadcast-2025-33117766?int_source=amp_continue_reading&int_medium=amp&int_campaign=continue_reading_button&amp-readmore-target.
- Whitehouse.gov (n.d.). Available from <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/2025/12/presidential-message-on-christmas/>.
- VK (n.d.). Available from <https://vk.com/udmdunne>.

4. Kremlin.ru (n.d.). Available from <http://kremlin.ru/events/president/news/78954>.

REFERENCES

1. Agrba, L. A. (2020). Osobennosti idiosilya politika (na primere analiza yazykovoy lichnosti pervogo prezidenta Abkhazii V. G. Ardzinby) = Characteristics of a Politician's Idiostyle (Based on the Analysis of the Linguistic Personality of the First President of Abkhazia, V. G. Ardzinba). *Political Linguistics*, 4(82). DOI 10.26170/pl20-04-14. EDN JGWROJ.

2. Atamanov, M. G. (2011). Ehtnogenez udmurtov: rol' lingvistiki v reshenii ehtnogeneticheskikh problem = Ethnogenesis of the Udmurts: The Role of Linguistics in Solving Ethnogenetic Problems. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, 1. EDN NUNZDP.

3. Bolotnov, A. V. (2019). Tip argumentatsii kak otrazhenie idiosilya publichnoy informatsionno-mediynoy yazykovoy lichnosti = Type of argumentation as a reflection of the idiostyle of a public information and media linguistic personality. *Bulletin of TSPU*, 4(201). DOI 10.23951/1609-624X-2019-4-21-30. EDN SZUOYW.

4. Demidova, T. A., Gritsenko, L. M. (2019). Metodika kompleksnogo opisaniya idiosilya v aspekte teorii obraznosti = Methodology of a Comprehensive Description of Idiostyle in the Aspect of the Theory of Imagery. *Bulletin of Tomsk State University*, 442. DOI 10.17223/15617793/442/2. EDN ZYCYCT.

5. Demkina, Ya. Yu. (2020). Kontsepty-konstanty politicheskogo diskursa = Concepts-Constants of Political Discourse. *Discourse*, 6(1), 121–128. DOI 10.32603/2412-8562-2020-6-1-121-128. EDN WSUBNE.

6. Dushenkova, T. R. (2020). Klyuchevye ponyatiya udmurtskoy yazykovoy kartiny mira = Key Concepts of the Udmurt Linguistic Picture of the World. Monograph. Izhevsk: Udmurt

State Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Shelest, 246 p. ISBN 978-5-907285-17-0. EDN NCDAAWW.

7. Maslova, V. A. (2008). Politicheskii diskurs: yazykovye igry ili igry v slova? = Political Discourse: Language Games or Word Games? *Political Linguistics*, 24. EDN JVZAQX.

8. Minsky, M. (1979). Freymy dlya predstavleniya znaniy = Frames for representing knowledge. Moscow: Energiya, 151 p.

9. Nikitina, E. A. (2021). Sovremennye issledovaniya mudrosti: sostoyanie i perspektivy = Modern studies of wisdom: state and prospects. *Psychological journal*, 42(2), 15–24. DOI 10.31857/S020595920014228-6. EDN SMQKRJ.

10. Vladykina, T. G. (Ed.) (2021). Predmetnye realii udmurtskoy ehtnokul'tury = Subject realities of the Udmurt ethnoculture. Collective monograph. Izhevsk, 188 p. ISBN 978-5-6044266-7-8.

11. Ravochkin, N. N. (2018). Osobennosti politicheskogo diskursa = Features of Political Discourse. *Vestnik of KSU*, 3. EDN YOIOIH.

12. Ravochkin, N. N. (2024). Osobennosti izucheniya kontseptov v sovremennom politicheskom mediadiskurse = Features of the Study of Concepts in Modern Political Media Discourse. *Humanitarian and Social Sciences*, 1. DOI 10.18522/2070-1403-2024-102-1-94-98. EDN MXNXZW.

13. Samarskaya, T. B., Pozdeeva, T. V. (2016). Yazykovye sredstva sozdaniya idiosilya = Linguistic means of creating an idiostyle. *Scientific journal of KubSAU*, 116. EDN VQUXBD.

14. Sheigal, E. I. (2000). Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of Political Discourse. Volgograd: Peremena, 368 p. ISBN 5-88234-394-1.

15. Fillmore, Ch. (1982). Frame semantics. *Linguistics in the Morning Calm*, 111–137. Seoul: Hanshin Publishing Co.

РАЗДЕЛ 4. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Политическая лингвистика. 2026. № 2 (116).
Political Linguistics. 2026. No 2 (116).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55

ГРНТИ 16.21.29; 16.21.51

Код ВАК 5.9.8

Наталья Денисовна Брусницына

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия,
n.d.titova@urfu.ru

Ценностные установки российских молодежных блогов: интерпретация взаимосвязи концептов «работа» и «жизнь» в цифровую эпоху

АННОТАЦИЯ. Целью исследования является изучение функционирования и взаимодействия семантики слов *работа* и *жизнь* в интернет-дискурсе. Материал для анализа извлечен методом сплошной выборки из корпуса комментариев с ключевой тематикой «работа» к видеороликам, размещенным на платформе «Youtube». С помощью дискурсивного метода и синтагматического анализа средств выражения оценки анализируемого контента выявлены три типа связей между понятиями *работа* и *жизнь* в цифровой среде: отношения контекстуальной антонимии, меронимии и холонимии. Оценочные характеристики единиц исследуемой дихотомии, передаваемые авторами комментариев, напрямую зависят от затекстовых ситуаций: в комментариях, где лексемы *работа* и *жизнь* являются контекстуальными антонимами, «работа» характеризуется пользователями исключительно негативно; напротив, в тех случаях, когда *работа* и *жизнь* находятся в отношениях меронимии, «работа» характеризуется исключительно позитивно; в микротекстах, где *работа* и *жизнь* находятся в отношениях холонимии, пользователи дают разные оценки, преимущественно позитивные. Выводы могут быть использованы для понимания ценностных установок молодежи в цифровой среде и разработки маркетинговых стратегий повышения активности аудитории, ее вовлеченности в социально значимые проекты.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: российская молодежь, интернет-коммуникация, интернет-технологии, интернет-дискурс, интернет-тексты, интернет-ресурсы, языковые средства, система ценностей, ценностные установки, молодежные блоги, концептосфера, концепты, интернет-комментарии, российские блогеры, цифровая среда, *жизнь*, *работа*, контекстные антонимы, меронимия, холонимия.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Брусницына Наталья Денисовна, аспирант, Уральский государственный педагогический университет; ассистент кафедры языков массовых коммуникаций, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, email: n.d.titova@urfu.ru.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда, проект № 25-28-01168 «Ценностные смыслы в персональном нарративе российских молодежных блогеров», <https://rscf.ru/project/25-28-01168/>.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Брусницына, Н. Д. Ценностные установки российских молодежных блогов: интерпретация взаимосвязи концептов «работа» и «жизнь» в цифровую эпоху / Н. Д. Брусницына. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 273-281.

Natal'ya D. Brusnitsyna

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, n.d.titova@urfu.ru

Value Orientations of Russian Youth Blogs: Interpretation of Interrelationship between the Concepts of “Work” and “Life” in the Digital Age

ABSTRACT. The aim of this study is to examine the functioning and interaction of the semantics of the words “work” and “life” in online discourse. The practical material for analysis was collected using the continuous sampling method from a corpus of comments focused on the topic of “work” under videos posted on the YouTube platform. Using the discourse analysis method and the syntagmatic analysis of the means of expression of evaluation, the article singles out three types of relationships between the concepts of “work” and “life” in the digital environment: contextual antonymy, meronymy, and holonymy. Evaluative characteristics of the units within this dichotomy, as expressed by the authors of the comments, directly depend on extratextual situations. In comments where the lexemes “work” and “life” function as contextual antonyms, “work” is characterized by users exclusively negatively. Conversely, in cases where “work” and “life” are in meronymic relationships, “work” is characterized exclusively positively. In microtexts where “work” and “life” are related to each other through holonymy, users provide varying evaluations, predominantly positive ones. The findings can be used to better understand value orientations of young people in the digital environment and to develop marketing strategies aimed at increasing audience activity and its engagement in socially significant projects.

KEYWORDS: *Russian youth, Internet communication, Internet technologies, Internet discourse, Internet texts, Internet resources, language means, system of values, value orientations, youth blogs, conceptsphere, concepts, Internet comments, Russian bloggers, digital environment, life, work, contextual antonyms, meronymy, holonymy.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Brusnitsyna Natal'ya Denisovna, Post-Graduate Student, Ural State Pedagogical University, Assistant Lecturer of Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

ACKNOWLEDGMENTS. The study has been carried out with financial support of the Russian Science Foundation grant, project № 25-28-01168 “Value-based meanings in the personal narratives of young Russian bloggers”, <https://rscf.ru/project/25-28-01168/>.

FOR CITATION: *Brusnitsyna N. D. (2026). Value Orientations of Russian Youth Blogs: Interpretation of Interrelationship between the Concepts of “Work” and “Life” in the Digital Age. In Political Linguistics. No 2 (116), pp. 273-281. (In Russ.).*

С развитием цифровой эпохи внимание науки всё чаще привлекает интернет-дискурс, отражающий актуальное состояние языкового сознания носителей языка [Бубнова 2023; Гридина 2023; Коновалова 2025]. Особый интерес представляет блогерский сегмент интернет-дискурса и комментарии к блогам, которые являются отдельным жанром интернет-дискурса и демонстрируют динамику языкового сознания не только блогеров, но и пользователей интернета. Комментарии также рассматриваются как часть метадискурса — отношений между текстом и его производителем и пользователем [Садовская 2008: 171]. Б. Я. Мисонжников пишет, что «комментарий — одна из наиболее адекватных форм воссоздания метадискурсного пространства с использованием богатого арсенала средств и возможностей» [Мисонжников 2020: 278]. Также комментарии можно отнести к неинституциональному дискурсу, в котором участники взаимодействуют «не как представители социальных институтов, не под влиянием власти, а в безвластных (симметричных) отношениях, как культурно равные личности с высокоразвитым внутренним миром» [Мишучков 2018].

Целью исследования является изучение функционирования и взаимодействия семантики слов *работа* и *жизнь* в комментариях к блогам. В качестве основного в данной работе используется дискурсивный метод, который позволяет «выявить социальный контекст, стоящий за устной или письменной речью, исследовать взаимосвязи между языком и социальными процессами» [Прокошенкова 2006: 452]. Главными особенностями блогерского дискурса являются диалогичность и интертекстуальность: во-первых, блог — это «текст, неизбежно ориентирующийся на предшествующие и будущие тексты, вступающий в „большой диалог“» [Полякова 2010: 42]. Во-вторых, являясь гипертекстом, блог широко использует преобразованные или неизменные цитаты, аллюзии и реминисценции [Там же: 44].

Нами был собран корпус, включающий 534 комментария к видеороликам, посвященным тематике отношения молодого поколения к работе. Количество и содержание самих видеороликов, которые выступали для интернет-пользователей площадкой для обмена комментариями, не принимались во внимание в рамках исследования, так как тематика «труд» (как и любая другая) может возникать в комментариях вне привязки к содержанию блогерского контента. **Объектом** исследования выступают 45 комментариев, содержащих лексемы *работа* и *жизнь* в так называемых «шаблонах использования языка». Данный термин появился в немецком языкознании (Noah Bubenhofer) для квалификации частотно употребляющихся слов, словосочетаний и синтагматических шаблонов в разных видах дискурса и определяется как «повторяющиеся лингвистические явления или выражения, служащие основой для определения вида и типа дискурса» [цит. по Нагога 2024]. В силу различий систем русского и немецкого языков мы будем рассматривать шаблоны на уровнях частотно употребляющихся слов, синтагм и предложений.

Понятийные признаки слов *работа* и *жизнь* не относятся к одному и тому же ряду объективной действительности, однако было выявлено, что для многих пользователей они выступают контекстуальными антонимами, или оппозидами — психологическими антонимами (термин А. А. Залевской). Вопросы контекстной антонимии и оппозитивности исследуются в разных аспектах: представлены варианты разграничения понятий «противопоставление» и «противоположность», отображение в антонимии неязыковых явлений, анализ проблемы однокоренных антонимов [Атабаева 2022: 115–118]; исследования контекстной антонимии в художественных текстах [Османова 2017; Романюк 2023], СМИ [Парышева 2023], рекламных текстах [Русакова 2021; Сложеникина 2018]. См. также сопоставительный анализ общих характеристик лингвокогнитивной категоризации и концептуализации оппози-

тивных концептов ДОБРО, ЗЛО, ПРАВДА, ЛОЖЬ в русской, украинской, британской и американской лингвокультурах и выявление межъязыковых и межкультурных универсалий и этноспецифических различий в языковом представлении внешнего мира носителями данных культур, что объясняется особенностями культурного, исторического, социально-экономического устройства разных стран [Чудинов 2021: 297].

Анализ материала по нашей выборке позволил выявить несколько вариантов представления оппозиции «жизнь — работа»:

1. **Эксплицитное противопоставление** с использованием отрицательных и усилительных частиц (21 комментарий): *я не живу на работе; сколько бы часов жизни работа ни забирала у меня ежедневно, потому что я очень часто перерабатываю, чтобы поскорее накопить свои хотелки, это всё ещё не часть моей жизни. Это вообще не жизнь, это отдельно.*

2. **Контекстуальная антонимия на уровне предложения** (14 комментариев):

– через использование противительной конструкции с союзом *а* и отрицательной частицей *не*: *жить, а не работать* (2); *молodye хотят жить, а не умирать на работе; все хотят ЖИТЬ, а не РАБОТАТЬ; жить ... а не пахать; а жить когда?* — последний комментарий не содержит противопоставления с *а не*, однако имплицитно передает то же значение;

– через использование конструкции с союзом *чтоб* (чтобы): *люди работают, чтоб жить; пахать как раб, только чтоб не сдохнуть с голоду??; 9 часов работы, 9 часов сна и 6 часов, чтобы жить?* — данная синтаксическая структура только по форме имеет семантику цели [Русская грамматика 1980: 714], а по сути здесь содержится импликация «жизнь не для того, чтобы работать» (ср. экспрессемы *пахать, не сдохнуть*, а также риторический вопрос, оформленный двумя вопросительными знаками), что противопоставляет концепты ЖИЗНЬ и РАБОТА; // *А я живу в эти 2 выходных; чтоб во время в состоянии проснуться в 6 на следующий день, нужно в 22:00 лечь... 2 часа на жизнь* — подразумевается, что авторы комментариев живут только в свободное от работы время, остальное время (= время работы) — это не жизнь, что вытесняет концепт РАБОТА из концепта ЖИЗНЬ.

3. **Антонимия на уровне синтагм** (5 комментариев):

– *Отдавать жизнь работе* — данное словосочетание встретилось в 3 комментариях. Можно противопоставить коллокации *посвятить жизнь работе*, где концепт РАБОТА становится центром концепта ЖИЗНЬ, и *отдать жизнь работе*, где появляется семантика лишения: жизнь как бы жертвуется работе;

– *Гробить жизнь на работе* — выражение синонимично выражению *отдавать жизнь работе*, но имеет более грубый оттенок, выраженную экспрессию, более высокую степень жертвенности и включает семантику негативных последствий, поскольку разговорный глагол *гробить* означает «уничтожать, губить»¹;

– *Пожить не получается* — из-за работы не остается времени на жизнь, это ставит слова *жизнь* и *работа* в отношения антонимии.

4. **Семантические отношения меронимии** (части и целого) и **холонимии** (целого и части). Меронимия выступает как основа построения концептов [Иванян 2022; Масальская 2021; Кириллова 2022 и др.].

В 24 проанализированных контекстах лексемы *работа* и *жизнь* имеют тип меронимических отношений «стадия — деятельность». В 10 комментариях *жизнь* является холонимом (стадия), а *работа* партонимом (деятельность), т. е. концепт РАБОТА находится внутри концепта ЖИЗНЬ: *работа это не вся жизнь, а всего лишь ее часть; мне интересно, кем человек работает как раз потому, что это большая часть жизни человека; работа это приличная такая часть жизни; работа — это полноценный аспект твоей жизни; ваша работа тоже является частью вашей жизни; когда работаешь тоже живёшь, смеёшься, общаешься.. это тоже часть жизни; работа и есть часть моей жизни; и тогда работа будет интересной частью жизни; жизнь не состоит из одной работы; личное время я ценю с самого начала рабочей жизни.* В 14 комментариях обратная ситуация: *работа* становится холонимом (стадия), а *жизнь* партонимом (деятельность), т. е. концепт ЖИЗНЬ находится внутри концепта РАБОТА: *живу на работе* (2); *когда ты работаешь — это жизнь* (2); *на работе тоже можно жить*; *я живу работой; в моей жизни есть только работа; вся моя жизнь состояла либо из учебы, либо из работы; жизнь до сих пор состоит из одной работы; если вы помогаете людям своей работой, профессией — вы уже жи-*

¹ Словарь русского языка / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А—Й. С. 348.

вете не зря, а значит жизнь не утекает!; ищу работу. Буду там жить; я и на работе живу; чтобы зарабатывать 50 тыщ, нужно ЖИТЬ НА РАБОТЕ 6/1.

Таким образом, исследование показало, что имена концептов РАБОТА и ЖИЗНЬ в дискурсе комментариев могут находиться в трех разных отношениях: антонимии, целого и части, части и целого. Эти отношения могут быть графически представлены с помощью диаграмм Эйлера, которые позволяют изобразить пересечения между различными понятиями [Кузичев 1968: 249] (см. рис. 1).

Отметим, что все представленные выше контексты содержат оценочные коннотации. Оценка может быть общей и частной. Общая оценка выражает аксиологический итог, частная оценка характеризует ту или иную сторону объекта с определенной точки зрения и содержит дополнительный компонент в своей структуре (отношение к цели, способ мотивации и т. д.) [Арутюнова 1999: 198–200].

Синтагматический анализ контекстов для выявления оценочных значений проводился в данном исследовании с помощью процедуры выведения общей оценки. Е. М. Вольф отмечает, что в большинстве слов и словосочетаний с оценочным значением знак «плюс» или «минус» не детерминирован и может быть выведен только из контекста [Вольф 2002].

В анализируемых нами комментариях, в которых лексемы *работа* и *жизнь* находятся

в антонимических отношениях, *работа* как предмет оценки характеризуется знаком «минус». Были выявлены лексемы, содержащие негативное оценочное значение: *пахать, выгорание, раб, РАБотать* (автор выделяет заглавными буквами корень *раб*, эксплицируя свое отношение к объекту *работа* как к подневольному труду, требующему жертвенности). В сочетаниях *гробить жизнь на работе* и *умирать на работе* слова *гробить* и *умирать* содержат оценочные семы, но лишь из анализа синтагматических партнеров возможно определить, что негативное оценочное отношение субъектов направлено на *работу*. В сочетании *отдавать жизнь работе* нет оценочных слов, однако из общей семантики словосочетания мы выводим оценочный компонент, характеризующий работу как явление, требующее жертвенности, тем самым суждению присваивается знак «минус». В большинстве случаев оценочное отношение субъекта можно определить лишь из контекста целого предложения или даже микротекста:

1. *Все хотят жить, а не работать за еду и коробку* — с помощью модальности желания субъект выражает отношение к работе как средству, не способному обеспечить больше, чем необходимый минимум для выживания (пропитание и место проживания). Более того, используется номинация *коробка* для обозначения дома, что добавляет оценочное значение маленького, некомфортного для проживания пространства.

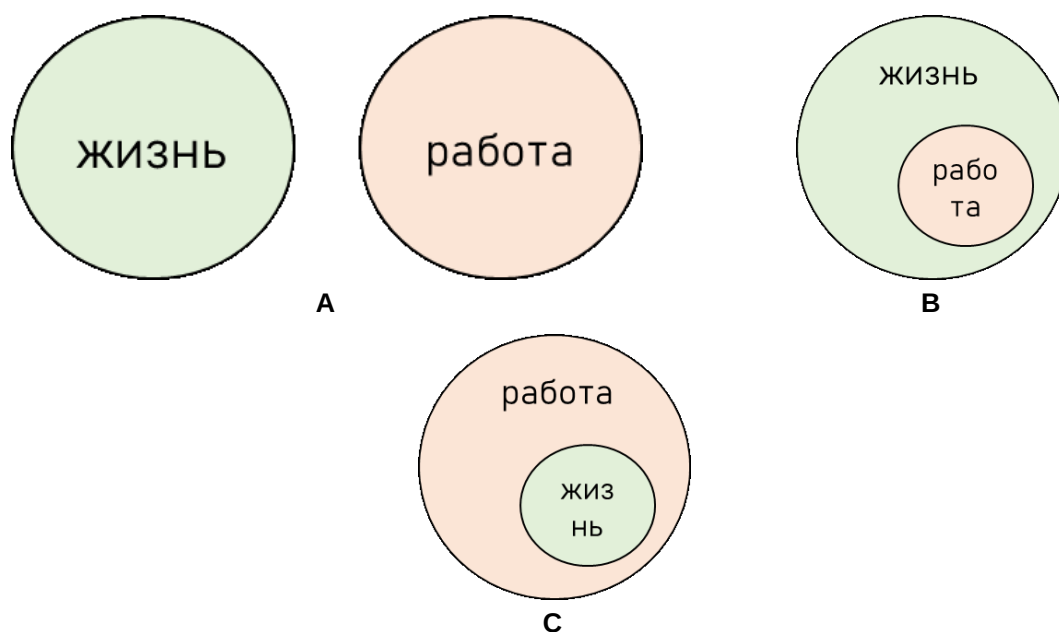

Рис. 1. А — *работа* и *жизнь* в отношениях антонимии; В — *работа* и *жизнь* в отношениях меронимии; С — *работа* и *жизнь* в отношениях холонимии

2. *Да, жизнь не имеет смысла, если задуматься. Пахать как раб, только чтоб не сдохнуть с голоду??? А жить когда? Радоваться жизни — мы забыли, что это такое.* Субъект выражает негативное отношение к объекту оценки «работа» с помощью лексем, содержащих оценочное значение (*пахать, раб, сдохнуть, голод*).

3. *Смысла работать сегодня нет. Работа забирает время, здоровье...* — негативное отношение к работе имплицитно, семантика лишения, утраты считывается в выражении *забирать время, здоровье*.

4. *Мечта стать профессионалом своего дела чтобы меня брали не как рабочую силу, а как незаменимого сотрудника — субъект присваивает позитивную оценку работе, требующей специальных знаний, с помощью оценочных выражения *незаменимый* (= ценный) *сотрудник, профессионал своего дела* и негативную оценку работе, которую может выполнять широкий круг лиц, называя подобный круг *рабочей силой*.* Негативная оценка рабочей силы выводится из противопоставления («мечтаю быть А, а не Б», где А — *профессионал, незаменимый сотрудник*, а Б — *рабочая сила*).

5. *И на данный момент я мечтаю только об одном — сменить сферу деятельности. Не потому, что я не люблю свою работу, а потому, что хочу просто жить. Хочется просто дышать свободно ☺* — в данном комментарии субъект имплицитно присваивает негативную оценку концепту РАБОТА, противопоставляя его с ценностью свободы, а также с помощью эмотикона, передающего эмоцию грусти, огорчения, неудовлетворенности существующим положением.

6. *Я очень рад, что молодежь сегодня именно такая. Сам я милениал, и хорошо, что зумеры научили нас всех выбирать в первую очередь себя и свою жизнь* — для анализа оценочного компонента данного микротекста необходимо учитывать пресуппозицию, т. е. ситуацию, в которой было произведено высказывание. Данный комментарий является ответной репликой на содержание видеоролика, в котором блогер характеризует отношение молодого поколения (зумеров) к работе как несерьезное, безответственное. Так, автор оценки использует так называемую модальность *de dicto*, которая реализуется в формуле «Хорошо, что Р» [Вольф 2002: 13]. В контексте высказывания противопоставляются концепты РАБОТА и ЖИЗНЬ и предпочтение отдается концепту ЖИЗНЬ (в противоположность отрицательно оцениваемой РАБОТЕ).

В проанализированных контекстах, где лексемы *работа* и *жизнь* выступают контек-

стуальными антонимами, не было обнаружено примеров, где объекту «работа» присваивается оценочное значение со знаком «плюс». Таким образом, авторы комментариев либо выражают негативное отношение к работе, либо не дают оценки вообще.

В контекстах, где лексемы *работа* и *жизнь* находятся в отношениях меронимии, были зафиксированы только случаи, где авторы комментариев позитивно оценивали предмет «работа»:

– *Мне интересно, кем человек работает как раз потому, что это большая часть жизни человека. А еще мне нравится узнавать про разные профессии* — положительный оценочный компонент в данном микротексте содержится в лексемах *интересно, нравится*, объектом которых является лицо по роду деятельности (*кем человек работает, профессии*);

– *Когда работаешь тоже живёшь, смеёшься, общаешься...* Это тоже часть жизни. *Очень важная* — в данном микротексте оценочные элементы находятся в начале (перечисление глаголов *жить, смеяться, общаться*, которые сами по себе не содержат оценочного компонента, однако в контексте высказывания приобретают его со знаком «плюс») и конце сверхфразового единства, образуя так называемую «эмоционально-оценочную рамку» [Гак 1998: 647]. Более того, субъект оценки синтаксически отделяет объект оценки (работу) от оценочного отношения (*очень важная*) с целью поставить акцент, придать самой оценке большую значимость («весомость» оценочного предиката как бы дает ему право существовать в отдельном предложении).

В комментариях, в которых *работа* выступает холонимом, а *жизнь* партонимом, авторы реже остаются нейтральны по отношению к предмету, а количество контекстов, содержащих оценку со знаком «плюс», оказалось больше, чем контекстов с оценкой со знаком «минус». Приведем наиболее яркие примеры комментариев, где объект «работа» характеризуется позитивно:

– *На работе тоже можно жить) помню, как моя мама брала меня на работу — они там с коллегами умудрялись и праздники праздновать, и всё время шутики шутили, хоть работа нелегкая была и ответственная, но хорошо помогает понимание, что на работе можно тоже жить жизнь, находить удовольствие в мелочах, завести друзей, выпускать пар вместе с коллегами, если работаешь с неадекватными клиентами. Это всё помогает не чувствовать себя рабом системы* — автор комментария одновременно выражает

негативную оценку (*нелегкая и ответственная работа, неадекватные клиенты, раб системы*) и положительную (*праздники, шутки, удовольствие в мелочах, завести друзей, выпускать пар*), причем преобладание оценок со знаком «плюс» компенсирует недостатки оцениваемого объекта. Также субъект оценки намеренно допускает стилистическую ошибку, заключающуюся в повторе слов (*праздники праздновать, шутки шутили, жить жизнь*) в качестве формы интенсивности с целью увеличения эмотивной силы высказывания [Гак 1998: 646];

– *Я работаю 5 дней в неделю целый год не ради выходных или отпуска, а ради того, чтобы принести пользу людям в этом мире. Для того, чтобы наша жизнь имела смысл и хоть какой-то след. Жизнь утекает, если ты живешь только ради отдыха. Если вы помогаете людям своей работой, профессией — вы уже живете не зря, а значит жизнь не утекает!* — автор выражает позитивное отношение к работе с помощью лексем *смысл, след*, которые приобретают положительное оценочное значение в контексте, а также лексем *польза, помогать, не зря*, которые содержат положительную оценку в своей семантике. Негативная оценка присваивается отдыху (= отсутствию работы) как самоцели;

– *Возник вопрос, что делать со свободным временем. Часто оно уходит на апатию, просмотры шортс. На развитие — почему-то нет. Пирог тоже печь неохота. Ищу работу. Буду там жить* — в данном контексте положительное оценочное значение «работа» получает имплицитно, поскольку противопоставляется свободному времени, оцененному субъектом отрицательно. Словосочетание *просмотры шортс* (= коротких видеороликов в интернете) нейтрально само по себе, однако со словом *апатия*, имеющим негативное оценочное значение, они образуют однородный ряд, приобретая общее негативное оценочное значение;

– *Я и на работе живу, кайфую от работы, делаю людей счастливее;*

– *Вся моя жизнь состояла либо из учебы, либо из работы. И вот, я бросила универ, поступила на другую, никак не связанную с искусством специальность, вышла замуж за очень далекого от искусства айтишника и вся моя жизнь просто начала сыпаться по кускам. Я держалась загруженности в новом универе и на старой работе, преподавала на дому, а два месяца назад ушла, так как приняли решение завести ребенка и после Зего месяца мне стало очень тяжело работать. Моя жизнь реально рас-*

сыпалась. Ничто не сбивало меня с ног так сильно, как отсутствие работы — в данном микротексте субъект не выражает позитивное отношение к работе, однако присваивает негативную оценку ее отсутствию (*сыпаться по кускам, тяжело, рассыпаться, сбивать с ног*), соответственно, можно сделать вывод, что для субъекта оценки объект «работа» будет оцениваться со знаком «плюс».

Приведем для сравнения анализ комментариев, в которых *работа* и *жизнь* также находятся в отношениях целого и части, однако пользователи присваивают негативную оценку подобным отношениям:

– *Сейчас уже хочется не просто жить на работе, а еще и своей жизнью пожить и не от кого не зависеть. Прошло 20 лет, а жизнь до сих пор состоит из одной работы* — автор комментария не дает открытую оценку, однако выражает желание выйти из образа жизни, где жизнь — это часть работы. Более того, он использует лексему *сейчас*, что свидетельствует о ценностной динамике субъекта, так как это желание не было свойственно ему ранее;

– *Чтобы зарабатывать 50 тысяч, нужно ЖИТЬ НА РАБОТЕ 6/1* — субъект выражает негативное отношение к явлению «жить на работе» с помощью метаграфемного оформления текста: прописные буквы в интернет-коммуникации используются с целью «смыслового и интонационного выделения слов и словосочетаний на фоне остального текста» [Миронова 2024: 67] и передают «кричащий» тон. Таким образом, субъект выражает эмоции агрессии, а эмоция, согласно Шаховскому, всегда является формой оценки [Шаховский 2019: 27].

В ряде комментариев объектом оценки становится не «работа», а характеристики работы, а именно «время и усилия, затрачиваемые на нее» или «баланс между работой и отдыхом»:

– *Я почти не отдыхаю. От этого наступает дикое выгорание. Рабочие показатели падают. В результате и пожить не получается, и работа стопорится.* В данном примере объектом оценки выступает не столько работа, сколько баланс между работой и отдыхом, т. е. негативную оценку получает не работа, а время, затрачиваемое на нее. Лексема *выгорание*, используемая в данном комментарии, сама по себе имеет оценочный компонент, однако субъект оценки усиливает его с помощью интенсификатора *дикий* в переносном значении «сильный» (ср.: *дикая боль, дикая жара*), делая выражение более экспрессивным. Таким образом, *дикое выгорание* — переутомле-

ние в крайней степени / доведенное до эскалации;

– *Думаю, важен баланс во всем! Работать постоянно до упаду в стрессе и без времени на отдых — ужасно и вряд ли кому-то сильно полезно. Отдохнувший человек в хороших условиях труда явно будет больше кайфа получать от того, что создает и результат даже принесет больше пользы, эффективности. Все взаимосвязано. И тогда работа будет интересной частью жизни, а не нудной тяжкой каторгой — с помощью оценочных наречий ужасно и (вряд ли) полезно, прилагательных нудный, тяжкий и существительного каторга отрицательный оценочный компонент приобретает «интенсивная и непрерывная работа», в само обозначение которой субъект оценки уже закладывает отрицательную оценку (работать постоянно до упаду в стрессе и без времени на отдых). В то же время субъект выражает позитивное отношение к работе, обеспечивающей необходимые условия (оцениваемые субъектом как хорошие) и не реализующейся в ущерб свободному времени, что передается лексическими средствами с положительным оценочным значением (кайф, польза, эффективность, интересный);*

– *Мне какое-то время казалось, что живу на работе (с 9:30 утра и до бесконечности в среднем до 9 вечера с пн по пт, по выходным постоянно на связи в режиме ожидания и часто прилетают задачи). Сейчас всё то же, но нашла танцы и спорт, которые начинаются в 8 и 9 вечера (в половине случаев успеваю на тренировки); плюс вспоминаю активно свою специальность (работаю сейчас не по ней), занимаюсь удалённо с репетитором по выходным. Вроде бы нагрузка даже увеличилась, но чувствую себя гораздо лучше, чем просто с одной работой и редким отдыхом от неё — автор комментария выражает негативное отношение к образу жизни, в котором работа занимает всё время, и дает сравнительную оценку со знаком «плюс» (лучше) графику, в который, помимо работы, включены и другие аспекты жизни;*

– *В последнее время я начинаю думать о том, что мне совсем это не нравится. Ненормированный график, 1 выходной в неделю и желание уволиться появилось само собой. Ощущение, что я живу работой, отдыхать совершенно не успеваю, когда я была кассиром, у меня такого не было. Отработал до 3-х часов и полдня в запасе, а тут совершенно не так — автор описывает опыт работы с разными условиями труда и дает негативную оценку работе, выполняемой в ущерб отдыху.*

Таким образом, синтагматический анализ комментариев, содержащих оценочные суждения, позволил выявить следующее.

1. В микротекстах, в которых *работа* и *жизнь* выступают контекстуальными антонимами, работа как объект оценки получает исключительно негативную характеристику.

2. В микротекстах, в которых *работа* и *жизнь* находятся в отношениях части и целого, работа получает исключительно позитивную характеристику.

3. В микротекстах, в которых *работа* и *жизнь* находятся в отношениях целого и части, работа получает в основном позитивную оценку, но присутствуют и случаи негативной оценки.

4. В ряде комментариев объектом негативной оценки выступает не сама работа, а ее частные характеристики (трудозатратность, объемы работы).

ИСТОЧНИКИ

1. Словарь русского языка / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. — 4-е изд., стер. — Москва : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. — Т. 1. А—Й.
2. Учебный фразеологический словарь / Е. А. Быстрова, А. П. Окунева, Н. М. Шанский. — Москва : АСТ, 1997. С. 196.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Атабаева, Х. Теоретические проблемы антонимии / Х. Атабаева, Т. К. Бардина // Русский язык в поликультурном пространстве Прикаспия: проблемы изучения и преподавания : сборник материалов Всерос. науч.-практ. конф. (Астрахань, 28 апр. 2022 г.) / под ред. Е. Н. Бадаловой [и др.]. — Астрахань : Астраханский государственный университет, 2022. — С. 115–118. — EDN ZYCUMH.
2. Бубнова, И. А. Нажми на кнопку: от homo sapiens к dis-button homo / И. А. Бубнова // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. — 2023. — № 21. — С. 5–16. — EDN NRPIGX.
3. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. — 2-е изд., доп. Москва : УРСС, 2002. — 261 с. — ISBN 5-354-00047-5.
4. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. — 768 с. — ISBN 9785785900639.
5. Гридина, Т. А. Динамика языкового сознания в свете лексикографических данных и эргонимий / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова // Филологический класс. — 2023. — Т. 28, № 4. — С. 323–336. — DOI 10.26170/2071-2405-2023-28-4-323-336. — EDN IMMHE.
6. Иванян, Е. П. Характеристика традиций обозначения русской провинции проприальными единицами / Е. П. Иванян // Русистика без границ. — 2022. — Т. 6, № 2. — С. 44–55. — EDN KDSKFG.
7. Кириллова, В. Н. Сравнительный анализ понятий «компетентность» и «компетенция» в контексте тезаурусного подхода / В. Н. Кириллова // Студенческий электронный журнал СтРИЖ. — 2022. — № 5 (46). — С. 32–36. — EDN FESAEG.
8. Кузичев, А. С. Диаграммы Венна. История и применение / А. С. Кузичев. — Москва : Наука, 1968. 252 с.
9. Коновалова, Н. И. Префиксоиды как средство выражения оценочности / Н. И. Коновалова // Verba. Северо-Западный лингвистический журнал. — 2025. — № 2 (16). — С. 46–57. — DOI 10.34680/VERBA-2025-2(16)-46-57. — EDN TCNNZY.
10. Масальская, М. А. Результаты эксперимента по проверке специфики отражения в языковом сознании испытуемых студентов фрейма «совершение покупки» / М. А. Масальская //

XV Машеровские чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых / гл. ред. Е. Я. Аршанский. — Витебск : Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2021. — Т. 1. — С. 206–208. — EDN LKWRUN.

11. Миронова, Н. И. Использование метаграфемных средств для выражения эмоций в интернет-комментариях / Н. И. Миронова // Вопросы психолингвистики. — 2024. — № 2(60). — С. 64–76. — DOI 10.30982/2077-5911-2024-60-2-64-76. — EDN ZHSHDO.

12. Мисонжников, Б. Я. Комментарий в структуре медиа-публикации как субъект формирования метадискурса / Б. Я. Мисонжников // Мир лингвистики и коммуникации : электронный научный журнал. — 2020. — № 62. — С. 267–282. — EDN SXQNXV.

13. Мишучков, А. А. Категория понимания в типологии дискурсов Ю. Хабермаса / А. А. Мишучков // Credo New. — 2018. — № 2 (94). — С. 3. — EDN XOHGMX.

14. Нагога, О. В. Лингвистика дискурса и методы дискурсивного анализа / О. В. Нагога // Международный научно-исследовательский журнал. — 2024. — № 12(150). — DOI 10.60797/IRJ.2024.150.41. — EDN JMSWPR.

15. Османова, Т. А. Антонимы как средство выразительности в художественных текстах (на примере произведений М. Ю. Лермонтова и И. А. Крылова) / Т. А. Османова // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. — 2017. — Т. 32. № 3. — С. 61–68. — DOI 10.21779/2542-0313-2017-32-3-61-68. — EDN YNZGPR.

16. Парышева, Е. В. Рынок и базар в публицистическом дискурсе: от системной синонимии к контекстной антонимии / Е. В. Парышева // Политическая лингвистика. — 2023. — № 5 (101). — С. 161–169. — EDN VIBDKR.

17. Полякова, С. В. Особенности блоггового дискурса / С. В. Полякова // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. — 2010. — № 2. — С. 41–45. — EDN LDEOYD.

18. Прокошенкова, Л. П. Дискурсивный анализ и его роль в современной лингвистике / Л. П. Прокошенкова, И. Б. Гецкина // Вестник Чувашского университета. — 2006. — № 4. — С. 451–456. — EDN JXQPPV.

19. Романюк, Л. С. Антонимы в творчестве Виктора Цоя / Л. С. Романюк // Incipio. — 2023. — № 18. — С. 41–46. — EDN IEEOFR.

20. Русакова, М. М. Строительная терминология в рекламном дискурсе: лингвопрагматический аспект / М. М. Русакова, П. Л. Горелик, Н. В. Маврина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2021. — Т. 14. № 7. — С. 2279–2283. — DOI 10.30853/phil210316. — EDN GOMMEJ.

21. Русская грамматика / гл. ред. Н. Ю. Шведова. — Москва : Наука, 1980. — Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. — 714 с.

22. Садовская, Е. В. Интердискурс. Интертекстуальность. Метадискурс. К проблеме формирования высказываний «другого» в дискурсе / Е. В. Садовская // Вестник Самарского государственного университета. — 2008. — № 1(60). — С. 167–175. — EDN IUKEST.

23. Сложеникина, Ю. В. Слово «пиар» в лингвокультурологической оценке: лексический фон иронии / Ю. В. Сложеникина, А. В. Растягаев, Т. В. Леванова // Культура и текст. — 2018. — № 2(33). — С. 194–215. — EDN XYPZEL.

24. Чудинов, А. П. ДОБРО, ЗЛО, ПРАВДА, ЛОЖЬ в русской, украинской, британской и американской лингвокультурах: опыт психолингвистического эксперимента / А. П. Чудинов, Н. А. Сергиенко, В. М. Глушак // Сибирский филологический журнал. — 2021. — № 2. — С. 297–311. — DOI 10.17223/18137083/75/21. — EDN OHLLMI.

25. Шаховский, В. И. Обоснование лингвистической теории эмоций / В. И. Шаховский // Вопросы психолингвистики. — 2019. — № 1(39). — С. 22–37. — DOI 10.30982/2077-5911-2019-39-1-22-37. — EDN SKQDYO.

MATERIALS

1. Russian Academy of Science, Institute of Linguistics Researches (1999). Slovar' russkogo yazyka = Dictionary of the Russian Language. 4th ed., ster. Moscow: Rus. language: Polygraph Resources. Vol. 1. A—Ya.

2. Bystrova, E. A., Okuneva, A. P., Shanskiy, N. M. (1997). Uchebnyy frazeologicheskiy slovar' = Educational phraseological dictionary. Moscow: AST, 196 p.

REFERENCES

1. Atabaeva, Kh., Bardina, T. K. (2022). Teoreticheskie problemy antonimii = Theoretical Problems of Antonymy. *Russian Language in the Multicultural Space of the Caspian Region. Problems of Studying and Teaching: Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conf.* (Ed. E. N. Badalova), 115–118. Astrakhan': Astrakhan State University. EDN ZYCUMH.

2. Bubnova, I. A. (2023). Nazhmi na knopku: ot homo sapiens k dis-button homo = Press the Button: From Homo Sapiens to Dis-Button Homo. *Psycholinguistic Aspects of the Study of Speech Activity*, 5–16. EDN NRPIGX.

3. Vol'f, E. M. (2002). Funktsional'naya semantika otsenki = Functional Semantics of Evaluation. 2nd ed., suppl. Moscow: URSS, 261 p. ISBN 5-354-00047-5.

4. Gak, V. G. (1998). Yazykovye preobrazovaniya = Language Transformations. Moscow: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 768 p. ISBN 9785785900639.

5. Gridina, T. A., Konovalova, N. I. (2023). Dinamika yazykovogo soznaniya v svete leksikograficheskikh dannykh i ehrgonomatsiy = Dynamics of Linguistic Consciousness in Light of Lexicographic Data and Ergonomations. *Philological Class*, 28(4), 323–336. DOI 10.26170/2071-2405-2023-28-4-323-336. EDN IMMHEB.

6. Ivanyan, E. P. (2022). Kharakteristika traditsiy oboznacheniya russkoy provintsii proprial'nymi edinitsami = Characteristics of the Traditions of Designating Russian Provinces with Proprietary Units. *Russian Studies Without Borders*, 6(2), 44–55. EDN KDSKFG.

7. Kirillova, V. N. (2022). Sravnitel'nyy analiz ponyatiy «kompetentnost'» i «kompetentsiya» v kontekste tezaurusnogo podkhoda = Comparative Analysis of the Concepts of “Competence” and “Competence” in the Context of the Thesaurus Approach. *Student Electronic Journal “StrIZh”*, 5(46), 32–36. EDN FESAEG.

8. Kuzichev, A. S. (1968). Diagrammy Venna. Istoriya i primeneniya = Venn Diagrams. History and Applications. Moscow: Nauka, 252 p.

9. Konovalova, N. I. (2025). Prefiksoidy kak sredstvo vyrazheniya otsenchnosti = Prefixoids as a Means of Expressing Evaluation. *Verba. North-West Linguistic Journal*, 2(16), 46–57. DOI 10.34680/VERBA-2025-2(16)-46-57. EDN TCNNZY.

10. Masal'skaya, M. A. (2021). Rezul'taty ehksperimenta po proverke spetsifiki otrazheniya v yazykovom soznanii ispytue-mykh studentov freyma «sovershenie pokupki» = Results of an Experiment to Test the Specificity of Reflection of the “Making a Purchase” Frame in the Linguistic Consciousness of Student Subjects. *XV Masherov Readings. Proc. of the International Scientific and Practical Conf. of Students, Postgraduates, and Young Scientists* (ed.-in-chief E. Ya. Arshanskiy). Vol. 1, 206–208. Vitebsk: Vitebsk State University named after P. M. Masherov. EDN LKWRUN.

11. Mironova, N. I. (2024). Ispol'zovanie metagrafemnykh sredstv dlya vyrazheniya ehmotsey v internet-kommentariyakh = Using Metagraphemic Means to Express Emotions in Online Comments. *Issues of Psycholinguistics*, 2(60), 64–76. DOI 10.30982/2077-5911-2024-60-2-64-76. EDN ZHSHDO.

12. Misonzhnikov, B. Ya. (2020). Kommentariy v strukture media-publikatsii kak sub'ekt formirovaniya metadiskursa = Commentary in the Structure of Media Publication as a Subject of Metadiscourse Formation. *The World of Linguistics and Communication: Electronic Scientific Journal*, 62, 267–282. EDN SXQNXV.

13. Mishuchkov, A. A. (2018). Kategoriya ponimaniya v tipologii diskursov Yu. Khabermasa = The Category of Understanding in J. Habermas's Typology of Discourses. *Credo New*, 2(94), 3. EDN XOHGMX.

14. Nagoga, O. V. (2024). Lingvistika diskursa i metody diskursivnogo analiza = Discourse Linguistics and Methods of Discourse Analysis. *International Research Journal*, 12(150). DOI 10.60797/IRJ.2024.150.41. EDN JMSWPR.

15. Osmanova, T. A. (2017). Antonimy kak sredstvo vyrazitel'nosti v khudozhestvennykh tekstakh (na primere proizve-

deniy M. Yu. Lermontova i I. A. Krylova) = Antonyms as a Means of Expression in Literary Texts (Based on the Works of M. Yu. Lermontov and I. A. Krylov). *Bulletin of the Dagestan State University. Series 2: Humanities*, 32(3), 61–68. DOI 10.21779/2542-0313-2017-32-3-61-68. EDN YNZGPR.

16. Parysheva, E. V. (2023). *Rynok i bazar* v publitsisticheskom diskurse: ot sistemnoy sinonimii k kontekstnoy antonimii = *Rynok and bazar* in journalistic discourse: from systemic synonymy to contextual antonymy. *Political Linguistics*, 5(101), 161–169. EDN VIBDKR.

17. Polyakova, S. V. (2010). Osobennosti blogovogo diskursa = Features of blog discourse. *Bulletin of the Immanuel Kant State University of Russia*, 2, 41–45. EDN LDEOYD.

18. Prokoshenkova, L. P., Getskina, I. B. (2006). Diskursivnyy analiz i ego rol' v sovremennoy lingvistike = Discourse Analysis and Its Role in Modern Linguistics. *Bulletin of the Chuvash University*, 4, 451–456. EDN JXQPPV.

19. Romanyuk, L. S. (2023). Antonimy v tvorchestve Viktora Tsoya = Antonyms in the Works of Viktor Tsoi. *Incipio*, 18, 41–46. EDN IEEOFR.

20. Rusakova, M. M., Gorelik, P. L., Mavrina, N. V. (2021). Stroitel'naya terminologiya v reklamnom diskurse: lingvopragmaticheskiy aspekt = Construction Terminology in Advertising Discourse: The Lingvopragmatic Aspect. *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*, 14(7), 2279–2283. DOI 10.30853/phil210316. EDN GOMMEJ.

21. Shvedova, N. Yu. (Ed.) (1980). *Russkaya grammatika* = Russian Grammar. Vol. 1. Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word Formation. Morphology. Moscow: Nauka, 714 p.

22. Sadovskaya, E. V. (2008). Interdiskurs. Intertekstual'nost'. Metadiskurs. K probleme formirovaniya vyskazyvaniy «drugogo» v diskurse = Interdiscourse. Intertextuality. Metadiscourse. On the Problem of Forming Statements of the “Other” in Discourse. *Bulletin of Samara State University*, 1(60), 167–175. EDN IUKEST.

23. Slozhenikina, Yu. V., Rastyagaev, A. V., Levanova, T. V. (2018). Slovo «piar» v lingvokul'turologicheskoy otsenke: leksicheskiy fon ironii = The Word “PR” in Linguistic and Cultural Assessment: The Lexical Background of Irony. *Culture and Text*, 2(33), 194–215. EDN XYPZEL.

24. Chudinov, A. P., Sergienko, N. A., Glushak, V. M. (2021). DOBRO, ZLO, PRAVDA, LOZH' v russkoy, ukrainskoy, britanskoy i amerikanskoy lingvokul'turakh: opyt psikholingvisticheskogo ehksperimenta = GOOD, EVIL, TRUTH, LIES in Russian, Ukrainian, British and American Linguistic Cultures: An Experience of Psycholinguistic experiment. *Siberian Philological Journal*, 2, 297–311. DOI 10.17223/18137083/75/21. EDN OHLLMI.

25. Shakhovskiy, V. I. (2019). Obosnovanie lingvisticheskoy teorii ehmtsiiy = Justification of the linguistic theory of emotions. *Issues of Psycholinguistics*, 1(39), 22–37. DOI 10.30982/2077-5911-2019-39-1-22-37. EDN SKQDYO.

Политическая лингвистика. 2026. № 2 (116).
Political Linguistics. 2026. No 2 (116).

УДК 811.161.1'42+81'27
ББК ШП43.21-51+ШП00.621

ГРНТИ 16.21.07, 16.31.61

Код ВАК 5.9.8

Иван Дмитриевич Мамаев^{1✉}, Александра Вадимовна Лаптева^{2✉}

^{1,2} Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова, Санкт-Петербург, Россия

¹ mamaev_id@voenmeh.ru ✉, SPIN-код: 2878-0332, <https://orcid.org/0000-0003-3362-9131>

² lapteva_av@voenmeh.ru ✉, SPIN-код: 2118-5524, <https://orcid.org/0009-0009-8627-2915>

Лингвистическая онтология аксиологием Российской Федерации

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена разработке лингвистической онтологии аксиологического содержания на основе анализа Указа Президента Российской Федерации № 809 от 09.11.2022 г., в котором отражена государственная политика в области традиционных духовно-нравственных ценностей. Обосновывается актуальность формализованных моделей ценностных систем в эпоху цифровизации гуманитарного знания и масштабного внедрения систем искусственного интеллекта в социально-научные сферы. Теоретическая база формируется на синтезе лингвоаксиологии и современных подходов к лингвистическим онтологиям. Описываются этапы построения лингвистической онтологии с использованием формализма OWL (Web Ontology Language) и внедрением интерактивной визуализации. Ресурс обеспечивает структурированное представление связей между ценностями, угрозами, субъектами и инструментами реализации государственной политики. В обсуждении отмечены ограничения онтологической модели, которые связаны с абстрактностью аксиологических категорий и трудностями масштабирования на междокументном уровне. Практическая значимость работы заключается в том, что ресурс может использоваться в качестве инструмента для мониторинга соответствия нормативных актов государственным ценностям и в образовательной деятельности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политические тексты, государственная политика, лингвоаксиология, лингвистическая онтология, нормативно-правовой дискурс, лингвистическое моделирование, нормативно-правовые акты, система ценностей, духовно-нравственные ценности, русский язык, аксиологема.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Мамаев Иван Дмитриевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры Б5 «Теоретическая и прикладная лингвистика», Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова, Санкт-Петербург, Россия, email: mamaev_id@voenmeh.ru.

Лаптева Александра Вадимовна, старший преподаватель кафедры Б5 «Теоретическая и прикладная лингвистика», Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова, Санкт-Петербург, Россия, email: lapteva_av@voenmeh.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мамаев, И. Д. Лингвистическая онтология аксиологием Российской Федерации / И. Д. Мамаев, А. В. Лаптева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 282-291.

Ivan D. Mamaev^{1✉}, Aleksandra V. Lapteva^{2✉}

^{1,2} Baltic State Technical University "Voenmeh" named after D.F. Ustinov, Saint Petersburg, Russia

¹ mamaev_id@voenmeh.ru ✉, SPIN code: 2878-0332, <https://orcid.org/0000-0003-3362-9131>

² lapteva_av@voenmeh.ru ✉, SPIN code: 2118-5524, <https://orcid.org/0009-0009-8627-2915>

Linguistic Ontology of Axiologemes of the Russian Federation

ABSTRACT. This article presents an attempt to work out a linguistic ontology of axiological content based on an analysis of Presidential Decree No. 809 of November 9, 2022, of the Russian Federation, which outlines state policy in the sphere of traditional spiritual and moral values. The study substantiates the relevance of formalized models of value systems in the context of digitalization of the humanitarian knowledge and the large-scale implementation of artificial intelligence systems in socio-scientific domains. The theoretical framework is built upon a synthesis of linguistic axiology and contemporary approaches to linguistic ontologies. The article describes the stages of constructing linguistic ontology utilizing the OWL formalism and incorporating interactive visualization. The resource provides a structured representation of the relationships between values, threats, subjects, and instruments of state policy implementation. The discussion highlights limitations of the ontological model, which are associated with the abstract nature of axiological categories and the difficulties of scaling to an inter-document level. The practical significance of the work lies in the fact that the resource can be used as a tool for monitoring the compliance of regulatory documents with state values and for educational purposes.

KEYWORDS: political discourse, political texts, state policy, linguoaxiology, linguistic ontology, regulatory legal discourse, linguistic modeling, regulatory legal acts, system of values, moral and spiritual values, Russian language, axiologeme.

AUTHOR'S INFORMATION: Mamaev Ivan Dmitrievich, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Theoretical and Applied Linguistics, Baltic State Technical University "Voenmeh" named after D.F. Ustinov, Saint Petersburg, Russia.

Lapteva Aleksandra Vadimovna, Senior Lecturer of Department of Theoretical and Applied Linguistics, Baltic State Technical University "Voenmeh" named after D.F. Ustinov, Saint Petersburg, Russia.

FOR CITATION: Mamaev I. D., Lapteva A. V. (2026). Linguistic Ontology of Axiologemes of the Russian Federation. In *Political Linguistics*. No 2 (116), pp. 282-291. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Цифровизация гуманитарного знания приводит к переосмыслению способов представления социокультурных феноменов, в том числе ценностей. Если ранее аксиологические категории преимущественно рассматривались в рамках философского или социологического анализа (см., например, труды: [Выжлецов 2017; Минкина 2016]), то в настоящее время все большую роль начинают играть формализованные модели ценностных систем. Подобный поворот обусловлен в первую очередь запросами современной науки и государства в целом: Президент Российской Федерации В. В. Путин на конференции «AI Journey 2025» заявил, что системы искусственного интеллекта (СИИ) будут повсеместно использоваться в трудовых и научных дисциплинах, «а значит, способны влиять на ценности, мировоззрение людей, формировать смысловое пространство целых государств, да и человечества в целом, в конце концов»¹. В этой связи особое место занимает лингвистическое моделирование, которое теоретически затрагивалось еще в середине XX в. в отечественной структурной лингвистике при ее становлении [Апресян 1966], а практически реализуется с помощью СИИ. Моделирование ценностей позволяет связать философское понимание аксиологием с их языковой репрезентацией. Нормативно-правовые тексты, которые фиксируют государственные приоритеты и мировоззренческие установки, выступают в качестве репрезентативного эмпирического материала для подобного рода исследований.

Цель настоящей статьи — создание одного из первых в отечественной лингвистике ресурса, который позволит в режиме реального времени выявить структуру связей между ценностями, угрозами, субъектами и инструментами реализации государственной политики.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Современные подходы к моделированию ценностей в гуманитарных науках все чаще опираются на онтологический аппарат, что отражает общий тренд на формализацию смысловых систем. В этой связи особое зна-

чение приобретает онтологическая аксиология — направление, рассматривающее ценности не как субъективные оценки или социальные конструкты, а как онтологически значимые сущности, которые укоренены в структуре бытия. Как показывает Г. П. Выжлецов, становление онтологической аксиологии берет начало в трудах Ф. Ницше, М. Шелера, Н. Гартмана, Г. Риккерта и Н. О. Лосского. Центральной для этого направления является идея о том, что источником ценностей выступает бытие в целом, охватывающее его объективный, субъективный и трансцендентный уровни [Выжлецов 2017].

Важным дополнением к онтологической аксиологии служит аксиологическая герменевтика, представленная в философской традиции. Б. Н. Соваков подчеркивает, что ценность феноменологически проявляется как смысл, а ее адекватное уяснение возможно лишь в акте «субстанциального понимания» [Соваков 2012: 181]. Тем самым устанавливается прямая связь между аксиологией и герменевтикой: ценность «существует» только тогда, когда она понята в ее глубинной сущности, а не сведена к поверхностной («акцидентальной») интерпретации.

Если философская онтологическая аксиология обосновывает сущность ценностей, а герменевтика — условия их понимания, то лингвоаксиология предоставляет инструментарий для их эмпирического выявления и описания. Как отмечают Л. В. Коцюбинская и О. А. Кузина, аксиология в лингвистике формируется как самостоятельное направление, предметом которого выступают аксиологемы — языковые единицы, несущие эксплицитную или имплицитную ценностную нагрузку [Коцюбинская, Кузина 2015]. Эти единицы реализуются на всех уровнях языка — от морфемы до дискурса — и отражают ту часть языковой картины мира, которая связана с системой ценностных ориентаций носителей языка.

Б. Н. Соваков, опираясь на идеи Д. А. Леонтьева, выделяет три формы существования ценностей:

- общественные (нормативные) идеалы,
- предметно воплощенные ценности (в культуре, практиках, институтах),
- личностные ценности, возникающие в субъекте в результате понимания и усвоения.

¹ Конференция «Путешествие в мир искусственного интеллекта» // Президент России. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/78498> (дата обращения: 06.12.2025).

Эти три формы позволяют рассматривать аксиологемы не как абстрактные декларации, а как динамические смысловые образования, требующие как институциональной реализации, так и личностного принятия. Именно такой подход лежит в основе нашего онтологического моделирования.

Дальнейшее развитие и конкретизация аксиологической проблематики находят отражение в лингвоаксиологии — междисциплинарном направлении на стыке лингвистики, философии и культурологии. Как отмечают Л. В. Коцюбинская и О. А. Кузина, язык выступает не просто инструментом коммуникации, но средством формирования и выражения ценностей, фиксируя аксиосферу как языковой картины мира в целом, так и отдельных социальных групп [Коцюбинская, Кузина 2015]. В рамках лингвоаксиологии ценность может выражаться как эксплицитно (через прямые оценочные высказывания), так и имплицитно — на всех уровнях языка: лексическом, морфологическом, синтаксическом и дискурсивном.

Особое значение для понимания функционирования аксиологем в дискурсе имеет работа Е. Ф. Серебренниковой, которая рассматривает аксиосферу как «сквозное измерение концептосферы», структурирующее опыт человека в ситуации выбора наиболее значимого [Серебренникова 2015: 129–130]. В этом контексте аксиологема определяется не просто как лексическая единица с оценочной нагрузкой, а как знак, обеспечивающий доступ к ментальному лексикону ценностного, за которым стоят концептуальные структуры, возведенные до статуса идеала, нормы или принципа.

Исследование Ю. С. Горбуновой, посвященное лексическим средствам номинации моральных черт характера в русском языке, показывает, что эти единицы организованы в семантическое микрополе «Нравственная сущность человека», включающее оппозиции «честность — лживость», «порядочность — непорядочность», «принципиальность — беспринципность», «справедливость — несправедливость» и др. [Горбунова 2022]. Примечательно, что значительную роль в этом микрополе играют существительные, обозначающие человека — носителя моральных качеств (например: лжец, ханжа, мошенник, подхалим). Эти лексемы, как правило, имеют резко отрицательную коннотацию, что свидетельствует о высокой чувствительности русского языкового сознания к нарушениям моральных норм. Таким образом, язык не только кодифицирует позитивные ценности, но и активно маркирует антиценности, формируя тем самым механизм

социального контроля и этической самоидентификации. Эта особенность особенно релевантна при анализе официальных документов, где декларации ценностей часто сопровождаются инвентаризацией «угроз» — в том числе этического характера.

Однако, чтобы выйти за рамки лингвистического описания и построить онтологическую модель, необходимо переосмыслить сам статус языка. Современные подходы к онтологии языка указывают на необходимость отказа от представления языка как статичной системы знаков и перехода к онтологически насыщенным концептуализациям. Дж. Бэтмен, анализируя место языка в фундаментальной онтологии DOLCE, предлагает рассматривать язык не как «объект» или «ментальное содержание», а как качество общества, аналогично цвету розы: так же, как роза имеет цвет, общество имеет язык [Bateman 2004]. Эта метафора подчеркивает, что язык — не внешний инструмент, а онтологически фундаментальное свойство социального бытия, без которого общество теряет свою идентичность. Такая трактовка позволяет интегрировать язык в онтологическую структуру как неотъемлемую социальную реальность, а не как абстрактный код.

В рамках так называемого «онтологического поворота» в гуманитарных науках предлагается принципиально иное понимание языка. Так, Е. Демуро и Л. Герни выделяют три базовые онтологии языка. В первой категории, которая называется *language-as-object*, язык мыслится как автономная, устойчивая и самотождественная система, т. е. абстрактный код, который поддается формализации в грамматиках, словарях и институциональных языковых политиках. В модели *language-as-practice* язык, напротив, понимается как процессуальная, ситуативная и телесно укорененная практика смыслообразования, не сводимая к совокупности правил и знаков. В третьей категории, которая получила название *language-as-assemblage*, язык рассматривается как неиерархическая конфигурация человеческих и нечеловеческих актантов — технологий, документов, институтов и материальных сред, — в рамках которой язык не столько репрезентирует реальность, сколько участвует в ее производстве [Demuro, Gurney 2020].

Именно третий подход оказывается наиболее продуктивным для целей нашего исследования. Аксиологемы не существуют в вакууме: они реализуются через сеть связей между акторами (государственные органы, СМИ, религиозные организации), инструментами (правовые акты, образовательные программы), объектами культурного наследия и

угрозами (внешнее влияние, деградация традиций). Как подчеркивает Н. Н. Казыдуб, они функционируют в дискурсивном пространстве [Казыдуб 2006], которое формируется через взаимодействие таких параметров, как инициальность, процессуальность, терминальность, имманентность, трансцендентность, доминантность и вариативность. Такая концептуализация позволяет рассматривать ценности не как изолированные идеалы, а как динамические узлы в социо-материальной сети, где каждая аксиологема обретает смысл лишь в контексте своих отношений с другими онтологическими сущностями.

В итоге синтез данных корпусной лексикографии, этнолингвистики и дискурс-анализа позволяет построить обоснованную, эмпирически валидную онтологию, в которой каждая аксиологема — это не произвольная декларация, а лингвистически и культурно верифицированная сущность, встроенная в структуру российской государственности.

МЕТОДОЛОГИЯ СОЗДАНИЯ ОНТОЛОГИИ

Под лингвистической онтологией, согласно К. Дальгрена, содержательно понимается «отражение культуры, способа, каким люди в рамках данной культуры взаимодействуют с бесконечным многообразием предметов, событий и отношений» (*англ.* «Linguistic ontology is a reflection of culture, of the way people in a culture interact with the infinitude of objects, events and relations») [Dahlgren 1995: 810]. С формальной точки зрения лингвистическая онтология, как и любой другой тип онтологий, представляет собой кортеж из пяти элементов (1):

$$O = \langle C, E, At, R, A \rangle, \quad (1)$$

где C — классы онтологии, E — экземпляры онтологии, At — атрибуты экземпляров онтологии, R — отношения между классами/экземплярами, A — аксиомы онтологии. Приняв данные содержательное и формальное определения лингвистической онтологии в качестве рабочих, можно перейти к описанию практических этапов ее создания.

При разработке лингвистической онтологии необходимо было придерживаться следующих шагов. На первом этапе произошло ознакомление с текстом Указа Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809¹, вычленение основных сущностей текста и их прототипирование с помощью семантических сетей (рис. 1).

Визуальная модель демонстрирует, что базовым универсальным понятием выступает сущность Thing, от которой наследуются ключевые классы онтологии: «Государственная политика», «Традиционная ценность», «Инструмент реализации», «Актор», «Угроза», «Цель», «Задача», «Сфера реализации», «Индикатор мониторинга», «Сценарий», «Объект культурного наследия» и «Религиозная традиция». В рамках детализации иерархии особое внимание уделено классу «Инструмент реализации», который сочетает в себе правовые, организационные, научно-аналитические, информационные и финансовые инструменты. Аналогичным образом класс «Актор» как обозначение действующего лица/органа раскрывается через такие подтипы, как государственные органы, федеральные органы исполнительной власти, правоохранительные органы, общественные организации, средства массовой информации и религиозные организации.

Далее нами был проведен анализ текста Указа с позиций лингвоаксиологии. Методом сплошной выборки выделены ключевые номинативные единицы, репрезентирующие ценностные понятия (аксиологемы), а также связанные с ними сущности — субъекты, объекты, инструменты, угрозы. Анализ проводился по следующим направлениям:

– выявление прямых номинаций традиционных ценностей (в пункте 5 Указа представлен перечень ценностей, выраженных именами существительными: «жизнь», «достоинство», «патриотизм», «служение Отечеству» и др.);

– анализ оппозиции «ценность — угроза» (в пунктах 13–17 эксплицируются угрозы традиционным ценностям через лексику с семантикой деструктивности: «деятельность экстремистских организаций», «деструктивная идеология», «отрицание идеалов», «искажение исторической правды», «разрушение исторической памяти», «дискредитация служения Отечеству»). Важно, что многие угрозы сформулированы через прямое отрицание ценностей (например, в пункте 14: «отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, ценности крепкой семьи, брака»). Эта синтаксическая конструкция (отрицание + аксиологема) лингвистически фиксирует онтологическую связь между ценностью и ее антиподом (антиценностью), которая в нашей модели формализована отношением «направлена против угрозы»;

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202211090001> (дата обращения: 06.12.2025).

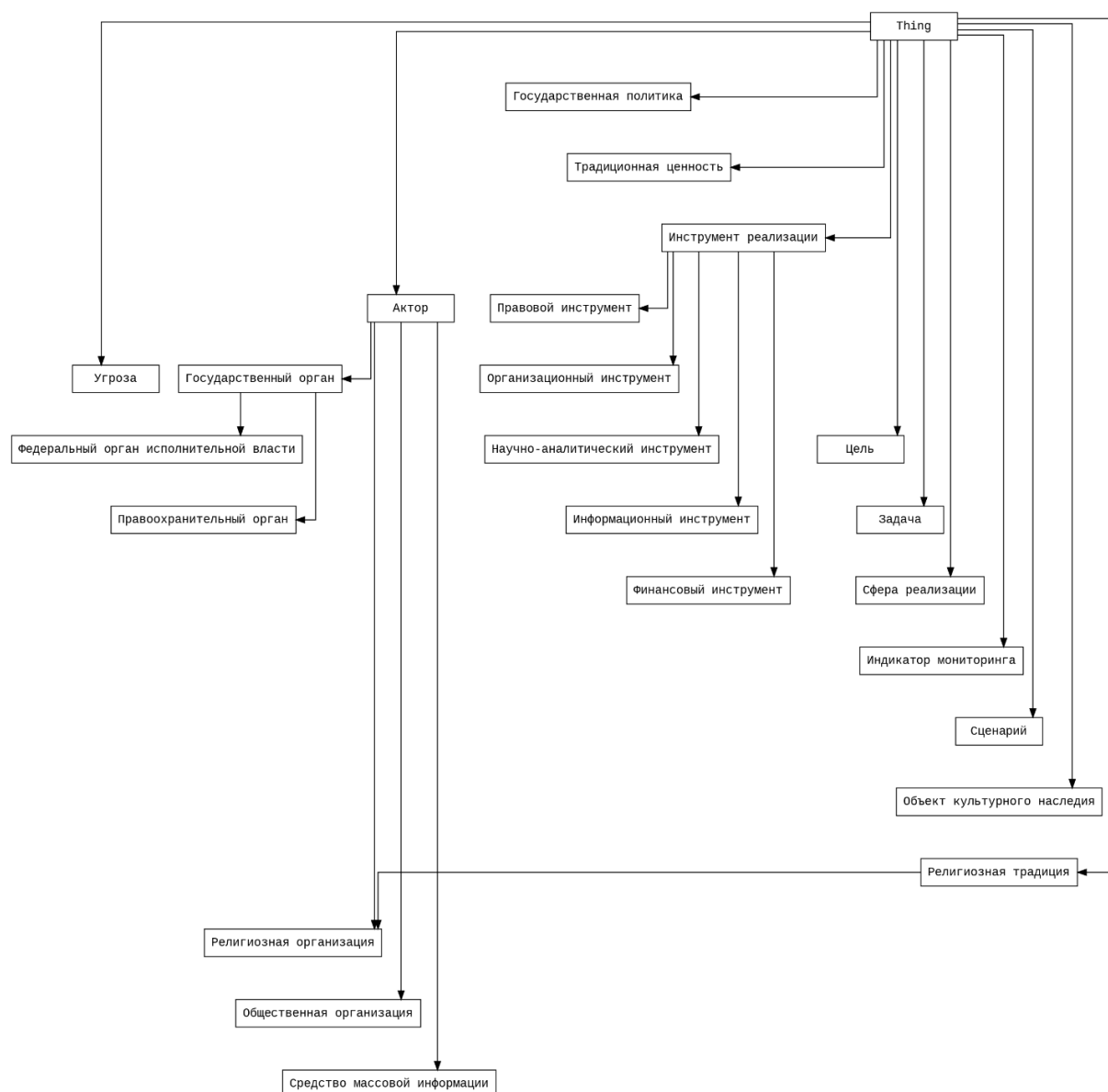

Рис. 1. Прототип аксиологической онтологии

– анализ инструментов и субъектов реализации (в разделах II и III Указа задачи и инструменты обозначены с помощью отглагольных существительных — «воспитание», «сохранение», «поддержка», «противодействие», — что указывает на процессуальный характер государственной политики. Например, в пункте 24 говорится о «воспитании в духе уважения к традиционным ценностям», «поддержке общественных проектов». Эти формулировки позволили выделить классы «Инструмент реализации» и «Актор», а также установить связи между ними и ценностями).

Второй этап заключался в выборе формализма для создания онтологии. В международной и отечественной лингвистической практике одним из ведущих языков для разработки онторесурсов является OWL (его использование подробно описано в работах

[Ломов, Шишаев 2013; Сухан, Плюснина 2024]). По заверению Е. В. Симоновой, «OWL с 2004 года является рекомендацией W3C и объединяет лучшие черты своих предшественников» [Симонова 2022: 60]. В полную версию онтологии на основе ранее предложенного прототипа введены более 20 классов. Между этими сущностями устанавливаются 15 типов отношений, которые делятся на два типа, условно называемые нами собственно онтологическими (type, subclassOf) и собственно лингвистическими («направлена против угрозы», «включает ценность», «охраняет наследие» и др.). В модель введено более 40 конкретных экземпляров, которые детально представляют положения Указа № 809: полный перечень традиционных ценностей, угроз, сфер реализации и других элементов государственной политики.

На завершающем этапе был реализован постоянный онлайн-доступ к онтологии посредством использования платформы Streamlit¹. OWL-онтология загружается из удаленного репозитория GitHub, извлекаются все сущности, имеющие русскоязычные метки (rdfs:label@ru). На главной странице пользователь изначально видит полный динамический граф онтологии, который можно фильтровать по классам и экземплярам. Визуализация выполняется в браузере с помощью библиотеки PyVis [Perrone, Unpringco, Lu 2020].

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Результатом работы стала полнофункциональная лингвистическая онтология аксиологического содержания, доступная в

онлайн-режиме². Заглавная страница представлена на рисунке 2.

Онтология выступает в качестве динамической модели, она обеспечивает возможность многоаспектного рассмотрения государственных ценностей в ее структурной целостности. Итоговый граф онтологии воспроизводит иерархию понятий, что позволяет рассматривать нормативный текст как целостную предметную область. Фильтрация по классам и по экземплярам позволяет оперативно выделять фрагменты модели, соответствующие конкретным исследовательским задачам, что позволяет потенциально применить ресурс в научно-аналитической работе. Пример фильтрации представлен на рисунке 3.

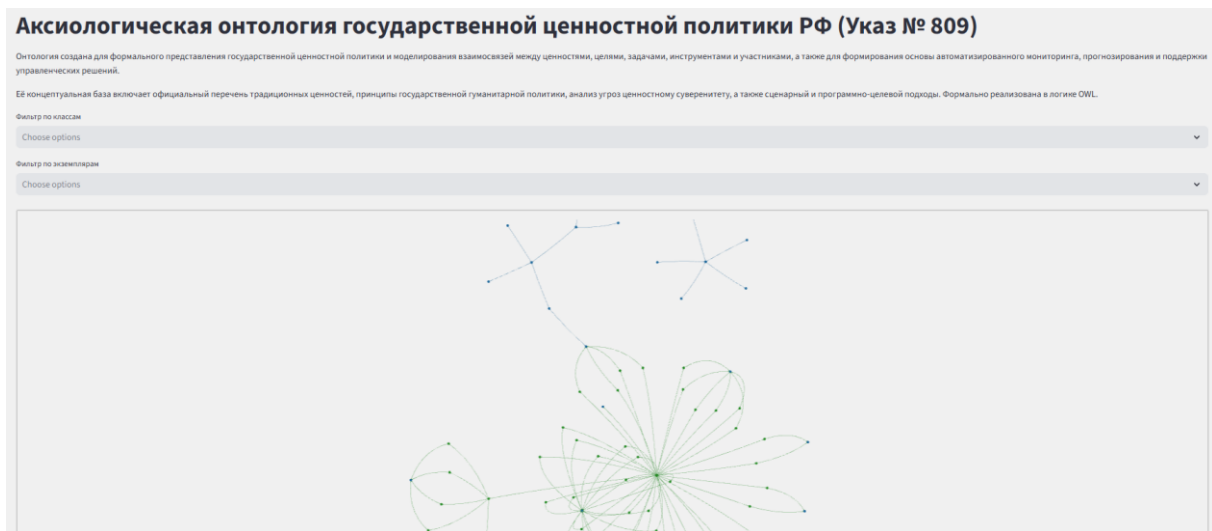

Рис. 2. Интерфейс онтологии

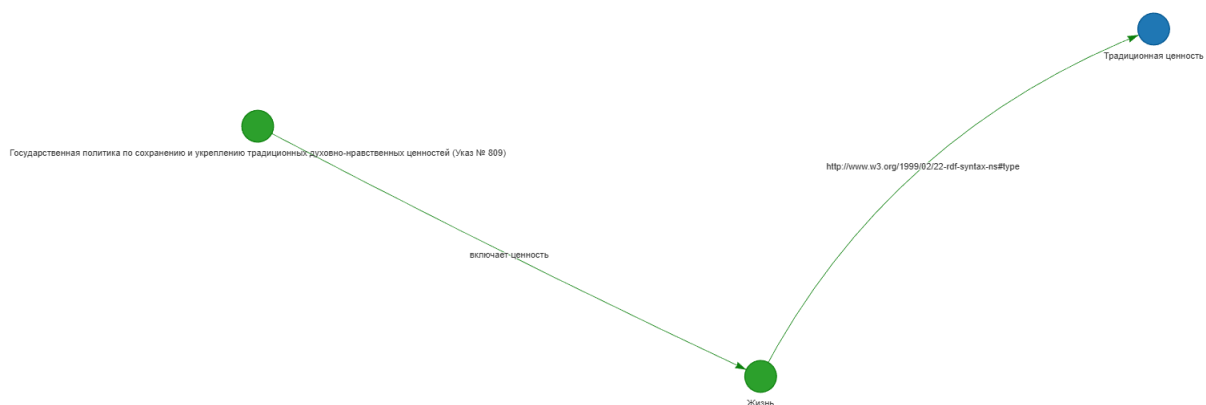

Рис. 3. Результаты выдачи при выборе экземпляра «Жизнь»

¹ Streamlit Community Cloud. URL: <https://streamlit.io/cloud> (дата обращения: 07.12.2025).

² Аксиологическая онтология государственной ценностной политики РФ (Указ № 809). URL: <https://axiont.streamlit.app/> (дата обращения: 07.12.2025).

Среди основных достоинств ресурса необходимо выделить критерий прозрачности интерпретации аксиологем. В связи с тем, что ряд нормативно-правовых документов может трактоваться неоднозначно [Блинова, Белов 2020; Кораблева 2025], структуризация терминов позволяет устранить возможность множественной трактовки текста. В то же время в ходе практической эксплуатации ресурса были выявлены и определенные ограничения, которые имеют как техническую, так и концептуальную природу. Онтологическая модель, несмотря на высокий уровень формализации, по своей природе остается интерпретацией текста и не претендует на абсолютную, исчерпывающую адекватность. Выбор классов и типов отношений неизбежно, как и в случае любой научной/творческой работы, отражает исследовательскую позицию, что проявляется в степени детализации отдельных фрагментов модели и в способе концептуального членения предметной области. Наконец, дополнительные трудности связаны с самой природой аксиологических категорий, которые в силу своей абстрактности плохо поддаются жесткой формализации. При попытке представить ценности в виде экземпляров онтологии неизбежно происходит определенная десемантизация слов, представленных в узлах графа, поскольку множество философско-культурных коннотаций нельзя полностью передать через набор формализованных атрибутов и отношений. Как верно подчеркивает А. С. Милославов, «некоторые аспекты знания, которые легко передаются средствами логики, не находят своего отражения, если используется фреймовая, продукционная или сетевая модель» [Милославов 2003: 37].

В качестве примера рассмотрим аксиологему «служение Отечеству и ответственность за его судьбу» (пункт 5 Указа). Анализ ее функционирования в тексте позволяет установить корреляцию между языковой репрезентацией ценностей и структурой онтологической модели.

В научной литературе историческая память рассматривается как форма сохранения и трансляции традиционных ценностей [Вашурин 2021], а также как фактор формирования мировоззренческих установок [Сидорова 2012].

В тексте Указа аксиологема реализуется в нескольких контекстах. В пункте 4 она связывается с передачей нравственных ориентиров «от поколения к поколению» и с «общероссийской гражданской идентичностью». В пункте 8 говорится об «осмыслении процессов с опорой на накопленный культурно-

исторический опыт». Ключевыми для понимания места данной аксиологемы являются пункты 17 и 24. В пункте 17 среди угроз названы «искажение исторической правды, разрушение исторической памяти», что фиксирует оппозицию: ценность (сохранение исторической памяти) противопоставлена угрозе (ее разрушению). Лексемы «искажение» и «разрушение» имеют негативную семантику и указывают на деструктивные действия. В пункте 24 в числе задач государственной политики указаны «сохранение исторической памяти, противодействие попыткам фальсификации истории, сбережение исторического опыта». Здесь аксиологема связывается с процессуальными существительными, которые обозначают конкретные направления деятельности. Далее эта связь конкретизируется через указание на акторов: «научные, образовательные, просветительские организации и организации культуры».

В российской научной традиции историческая память рассматривается в связи с формированием национальной идентичности и трансляцией традиционных ценностей [Леоп 2011]. В тексте Указа эта составляющая эксплицирована в пункте 4 (передача ориентиров «от поколения к поколению») и в пункте 5, где «историческая память» соединена с «преемственностью поколений».

Выявленные характеристики формализованы в онтологической модели следующим образом:

- аксиологема «историческая память и преемственность поколений» включена в класс «Традиционная ценность» как прямой экземпляр;
- отношение «направлена против угрозы» связывает ее с экземплярами «Искажение исторической правды» и «Разрушение исторической памяти», которые входят в класс «Угроза»;
- отношение связывает аксиологему с экземплярами «Сохранение исторической памяти», «Противодействие фальсификации истории», «Сбережение исторического опыта», входящими в класс «Инструмент реализации»;
- отношение связывает ее с экземплярами «Научные организации», «Образовательные организации», «Просветительские организации», «Организации культуры», входящими в класс «Актор».

Таким образом, все элементы онтологии, которые репрезентуют данную аксиологему, непосредственно выводятся из языковых данных, зафиксированных в тексте Указа.

Отдельного обсуждения заслуживает вопрос масштабируемости разработанного ресурса. В текущей версии онтология ориен-

тирована на один конкретный нормативный документ, что обеспечивает высокую степень соответствия между моделью и текстом-источником, но одновременно затрудняет автоматическое расширение предметной области. При включении новых документов или при попытке построения междокументной аксиологической онтологии возникнет необходимость пересмотра части уже установленных отношений, что потребует дополнительной проработки как на концептуальном уровне, так и на уровне программной реализации.

Особый аспект обсуждения связан с перспективами практического применения разработанного ресурса. Предлагаемая лингвистическая онтология может рассматриваться как инструмент для проверки создаваемых нормативных документов на предмет соответствия государственным ценностям РФ. Также онтология может применяться в образовательных целях в рамках общероссийского университетского курса «Основы российской государственности» для демонстрации принципов моделирования гуманитарного знания. Наконец, лингвистический потенциал онтологии заключается в ее интеграции с современными отечественными онлайн-платформами для общения с целью автоматической модерации коммуникации участников.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, разработанная в ходе исследования лингвистическая онтология формализует, хоть и частично в силу своей неоднородности, аксиологическое содержание текстового нормативного источника. Представление традиционных ценностей и взаимосвязанных с ними сущностей обеспечило целостное структурирование предметной области на основе анализа текста Указа № 809. Выделенные аксиологемы и установленные между ними связи верифицированы языковыми данными и культурным контекстом; в частности, на примере аксиологемы «историческая память и преемственность поколений» показано, что ее семантика и системные отношения в документе (противопоставление угрозам, связь с инструментами и акторами) непосредственно отражаются в структуре онтологии. Это подтверждает тезис о том, что каждая аксиологема является не произвольной декларацией, а лингвистически и культурно обоснованной сущностью, встроенной в структуру государственного документа. Визуализация онтологии сделала ее доступной для исследовательских целей. В перспективе развитие проекта может быть связано с включением междокументных свя-

зей, уточнением семантики отношений, а также с расширением корпуса нормативно-правовых текстов, что позволит приблизиться к построению более масштабной онтологии государственной аксиологической парадигмы.

ИСТОЧНИКИ

1. Аксиологическая онтология государственной ценностной политики РФ (Указ № 809). — URL: <https://axiont.streamlit.app/> (дата обращения: 07.12.2025).
2. Конференция «Путешествие в мир искусственного интеллекта» // Президент России. — URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/78498> (дата обращения: 06.12.2025).
3. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента Российской Федерации : от 9 нояб. 2022 г. № 809. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202211090001> (дата обращения: 06.12.2025).
4. Streamlit Community Cloud. — URL: <https://streamlit.io/cloud> (дата обращения: 07.12.2025).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Апресян, Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк) / Ю. Д. Апресян. — Москва : Просвещение, 1966. — 302 с. — EDN PVZSJY.
2. Блинова, О. В. Языковая неоднозначность и неопределенность в русских правовых текстах / О. В. Блинова, С. А. Белов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2020. — Т. 11. — № 4. — С. 774–812. — DOI 10.21638/spbu14.2020.401. — EDN MLZZNK.
3. Вашурин, А. Н. Историческая память и этнокультурное многообразие / А. Н. Вашурин // Интерпретационное насилие над исторической памятью и формирование культуры политического мышления : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Витебск, 29 окт. 2021 г.). — Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2021. — С. 106–108. — EDN IGNRYU.
4. Выжлецов, Г. П. Онтологическая аксиология: истоки и современность / Г. П. Выжлецов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Философия и конфликтология. — 2017. — Т. 33. — Вып. 3. — С. 275–281. — DOI 10.21638/11701/spbu17.2017.302. — EDN ZLZMSX.
5. Горбунова, Ю. С. Лексические единицы, обозначающие нравственные черты характера в русском языке / Ю. С. Горбунова // Russian Linguistic Bulletin. — 2022. — № 8 (36). — DOI 10.18454/RULB.2022.36.21. — EDN QELYWL.
6. Казыдуб, Н. Н. Аксиологические системы в языке и речи / Н. Н. Казыдуб // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. — 2009. — № 2 (6). — С. 132–137. — EDN NQRWER.
7. Кораблева, Н. Ю. Референциальная нечеткость в текстах юридических документов / Н. Ю. Кораблева // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. — 2025. — Т. 15. — № 2. — С. 8–16. — DOI 10.21869/2223-151X-2025-15-2-8-16. — EDN CDZJDJ.
8. Коцюбинская, Л. В. К вопросу об аксиологии в лингвистике / Л. В. Коцюбинская, О. А. Кузина // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. — 2015. — № 1. — С. 59–66. — EDN UCSXAL.
9. Леопа, А. В. Отношение к исторической памяти как показатель цивилизованности / А. В. Леопа // Гуманизация образования. — 2011. — № 1. — С. 10–14. — EDN NXAAZX.
10. Ломов, П. А. Визуализация OWL-онтологий на основе когнитивных фреймов / П. А. Ломов, М. Г. Шишаев // Труды Кольского научного центра РАН. — 2013. — № 5 (18). — С. 77–89. — EDN SAMCTD.
11. Милославов, А. С. Философско-методологические принципы логических моделей представления знаний / А. С. Милославов // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. — 2003. — № 8. — С. 28–38. — EDN PACHWN.
12. Минкина, Н. А. Эпистемология и аксиология: современное прочтение классических проблем / Н. А. Минкина //

Теоретико-методологические и прикладные аспекты социальных институтов права, экономики, управления и образования : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Гуманитарно-социальный институт. — 2016. — С. 105–107. — EDN WHMLL.

13. Серебренникова, Е. Ф. Аксиологическое измерение дискурса / Е. Ф. Серебренникова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2015. — № 21 (732). — С. 128–137. — EDN LOZMSV.

14. Сидорова, Л. О. Концептуальные подходы к понятию «Историческая память» / Л. О. Сидорова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2012. — № 4 (48). — С. 81–86. — EDN PCPVL.

15. Симонова, Е. В. Моделирование информационных систем. Ч. II. Использование онтологии для моделирования сложных адаптивных систем : учеб. пособие / Е. В. Симонова. — Самара : Издательство Самарского университета, 2022. — 112 с. — ISBN 978-5-7883-1759-5.

16. Соваков, Б. Н. Аксиологическая онтология и ее связь с пониманием в русской философии / Б. Н. Соваков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2012. — № 3 (17). — Ч. II. — С. 180–186. — EDN OPLCVV.

17. Сухан, Д. Д. Метаразметка и визуализация данных в корпусе текстов по корпусной лингвистике / Д. Д. Сухан, Е. А. Плюснина // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. — 2024. — № 8. — С. 45–60. — DOI 10.17586/2541-9781-2024-8-45-60. — EDN HWQOZA.

18. Bateman, J. A. The place of language within a foundational ontology / J. A. Bateman // Formal Ontology in Information Systems: Proceedings of the 3rd International Conference FOIS-2004 / eds. A. C. Varzi, L. Vieu. — Amsterdam : IOS Press, 2004. — P. 222–233.

19. Dahlgren, K. A linguistic ontology / K. Dahlgren // International Journal of Human-Computer Studies. — 1995. — V. 43. — № 5–6. — P. 809–818.

20. Demuro, E. Languages/language as world-making: the ontological bases of language / E. Demuro, L. Gurney // Language Sciences. — 2021. — Vol. 83. — Art. 101307. — DOI 10.1016/j.langsci.2020.101307. — EDN QEOPX.

21. Perrone, G. Network visualizations with Pyvis and VisJS / G. Perrone, J. Unpingco, H. Lu // Proceedings of the 19th Python in Science Conference (SCIPY 2020). — 2020. — P. 58–63. — DOI 10.25080/Majora-342d178e-008.

MATERIALS

1. Аксиологическая онтология государственной ценности политики РФ (Указ № 809) = Axiological ontology of the state value policy of the Russian Federation (Decree No. 809). Available at Dec. 7, 2025 from <https://axiont.streamlit.app/>.

2. Konferentsiya “Puteshestvie v mir iskusstvennogo intellekta” = Conference “Journey into the World of Artificial Intelligence”. President of Russia. Available at Dec. 6, 2025 from <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/78498>.

3. President of Russia (2022). Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy politiki po sokhraneniyu i ukrepleniyu traditsionnykh rossiyskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostey: Ukaz Prezidenta RF ot 9 noyabrya 2022 g. No. 809 = On Approval of the Foundations of the State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022, No. 809. Available at Dec. 6, 2025 from <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202211090001>.

4. Streamlit Community Cloud. Available at Dec. 7, 2025 from <https://streamlit.io/cloud>.

REFERENCES

1. Apresyan, Yu. D. (1966). Idei i metody sovremennoy struktural'noy lingvistiki (kratkiy ocherk) = Ideas and methods of modern structural linguistics (a brief outline). Moscow: Prosveshchenie, 302 p. EDN PVZSJV.

2. Blinova, O. V., Belov, S. A. (2020). Yazykovaya neodnoznamenost' i neopredelennost' v russkikh pravovykh tekstakh = Linguistic ambiguity and vagueness in Russian legal texts. *Bulletin of Saint Petersburg University. Law*, 11(4), 774–812. DOI 10.21638/spbu14.2020.401. EDN MLZZNK.

3. Vashurin, A. N. (2021). Istoricheskaya pamyat' i etnokul'turnoe mnogoobrazie = Historical memory and ethnocultural diversity. *Interpretative Violence against Historical Memory and the Formation of a Culture of Political Thinking. Proc. of Int. Scient.-Pract. Conf (Vitebsk, October 29, 2021)*, 106–108. EDN IGNRY.

4. Vyzhetsov, G. P. (2017). Ontologicheskaya aksiologiya: istoki i sovremennost' = Ontological axiology: origins and modernity. *Bulletin of Saint Petersburg State University. Philosophy and Conflict Studies*, 33(3), 275–281. DOI 10.21638/11701/spbu17.2017.302. EDN ZLZMSX.

5. Gorbunova, Yu. S. (2022). Leksicheskie edinit'sy, oboznachayushchie нравственные черты характера в русском языке = The lexical units denoting moral character traits in the Russian language. *Russian Linguistic Bulletin*, 8(36). DOI 10.18454/RULB.2022.36.21. EDN QELYWL.

6. Kazydub, N. N. (2009). Aksiologicheskie sistemy v yazyke i rechi = Value systems in language and speech. *Bulletin of Irkutsk State Linguistic University*, 2(6), 132–137. EDN NQRWER.

7. Korableva, N. Yu. (2025). Referentsial'naya nechetkost' v tekstakh yuridicheskikh dokumentov = Referential fuzziness in legal texts. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 15(2), 8–16. DOI 10.21869/2223-151X-2025-15-2-8-16. EDN CDZJDJ.

8. Kotsyubinskaya, L. V., Kuzina, O. A. (2015). K voprosu ob aksiologii v lingvistike = On the issue of axiology in linguistics. *Pushkin Leningrad State University Journal*, 1, 59–66. EDN UCSXAL.

9. Leopa, A. V. (2011). Otnoshenie k istoricheskoy pamyati kak pokazatel' tsivilizovannosti = Attitude towards historical memory as an indicator of civility. *Humanization of Education*, 1, 10–14. EDN NXAAZX.

10. Lomov, P. A., Shishaev, M. G. (2013). Vizualizatsiya OWL-ontologiy na osnove kognitivnykh freymov = Visualization of OWL-ontologies on the basis of cognitive frames. *Proceedings of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences*, 5(18), 77–89. EDN SAMCTD.

11. Miloslavov, A. S. (2003). Filosofsko-metodologicheskie printsipy logicheskikh modeley predstavleniya znaniy = Philosophical and methodological principles of logical knowledge representation models. *Scientific and Technical Bulletin of Information Technologies, Mechanics and Optics*, 8, 28–38. EDN PACHWN.

12. Minkina, N. A. (2016). Epistemologiya i aksiologiya: sovremennoe prochnenie klassicheskikh problem = Epistemology and axiology: a modern interpretation of classical problems. *Theoretical-Methodological and Applied Aspects of Social Institutions of Law, Economics, Management and Education. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation. Humanitarian and Social Institute*, 105–107. EDN WHMLL.

13. Serebrennikova, E. F. (2015). Aksiologicheskoe izmerenie diskursa = Axiological dimension of discourse. *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 21(732), 128–137. EDN LOZMSV.

14. Sidorova, L. O. (2012). Kontseptual'nye podkhody k ponyatiyu “Istoricheskaya pamyat'” = Conceptual approaches to the notion of “Historical memory”. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*, 4(48), 81–86. EDN PCPVL.

15. Simonova, E. V. (2022). Modelirovanie informatsionnykh sistem. Ch. II. Ispol'zovanie ontologii dlya modelirovaniya slozhnykh adaptivnykh sistem = Modeling of information systems. Part II. The use of ontology for modeling complex adaptive systems. Samara: Samara University Publishing House, 112 p. ISBN 978-5-7883-1759-5.

16. Sovakov, B. N. (2012). Aksiologicheskaya ontologiya i ee svyaz' s ponimaniem v russkoy filosofii = Axiological ontology and its connection with understanding in Russian philosophy. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culture and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 3(17), Part II, 180–186. EDN OPLCVV.

17. Sukhan, D. D., Plyusnina, E. A. (2024). Metarazmetka i vizualizatsiya dannykh v korpuse tekстов po korpusnoy lingvistike = Meta Tagging and Visualization for the Corpora Linguistics Texts Corpora. *Computational Linguistics and Computational Ontologies*, 8, 45–60. DOI 10.17586/2541-9781-2024-8-45-60. EDN HWQOZA.

18. Bateman, J. A. (2004). The place of language within a foundational ontology. *Formal Ontology in Information Systems. Proceedings of the 3rd International Conference FOIS-2004* (A. C. Varzi, L. Vieu, eds.), 222–233. Amsterdam: IOS Press.
19. Dahlgren, K. (1995). A linguistic ontology. *International Journal of Human-Computer Studies*, 43(5–6), 809–818.
20. Demuro, E., Gurney, L. (2021). Languages/languageing as world-making: the ontological bases of language. *Language Sciences*, 83, Article 101307. DOI 10.1016/j.langsci.2020.101307. EDN QEOPIX.
21. Perrone, G., Unpingco, J., Lu, H. (2020). Network visualizations with Pyvis and VisJS. *Proceedings of the 19th Python in Science Conference (SciPy 2020)*, 58–63. DOI 10.25080/Majora-342d178e-008.

Политическая лингвистика. 2026. № 2 (116).
Political Linguistics. 2026. No 2 (116).

УДК 81'271.2+395+378.147
ББК Ш100.553+Ю78+Ч448.024

ГРНТИ 16.21.65; 16.31.41

Код ВАК 5.9.8

Ян Чуньпэн

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, 79544123@qq.com,
<https://orcid.org/0009-0001-1634-2350>

Специфика вербальной коммуникации носителей русского и китайского языков (академическая сфера)

АННОТАЦИЯ. Данная статья посвящена сопоставительному анализу вербальной коммуникации носителей русского и китайского языков в академической сфере. Актуальность исследования обусловлена ростом межвузовского сотрудничества и необходимостью преодоления коммуникативных барьеров между носителями русского и китайского языков в образовательной среде. На материале этикетных формул выявляются маркеры интерференции, связанные с различиями культурных кодов. В ходе исследования решались следующие задачи: 1) характеристика традиционных этикетных норм и регламентация их особенностей; 2) анализ ключевых этикетных формул двух языков («обращение», «приветствие», «просьба», «благодарность», «извинение» и «прощание»); 3) сравнение речевых тактик коммуникации в ситуациях «студент — преподаватель»; 4) выявление зон потенциальной интерференции (например, обращение с указанием иерархического статуса к преподавателю вместо принятого в России обращения по имени и отчеству). Отмечается роль различных исторических, философских и социальных факторов в формировании норм этикета: китайский этикет в большей степени ориентирован на иерархию, сохранение гармонии и «лица» собеседника, часто выражается имплицитно; русский этикет допускает большую степень прямоты и индивидуальной вариативности. Автор предлагает пути оптимизации межкультурного диалога в образовательном процессе, позволяющие снизить риск недопонимания и повысить эффективность общения: знакомство с этикетными формулами в практическом курсе языка, учебные блоки в спецкурсах и на факультативах, организация внеаудиторного межкультурного общения в виде работы клуба, организации встреч, совместных проектов российских и китайских студентов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: межкультурная коммуникация, вербальная коммуникация, межкультурная среда, носители языка, русский язык, китайский язык, речевой этикет, языковая интерференция, речевые жанры, нормы этикета, китайские студенты, российские студенты, преподаватели, межкультурное общение.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ян Чуньпэн, аспирант, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия, email: 79544123@qq.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ян, Чуньпэн. Специфика вербальной коммуникации носителей русского и китайского языков (академическая сфера) / Ян Чуньпэн. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 292–297.

Yang Chunpeng

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, 79544123@qq.com, <https://orcid.org/0009-0001-1634-2350>

Specificity of Verbal Communication of Native Speakers of Russian and Chinese in Academic Contexts

ABSTRACT. This article describes a comparative analysis of verbal communication of native speakers of Russian and Chinese languages in academic contexts. The research urgency stems from the growing interuniversity cooperation and the need to overcome communication barriers between native speakers of Russian and Chinese in educational environment. The markers of interference associated with differences in cultural codes are identified on the material of etiquette formulas. The study focuses on the following objectives: 1) characteristics of traditional etiquette norms and regulation of their features; 2) analysis of the key etiquette formulas of the two languages (“address”, “greeting”, “request”, “gratitude”, “apology” and “farewell”); 3) comparison of verbal communication tactics in student – teacher situations; 4) identification of areas of potential interference (for example, use of a hierarchical, polite way to address a teacher in Chinese instead of using the first name and patronymic accepted in Russian). The study reports a special role of various historical, philosophical and social factors in the formation of etiquette norms: Chinese etiquette is more focused on hierarchy, preserving harmony and the “face” of the interlocutor, often expressed implicitly; Russian etiquette allows for a greater degree of directness and individual variability. The author suggests ways to optimize intercultural dialogue in the education process, allowing the educators to reduce the risk of misunderstanding and increase the effectiveness of communication: acquaintance with etiquette formulas in the practical language course, study blocks in special courses and options, organization of extracurricular intercultural communication in the form of club activity, organization of meetings, and joint projects of Russian and Chinese students.

KEYWORDS: intercultural communication, verbal communication, intercultural environment, native speakers, Russian language, Chinese language, speech etiquette, language interference, speech genres, etiquette norms, Chinese students, Russian students, teachers, intercultural communication.

AUTHOR'S INFORMATION: *Yang Chunpeng, Post-Graduate Student, Institute of Philology and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Yang Chunpeng. (2026). Specificity of Verbal Communication of Native Speakers of Russian and Chinese in Academic Contexts. In Political Linguistics. No 2 (116), pp. 292-297. (In Russ.).*

В последние десятилетия наблюдается интенсивное взаимодействие российских и китайских обучающихся, преподавателей и исследователей. С каждым годом вопрос вербального взаимодействия между представителями России и Китая становится все более актуальным. В первую очередь это обусловлено непрерывными процессами глобализации высшего образования и растущей академической мобильностью. Непонимание специфики вербального общения может приводить к конфликтным ситуациям, снижению эффективности совместных научных проектов и трудностям в обучении. Взаимодействие часто осложняется не столько языковым барьером, сколько различиями в коммуникативном поведении, нормах вежливости и способах выражения мысли. В то время как грамматические аспекты русского и китайского языков изучены достаточно хорошо, прагматический и социокультурный аспекты академического дискурса остаются наименее разработанным областью.

Научная новизна данной работы заключается в комплексном сопоставительном анализе вербальных коммуникативных единиц, в частности этикетных формул, характерных для академического дискурса. В исследовании систематизируются этнокультурные маркеры, проявляющиеся в ходе общения между обучающимся и наставником.

Целью данной статьи является выявление и описание ключевых различий в вербальной коммуникации носителей русского и китайского языков в академической сфере. Для реализации цели мы ставим перед собой следующие задачи:

- 1) охарактеризовать традиционные этикетные нормы и регламентировать их особенности;
- 2) проанализировать ключевые этикетные формулы двух языков;
- 3) сравнить речевые тактики в ситуациях «студент — преподаватель»;
- 4) выявить зоны потенциальной интерференции и предложить пути их преодоления.

Методологической основой исследования являются работы филологов: И. А. Стернина [Стернин 1996], Н. И. Формановской [Формановская 2002], Цзинь Лин [Цзинь Лин 2024]. Материалом исследования стали результаты сопоставительного анализа ведущих речевых формул русского и китайского языков, которые используются в академическом дискурсе.

Особенности культуры народа и национальную специфику речевого поведения в первую очередь отражают нормы этикета, которые являются основой для успешной коммуникации в любой стране. По Н. И. Формановской, «речевой этикет — социально заданные и национально специфичные регулирующие правила речевого поведения в ситуациях установления, поддержания и размыкания контакта коммуникантов в соответствии с их статусно-ролевыми и личностными отношениями в официальной и неофициальной обстановке общения» [Формановская 2007: 390]. В структуре речевого этикета выделяются коммуникативно значимые компоненты: социальный, интернациональный и эмоционально-оценочный. Правильная интерпретация данных смыслов невозможна без анализа национально-культурной специфики этикетных норм. Следовательно, знание речевого этикета и навыки уместного употребления его единиц являются обязательной составляющей коммуникативной компетенции.

Прежде чем перейти к этикетным формулам, следует ознакомиться с основными нормами этикета в академической сфере в России и Китае.

Традиционные этикетные нормы двух этих стран формировались под влиянием различных исторических, философских и социальных факторов. Китайский этикет в большей степени ориентирован на иерархию, сохранение гармонии и «лица» собеседника, часто выражаясь имплицитно. Русский же этикет, сохраняя уважение к статусу, допускает большую степень прямоты и индивидуальной вариативности. Так, например, в китайской традиции не принято прямое выражение несогласия с начальником или преподавателем, что напрямую связано с конфуцианским принципом почитания старших. Русская коммуникативная культура, согласно Ю. Е. Прохорову и И. А. Стернину, в деловой и академической сферах допускает более открытую полемику и дискуссию. Коммуникативные неудачи часто возникают именно из-за несовпадения этих ожиданий: носитель русского языка ждет прямого ответа, носитель китайского — ищет способ сохранить гармонию и свою репутацию.

Восприятие этикетных норм тесно связано с национальными социокультурными стереотипами [Прохоров, Стернин 2006: 125–127]. То, что в одной культуре считается веж-

ливый, в другой может восприниматься как вторжение в личную жизнь. Исследования коммуникативного поведения китайцев в восприятии россиян показывают, что россияне часто интерпретируют китайскую сдержанность и уклончивость как неискренность, не понимая их этикетной природы. Такие нарушения социокультурных норм могут стать причиной конфликтов и неудач в межкультурном общении. Чтобы вывести правило избегания подобных нарушений, мы предлагаем сначала проанализировать основные формулы речевого этикета в академической сфере. Это «обращение», «приветствие», «просьба», «благодарность», «извинение» и «прощание».

Обращение является одной из ключевых этикетных формул, задающих тон всему последующему общению. По словам Н. И. Формановской, «в коммуникативных процессах обращение — одна из частотных единиц общения, а именно адресации, несущая важнейшую контактоустанавливающую функцию» [Формановская 2000 : 83]. В русском академическом этикете центральное место занимает обращение по имени и отчеству. Это уникальная национальная особенность, не имеющая прямых аналогов в китайской культуре. Например, в устной речи при обращении к преподавателю используется следующая формула: «Имя + отчество», в письменной или торжественной речи — «Уважаемый/ая + имя + отчество». Важной особенностью также является субординация посредством местоимений «ты» и «Вы», где «Вы» выступает маркером официальных отношений и уважения к статусу собеседника.

В китайской академической сфере обращение строго иерархично и всегда включает указание на статус или должность. Основные формулы: «Учитель/Преподаватель» (老师) или «Профессор» (教授). Данные слова используются как самостоятельные обращения или в сочетании с фамилией: например, «Учитель Ван» (王老师). Использование только имени без указания статуса в официальной академической коммуникации недопустимо. В китайской традиции сначала называется имя, затем статус. Как показывает исследование Цзинь Лин, китайские студенты при обращении к русским преподавателям нередко используют кальки с родного языка: «директор Иванов», «преподаватель» в качестве обращения, что является типичным примером интерференции [Цзинь Лин 2024: 263].

Приветствие открывает коммуникативный акт и также задает тон дальнейшему взаимодействию. Наиболее частотные формулы в академической среде в России: «Здравствуйте!» (нейтральное, официальное); «Доброе утро!», «Добрый день», «Добрый вечер» (нейтральное); «Приветствую вас!» (официальное)¹. При входе в аудиторию принято приветствовать присутствующих общей фразой. Студенты обычно встают при появлении преподавателя.

Китайские приветствия в академической среде часто имеют следующую форму: «Здравствуйте!» (您好!) — наиболее вежливая форма, используется с преподавателями; «Здравствуйте, учитель!» (老师好!) — стандартное приветствие учителя студентом; «Здравствуйте, студенты!» (同学们好!) — приветствие студентов преподавателем. Хочется отметить, что в более неформальном общении (например, при коммуникации «студент — студент») китайские приветствия имеют форму вопроса, который выполняет контактоустанавливающую функцию: «Вы обедали?», «Куда вы?» и т. д. Как отмечает Цзинь Лин, при прямом переносе данных формул в русскую речь они могут быть восприняты как вторжение в личную жизнь [Цзинь Лин 2024: 263].

Формулы просьбы в академической сфере требуют особой деликатности, поскольку затрагивают отношения субординации. Анализ научной литературы показывает, что в русском языке просьба может быть выражена достаточно прямо с использованием смягчающих формул: «Будьте добры / любезны...»; «Не могли бы вы...»; «Можно (вас) попросить...?»; «Разрешите / позвольте...»; «Если вам не трудно...». Просьба с использованием глагола в повелительном наклонении и частицы «пожалуйста» также допустима в академической коммуникации, особенно при обращении к равным по статусу.

В китайской культуре просьба всегда предваряется извинением за беспокойство и требует более сложных, обходных формул: «Беспокою вас...» (麻烦您) — стандартное начало просьбы к преподавателю; «Можно спросить? / Осмелюсь спросить...» (请问); «Утруждаю / беспокою» (劳驾); «Нельзя ли...» (可不可以) и т. д. Прямая просьба, особенно к вышестоящему по статусу, считается невежливой. Обязательны предисловия, дающие собеседнику возможность отказаться без потери «лица» [Ван Цуйцуй, Руженцева 2016: 31–37].

¹ Ван-Чан-Жоу А. А. Российско-китайская вербальная и невербальная коммуникация и методика ее преподавания : выпускная квалификационная работа / А. А. Ван-Чан-Жоу ; рук. д-р филол. наук Н. Б. Руженцева. Екатеринбург, 2018. С. 92. URL: <https://elar.uspu.ru/bitstream/ru-uspu/64334/2/20VanChanZhou2.pdf>.

Формулы благодарности в России варьируются от нейтральных до эмоциональных: «Спасибо», «Спасибо большое», «Благодарю Вас» (несколько официальнее), «Очень признателен / признательна», «От всей души благодарю» и т. д. На благодарность принято отвечать «пожалуйста» или «не за что».

Благодарность в китайском этикете часто сопровождается самоуничижением — важнейшей категорией вежливости: «Спасибо» (谢谢), «Очень благодарен!» (非常感谢), «Извините за беспокойство / благодарю за хлопоты» (麻烦您了). На благодарность принято отвечать: «Не стоит / не нужно церемоний» (不客气), «Не нужно благодарности» (不用谢), «Где уж там / что вы» (哪里哪里).

В русском языке «извините» используется и как извинение за совершенное действие, и как средство привлечения внимания: «Извините / простите, пожалуйста» (за опоздание, ошибку); «Извините» (при обращении к кому-либо для привлечения внимания: «Извините, вы не подскажете?»).

Китайский язык, в свою очередь, дифференцирует извинения по степени серьезности: «Мне неловко / неудобно» (不好意思) — легкое извинение (например, за незначительное опоздание); «Простите» (对不起) — серьезное извинение; «Сожалею / прошу прощения» (抱歉) — более формальное.

Этикетные формулы прощания в русской среде преимущественно нейтральные: «До свидания!», «Всего доброго / хорошего!», «До встречи!» (если планируется еще встреча).

Китайский речевой этикет характеризуется высокой степенью ритуализированности и строгой иерархичностью, что находит отражение в формулах прощания: «Медленно идите» (慢走) — формула используется провожающим, особенно по отношению к старшему по статусу или возрасту, выражает заботу и уважение; «До свидания / увидимся снова» (再见) — наиболее распространенная формула, уместная в любой ситуации общения. Как отмечают исследователи, попытка китайских студентов использовать буквальный перевод формулы «Медленно идите» (慢走) в качестве прощания с русским преподавателем может вызвать недоумение, поскольку в русской культуре пожелание «медленно идите» не является этикетной нормой [Цзинь Лин 2024: 264].

Ключевые различия в академическом речевом этикете России и Китая в коммуникации между преподавателями и студентами, которые позволил выделить проведенный анализ, представлены в таблице.

Ключ к различиям, как указывают исследователи, лежит в культурных кодах: китайский код требует соблюдения иерархии и коллективной гармонии, в то время как русский культурный код, сохраняя уважение к статусу, предполагает более высокую допустимость прямой экспрессии и индивидуальных вариаций¹.

Для системного преодоления интерференции целесообразно включить этикетный компоненты в различные аспекты обучения.

¹ Ван-Чан-Жоу А. А. Российско-китайская вербальная и невербальная коммуникация и методика ее преподавания : выпускная квалификационная работа / А. А. Ван-Чан-Жоу ; рук. д-р филол. наук Н. Б. Руженцева. Екатеринбург, 2018. С. 17–21. URL: <https://elar.uspu.ru/bitstream/ru-uspu/64334/2/20VanCHanZhou2.pdf>.

Таблица 1

Ситуация общения	Речевые формулы в русском языке	Речевые формулы в китайском языке
Обращение к преподавателю	Имя + отчество	Фамилия + должность
Приветствие	«Здравствуйте!»	«Здравствуйте, учитель!» 老师好
Вопрос на занятии	Вопрос можно задать прямо с использованием формулы: «Можно спросить...»	Лучше задать вопрос после пары с использованием формулы: «Можно спросить...» (请问)
Просьба	Сравнительно прямая просьба. Типичная формула: «Не могли бы вы...»	Обязательное уничижение при просьбе: «Беспокою Вас...» (麻烦您)
Ответ на благодарность	«Пожалуйста», «Не за что»	«Не стоит церемоний» (不客气), «哪里哪里» («Что вы»)
Прощание	«До свидания!»	«Увидимся снова» (再见), «Медленно идите» (慢走)

А) В курсе практического языка: на начальном этапе изучения русского или китайского языка преподавателю следует в полной мере познакомить учащихся с формулами приветствия, прощания, знакомства, извинения; на среднем — формулами просьбы, благодарности, поздравления, соболезнования; на продвинутом — этикетом научной дискуссии, деловой переписки, телефонных переговоров.

Б) В спецкурсах и факультативах мы предлагаем включать следующие учебные блоки: «Национально-культурная специфика речевого общения»; «Русский/китайский речевой этикет», «Межкультурная коммуникация в академической среде».

В) Внеаудиторная работа может включать: клубы межкультурного общения, встречи с носителями языка, совместные проекты российских и китайских студентов, просмотр и обсуждение фильмов о межкультурной коммуникации и т. д.

Интеграция этикетного компонента в учебные программы позволит снизить риск непонимания и неудач в межкультурной коммуникации. Только такой подход обеспечит формирование полноценной языковой компетенции, позволяющей участникам академического взаимодействия успешно преодолевать коммуникативные барьеры и строить эффективное, бесконфликтное общение с учетом национально-культурной специфики формул речевого этикета.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антонова, Ю. А. Китайские бытовые приметы как носитель лингвокультурологической информации / Ю. А. Антонова // Россия и Китай: аспекты взаимодействия и взаимовлияния : материалы IV Междунар. заоч. науч.-практ. конференции (Благовещенск, 1–15 октября 2012 г.) / под ред. Н. Л. Глазачевой, О. В. Залесской. — Благовещенск : Благовещенский государственный педагогический университет, 2013. — С. 90–95. — EDN SMFVNP.
2. Барас, В. П. О функциональных особенностях речевого этикета в китайском языке / В. П. Барас // Пути Поднебесной. — Минск : БГУ, 2006. — Вып. 1. — Ч. 1. — С. 51–52.
3. Бычихина, О. В. Анализ основных коммуникативных моделей российского и китайского бизнес-дискурсов / О. В. Бычихина // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. — 2014. — № 5 (21). — С. 158–166. — DOI 10.15293/2226-3365.1405.17. — EDN SWKWCP.
4. Ван Цуйцуй. Китайское и русское обиходно-бытовое и деловое общение: формулы речевого этикета / Ван Цуйцуй, Н. Б. Руженцева // Педагогическое образование в России. — 2016. — № 10. — С. 31–37. — DOI 10.26170/ro16-10-06. — EDN XACBRV.
5. Ван-Чан-жоу, А. А. Вежливость в русской и китайской коммуникативных культурах / А. А. Ван-Чан-Жоу // Актуальные проблемы филологии. — 2017. — № 14. — С. 20–30. — EDN YWQGZA.
6. Глушкова, С. Ю. Особенности лексических средств выражения категории вежливости в английском и китайском языках / С. Ю. Глушкова // Вестник Университета Российской академии образования. — 2011. — № 1. — С. 72–74. — EDN NUFMSL.
7. Гревцева, Г. Я. Россия и Китай: диалог в сфере культуры и образования / Г. Я. Гревцева, В. Я. Рушанин // Вестник

Челябинской государственной академии культуры и искусств. — 2015. — № 3 (43). — С. 119–126. — EDN UKGSTV.

8. Гришаева, Л. И. Введение в теорию межкультурной коммуникации / Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова. — Воронеж : Воронежский государственный университет, 2003. — 368 с. — (Межрегиональные исследования в общественных науках). — ISBN 5-9273-0457-5. — EDN QOCYHB.

9. Ермакова, О. П. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) / О. П. Ермакова, Е. А. Земская // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. — М. : Центр РАН «Издательство „Наука“», 1993. — С. 30–64. — EDN SIKENV.

10. Зеликова, Н. В. Коммуникативные сбои и неудачи в межкультурной коммуникации / Н. В. Зеликова, В. В. Безрукова // Иностранные языки и современные тенденции в иноязычном образовании : материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. (Воронеж, 21 апр. 2023 г.) / отв. ред. С. Ю. Капкова. — Воронеж : Воронежский государственный педагогический университет, 2023. — С. 106–111. — EDN BKUMBO.

11. Лю Вэй Цзинь. Категория вежливости в русском и китайском общении (выражение благодарности) / Лю Вэй Цзинь // Коммуникативное поведение. Вып. 17. Вежливость как коммуникативная категория. — Воронеж : Истоки, 2003. — С. 149–158. — EDN YUCTIM.

12. Лю, Х. Особенности вербального и невербального этикета в китайской и русской лингвокультурах / Х. Лю, Е. Н. Лучинская // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2, Филология и искусствоведение. — 2024. — № 1 (332). — С. 61–68. — DOI 10.53598/2410-3489-2024-1-332-61-68. — EDN ASIUVQ.

13. Нин, Ю. Особенности обучения речевому этикету в китайском языке / Ю. Нин, К. И. Федорова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2017. — № T25. — С. 54–55. — EDN YIERMJ.

14. Новикова, И. А. Межкультурные различия представлений о невербальной коммуникации у российских и китайских студентов / И. А. Новикова, М. В. Гридунова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. — 2011. — № 3. — С. 40–45. — EDN OCSNNT.

15. Прохоров, Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю. Е. Прохоров. — 3-е изд., стер. — Москва : УРСС, 2003. — 224 с. — ISBN 5-354-00453-5. — EDN QQQRYP.

16. Прохоров, Ю. Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : ФЛИНТА, 2006. — 326 с. — ISBN 5-89349-812-7. — EDN QQFSAL.

17. Садохин, А. П. Теория и практика межкультурной коммуникации : учеб. пособие по дисциплине «Культурология» / А. П. Садохин. — Москва : Юнити, 2004. — 271 с. — (Cogito ergo sum). — ISBN 5-238-00784-1. — EDN QTUBSP.

18. Стернин, И. А. Русский речевой этикет / И. А. Стернин. — Воронеж : Воронеж. обл. ин-т повышения квалификации и переподготовки работников образования, 1996. — 127 с. — ISBN 5-87938-094-7.

19. Ступкина, М. В. Сопоставительный анализ формул речевого этикета в китайском и русском языках / М. В. Ступкина, Р. В. Наджафова // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. — 2014. — № 35. — С. 97–101. — EDN SBCRID.

20. Формановская, Н. И. Обращение с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода / Н. И. Формановская // Речевое общение. — 2000. — № 3 (11). — С. 83–88. — EDN XIXXNV.

21. Формановская, Н. И. Культура общения и речевого этикета / Н. И. Формановская. — Москва : ИКАР, 2002. — 234 с. — ISBN 5-7974-0051-0.

22. Формановская, Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н. И. Формановская. — Москва : ИКАР, 2007. — 478 с. — ISBN 978-5-7974-0141-4. — EDN QDWTGF.

23. Цзинь, Лин. Причины коммуникативных неудач китайских студентов в использовании формул русского речевого

этикета / Цзинь Лин // Наука и школа. — 2024. — № 1. — С. 258–268. — DOI 10.31862/1819-463X-2024-1-258-268. — EDN BJEBNQ.

REFERENCES

1. Antonova, Yu. A. (2013). Kitayskie bytovye primety kak nositel' lingvokul'turologicheskoy informatsii = Chinese Everyday Signs as a Carrier of Linguocultural Information. Russia and China: Aspects of Interaction and Mutual Influence. *Proceedings of the IV International Correspondence Scientific and Practical Conference (Blagoveshchensk, October 1–15, 2012, Eds. N. L. Glazacheva, O. V. Zalesskaya)*, 90–95. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Ped. Univ. EDN SMFVNP.
2. Baras, V. P. (2006). O funktsional'nykh osobennostyakh rechevogo etiketa v kitayskom yazyke = On the Functional Features of Speech Etiquette in the Chinese Language. *Paths of the Celestial Empire. Iss. 1, Part 1*, 51–52. Minsk: BGU.
3. Bychikhina, O. V. (2014). Analiz osnovnykh kommunikativnykh modeley rossiyskogo i kitayskogo biznes-diskursov = Analysis of the Main Communicative Models of Russian and Chinese Business Discourses. *Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University*, 5(21), 158–166. DOI 10.15293/2226-3365.1405.17. EDN SWKWCP.
4. Wang, Cuicui, Ruzhentseva, N. B. (2016). Kitayskoe i russkoe obikhodno-bytovoe i delovoe obshchenie: formuly rechevogo etiketa = Chinese and Russian everyday and business communication: etiquette norms. *Pedagogical Education in Russia*, 10, 31–37. DOI 10.26170/po16-10-06. EDN XACBRV.
5. Wang-Chang-Zhou, A. A. (2017). Vezhlivost' v russkoy i kitayskoy kommunikativnykh kul'turakh = Politeness in Russian and Chinese Communicative Cultures. *Actual Problems of Philology*, 14, 20–30. EDN YWQGZA.
6. Glushkova, S. Yu. (2011). Osobennosti leksicheskikh sredstv vyrazheniya kategorii vezhlivosti v angliyskom i kitayskom yazykakh = Features of Lexical Means of Expressing the Category of Politeness in the English and Chinese Languages. *Bulletin of the University of the Russian Academy of Education*, 1, 72–74. EDN NUFMSL.
7. Grevtseva, G. Ya., Rushanin, V. Ya. (2015). Rossiya i Kitay: dialog v sfere kul'tury i obrazovaniya = Russia and China: Dialogue in the Sphere of Culture and Education. *Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*, 3(43), 119–126. EDN UKGSTV.
8. Grishaeva, L. I., Tsurikova, L. V. (2003). Vvedenie v teoriyu mezhkul'turnoy kommunikatsii = Introduction to the Theory of Intercultural Communication (Ser. "Interregional Studies in the Social Sciences"). Voronezh: Voronezh State University, 368 p. ISBN 5-9273-0457-5. EDN QOCYHB.
9. Ermakova, O. P., Zemskaya, E. A. (1993). K postroeniyu tipologii kommunikativnykh neudach (na materiale estestvennogo russkogo dialoga) = Towards Constructing a Typology of Communicative Failures (Based on Natural Russian Dialogue). *The Russian Language in Its Functioning. Communicative-Pragmatic Aspect*, 30–64. Moscow: Center of the Russian Academy of Sciences "Nauka Publishing House", 1993. EDN SIKENV.
10. Zelikova, N. V., Bezrukova, V. V. (2023). Kommunikativnye sboi i neudachi v mezhkul'turnoy kommunikatsii = Communicative failures and failures in intercultural communication. *Foreign languages and modern trends in foreign language education. Proc. of the VII All-Russian scientific-practical conf. (Voronezh, April 21, 2023, Resp. Ed. S. Yu. Kapkova)*, 106–111. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 2023. EDN BKUMBO.
11. Liu Wei Jin (2003). Kategoriya vezhlivosti v russkom i kitayskom obshchenii (vyrazhenie blagodarnosti) = The category of politeness in Russian and Chinese communication (expression of gratitude). *Communicative behavior. Issue 17. Politeness as a communicative category*, 149–158. Voronezh: Istoki. EDN YUCTIM.
12. Lyu, H., Luchinskaya, E. N. (2024). Osobennosti verbal'nogo i neverbal'nogo etiketa v kitayskoy i russkoy lingvokul'turakh = Features of verbal and non-verbal etiquette in Chinese and Russian linguistic cultures. *Bulletin of Adyghe State University. Series 2, Philology and Art Criticism*, 1(332), 61–68. DOI 10.53598/2410-3489-2024-1-332-61-68. EDN ASIJVQ.
13. Nin, Yu., Fedorova, K. I. (2017). Osobennosti obucheniya rechevomu etiketu v kitayskom yazyke = Features of teaching speech etiquette in the Chinese language. *Scientific and methodological electronic journal "Concept"*, T25, 54–55. EDN YIERMJ.
14. Novikova, I. A., Gridunova, M. V. (2011). Mezhhul'turnye razlichiya predstavleniy o neverbal'noy kommunikatsii u rossiyskikh i kitayskikh studentov = Intercultural differences in ideas about non-verbal communication among Russian and Chinese students. *Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Psychology and pedagogy*, 3, 40–45. EDN OCSNNT.
15. Prokhorov, Yu. E. (2003). Natsional'nye sotsiokul'turnye stereotipy rechevogo obshcheniya i ikh rol' v obuchenii russkomu yazyku inostrantsev = National sociocultural stereotypes of speech communication and their role in teaching the Russian language to foreigners. 3rd ed., ster. Moscow: URSS, 224 p. ISBN 5-354-00453-5. EDN QQQRYF.
16. Prokhorov, Yu. E., Sternin, I. A. (2006). Russkie: kommunikativnoe povedenie = Russians: communicative behavior. 2nd ed., rev. and add. Moscow: FLINTA, 326 p. ISBN 5-89349-812-7. EDN QOFSAL.
17. Sadokhin, A. P. (2004). Teoriya i praktika mezhkul'turnoy kommunikatsii = Theory and Practice of Intercultural Communication. Textbook on the discipline "Cultural Studies". Moscow: Yuniti, 271 p. (Cogito ergo sum). ISBN 5-238-00784-1. EDN QTUBSP.
18. Sternin, I. A. (1996). Russkiy rechevoy etiket = Russian speech etiquette. Voronezh: Voronezh regional institute for advanced training and retraining of education workers, 127 p. ISBN 5-87938-094-7.
19. Stupkina, M. V., Nadzhafova, R. V. (2014). Sopostavitel'nyy analiz formul rechevogo etiketa v kitayskom i russkom yazykakh = Comparative Analysis of Speech Etiquette Formulas in the Chinese and Russian Languages. *In the World of Science and Art: Issues of Philology, Art Criticism, and Cultural Studies*, 35, 97–101. EDN SBCRID.
20. Formanovskaya, N. I. (2000). Obrashchenie s tochki zreniya kommunikativno-pragmaticheskogo podkhoda = Address from the Point of View of the Communicative-Pragmatic Approach. *Speech Communication*, 3(11), 83–88. EDN XIXXNV.
21. Formanovskaya, N. I. (2002). Kul'tura obshcheniya i rechevoy etiket = Communication Culture and Speech Etiquette. Moscow: IKAR, 234 p. ISBN 5-7974-0051-0.
22. Formanovskaya, N. I. (2007). Rechevoe vzaimodeystvie: kommunikatsiya i pragmatika = Speech Interaction: Communication and Pragmatics. Moscow: IKAR, 478 p. ISBN 978-5-7974-0141-4. EDN QDWTGF.
23. Jin, Lin (2024). Prichiny kommunikativnykh neudach kitayskikh studentov v ispol'zovanii formul russkogo rechevogo etiketa = Causes of Chinese Students' Communicative Failures in Using Russian Speech Etiquette Formulas. *Science and School*, 1, 258–268. DOI 10.31862/1819-463X-2024-1-258-268. EDN BJEBNQ.

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Политическая лингвистика. 2026. № 2 (116).
Political Linguistics. 2026. No 2 (116).

УДК 811.581'42+81'25+338.48
ББК Ш171.1-51+Ш118+У43

ГРНТИ 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Лю Лифэнь^{1,2,3}, Чэн Хайдун^{2,4}✉

¹ Коммерческий институт Наньго при Гуандунском университете иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу, Китай

² Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу, Китай

³ liulifen1993@163.com, <https://orcid.org/0000-0002-0003-0723>

⁴ Университет Санья, Санья, Китай, chd_eyu@163.com✉, SPIN-код: 4694-2970

Анализ ошибок перевода общественных знаков в рамках туристического дискурса с позиций формирования имиджа Китая

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу лексических ошибок при переводе на русский язык общественных знаков в сфере туризма. Общественный знак в сфере туризма, как один из видов туристического дискурса, играет важную роль в обеспечении информационной функции коммуникации и в правильном формировании у иностранных туристов имиджа о Китае. Актуальность обусловлена растущим спросом на качественный перевод общественных знаков в туристической сфере, что призвано создать более удобную среду для иностранных туристов и сформировать позитивный имидж Китая в туристическом дискурсе. Материалом для исследования послужили фотографии общественных знаков, собранные в туристических районах провинции Хайнань в Китае. В исследовании применяются методы полевого исследования, сопоставительного анализа и анализа ошибок общественных знаков в туристической сфере. Цель работы заключается в системном анализе причин и проявлений лексических ошибок в русском переводе и выявлении тесной связи перевода общественных знаков с формированием национального имиджа Китая. Исследование показывает, что основные типы лексических ошибок перевода на русский язык китайских общественных знаков в сфере туризма включают непонимание значения слова, смешение значений слов, лексическую избыточность, ошибочное использование синонимов или близких по значению слов, ошибки в сочетаемости и др. Эти ошибки не только влияют на точность передачи информации, но и могут производить на туристов из русскоязычных стран негативное впечатление о непрофессионализме и нестандартизированности, тем самым ослабляя позитивное формирование национального имиджа Китая. Новизна исследования состоит в системном анализе лексических ошибок перевода общественных знаков в сфере туризма с позиций продвижения национального имиджа. Языковые услуги в туризме являются не только инструментом передачи информации, но и важным средством демонстрации культуры и формирования национального имиджа. Результаты исследования могут применяться в дальнейшем анализе общественных знаков в туризме, оптимизации языковых услуг в туризме, содействии качественному развитию индустрии туризма, а также в преподавании перевода с китайского на русский язык.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: туризм, туристический дискурс, китайский язык, китайские провинции, имидж Китая, переводоведение, общественные знаки, перевод общественных знаков, национальный имидж, переводческая деятельность, переводческие ошибки, русский язык, русский перевод, межкультурная коммуникация, языковые услуги.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Лю Лифэнь, доктор филологических наук, профессор, Южно-Китайский научно-исследовательский центр семиотики, Коммерческий институт Наньго при Гуандунском университете иностранных языков и международной торговли, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, Китай, г. Гуанчжоу, email: liulifen1993@163.com.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ-КОРРЕСПОНДЕНТЕ: Чэн Хайдун, аспирант филологических наук, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, Китай, г. Гуанчжоу; доцент факультета русского языка, Университет Санья, Санья, Хайнань, Китай, email: chd_eyu@163.com.

БЛАГОДАРНОСТИ. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта научного социального фонда КНР № 22BYY195.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лю, Лифэнь. Анализ ошибок перевода общественных знаков в рамках туристического дискурса с позиций формирования имиджа Китая / Лю Лифэнь, Чэн Хайдун. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 298–307.

Liu Lifan^{1,2,3}, Cheng Haidong^{2,4}✉

¹ South China Semiotics Research Center, South China Business College Guangdong University of Foreign Studies

² Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China

³ liulifen1993@163.com, <https://orcid.org/0000-0002-0003-0723>

⁴ University of Sanya, Sanya, China, chd_eyu@163.com✉, SPIN code:4694-2970

Analysis of Translation Errors of Public Signs within the Framework of Tourism Discourse from the Perspective of Shaping China's Image

© Лю Л., Чэн Х., 2026

ABSTRACT. This article analyzes lexical errors in the translation of public signs in the tourism sector into Russian. As a form of tourism discourse, public signs play a crucial role in facilitating informational communication and shaping international tourists' perception of China's image. The relevance of this study stems from the growing demand for high-quality translations of public signs in tourism, aimed at creating a more convenient environment for foreign tourists and fostering a positive image of China within tourism discourse. The practical research material encompasses photographs of public signs collected by the authors in tourism areas of Hainan Province, China. The study employs the methods of field research, comparative analysis, and analysis of errors in public signage in the tourism sector. The aim of the study is to systemically examine the causes and manifestations of lexical errors in Russian translations and to reveal the close relationship between the translation of public signs and the construction of China's national image. The findings indicate that the main types of lexical errors in Russian translations of Chinese public signs in tourism include misinterpretation of word meanings, confusion of lexical meanings, lexical redundancy, incorrect use of synonyms or near-synonyms, combinability errors, etc. These errors not only compromise the accuracy of information transfer but may also leave Russian-speaking tourists with a negative impression of unprofessionalism and lack of standardization, thereby undermining the positive construction of China's national image. The novelty of this research lies in its systemic analysis of lexical errors in the translation of tourism public signs from the perspective of national image promotion. Language services in tourism are not merely tools for information transfer but also important vehicles for cultural demonstration and national image building. The results of this study can be applied to further research on tourism public signs, optimization of language services in tourism, promotion of high-quality development of tourism industry, as well as in teaching Chinese-to-Russian translation.

KEYWORDS: tourism, tourism discourse, Chinese language, Chinese provinces, image of China, translation studies, public signs, translation of public signs, national image, translation activity, translation errors, Russian language, Russian translation, intercultural communication, language services.

AUTHOR'S INFORMATION: Liu Lifen, Doctor of Philology, Professor of South China Semiotics Research Center, South China Business College Guangdong University of Foreign Studies, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China.

CORRESPONDING AUTHOR'S INFORMATION: Cheng Haidong, Post-Graduate Student in Philology; Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China; Associate Professor of Russian Department at University of Sanya.

ACKNOWLEDGMENTS. The article has been written with financial support of the Social Science Foundation grant of the PRC № 22BYY195.

FOR CITATION: Liu Lifen, Cheng Haidong. (2026). Analysis of Translation Errors of Public Signs within the Framework of Tourism Discourse from the Perspective of Shaping China's Image. In *Political Linguistics*. No 2 (116), pp. 298-307. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Китай является одним из главных направлений выездного туризма для русскоговорящих туристов. Согласно статистике за 2019 год Управления по туризму г. Санья, туристы из русскоязычных стран составили 40 % от общего числа иностранных туристов, что делает их самой многочисленной группой для курортного города Санья [Лю Лифэнь, Пань Иншань 2020: 154]. По статистике за 2024 год, Китай посетило 26,94 миллиона иностранных туристов¹, при этом Хайнань, являясь любимым морским курортом россиян, принял 178,4 тысячи российских туристов. По сравнению с объемами 2023 года — 16 000 туристов из РФ — турпоток вырос более чем в 11 раз.

Рост числа иностранных туристов, особенно русскоговорящих, предоставляет Китаю новые возможности и более широкую аудиторию для продвижения национального имиджа. Причем туристы, которые посещают Китай, являются «специальной аудиторией» национального имиджа — это «активная»

аудитория, которая преодолевает барьеры, созданные национальными средствами массовой информации и стратегиями дискурса своей страны, хочет увидеть Китай своими глазами, что способствует достижению позитивного эффекта в продвижении национального имиджа Китая [Ма Шиюань 2010: 111–112].

Данное исследование посвящено анализу лексических ошибок в общественных знаках (знаках, размещенных в общественных местах) в сфере туризма. Цель исследования заключается в том, чтобы проанализировать типичные типы лексических ошибок в переводе общественных знаков в рамках туристического дискурса Китая и выявить их корреляции с формированием национального имиджа Китая. Актуальность исследования обусловлена тем, что из-за многих лексических ошибок в рамках туристического дискурса, особенно в общественных знаках в сфере туризма, у иностранных граждан часто возникают недоразумения, и это оказывает негативное влияние на национальный имидж Китая за рубежом. Материалом

¹ Китайская академия туризма. Ежегодный отчет о развитии въездного туризма в Китае (2024). Пекин: Издательство «Туристическое образование», 2025. = 中国旅游研究院. 中国入境旅游发展年度报告 (2024) [M]. 北京: 旅游教育出版社, 2025.

для исследования послужили фотографии общественных знаков, собранные в туристических районах провинции Хайнань в Китае. В исследовании используются методы полевого исследования, лингвистического анализа ошибок, базирующегося на лексикологии и семантике, сопоставительного анализа. Комплексное применение исследовательских методов обеспечивает научную обоснованность исследовательского процесса и надежность выводов. Общественный знак в сфере туризма является одним из важных видов туристического дискурса, в котором правильность языкового выражения тесно связана с имиджем страны, поэтому данное исследование имеет важное практическое значение в свете задачи формирования положительного имиджа страны в процессе развития въездного туризма в Китае.

ПОНЯТИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ИМИДЖА И ЕГО СТРУКТУРНЫЙ СОСТАВ

«Имидж» относится к впечатлению, формируемому в сознании людей под совместным воздействием внутренних характеристик и внешних проявлений объекта. Национальный имидж определяется как «впечатление, формирующееся в восприятии аудитории в результате совместного воздействия внутренних характеристик и внешних проявлений страны» [Сюань Чанчунь и др. 2025: 185]. Имидж страны разделяется на внутренний — представления о стране ее граждан, и внешний — представления о стране иностранцев. Имидж страны отличается конструируемостью, представляя собой интерактивный и социально обусловленный результат, который приобретает в процессе длительного и непрерывного взаимодействия с международным сообществом или другими факторами в международной системе [Мэн Сянфэй 2016: 28–29]. В имидже страны выделяются структурные компоненты. Он включает в себя такие элементы, как политическая, экономическая, природная среда, общество, культура, образование, наука и технологии, спорт, вооруженные силы, дипломатия и население. Каждый тип элементов разделен на различные подкатегории, которые, в свою очередь, имеют собственное конкретное воплощение [Лю Цзинань, Хэ Хуэй и др. 2006: 10–11]. Признанный во всем мире специалист по бренд-имиджу государств Саймон Анхольт разработал концепцию национального имиджа под названием «Шестиугольник Ан-

хольта» — схему, которая включает в себя шесть главных элементов: туризм; люди; культура и наследие; экспортные бренды; бизнес и инвестиции; внутренняя и внешняя политика [Anholt 2007: 26]. Субъекты формирования имиджа часто избирательно предоставляют информацию из вышеупомянутых элементов, в результате чего имидж становится совокупностью бесчисленных симулякров, а не всесторонним и объективным. В то же время позитивность или негативность имиджа не полностью контролируется субъектами его формирования, однако национальный имидж сохраняет способность к преобразованию. У Юфу [У Юфу 2009: 5] считает, что воспринимающие субъекты, основываясь на своих культурных традициях, ценностных ориентациях и т. п., сознательно или бессознательно приукрашивают, очерняют или ослабляют имидж страны, формируя предвзятое мнение. Следовательно, государство как субъект формирования имиджа должно активно действовать, осуществляя всестороннее формирование в соответствии с позиционированием и стратегией внедрения национального имиджа [Lee Roy Beach, Mitchell 1987: 201–220], чтобы его действия постепенно вели к достижению целей коммуникации, обеспечивая благоприятное впечатление и оценку со стороны общественности.

РОЛЬ И МЕРЫ ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА В ФОРМИРОВАНИИ ПОЗИТИВНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ИМИДЖА КИТАЯ

Туризм, особенно международный, является каналом и контекстом распространения национального имиджа. По мере проведения политики реформ и открытости, особенно в условиях стремительного развития въездного и выездного туризма, национальный имидж был включен в новый коммуникационный контекст [Ма Шиюань 2010: 1–2]. Для привлечения иностранных туристов к личному знакомству с реальным Китаем Правительство Китая активно принимало комплексные меры по развитию въездного туризма. Для Китая въездной туризм перестал быть лишь составной частью экономической деятельности, превратившись в важную сферу культурного обмена и народной дипломатии, а также в ключевой показатель культурной «мягкой силы» страны и ее международной привлекательности¹. С 2024 года Китай непрерывно оптимизирует различных каналы въезда для иностранцев, же-

¹ Исследовательский институт Синьхуа: «Путешествие по Китаю позволяет миру увидеть более объективный образ страны» = 新华社研究院. 中国游: 让世界认识更加真实的中国 URL: <https://www.news.cn/politics/20241204/5fa4dbcb59d343f3a6f441edd5b7288f/c.html> (дата обращения: 25.09.2025).

лающих посетить страну с туристическими целями. По мере реализации комплексных мер поездка в Китай вызывает у иностранцев всё больше интереса, количество въездных туристов быстро увеличивается, и «Путешествие по Китаю» (China Travel) уже стало популярной темой в зарубежных социальных сетях. По мере того как бум на поездку в Китай (China Travel) набирает обороты, все больше зарубежных блогеров посещают Китай, записывая свои путешествия с помощью камер¹, что стало одним из важных способов демонстрации объективного имиджа Китая и его культурного очарования.

Как комплексная отрасль, индустрия туризма предоставляет услуги в таких сферах, как транспорт, осмотр достопримечательностей, размещение, питание, покупки, культурные развлечения и т. д. В то же время туристическая деятельность сама по себе является процессом распространения культурной информации [Ван Цзе 2003: 53]. Каждая из вышеуказанных туристических сфер несет или передает большой объем информации о стране, а туристы, которые въезжают, являются «ядром» внешней передачи информации, выступая в роли «голографических медиа» («носителей информации») для распространения информации о какой-то стране. В этих «медиа» в качестве носителя используется «человек»: информация о какой-то стране обменивается или передается в процессе перемещения людей, контент может быть всеобъемлющим, причем направление информационного потока не детерминировано строгой иерархией, а зависит от свободного выбора людей в поиске архитектурных и природных красот и счастливой жизни. Туризм является эффективным путем формирования национального имиджа. Он может познакомить людей с реальной страной, позволяя тем государствам, которые сталкивались с критикой, завоевать уважение и понимание от международного сообщества. Конечно, процесс путешествия также может привести к потере существовавших ранее стремлений и идентификации с какой-то страной при испытании опытом этих представлений [Дин Лэй 2009: 115]. Поэтому, помимо упрощения оформления въездных процедур, не менее важной задачей является обеспечение качественных языковых услуг в туризме, продвижение китайской культуры способами, легкими для восприятия и понимания иностранцами, чтобы больше зару-

бежных туристов могло узнать и полюбить китайскую культуру, пополнить впоследствии число «культурных послов», добровольно распространяющих китайскую культуру в своих странах [У Юфу 2009: 12].

Удовлетворение всех потребностей туристов и обеспечение качественного обслуживания являются базовыми требованиями развития туристической отрасли [Лю Цзинань, Хэ Хуэй и др. 2006: 280]. Наряду с различными политическими мерами, касающимися безвизового въезда, более важной мерой содействия туризму и распространению национального имиджа Китая является предоставление высококачественных языковых услуг для въездных туристов. Языковая и неязыковая информация, отображаемая на различных городских вывесках, содержит в себе политические, экономические, культурные данные, воплощает традиции и ценности страны. Для иностранцев в Китае, не владеющих китайским языком, перевод на иностранные языки общественных знаков становится важным требованием, что также может способствовать формированию национального имиджа [Лю Лифэнь, Ян Сяоминь 2025]. Общественные знаки, корректно переведенные на иностранные языки, не только представляют для иностранных туристов практическую ценность, но и способствуют формированию положительного национального имиджа; ошибочные языковые выражения не только затрудняют выполнение информационной функции, но и могут приводить к недопониманию и даже неблагоприятным последствиям, нанося ущерб национальному имиджу.

ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ОШИБОК ТУРИСТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗНАКОВ И ИХ НЕГАТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ НА НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИМИДЖ КИТАЯ

Общественные знаки включают дорожные знаки, рекламные щиты, вывески магазинов, названия организаций и учреждений, лозунги, слоганы, краткие сведения о туристических достопримечательностях, инструкции по использованию продуктов и др. [Лю Лифэнь 2020: 65]. Основная задача размещения различных общественных знаков в туристической сфере — удовлетворение информационных потребностей иностранных туристов. Информационные потребности возникают из объективной необходимости удовлетворения общих потребностей. Психолог А. Маслоу указывает, что у чело-

¹ Жэньминь жибао (зарубежная версия). Всё больше зарубежных блогеров документируют свои «путешествия по Китаю» — они знакомят мир с реальным Китаем (12-я полоса, 17.09.2025) = 人民日报海外版. 越来越多海外博主记录“中国游”——向世界展示真实的中国 (2025年09月17日第12版). URL: https://paper.people.com.cn/rmrbhwb/pc/content/20250917/content_30105512.html (дата обращения: 18.09.2025).

века существует пять основных потребностей: физиологические потребности, потребности в безопасности, социальные потребности, потребности в уважении и признании, а также потребности в самоактуализации. Для удовлетворения этих потребностей необходимо заниматься различными видами деятельности, в ходе которых людям требуется получать разнообразную информацию — так возникают информационные потребности. Информационные потребности не являются неизменными, они определяются взаимосвязанным и взаимовлияющим воздействием трех аспектов: личностных факторов субъекта, социальных факторов и природных факторов. Информационные потребности, в свою очередь, связаны с языком, прежде всего с лексикой. Структура языковой лексической системы делает обрабатываемую в мозгу информацию структурированной, систематизированной и организованной. Иерархическое строение лексики связано с иерархией системы понятий и создает условия для хранения последних в сознании в структурированной, систематизированной и организованной форме [Лэй Юу 1990: 75].

Когда граждане одной страны отправляются в другую страну в командировку, путешествие, на учебу или работу, им необходимы языковые услуги, и язык на вывесках является важной формой таких услуг. Язык на вывесках состоит из лексических единиц, которые по грамматическим правилам образуют целостные высказывания. Ошибочное использование лексических единиц порой позволяет иностранным туристам получить верную информацию, но иногда вводит в заблуждение, а в более серьезных случаях даже приводит к неблагоприятным последствиям, негативно влияя на оценку туристами национального имиджа посещаемой страны.

С точки зрения коммуникативистики и когнитивной психологии при восприятии какого-либо объекта или идеи люди склонны использовать избирательное внимание, т. е. предпочитают воспринимать взгляды и мнения, совпадающие с их собственной системой ценностей или близкие к ней, и отвергать или игнорировать противоположные или несхожие взгляды. В современном обществе, где информация постоянно обновляется, люди всё больше привыкают к когнитивной модели избирательного внимания к информации, передаваемой по медийным каналам, отдавая предпочтение тому, что имеет к ним непосредственное отношение. Туризм — это типичная «экономика внимания». Создание благоприятной туристической среды и разработка качественных продуктов позволяют путешественникам эмоционально откликаться

на процесс познания мира [Дин Лэй 2010: 115]. Чтобы познавать внешний мир, помимо накопленных знаний жизненно необходимо использовать язык как инструмент коммуникации для получения информации. Таким образом, перевод общественных знаков становится основным путем понимания китайской культуры для иностранных туристов, а также способом сфокусировать их внимание на чем-то конкретном. С точки зрения семиотики знаки выражают понятия и смыслы, для правильного понимания которых необходимо учитывать исторический, культурный и социальный контексты. Каждый иностранный турист является носителем определенной культуры [Чжан Хайжун 2005: 40], по этому признаку туристов можно разделить на группы. Каждая группа целевой аудитории по-разному интерпретирует один и тот же знак; аудитория с одинаковым культурным фоном демонстрирует больший резонанс и сильнее идентифицирует себя с отправителем при интерпретации одного и того же знака [Мэн Сянфэй 2017: 48]. Иными словами, только общественные знаки, соответствующие ожиданиям целевой аудитории, могут привлечь ее внимание и быть принятыми. В противном случае размещенные общественные знаки будут проигнорированы или даже отвергнуты, не вызовут резонанса, не сформируют чувства идентичности и даже могут произвести негативное впечатление на туристов. Это требует от переводчиков уместного использования лексики в языке перевода в русскоязычных переводах общественных знаков, учета культуры и языковых выражений, привычных для русскоязычной аудитории.

Как свидетельствуют имеющиеся исследования, качество перевода китайских общественных знаков на иностранные языки остается неудовлетворительным: значительное количество переводческих ошибок наблюдается как в английских, так и в русскоязычных, а также иных иноязычных версиях. На примере перевода на русский язык в собранных языковых материалах можно наблюдать, как неправильное понимание семантики самого китайского слова, а также значений слов в русском языке привело к множественным лексическим ошибкам. Китайский ученый Хан Хай [Хан Хай 1991: 42] считает, что как в устной, так и в письменной коммуникации обе стороны стремятся передать точную информацию и своевременно получить обратную связь, в процессе коммуникации стараются избегать избыточных или бессмысленных выражений, двусмысленности, которые могут вызвать недопонимание при визуальном или слуховом восприятии у другой стороны, и обеспечить бесперебой-

ность коммуникационного канала. Это требует устранения таких языковых недостатков, как грамматическая неправильность, неуместное употребление слов и т. д., строгого соблюдения стандартизированных языковых норм, общих для обеих сторон коммуникации, и достижения стандартизации языка в общественной сфере.

Туристические общественные знаки охватывают множество сфер, включая «питание», «проживание», «транспорт», «экскурсии», «шопинг», «развлечения». Эффективность их перевода на русский язык напрямую связана с языковым имиджем Китая на международной арене и уровнем общественных услуг. Следует строго следовать нормам русского языка и устоявшимся моделям выражений, известным по аналогичным общественным знакам на русском языке. Если переводчик игнорирует внутренние правила русскоязычных общественных знаков, это не только легко приводит к различным лексическим ошибкам в переводе китайских общественных знаков на русский язык, но и может произвести на иностранных туристов впечатление о непрофессионализме, нестандартности туристического сервиса Китая. Ниже будут проанализированы лексические ошибки при переводе туристических общественных знаков на русский язык и установлены причины появления ошибок, а также специально акцентируется, каким образом разобранные ошибки влияют на формирование национального имиджа Китая, т. е. устанавливается корреляция переводческих ошибок с компонентами модели национального имиджа.

Первый тип ошибок — ошибки в понимании значения слова. Неверное понимание значения слова напрямую приводит к потере точности информации и наносит ущерб профессиональному имиджу туристического объекта. Как показано на рисунке 1, «海鲜广场» было дословно переведено как «Площадь морепродуктов». Данный перевод неточно отражает концептуальное значение «广场» (в данном контексте служит для обозначения «просторного места, где сосредоточена продажа морепродуктов»), механически используя существительное «площадь» в значении «городская площадь». Коренная причина этой ошибки перевода состоит в разной семантической эволюции словарных эквивалентов «广场» / «площадь» в китайском и русском языках. В китайской языковой среде в результате эволюции слово «广场» уже вышло за рамки первоначаль-

ного значения «открытое пространство» и широко употребляется как наименование «крупных торговых центров или коммерческих комплексов». Однако в русском языке слово «площадь» не претерпело аналогичного расширения значения и не имеет вторичную семантику «крытый рынок или торговая галерея, где сосредоточена продажа определенных товаров». Непосредственная ассоциация, вызываемая русским словом «площадь», это открытое пространство в городе или деревне. Кроме того, у этого слова есть сильные исторические и культурные коннотации, часто тесно связанные с известными достопримечательностями, имеющими важное историческое, культурное и политическое значение — наиболее ярким примером является «Красная площадь» в Москве. Поиск ассоциаций к слову «площадь» на сайте «КАРТА СЛОВ.РУ» тоже это подтверждает¹. Для русскоязычного туриста, ищущего рынок морепродуктов, такой перевод совершенно не предоставляет ключевой информации о том, что «здесь можно совершать покупки», а, наоборот, из-за своей двусмысленности значительно увеличивает когнитивную нагрузку при понимании. Подобная ошибка в определении денотативного значения ключевой лексики не только вводит иностранных туристов в заблуждение относительно функционального назначения объекта, но и, на более глубоком уровне, свидетельствует о поспешности и непрофессионализме в процессе языковой трансляции. Это посылает международной публике негативный сигнал о недостаточной точности и непрофессионализме в сфере общественных услуг, имеет негативное влияние в процессе формирования имиджа китайского туристического сервиса как дружелюбного, профессионального и удобного.

Второй тип ошибок — ошибки, вызванные смешением значений слов. Ошибки, возникающие из-за смешения значений слов, не только свидетельствуют о недостатках языковой трансляции, но и могут повлиять на точность и эффективность передачи информации. Как показано на рисунке 2, обозначение «(公园) 出入口» (вход/выход (парка)) ошибочно переведено как «экспорт и импорт». С точки зрения информационной функции знаков лингвистического ландшафта, ключевая проблема заключается в искажении понятийного значения лексической единицы. Термин «出入口» в качестве вывески в общественном пространстве обозначает функцию перемещения через физиче-

¹ URL: <https://kartaslov.ru/ассоциации-к-слову/площадь>.

ский проход, относясь к категории конкретного пространства. В то же время приведенный русскоязычный вариант перевода отсылает объявление к сфере экономики и торговли, которая принадлежит к абстрактной коммерческой области. Подобный семантический сдвиг ведет к невыполнению информационной функции вывески.

Третий тип ошибок — лексическая избыточность при переводе. В практике перевода часто встречаются ошибки такого типа, вызванные игнорированием контекстуальной, часто экстралингвистической конкретизации. Как показано на рисунке 3, «景区出口» дословно переведено с включением ошибочного русского эквивалента китайского слова «景区» — «Сценической области». Фактически данная вывеска расположена у выхода из тематического парка «Лухуэтоу» в городе Санья, контекст уже подразумевает пункт отправления, и для точной передачи информации достаточно использования только

лексемы «Выход» [Лю Лифэнь 2025: 171]. Подобные избыточные варианты перевода противоречат принципу экономии языковых средств в русскоязычных общественных знаках и затрудняют быстрое восприятие туристами ключевой информации. В ситуациях, требующих незамедлительного нахождения выхода, увеличение объема текста повышает временные затраты на прочтение и понимание, что, в свою очередь, негативно сказывается на впечатлениях российских туристов от поездки и их общей оценке Китая.

Если анализировать такие ошибки перевода в аспекте туристической безопасности, два вышеуказанных типа ошибок (ошибки в понимании значения слова и ошибки, вызванные смешением значений слов) в общественных знаках в условиях экстренной эвакуации могут привести к задержке времени при поиске туристами укрытия, появлению аварийных ситуаций и возникновению угрозы жизни и здоровью туристов.

Рис. 1

Рис. 2

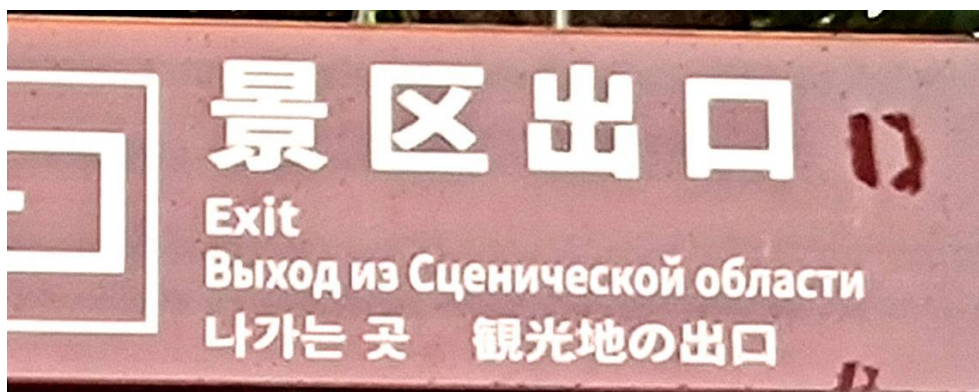

Рис. 3

Рис. 4

Четвертый тип ошибок — ошибочное использование синонимов. Неправильное использование синонимов представляет собой одну из распространенных проблем, негативно влияющих на стандартизацию терминологии в переводе общественных знаков и профессиональный имидж туристического обслуживания. Например, китайское слово «区» в различных контекстах перевода может соответствовать паре синонимов в русском языке: район/зона. При переводе «区» на рисунке 4 необходимо четко выявить семантические различия лексем «район» и «зона»: «район» обычно используется для обозначения административных единиц или макроуровневых, комплексных городских функциональных частей города (например, «торговый район Ванфуцзин в Пекине»), тогда как словоупотребление «зона» подчеркивает статус специализированной территории, созданной для конкретной цели, как правило, меньшего масштаба, на микроуровне.

Бухта Дадунхай — один из самых популярных курортных районов Китая, расположенный на южном берегу тропического острова Хайнань. Часть города, именуемая Дадунхай, сама по себе является крупным действующим районом, поэтому в переводе предпочтительнее использовать слово «район». В то же время внутренняя «зона покупок» внутри туристического района Дадунхай является составной частью этого крупного района — она представляет собой подчиненное, меньшее по масштабу и функционально специфичное подразделение

внутри туристического района. Для обозначения места такого масштаба в русском языке лучше использовать слово «зона». Перевод «Торговый район» на вывеске создает впечатление излишне крупного масштаба, скорее напоминая обозначение обширных территорий типа «торговый район Сидань» на городской карте Пекина, и не подходит для общественных знаков внутри туристического района. Подобные ошибки приводят к искажению передаваемой информации, вызывая у русскоязычной аудитории когнитивный диссонанс и снижая эффективность работы общественных служб. В то же время это свидетельствует о недостаточном внимании к упорядочению терминологии в переводе туристических общественных знаков, что снижает эффективность лингвистического обеспечения в сфере туризма.

Пятый тип ошибок — ошибки лексической сочетаемости. Такие ошибки возникают из-за игнорирования норм словоупотребления целевого языка в процессе перевода. Как показано на рисунке 5, в переводе словосочетания «进口超市» как «импортный супермаркет» видна механическая подстановка слов буквального перевода и полностью игнорируются глубинные закономерности лексической сочетаемости и когнитивной логики языка. Это приводит к искажению смысла исходного выражения, которое может быть ошибочно интерпретировано как «супермаркет, являющийся импортным товаром». В русском языке прилагательное «импортный» обычно семантически сочетается с существительными, обозначающими «продукцию, товары, оборудование» и прак-

Рис. 5

тически не сочетается с лексикой, обозначающей «места». Слово «супермаркет» как существительное, обозначающее коммерческое заведение, в сочетании с «импортный» создает семантическую коллизию, приводящую к когнитивному смещению фреймов (торговая точка vs. характеристика товара). Подобные ошибки сочетаемости сразу вызывают у русскоязычной аудитории представление о крайне низком уровне владения русским языком и сомнения в профессионализме китайских предприятий и услуг. Рекомендуется исправить перевод на «Супермаркет импортных товаров» или использовать простой вариант «Импортные товары». Исправленные варианты не только соответствуют конструкции с несогласованным определением в русском языке, но и точно передают коммерческую информацию, тем самым демонстрируя точность языковой трансляции в сфере туристических услуг Китая.

Выше мы проанализировали пять типичных лексических ошибок при переводе общественных знаков на русский язык в сфере туризма, а также рассмотрели негативное влияние каждого типа ошибок на имидж страны. Подводя итог, можно сказать, что выявленные ошибки перевода тесно коррелируют с такими компонентами имиджа государства, как экономика, культура и образование, а непосредственно связаны с элементом «туризм» в модели Саймона Анхольта. Они серьезно повлияют на туристический образ Китая в международном пространстве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование сосредоточено на проблемах перевода лексики общественных знаков на русский язык в сфере туризма. Тщательный лингвистический анализ позволил выявить пять очевидных типов ошибок перевода на русский язык китайских

туристических общественных знаков, которые проявляются в непонимании значения слов, смешении значений, лексической избыточности, ошибочном использовании синонимов, а также в нарушении сочетаемости. Такие ошибки могут произвести на русскоязычных туристов негативное впечатление о низком уровне владения русским языком и нестандартизированном управлении в туристической отрасли Китая, что, в свою очередь, влияет на формирование национального имиджа Китая.

Возникновение упомянутых переводческих проблем связано как с недостаточным владением у переводчиков нормами русского языка и незнанием культурных особенностей, так и с чрезмерной зависимостью от машинного перевода из-за нехватки опытных специалистов, а также с отсутствием эффективных механизмов проверки и управления качеством перевода. В контексте ускоряющейся интернационализации туризма точный перевод общественных знаков является не только важной гарантией передачи информации, но и основополагающей мерой формирования правдивого, многогранного и целостного имиджа Китая. Лишь уделяя внимание деталям и соблюдая языковые нормы в процессе перевода общественных знаков в туристическом дискурсе, мы можем обеспечить иностранным туристам возможность открывать для себя подлинный, многогранный и всесторонне развивающийся Китай.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ван, Цзе. Об одном особом способе коммуникации — туристической коммуникации / Ван Цзе // Сяньдай чуаньбо. — 2003. — № 1. — С. 53–56. = 王洁.试论一种特殊的传播方式——旅游传播. 现代传播. 2003(1): 53–56.
2. Дин, Лэй. Национальный имидж и его влияние на межгосударственное поведение / Дин Лэй. — Пекин : Издательство «Чжиши чаньцяоань чубаньшэ», 2010. = 丁磊. 国家形象及其对国家间行为的影响[M].北京: 知识产权出版社, 2010.

3. Лэй, Юу. О роли языка в формировании человеческого сознания / Лэй Юу // Вестник Цзянсийского педагогического университета. — 1990. — № 4. — С. 69–76, 9. = 雷友梧. 论语言在人的意识建构中的作用. 江西师范大学学报. 1990(4): 69–76, 9.
4. Лю, Лифэнь. Анализ причин ошибок перевода на русский язык языкового ландшафта / Лю Лифэнь, Пань Иншань // Китайский перевод. — 2020. — № 2. — С. 154–162. = 刘丽芬, 潘盈汕. 语言景观俄译失调因子分析. 中国翻译. 2020(2): 154–162.
5. Лю, Лифэнь. Исследование перевода китайского дискурса — на примере русского перевода «共享X (совместное использование X)» / Лю Лифэнь, Куан Цзеин // Шанхайский перевод. — 2022. — № 5. — С. 65–70. = 刘丽芬, 卞洁莹. 中国话语的俄译研究——以“共享X”为例. 上海翻译. 2022(5): 65–70.
6. Лю, Лифэнь. Исследование норм перевода и составления языкового ландшафта / Лю Лифэнь. — Пекин: Издательство «Кэсюэ чубаньшэ», 2025. = 刘丽芬. 语言景观译写规范研究[M]. 北京: 科学出版社, 2025.
7. Лю, Лифэнь. Перевод языкового ландшафта и формирование имиджа страны / Лю Лифэнь, Ян Сяоминь // Газета Китайской социальной науки. — 2025. — 3 июля. — № 3167. = 刘丽芬, 杨晓敏. 语言景观外译与国家形象建构 [N]. 中国社会科学报, 2025.7.3. 第3167期.
8. Лю, Цзинань. Имидж Китая: текущее состояние и меры противодействия международному распространению национального имиджа Китая / Лю Цзинань, Хэ Хуэй [и др.]. — Пекин: Издательство Китайского университета коммуникаций, 2006. = 刘继南, 何辉等. 中国形象: 中国国家形象的国际传播现状与对策. 北京: 中国传媒大学出版社. 2006.
9. Лю, Цзинань. Китай в зеркале: образ Китая в ведущих мировых СМИ / Лю Цзинань, Хэ Хуэй. — Пекин: Издательство Университета медиа и коммуникаций Китая, 2006. = 刘继南, 何辉. 镜像中国: 世界主流媒体中的中国形象[M]. 北京: 中国传媒大学出版社, 2006.
10. Ма, Шиюань. Исследование национального имиджа в международной туристической коммуникации / Ма Шиюань. — Пекин: Издательство «Гуанмин жибао», 2010. = 马诗远. 国际旅游传播中的国家形象研究[M]. 北京: 光明日报出版社, 2010.
11. Мэн, Сяньфэй. Построение национального имиджа Китая: роль культурных символов в коммуникации / Мэн Сяньфэй. — Пекин: Издательство «Учжоу чуаньбо», 2016. = 蒙象飞. 中国国家形象与文化符号传播[M]. 北京: 五洲传播出版社, 2016.
12. Мэн, Сяньфэй. Роль знаковых медиа в построении дискурсивной системы национального имиджа Китая / Мэн Сяньфэй // Юньнаньские общественные науки. — 2017. — № 5. — С. 44–49, 186. = 蒙象飞. 中国国家形象话语体系建构中的符号媒介考量. 云南社会科学. 2017(5): 44–49, 186.
13. Сюань, Чанчунь. Построение национального имиджа в контексте «Пояса и пути»: логические уровни и теоретическая модель / Сюань Чанчунь, Чжао Цзядун // Фронт общественных наук. — 2025. — № 9. — С. 184–191. = 宣长春, 赵伽东. “一带一路”视域下的国家形象建构: 逻辑层次与理论模型. 社会科学战线. 2025(9): 184–191.
14. У, Юфу. Формирование и распространение национального имиджа Китая / У Юфу. — Шанхай: Издательство Фуданьского университета, 2009. = 吴友富. 中国国家形象的塑造和传播[M]. 上海: 复旦大学出版社, 2009.
15. Хан, Хай. Некоторые проблемы исследования нормативности социального использования языка / Хан Хай // Изучение китайского языка. — 1991. — № 6. — С. 41–44. = 杭海. 社会用语规范研究中的几个问题. 汉语学习. 1991(6): 41–44.
16. Чжан, Хайжун. Туристическая культурология / Чжан Хайжун. — Шанхай: Издательство Фуданьского университета, 2005. = 章海荣. 旅游文化学[M]. 上海: 复旦大学出版, 2005.
17. Lee, R. B. Image theory: Principles, goals, and plans in decision making / Roy Beach Lee, Mitchell Terence R. // Acta Psychologica. — 1987. — Vol. 66, Iss. 3. — P. 201–220.
18. Anholt, S. Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities, and Regions / Simon Anholt. — London: Palgrave Macmillan, 2007. — ISBN 978-1-349-35243-2. — 134 p.

REFERENCES

1. Wang, Jie (2003). On a Special Mode of Communication: Tourism Communication. *Modern Communication*, 1, 53–56. (In Chinese)
2. Ding, Lei (2010). The Impact of National Image on Interstate Behavior. Beijing: Intellectual Property Publishing House. (In Chinese)
3. Lei, Youwu (1990). On the Role of Language in the Construction of Human Consciousness. *Journal of Jiangxi Normal University*, 4, 69–76, 9. (In Chinese)
4. Liu, Lifen, Pan, Yingshan (2020). Analysis of Disordered Factors in Russian Translation of Linguistic Landscapes. *Chinese Translators Journal*, 2, 154–162. (In Chinese)
5. Liu, Lifen, Kuang, Jieying (2022). Research on Russian Translation of Chinese Discourse: A Case Study of “共享X (Sharing X)”. *Shanghai Journal of Translators*, 5, 65–70. (In Chinese)
6. Liu, Lifen (2025). Research on Translation and writing Norms of Linguistic Landscapes. Beijing: Science Press. (In Chinese)
7. Liu, Lifen, Yang, Xiaomin (2025). Foreign Language Translation of Linguistic Landscapes and National Image Construction. *Chinese Social Sciences Today*, 3167. (In Chinese)
8. Liu, Jinan, He, Hui (2006). China's Image: Current Situation and Countermeasures of International Communication of China's National Image. Beijing: Communication University of China Press. (In Chinese)
9. Liu, Jinan, He, Hui (2006). China in the Mirror: The Image of China in the World's Leading Media. Beijing: Communication University of China Press. (In Chinese)
10. Ma, Shiyuan (2010). Research on National Image in International Tourism Communication. Beijing: Guangming Daily Press. (In Chinese)
11. Meng, Xiangfei (2016). China's National Image and the Communication of Cultural Symbols. Beijing: China Intercontinental Press. (In Chinese)
12. Meng, Xiangfei (2017). Considerations of Symbolic Media in Constructing the Discourse System of China's National Image. *Social Sciences in Yunnan*, 5, 44–49, 186. (In Chinese)
13. Xuan, Changchun, Zhao, Jiadong (2025). National Image Construction under the Belt and Road Initiative: Logical Levels and Theoretical Model. *Social Science Front*, 9, 184–191. (In Chinese)
14. Wu, Youfu (2009). The Shaping and Communication of China's National Image. Shanghai: Fudan University Press. (In Chinese)
15. Hang, Hai (1991). Several Issues in the Study of the Standardization of Social Language Use. *Chinese Language Learning*, 6, 41–44. (In Chinese)
16. Zhang, Hairong (2005). Tourism Culturology. Shanghai: Fudan University Press. (In Chinese)
17. Lee Roy Beach, Mitchell Terence R. (1987). Image theory: Principles, goals, and plans in decision making. *Acta Psychologica*, 3, 201–220.
18. Anholt, S. (2007). Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities, and Regions. London: Palgrave Macmillan, 134 p.

Политическая лингвистика. 2026. № 2 (116).
Political Linguistics. 2026. No 2 (116).

УДК 81'42+81'38+81'27

ББК Ш105.51+Ш105.55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Чэнь Сыци^{1,2}

¹ Ляонинский педагогический университет, Далянь, Китай, chenchenfly0901@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-9703-303X>

² Даляньский университет иностранных языков, Далянь, Китай

Фрейм-анализ концепции Китая в дискурсе российских аналитических центров на тему «Поворота на Восток»

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется дискурс Российского совета по международным делам (РСМД) по теме «Поворота на Восток» с целью выявления особенностей концепции Китая. Понятие «концепция Китая» зародилось в рамках китаеведения и получило распространение в исследованиях по международным отношениям, истории, коммуникации, литературе, психологии и другим смежным дисциплинам. Оно охватывает совокупность взглядов, оценок, восприятия, ментальных образов и общего отношения к Китаю. Выстраивается аналитическая модель «тематический фрейм — нарративный фрейм — концептуально-когнитивный фрейм». С использованием методов корпусно-ориентированного дискурсивного анализа и качественного кодирования проводится систематический анализ текстов, связанных с Китаем, за период 2022–2025 гг. Результаты исследования показывают, что образ Китая формируется вокруг трех ключевых дискурсивных тем: «сотрудничество-развитие», «конфликт-переориентация» и «глобальное измерение — интересы». Китай конструируется как глобальный экономический партнер, партнер в сфере политики и безопасности и партнер по перестройке международного порядка. Это отражает ценностный консенсус России и Китая в вопросах «независимого пути развития», «противодействия западной гегемонии» и «многополярности». Данные фреймы служат легитимации стратегических целей «Поворота на Восток», демонстрируя стратегическую осторожность и прагматические соображения России в развитии российско-китайских отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, китайские концепции, российские аналитические центры, фреймы, фрейм-анализ, российско-китайские отношения.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Чэнь Сыци, PhD (филологические науки), старший преподаватель кафедры русского языка, Ляонинский педагогический университет, провинция Ляонин, г. Далянь, Китай; Даляньский университет иностранных языков, провинция Ляонин, г. Далянь, Китай, email: chenchenfly0901@gmail.com.

БЛАГОДАРНОСТИ. Работа выполнена при поддержке научного проекта по теме «Исследование „взгляда на Китай“ в дискурсе российских аналитических центров на тему „Поворот на Восток“», утвержденного Департаментом образования провинции Ляонин, номер проекта: LJ112410172030.

本文系2024年辽宁省教育厅基本科研项目“俄罗斯智库转向东方话语中的中国观研究”（课题编号LJ112410172030）的阶段性成果。

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Чэнь, Сыци. Фрейм-анализ концепции Китая в дискурсе российских аналитических центров на тему «Поворота на Восток» / Чэнь Сыци. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 308-318.

Chen Siqi^{1,2}

¹ Liaoning Normal University, Dalian, China, chenchenfly0901@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-9703-303X>

² Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China

Frame Analysis of the Chinese Concept in the Discourse of Russian Think Tanks on the topic of “Pivot to the East”

ABSTRACT. This article analyzes the discourse of the Russian International Affairs Council (RIAC) on the topic of the “Pivot to the East” in order to identify the specific features of the Chinese concept. The notion of “Chinese concept” was first used in Chinese studies and has spread in research on international relations, history, communication, literature, psychology and other related disciplines. It encompasses a set of views, assessments, perceptions, mental images, and general attitudes toward China. The study constructs an analytical model consisting of “thematic frame — narrative frame — conceptual-cognitive frame”. Using the methods of corpus-oriented discourse analysis and qualitative coding, the author carries out a systematic analysis of China-related texts over the period from 2022 to 2025. The research results show that the image of China is formed around three key discursive themes: “cooperation-development,” “conflict-reorientation,” and “global dimension-interests.” China is constructed as a global economic partner, a partner in politics and security, and a partner in reshaping international order. This reflects the value-based consensus between Russia and China on issues such as “independent development path,” “countering Western hegemony,” and “multipolarity.” These frames serve to legitimize the strategic goals of the “Pivot to the East,” demonstrating Russia’s strategic caution and pragmatic considerations in developing Sino-Russian relations.

KEYWORDS: political discourse, Chinese conceptions, Russian think tanks, frames, frame analysis, Sino-Russian relations.

© Чэнь С., 2026

AUTHOR'S INFORMATION: *Chen Siqi, PhD in Philology, Senior Lecturer, Liaoning Normal University, China, Liaoning Province, Dalian; Dalian University of Foreign Languages, China, Liaoning Province, Dalian.*

ACKNOWLEDGMENTS. The study has been accomplished with financial support of the research project “A Study of the 'View of China' in the Discourse of Russian Think Tanks on the topic of 'Pivot to the East’”, Project No. LJ112410172030.

FOR CITATION: *Chen Siqi. (2026). Frame Analysis of the Chinese Concept in the Discourse of Russian Think Tanks on the topic of “Pivot to the East”. In Political Linguistics. No 2 (116), pp. 308-318. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы концепции Китая в международном дискурсе становятся все более сложными и многогранными, что обуславливает их возрастающую значимость в современных междисциплинарных исследованиях. Понятие «концепция Китая» зародилось в рамках китаеведения и получило распространение в исследованиях по международным отношениям, истории, коммуникации, литературе, психологии и другим смежным дисциплинам. Оно охватывает совокупность взглядов, оценок, восприятия, ментальных образов и общего отношения к Китаю [Чжао Хэньюй 2021]. Аналитические центры, являясь важными носителями доминирующих ценностных ориентаций и идеологических установок в России, представляют собой пространство концентрации интеллектуальной, общественной и политической элиты. Они выполняют посредническую функцию, соединяя экспертное знание с процессами выработки и реализации государственной политики, а также выступают связующим звеном между государством и обществом. На фоне неослабевающей напряженности в отношениях России с Западом после начала украинского кризиса государственные и общественные круги всё более осознают, что опора на незападные новые центры силы, прежде всего на Китай, позволяет преодолеть внешнее давление, восстановить международный статус и сформировать новые траектории развития и дискурсивного пространства. В этой связи углубленное изучение дискурса российских аналитических центров по китайской проблематике в контексте «Поворота на Восток» способствует систематизации представлений России о Китае, а также выявлению стоящих за ними стратегических расчетов и проблем идентичности.

1. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ «КОНЦЕПЦИИ КИТАЯ» В АНАЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРАХ

В настоящее время исследования «концепции Китая» в аналитических центрах характеризуются тенденцией к диверсификации и углублению. Основное внимание уделяется трем ключевым направлениям: вы-

явлению и интерпретации «концепции Китая», анализу механизмов функционирования аналитических центров, а также оценке их влияния на процессы формирования государственной политики.

В измерении выявления и интерпретации «концепции Китая» исследователи широко применяют методы библиометрического анализа, контент-анализа, тематического анализа и дискурсивного анализа, что позволяет системно обобщить результаты исследований. Например, Mahesar, Bing и Rogers [Mahesar, Bing, Rogers 2019], опираясь на конструктивистский подход в теории международных отношений, на основе анализа первичных материалов и проведения глубинных интервью выявили особенности восприятия Китая в пакистанских аналитических центрах. Юй Фан [Юй Фан 2019], используя метод текстового анализа, изучила позиции и установки немецких аналитических центров по китайской проблематике, обобщив основные выводы о «китайском подъеме» и международной роли Китая. Чжао Хэньюй [Чжао Хэньюй 2021], применяя методы библиометрического и качественного текстового анализа, осуществил сравнительное исследование подходов к изучению Китая в трех ведущих европейских аналитических центрах. Кроме того, в рамках отдельных тематических направлений, таких как «китайский подъем», международная роль Китая, социальные проблемы и региональное сотрудничество, также проводятся углубленные исследования. В совокупности данные исследования не только демонстрируют многообразие «концепции Китая» в аналитических центрах, но и раскрывают стоящую за ними академическую логику и ценностные ориентации.

Второе направление исследований связано с анализом механизмов функционирования аналитических центров, выявлением полного цикла формирования, презентации, распространения и закрепления концептуальных установок. Сунь Цзиньсинь [Сунь Цзиньсинь 2012], Цзя Минь [Цзя Минь 2015] и другие авторы обобщили стратегии и подходы западных аналитических центров к созданию и распространению «концепции Китая», подчеркнув ключевую роль экспертных команд.

Параллельно исследователи уделяют внимание тому, каким образом продукты аналитических центров влияют на процесс выработки государственных решений. Так, J. Nye [Nye 2002] отмечает, что постановка повестки дня и способность влиять на предпочтения других являются важными преимуществами аналитических центров; S. Tim [Tim 2019] проанализировал участие британских аналитических центров в политических дебатах по вопросам Южно-Китайского моря; Шэнь Цзиньцзянь [Шэнь Цзиньцзянь 2016], опираясь на эмпирический анализ, выделил 11 основных путей влияния аналитических центров на правительственные решения, включая рекомендации президенту, публикации, выступления, конференции, механизм «вращающейся двери», подготовку законодательных инициатив, консультации, интервью, сетевые коммуникации и личные связи. Эти исследования не только углубляют понимание механизмов работы аналитических центров, но и создают прочную основу для оценки реальной роли аналитических центров в разработке национальной политики, демонстрируя значимость аналитических центров в политическом процессе.

По сравнению с другими странами, исследования «концепции Китая» в российских аналитических центрах уже накопили определенный материал, однако в целом по-прежнему сохраняется дефицит системных и теоретически обоснованных аналитических моделей. Существующие работы в основном сосредоточены на анализе отдельных высказываний политического руководства или медиадискурса, тогда как дискурсивные практики аналитических центров и механизмы формирования когнитивных и ценностных установок остаются недостаточно изученными. В связи с этим анализ дискурса российских аналитических центров в контексте стратегии «Поворота на Восток» приобретает особую научную и практическую значимость.

2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ФРЕЙМ-АНАЛИЗУ «КОНЦЕПЦИИ КИТАЯ»

С точки зрения своего исходного значения, «концепция Китая» может быть понята как совокупность установок, оценок и восприятий Китая, формирующихся от поверхностного образа к более глубоким ценностным ориентациям. В рамках данного исследования «концепция Китая» рассматриваются как образные, позиционные и концептуальные конструкции, формируемые в процессе производства и распространения дискурсивного знания российскими аналитическими центрами.

На международном интеллектуальном рынке дискурсивное производство знаний, создаваемое аналитическими центрами, является не только важным источником информации для государственных решений, но и одним из наиболее чувствительных факторов формирования международного имиджа и общественной оценки других стран. Знания определяют действия, а действия порождают новые знания [Ху Фаньчжу и др., 2021]. Однако знание, оказывающее влияние на значимые политические решения, как правило, не носит фрагментарного характера, а структурируется в определенные «фреймы». Под «фреймом» понимается «единая организационная структура знания по определенной тематике либо схематическое представление опыта» [Fillmore 1985]. Исходя из этого, в данном исследовании предложена трехкомпонентная аналитическая схема фреймов восприятия Китая в дискурсе аналитических центров: тематический фрейм, нарративный фрейм и концептуально-когнитивный фрейм.

«Тематический фрейм» направлен на выявление ключевых тем и повестки исследования Китая в дискурсе «Поворота на Восток» российских аналитических центров. Анализируется, какие темы формируются в дискурсе и получают приоритет. Для этого применяется метод корпусно-ориентированного дискурсивного анализа, позволяющий обобщить результаты исследований по китайской проблематике и выделить основные направления.

«Нарративный фрейм» в основном ориентирован на анализ логики дискурсивного повествования и процессов смыслового конструирования. С опорой на определение фрейма, предложенное Робертом Энтманом [Entman 1993], и с использованием программного обеспечения для качественного анализа текстов, материалы кодируются по четырем аналитическим параметрам: «определение проблемы», «диагностика причин», «моральная оценка» и «предлагаемые решения». На основе анализа ключевых высокочастотных лексем и значимых выражений обобщаются позиции и установки аналитических центров по вопросам, связанным с Китаем, а также выявляются практические эффекты и конструктивные функции различных нарративных фреймов.

«Концептуально-когнитивный фрейм» сосредоточен на анализе ролевых представлений, ценностных ориентаций и интерпретаций стратегических целей, конструируемых в дискурсе аналитических центров. В рамках данного измерения осуществляется систематизация образов Китая, представленных в

различных тематических и нарративных контекстах, а также их интерпретаций в связи с целеполаганием стратегии «Поворота на Восток». Это позволяет выявить стоящие за соответствующим дискурсом властные интенции и реальные мотивационные факторы.

3. АНАЛИЗ «КОНЦЕПЦИИ КИТАЯ» В ДИСКУРСЕ РОССИЙСКОГО СОВЕТА ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ

Для систематического исследования того, как представлено производство знаний о Китае в контексте темы «Поворота на Восток» в материалах Российского совета по международным делам, в первую очередь необходимо определить ключевые слова для сбора данных, включая «Поворот на Восток» и «Китай». Учитывая множественность вариантов выражения «Поворот на Восток» в русском языке, в данном исследовании были установлены следующие поисковые термины: «поворот/разворот на восток», «поворот/разворот к востоку», «поворот/разворот России на восток», «поворот/разворот России к востоку», «восточный вектор/поворот/разворот». С использованием технологии веб-скрейпинга был осуществлен многоэтапный и максимально полный сбор данных, что позволило учесть семантическую вариативность выражения «Поворот на Восток» в русскоязычном контексте.

Временные рамки исследования ограничены периодом после начала специальной военной операции, то есть 2022–2025 гг. После этого был проведен ручной анализ и фильтрация данных с целью исключения материалов, которые, несмотря на наличие ключевых слов, фактически не были релевантны основной теме — формированию представлений о Китае в контексте «Поворота на Восток». В результате был сформиро-

ван закрытый корпус, включающий 35 190 токенов и 218 722 знака. Все тексты обладают высокой исследовательской ценностью и репрезентативностью, что создаёт надёжную основу для последующего углубленного анализа.

3.1. Анализ тематического фрейма

В рамках данного фрейма применяется корпусно-ориентированный дискурсивный анализ, позволяющий выявить тематические предпочтения аналитических центров на основе ключевых слов. В исследовании используется программное обеспечение «KN Coder», с помощью которого посредством анализа сетей совместной встречаемости визуализируются потенциальные связи между тематическими единицами и наглядно представляется сеть со-встречаемости ключевых слов (см. рис. 1).

Как показано на рисунке, на основе исходного корпуса было выделено шесть групп ключевых тематических единиц, связанных с китайской проблематикой. В соответствии с кластерным распределением и содержанием узловых слов тематический фрейм может быть структурирован с выделением трех основных направлений.

Первое направление — тема «сотрудничество — развитие», включающая зеленый кластер (мир, политический, пекин, экономический, мир, политический, пекин, экономический), синий кластер (число, партнер, государство, азия, проблема, развитие, сотрудничество, вопрос, российский-китайский, взаимодействие) и красный кластер (число, связь, страна, важный, отношение, развитие, сотрудничество, вопрос, российский-китайский, взаимодействие). Данная группа преимущественно отражает динамику двусторонних отношений, логику сотрудничества и актуальные проблемы взаимодействия Китая и России в рамках стратегии «Поворота на Восток».

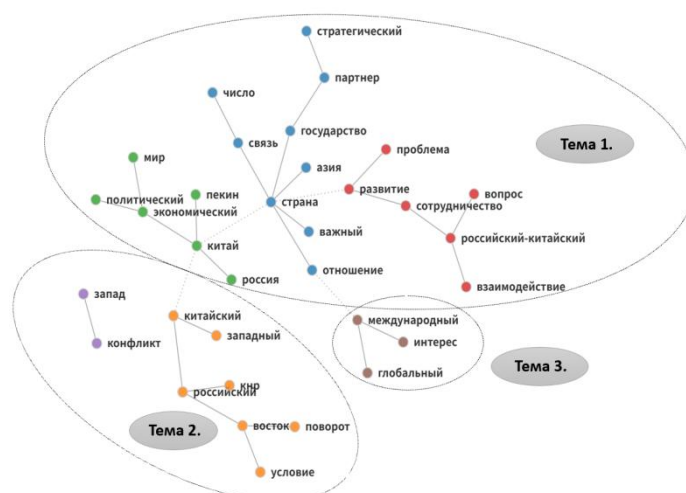

Рис. 1. Сеть со-встречаемости ключевых слов в дискурсе о Китае

Второе направление — тема «конфликт — переориентация», охватывающая фиолетовый кластер (Запад, конфликт) и оранжевый кластер (китайский, западный, КНР, российский, Восток, поворот, условие). Оно главным образом связано со стратегическим смещением России от западнцентричной модели развития и поиском альтернативных опорных партнеров среди незападных стран, прежде всего в лице Китая.

Третье направление — тема «глобальное измерение — интересы», представленная коричневым кластером (международный, интерес, глобальный). Данный тематический блок отражает вопросы перестройки глобального порядка и формирования консенсуса интересов между Китаем и Россией в контексте «Поворота на Восток».

3.2. Анализ нарративного фрейма

Американский исследователь Роберт М. Энтман отмечает, что функции фрейминга применительно к любой общественной проблеме могут быть сведены к четырем основным аспектам: 1) определение проблемы (define problems), то есть выявление ее сущности, социальных издержек и потенциальных выгод; 2) диагностика причин (diagnose causes), направленная на установление источников и механизмов возникновения проблемы; 3) формирование моральной оценки (make moral judgment), предполагающее интерпретацию последствий проблемы в контексте доминирующих ценностей и норм общества; 4) предложение решений (suggest remedies), включающее разработку мер и прогноз их эффективности [Entman 1993].

В настоящем исследовании с использованием программного обеспечения MAXQDA корпус дискурсивных материалов был закодирован в соответствии с тремя тематическими направлениями: «сотрудничество — развитие», «конфликт — переориентация» и «глобальное измерение — интересы». Анализ результатов кодирования показывает,

что в условиях всестороннего давления со стороны Запада и трансформации глобального порядка на официальном уровне в России «Поворот на Восток» в целом рассматривается как сознательный выбор национальной стратегии развития, как долгосрочная ориентация на стратегическую диверсификацию. Сотрудничество с незападными странами во главе с Китаем интерпретируется как необходимое условие обеспечения национального выживания, развития суверенной автономии и получения права участия в формировании будущего мирового порядка. В то же время дискурс аналитических центров, не отрицая в целом официальную позитивную интерпретацию, фокусируется на выявлении потенциальных рисков и ограничений, а также на выработке конкретных, зачастую критически ориентированных рекомендаций. Нарративные фреймы в различных тематических направлениях демонстрируют различную степень акцентации проблем и способов их интерпретации.

3.2.1. Тема «сотрудничество и развитие»

Результаты тематического кластерного анализа показывают, что дискурс в рамках темы «сотрудничество и развитие» в основном сосредоточен на динамике развития российско-китайских отношений, логике двустороннего сотрудничества и существующих практических трудностях. На основе кодирования и обобщающего анализа соответствующего корпуса с использованием программного обеспечения MAXQDA было выявлено, что дискурс аналитических центров в рамках данной темы формирует нарративный фрейм, в основе которого лежат четыре ключевых субсюжета: «риски зависимости», «переплетение выгод и угроз», «сосуществование конкуренции и сотрудничества» и «самоусиление и взаимное развитие». Основные высокочастотные лексические единицы и ключевые выражения данного фрейма представлены в таблице 1.

Таблица 1. Высокочастотные лексические единицы и ключевые выражения темы «сотрудничество и развитие»

Измерения фрейма	Высокочастотные лексические единицы и ключевые выражения
1. Определение проблемы — «риски зависимости»	торговый дисбаланс; асимметричная зависимость; импорт растет быстрее экспорта; сырьевой придаток; торговая асимметрия; позитивное сальдо упало вдвое; низкий уровень инвестиций; нехватка экспертизы; буксует; привязка к юаню; навязывание стандартов; зависимость велика; разрыв между центром и регионами; китайские технологии опережают российские; экономическая зависимость велика...

Измерения фрейма	Высокочастотные лексические единицы и ключевые выражения
2. Диагностика причин — «переплетение выгод и угроз»	железный занавес; санкционное давление; закрытие западных рынков; ухудшение отношений с Западом; резкий рост конфликтного потенциала; боязнь вторичных санкций; Китай крайне аккуратно; снижать зависимость от традиционных энергоресурсов; нет чёткой формулировки; бюрократический механизм; отдача в короткие сроки; часть сырьевой политики; энергетический переход; совпадение / близость позиций; собственные интересы; экономики взаимно дополняют друг друга; близость или совпадение позиций; гибко и эффективно реагировать на вызовы; самостоятельность; подлинный суверенитет...
3. Моральная оценка — «сосуществование конкуренции и сотрудничества»	жёсткая ценовая политика; скупать местный бизнес; китайская агрессия; не вечная дружба, а совпадение интересов; устойчивые отношения; зрелый и стабильный характер; беспрецедентно высокий уровень; стратегические партнеры; дружба без границ; важный союзник; взаимодействие глубже альянса; спина к спине, рука об руку; выступают за многополярный мир; новые творцы современной политики; на общих ценностях; отказаться от логики «холодной войны»; формирование полицентричного миропорядка; созвучны российским подходам; позитивный отклик мирового большинства...
4. Предложение решений — «самоусиление и взаимное развитие»	диверсифицировать экспорт/импорт; стать полноценной евразийской страной; приоритет продовольствия; переход на уровень высокой технологичности; отказ от примитивной модели «купить-продать»; заманивать, объяснить, создать условия; состыковать / сопряжение / сшивать пространство; расширять логистическую инфраструктуру; углублять практическую кооперацию во всех областях; расчёты в национальных валютах; разрабатывать национальные стандарты; изучать языки и культуру; готовить специалистов; наращивать кооперацию по линии многосторонних механизмов; ЕАЭС; АСЕАН; ШОС; БРИКС; выйти в Азию (технологии, культура); узнавать Азию / гуманитарное взаимодействие; диверсификация связей; уважать выбор пути развития; сопряжение...

Дискурс, признавая устойчивый рост макроуровневого торгово-экономического сотрудничества между двумя сторонами, одновременно выявляет глубинные структурные ограничения двусторонних отношений, связанные с «рисками зависимости». Посредством акцентирования таких ключевых проблем, как дисбаланс торговой структуры, технологическая зависимость, недостаточный уровень инвестиций в российскую экономику и ограниченный потенциал экономического роста, формируется кризисный нарратив. Согласно ему, Россия в процессе «Поворота на Восток» может столкнуться с риском превращения в «сырьевой придаток» и формирования значительной зависимости от Китая в финансовой сфере, высоких технологиях, стабильности цепочек поставок и региональной автономии развития.

В этой интерпретации дискурс устанавливает причинную связь, которая проявляется как «переплетение выгод и угроз». Тесное сотрудничество между Китаем и Россией, а также стратегический поворот России на Восток интерпретируются не только как вынужденная реакция на разрыв отношений с Западом, но и как результат рационального стратегического выбора, основанного на соображениях энергетической безопасности, рыночных рисков и национальных интересов обеих сторон.

На основе диагностики причин дискурс формирует прагматичную модель «сосуществования конкуренции и сотрудничества» в измерении моральной оценки. С одной стороны, посредством таких выражений, как «дружба без границ» и «глубже альянса», позитивно конструируется стратегическая

ценность и уникальность российско-китайских отношений, подчеркивается их «легитимность», «зрелость» и наличие «общей ценностной основы». С другой стороны, в рамках прикладного политико-экономического анализа критикуется «жесткая ценовая политика» Китая и предупреждается о его тенденциях к коммерческой экспансии. В основе данной нарративной логики лежит отказ от иллюзий «вечной дружбы» в пользу трезвого понимания сотрудничества как формы согласования интересов.

В конечном итоге дискурс ориентируется на решения «самоусиления и взаимного развития», предполагая формирование долгосрочного подхода к взаимодействию с Китаем и другими партнерами, сочетающего углубление сотрудничества с защитой собственных интересов. Особое внимание уделяется укреплению национального инноваци-

онного потенциала, оптимизации структуры взаимодействия и снижению рисков внешней зависимости с целью повышения субъектности и инициативности России в системе двусторонних отношений.

3.2.2. Тема «конфликт и переориентация»

Тема «конфликт и переориентация» в основном посвящена стратегическому развороту России в сторону от западоцентризма и замещения западных партнеров другими государствами. В соответствующем дискурсе аналитических центров формируется нарративный фрейм, основанный на четырех ключевых субсюжетах: «угроза конфронтации», «внутренние и внешние ограничения», «консенсус по сотрудничеству» и «внутренняя и внешняя реконструкция». Основные высокочастотные лексемы и ключевые выражения представлены в таблице 2.

Таблица 2. Высокочастотные лексические единицы и ключевые выражения темы «конфликт и переориентация»

Измерения фрейма	Высокочастотные лексические единицы и ключевые выражения
1. Определение проблемы — «угроза конфронтации»	игнорирование интересов (Западом); агрессивное расширение НАТО; однополярный мир; гегемония и диктат; нарушение верховенства закона; «железный занавес»; конфронтация с Западом; новые «санкционные» проблемы; вторичные санкции...; Американское «наступление»; расширение военных союзов у границ; злоупотребляют... в политических целях (санкции)...
2. Диагностика причин — «внутренние и внешние препятствия»	инерция вестернизации; недоверие к Китаю (сохраняется); принадлежат к различным цивилизациям; китаеведов... меньше, чем требуется; дефицитный товар; сложность китайского дискурса; российско-китайские нестыковки; асимметрия экономических потенциалов(в пользу КНР); не может полностью заместить Запад; инфраструктура не справляется; инвестиционная активность не возросла...
3. Моральная оценка — «консенсус по сотрудничеству»	стабильный и надежный элемент; доверительные отношения между лидерами; стратегическое взаимодействие стимулирует; заполняли ниши (после ухода Запада); взаимодействие великих держав «нового типа»; дружба... никогда не станет враждой; более продвинутая форма; инклюзивная глобализация; не носит политического характера; полностью сохраняет... стратегическое партнерство; избавиться от... провинциализма (позитивная цель); отношения более глубокие и тесные, чем альянс; взаимодействие великих держав «нового типа»; общая модель «Россия — Китай»...
4. Предложение решений — «внутренняя и внешняя реконструкция»	«вертикаль власти»; импортозамещение; «сшивание» территорий; Сибирь как мегарегион; развенчание негативных установок/преодоление стереотипов; углубление взаимопонимания; диверсификация торговли; формирование многосторонних институтов; «новое мышление»/гармонизация диалога; общая система финансового клиринга; ШОС; БРИКС; сформировать новую архитектуру мировой безопасности; объединить усилия (ЕАЭС и «Пояс и путь»); совместное развитие СМП; «поворот на Восток»...

Прежде всего, в дискурсе современные отношения России с Западом интерпретируются как фундаментальная проблема и кризис — «угроза конфронтации». Посредством таких формулировок, как *агрессивное расширение НАТО, злоупотребление санкциями и новый железный занавес*, конструируется образ радикального ухудшения внешней среды. В этих условиях «Поворот на Восток» переосмысливается не как добровольный стратегический выбор, а как вынужденная и практически безальтернативная оборонительная реакция на нарастающее давление со стороны Запада, что придает ускоренному продвижению данной стратегии дополнительную легитимность.

После обоснования необходимости разворота дискурс аналитических центров диагностирует причины замедленного продвижения данной политики, определяя их как «внутренние и внешние препятствия». Внутренние препятствия связаны с долгосрочной инерцией вестернизации, дефицитом профессиональных кадров, общественным недоверием к Китаю, а также серьезным отставанием инфраструктуры на Дальнем Востоке. Внешние ограничения, в свою очередь, концентрируются вокруг объективной асимметрии потенциалов Китая и России и прагматичной позиции Пекина, заключающейся в том, что Китай не может и не стремится полностью заменить Запад.

Для преодоления данных ограничений и формирования устойчивых рамок долгосрочного сотрудничества дискурс акцентирует внимание на выстраивании «консенсуса по сотрудничеству» в российско-китайских отношениях. Осознанно дистанцируясь от традиционного понятия «альянса», ассоциируемого с логикой холодной войны и ограничением суверенитета, аналитические центры продвигают концепцию «отношений глубже альянса», а также апеллируют к идее «взаимодействия нового типа», выдвигаемой китайской стороной. Это позволяет снизить

внешние подозрения в отношении стратегического партнерства двух стран и одновременно занять более выгодную морально-нормативную позицию в международном дискурсе.

В отношении предлагаемых решений центральное место занимает идея «внутренней и внешней реконструкции». Во внутреннем измерении она предполагает укрепление «вертикали власти» для координации развития, продвижение политики импортозамещения, а также формирование ориентации на «восточный центризм» с целью интеграции национального пространства и идентичности.

Во внешнем измерении повестка фокусируется на институциональном строительстве, включая создание независимых финансовых расчетных механизмов, углубление сопряжения ЕАЭС с ИПП, а также превращение ШОС и БРИКС в ключевые опоры «нового типа сотрудничества». Цель заключается не просто в «развороте», а в системном преобразовании основ национального развития России и евразийской геоэкономической архитектуры через внутренние и внешние взаимодействия, что должно обеспечить ее суверенитет и влияние в постзападную эпоху.

3.2.3. Тема «глобальное измерение и интересы»

Тема «глобальное измерение и интересы» сосредоточена на проблематике перестройки глобальной цивилизационной и институциональной архитектуры, а также на формировании консенсуса интересов между Китаем и Россией. В рамках данной тематики дискурс аналитических центров формирует нарративный фрейм, включающий такие ключевые подкатегории, как «кризис мирового порядка», «субъектная конкуренция», «ценностное противостояние» и «стратегическая автономия». Основные высокочастотные лексические единицы и ключевые выражения представлены в таблице 3.

Таблица 3. Высокочастотные лексические единицы и ключевые выражения темы «глобальное измерение и интересы»

Измерения фрейма	Высокочастотные лексические единицы и ключевые выражения
1. Определение проблемы — «кризис мирового порядка»	мир не вернётся к былому состоянию; порядок закончился / осыпается; глобализация неприемлема / перестраивается; разрыв / закрытие границ; санкционное давление; политика пожирает экономическую логику; попрощались (с идеалистической глобализацией); прежняя система не возрождаема в прежнем виде...

Измерения фрейма	Высокочастотные лексические единицы и ключевые выражения
2. Диагностика причин — «субъектная конкуренция»	Запад / США (как инициатор санкций); политизация экономических связей; жёсткий конфликт с Западом; санкционное давление; Западный взгляд исходит из конфликта; искажения знания / инерция истории; традиции школьной программы; санкции легко вводить, но трудно отменять; зафиксирован законодательно; обращены против нас...
3. Моральная оценка — «ценностное противостояние»	Западный взгляд (исходит из конфликта); созидательное разрушение; западоцентризм контрпродуктивен; навязывать идеологию; вытереть ноги о резолюцию; Китайская парадигма (гармония, общая судьба); методология решения проблем; никто не будет учить; отношения глубже альянса...
4. Предложение решений — «стратегическая автономия»	поворот на Восток; освоить направление / диверсификация; создать прочную основу на Востоке; развивать компетенции (для работы с незападными партнёрами); свои заделы (технологические, промышленные); изучать языки, культуру, законы; угол зрения должен смениться / осознать себя частью Евразии; БРИКС, АТЭС, ЕАЭС, ОДКБ (альтернативные институты); избегать экзальтации, сохранять хладнокровие...

Дискурс изначально конструирует объективную проблему «кризис глобального порядка». Посредством глаголов совершенного вида, таких как «попрощались» (попрощаться), «закончился» (закончиться) и «осыпается» (осыпаться), либеральный международный порядок, сложившийся после холодной войны вокруг экономической глобализации и западных институтов, характеризуется как завершившийся и необратимый исторический этап.

Причина заключается в том, что различные национальные субъекты вступают в острое соперничество для защиты и переформатирования собственных интересов. Особое внимание уделяется роли России как «преследуемого субъекта» («санкционное давление», «закрытие границ», «политика поглощает экономику») и роли Запада, особенно США, в качестве «субъекта-агрессора» и «нарушителя правил» («крупнейший инициатор санкций», «попирание резолюций ООН»). Таким образом, сложное международное взаимодействие сводится к ясному конфронтационному нарративу «мы — они».

По измерению моральной оценки, подчеркивая наступательный характер политики Запада и вынужденный характер ответных действий России, дискурс легитимирует стратегическую корректировку внешнеполитического курса как оборонительную меру,

направленную на защиту ключевых национальных интересов. Конкуренция интересов интерпретируется не только в материально-экономическом измерении, но и в плоскости цивилизационного противостояния между Востоком и Западом: западной «конфликтной парадигмой» и незападной «гармонической парадигмой», в центре которой находится Китай.

В конечном счете дискурс привязывает национальные интересы и возможные пути развития России к достижению всеобъемлющей «стратегической автономии». Речь идет не только о геοэкономическом «повороте на Восток», но и о глубокой трансформации внутреннего сознания и институционального потенциала. Ее ядром становится преодоление евроцентрической зависимости и переход к евразийской идентичности, формирование диверсифицированной и независимой внешней политики.

3.3. Концептуально-когнитивный фрейм

Анализ дискурсивного корпуса российских аналитических центров показывает, что их «концепции Китая» отличаются стратегической направленностью, многоуровневостью и диалектичностью. Китай в данном дискурсе не сводится к упрощенным категориям «союзник» или «соперник», а конструируется в виде иерархически организованной и взаимосвязанной системы когнитивных

Рис. 2. Концептуально-когнитивный фрейм

установок, формируемых в различных тематических контекстах. Данный фрейм органично интегрирует три измерения: рольевое восприятие, ценностное восприятие и восприятие стратегических целей, которые в совокупности обеспечивают интерпретацию и легитимацию государственной стратегии «Поворота на Восток» (см. рис. 2).

В рамках темы «сотрудничество и развитие» Китай конструируется как глобальный экономический партнер, сочетающий взаимодополняемость и потенциальные риски. Дискурс, признавая Китай «наиболее реалистичной альтернативой рынка» и «партнером взаимовыгодного сотрудничества», одновременно систематически указывает на угрозу формирования зависимости от Китая. Это отражает прагматический подход и осознание рисков в рамках экономического взаимодействия.

В рамках темы «конфликт и переориентация» Китай представлен как «внеблоковый, но надежный» партнер в сфере политики и безопасности. В условиях западного давления он рассматривается как «долгосрочный надежный партнер» и «опора безопасности» России, при этом его внутривнутриполитическая модель и потенциал в продвижении международных инициатив вызывают значительный интерес и являются предметом изучения.

В рамках темы «глобальное измерение и интересы» Китай предстает в качестве ключевого партнера России в процессе реконфигурации глобального порядка. Сближение ценностных установок проявляется в совместной поддержке принципов многополярности, суверенного равенства и незападноцентричного дискурса. В противостоянии западной дискурсивной гегемонии и продвижении трансформации международной системы формируется устойчивый консенсус. В то же

время аналитические центры подчеркивают различия в исторических традициях, культурном ядре и моделях управления, призывая сохранять цивилизационную автономию и избегать чрезмерной идеализации двусторонних отношений.

Указанные векторы рольевого восприятия опираются на соответствующие пункты ценностного восприятия. Принцип «независимого пути развития» обеспечивает идейную основу для минимизации рисков в экономическом сотрудничестве; «противодействие западной гегемонии» укрепляет нормативно-моральные основания безопасности сотрудничества; принципы «многополярности» и «суверенного равенства» формируют нормативный фундамент совместного участия в перестройке глобального порядка. В совокупности они образуют системный ответ на западно-либеральный нарратив и обеспечивают ценностную легитимацию стратегии «Поворота на Восток».

Все эти уровни восприятия в конечном итоге служат осмыслению и объяснению стратегических целей России в рамках «Поворота на Восток». В краткосрочной цели она направлена на смягчение санкционного давления и стабилизацию экономики; в среднесрочной — на обеспечение стратегической автономии и укрепление ключевых суверенных интересов; в долгосрочной — на участие в формировании нового международного порядка и продвижение модели многополярного глобального управления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Entman, R. M. Framing: toward clarification of a fractured paradigm / R. M. Entman // Journal of Communication. — 1993. — Vol. 43, No. 4. — P. 51–58. — EDN HIJMFH.
2. Fillmore, C. J. Frames and the semantics of understanding / C. J. Fillmore // Quaderni di Semantica. — 1985. — Vol. 6, Iss. 2. — P. 222–254.

3. Mahesar, P. A. Nexuses between knowledge and policy: China studies in Pakistani think tanks / P. A. Mahesar, N. C. Bing, R. A. Rogers // *Jebat: Malaysian Journal of History, Politics & Strategic Studies*. — 2019. — Vol. 46, № 1. — P. 196–224. — ISSN 2180-0251.
4. Nye, J. S. The paradox of American power: Why the world's only superpower can't go it alone / Joseph S. Nye Jr. — Oxford : Oxford University Press, 2002. — 240 p. — ISBN 9780198034360.
5. Tim, S. The UK's China policy under U.S.—China strategic rivalry: The Impact of Think Tank Research / S. Tim // *China Quarterly of International Strategic Studies*. — 2019. Vol. 5, Iss. 2. — DOI 10.1142/S2377740019500106.
6. Жун, Тин. Исследование особенностей производственной деятельности и методов распространения информации аналитических центров США по проблемам Южно-Китайского моря: пример Института Брукинса / Жун Тин, Юй Цяньцзянь // *Новые медиа и общество*. — 2018. — № 1. — С. 156–171.
7. Лю, Ган. Понимание российскими аналитическими центрами участия Китая в арктических делах и предлагаемые ими контрмеры с 2018 года / Лю Ган // *Журнал разведки*. — 2024. — № 1. — С. 1–8.
8. Лю, Ин. Исследования социальных проблем Китая, проведенные американскими аналитическими центрами в последние годы / Лю Ин, Вэй Лэй // *American Studies*. — 2016. — Т. 30, № 6. — С. 121–132.
9. Сунь, Цзинсинь. Основные практики и значение западных аналитических центров в формировании «взглядов на Китай» / Сунь Цзинсинь // *Внешние коммуникации*. — 2012. — № 7. — С. 55–57.
10. Цзя, Минь. Причины колебаний во «взгляде на Китай» американских аналитических центров и контрмеры / Цзя Минь // *Внешние коммуникации*. — 2015. — № 7. — С. 24–25.
11. Чжан, Хунцянь. Эпидемический дискурс глобальных аналитических центров на фоне шума: рамочный анализ на основе доклада Института Брукинса / Чжан Хунцянь, Лэн Чжилин, Чжао Шипянь // *Журнал Восточно-Китайского педагогического университета. Философия и социальные науки*. — 2022. — Т. 54, № 2. — С. 119–129.
12. Чжан, Хунцянь. «Саммит демократий» и стратегия администрации Байдена в отношении Китая: рамочный анализ, основанный на рассуждениях о политике в Брукинском институте / Чжан Хунцянь // *Социальные науки*. — 2021. — № 7. — С. 22–34.
13. Чжао, Хэньюй. Исследование «китайской перспективы» европейских аналитических центров: всесторонний сравнительный анализ на основе исследовательских отчетов трех крупнейших европейских аналитических центров / Чжао Хэньюй // *Журнал разведки*. — 2021. — Т. 40, № 1. — С. 111–119.
14. Ху, Фаньчжу. Концептуальная реконструкция и выбор действий информационного управления в профилактике и борьбе с крупными эпидемиями: аналитическая структура, основанная на перспективе «культурного управления» / Ху Фаньчжу, Чжан Хунцянь, Чжоу Пин // *Культурные и художественные исследования*. — 2021. — Т. 14, № 1. — С. 1–12, 111.
15. Шэнь, Цзиньцзянь. Формирование, деятельность и влияние американских аналитических центров / Шэнь Цзиньцзянь // *Оценка китайской социальной науки*. — 2016. — № 2. — С. 13–37.
16. Юй, Фан. Текущая ситуация, проблемы и просвещение в исследованиях Китая, проводимых немецкими аналитическими центрами (2005–2018) / Юй Фан // *Зарубежные общественные науки*. — 2019. — № 4. — С. 88–97.

REFERENCES

1. Entman, R. M. (1993). Framing: Toward clarification of a fractured paradigm. *Journal of Communication*, 43(4), 51–58. EDN HIJMFJ.
2. Fillmore, C. J. (1985). Frames and the semantics of understanding. *Quaderni di Semantica*, 6(2), 222–254.
3. Mahesar, P. A., Bing, N. C., Rogers, R. A. (2019). Nexuses between knowledge and policy: China studies in Pakistani think tanks. *Fakulti Sains Sosial dan Kemanusiaan, Universiti Kebangsaan Malaysia*, 1, 196–224. ISSN 2180-0251.
4. Nye, J. S. (2002). The paradox of American power: Why the world's only superpower can't go it alone. Oxford University Press. ISBN 9780198034360.
5. Tim, S. (2019). The UK's China policy under U.S.—China strategic rivalry. *China Quarterly of International Strategic Studies*, 5(2). DOI 10.1142/S2377740019500106.
6. Rong, Ting, Yu, Qianqian. (2018). Study on production features and modes of transmission on the South China Sea issue in American think tanks: Taking the Brookings Institution as an example. *New Media and Society*, 1, 156–171.
7. Liu, Gang. (2024). Perceptions of Chinese participation in Arctic affairs by Russian think tanks since 2018 and their proposed countermeasures. *Journal of Intelligence*, 1, 1–8.
8. Liu, Ying, Wei, Lei. (2016). Research on China's social issues in American think tanks. *American Studies*, 30(6), 121–132.
9. Sun, Jingxin. (2012). Main practices of Western think tanks in constructing the “China view” and their implications. *International Communication*, 7, 55–57.
10. Jia, Min. (2015). Causes of fluctuation in American think tanks’ “China view” and countermeasures. *International Communication*, 7, 24–25.
11. Zhang, Hongqian, Leng, Zhilin, Zhao, Shipian. (2022). Global think tanks’ discourses on the pandemic in the midst of a cacophony: A framing analysis based on Brookings reports. *Journal of East China Normal University (Philosophy and Social Sciences)*, 54(2), 119–129.
12. Zhang, Hongqian (2021). The “Summit for Democracy” and the Biden administration’s China strategy: A framing analysis based on Brookings policy reports. *Social Sciences*, 7, 22–34.
13. Zhao, Hengyu (2021). Research on European think tanks’ “China view”: A comparative analysis based on reports from three major European think tanks. *Journal of Intelligence*, 40(1), 111–119.
14. Hu, Fanzhu, Zhang, Hongqian, Zhou, Ping (2021). Conceptual reconstruction and action choices of information governance in major epidemic prevention and control: An analytical framework from the perspective of “cultural governance.” *Cultural and Art Studies*, 14(1), 1–12+111.
15. Shen, Jinjian (2016). The formation, operation and influence of think tanks in the U.S.A. *Chinese Social Sciences Review*, 2, 13–37.
- Yu, Fang (2019). The status quo, problems, and implications of German think tanks’ research on China (2005–2018). *Foreign Social Sciences*, 4, 88–97.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.

5. В рубрике «Зарубежный опыт» публикуются как современные исследования зарубежных коллег в области политической лингвистики, так и впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.

7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

Основная специальность:

5.9. — Филология

Научные направления:

5.9.5. «Русский язык. Языки народов России» (филологические науки)

5.9.6. «Языки народов зарубежных стран» (филологические науки)

5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика» (филологические науки)

5.9.9. «Медиакоммуникации и журналистика» (филологические науки)

Издательство: ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

Адрес редакции: 620091, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 285

Главный редактор: доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич

Email: ap_chudinov@mail.ru

Заместители главного редактора: доктор филологических наук, профессор Эдуард Владимирович Будаев,

доктор филологических наук, профессор Наталья Борисовна Руженцева.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации **ПИ №ФС 77-76161** от 8.07.2019

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера **ISSN 1999-2629** от 14.05.2008

Включен в в Объединенный каталог «Пресса России». Индекс 81955.

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049.

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.
- Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ Р 7.0.100.-2018 (см. образец). **В список литературы не включаются:** архивные документы и данные; сайты организаций, блоги, ссылки на социальные сети и под.; ГОСТ, стандарты, законы и законодательные акты, кодексы и иные нормативные документы, а также диссертации и авторефераты. Подобные материалы оформляются в виде подстрочной ссылки в тексте статьи.
- После основного списка литературы располагается список (References) с переводом русскоязычных источников на английский язык. Для транслитерации русского текста в латиницу рекомендуем использовать сайт <https://translit.net/>, вариант BGN Board of Geographic Names. При оформлении References следует придерживаться APA стиля (American Psychological Association Style).
- Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 точек/дюйм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):
 - Фамилия, имя, отчество автора полностью.
 - Ученая степень, звание, должность.
 - Полное и точное место работы автора.
 - Подразделение организации.
 - Открытые идентификаторы автора и исследователя — ORCID ID (для получения необходима регистрация на сайте <https://orcid.org/>), SPIN-код (при наличии, оформляется на сайте elibrary.ru).
 - Контактная информация (email, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).
2. Название статьи.
3. Аннотация (объемом 200 слов, или 2000 знаков с пробелами).
4. Ключевые слова (5–10 слов).
5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р 7.0.100—2018. Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно, Т. В. К логике социальных наук / Т. В. Адорно // Вопросы философии. — 1992. — № 10. — С. 76—86.

Crawford, P. J. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works / P. J. Crawford, T. P. Barrett. — DOI 10.1300/ J120v27n58 08 // The Reference Librarian. — 1997. — Vol. 3. — № 58. — P. 75—85.

Корнилов, В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве/отсосе / В. И. Корнилов // Теплофизика и аэромеханика. — 2006. — Т. 13. — № 3. — С. 369—385.

Кузнецов, А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы / А. Ю. Кузнецов // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. — Москва : Научный мир, 2003. — С. 340—342.

МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Тарасова, В. И. Политическая история Латинской Америки : учеб. для вузов / В. И. Тарасова. — 2-е изд. — Москва : Проспект, 2006. — 412 с.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. С. Ф. Мартыновича ; Сарат. гос. ун-т. — Саратов : Издательство Саратовского университета, 1999. — 199 с.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы : сб. ст. Первой межрегион. конф / [редкол.: д-р ист. наук А. Е. Леонтьев (отв. ред.) и др.]. — Ярославль : Ярославский музей-заповедник : Музей-заповедник «Рост. Кремль», 2003. — 350 с.

Марьинских, Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) / Д. М. Марьинских // Экология ландшафта и планирование землепользования : тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. — С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Лэтчфорд, Е. У. С Белой армией в Сибири / Е. У. Лэтчфорд ; пер.: В. Крупник // Восточный фронт армии адмирала А. В. Колчака : сайт. — URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

Цена свободная

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
2026. ВЫПУСК 2 (116)**

Адрес редакции:

620091, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, каб. 285.

Адрес учредителя:

620091, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет

Адрес издателя:

620091, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет

Для детей старше 16 лет.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76161 от 8.07.2019.

Подписано в печать 28.04.2026. Формат 60x84/8.

Дата выхода в свет: 30.04.2026.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Уч.-изд. л. — 37,4. Усл. печ. л. — 37,4. Тираж 500 экз. Заказ 5601.

Оригинал-макет отпечатан в издательском отделе

Уральского государственного педагогического университета

620091, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

Email: uspu@uspu.ru